

ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ

РУССКІЙ АРХИВЪ

1913

10

стр.

447. О путешествіи на Сахалинъ и въ Японію **Ивана Ивановича Федорова**.

483. Изъ летописныхъ сказаній XVII и XVIII вѣковъ. Статья **М. Марины**.

489. Царицы и царевны изъ **Дома Романовыхъ**. Статья **А. Иконниковой**.

504. Мои воспоминанія или событія въ моей жизни. Записки **М. Леонтьева**.
Часть II.

566. Изъ начальной исторіи скончества. Статья **Н. Г. Высоцнаго**.

579. Къ исторіи полицейской реформы. Статья **П. Юдина**.

598. Всеподданнѣйшее прошеніе ополчанъ Нижегородской губерніи 1856
года. Сообщ. **Безсмертнымъ**.

Внутри обложки. О книгахъ: **Н. К. Нозмина** «Н. П. Надеждинъ»;
Б. В. Глинскаго «Революціонный періодъ русской исторіи»; **А. И. Успенскаго**
«Царскіе иконописцы и живописцы XVII в.»; **Бар. А. И. Дельвига** «Мои воспоминанія»;
Н. П. Розанова «Московскій митрополитъ Платонъ»; **А. И. Успенскаго** «Столбы
бывшаго Архива Оружейной Палаты».

МОСКВА

Синодальная Типографія

1913

Н. К. КОЗМИНЪ. Николай Ивановичъ Надеждинъ. Жизнь и научно-литературная дѣятельность. 1804-1836. Спб. 1912.

Авторъ даетъ очеркъ первой половины жизни и дѣятельности замѣчательнаго и забытаго совѣмъ незаслуженно русскаго ученаго и писателя, искренняго патріота, сознательнаго націоналиста, учителя Бѣлинскаго и К. С. Аксакова, друга Погодина и С. Т. Аксакова. Останавливаясь подробно на его біографіи, онъ еще подробнѣе останавливается на его сочиненіяхъ и лекціяхъ, приводя значительныя извлеченія изъ тѣхъ которыя не были напечатаны и которыми ему первому удалось воспользоваться. Тщательность работы, богатство содержанія, обиліе неизвѣстныхъ данныхъ дѣлають книгу г. Козмина безусловно цѣннымъ приобритеніемъ русской исторической литературы. Можно пожалѣть объ одномъ—объ отсутствіи портрета Надеждина. Какъ извѣстно, отличный портретъ Надеждина приблизительно того времени, какимъ заканчиваетъ г. Козминъ свое изслѣдованіе, былъ изданъ во 2-мъ томѣ сборника Смирдина „Сто русскихъ литераторовъ,“ и переизданіе его не потребовало бы отъ автора ни особыхъ хлопотъ, ни большихъ расходовъ. С.

В. В. ГЛИНСКІЙ **Революціонный періодъ русской исторіи (1861-1881 гг.).** Историческіе очерки. Двѣ части. Изданіе Т-ва А. С. Суворина „Новое Время“. 1913. Ц. 5 р. 50 к.

Авторъ взялъ на себя трудъ изложить исторію социалистскихъ заговоровъ, покушеній, и убійствъ съ 1861 по 1881 г. и исполнилъ его по-своему успѣшно. Его очерки—добросовѣстно написанная компиляція. Но только компиляція. Онъ воспользовался обще-

доступными матеріалами-документами въ родѣ обвинительныхъ актовъ и судебныхъ приговоровъ, подпольными листками и прокламаціями, воспоминаніями современникомъ и т. п., сдѣлалъ сводъ, иногда излишне обстоятельный, прибавилъ рядъ портретовъ и такимъ образомъ составилъ два тома, по 500 страницъ въ каждомъ. Отсутствіе критическаго отношенія къ источникамъ—полное. Въ виду этого очерки г. Глинскаго читаются далеко не съ такимъ интересомъ, какого заслуживаетъ исторія революціоннаго броженія съ царевубійствомъ 1 Марта включительно. Изданы они прекрасно. С.

А. И. УСПЕНСКІЙ. **Царскіе иконописцы и живописцы XVII вѣка.** М. 1913.

Обширный трудъ г. Успенскаго, изданный Моск. Археологическимъ Институтомъ и представляющій какъ-бы введеніе къ „Словарю“ царскихъ художниковъ XVII в. того же автора (М. 1910), даетъ съ одной стороны многочисленныя извлеченія изъ документовъ Архива Имп. Двора, съ другой—описаніе нѣкоторыхъ работъ, выполненныхъ этими художниками. Историкъ русскаго быта найдетъ въ немъ для себя полезный матеріалъ. Помѣщенные г. Успенскимъ снимки съ миниатюръ русскихъ рукописей по большей части не имѣють отношенія къ царскимъ художникамъ, и неясно, зачѣмъ они находятся въ этомъ его трудѣ. Б. П.

БАРОНЪ А. И. ДЕЛЬВИГЪ. **Мои воспоминанія.** Изданіе Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ. Четыре тома. М. 1913.

Сынъ нѣмецкаго барона и русской княжны, родившійся въ 1813 и умершій въ 1887 году, авторъ „Воспоминаній“ родился, выросъ и провелъ всю жизнь русскимъ и его дѣятельность принесла, несомнѣнно, боль-

О путешествіи на Сахалинъ и въ Японію Ивана Ивановича Водорова

Сія книга написана рукою маіора Ивана Ивановича Водорова о его пребываніи въ Петропавловской крѣпости, путешествіи въ Японію и жительствѣ съ полкомъ въ Камчаткѣ.

Камчатка, 28-го Сентября 1805 года.

Милостивый Государь!

Извините мнѣ смѣлость, которую беру, написавъ Вамъ вкратцѣ нашъ походъ въ Сахалинъ. Вамъ извѣстно, что мы снялись ночью послѣ вечеринки. Мы видѣли два дня еще позже того входъ Петропавловской гавани, и позже онъ уже скрылся. Потомъ шли по большой благополучнымъ вѣтромъ; но имѣли жестокіе туманы, пока прошли между 11 и 12 Курильскимъ островомъ, гдѣ уже стало чище, и всѣ были обрадованы, увидѣвъ нѣсколько дней спустя мысъ Раелжи; но скоро сія радость прекратилась и нашель уже густой туманъ съ крѣпкимъ вѣтромъ, который насъ заставиль удалиться отъ берега. Съ этихъ поръ иногда мы только могли подходить къ берегу, ибо проястившееся небо сейчасъ опять скрывалось. И такъ мы, можно сказать, бродили около восточной части Сахалина, пока 27 Юля увидѣли сѣверный мысъ его, и на другой день губу, со многими домами; капитанъ не хотѣлъ терять времени, и послалъ только яликъ съ лейтенантомъ Левешпрномъ, чтобъ узнать такой народъ и объ имени острова и губы. Мы были такъ близко, что могли видѣть съ корабля множество сидящихъ жителей, и передъ ними трое въ шелковомъ платкѣ, которые безпрестанно махали мѣхами; лишь только нашъ яликъ присталь, то одинъ изъ нихъ началъ . . . . . и показывали они охоту промѣнять намъ свои мѣха, но такъ какъ ихъ было слишкомъ 40 человекъ, и всякій съ большимъ ножомъ, то для всякій предосторожности нашъ яликъ возвратился, и мы въ то же время снялись съ

дрейфу и ушли. Долго мы опять ходили вдоль берега и 1-го Августа находились уже, какъ думалъ капитанъ, у Амура, по крайней мѣрѣ, стало мелко и вода была прѣсна, да ужъ видѣнъ былъ татарскій берегъ, хотѣли испытаніе предоставить для другого дня, но теченіе насъ ночью отнесло на 20 миль слишкомъ, и мы находились близъ губы, въ которой бросили якорь. Съ людьми на берегъ (сойда), мы увидѣли деревню, и не болѣе 10 человекъ насъ встрѣчающихъ; всякій былъ въ собачьей ....., кромѣ одного, который имѣлъ на себѣ шелковый кафтанъ. Послѣ они намъ показывали много хорошихъ ножей, такъ и стрѣлъ, что все доказывало ихъ торгъ съ китайцами. Въ дома не хотѣли совсѣмъ пускаться, и всѣ двери были заклепаны. Мы видѣли нарты, что доказывало, что они ѣздятъ на собакахъ, также было видно много копченой юкулы. Нашимъ неведомъ мы наловили столько рыбы, что большую часть посолили, а свѣжаго всему кораблю было на четыре дня.

Запасшись тоже тѣми, которыхъ у насъ не было, мы снялись съ якоря, не пошли у сихъ глупыхъ жителей узнать объ имени сего острова. Вѣтеръ былъ благополученъ, но вдругъ въ одно утро матросы на бакѣ закричали: „берегъ!“ вахтенный лейтенантъ сейчасъ разсмотрѣлъ, и какъ стало разсвѣтать, то мы находились въ одной милѣ отъ высокаго каменнаго пика, въ полдень узнали, что это былъ Іонъ.

Послѣ сего скоро мы отъ него удалились и 14 Августа прошли во второмъ Курильскомъ проливѣ; а послѣ сего по причинѣ противныхъ вѣтровъ, бросили 17 Августа въ третій разъ въ Петропавловской гавани якорь.

Извините меня, Иванъ Ивановичъ, ежели что въ разсужденіи всѣхъ правилъ писанія пропущено.

Всѣмъ было прискорбно, что вы остались въ Нижнемъ, и поздравляю васъ съ комѣданствомъ въ Гежигѣ. Никто не вѣдалъ, что я къ вамъ пишу кромѣ брата, доктора и Гарнера, которые меня просили вамъ кланяться.

Записки путешествія моего изъ Нижне-Камчатки до Гежигинской крѣпости; юговосточнымъ берегомъ Сѣвернаго океана, или по Камчатски именуемомъ Укинскимъ трактомъ.

Ноября 28 ч.—Отправясь изъ Нижне-Камчатска въ первомъ часу пополудни прибыли въ первой Камчатскій острогъ, называемый Камаки, въ 8-мъ часовъ,—сорокъ четыре версты разстоянія проѣхали-бъ гораздо скорѣе; если бъ не были причиной выступившая сверхъ

льда вода и замерзшая очень гладко наледь, по скользкости которой собаки бѣжали съ великимъ трудомъ.—Острожекъ Камаки лежитъ на берегу рѣки Камчатки, продовольствуетъ себя рыбой, а въ лѣтнее время промысляетъ въ великомъ множествѣ въ близлежащихъ озерахъ дикихъ гусей и утокъ. Впрочемъ—зима доставляетъ имъ обыкновенный звѣриный промыселъ соболей и лисицъ; жителей во всемъ острожкѣ 16 человѣкъ; которые въ образѣ жизни болѣе слѣдуютъ русскимъ нежели камчадаламъ.—Во многіе прежніе мои проѣзды до сего острожка въ зимнее время всегда терпѣлъ сильную пургу на половинѣ дороги (въ щеляхъ, по здѣшнему называемыхъ). Это есть по обоимъ берегамъ рѣки Камчатки утесистыя горы, изъ ущелинъ коихъ при маломъ вѣтрѣ всегда дѣлается довольно крѣпкая пурга, то есть по русски вьюга или ураганъ. Всего мѣста верстъ на десять—но нерѣдко принуждаетъ проѣзжихъ ночевать на срединѣ щелей въ прежде бывшемъ Щеповскомъ острожкѣ, жители коего въ послѣднее повѣтріе все померли, и нынѣ только видны одни признаки.—При выѣздѣ изъ щелей чистый горизонтъ въ прелестномъ видѣ представилъ взору моему величественность огнедышащей Ключевской Сопки, которая съ полгода времени перестала горѣть пламенно; а только временемъ бывасть изверженіе;—дышать же довольно часто.

29 ч.—Въ 8-мь часовъ утра отправились изъ Камаковъ, позавтракавши изрядной дичиной; прибыли въ каменной острогъ въ 11-ть часовъ, 22 версты по хорошей дорогѣ, добрые кони Камчатки перевезли въ три часа.—Острожекъ Каменный лежитъ на берегу рѣки Камчатки, жителей въ немъ 12 человѣкъ; промыселъ имѣютъ таковой же, какъ и въ Камакѣ, пообѣдавши въ семь острожкѣ и распростившись, съ провожавшимъ меня любезнымъ другомъ Дмитріемъ Ивановичемъ Кошелевымъ, отбыли въ 11-ть часовъ въ Харчинъ, куда доѣхали въ половинѣ четвертаго часа пополудни;—33 версты, большею частію по озерамъ, не заняли много времени въ дорогѣ.—Харчинскій острожекъ лежитъ на берегу рѣки Егловки и преимуществуетъ лучшими гольцами по всей Камчаткѣ; впрочемъ, 8-мь человѣкъ камчадаловъ содержатъ себя обыкновеннымъ ихъ промысломъ. Напившись чаю и переѣнвивъ своихъ собакъ, пустились въ 6-ть часовъ въ Еловскій острожекъ, куда прибыли, проѣхавъ 57-мь верстъ въ самую полночь—Еловской острожекъ лежитъ при рѣкѣ Еловки, жителей имѣетъ 16-ть душъ, содержитъ себя обыкновеннымъ промысломъ.—Переночевавъ, утромъ нашелъ прибывшаго сюда слѣдующаго къ батальону изъ Тигильской крѣпости подпоручика Пазухина съ женою.—Утромъ въ 7-мь часовъ отправился въ свой путь.

30 ч.—Проѣзжая тундренныя мѣста, на половинѣ дороги застала насъ изрядная пурга отчего были въ пути 12-ть часовъ; на 73-верстномъ разстояніи; и прибыли въ Озерный острожекъ. Сей лежитъ при рѣкѣ Озерной; жителей въ немъ 4-е человѣка,—и живутъ не въ избахъ, а въ юртахъ (родъ землянокъ).

Новый ночлеги показались для насъ, по претерпѣннѣ крѣпкой пурги, изряднымъ. Но въ самомъ дѣлѣ онъ того не заслуживаетъ.—Здѣсь мы ѣли дикую оленину.

Декабрь 1-е ч. Переночевавъ, пустились въ Укинской острожекъ куда прибыли въ 3-и часа пополудни; и по случаю разгона собакъ остановились почевать.—Острогъ Укинской лежитъ на берегу рѣки Уки, имѣетъ въ себя жителей всѣхъ три человѣка, которые могутъ нести всѣ тягости ихъ обременяющіе;—считается до сего острожка отъ Озернаго 33 версты; но по часамъ я замѣтилъ, что должно быть около 50-и версть.

Декабрь 2-го ч.—Утромъ отправились въ Халюли, и, проѣхавъ 57-мь версть достигли Острожка, который лежитъ въ двухъ верстахъ отъ моря, при рѣкѣ Халюли; имѣетъ въ себѣ жителей 13-ь душъ: а строенія двѣ юрты. Здѣсь я нашелъ человѣка моего, отправленнаго изъ Нижне-камчатска съ 22-го Ноября съ моимъ экипажемъ на собственныхъ собакахъ; здѣсь мы дневали.—Халюлинской таюнь, принялъ меня весьма вѣжливо и напоследокъ его семьи женщины, тотъ часъ по приѣздѣ моемъ одѣлись въ лучшее свое платье, и старались по ихъ обыкновенію угощать всѣмъ изящнымъ, то есть морожеными ягодами, голубицей, брусникой и морошкой.

3 ч. Утромъ отправились къ Ивашинскому острожку, куда и прибыли, проѣхавъ 59-ть версть, въ часъ пополудни;—Ивашинской острожекъ лежитъ при рѣкѣ Ивашкѣ, разстояніемъ отъ моря въ 10-и верстахъ:—жителей въ немъ 6-ть человѣкъ, каюрныхъ (то есть, которые могутъ ѣздить подводчиками).

Ивашинской таюнь казался мнѣ по своему смѣшному разговору пьянымъ; а на повѣрку вышло, что онъ предъ нашимъ прибытіемъ наѣлся мухоморовъ, которые на нихъ сильнѣе водки дѣйствуютъ. Ввечеру представилъ намъ двухъ своихъ дочерей и одного сына, одѣтыхъ въ самое лучшее платье и нѣсколькихъ пѣвицъ, которыя начали пѣть національную ихъ пѣсню, „бахае, бахи“, а двѣ дочери и

сынъ пустились плясать и такъ долго коверкались, что вышли изъ памяти, что доказательно тѣмъ, что, когда пѣвицы кончили свою пѣсню: плясуны все продолжали съ прикрикомъ странное свое коверканье. Напослѣдокъ, выбившись изъ силъ, лежа на боку, упали то жъ.—Я сжалившись надъ бѣдными сказалъ ужъ таюну, чтобъ онъ приказалъ ихъ успокоить!

4-го ч. Утромъ отправились въ свой путь и, проѣхавъ 29-ть верстъ, прибыли въ острожекъ Дранкинскій, который лежитъ при рѣкѣ Юмгинской, разстояніемъ отъ моря въ десяти верстахъ, жителей имѣеть 11 человекъ. живутъ все въ 3-хъ юртахъ, и говорятъ языкомъ, смѣшаннымъ съ каремскимъ, а не природнымъ своимъ;—здѣсь въ первый разъ я увидѣлъ кочующихъ межъ Ивашкой и Дранки каремъ. По прїѣздѣ моемъ они немедленно прибыли въ Дранку на оленяхъ, запряженныхъ по два въ санку; ѣзда на нихъ гораздо посиѣшнѣе собачьей—только чаще должно останавливаться для кормовъ.

5-е ч. Въ 9-ь часовъ пополуночи отбыли изъ Дранки и, перѣхавъ 57-ь верстъ подлѣ самаго моря, прибыли въ три часа пополудни въ Карагизскій острогъ; который лежитъ при рѣкѣ Карая, разстояніемъ отъ моря въ 5-ти верстахъ; жителей въ немъ 17 камчадалъ, которые больше похожи образомъ жизни на каремъ. Мужчины и женщины мало носятъ рубахъ,—а по большей части имѣютъ одежду, сдѣланную изъ оленьихъ кожъ.

6-го и 7-го. Жестокая пурга принудила насъ здѣсь прожить два дня; и какъ я зналъ, что болѣе не будетъ намъ частыхъ селеній; потому и старался запастись здѣсь на недѣлю какъ для людей пищей, равно и собакъ кормомъ; одинъ камчадалъ доставилъ мнѣ оленя, за коего заплатилъ ему фунтъ табаку, и онъ чрезвычайно тѣмъ былъ доволенъ.

8-го ч. По прекращеніи пурги отправились въ дорогу, и проѣхавъ 40 верстъ, остановились ночевать въ пустой юртѣ, гдѣ прежде былъ Тамлатинскій острогъ; одинъ житель сего строенія предъ нашимъ прибытіемъ перебрался жилищемъ на зимовье, лежавшее гораздо далѣе отъ моря.—Проѣздъ нашъ изъ Кареги былъ весьма труденъ, по причинѣ глубокаго брода. Почти всю дорогу каюрчики наши шли пѣшіе на лапкахъ, кои здѣсь употребляются вмѣсто лыжъ, и близъ самой Тамлатинской юрты очень долго спускали съ прекрутой горы; камчадалы, выпрягнувши нашихъ собакъ, принуждены были спускаться сани на своихъ плечахъ.

9-е ч.—Здѣсь снова застигла насъ жестокая пурга и принудила жить въ пустой юртѣ, гдѣ, обогрѣваясь, принуждены были воду для пищи и питья таять изъ снѣга: по причинѣ той, что въ рѣкѣ Татлатѣ оная въ пищу не годилась. Ибо по близости моря она мало разнствовала отъ морской.

10-е ч. По прекращеніи пурги съ половины дня пустились въ дорогу и такъ какъ мы ужъ заготовленнаго для собакъ корму издержали немалую часть, то и не надѣялись съ онымъ доѣхать въ Пусторѣцкѣ, то есть настоящій нашъ трактъ; а рѣшили ѣхать Укинскимъ берегомъ чрезъ Сидялихъ, Карякѣ, называемомъ Ветвейскимъ трактомъ. Хотя сія дорога и считается гораздо далѣе Пусторѣцкаго тракта, но она надежнѣе Кармалки и безопаснѣе отъ пурги.

Проѣхавши, примѣрно, верстѣ 30-ть, мы ночевали въ пустомъ мѣстѣ, гдѣ едва могли выискать дровъ для приготовленія себѣ пищи.

11-го ч. Утромъ очень рано оставили неприятный ночлегъ.— Ѣхавши цѣлый день и половину ночи самыми чистыми мѣстами, безъ малѣйшихъ слѣдовъ дороги, едва не растеряли своихъ товарищей; наконецъ достигли Илпискаго острога. Слѣдующій со мной въ Гежигинскую роту поручикъ Фалтинъ, отставши отъ насъ въ семь пути, едва на другой день отыскалъ послѣдній сей камчадалскій острогъ; темная ночь и самыя чистыя мѣста, признаюсь, наводили на меня немалое сомнѣніе!

12-го ч. Собравши здѣсь свой обозъ, остались почевать въ ежегодной—и предымной юртѣ.

13-го ч. Теперь отправляемся мы къ новымъ знакомымъ въ первый острогъ Сидялихъ и . . . . называемой Колягинскѣ. Онъ лежитъ надъ самымъ моремъ, состоитъ изъ двухъ юртъ, имѣетъ въ себѣ жителей 5-ь человекъ; они мало имѣютъ собакъ, а употребляютъ вмѣсто нихъ оленей, которыхъ имѣютъ немалое число; юрты ихъ построены такимъ образомъ, что ходятъ въ оныя не дверьми, а съ самой середины верха въ отверстіе, очень похожее на корабельный люкъ, который у нихъ служить днемъ и за окно, и для выходненія дыма отвѣчаютъ за трубу. А спускаютъ ее въ него по лѣстницѣ, вырубленной изъ одного дерева.—Въ юртѣ огонь кладется на полъ къ одной стѣнѣ, у которой сбоку сдѣлана отдушина, для пронесенія дыма въ сказанную трубу, но при всемъ юрта всегда бываетъ полна дыму, нечистоты и неопрятности которые, мнѣ кажется,

здѣсь имѣють главное пепелище; женщины имѣють одежду тамъ, какъ и мужчины; всѣ вообще въ куклянкахъ, только послѣдніе носятъ на головахъ платки.

14 ч. Здѣсь пурга принудила насъ остаться. Вотъ случай несчастья нашихъ собакъ.—

Прежестокая пурга не позволила караульнымъ быть при нашемъ экипажѣ. А потому и собаки привязаны были близъ юртъ безъ присмотра.—Только страшный оныхъ вой въ самую полночь меня разбудилъ; я тотчасъ выслалъ человѣка своего узнать о причинѣ, и что же онъ нашель?—Кучу волковъ, которые атаковали нашихъ рысаковъ: къ несчастію двѣ моихъ и нѣсколько напорныхъ (то есть, подводныхъ), были жертовой добычи хищниковъ.

15 ч. Прожили за пургой.

16 ч. По претерпѣннн Карсуксихъ . . . . , пустились въ дорогу и прибыли въ острожекъ Метаемонемъ; онъ лежитъ при рѣкѣ Выкненской, состоитъ изъ двухъ юртъ, жителей въ немъ четыре человѣка.

17-е ч. Отсюда отправились въ острожекъ Тиличинскъ, который лежитъ при рѣкѣ Тилигинѣ, не въ дальнемъ разстояніи отъ моря. Живетъ въ немъ бей ясишныхъ тайонъ, или князекъ сего острожка Симеонъ Тагилиновъ, ѣхалъ съ нами вмѣстѣ изъ Ивашкинскаго острожка; ласковый его пріемъ и лучшее угощеніе были намъ оказаны, онъ говорилъ немного по-русски и крещенъ; по пріѣздѣ нашемъ къ острожку, тайонъ со своей женою встрѣтилъ насъ на дворѣ; и, когда я вошелъ въ юрту, то онъ представилъ мнѣ всю свою семью, которая по опрятности вродѣ Карянъ, и едва ли не изъ первыхъ.

Здѣсь нашель я главнаго князька каменскаго острога Ахайма, онъ гостилъ у сихъ Карянъ. Здѣсь видѣлъ я тѣхъ торговцевъ, которые въ прошломъ 803 году едва не зарѣзали К. и замѣтили въ нихъ великую буйность.

18-го ч. Теперь отправляемся къ послѣднему Острожку сидячихъ карянъ, по берегу океана.

Острожекъ Ветвей лежитъ при хорошей рѣкѣ Ветвей, жителей въ немъ 5 человѣкъ, до этого острожка провожалъ насъ со своей женою тайонъ Татлышовъ, здѣсь мы дневали.

19-е и 20-е ч. Поутру отпѣтавились въ Каменный острогъ, до коего князекъ Ахайма ѣхалъ съ нами вмѣстѣ. Онъ былъ со своими карянами въ проѣхавшихъ мной карецкихъ селеніяхъ, для гощенія, то есть мелочнаго межъ собой торга. Нынѣ мы оставили юго-восточной берегъ Сѣвернаго океана и поворотили къ сѣверо-западу.

21. Пенжинская губа. Теперь пустились въ чистый долъ, что у насъ называется, чистое поле: четыре дня провели въ самыхъ безлѣсныхъ и необитаемыхъ мѣстахъ. Жестокіе морозы и крѣпкій сиверь, не давали намъ и ночью покоя, хотя мы и разбивали свою палатку, но она мало защищала отъ холода; одна половина дороги была тундренными мѣстами, а вторая рѣками Ветвеею и Талопкой. Во всю дорогу любопытнаго ничево не случилось, кромѣ, что въ одну нашу остановку среди дня примѣтилъ я жертвоприношеніе карянь, изъ числа нашихъ каюрщиковъ. Одинъ карянь, отошедъ съ дороги не болѣе пятидесяти шаговъ, гдѣ находился утепистый камень, подлѣ коего оставилъ по многимъ поклонамъ одну свою стрѣлу, возвратился къ обозу, я на томъ мѣстѣ видѣлъ множество оленьихъ доскутьевъ и шерсти.

24-го ч. Поутру пріѣхали мы къ Острожку, отдѣленному отъ Каменнаго; онъ лежитъ на самомъ берегу губы Пенжинской, состоитъ изъ 12-и юртъ.—Мы тутъ завтракали очень вкусную, приготовленную карянами изъ оленьяго мяса съ дикимъ сухимъ лукомъ похлебку и жареную свѣжую рыбу вахню, которая видомъ очень похожа на налима, а вкусомъ нехороша; отправясь отсель съ великимъ трудомъ, переѣхали четырехверстную ширину устья рѣки Пенжины, гдѣ прошло времени въ переѣздѣ слишкомъ 4 часа.—Она замерзаетъ тагъ неровно, что льдины становятся стойкомъ вышиною сажени въ двѣ и болѣе, и всей сіе мѣсто издали показывается морскимъ волненіемъ. Мы, проѣзжая глубокими рывинами, во многихъ мѣстахъ прорубали дорогу топорами. Въ 3-и часа пополудни прибыли въ острожекъ Каменный онъ лежитъ на прекрасномъ возвышенномъ мѣстѣ, подлѣ самаго моря.

Состоитъ изъ 25-ти юртъ, имѣетъ въ себѣ жителей болѣе ста человекъ.

25-го ч. Здѣсь мы дневали. Любезные друзья! вотъ гдѣ привелъ случай праздновать Р. Х. Исторія вамъ показываетъ характеръ и нравы дикихъ сихъ народовъ; вы теперь можете судить о моемъ положеніи и чувствованіяхъ. Въ половинѣ дня прибылъ сюда камчатскаго об-

ластного правленія засѣдатель Ламалинъ. Онъ уже цѣлый годъ ѣздитъ по округѣ, для переписей радовъ карянь,—вообразите положеніе его и его людей!

26 ч. Отправились изъ Каменнаго до свѣта; прибыли ввечеру очень поздно въ острожекъ Мелянь. Онъ лежитъ на самой половинѣ дороги отъ Каменнаго до Паряня подлѣ самаго моря.

Состоитъ изъ 2-хъ юртъ и 5-и человѣкъ жителей.

27 ч. По худости собакъ ночевали въ дорогѣ на пустомъ мѣстѣ.

28 ч. Въ полдень прибыли въ послѣдній Каряцкій острогъ Парень; онъ лежитъ при рѣкѣ Пойтувьемъ, близъ моря. Состоитъ изъ 11-и юртъ, имѣетъ въ себѣ жителей 50 человѣкъ. Здѣсь мы ѣли свѣжихъ хабъюзокъ, переночевали и перемѣнили всѣхъ Каменскаго острожка каюрныхъ и собакъ.

29 ч. Поутру отправились. Я замѣтилъ сихъ послѣднихъ двухъ острожковъ карянь, гораздо грубѣйшими противъ прочихъ. Мы ночевали въ дорогѣ.

30 ч. По восходѣ солнца, я рѣшился оставить свой обозъ; и пустился на собственныхъ собакахъ, взявъ съ собой . . . . . и одну казорную съ проводникомъ, нарту, (то есть, сани) въ надеждѣ той, чтобъ до вечера успѣть прибытіемъ въ крѣпость Гежигинскую; но встрѣтилось тому совсѣмъ противное: оставивши своего толмача Никифора Камчадала . . . . . въ поренѣ, я положился на одного знающаго немного по-русски . . . . . каряну: онъ насъ увѣрилъ, что мы ночевали на самой половинѣ дороги, въ томъ поренѣ. А вышло противное и мы, ѣхали цѣлый день и всю почти ночь, по многомъ безпокойствѣ. На разсвѣтѣ 31 числа достигъ крѣпости Гежигинской.— До десятаго числа декабря мѣсяца ожидалъ преемника должности, мнѣ ввѣренной, господина маіора Крупскаго, которой сего числа въ ночи прибылъ. Съ одиннадцатаго числа началась отъ меня сдача и продолжалась по его копотливости до 26 числа, который день по окончаніи всего и чинъ Высочайше пожалованный при отставкѣ моей былъ формально мнѣ объявленъ и приведенъ на оный къ присягѣ.

2 ч. Генваря 1806 года въ 11 ч. утра распростился съ краемъ здѣшнимъ. Не могу безъ особенныхъ сердечныхъ чувствованій описать

разлуку съ добрыми жителями крѣпости Гежигинской. Наканувѣ выѣзда моего, въ самый Новый годъ по окончаніи божественной литургіи всѣ вообще чиновники и граждане были у меня и по особенной ко мнѣ любви и привязанности, которую я имѣлъ счастье отъ нихъ заслужить, всякій изъявлялъ ко мнѣ благодарность и сожалѣніе о томъ, что они лишались во мнѣ своего друга, а не начальника; и притомъ каждый желалъ въ награду за сіе всякаго благополучія въ предпринимаемомъ мною трудномъ моемъ пути. Рота же, бывшая въ моей командѣ три года, собравшись вся, чрезъ фельдфебеля просила меня въ послѣдній разъ съ ними проститься; я, вышедъ изъ комнаты, нашелъ оную построенную во фронтъ и по приходѣ моемъ къ нимъ громкій голосъ благодарности всѣхъ вообще добродушныхъ служителей тронулъ до слезъ чувства мои—я тутъ видѣлъ много плачущихъ и говорящихъ— „намъ уже не нажить такого начальника-отца, какъ ваше высок.-бл. жили съ нами“. Я при сей умиленной сценѣ не могъ долго быть, взаимно поблагодарилъ за ихъ ко мнѣ усердіе и притомъ отдалъ фельдфебелю 25 р. денегъ съ тѣмъ, чтобъ онъ купилъ на оныя водки и тѣмъ бы прекратилъ у добрыхъ служилыхъ текуція изъ глазъ слезы; прочихъ командъ также служащіе приходили все ко мнѣ прощаться и получили отъ меня то же. Того жъ вечера я сдѣлалъ прощальную вечеринку; на которую всѣ здѣшнія почетныя дамы были мной приглашены и танцуя все общество, составляющее гражданъ здѣшнихъ, вечеръ до 12-ти часовъ провели довольно весело. При выѣздѣ жъ моемъ изъ крѣпости нашло множество народа обоего пола, и всякій при прощаніи моемъ изъявлялъ обо мнѣ сожалѣніе. Чиновники всѣ вообще и граждане отправились вмѣстѣ со мною, на своихъ собакахъ каждый, и провожали версть съ 15-ть отъ крѣпости, гдѣ распростившись обратились въ свои дома, а я также пустился въ свой путь.

3-го ч. Января достигъ до селенія Наяхины сидячихъ крещеныхъ карянь, гдѣ переночевавъ, въ 4 ч. до свѣту отправился въ дорогу, версть за 20 отѣхавши отъ сказаннаго селенія, нашли на самомъ трактѣ оленьихъ карянь, кочующихъ въ одной юртѣ гдѣ знакомый мнѣ карянь Акувбя убилъ на дорогу жирнаго оленя, и я, напившись здѣсь чаю, подкрѣпилъ желудокъ свой изряднымъ завтракомъ, пустился въ путь, который до седьмого числа продолжали по необитаемымъ мѣстамъ изрядной дорогой. а съ седьмого числа до десятаго ѣхали преглубокимъ бродомъ не болѣе какъ по десяти верствъ въ сутки. Переѣхавши Вилигинскій гребень, съ десятаго числа сдѣлалась претрашная и мокрая пурга, и мы принуждены были жить на одномъ и пустомъ мѣстѣ, отправивъ пѣшими на лыжахъ двухъ карянь капорныхъ до

селенія Туманы (до коего слѣдовало бѣ еще двое сутокъ быть въ дорогѣ), съ тѣмъ, чтобъ изъ онаго селенія послать какъ можно скорѣе къ намъ навстрѣчу нѣсколько легкихъ нартъ и собакамъ нашимъ корму, которые уже его нисколько не имѣли, а, однако жъ, я ожидалъ пятеро сутокъ и никого къ намъ послано не было. такъ что уже много терпящія животныя изнурялись голодомъ и начинали объѣдать перпищьи ремни. которыми обыкновенно здѣсь увязываются нарты. 15-го ч. принужденъ былъ еще отправить одного капорнаго каряку въ сказанное селеніе на лыжахъ, который, отойдя отъ насъ верстъ десять, встрѣтилъ четырехъ человекъ, ѣдущихъ къ намъ на помощь изъ Туманы и притомъ съ хорошимъ запасомъ для собакъ корму, и къ счастію— посланной отъ меня каряка Егоръ въ превеликомъ бродѣ поймалъ на лыжахъ дикаго барана. которой послужилъ для всѣхъ изрядной пищей. Того жъ числа ввечеру я отправился до Туманскаго селенія и достигъ въ оное 17-го числа вечеромъ. Желалъ на другой день слѣдовать въ свой путь, но случившійся снѣгъ причинилъ препятствіе, а я уже пустился въ путь 19-го.—

21-го ч. Утромъ повстрѣчалась съ нами почта, слѣдующая изъ Россіи въ Камчатку, которая въ дорогѣ уже находилась изъ Охотска цѣлый мѣсяць.—Того же числа въ полдень я достигъ до селенія Татхьянръ, сидячихъ же карянь, и пробывши въ немъ до вечера, въ ночь пустился въ дорогу; 22-го ч. достигъ крѣпости Ямской, которая имѣетъ мѣстоположеніе весьма хорошее, выстроена надъ самой рѣкой Ямою, и древностію своею гораздо старѣе крѣпости Гежигинской, но нынѣ команды содержится въ оной 18 человекъ казаковъ, и командиръ въ ней назначается всегда охотскимъ начальствомъ; въ мой проѣздъ былъ сынъ боярскій, Григорій Александровичъ Говоровъ, и человекъ, кажется, изрядный. Также жительство имѣютъ въ сей крѣпостцѣ сидячіе крещеные каряки, 10 человекъ Гежигинскаго вѣдомства, они содержатъ ганбу каюрнаго. Я, передневавши здѣсь, отправился 24-го числа въ путь. Три дня слѣдовалъ чрезвычайнымъ убродомъ снѣга и достигъ только до пустой юрты, построенной на срединѣ тракта отъ Ямской крѣпости до Сигланскаго острожка, гдѣ жилъ за случившейся пургой два дня; и тридесятаго числа доѣхалъ до Сигланскаго острога сидячихъ послѣднихъ по сему тракту карянь—и того ч. въ ночь отправился къ острожку Олѣ сидячихъ тунгусовъ и перваго числа прибылъ въ оный; здѣсь нашелъ я весьма порядочнаго старшину; и лучшихъ во всѣхъ частяхъ прочихъ карянь. Порядокъ и самыя юрты оныхъ очень опрятныя всѣхъ обитателей по сей дорогѣ жилища свои имѣющихъ.—2 ч. отбылъ изъ сего селенія и 4 ч. достигъ до селенія

жъ тунгусовъ, называемаго Армакъ, изъ коего тогожъ ч. отправились достигъ въ крѣпость Ямскую, въ которой передневавши день. пустился въ свой путь. 12-го числа утромъ прибылъ въ портъ Охотскій и по особенному ко мнѣ усердію прежняго моего сослуживца приглашенъ былъ къ нему на нѣсколько дней моего въ Охотскѣ пребыванія на ночлегъ, и все общество прежнихъ моихъ знакомыхъ усердствовало особенными знаками ко мнѣ своей привѣтливости. И проживши 20 и 19-го числа въ Охотскѣ, отправился въ свой путь, коимъ и слѣдовалъ до селенія, Арки называемаго, на собакахъ, а оттуда съ тунгусами на вѣрныхъ оленяхъ до мѣстечка Чернаго Лѣса, откуда уже слѣдовалъ на лошадяхъ до Якутска, въ который прибылъ 8-го числа марта, и присталъ на квартиру у стараго моего знакомаго, господина якутскаго купца Алексѣя Андреевича Захарова и, проживши до 11-го ч., отбылъ въ Иркутскъ того жъ числа.

По указу ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

Александра Павловича

Самодержца Всероссийскаго

и прочая, и прочая и прочая.

Отъ Нижнекамчатска до Гежинска отправляющемуся по казенной надобности Камчатскаго Гарнизоннаго баталіона Капитану Федорову съ будущимъ при немъ давать по двѣ подводы съ проводниками за указныя прогоны безъ задержанія. Нижнекамчатскъ, Ноября 28 дня, 1805 года.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Всемиловѣйшаго Государя Моего отъ арміи Генераль-Маіоръ шефъ Камчатскаго Гарнизоннаго баталіона, области Камчатской правитель Кошелевъ.

(Печать.)

Въ первыхъ числахъ іюля 1804-го года прибылъ въ Гавань Петропавловскую Фрегатъ „Надежда“, обошедшій кругомъ свѣта; путь его былъ мимо Капъ-Горна; чрезвычайно скорый вояжъ довольно доказываетъ свѣту искусство Россійскихъ мореходовъ. Происшедшія непріятности у флотскихъ офицеровъ съ Посланникомъ, Господиномъ Дѣйствительнымъ Камергеромъ Резановымъ, который принужденъ былъ по прибытіи въ гавань немедленно отправить курьера къ Правителю Камчатки, Господину Генераль-маіору Кошелеву, и просилъ его о скоромъ прибытіи въ гавань для принятія мѣръ относящихся до посольства; коего единственную цѣль можно усмотрѣть изъ приложенной при окон-

чаниі записокъ моихъ копіи съ грамоты къ двору Японскому. По полученіи отъ Резанова увѣдомленія, Генераль-маіоръ Кошелевъ вскорѣ явился въ гавань, взявъ съ собою меня и поручика Кошелева. Первый предметъ его былъ содѣйствовать къ пользѣ отечества; онъ усерднымъ стараніемъ своимъ успѣлъ прекратить ссору, такъ что и посольство отъ того долженствовало остановиться; а какъ общимъ признаніемъ всѣхъ нашелся главной пружиной ссоры бывший кавалеромъ при посольствѣ гвардіи поручикъ Графъ Толстой, то и рѣшили тѣмъ, что оставили его въ Камчаткѣ.—Когда жъ началось приготовленіе къ пути въ Японию, то господинъ Резановъ просилъ нашего шефа откомандированіи двухъ офицеровъ въ его свиту, куда достался мнѣ поручикъ Кошелевъ и командировано десять человекъ изъ баталіона нашего воинской команды.—Съ сего времени я почелъ за нужное вести памятные записки, въ кои ввошу только то, что своими глазами видѣть могъ; и что казалось мнѣ любопытнымъ.

Я не описалъ въ нихъ дни коронаціи Нашего Государя, который мы весело праздновали на водахъ японскихъ, но то можно видѣть изъ приложенной при семъ копіи съ рѣчи, говоренной Посланникомъ. По окончаніи коей розданы были имъ, всѣмъ вообще нижнимъ служителямъ—корабля „Надежды“ медали.—Я не говорю ничего въ запискахъ моихъ объ одеждѣ японцовъ; прилагаю при семъ подлинной ихъ живописи картины, изъ которыхъ можно имѣть понятіе о ихъ костюмѣ.

Августъ ч. 27-е. Сего числа въ семь часовъ утра, отправились изъ гавани Петропавловской въ Японию; лишь только вышли изъ рейда въ открытое море, я пораженъ былъ обыкновенною морскою болѣзною, въ коей страдалъ три дня: а потомъ избавившись отъ нея, былъ уже всегда въ морѣ здоровымъ; путь нашъ продолжался по 18-е число Сентября благополучнымъ, а 19-го увидѣли берега достигаемаго нами предмѣта (это былъ островъ Ниппонъ) и мы недолго наслаждались пріятнымъ удовольствіемъ смотрѣть на обѣтованную землю, ибо NN вѣтръ чрезъ два часа по предсказанію барометра, произвелъ престрашную бурю, коей описать я не въ состояніи. Подумайте. каково было положеніе слабаго судна, подверженнаго служить игралищемъ разяреному морю; то возносило оно было на верхъ водяной горы, то низвергаемо въ пропасть; съ бока ударялъ въ него валъ, отягчаемый другимъ валомъ, который, упадая, казалось совѣмъ погружалъ его въ воду; вѣтръ учинился порывистъ, неравенъ и безпорядоченъ; мы при-

нуждены были терпѣть всё его своевольтва, онъ переходилъ съ румба на румбъ и обтекалъ столь скоро весь горизонтъ, что дулъ, казалось, со всѣхъ четырехъ сторонъ свѣта; потомъ, поднимаясь вихремъ, упалъ стремительно, какъ бы брошенъ былъ съ неба и принуждалъ волны унижаться подь его тяжестію. Минуту спустя, поднималъ онъ корабль нашъ на воздухъ, дабы низвергнуть тѣмъ глубже въ бездну. Страдалъ много тако жъ корабль отъ сильныхъ ударовъ, будучи внѣ воды, гдѣ вѣтръ производилъ стукъ; подобный громовому; хотя мы близко находились другъ отъ друга, надлежало еще болѣе стѣсниться, и кричать изо всѣхъ силъ, чтобы насъ слышали. Всѣ паруса, кромѣ нѣсколькихъ штормовыхъ стакселей, были убраны, рвеніе вѣтра столь было сильно, что вдребезги изломало удареніемъ валовъ три ялика, прикрѣпленные на верху шканцевъ, вода лилась уже на мостъ и втекала въ корабль—въ довершеніе большаго несчастія, при поворотѣ въ мгновеніе отшибло въ кормовой части баллюстраду подлѣ самыхъ окошекъ капитанской каюты; и однимъ валомъ—въ то отверстіе—налило до половины каюты водою. Вотъ минуты, въ которыя содрогнулся бъ и самый твердый духъ. но капитанъ, скрывая очевидную опасность, всячески усердствовалъ ободрять людей своею непоколебимостію ..... онъ собственными трудами старался починить немалый проломъ, который въ скоромъ времени общими всѣхъ силами задѣланъ былъ вовсе. Во время продолженія сей бури насосы дѣйствовали всё непрерывно, и какъ вода не преставала умножаться, многіе матросы приходили въ отчаяніе, и нѣкоторые уже говорили:— „погибаемъ, тонемъ, Боже, помилуй насъ“, послѣ чего едва не прекратилась работа. Всѣ приносили теплыя молитвы Всевышнему, какъ при послѣднемъ часѣ своей жизни. Вѣтры, кои до того боролись между собою, соединясь, возносили волны до облаковъ.

Отъ сей перемѣны поднялся несильно корабль и люди ободрились, видя что вода не такъ въ него льется сильно. Таково было положеніе наше двадцать шесть часовъ. По прекращеніи бури,—во многихъ мѣстахъ—увидѣли корабль нашъ обезображеннымъ. Все предстало глазамъ нашимъ изломанное и изорванное, какъ будто послѣ сильнаго пожара.—Сей несчастный день—да будетъ вѣчнымъ памятникомъ въ моей жизни.

Сент. 27 ч. До сего числа имѣли плаваніе въ виду острововъ японскихъ, но за маловѣтріемъ и противною погодою не могли подойти къ онымъ; межъ тѣмъ успѣли привести въ порядокъ починкою свою разстройку:—пъ благоприсутствующимъ вѣтромъ сего числа благополучно прошли

Діменскій проливъ, гдѣ совершенно оказался намъ японскій портъ Нагасаки, къ которому приближаясь, въ первомъ часу пополудни— увидѣли плывущее къ нашему кораблю малое Японское гребное судно съ двумя чиновниками, которые подойдя къ борту корабля; черезъ переводчиковъ *) спрашивали кто мы такіе, и получа въ отвѣтъ, что россіяне, продолжали любопытство о многомъ, и что слышали все вносили въ записныя книжки. Отъ насъ предложено имъ угощеніе, но они не могли взойти на корабль, отзываясь запрещеніемъ своихъ законовъ, а когда подали къ нимъ въ лодку бутылку съ виномъ и двѣ на подносѣ рюмки, то они какъ изъ рюмогъ, такъ равно и изъ бутылки вылили въ мѣдной свой котликъ, потомъ немедленно отправились въ городъ, показавъ намъ предметъ, на который должно держать курсъ для входа въ гавань, по приближеніи къ оной, увидѣли множество идущихъ къ намъ судовъ; кои, подойдя къ кораблю, назначили мѣсто, гдѣ положить якорь, со изъявленіемъ неудовольствія, для чего мы прошли ихъ то мѣсто, которое назначено для голландцевъ останавливаться на якорь; и получа въ отвѣтъ наше незнаніе, старались извиняться учтивостію находящихся на сихъ судахъ чиновниковъ; многіе требовали отъ насъ письменныхъ донесеній, къ ихъ Губернатору со изъясненіемъ, подробныхъ причинъ, нашего къ нимъ прибытія. И когда получили отвѣты, что сіе не иначе можетъ изъяснено быть, какъ лично отъ нашего— ихъ Губернатору, то съ тѣмъ многіе о тотъ часъ отправились въ городъ.

Въ шесть часовъ пополудни увидѣли другую свиту, во множествѣ идущихъ вмѣстѣ судовъ, и въ томъ числѣ на одномъ примѣтили голландскій флагъ. Когда подошли къ борту корабля, два ихъ офицера, взошли къ намъ на шканцы, и первая слова ихъ были просьба, чтобъ отъ насъ запрещено было служителямъ палить изъ пушекъ, доказывая, что по законамъ ихъ сіе должно исполнить, и когда получили на то наше согласіе, были тѣмъ очень довольны и минуты черезъ двѣ донесли, что съ ними на суднѣ есть для встрѣчи намъ большой чиновникъ, называемый оберъ-бонжосъ и онъ есть, Губернаторскій помощникъ, о чемъ отъ насъ ту минуту донесено посланнику: и отъ него посланъ офицеръ просить вельможу на корабль, который съ пышною свитою; поднять былъ къ намъ на шканцы, и проведенъ въ каюту. По прибытіи приглашенъ садиться на диванъ. Его первые вопросы были о причинѣ нашего при-

---

*) Переводчиками намъ служили тѣ японцы, которые несчастнымъ жребіемъ выкинуты были въ 795-году на города Алеутскіе и отправлены были изъ Петербурга въ свое отечество.

бытія, потомъ:—какъ давно изъ Россіи, какимъ мѣстомъ шли, куда во время похода заходили, сколько насъ числомъ, и какого состоянія люди,—на все получа короткіе отвѣты,—тотчасъ записалъ въ свою книжку. Потомъ чрезъ переводчика сказалъ—хотимъ ли мы видѣть голландцевъ и, получа отъ насъ истинное наше удовольствіе, приказалъ ввести ихъ на корабль; при входѣ ихъ въ каюту, оберъ-толкъ японскій закричалъ громкимъ голосомъ: „оберъ-гофъ, комплиментъ махинт.“: по сихъ словахъ, голландской факторіи правитель оберъ-гофъ, флотской капитанъ, Секретарь Конференціи и одинъ волонтеръ, приближась къ вельможѣ японскому, дѣлали ему забавной для насъ на первой случай комплиментъ, они наклонились ниже пояса, опусти обѣ руки книзу, и въ семь положеніи были неподвижны, пока переводчикъ не далъ имъ знака подняться.—Послѣ рекомендовались послу и знакомились съ нами; разговоръ продолжался на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, мы съ ними провели время до перваго часу пополуночи. Онѣ угощаемы были виномъ и табакомъ и отбыли отъ насъ вообще съ японцами довольно веселы. Однако жъ кругомъ нашего корабля японцы оставили лодокъ до пятидесяти, подъ видомъ нашей прислуги.

28-го ч.—До пяти часовъ пополудни провели время очень скучно. Пресильный жаръ не позволялъ четверти часа пребыть на шканцахъ, хотя довольно было предметовъ насыщать наше любопытство. Японцы безпрестанно прѣзжали въ разныхъ лодкахъ смотрѣть нашъ корабль: въ шестомъ часу увидѣли идущихъ къ намъ гребныхъ судовъ болѣе прежняго, на коихъ громъ нестройной музыки былъ слишкомъ . . . . . Изъ нихъ небольшое одно пристало къ борту нашего корабля—и командиръ онаго просилъ о принятіи привезенной свѣжей провизіи, которая состояла изъ свинины, дворовыхъ птицъ, сарачинскаго пшена, куриныхъ яицъ, и разной зелени. Все сіе съ благодарностію нами принято и послѣ прочіе суда окружили нашъ корабль, и чиновники, прежде бывшіе, взошли въ каюту. Продолжали повторять вопросы прежніе и все, что получили въ отвѣтъ, вносили въ записныя книжки. По просьбѣ командира нашего корабля, сняли оный съ якоря, и привели буксиромъ къ мѣстечку, Патенбергъ называемому (это есть та славная гора, съ которой въ прошлыя времена, по истребленіи японцами христіанской вѣры, всѣ исповѣдующіе оную низвергаемы были въ море), гдѣ положили якорь, и чиновники, распростясь съ нами, отправились въ городъ. Карауль, окружавшій нашъ корабль, остался по прежнему. Сего жъ вечера японцы требовали о выгрузкѣ съ корабля пороха и всѣхъ партикулярныхъ оружейныхъ вещей, кромъ офицерскихъ шпагъ и

солдатскихъ ружей, все сіе безпрекословно отъ насъ получили и отвезли въ свой арсеналь.

29-го ч. Прекрасный день и новые предметы поминутно приѣзжающихъ въ разныхъ судахъ японскихъ гражданъ доставляли намъ немало удовольствія; въ пять часовъ пополудни . . . . . Свита . . . . . эскадры показалась изъ гавани, и одна передовая лодка привезла намъ гораздо больше прежняго всякой провизіи. Послѣ того пристала японская флотилія, и чиновники взошли на корабль, но голландцевъ уже съ ними не было. Они просили у посла копию съ грамоты къ ихъ императору и, получа, переписали чины, имена и лѣта нашихъ офицеровъ. Потомъ отбыли въ городъ.

30-го ч. Провели день, не выдавъ своихъ новыхъ знакомцевъ. Они вчерашняго числа прощались съ нами. Сказали, что у нихъ завтра празднигъ, который должны по своимъ обрядамъ непременно отпраздновать. А потому и объявили намъ день отдохновенія.

1-го ч. Въ одиннадцатъ часовъ утра прибыли къ намъ на корабль новыхъ два чиновника; привези съ собою прежде взятые отъ насъ копии съ грамоты, для вѣрнаго перевода на ихъ языкъ и въ три часа пополудни отправились въ городъ.—Бывшіе съ ними въ свитѣ офицеры старались узнавать отъ насъ разныя названія на російскомъ языкѣ и, получа, изъясненія вносили въ записныя книжки, межъ тѣмъ, довольно оказывали намъ своей ласки, которая замыкалась снисканіемъ дружества.

2-го ч. Былъ день отдохновенія. Сильный дождь, продолжавшійся цѣлыя сутки дѣйствительно его таковымъ сдѣлалъ.

3-го ч. Крѣпкій вѣтръ разстроилъ японскій караулъ, насъ окружавшій. Лодокъ до пятидесяти, стоявшихъ на морѣ, во время вѣтра при великомъ крикѣ и смятеніи снялся съ явора и убрался въ близлежащую отъ насъ бухту, и какъ видно, за погоду, у насъ японскихъ чиновниковъ цѣлый день ни одного не было.

4-го ч. Поутру въ одиннадцатъ часовъ прибыли къ намъ два бонжоса; они межъ разговоровъ увѣдомили насъ, что прежде мы не можемъ сойти на берегъ, пока не получится Губернаторомъ изъ Іедо на то повелѣніе, и тогда отъ насъ предложены были причины, о невозможности стоять на семь мѣстъ на морѣ, и что насъ въ крѣпкій вѣтръ

может сорвать съ якоря и унести въ море. А вещи оружейныя и порохъ должны остаться у нихъ, то по немаломъ разсужденіи . . . . . сказали намъ, что сегодня скажутъ тѣ причины Губернатору; и немедленно о резолюціи насъ увѣдомятъ, что и послѣдовало въ шестомъ часу пополудни: пріѣхали къ намъ два переводчика, увѣдомляя, что завтрашняго числа въ 9-ть часовъ утра введено будетъ наше судно въ безопасное отъ вѣтровъ мѣсто. Сего числа также привезена намъ свѣжая провизія.

5-го ч. Въ девять часовъ утра окруженъ былъ корабль нашъ 150 лодками для буксира; въ 11 часовъ прибыли чиновники, и по входѣ ихъ на корабль, немедленно былъ поднятъ якорь. 99-ь лодокъ начали работу и въ два съ половиною часа проведено было наше судно семь итальянскихъ миль и положенъ якорь противъ предмѣстія порта. Ничего не было пріятнѣе зрѣлища сего прекраснаго мѣстоположенія и удивительнаго творенія природы. Превысокія каменныя горы, обработанныя почти до самыхъ вершинъ руками трудолюбивыхъ японцевъ, всюду представляли поля, усѣянныя хлѣбомъ и овощами. Амфитеатромъ насаженныя по пригоркамъ рощицы и въ равнинахъ искусно устроенныя аллеи, дѣйствительно, изображали все мѣстоположеніе въ глазахъ нашихъ очаровательнымъ, вездѣ по берегамъ казались толпами любопытствующіе насъ видѣть японцы, и прекрасныя нимфы страны азіатской цѣлый день съ музыкою развѣзжали мимо нашего корабля въ лодкахъ, и казалось изъявляли свою радость, насыщая зрѣніе на новыхъ знакомцевъ.

17-го ч. До сего числа провели время, не выдавъ бонжосовъ, а были у насъ два раза переводчики, которые называются по японски толки, они привозили въ первый разъ два плана на мѣста лежація отъ насъ на лѣвой сторонѣ берега. Такъ что, ежели будетъ угодно посланнику выѣхать на берегъ, то бѣ одно изъ нихъ выбралъ для гулянья, а во второй пріѣздъ объявили, что назначенное посланникомъ мѣстечко—Гатько.

18-го ч.—Въ два часа пополудни прибыли два бонжоса, съ обыкновенной свитой: они предложили услуги ѣхать въ приготовленное мѣстечко. Посланникъ приказалъ немедленно приготовить шлюпку и отправился на берегъ со свитой своихъ офицеровъ—гдѣ по пріѣздѣ былъ особенно опредѣленными офицерами принять и приглашенъ въ . . . . . нарочно для него сдѣланный. Ко угощенію поднесенъ . . . . . ему прекрасный ящикъ конфетъ,—чрезвычайнаго

приготовленія. Это былъ презентъ нагасакакаго губернатора. Въ четыре часа возвратился посолъ на корабль. Ему какъ при отъѣздѣ, равно и по прибытіи, была сдѣлана съ корабля нашего честь карауломъ и матросами.

29-го ч. Все прошедшее время стояли на одномъ мѣстѣ. А сего числа, по выходѣ двухъ голландскихъ фрегатомъ въ Батавію, перевели насъ по прежнему буксиромъ, на ихъ мѣсто. Гдѣ, положа якорь, ожидаемъ теперъ рѣшенія своихъ предпріятій. Мѣсто сіе веселѣе еще прежнихъ тѣмъ, что съ двухъ сторонъ положеніе прекрасныхъ береговъ представляетъ удивительную картину. Съ третьей весь виденъ городъ а съ четвертой—въ дали блесить напугавшій насъ, усыпанный подводными камнями такъ свирѣпый океанъ.

4-го. Сего числа приведено къ намъ съ двумя переводчиками старое чудной конструкціи китайское судно съ тѣмъ, что когда пужно починять нашъ корабль, то бѣ перевезти грузъ на оное, и перейти на то время послу. Но какъ по осмотру нашего Капитана, оказалось оно для складки груза и житія офицерамъ совсѣмъ неспособно; то прошены переводчики изъявили сіе губернатору, и что посолъ надѣется получить приличную ему квартиру на берегу.

6-го ч. Имѣли терпѣніе до сего числа! и дождались резолюціи, она есть слѣдующая: въ шесть часовъ утра прибыли къ намъ пара бонжосовъ,—они объявили, что приготовленъ въ городѣ для посла и его свиты домъ, который просили кого угодно послать осмотрѣть, что исполнено отъ насъ посылкою четырехъ офицеровъ, которые по прибытіи обратно на корабль донесли послу, что домъ для житія и поклажи посольскихъ вещей годенъ.—Теперь началось приготовленіе къ походу: двухэтажная лодка, украшенная разноцвѣтными концевыми занавѣсками, и внутри лакированная съ бронзовой обдѣлкой комната, служила намъ покойнымъ до предмѣстія нашей квартиры плаваніемъ. Мы въ двѣнадцать часовъ въ ней помѣстились; а именно: посолъ, весь его кортежъ и воинская команда, и продолжали походъ съ барабаннымъ боемъ и воинской музыкой, состоящей изъ гобоевъ и бубновъ. Во время двуверстнаго вояжу отъ чиновниковъ японскихъ угощаемы были чаемъ по ихъ обряду, безъ сахара, конфетками и померанцами. Доѣхавъ, близъ берега по причинѣ мели пересѣли на другую лодку, гораздо менѣе конструкціей сего судна; но украшеніемъ прежней, и подойдя на ней къ берегу; нашли на многихъ лодкахъ сдѣланный мостъ, по которому вошли прямо въ квартиру нашего замка; такъ

называю его потому, что онъ окруженъ весь строеніемъ и крѣпкимъ японскимъ карауломъ, комнаты дома убраны по азіатскому манеру безъ великолѣпія послѣдняго, но весьма чисто. Весь полъ устланъ искусно вытканными изъ травы коврами, что насъ принудило ходить въ однихъ чулкахъ, безъ башмаковъ. Стулья и столы мы имѣли съ корабля своего ибо въ домѣ кромѣ жаровень съ углями ничего не было. Для офицеровъ назначено каждому по особой комнатѣ, но я расположился вмѣстѣ съ Гермолаемъ Карловичемъ Фредерици и Дмитріемъ Ивановичемъ Кошелевымъ и заняли только два покоя.—Во время нашего хода, видны были по берегамъ бухты съ обѣихъ сторонъ японскія войска до девяти тысячъ человѣкъ. Они по своему правилу сидѣли всѣ въ двѣ линіи.

14-го ч. До сего числа продолжалась выгрузка съ корабля нашего японскими рабочими людьми; она начиналась съ десяти часовъ утра, и оканчивалась въ 5-ѣ пополудни. Въ сіе время дежурили въ нашемъ замкѣ два бонжоса, съ немалой при нихъ свитой офицеровъ и прочихъ служителей, которые каждодневно смѣнялись, и во время своего дежурства бонжосы одинъ разъ посѣщали посла для изъясненія своего почтенія. Мы сіе время проходили не безъ скуки. По непривычкѣ къ житію въ нетопленныхъ комнатахъ,—ибо здѣсь дневной жаръ нисколько несоразмѣренъ ночному холоду,—посѣтила многихъ изъ насъ простуда, но при хорошей японской пицѣ, какъ-то: разныхъ зеленей, двухъ родовъ апельсиновъ, и весьма крупныхъ цитроновъ, изъ коихъ очень удобно дѣлать цѣлительное питье и т. д., все сіе скорѣе привело насъ въ прежнее состояніе.

25-го ч. День Рождества Христова по нашему исчисленію оставленъ безъ празднованія.

26-го. По морскому исчисленію сей день былъ Рождества Христова. Командиръ фрегата Капитанъ-Лейтенантъ Иванъ Федоровичъ Крузенштернъ, Капитанъ-Лейтенантъ Макарь Ивановичъ, Лейтенантъ Петръ Тривимовичъ Головачевъ, астрономъ Иванъ Ивановичъ Горнеръ, Штурманъ 12-го класса Филипъ Ивановичъ Кашеньчиковъ имѣли обѣденный столъ у посла; и проведя время до шести часовъ вечера—довольно весело убили его на фрегатѣ.

27-го. Посоль со всей своей свитой офицеровъ имѣлъ обѣденный столъ на фрегатѣ: отбылъ изъ Мегасаки въ часъ пополудни. А при. былъ въ замокъ въ семь часовъ вечера довольно веселымъ.

1-го Января 1805 года. Число первое, по общему исчисленію Россіи; не считалось въ нашей экспедиціи началомъ новаго года, а оно праздновали 2-го ч.; россияне въ первый разъ имѣли случай праздновать начало 1805-го года въ Японіи въ славномъ портовомъ городѣ Нагасаки въ мѣстечкѣ лежащемъ у предмѣстія города, именуемомъ Мегасаки.

Тутъ вспомнилъ я, содрагаясь чувствованіями, ту отдаленность, которая раздѣлила меня съ любезными друзьями и лишаетъ ласковой надежды ко исполненію моихъ намѣреній. Я располагалъ чрезъ годъ возвратиться въ отечество; но медленность японскаго правительства, не подаетъ способовъ такъ скоро исполнить предпріятіе. Теперь прекращу оное подробное изъясненіе своихъ чувствованій, общество нашей компаніи довольно весело провели начало Новаго Года; но я во все то время казался весьма скучнымъ и, углубившись въ задумчивость томной меланхоліи, ничѣмъ не могъ разъяснить овладѣвшей мною печали, — трехмѣсячное время, которое мы провели въ Японіи и разные предметы, довольно могущіе удовлетворить свободное чувство, все это мнѣ назалось одной бесполезной химерой—не знавъ совершенно причинъ разбившей меня печали, я не могъ о этомъ иначе заключить, какъ только, признавая оную за какое нибудь несчастное предвѣщаніе. Въ теченіе вѣка моего будетъ сей день памятникомъ незабвеннымъ который чтимъ вездѣ,—и въ Японіи благословеннымъ день тезоименитства блаженной памяти родителя своего. Любезные друзья! вы, конечно подумаете, что я празновалъ мѣсто и домъ, въ которомъ жилъ посолъ обыкновеннымъ житейскимъ увеселеніемъ, нѣтъ! я скажу вамъ противное: уединенная комната японскаго дома цѣлый день была свидѣтелемъ моей бѣсѣды, нѣсколько горячихъ слезъ, пролитыхъ изъ глубины сердечной, были сопутниками душевныхъ чувствованій и наконецъ въ восемь часовъ вечера я былъ отозванъ къ вечерней зарѣ.

Января 12-го ч. Сего числа въ восемь часовъ утра термометръ показывалъ намъ теплоты 10 градусовъ, а въ полдень 15, и цѣлый день непрерывно шелъ пресильный дождь съ грозкою. Тогда я въ душѣ моей, сравнивая климатъ любезнаго моего отечества со здѣшнимъ сказалъ самъ себѣ: какая разность! тамъ жестокіе морозы, положе на всѣхъ рѣкахъ крѣпкіе свои оплоты и земля твердо покрыта глыбами бѣлой одежды снѣга, словомъ вся природа царствуетъ; дожидая постепенно времени своего, порядочно оною на четыре части въ году устроеннаго.—Здѣсь совсѣмъ неизвѣстны средственныя морозы и снѣгъ и цѣлый годъ продолжается зелень и жители Японіи во всякое время

довольствуются разными прозябаніями и плодами.—Судя по семъ многіе скажутъ:—японцы счастливы;—нѣтъ! они не имѣютъ свободы чело-вѣчества.

18-го ч. Съ сего числа у японцевъ начинается предпразднество Новаго Года, и жители стараются одинъ передъ другимъ имѣть преимущество во украшеніи своихъ домовъ разными деревьями и плодами. По просьбѣ посланника и нашъ домъ по ихъ обыкновенію также былъ украшенъ слѣдующимъ образомъ:—надъ всѣми воротами и дверями прибили зеленый ельникъ и бамбукъ, на верхней притолокѣ повѣшено были на сплетенной веревкѣ (изъ травы сарочинскаго пшеиа) связанные въ одинъ букетъ—апельсинъ съ вѣтвью, вареный ракъ большого рода, угорь и разные сухіе плоды, все сіе означало желаніе изобилія въ наступающій новый годъ. Въ семь часовъ пополудни нагасакскій Губернаторъ прислалъ къ послу съ переводчикомъ талехичеръ (sic), презентъ для новаго года: онъ состоялъ изъ слѣдующихъ вещей: два превеликіе непеченые хлѣба изъ сарочинскаго пшеиа; (они очень похожи видомъ на самый чистый голландскій сыръ), на нихъ положенъ апельсинъ съ вѣтвью, разные сухіе плоды, вареный ракъ, соль и пшеино, все сіе оплетено зеленію. Переводчикъ, объявля комплиментъ, сказалъ, что у нихъ такіе подарки посылаются только къ однимъ знатымъ вельможамъ и по прошествіи трехъ дней можно присланное кушанье употребить въ пищу.

Февраля 19-го ч. Цѣлый мѣсяць провели въ ожиданіи прибытія вельможи, слѣдующаго изъ столицы японской Едо, который по увѣдомленію переводчиковъ долженъ прибыть съ довѣренностію Императора (въ разсужденіи приѣма посольства) съ рѣшительнымъ извѣстіемъ, по послѣднее время наше положеніе обстоитъ въ неизвѣстности настоящей цѣли плановъ японскихъ.

Сего числа прощенный день, и онъ нами былъ почти забытъ. Компаньоны мои, Гермолай Карловичъ Фредерици, и Дмитрій Ивановичъ Кошелевъ обѣдали и ночевали на фрегатѣ; я, когда собирался ложиться спать, увидѣлъ передъ собой своего барабаника Бѣлова, который былъ въ нзрядной подгуляи, и просить у меня прощенія, я спрашиваю о причинѣ, наливая себѣ межъ тѣмъ стаканъ воды,—онъ отвѣчалъ:—я доволенъ.—„Сочти воду за водку—сегодня прощенный день!“—и такъ получа вмѣсто водки поцѣлуй, отправился въ свое мѣсто. А я, распростившись мысленно съ удовольствіями масленицы росіійской, поспѣшилъ подъ покровъ Морфея.

Марта 23-го ч. Сего числа поутру въ 11-ть часовъ, пришли къ намъ три оберъ-толка, а именно: Скидеймо, Санъ-Сабуро, Татикиро. Они объявили о прибытіи изъ Иедо, сего марта 16-го числа вельможи; по японски называемаго Даймо, который по ихъ старшинству вельможъ состоитъ во второклассныхъ чиновникахъ. Переговоръ продолжался о церемоніяхъ какъ принять посла, имъ весьма хотѣлось взять преимущество во всемъ противъ нашего посланника, но на многіе унижительныя предложенія онъ никакъ не соглашался о чемъ они хотѣли доложить своему министру и на чемъ положено будетъ. Сегодня жъ насъ увѣдомили. Въ 6-ь часовъ пополудни пришли тѣ жъ самые, объявили наше требованіе обработаннымъ; и назначили время къ аудіенціи завтра въ 8-ь часовъ утра, изъ разговоровъ между прочимъ узнали, что случившійся въ прошедшихъ дняхъ: а именно, 21-го и 22-го числа большой у нихъ праздникъ (называемой Мусъме-Матдуре, на нашъ языкъ переведенъ—розанъ дѣвиць, и онъ то былъ причиною медленнаго увѣдомленія о прибытіи министра). А празднуютъ его по большей части всѣ тѣ, которые имѣють дочерей въ дѣвущкахъ, онѣ тогда щеголяютъ другъ предъ другомъ въ богатствѣ и убранствѣ разныхъ родовъ куколъ; которымъ во время церемоніи накрываются полы и становится разное кушанье и конфеты—весьма странный обрядъ.

24-го ч. Термометръ показывалъ въ полдень 19 градусовъ теплоты. Въ 8-мъ часу утра прибыли къ намъ вышесказанные переводчики; они объявили, что къ отъѣзду нашему въ городъ Нагасаки для полученія аудіенціи гребные суда подъ командою оберъ-бонжоса готовы;—который послѣ того векорѣ и самъ со извѣстіемъ о готовности къ послу нашему явился.—Въ началѣ девятаго часа мы отправились слѣдующимъ образомъ: небольшая открытая лодка по причинѣ мели у берега пристала къ воротамъ нашего замка, посланникъ со свитой, а именно: Надворный Совѣтникъ Фаге, свиты Государя Маіоръ Фредерицъ, я, поручикъ Кошелевъ, докторъ Ланддорфъ, со штабдартномъ унтеръ офицеръ Кузнецовъ, взошли на сказанную лодку, на коей привезены были къ большому гребному и сверху покрытому судну, въ немъ шли на 30-го гребцахъ по заливу и во время шествія мимо фрегата нашего, съ него сдѣлана была матросами по реямъ посланнику честь, и приближаясь къ мѣстечку Дезимъ, занимаемому голландскою факторіею, увидѣли въ ономъ поднятый флагъ и на балконахъ стоящихъ факторіи директора со всей свитой, которые неоднократно дѣлали намъ почтеніе поклонами. А подходя къ пристани города, пересѣли на другую лодку по той же причинѣ, какъ сначала отправились, и приставши къ берегу вышли на огромную площадь, которая со всѣхъ сторонъ окружена была вой-

скомъ и занавѣшана со всѣхъ сторонъ разноцвѣтнымъ полотномъ. По выходѣ изъ лодки посланникъ приглашенъ былъ садиться въ киримонъ, который несли шесть человѣкъ солдатъ, впереди онаго шли десять паръ бонжосовъ,—за ними шесть человѣкъ солдатъ съ большими въ рукахъ палицами. одинъ за однимъ. по три человѣка на сторонѣ. Позади ихъ мы шли съ переводчиками; позади насъ. вышесказаннымъ образомъ, шесть человѣкъ солдатъ, за ними ѣхалъ кавалерійскій офицеръ на лошади, которую подъ узду вели два человѣка солдатъ, за нимъ шли пѣшіе множество офицеровъ и солдатъ, а за ними великая толпа народа. Проходя, мы видѣли прекрасныя, не очень широкія, кодо крайности чистыя улицы, которыя очень ровно устланы дикимъ тесаннымъ камнемъ, но далѣе по обѣимъ сторонамъ соединены по большей части подъ одну крышу. всѣ занавѣшаны цыновками и полотномъ.— Однако, при всемъ искусствѣ японцевъ—скрывать отъ европейцевъ свое обстояніе. мы видѣли много прекрасныхъ нимфъ сквозь рѣдкія цыновки и великія скважины, искусно сдѣланныя нѣжною ихъ рукою; думаю,—не для того больше, чтобъ смотрѣть на незнакомыхъ, но чтобъ показать цвѣтушія свои прелести, и мы примѣтили довольно розъ непоблеклыхъ. Пройдя болѣе десяти улицъ, кои одна отъ другой отдѣляются воротами и при нихъ карантинъ—наконецъ дошли къ огромному деревянному дому Губернатора, который со всѣхъ сторонъ окруженъ былъ карауломъ. Вошедъ въ переднюю, приняты были оберъ-переводчиками, и введены во внутреннія комнаты, въ коихъ всюду видны были сидящіе чиновники. Но кромѣ преудивительной чистоты роскошь въ японскихъ домахъ, кажется, совсѣмъ не имѣетъ мѣста. Итакъ послѣ была назначена комната, а свитѣ его особливая, минутъ чрезъ пять просили посла въ залу аудіенцій,—при двухъ офицерахъ нашей свиты, и онъ, пошедши, взявъ съ собою Надворнаго Совѣтника Фаге, и маіора Фрідерици, а мы всѣ остались въ его комнатѣ; гдѣ угощаемы были курительнымъ табакомъ, чаемъ и бисквитами, черезъ часъ посоль возвратился и мы шли обратно вышесказаннымъ образомъ до своей квартиры, и въ то время, какъ ни старалась строгая полиція разгонять чернь желѣзными своими палками—но она всюду толпилась тысячами. Что говорено было на аудіенціи, то изъяснится въ своемъ мѣстѣ.

Марта 25-го ч. Сего числа въ 10-ть часовъ утра прибылъ къ намъ бонжосъ, командующій гребными судами, чрезъ переводчиковъ объявилъ вторую аудіенцію и мы, отправясь въ одиннадцать часовъ въ городъ—противъ вчерашняго въ дорогѣ имѣли ту разность, что по причинѣ сильнаго дождя съ грозою, насъ несли по улицамъ города въ киримонахъ. Аудіенція открыта по прежнему—тутъ объявлены пункты изъ

грамоты, данной японскимъ правленіемъ Россійскому,—что торговля не позволяется, по причинамъ совѣмъ не основательнымъ, а болѣе смѣшнымъ, то есть, когда бѣ были съ Россією устроенъ торгъ, тогда бѣ могли случиться невозможности въ правленіи ихъ усмотрѣть за мелкими людьми, въ разсужденіи тайной мѣны вещей съ ихъ мелкими жѣ людьми, однимъ словомъ, показали, что имъ непріятна торговля съ сильнымъ Государствомъ Россійскимъ. 2-е—за подарки Россійскаго Государя японскій весьма благодаритъ, только принять оныя не можетъ, потому-что не имѣеть средствъ отблагодарить, взаимнымъ образомъ. Также благодаритъ и за тѣхъ японцевъ, которыхъ мы доставили, но проситъ притомъ, чтобъ на будущее время—если случится таковое жѣ несчастіе съ поданными его, и оныя спасены будутъ, на берегахъ Россійскихъ, чтобъ ихъ ужѣ не доставлять болѣе въ отечество свое, ибо чрезъ-то Россія теряетъ весьма много на доставку ихъ казны, а люди имъ не очень нужны. 3-е, что во время своего пребыванія мы получали отъ нихъ жизненные припасы, за то деньги отъ насъ не пріемлются и никакихъ вещей за деньги купить намъ не позволено; что жѣ нужно въ дорогѣ изъ провизіи все вообще будетъ ими въ скорости доставлено, а сверхъ того подарено на общество офицеровъ по сто кусковъ шелковой ватки, сто мѣшковъ пшена, и 700 пудовъ соли для экипажа нашего. 4-е—кораблямъ нашимъ входъ въ гавани ихъ позволяется, но и то по самой крайней нуждѣ, и отнюдь не для торговли.

26-го ч. Были у насъ три оберъ-толка, пазначили завтра въ 12 часовъ послѣднюю аудіенцію.

27-го ч. Въ двѣнадцать часовъ прибыли бояжосы съ переводчиками, и мы немедленно отправились. Въ городѣ все было по прежнему: только насъ несли въ киримонахъ, я приглашенъ былъ съ посланникомъ въ залу аудіенцій—и представлены къ двумъ Губернаторамъ и дайелю, кои сидѣли отъ насъ черезъ одно мѣсто, и мы сидѣли по ихъ манеру напротивъ ихъ, на полу. Разговоръ начался отъ посла нашего благодарностію за хорошее намъ содержаніе,—и притомъ просилъ у вельможъ письменнаго вида, въ случаѣ нашего обратнаго пути, если обстоятельства принудятъ близъ береговъ ихъ лечь на якорь,—чтобъ не могло съ ихъ стороны быть какого въ томъ препятствія,—на что они не согласились,—отзываясь строгостію своего закона; и все трое увѣряли словесно, что если бѣ по необходимости пришлось намъ, близъ береговъ ихъ остановиться, на якорѣ, то никакого въ томъ препятствія чинено не будетъ. Посланникъ нашъ послѣднія привѣтственныя слова началъ говорить съ вельможами на ихъ языкѣ, чѣмъ они весьма удиви-

лись, но однако жь отвѣчали на оныя чрезъ переводчиковъ, давая разумѣть, что по ихъ закону они непремѣнно должны съ иностранными говорить чрезъ толмачей—хотя бы и сами совершенно тотъ языкъ знали и потомъ мы угощаемы были табакомъ, чаемъ и конфетами. и по прощаніи чрезъ городъ шли мы потомъ пѣшіе.

Апрѣля 6-го ч. По сіе время продолжалась на корабль погрузка нашихъ припасовъ и вещей, а сего числа мы совсѣмъ перебрались на корабль, и сто японскихъ лодокъ отбуксировали оной къ мѣстечку Папенбергъ, пять бонжосовъ и множество прочихъ офицеровъ и переводчиковъ проводили насъ до сказаннаго мѣста. Въ три часа пополудни распростились съ нами пріятельски и отбыли въ городъ. Всѣ съѣстные припасы отъ японцевъ доставлены намъ на двухмѣсячное время. Теперь ожидаемъ благополучнаго вѣтра къ выходу.

7-е ч. Въ шесть часовъ утра при благополучномъ вѣтрѣ вступили подъ паруса.

9-е ч. Обшедь Юдскіе острова, поворотъ сдѣлали къ *N* и вступили въ Карейское море;—плакъ нашего плаванія былъ—описать западные берега Японіи.

Великій праздникъ Воскресенія Христова. — напомнилъ мнѣ любезное отечество; трехдневная морская болѣзнь отняла силы мои совершенно изобразить то душевное умиленіе, которое оцунцало мое сердце;—любезныя друзья!—я мѣлѣ въ душѣ моей—вы, конечно, не думаете, чтобъ я празновалъ сей Великій День во владѣніяхъ Нептуна;—при семь словъ рука моя опустилась, слезы покатались изъ глазъ и томный вздохъ отлетѣлъ къ любезнымъ моему сердцу.

11-го ч. Сего числа видѣли на правую сторону нашего плаванія,— японскіе берега и множество судовъ, но ни одно изъ нихъ къ кораблю нашему не приблизилось.

Апрѣля 20-го ч. Путь нашего плаванія по сіе число продолжался не въ виду береговъ, и, по случаю ненастной погоды, ничего любопытнаго не случилось, а сегодня поутру въ 9 часовъ увидѣли землю, въ 12 часовъ подошли къ оной на разстояніе 10 итальянскихъ миль. Высокая гора, отъ коей протянулась великая плоскость, лежащая къ западу мысомъ,—изображала сіе мѣсто островомъ. По обсервации на семь пунктовъ, сѣверная широта оказалась, 39 градусовъ и 44 ми-

нугы. Въ два часа пополудни сдѣлался штиль, изъ дали видно было много японскихъ судовъ.

21-го ч. Въ 9-ть часовъ утра сдѣлался благополучный вѣтръ и мы обойдя западной мнимаго острова мысь, увидѣли по правую сторону онаго,—лежащій низменный песчаный берегъ, коего длина простиралась весьма далеко. Въ пяти миляхъ отъ берега бросили лотъ и глубина оказалась 39-ь сажень, грунтъ былъ песчаный, близъ береговъ, большими стадами видѣли дикихъ гусей и баклановъ. Одно большое японское судно долго лежало съ нами на одномъ курсѣ по правую сторону къ берегу, разстоянiемъ отъ корабля въ двухъ верстахъ. Въ 6-ь часовъ пополудни проходя низменный берегъ, у подошвы высокихъ горъ увидѣли немалое селенiе, подлѣ котораго въ бухтѣ, видно было много стоящихъ на якорѣ морскихъ судовъ,—и идущее подлѣ насъ судно вошло въ сказанную бухту—черезъ полчаса послѣ того увидѣли идущихъ изъ той же бухты четыре большихъ гребныхъ лодки—наполненные людьми,—полагая примѣрно всехъ до двухсотъ человекъ,—то странное явленiе понудило насъ зарядить пушки и когда лодки приближались къ кораблю (въ то время былъ поворотъ онаго на другой галсъ, черезъ то они очень близко успѣли подойти къ правому борту), тогда у насъ ударили въ барабанъ тревогу, и люди, назначенные по пушкамъ, тотчасъ заняли свои мѣста, и воинская команда немедленно взшла съ заряженными ружьями на шканцы, тутъ мы увидѣли, торопливость, страхъ, испортившіе ретирату неизвѣстно для чего подошедшимъ къ намъ японцамъ, которые, поднявъ свои соломенные паруса, скоро скрылись отъ глазъ, а мы оставшись спокойными въ ночь, и имѣли курсъ свой при маловѣтрiи отъ береговъ въ моря.

22-е ч. При благополучномъ вѣтрѣ продолжали плаванiе подлѣ гористаго берега; въ 11 часовъ утра прошли весьма высокую и сѣвгомъ покрытую гору, отъ которой простирался вдаль также холмистый берегъ. Въ 12-ь часовъ обсервована широта, и мы находились . . . . 41-мъ градусомъ . . . . , въ 6-ь часовъ пополудни подошли къ Сингарекому проливу: лежащему между островомъ Нишиномъ и Матмаемъ. изъ копихъ на послѣднемъ видѣли въ зрительныя трубы довольно обширный городъ—называемой по японски Мацы. Вновь при тихомъ вѣтрѣ лежали отъ береговъ въ море.

23-го ч. При попутномъ вѣтрѣ, обойдя Сангаръ, направили путь нашъ близъ Сѣверо-Западныхъ береговъ острова Матмая, на коемъ по

возвышеннымъ мѣстамъ горъ видѣли немало снѣга, а селеній больше замѣтить не могли.

29-го ч. Подходя къ мнимымъ послѣднимъ двумъ островамъ, положеннымъ на картѣ противъ оконечности мыса Матмайскаго и къ проливу оныхъ, увидѣли миляхъ въ 3-хъ отъ насъ плывущую порожнюю лодку, которая посланнымъ отъ насъ яликомъ поймана и поднята на корабль. Она увѣрила насъ, что по близости сего мѣста должны быть жилища японскія, ибо на веслѣ, лежащемъ въ той лодкѣ нашли подпись, вырѣзанную японскими буквами.

30-го ч. Пройдя превысокій, отдѣлившійся отъ земли въ море покрытый снѣгомъ пикъ, и поворота отъ онаго вправо за мысъ острова Матмая, за которымъ увидѣли изрядную бухту и по берегу оной селеніе, изъ котораго вскорѣ приплыли къ намъ три лодки называемыхъ мохнатыхъ курильцевъ, они дѣлали намъ привѣтствія, поднимая обѣ руки кверху и опуская книзу, обхватывая бороду—показывали руками на свое селеніе и пантомимами звали къ себѣ. За противнымъ вѣтромъ мы остановились въ 11-ѣ часовъ на якорь; въ два часа послѣ обѣда отправились въ шлюпкѣ къ сказаному селенію на берегъ.— Хижины, построенныя изъ камыша на манеръ якутскихъ юртъ, множество сушеныхъ сельдей и прочей рыбы, висящей на вѣшалахъ, нѣсколько мелкаго рода собакъ, а впрочемъ очень похожихъ на камчадалскихъ, кажется, составляли все сихъ людей имѣніе;—одежды изъ древесной коры, тканъ похожая много на ревендукъ, голько гораздо онаго толще—есть лѣтнее ихъ платье, которое покроемъ очень похоже на челмень. Зимнее платье изъ кожъ собачьихъ и лисьихъ того жъ покроя, мужчины и женщины въ платьѣ различія никакого не имѣютъ, и волосы на головѣ не подстригаютъ спереди, закладывая оныя за уши: только примѣтили у нѣкоторыхъ молодыхъ дѣвушекъ надъ самымъ лбомъ на вершокъ кверху обстрижены. Мужчины бородъ совсѣмъ не подстригаютъ, и кажется оттого получили названіе мохнатыхъ: женщины татуируютъ губы и руки по локоть, синимъ составомъ: въ ухахъ носятъ превеликія мѣдныя кольца,—онѣ лицомъ нѣсколько похожи на камчадалокъ, только гораздо ихъ неопрятнѣе,—въ юртахъ сихъ людей видѣли довольно вещей японскихъ. Они состоятъ изъ инструмента желѣзнаго для дома, курительнаго табаку, и соломенныхъ работъ; послѣдними постилаютъ, полъ въ юртѣ,—и сидятъ на оныхъ всѣмъ семействомъ кругомъ огня разложеннаго среди покоя. Въ каждой юртѣ, по входѣ на правой сторонѣ въ переднемъ углу врытъ деревянной столбикъ, и къ оному привязанъ молодой медвѣдь; примѣтно, что у нихъ есть въ томъ суе-

вѣрше, — побывши три часа у новыхъ знакомыхъ, дарили ихъ разными бездѣлками, потомъ побѣжали на корабль; и по прибытіи на оный узнали; что во время отсутствія нашего были на кораблѣ японцы, а какіе люди онаго не открыли, обѣщая исполнить то завтра.

Мая 1-го ч. Въ 10 часовъ утра прибылъ къ намъ въ лодкѣ японскій чиновникъ, который и объявилъ, что онъ есть на семь берегу караульный офицеръ (по японски якушинъ). Онъ совѣтовалъ намъ какъ можно скорѣе удалиться отъ ихъ береговъ, а въ противномъ же случаѣ узнаютъ объ насъ въ Матмаѣ и пришлютъ величайшій флотъ. Мы, слушая отъ него такое страшное описаніе о своемъ флотѣ, приняли то равнодушно, съ усмѣшкою — и сказали, что при попутномъ вѣтрѣ будемъ въ морѣ, — онъ увѣдомилъ насъ, что мы теперь стоимъ при входѣ въ проливъ и, что въ ясную погоду отсель видны берега острова Шиша. — Онъ очень помнитъ Россійскую экспедицію, въ которой былъ лаксманъ съ Матмая, и въ доказательство того нѣсколько проговорилъ намъ затверженныхъ имъ тогда русскихъ словъ: по угощеніи чаемъ и водкою отправился въ свое мѣсто.

2-го ч. Поутру въ 1-й часъ снялись съ якоря, направили путь нашъ къ проливу, значущемуся на картѣ между островами Матмая и Шиши, и къ вечеру подошли очень близко къ острову на картѣ показанному Карафуту или Шиша, который по примѣчанію совсемъ представился глазамъ нашимъ въ другомъ видѣ; и мы болѣе признали сіе мѣсто за островъ Сахалинъ, ибо онъ лежитъ въ этой широтѣ. Въ ночь отошли отъ береговъ въ море.

3-го ч. При благополучномъ вѣтрѣ пустились въ проливъ; при входѣ въ оный увидѣли въ лѣвой сторонѣ отъ насъ, мпяхъ въ 3-хъ большой надводный камень и множество на немъ сѣтей. Сіе болѣе насъ удостовѣрило въ томъ, что островъ сей не Шиша, ибо на картѣ въ проливѣ Лаперуза означенный камень лежитъ по видамъ въ самомъ томъ мѣстѣ и названъ опасностію. Болѣе жъ всего увѣрила насъ полуденная обсервація, по которой мы находились въ сѣверной широтѣ подъ 46-мъ градусомъ и 3 минутами. Тогда совершенно узнали, что острова Шиша и между его и Матмая пролива совсемъ нѣтъ, а есть дѣйствительно одинъ Лаперузокъ, лежащій межъ острововъ Матмая и Сахалина. Въ 6 часовъ пополудни подошли въ заливъ. . . . къ оконечности, гдѣ увидѣли подлѣ берега немалое японское судно и по берегу довольно строенія; въ 7 часовъ на 8-ми саженьяхъ глубины положили якорь.

4-е ч. Утромъ прибыли къ кораблю отъ берега двѣ лодки; на одной были японцы, а на второй курильцы или сахалинцы, кои приглашаемы были нами на корабль, но въ томъ намъ отказали; японцы отзывались, что у нихъ на берегу находится чиновникъ, безъ воли котораго они взойти на корабль никакъ не смѣютъ, а послѣдніе слѣдовали первымъ. Въ два часа пополудни мы отправились въ шлюпкѣ на берегъ, гдѣ нашли двухъ японскихъ купцовъ, заготовляющихъ въ семь мѣстѣ соленыхъ сельдей; у нихъ для того построены очень хорошіе магазины и рыбы заготовлено очень много. Когда мы взошли въ домъ къ сказаннымъ купцамъ то они насъ такъ испугались, что долгое время совсѣмъ не могли говорить ни слова, а когда изъ увѣренія нашего узнали, что мы Россіяне и ихъ пріятели, тогда нашли у себя языкъ и увѣдомили насъ, что они приходятъ сюда изъ города Матмай каждое лѣто для заготовленія рыбы, а на зиму уѣзжаютъ со всѣмъ промысломъ въ сказанный городъ. Въ работѣ у нихъ находятся жители сего острова, которымъ платятъ они за труды товаромъ. Мы примѣтили обитателей сего острова весьма добрыми, и кажется, что они совсѣмъ поработены живущими здѣсь японцами и всякое приказаніе ихъ исполняютъ съ торопливостью совершенно какъ ихъ подданные. Образъ жизни имѣютъ точно такой же какъ мы видѣли на островѣ Матмай, и платье имѣютъ такое, только гораздо оныхъ трусливѣе.— Мы входили въ одну ихъ юрту, въ которой находился тогда одиѣ женщины, увидѣвъ насъ, отъ страха закричали всѣ въ голосъ; когда же мы начали ихъ дарить разными бездѣлками, то брали оныя трепещущими руками и всѣ дрожали безпрестанно. Такое зрѣлище принудило насъ скорѣе ихъ оставить. Заливъ имѣетъ мѣстоположеніе весьма хорошее; его низменный берегъ весь покрытъ деревьями, а именно: елью, сосной, березой и рябинникомъ, между онаго вылегающія ровныя долины представляютъ глазамъ весьма пріятную картину. Рыбы здѣсь такъ изобильно, что когда сдѣлался въ бытность нашу на берегу морской отливъ, то весь берегъ покрытъ былъ икрою оной; устриць ловятъ очень крупныхъ, дичины разнаго рода великое множество, также и китовъ въ заливѣ мы видали вдругъ десятка по два.

5-е ч. Въ 7 часовъ утра снялся съ якоря и къ вечеру подошли къ Кануанье; гдѣ при маловѣтріи легли къ ночи въ дрейфъ.

6-е ч. Въ 8 часовъ утра, пройдя проливъ Лаперуза, вступили въ Охотское или Пенжинское море; направили курсъ нашего плаванія вдоль юго-восточныхъ береговъ острова Сахалина, которые описаны еще никѣмъ не были.

8-е ч. Въ 8 часовъ утра увидѣли изрядной величины бухту, и подойдя къ оной миль за восемь, капитанъ корабля отправилъ лейтенанта Головачева въ яликъ для осмотра и промѣриванія оной, который, по прибытіи въ бухту, совсѣмъ не нашелъ въ оной якорныхъ мѣсть и увидѣвъ на берегу строеніе, любопытствовалъ узнать обитателей онаго, гдѣ, дѣйствительно, нашелъ людей человѣкъ до десяти. Они очень похожи на послѣднихъ прежнихъ мной описанныхъ, только живутъ гораздо ихъ опрятнѣе; также примѣчено у нихъ немало вещей японскихъ, что служить доказательствомъ сношенія ихъ съ японцами, и видѣлъ много собакъ, коихъ примѣтно они употребляютъ для ѣзды въ зимнее время. По прибытіи сказаннаго лейтенанта на корабль въ два часа пополудни мы оставили сіе мѣсто, безъ дальняго изслѣдованія по невозможности остановиться на якорь.

11-е ч. Подошедши къ оконечности залива Пасіанса, остановились на якорь; и какъ уже было 8-ь часовъ пополудни, то не успѣли сего дня быть на берегу.

12-е ч. Въ 4-е часа поутру капитанъ лейтенантъ Ротмановъ отправился въ шлюнкъ на берегъ, и какъ примѣтна была съ корабля впадающая въ заливъ небольшая рѣка, то намѣреніе его было испытать оную. Прибывши на берегъ, дѣйствительно, нашелъ изрядную рѣку, въ которой поймана неведомъ въ 30 фунтовъ одна рыба, очень похожая видомъ и вкусомъ на лососину. Мѣстоположеніе берега недурно, только приставать къ нему и въ маломъ суднѣ весьма трудно по причинѣ чрезвычайной отмели и отъ оной большого буруна, облегающаго весь сей берегъ. Онъ видѣлъ вдали трехъ человѣкъ людей, кои, примѣтивъ его приближеніе, тотчасъ скрылись въ близлежащій тростникъ и болѣе на берегу примѣчено ничего не было: кромѣ великаго множества дичины разнаго рода и устричныхъ раковинъ.—По прибытіи Ротманова на корабль при благополучномъ вѣтрѣ вступили подъ паруса.

15-го ч. Прощедши мысъ Пасіансъ, въ 10-ть часовъ утра открылось вдали по всему сѣверному берегу острова Сахалина множество плывущаго льда, то принудило насъ немедленно переимѣнить курсъ свой къ 13-му Курильскому острову и предпріятіе описанія острова Сахалина отложено до будущей экспедиціи.

18-го ч. Сего числа увидѣли 11-й и 12-й Курильскіе острова, но вѣтрѣ пріимѣннѣе принудилъ насъ отъ оныхъ удалиться.

19-го ч. Подошли къ вышесказаннымъ островамъ напротивъ самаго пролива оныхъ, въ которомъ усмотрѣно нами множество надводныхъ каменьевъ; притомъ неблагопріятствующій вѣтръ вскорѣ развелъ сильное волненіе, то принудило насъ и сіе мѣсто оставить, а имѣли плаваніе вдоль цѣпи сихъ острововъ, приближаясь къ Камчатскому полуострову.

21-го ч. Вечеру подошли къ 5-му и 6-му островамъ, гдѣ межъ оныхъ открылся хотя узкій но весьма недлинный и чистый проливъ, въ который вновь пустились, и при хорошемъ вѣтрѣ прошли благополучно, и Камчатскимъ моремъ направили свой путь къ гавани Петропавловской.

24-е ч. Увидѣли гавань Петропавловскую, но за маловѣтріемъ не могли войти въ оную.

25-го ч. Въ 6 часовъ пополудни при благополучномъ вѣтрѣ вошли въ гавань, гдѣ тогда находились зимующія суда: казенное транспортное Святого Феодосія подъ командою штурмана Астафьева и Компанейское Марія, слѣдующее на Алеутскіе острова подъ предводительствомъ двухъ лейтенантовъ Машина, Хвостова и при нихъ мичмана Давыдова.

Господинъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и двора Его Императорскаго Величества дѣйствительный Камергеръ Николай Петровичъ Резановъ, во время вояжа до гавани П., располагавъ по прибытіи въ оную, отправиться на казенномъ транспортномъ суднѣ въ Охотскъ, а оттуда до Петербурга, но нашедъ въ гавани Россійско-Американской компаніи сказанное судно Марію, планъ своего путешествія до Петербурга отмѣнилъ, а началъ приготовляться въ Сѣверную Америку. ибо онъ имѣлъ Высочайшее повелѣніе обзрѣть все заведеніе компаніи на Алеутскихъ островахъ и подробно разсмотрѣть тамъ обстояніе Компанейскаго Правленія, куда въ теченіи іюня мѣсяца и отправился. А фрегатъ Надежда. имѣя планъ окончить описаніе острова Сахалина, началъ приготовляться къ отправленію на оный, и межъ тѣмъ со извѣстіемъ о прибытіи и о намѣреніяхъ посланъ былъ нарочный курьеръ въ Нижне-Камчатскъ къ Правителю области Господину Генераль-Маіору Кошелеву, котораго господинъ Резановъ не дождавшись. отбылъ въ Америку; а фрегатъ дождался и на другой день его пріѣзда также отправился въ свой путь съ тѣмъ, чтобъ по описаніи Сахалина обратиться въ Гавань, а изъ оной полагалъ

намѣреніе довершать обратный достохвальный свой путь до Петербурга. Мы, пробывши въ гавани П. три дня, отправились съ господиномъ шефомъ въ Нижне-Камчатскъ и въ августѣ мѣсяцѣ получено извѣстіе о благополучномъ возвращеніи фрегата. А что имъ во время сей экспедиціи сдѣлано—мнѣ подробно о томъ не извѣстно, кромѣ какъ только имѣя два письма отъ пріятелей, которые для памяти прилагаю у сего.

1 Авг. Правитель области Камчатской по полученіи извѣстія о возвращеніи фрегата отъ Сахалина и также о приготовленіи его въ обратный путь, немедленно командировалъ брата своего поручика Кошелева въ гавань для скорѣйшаго споспѣшествованія странникамъ во всѣхъ нужныхъ воспособленіяхъ, который, возвратясь въ Нижне-камчатскъ въ октябрѣ мѣсяцѣ увѣдомилъ, что фрегатъ Надежда отправленъ благополучно, и какъ по волѣ Всевышняго свершить сія экспедиція многотрудные свои подвиги, о томъ должна ожидать Россія и цѣлый свѣтъ подробнѣйшаго умныхъ людей описанія 1805-го года Октября 15 дня. Нижне-Камчатскъ.

Вожею споспѣшующею милостію Его Тензинкубоскому Величеству Самодержавнѣйшему Государю обширной Имперіи Японской, превосходнѣйшему императору и повелителю Государь Императоръ и самодержецъ Всероссийскій желаетъ совершеннаго здравія, многолѣтней жизни и въ царствованіи всякаго благополучія. Принявъ въ управление Имперію, предѣлы коей прародители мои Петръ I-й и Екатерина II-я славными побѣдами распространили, и нашедъ Голландію, Францію, Англію, Италію, Испанію, и нѣмецкую землю страждущими отъ общей войны, поставилъ Я себѣ за долгъ склонить ихъ дружескимъ настояніемъ ко всеобщему миру, полагая благоденство царства моего въ тишинѣ и спокойствіи. Обращаю Я все попеченіе мое на пріобрѣтеніе дружественнаго расположенія всѣхъ вообще земныхъ царствъ, а паче моихъ сосѣдей. Вѣдала достоинство Японской Имперіи покойная Императрица Екатерина Великая въ знакъ благопріязненнѣй въ 1791-мъ году возвращала въ отечество тѣхъ японцевъ, кои несчастнымъ случаемъ претерпѣвъ кораблекрушеніе судьбою брошены были на берега моего царства, и тогда посланные Россійскіе подданные, будучи дружелюбно приняты, получили отъ японскаго Правительства листъ, коимъ позволено было одному судну приходить въ нагасацкую гавань невозбранно.

Чувствуя и понинѣ такое благопріятно расположенія Вашего Тензинкубоскаго Величества, и притомъ какія выгоды могли бы истекать отъ взаимнаго торговаго обращенія, сверхъ сего, желая вѣдать составъ правительства и другихъ частей свѣта, положилъ Я сдѣлать

въ Японію отправленіе для возвращенія Вашему Величеству нѣскольکو человекъ японцевъ, которые донинѣ не по волѣ своей, но несчастнымъ рокомъ избѣгши смерти отъ кораблекрушенія, спасли въ Моихъ предѣлахъ жизнь свою, а на сей конецъ избравъ въ родѣ достойнаго, вѣрно-подданнаго дѣйствительнаго камергера двора моего Николая Резанова, дабы съ должнымъ почтеніемъ могъ онъ приблизиться къ Самодержавной Особѣ Вашей; желаю, чтобъ онъ подалъ Вашему Тензинкубоскому ВЕЛИЧЕСТВУ сію грамоту по надлежащему обряду съ истиннымъ уваженіемъ, поступалъ бы во всемъ такимъ образомъ, чтобъ и Вамъ пріятно было и объявилъ бы Вашему Тензинкубоскому Величеству сколько я стараюсь продолжить и утвердить на непоколебимыхъ правилахъ связь дружественнаго Моего къ Вамъ расположенія, и все то исполнить, что токмо съ Вашей стороны требуется будетъ. Въ знакъ признательности за принятіе моихъ предложеній, которые состоятъ въ томъ, чтобы Ваше Тензинкубоское Величество дозволили купечеству нашему Моему, и паче жителямъ Кадьякскихъ, Алеутскихъ и Курильскихъ острововъ, яко Вамъ сосѣдственнымъ, приставать въ Нангасацкую гавань, и не токмо одному кораблю, но и многимъ, и въ другія гавани съ тѣми избытками, какіе Вамъ благопріятны будутъ. Я жъ съ Моей стороны отверзаю всѣ предѣлы царства Моего къ дружелюбному принятію вѣрноподанныхъ Вашихъ, на какихъ основаніяхъ утвердить взаимную между подданными нашими торговлю и гдѣ приставить въ портахъ Вашихъ торгующимъ Моимъ подданнымъ поручилъ Я посланнику Моему помянутому дѣйствительному Камергеру Резанову войти съ министерствомъ Вашего Тензинкубоскаго Величества въ должные переговоры какимъ образомъ впередъ доставлять Мнѣ къ Вамъ Вашихъ подданныхъ, если несчастнымъ жребіемъ претерпятъ они кораблекрушеніе и на берегахъ Моего царства спасутъ жизнь свою. Посылаю при семъ Вашему Тензинкубоскому Величеству въ даръ часы вдѣланные въ фигуру механическаго слона, зеркала, мѣхъ лисій, вазы костяной работы, ружья, пистолеты, и стальные и стеклянные издѣлія, сіи вещи выдѣланы на Моихъ мануфактурахъ, хотя оныя небольшой стоятъ цѣны, Я желаю чтобъ они только пріятны для Васъ были, и чтобъ въ предѣлахъ моего государства нашлось что нибудь вамъ угодное.

Въ Санктпетербургѣ іюня 30-го дня царствованія Моего третьяго года.

На подлинномъ подписано собственнo его Императорскаго Величества рукою такъ: *Александръ*.

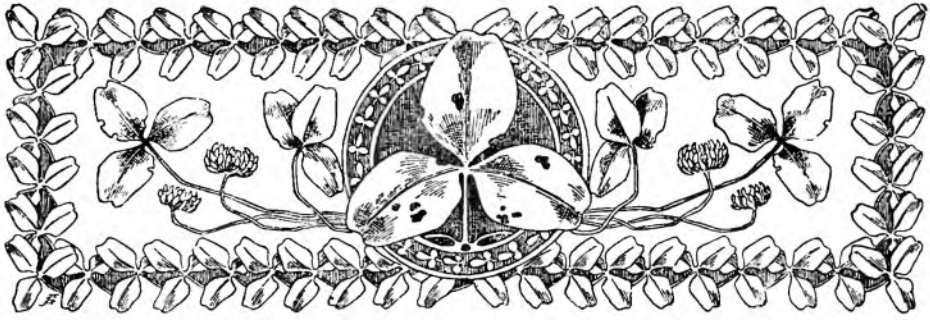
Контро сигнировано посемъ: Графъ Александръ Воронцовъ.

Россіяне! обошедъ вселенную, видимъ мы себя наконецъ въ водахъ Японскихъ! Любовь къ отечеству, искусство, мужество, презрѣніе опасностей, повиновеніе начальству, взаимное уваженіе, кротость, — суть черты изображающія Россійскихъ мореходовъ, суть добродѣтели всемъ Россіянамъ вообще свойственныя. Вамъ, опытные путеводцы, принадлежитъ и теперь благодарность соотчичей!

Вы стяжали уже ту славу, которой и самый завистливый свѣтъ никогда лишитъ Васъ не въ силахъ.

Вамъ достойные сотрудники мои, принадлежитъ совершеніе другого достохвальнаго подвига и открытіе новыхъ источниковъ богатства! А вы, неустрашимыя чада морскихъ ополченій, восхищайтесь утѣхами ревностнаго вашего содѣйствія, соединимъ сердца и души наши къ исполненію воли Монарха пославшаго насъ; Монарха, праведно нами обожаемаго, но мы давно уже ихъ съединили. Итакъ, благодарность къ Августѣйшему Государю нашему да одушевляетъ всѣ чувства наши! День сей, друзья мои, знаменитъ тѣмъ, что сыны его въ первый разъ проникаютъ въ пространство Имперіи Японской и побѣдоносный флагъ Россіи ознакомливаютъ съ водами Нагасакскими. Уполномоченъ будучи отъ Всемилостивѣйшаго Государя нашего быть свидѣтелемъ великихъ подвиговъ вашихъ, столь же лестно было мнѣ раздѣлять съ вами всѣ труды и опасности, сколь пріятно нынѣ торжественно изъявить вамъ ту признательность, которая въ нѣдрахъ любезнаго нашего отечества всѣхъ насъ ожидаетъ. Празднуя въ водахъ Японскихъ день Высочайшей Его Императорскаго Величества коронаціи, дѣлаю я оный навсегда для заслугъ вашихъ памятнымъ. Зрите здѣсь изображеніе великаго Государя, примите въ немъ мзду вашу, изукрайтесь симъ отличіемъ, едиными безпредѣльными трудами и усердіемъ приобретаемымъ, помните повсечасно, что оно еще болѣе обязываетъ васъ къ строгому храненію добродѣтелей, коими гордились предки наши и въ восторгѣ славы благословляйте царствованіе, въ которое заслуги послѣдняго подданнаго и въ самыхъ отдаленныхъ предѣлахъ свѣта предъ Монаршимъ престоломъ никогда незабвенны. 1804-го года Сентября 15-го дня.

ИЗЪ ЛѢТОПИСНЫХЪ СКАЗАНІЙ XVII и XVIII вѣковъ¹⁾.

Въ 1620-мъ году въ 7-ой годъ царствованія Благочестиваго Государя и Великаго Князя Михаила Федоровича пасѣчникъ²⁾, крестьянинъ села Оболонья—осматривая свои улья—на высокомъ кленѣ среди дремучаго лѣса, принадлежавшаго Понорницкой сотнѣ Черниговскаго полка, случайно поднявъ вверхъ голову, увидѣлъ изображеніе Святителя Николая Чудотворца.

Совершивъ крестное знаменіе, онъ благоговѣйно снялъ икону съ дерева и отнесъ ее въ свое жилище. Не найдя на слѣдующее утро изображенія Угодника, онъ поспѣшилъ въ лѣсъ и увидѣлъ его на прежнемъ мѣстѣ. Не сказавъ ничего своимъ близкимъ относительно чудеснаго явленія иконы—онъ рѣшилъ хранить ее въ тяжеломъ, запертомъ большимъ замкомъ сундукѣ. Но и на этотъ разъ исчезнувшая икона снова очутилась на томъ же кленѣ въ дремучемъ (пояныѣ существующемъ) лѣсу.

Пораженный таинственнымъ исчезновеніемъ иконы, крестьянинъ сообщилъ мѣстному (села Оболонья) священнику отцу Василю о совершившемся чудѣ.

Быстро облетѣла сосѣднія селенія вѣсть о явленіи иконы и отовсюду стали стекаться къ указанному промыслу Божіимъ дереву благочестивые вѣрующіе съ усердною молитвой объ исцѣленіи отъ болѣзней, утѣшеніи въ скорбяхъ и напастяхъ. На скромныя средства

---

¹⁾ Изъ монастырскаго архива Рыхловскаго Монастыря Черниговской губ. Кролевецкаго уѣзда.

²⁾ По настоящее время дремучіе лѣса громадныхъ липъ, кленовъ, дубовъ—привлекаютъ пасѣчниковъ, пчеловодовъ.

мѣстныхъ жителей сооружена была среди дремучаго лѣса маленькая часовня во имя Святителя Николая, въ которой ежегодно 9-го Мая и 6 Декабря совершалъ богослуженіе приходской священникъ села Оболонья¹⁾).

О цѣломъ рядѣ чудесъ повѣствуютъ записи монастырскаго архива. а на стѣнахъ маленькой часовни-церкви пестро, яркими красками изображены важнѣйшія, относящіяся къ явленію иконы событія.

Такъ преданіе гласить, что упомянутому священнику, не пожелавшему совершить богослуженіе 9-го Мая явившійся во снѣ Святитель обратился съ укоромъ: „Почто не радѣши о званіи, къ которому призванъ? Почто оставляеши пустынный храмъ мой безъ славословія Бога, дивнаго во святыхъ Его.“ Больнымъ, разслабленнымъ проснулся священникъ въ утро 9-го Мая. Онъ требовалъ настоятельно, чтобы его немедленно отвезли въ часовню, гдѣ онъ, послѣ усердной молитвы передъ чудотворной иконой, получилъ исцѣленіе.

То же преданіе гласить, что собравшіеся въ то время въ лѣсу вѣрующіе не остались безъ богослуженія. 9-го Мая 162... г. священнику города Новгородъ-Сѣверска²⁾ явившійся таинственнымъ образомъ юноша сталъ просить, отъ имени Оболонскаго священника совершить богослуженіе въ пустынкѣ. Собравшаяся въ лѣсу толпа видѣла пару бѣлыхъ коней и юношу мгновенно исчезнувшихъ изъ виду по доставленіи священника къ мѣсту служенія. Пораженный изумленіемъ народъ восклицалъ: „рыхло, рыхло“ (по польски: скоро, скоро)³⁾, откуда и произошло названіе монастыря.

Сначала въ близъ лежащихъ пещерахъ поселилось всего нѣсколько отшельниковъ, а затѣмъ, когда вѣсть о чудесахъ, совершавшихся постоянно передъ чудотворной иконой, стала привлекать толпы богомольцевъ, явилась необходимость въ сооруженіи небольшихъ деревянныхъ построекъ, послужившихъ основаніемъ монастыря въ половинѣ XVII столѣтія.

¹⁾ Ближайшее мѣстѣ, верстахъ 10—12-ти отъ мѣста, гдѣ явился образъ.

²⁾ Въ 40 верстахъ отъ Монастыря.

³⁾ Малороссія находилась въ то время подъ владычествомъ Польши. И до настоящаго времени въ разговорномъ языкѣ Малороссовъ много польскихъ словъ.

Послѣ продолжительныхъ, закончившихся пораженіемъ Поляковъ подъ Глуховымъ въ 1664 году, кровопролитныхъ казацкихъ войнъ, Рыхловскій монастырь стали посѣщать усердно, для поклоненія святыни—щедрые благотворители изъ числа именитаго того времени казачества.

Таковыми были „Гетманъ Данилъ и братъ его Василиій многогрѣшные,“ на средства которыхъ, по свидѣтельству архивныхъ записей, были воздвигнуты первыя монастырскія постройки.

Возмущенный предложеніемъ Гетмана Брюховецкаго малороссійскимъ старшинамъ, вновь отложиться отъ Москвы въ 1668, неподкупный, твердый, рѣшительный Василиій многогрѣшный удалился въ Рыхловской монастырь. Единогласно избранный въ 1671 году Черниговскимъ полковникомъ, онъ навсегда покинулъ мирную обитель, для которой сумѣлъ пріобрѣсти много цѣнныхъ угодій.

Не менѣе дѣятельнымъ щедрымъ благотворителемъ былъ избранный въ 1672 Гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра Иванъ Самойловичъ. Послѣ неудачнаго крымскаго похода 1687 г. онъ, присоединившій къ Россіи Заднѣпровскую Украину, попалъ въ немилость, былъ низложенъ и, испытавъ превратности судьбы, умеръ въ ссылкѣ въ Сибири въ 1692 г.

Получившій исцѣленіе передъ иконой святителя Николая отъ продолжительной тяжкой болѣзни добрый, мягкій Гетманъ Иванъ Скоропадскій много содѣйствовалъ украшенію и благосостоянію обители. Уступая, подчиняясь преобразованіямъ Петра I, онъ возстановилъ противъ себя казачество, лишивъ Малороссію многихъ ея льготъ и преимуществъ. Нерѣшительный, добродушный онъ представлялъ такой поразительный контрастъ своей энергичной, властной женѣ Анас. Марк. (рожденной Марковичъ) что у современниковъ сложилась поговорка: „Иванъ телятъ пасе, а Настя булаву несе“.¹⁾

Успѣшно воевавшій съ татарами въ 1689—1693 г. съ турками и шведами въ 1697 г., попавшій въ немилость за слишкомъ рѣшительное требованіе возврата утраченныхъ Малороссіей при Скоропадскомъ льготъ и привилегій, Гетманъ Данилъ Апостоль, соорудившій кіотъ и цѣнную ризу на чудотворную икону, принадлежалъ къ числу наиболѣе щедрыхъ, оставившихъ по себѣ благодарную память жертвователей.

¹⁾ Историческій Вѣстникъ, Августъ 1911; „Гетманша Скоропадская“.

Постепенно пріобрѣтенныя обителью угодія были укрѣплены за нею, по ходатайству ѣздившаго лично въ Москву игумена Луки, милостивой грамотой царей Петра и Иоанна Алексѣевичей 13-го мая 1691 года.

Съ воцареніемъ Императора Петра I наступили для Малороссіи болѣе тяжелыя времена, отразившіеся и на благосостояніи монастыря, вслѣдствіе оскуднѣнія матеріальныхъ средствъ. Постройки, сооруженныя братьями многогрѣшными и ихъ преемниками Гетманами малороссійскими, пришли постепенно въ упадокъ. Пожертвованія сократились настолько, что, за неимѣніемъ средствъ, прекратились работы по сооруженію (нынѣ существующаго) соборнаго храма.

Со вступленіемъ на престолъ милостивой Императрицы Елизаветы Петровны, по свидѣтельству монастырской лѣтописи началась новая болѣе счастливая эра.

Въ Кіевѣ въ 1764 году по инициативѣ благочестивой Государыни въ ея присутствіи былъ заложенъ соборъ во имя св. Андрея Первозваннаго. Желѣзо для постройки доставлялось тогда по Деснѣ съ завода Акинѳея Демидова.

Когда въ Рыхловскомъ монастырѣ за недостаткомъ средствъ на покупку желѣза пришлось пріостановить работу по постройкѣ храма, Святитель Николай, явившись во снѣ подрядчику, доставлявшему въ Кіевъ желѣзо, повелѣлъ завезти его въ Рыхловскій монастырь, во вновь строящійся храмъ его имени. Купецъ поспѣшилъ исполнить велѣніе святителя.

Объ отправкѣ закупленнаго казной желѣза вмѣсто Кіева въ Рыхловскую обитель, по повелѣнію Николая Чудотворца было доложено ктитормъ ея¹⁾ Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ.

Государыня находилась въ то время проѣздомъ изъ Кіева по Деснѣ въ Вишенькахъ²⁾, имѣніи графа Румянцова-Задунайскаго (въ 20 верстахъ отъ монастыря).

¹⁾ Полковникомъ Каченовскимъ, построившимъ на личныя средства теплый, нынѣ существующій храмъ, въ склепѣ котораго онъ погребенъ.

²⁾ Нынѣ принадлежащихъ, какъ и Оболонье, наследникамъ недавно скончавшагося князя А. С. Долгорукова.

Высочайшимъ указомъ отъ 30 Іюня 1745 года повелѣно было желѣзо съ завода Акинѳея Демидова употребить на воздвигаемый въ Рыхловскомъ монастырѣ храмъ.

Вслѣдъ за тѣмъ другимъ Высочайшимъ указомъ отъ 9 Іюля 1748 г. повелѣно было отпускать ежегодно изъ Малороссійскихъ доходовъ по 500 р. ассигнаціями на содержаніе братіи, приписать для увеличенія доходовъ Рувисно, Сосницкую обитель. предоставить много льготъ различныхъ и преимуществъ и т. д. Милостивая грамота заканчивалась словами „за молитвы о здравіи нашего Императорскаго Величества милость Наша отъ служащихъ и братіи неотъемлема будетъ никогда.

Елизавета.“

Съ кончиной Императрицы въ 1761 г. монастырь лишился своей милостивой покровительницы и щедрой благотворительницы.

Указомъ Императрицы Екатерины II въ 1786 г. богатый историческими памятниками Хvii вѣка цѣннымъ матеріаломъ своего обширнаго архива Рыхловскій монастырь, на ряду съ многими другими подлежалъ упраздненію.

Проживавшій въ своемъ имѣніи Вишенькахъ*) Малороссійскій Генераль-Губернаторъ Графъ П. А. Румянцовъ-Задунайскій, къ которому игуменъ съ братіей обратились за заступничествомъ и покровительствомъ письмомъ обратился къ Императрицѣ Екатеринѣ съ просьбой объ отмѣнѣ указа объ упраздненіи монастыря въ знакъ особой къ нему милости.

Императрица снизошла къ просьбѣ великаго Полководца изъ уваженія къ заслугамъ его передъ отечествомъ.

Лишившемуся сразу всѣхъ, отошедшихъ въ казну. въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ приобрѣтенныхъ угодій, Рыхловскому монастырю было оставлено большое количество пахотной земли, лѣсъ. среди котораго онъ построенъ, нѣсколько сѣнокосовъ и озеръ, которыми онъ и понынѣ владѣеть.

*) На берегу Десны. Сохранился дворецъ и церковь превосходной архитектуры Графа Расстрели, строителя Зимняго Дворца, Петергофскаго, собора, учеб. заведеній при Смольномъ монастырѣ и пр. зданій.

Посреди монастырскихъ зданій возвышается великолѣпный пятиглавый соборъ—построенный по плану извѣстнаго архитектора Елисаветинскихъ временъ графа Варѣоломея Растрелли.—

Надъ массивными серебрянновызолоченными Царскими вратами (даръ Императрицы Елисаветы) съ Государственнымъ гербомъ. вензелемъ Августѣйшей жертвовательницы—помѣщается чудотворная икона Святителя Николая въ крестообразномъ кіотѣ съ начальными буквами жертвователя Е. Ц. П. В. В. З. П. М. Д. А. „Его царскаго Пресвѣтлаго Величества Войска Запорожскаго, Полковника Миргородскаго Данила Апостола“ (въ послѣдствіи опальнаго Гетмана).

На иконѣ старинная, цѣнная, имъ же пожертвованная риза.

Среди вѣкового лѣса, обнесенная каменной оградой, стоитъ маленькая часовня. Кругомъ на выбѣленныхъ известью стѣнахъ довольно яркими, пестрыми красками изображены важнѣйшія событія—явленія иконы. Изображенъ большой клень, на которомъ увидѣлъ ее пасѣчникъ; толпа богомольцевъ, ожидавшая богослуженія, бѣлые кони, чудесно доставившіе въ пустыньку священнослужителя изъ Новгородъ-Сѣверска, пожаръ келій, инока, утаившаго оставшуюся невредимой среди пламени чудотворную икону и пр.

Престоломъ въ маленькомъ алтарѣ служить цень историческаго клена. Искусно вырѣзанныя изъ дерева вѣтви поддерживаютъ образъ (копію съ находящагося въ Соборѣ).

Дремучій лѣсъ, окружающій со всѣхъ сторонъ часовню: пещеры, въ которыхъ 300 лѣтъ тому назадъ ютились первые пустынно-жители-иноки, глубокіе овраги, въ которыхъ и понынѣ водятся медвѣди, крутые обрывы, непроходимая густая заросль, отдаленность обители отъ селеній—легко переносятъ воображенье къ тѣмъ далекимъ временамъ, когда, послѣ кровопролитныхъ войнъ, стекались въ мирную обитель представители храбраго Малороссійскаго казачества-благотворители, оставившіе послѣ себя благодарную, долгую память созданіемъ понынѣ существующихъ храмовъ.

М. Марина.

Царицы и царевны изъ дома Романовыхъ

Глава пятая.

Царевна Марѳа Алексѣевна, ея дѣтство и отрочество; участіе въ судьбѣ Софьи и общаѣ съ нею участіе—постриженіе.—Жизнь царевны инокини Маргариты въ Успенской обители и ея кончина.—Судьба другихъ дочерей цари Алексѣи Михайловича: Евдокія, Екатерины, Маріи и Феодосіи.

I.

Первенецъ цари Алексѣи Михайловны царевичъ Димитрій, не доживъ году, скончался: вторымъ ребенкомъ была дочь Евдокія, а за нею 26 Авг. 1652 г. „далъ Богъ дитятко моленное, да не проженное, не въ томъ смыслѣ, да не въ ту силу: родилась опять дочь“. Царю нуженъ былъ сынъ, наследникъ, царевичъ, о которомъ онъ и царица, и бояре и народъ возсылали усердныя молитвы: но, какъ отецъ, Алексѣй Мих. все же привѣтствовалъ рожденіе дочери обычнымъ порядкомъ, торжественнымъ молебномъ и оповѣщеніемъ народу, что царица родила „дщерь, благовѣрную царевну, великую княгиню Марѳу Алексѣевну“, названную такъ въ память бабки Ксеніи Ивановны, въ инокиняхъ Марѳы.

4 Сент. (1652 г.) поворожденную царевну крестили въ Чудовомъ монастырѣ въ присутствіи царя, а затѣмъ она была сдана на попеченіе своей мамы (Ульяны Петровны Шереметевой). Въ 1654 г., во время мороваго повѣтрія въ Москвѣ, двухлѣтняя Марѳа со всей царской семьей и патріархомъ Никономъ, по пути въ Калязинъ, посѣтила и женскую обитель Успенскую, въ которой впоследствии окончила свои дни.

Когда Марѳа стала выходить изъ младенчества, къ ней приставлена была мастерица—учительница (Авдотья Пыпина), обучавшая ее грамотѣ, чтенію часослова и псалтыри. И если 10-лѣтней Софьѣ удалось попасть подъ просвѣщенное вліяніе Симеона Полоцкаго, то уже 16 лѣтняя въ это время царевна Марѳа переведена была въ верхнія свѣтлицы совершеннолѣтнихъ царевенъ и врядъ-ли могла пользоваться этимъ вліяніемъ. Полная цвѣтущей красоты, дородная, рослая, царевна впервые официально предстала, „объявилась“, въ числѣ другихъ царевенъ передъ патріархомъ антиохійскимъ Макаріемъ, прибывшимъ изъ Палестины для суда надъ Никономъ, и получила отъ него благословенную грамоту (5 іюня 1668 г.), а затѣмъ она не разъ сопутствовала своимъ родителямъ въ ихъ богомольныхъ походахъ и въ ихъ загородныхъ поѣздкахъ, сопровождаемая, по обычаю, какъ и другія царевны, своею мамой и своей учительницей.

3 марта 1669 г. скончалась царица Марья Ильинишна, Марѳа съ сестрами лишилась матери и состояла на попеченіи тетокъ; особенное участіе ей оказывала царевна Татьяна Мих., которую позже въ своихъ письмахъ она называетъ „матушкой“, очевидно крестной. Царь жалѣлъ и ласкалъ своихъ осиротѣвшихъ дочерей съ особенною нѣжностью. Но послѣ своей вторичной женитьбы и въ особенности съ рожденіемъ царевича Петра, здороваго и крѣпкаго, сравнительно со старшими сыновьями Федоромъ и Иваномъ у царя Алексѣя Мих. наступило нѣкоторое охлажденіе къ своей семьѣ отъ перваго брака, что не могло не поселить въ средѣ этой послѣдней недружелюбнаго чувства противъ мачехи, которое къ тому же подогрѣвалось и родственниками по матери, Милославскими. Въ царскомъ теремѣ среди какъ бы заживо погребенныхъ царевенъ пошли толки, пересуды о новой семьѣ царя. прерываемые все же изрѣдка общими развлеченіями: играми, хороводами, медвѣжьими потѣхами и т. п. Но если у тетки царевны Ирины содержалась развлекавшая ее дурка, то у жалостливой царевны Марѳы мы видимъ пригрѣтую ею малолѣтнюю безногую дѣвочку. Были, впрочемъ, во дворцѣ и другія потѣхи: игра органная, фокусники и театральныя зрѣлища.

Когда послѣ пяти лѣтъ счастливой брачной жизни съ Наталіей Кир., царь Алексѣй Мих. скончался, то въ терему царскомъ насторожились и стали еще болѣе чутко прислушиваться къ тому, что дѣлалось вокругъ, въ самомъ Кремлѣ, въ Москвѣ и въ царствѣ? Мы видѣли изъ жизнеописанія царевны Софіи, какъ разыгралась вражда между Милославскими и Нарышкиными, какъ выдвинулась и смѣло вышла изъ те-

рема самая умная, рѣшительная изъ сестеръ, Софья, какъ она повела открытую борьбу съ мачехой, сначала за власть „скорбнаго головой“ брата Ивана, а затѣмъ и за свою собственную власть. Въ семилѣтнее правленіе Софьи ея сестрамъ жилось лучше, для нихъ выстроены были особыя каменные палаты, онѣ могли свободно брать изъ казны деньги на свои нужды, да и сношенія съ виѣшнимъ міромъ облегчились. Когда же надъ головою Софьи разразилась гроза и она съ престола прямо препровождена была въ монастырскую келію, Марѳа, сочувствовавшая ей, продолжала сноситься со стрѣльцами и находила способы передавать заключенной о желаніи ихъ снова ее видѣть на престолѣ. Но скоро еще бѣдшая разразилась надъ головами обѣихъ царевенъ Софьи и Марѳы: первая въ 1698 г. была пострижена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ; вторая, хотѣвшая, быть можетъ, по добротѣ своей выгородить сестру, чистосердечно повинилась въ сношеніяхъ со стрѣльцами, была также пострижена подъ именемъ Маргариты и отправлена подальше, въ Успенскій монастырь (въ Александровской слободѣ), гдѣ сохранились преданія о житѣ-бытѣ этой царевны-инокини.

II.

Когда въ глубокую осень 1698 г., въ глухую полночь раздался ударъ въ привратное било Успенскаго монастыря, смущенныя сестры встревожились. Но дѣло вскорѣ разъяснилось и онѣ съ честью приняли царскую узницу, которая будучи еще двухлѣтней дѣвочкой посѣтила ихъ обитель, а теперь передъ ними стояла 46-лѣтняя взволнованная и видимо истомленная долгимъ подкараульнымъ путемъ инокиня.

Вскорѣ съ государеваго двороваго мѣста перенесены были въ Успенскую обитель царскіе хоромы, поставленные у большой колокольной (временъ Грознаго) у Распятной церкви, и въ нихъ водворилась царевна-инокиня. Эти хоромы—кельи существуютъ и понынѣ: „онѣ изъ бѣлаго тесаннаго камня, построены особо отъ прочихъ, крыты тесомъ, не высоки, малыми окнами и внутренность ихъ мрачна“ (Н. С. Стромилловъ).

Обѣ постриженныя сестры получали по распоряженію Петра то же содержаніе, какое получали и до своего заключенія: Сусанна (Софья) получала всего ей необходимаго на сумму 5144 р. (быть можетъ съ карауломъ вмѣстѣ), а Маргарита (Марѳа)—на сумму 2649 р.: при ней карчула не было и лишь пугуменьѣ особымъ указомъ царя поручень

былъ бдительный надзоръ за ней. Царевна-инокня жила въ обществѣ своихъ боярынъ, казначей, постельницъ и прислуживавшихъ ей молодыхъ монахинь-послушницъ. По указу Петра всѣ необходимые припасы доставлялись обѣимъ царевнамъ-инокнямъ отъ подвѣдомыхъ приказу большого дворца приказовъ и дворцовъ хлѣбнаго, сытнаго, запаснаго, изъ овощной палаты и т. д., но изъ писемъ, обращенныхъ и къ брату Петру, и къ теткѣ Татьянѣ Мих. и къ другимъ лицамъ, видно, что припасы эти, рыба, овощи, вино и т. п. доставлялись медленно, несвоевременно и часто въ испорченномъ видѣ. Изъ письма къ вліятельному кесарю Федору Юрьевичу Ромодановскому, главному начальнику Москвы, мы знаемъ, что ей прислана грамота съ какихъ монастырей брать деньги и сроки указаны, а „сроки всѣ прошли, ни денегъ, ни запасовъ нѣтъ“ и она „терпитъ нужду въ кушаньяхъ,“ такъ какъ запасы, присланные изъ Москвы—„все гнилое“. Въ другомъ письмѣ къ царскому дядѣ, Льву Нарышкину, инокня Маргарита жалуется на то же и проситъ poradъть о ней въ ея нуждѣ. Еще откровеннѣе пишетъ она къ теткѣ Татьянѣ Мих.: „свѣтъ моей милостивой матушкѣ и тетушкѣ благородной, царевнѣ и великой княгинѣ Татьянѣ Михайловнѣ, богомолица ваша инокня Маргарита, Бога моля, и челомъ бьетъ, милости у тебя прошу, радость моя, государыни тетушка и матушка, прислана ко мнѣ грамота, чтобы за столовый запасъ привозить мнѣ изъ монастырей деньгами и грамоты въ тѣ монастыри посланы и срокъ поставленъ“... Но срокъ давно прошелъ и „деньги полтретьи тысячи на годъ“ не присылались, а потому она проситъ ускорить „то дѣло, такъ какъ ни денегъ, ни запасу, присылаемаго изъ Москвы, нѣтъ.“ да зимою „всѣ перемерзлые“, а лѣтомъ „протухшіе“... Нуждаясь въ особенности во время болѣзни, она обращалась и къ сестрѣ Марьѣ Ал. „одолжить ей въ займы, до Семена дня, пять сотъ рублей“, а если бы таковыхъ не было, то проситъ бить челомъ тетушкѣ Татьянѣ Мих., которая часто ссужала деньгами по двѣсти, по триста рублей свою злополучную племянницу.

Насильно переодѣтая изъ золотой парчи въ черную рясу, инокня Маргарита подчинилась неизбѣжному, и большую часть дня проводила въ постѣ и молитвѣ, въ чтеніи священныхъ книгъ; остальное время посвящалось домашнимъ заботамъ и излюбленному рукодѣлію—вышиванію шелками, золотомъ, что доставляло ей наибольшее удовольствіе и нѣкоторые образцы ея работы сохранились въ обители (риза, стихарь, три параманды и др.). Преданіе говоритъ, что она имѣла и „тружденіе“: носила кирпичи на постройку монастыря, ходила на уборку сѣна съ другими инокнями или трудилась въ своемъ садикѣ,

близъ ея кельи. Вечернія бесѣды съ приближенными оживлялись иногда новостями изъ Москвы, толками народными, заносимыми въ обитель богомольцами, о новомъ царѣ. Черезъ годъ послѣ заключенія ея посѣтила въ день ея тезоименитства (1 сент. 1699 г.) любимица ея Марья Васильевна Головина (рожденная Мещерская), бывшая комнатная дѣвица сестры Софьи и царевна—инокиня благословила ее иконой. Изрѣдка къ ней прѣзжали и ея родныя сестры, Марья и Феодосія, которыя по временамъ и проживали у нея, осуждая новые порядки...

Вслѣдствіе всѣхъ пережитыхъ тревоженій и будучи тучнаго тѣлосложенія, инокиня Маргарита стала хворать все чаще и чаще, и тогда она все чаще писала къ той же Татьянѣ Мих.; прося ее похлопотать о присылкѣ „дохтура Лаврентія молодого ради толико болѣзни, а я государыня отъ болѣзни изнемогаю, насилу съ постели встаю, ноги у меня болятъ, двѣ болѣзни въ ногахъ рожа и камчугъ“ (подагра); дальше она проситъ прислать именно этого доктора (былъ еще и старшій Лаврентій), такъ какъ другіе ея болѣзни не знаютъ, и на болѣе продолжительное время, „не менѣе двухъ мѣсяцевъ“, такъ какъ болѣзнь застарѣлая и вдругъ ее излѣчить нельзя. О томъ же она пишетъ и всесильному Ромодановскому и вліятельной сестрѣ Наталіи Алексѣевнѣ и другимъ сестрамъ, прося ускорить дѣло. И хотя желанный докторъ и пробылъ у нея нѣкоторое время и послѣдовало временное улучшение, но не замедлило и новое ухудшеніе: „въ горлѣ какъ колодезь хрипить“, писала она снова, прося прислать того же „дохтура“... Вскорѣ дошли до инокини Маргариты сначала слухи о предсмертной болѣзни любимой сестры царевны-инокини Сусанны, а затѣмъ пришли вѣсти и о ея кончинѣ (въ 1704 г.) и она получила кое-какія, завѣщанныя покойной, ея вещи изъ утвари (ложку, посвѣчникъ, блюдо). Стала въ тоже время хворать и любимая матушка и тетушка Татьяна Мих., скончавшаяся въ 1706 г. и завѣщавшая ей также нѣкоторые предметы—оловянныя блюда (тарелы) съ вырѣзкою на нихъ „царевна Татьяна Михайловна“, хранящіяся съ другими предметами, принадлежавшими инокинѣ Маргаритѣ, въ ризницѣ Успенской обители и понынѣ.

Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Петру, вскорѣ послѣ смерти Татьяны Мих., инокиня Маргарита проситъ его навѣстить ее съ царевичемъ Алексѣемъ и между прочимъ—пожаловать ей деньги блаженныя памяти тетушки Татьяны Мих. изъ большой казны, какъ и ея сестрамъ. Сохранилось мѣстное монастырское преданіе о томъ, что Петръ, быть можетъ, по доносу, внезапно явился въ Успенскій монастырь и послѣ обѣдни пѣшкомъ прошелъ прямо въ келію Маргариты, гдѣ и засталъ

свою крамольную сестру, полуживую, едва сидящую за чтеніемъ акафиста своему ангелу, что утѣшило Петра. Точныхъ свѣдѣній объ этомъ посѣщеніи нѣтъ, но хорошо извѣстно другое—что царевичъ Алексѣй въ концѣ 1706 г. тайно, проѣздомъ въ Суздаль на свиданіе съ заточенной тамъ матерью, постриженной въ Покровскомъ монастырѣ подъ именемъ инокини Елены, посѣтилъ и больную тетку свою инокиню Маргариту.

Удрученная сознаниемъ и страхомъ передъ неизбежнымъ концомъ, инокиня Маргарита еще разъ писала любимой сестрѣ Петра, Наталіи, прося ее отпустить къ ней снова „дохтура Доврентія“, такъ какъ она совсѣмъ отъ болѣзни изнемогаетъ: „изъ головы мокрота у меня течетъ другой мѣсяць и я мию, что у меня въ головѣ мозгъ испортился отъ печали“. Въ другомъ письмѣ она еще разъ умоляетъ ту же царевну Наталію „не дать ей умереть безвременною смертью“ и съ тою же просьбою обращается къ единоутробнымъ сестрамъ Евдокіи, Марьѣ, Θεодосіи,—такъ хваталась за жизнь эта горемычная царевна-инокиня!.. Но докторъ не ѣхалъ, а болѣзнь усиливалась и привела къ могилѣ. Тихо почилъ Маргарита въ 12 ч. дня, 19 іюня 1707 г. 54 лѣтъ, 9 мѣсяцевъ, 25 дней отъ роду, пробывъ около 9 лѣтъ въ Успенской обители безвыѣздно.

„Вдали отъ родного крова, чужая рука сомкнула ей очи, запершіяся уста не оросла горькая слеза, не слышно было надгробнаго рыданія... только красное солнышко. среди свѣтлаго знойнаго лѣтняго дня, вмѣсто родственнаго послѣдняго лобзанія озарило безжизненный ликъ брэннаго тѣла въ Бозѣ почившей, сіяя на его потухшихъ ланитахъ“ (Н. С. Стромилловъ). Но собственному желанію, она была погребена „безъ чина“; т. е. безъ всякаго церемоніала, какъ простая монахиня въ общей усыпальницѣ „со убогими монахинями“. Въ день и часъ смерти царевны инокини въ Успенскомъ монастырѣ и понынѣ совершается годовая панихида по ней и воспоминаніе о ней рѣзко живетъ въ памяти инокинь этой обители.

III.

Въ 1712 году царевны Марья и Θεодосія посѣтили гробницу сестры и распорядились перенести ея прахъ изъ общей усыпальницы въ церковь Срѣтенія Господня, въ особую подвальную палатку „царевнину усыпальницу“. Въ это же время царевна Θεодосія выразила

желаніе, въ случаѣ ея смерти, быть погребенной рядомъ съ сестрой инокиней, что и было выполнено, когда въ слѣдующемъ 1713 году скончалась 56-ти лѣтъ отъ роду царевна Θεодосія, Марья Алексѣевна перевезла тѣло своей младшей сестры въ Успенскую обитель и погребла въ одномъ склепѣ съ инокиней Маргаритой, гдѣ онѣ обѣ почиваютъ вѣчнымъ сномъ и понынѣ.

Годомъ раньше Θεодосія скончалась и самая старшая дочь царя Алексѣя Мих., царевна Евдокія (около 62-хъ лѣтъ), ничѣмъ не выдвинувшаяся среди сестеръ, но все же подозрѣвавшаяся Петромъ въ сочувствіи Софѣ. Въ 1718 г. скоропостижно скончалась царевна Екатерина Ал. (60 лѣтъ), сильно опасавшаяся во время розысковъ и допросовъ сестеръ, чтобы не раскрылись ея переписка и сношенія съ Костромскимъ попомъ Егоріемъ Елисѣевымъ, бывшимъ ея другомъ, котораго она тайно принимала въ своихъ хоромехъ и дарила ему деньги и дворцовую посуду. И хотя участіе ея въ дѣлахъ Софьи не было доказано, но сохранившіяся письма ея даютъ яркую картину всяческихъ ухищреній царскаго терема въ сношеніяхъ съ міромъ внѣшнимъ черезъ постельницъ, старицъ, богомолокъ и т. п.; черезъ этихъ же услужливыхъ и преданныхъ слугъ теремъ царскій направлялъ сообразно своимъ цѣлямъ и умы народныя. Впрочемъ царевна Екатерина менѣе другихъ сестеръ вмѣшивалась въ дѣла *политическія* и потому сохраняла добрыя отношенія съ Петромъ: при крещеніи его второй супруги Екатерины I, царевна вмѣстѣ съ царевичемъ Алексѣемъ была ея восприемницей. Обѣ царевны, Евдокія и Екатерина погребены въ Неводѣвичьемъ монастырѣ.

Дольше другихъ своихъ сестеръ прожила царевна Марья Ал. Она не скрывала своихъ симпатій къ первой женѣ Петра, Евдокіи Θεодоровнѣ, насильно постриженной въ томъ же монастырѣ (Покровскомъ-Суздальскомъ), гдѣ когда то монахиней же окончила дни свои и первая жена Василія III Соломонія. Черезъ Марью Ал. царевичъ Алексѣй не разъ передавалъ матери письма, а передъ своимъ бѣгствомъ за границу передалъ черезъ нее же матери 500 рублей.

Во время своего бѣгства за границу, по пути изъ Риги въ Либаву, царевичъ Алексѣй встрѣтилъ тетку Марью Ал., возвращавшуюся изъ Карлебада, гдѣ она, вѣроятно, лѣчилась водами: въ ея каретѣ царевичъ велъ бесѣду о своемъ горькомъ положеніи, при этомъ тетка потребовала, чтобы онъ, покидая отечество, написалъ хотя строчку матери и когда царевичъ Алексѣй колебался, то Марья Ал. прямо,

заявила: „хотя-бъ тебѣ и пострадать—вѣдь за мать, никого иного“... Такъ понимала царевна Марья Ал. сыновнія чувства къ матери. Позже, во время розысковъ (1718 г.), кончившихся смертію царевича Алексѣя Петровича, была привлечена къ допросу, посажена въ Шлюссельбургскую крѣпость и царевна Марья Алексѣевна, потомъ ее перевели въ особый домъ въ Петербургъ подъ надзоръ. Переживъ всѣхъ своихъ сестеръ царевна, Марья Ал. скончалась въ мартѣ 1723 г. имѣя около 70 лѣтъ отъ рожденія.

Еще раньше, въ 1716 г. скончалась и вдова царя Θεодора Ал., Марѳа Матвѣевна (Апраксина). Вдова царя Ивана Ал., Прасковья Θεодоровна (Солтыкова), оставшись съ тремя (двѣ старшія дочери, Марія и Θεодосія, скончались въ младенчествѣ) малолѣтними дочерьми Екатериной, Анной и Прасковьей, по смерти мужа (1696 г.) жила въ отведенномъ ей дворцѣ въ с. Измаиловѣ и дворъ ея, по выраженію Петра, представлялъ „госпиталь уродовъ, ханжей и пустосвятовъ“; позже она съ дочерьми переехала въ новую столицу Петра и дочерямъ ея давалось воспитаніе, сообразно уже новымъ требованіямъ, а царь самъ принималъ участіе въ устройствѣ ихъ судьбы. Прасковья Θεодоровна немногимъ пережила царевну Марью Ал., она скончалась въ октябрѣ 1723 г.

Такимъ образомъ царскій теремъ опустѣлъ окончательно. Но прежде чѣмъ разстаться съ нимъ, необходимо коснуться личности царевны Наталіи Алексѣевны, младшей любимой сестры Петра, которая родилась и провела первые годы своей жизни въ царскомъ теремѣ, а равно и жизни внучки Петра В. Наталіи Ал., въ которой отразилась уже новая эпоха въ жизни царскаго двора.

Глава шестая.

Царевна Наталія Алексѣевна, младшая сестра Петра Великаго, значеніе ея въ области русскаго театра.—Великая княжна Наталія Алексѣевна, внучка Петра В.; ея роль въ жизни брата, императора Петра II, и ея недолгая жизнь.

I.

Единоутробная сестра Петра В., Наталія, бывшая только годомъ его моложе, родилась 22 Авг. 1673 года и послѣ ужасовъ стрѣльцкаго мятежа (1682 г.) съ матерью и братомъ жила въ с. Преображенскомъ. Изрѣдка лишь наѣзжая въ Кремль, оставившія столько тяжелыхъ вос-

поминаній дѣтства, которыми братъ и сестра безъ сомнѣнія не раздѣлились взаимно, что вмѣстѣ пережитое сближало ихъ еще болѣе. При новой обстановкѣ въ с. Преображенскомъ они воспитывались почти одинаково. т. е. росли на свѣжемъ воздухѣ, среди сельской природы, тщательна охраняемые матерью отъ враждебныхъ замысловъ ея недруговъ среди московскаго двора. Братъ и сестра были почти неразлучны и юная царевна не разъ побывала съ братомъ въ Нѣмецкой слободѣ, ѣздила къ нему и на Переяславское озеро; 6 Окт. 1689 г., послѣ удаленія Софьи, она возвратилась съ матерью и Петромъ въ Москву. 21 года (въ 1694 г.) она лишилась горячо любимой матери и всячески старалась замѣнить ее по отношенію къ брату: во время Азовскихъ походовъ она писала къ нему, прося беречь свое здоровье и жизнь, не подходить близко къ ядрамъ и пулямъ, и братъ отшучивался, отвѣчая ей: „по письму твоему я къ ядрамъ и пулямъ близко не хожу, а они ко мнѣ ходятъ, но по ся поры вѣжливо“. Въ 1700 г. царевна Наталія Ал. ѣдетъ въ Воронежъ, чтобы присутствовать при спускѣ корабля „Предпетинація“; а въ 1705 г. провожаетъ Петра до Путивля въ его походѣ на Полоцкъ. Въ другихъ случаяхъ радостно встрѣчаетъ его и раздѣляетъ съ нимъ всѣ его неудачи въ походахъ и торжества въ битвахъ. Въ качествѣ любимой сестры, она не разъ ходатайствуетъ передъ нимъ за другихъ сестеръ и мы видѣли, что царевна-инокиня Маргарита не разъ обращалась къ ней за покровительствомъ въ своихъ нуждахъ и болѣзняхъ.

Царевна Наталія Ал. постоянно шла навстрѣчу всѣмъ преобразованіямъ Петра, который всегда находилъ лучшую поддержку у любимой и любящей сестры. 1 Марта 1698 г., когда по случаю отпуска бранденбургскаго посла Петръ давалъ обѣдъ и танцы въ Лефортовскомъ дворцѣ, то Наталія Ал. съ царевичемъ Алексѣемъ изъ сосѣдней комнаты свободно смотрѣла на танцующихъ. Она первая, по возвращеніи Петра изъ за границы, переодѣвается въ нѣмецкое платье, съ фижмами и робронами, на что такъ неохотно шла жена Петра Евдокія Ѳеодоровна. Удаливъ эту нелюбимую жену въ монастырь, Петръ поручаетъ заботу о восьмилѣтнемъ сынѣ царевичѣ Алексѣѣ той же любимой сестрѣ, которая и увозитъ его съ собою въ с. Преображенское; ея попеченію довѣрялись позже дочери Петра отъ второй жены Екатерины Алексѣевны, Анна и Елисавета. Своего „надежду внука“, сына царевича Алексѣя, Петръ креститъ вмѣстѣ съ сестрой Наталіей, а послѣ смерти кронпринцессы Шарлоты, жены царевича Алексѣя (въ 1715 г.), случившейся черезъ 10 дней послѣ рожденія сына, названнаго Петромъ, этотъ послѣдній и его сестра Наталія, годомъ раньше родившаяся, от-

даются царемъ на попеченіе той же умной, уважаемой и любимой сестры.

Царевна Наталія Ал. была страстной любительницей театра и въ этой области она оставила по себѣ нѣкоторый слѣдъ. Съ 1690 г. комедіи давались даже въ ея хоромахъ, когда ей было всего 17 лѣтъ, а позже въ с. Преображенскомъ, гдѣ еще при Алексѣѣ Мих. строилась особая „Комидійная хоромина“, процвѣталъ театръ подъ покровительствомъ царевны Наталіи Ал. Въ с. Измайловѣ, гдѣ жила вдова царя Ивана, Прасковья Ѳед., съ тремя дочерьми, также имѣлся театръ и Наталія Ал., не уступавшая въ подвижности брату, часто туда наѣзжала, а иногда и проживала тамъ. Въ Москвѣ на Красной площади, по распоряженію Петра, построена была „Комедіальная хоромина“ для народа, гдѣ давалась даже комедія Мольера „Докторъ принужденный“ и ее выполняли русскіе актеры нѣмецкой выучки. Съ переѣздомъ въ Петербургъ при дворѣ царевны Наталіи Ал. также былъ устроенъ театръ, для чего приспособленъ былъ большой пустой домъ, гдѣ устроили партеръ и ложи. У Наталіи Ал. имѣлась цѣлая коллекція театральныхъ пьесъ, довольно подробный репертуаръ которыхъ дошелъ до насъ; кромѣ пьесъ религіознаго содержанія есть много пьесъ и свѣтскаго характера, все это передѣлки или переводы польскихъ романовъ конца XVII в. („Петръ-золотые ключи“, „Гризельда“ и др.). Пьесы эти носили преимущественно обстановочный характеръ, процессіи, сраженія, коротенькіе діалоги—замѣняли драматическую борьбу и обрисовку характеровъ дѣйствіемъ (И. А. Шляпкинь).

Царевна Наталія Ал. и сама писала театральныя пьесы. Въ одной изъ своихъ пьесъ („Стефанотокосъ“), она аллегорически, подъ скрытыми именами изобразила эпизодъ изъ стрѣleckаго бунта—заговоръ Шакловитаго. Сохранились программы четырехъ пьесъ, приписываемыхъ перу Наталіи Ал.: „Екатерина Великомученица“, „Евдокія Великомученица“, „Хрисанфъ и Дарія“ и „Цезарь Оттонъ“. Сюжетъ трехъ первыхъ взятъ изъ житій святыхъ. Полагаютъ, что пьеса „Евдокія“ написана для оправданія себя въ томъ, что якобы она остудила любовь царя Петра къ Евдокіи (Лопухиной). Вотъ ея содержаніе: наставленная старцемъ Гермономъ (Германъ). Евдокія бросаетъ блудную жизнь и уходитъ въ монастырь. Старый ея любитель Филостратъ переодѣвается монахомъ и проникаетъ въ монастырь, гдѣ старецъ Геронтій, по порученію игумена, проводитъ его къ Евдокіи. Но вопросъ ея, для чего онъ пришелъ,—филостратъ напоминаетъ о ея прежней богатой жизни и зоветъ ее вернуться въ міръ. „Евдокія же дуну на лицо его и умертви его“; но, по

повелѣнію вдругъ явившагося къ ней Христа, она воскрешаетъ Филострата, велитъ ему быть христіаниномъ и отпускаетъ домой. Далѣе пьеса изображаетъ, какъ царь Авреліанъ, сына котораго воскресила Евдокія, принимаетъ также христіанство и покидаетъ царство. Вновь избранный царь Діогенъ, по совѣту одного изъ придворныхъ, призываетъ Евдокію на „судище“. Смущенную Евдокію Христосъ укрѣпляетъ „чтобы не утратилась мукъ“. Евдокію сначала вопрошаютъ воины, потомъ самъ самъ царь Діогенъ велитъ ей принести жервы языческимъ богамъ, „она же не хотяще“ и ее казнятъ. Въ концѣ пьесы—„эпизодъ просить прощенія“ (И. А. Шляпкинъ).

Петръ очень любилъ посѣщать театръ, ввѣренный Наталіи Ал. Въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ отмѣчено, что 26 февр. 1715 г. „привѣвъ въ Петербургъ въ 3-мъ часу пополудни и въ 6-мъ изволили идти къ государынѣ царевнѣ Наталіи Ал. въ комедію“. Но и въ самомъ обществѣ театръ ея вызывалъ живой интересъ и ее смѣло можно назвать первымъ инициаторомъ созданія національнаго русскаго театра, на ряду съ нѣмецкимъ, итальянскимъ и французскимъ, впервые появившимися при русскомъ дворѣ. Она же дѣлала попытки создать и театральную школу; но, вѣроятно, это послѣднее дѣло было труднѣе осуществить въ то время, такъ какъ рядомъ съ русскими исполнителями долго появляются еще и иностранцы, а иногда за недостаткомъ актеровъ вообще театральныя пьесы откладывались.

Недолго пришлось царевнѣ Наталіи Ал. опекать своихъ внуковъ, дѣтей царевича Алексѣя, печальной кончины котораго (1718 г.) ей также не пришлось быть свидѣтельницей, такъ какъ она скончалась 22 Авг. 1712 г. на 43-мъ году жизни, а Петръ 9-ю годами пережилъ любимую сестру. Онъ до конца дней своихъ хранилъ добрую память о ней: въ 1722 г. онъ съ женою поселился въ домъ царевны Наталіи Ал., а въ 1723 г. перенесъ ея бранныя останки изъ Лазаревской въ Благовѣщенскую церковь Александро-Невской лавры.

Со смертью Наталіи Ал. умерла и послѣдняя царевна, знакомая съ нравами и обычаями царскаго терема въ московскомъ Кремлѣ; на смѣну его воздвигался уже императорскій дворецъ въ Петербургѣ—новой столицѣ Россіи и новые титулы—императора, императрицы и великихъ княгинь и княженъ явились на смѣну царей, царицъ и царевенъ. На рубежѣ этого времени стоитъ образъ великой княжны, внучки Петра Великаго, Наталіи Алексѣевны, жизнь которой обрисовалъ намъ такими симпатичными красками авторъ „Очерка русской женщины накануне реформы Петра Великаго и послѣ нея“.

II.

Великой княжнѣ Наталіи Алексѣевнѣ суждено было играть такую же роль въ дѣятельности Петра II, какъ царевнѣ Наталіи въ дѣятельности Петра Великаго, но къ сожалѣнію, внукъ не походилъ на своего дѣда— „и она осталась лишь добрымъ гениемъ, быстро промелькнувшимъ въ исторіи этого кратковременнаго царствованія, котораго ей не суждено было даже пережить“ (В. С. Игнатовъ).

Отцомъ ея былъ злополучный царевичъ Алексѣй, сынъ отъ первой жены Петра, Евдокіи, а мать ея была нѣмецкая принцесса Шарлота-Христина-Софія Брауншвейгъ-Вольфенбютельская. Бракъ этотъ совершился по настоянію Петра (14 окт. 1711 г.) и не былъ счастливъ, хотя царевичъ и говорилъ, познакомившись съ принцессою, что она „человѣкъ добръ и лучше ея здѣсь (за границей) мнѣ не пайти“. Проживъ полгода въ Польшѣ, куда царевичъ тотчасъ послѣ бракосочетанія былъ отправленъ отцомъ за провіантомъ, кронпринцесса, покинутая въ одиночествѣ, жила нѣкоторое время въ Эльбингѣ, потомъ ушла къ отцу и только по настоянію Петра перѣехала въ Февр. 1713 г. въ Петербургъ, а съ супругомъ свидѣлась только въ Августѣ. Все время чувствуя себя несчастной и нуждаясь постоянно въ деньгахъ, она писала матери, что „если бы не была беременной, то уѣхала бы въ Германію, гдѣ согласилась бы лучше питаться хлѣбомъ и водою“... 12 іюля 1714 г. кронпринцесса родила дочь Наталію, а въ слѣдующемъ 1715 г., 22 Окт., сына Петра и черезъ десять дней послѣ этого скончалась: три года спустя сошлась въ могилу и царевичъ Алексѣй.

Оставшись круглыми сиротами, сестра и братъ воспитывались почти одинаково съ дочерью Петра Великаго, хотя рѣдко показывались въ обществѣ, вѣроятно, по причинѣ малолѣтства. Къ концу царствованія Петра Великаго, его отношенія къ внуку стали болѣе внимательными, такъ что въ обществѣ говорили о его намѣреніи передать престолъ царевичу Петру, котораго въ это время стали обучать даже латинскому языку. Когда же Петръ Великій умеръ, не указавъ наследника, то внуки покойнаго императора перестали пользоваться особымъ вниманіемъ при дворѣ, пока у Меншикова, управлявшаго Россіей съ Екатериною I, не созрѣло два проекта: выдать свою старшую дочь за великаго князя Петра, несмотря на разность лѣтъ, и женить сына на великой княжнѣ Наталіи; но послѣдняя сумѣла, несмотря на свои юные годы (13—14 л.) дать

понять всю несообразность видовъ на нее. Признать все же вел. кн. Петра своимъ наследникомъ, Екатерина I также стала прилагать старанія о воспитаніи его и его сестры: къ послѣдней приставлены были двѣ камеръ-фрейлны, а Петръ II былъ ввѣренъ надзору вице-канцлера Остермана, въ помощники же послѣднему данъ Гольдбахъ. Современники говорятъ о большихъ способностяхъ вел. князя, но послѣдніи не были приложены какъ слѣдуетъ къ дѣлу.

Послѣ смерти Екатерины I (1627 г.) началась придворная борьба и вліяніе перешло скоро въ руки Долгоруковыхъ, Меншиковъ былъ сосланъ въ Березовое, а чтобы упрочить свое вліяніе на царя-отрока, Долгоруковы старались доставлять ему постоянныя развлечения: охота и полный разгулъ—вотъ средства, которыми думали привязать къ себѣ молодого императора. Напоминанія Остермана и даже Верховнаго Совѣта о необходимости заняться науками и дѣломъ оставались тщетными. Въ иныхъ чертахъ рисуется передъ нами образъ сестры императора.

„Каждый разъ, когда я съ собою разсуждаю,—писалъ Петръ II,—сколько много надлежащее воспитаніе императора содѣйствуетъ къ безопасности и благоденствію народа, не могу не принести неизмѣнной признательности моей любезнѣйшей сестрѣ, которая меня поучаетъ полезными увѣщаніями, помогаетъ благоразумными совѣтами, изъ которыхъ я каждый день извлекаю величайшую пользу, а мои вѣрныя подданные ощущаютъ живѣйшую радость. Какъ могу я когда либо забыть столько заслугъ ея ко мнѣ? Воистину, чѣмъ счастливѣе будетъ нѣкогда моя имперія, тѣмъ болѣе признавая плодъ ея совѣтовъ, поступлю такъ, что она найдетъ во мнѣ благодарнаго брата и императора“... Такой отзывъ ясно говоритъ, насколько Петръ II цѣнилъ вліяніе сестры, которая была его неотлучною спутницею и совѣтами которой онъ, очевидно, въ свое время пользовался.

„Все знавшіе великую княжну, говоритъ Манштейнъ (адъютантъ Миниха), соглашались *единогласно* въ томъ, что она подавала о себѣ самую лестную надежду и *обнаруживала умъ, превышающій несравненно четырнадцатилѣтній ея возрастъ*.“

Наставникомъ Петра II былъ академикъ Гольдбахъ, многосторонне образованный „даровитый энциклопедистъ;“ другіе академики приглашались для чтенія лекцій: такъ Вильфингеръ производилъ во дворцѣ физическіе опыты съ воздушнымъ насосомъ. По программѣ

Остермана, императору преподавались древняя и новая исторія (по Гюбнеру и Пуффендорфу), географія, математика, физика, архитектура, педагогика, музыка и танцы. игра на бильярдѣ и стрѣльба. Но императоръ скоро увлекся забавами, какія предлагали ему Долгоруковы, особенно когда удаленъ былъ въ ссылку Меншиковъ. Гольдбахъ, видя бесплодность своего преподаванія, хотѣлъ возвратиться въ академію. но его удержала вел. княжна Наталія и въ Январѣ 1728 г. онъ съ нею и съ императоромъ поѣхалъ въ Москву. Изъ его писемъ къ академику Шумахеру, мы знаемъ о томъ вліяніи, какое онъ имѣлъ на ея развитіе: „Ея высочество княжна, — пишетъ онъ, — спрашивала у меня вчера о рѣчи академика Делиля, касательно движенія земли, которой большую часть уже прочла и я не сомнѣваюсь, что она приметъ опять за чтеніе ея сегодня.“ Въ другихъ письмахъ онъ говоритъ о томъ, что „геометрическія задачи сдѣлались ея любимымъ занятіемъ“ и онъ сожалѣетъ, что математическіе инструменты никуда не годятся, прося прислать другіе. Великая княжна интересовалась и глобусами и ежедневно по нѣсколько разъ о томъ спрашивала. Современники говорятъ о ея начитанности и умѣ (Манштейнъ, Лефортъ, герцогъ Лирійскій). Ея высоконравственный образъ рѣзко выдѣлялся среди другихъ женщинъ, окружавшихъ императора. На современномъ портретѣ она изображена была въ видѣ Діаны — покровительницы нравственной чистоты. Она горячо любила брата и не скрывала своего презрѣнія къ временщикамъ (Меншикову, Долгоруковымъ), вредно вліявшимъ на юнаго императора; она сблизилась съ Остерманомъ, серьезно относившимся къ поведенію своего воспитанника, чтобы съ нимъ вмѣстѣ вліять и удерживать Петра II отъ его ненормальнаго образа жизни, особенно съ переѣздомъ въ Москву: „цѣлую ночь разъѣзжая по улицамъ, — писалъ Лефортъ, — онъ ложится спать только въ 7 ч. утра... Его сестра и Остерманъ потеряли всякое значеніе съ своими *увѣщаніями*, и она очень часто бываетъ огорчена поступками царя“... И часто при постоянномъ отсутствіи царя, вел. княжна отбываетъ за него приемы пословъ и другія придворныя торжества. Герцогъ Лирійскій писалъ въ то же время, что „при дворѣ продолжается разъединеніе и *домашнія непріятности, дѣйствующія дурно на здоровье вел. княжны*, которая день ото дня все худѣетъ“. Она очень хлопотала о возвращеніи въ Петербургъ, но напрасно.

Герцогъ Лирійскій сталъ указывать своему двору на возможность брака вел. княжны съ донъ Карлосомъ, инфантомъ испанскимъ. Наталія стала лелѣять эту мысль и старалась познакомиться съ Испаніей; но въ ея жизни уже совершился печальный переломъ; иностранные

послы доносили уже о медленномъ упадкѣ ея силъ и о признакахъ чахотки (В. С. Иконниковъ).

Чтобы окончательно подорвать довѣріе государя къ сестрѣ, Долгоруковы выдвинули сначала вліяніе вел. княжны Елисаветы Петровны, кокетство и красота которой обворожили Петра II. Герцогъ Лирійскій замѣчаетъ, что характеръ девятнадцатилѣтней Елисаветы совершенно противоположенъ характеру вел. княжны Наталіи: „красота ея физическая—это чудо; грація ея неописанна, но она лжива, легкомысленна и крайне честолюбива“... Вскорѣ у А. Г. Долгорукова созрѣлъ другой планъ: о бракосочетаніи вел. князя съ дочерью своею Екатериною, которая и объявлена была невѣстою императора. Все это окончательно подкосило здоровье вел. княжны Наталіи, совѣты докторовъ не помогали и чахотка въ соединеніи съ женскими болѣзнями быстро стала развиваться. Иностранные резиденты слѣдили за скорымъ теченіемъ ея болѣзни, опасаясь, что съ ея смертію и положеніе Россіи измѣнится и всѣ реформы Петра Великаго будутъ приостановлены.

Во время тяжелой болѣзни сестры Петръ II настолько уже поддавался вліянію Долгоруковыхъ, что во время кризиса нужно было послать пять курьеровъ, пока онъ явился къ больной сестрѣ. Въ декабрѣ 1728 г. вел. княжны Наталіи не стало. „Смерть ея одинаково оплакивали,—говоритъ герцогъ Лирійскій,—и иностранцы и русскіе, и знатные и бѣдные“. Ее похоронили съ величайшей пышностію въ общей усыпальницѣ великихъ княгинь московскихъ въ Вознесенскомъ монастырѣ.

Черезъ годъ состоялось обрученіе императора Петра II съ дочерью Долгорукова, а черезъ два мѣсяца послѣ этого событія и самъ юный императоръ-отрокъ послѣдовалъ за своею сестрою въ лучшей міръ.

Не у всѣхъ Петръ Великій зажигалъ насильственно искру просвѣщенія, многіе умы сами шли на его свѣточъ. Къ таковымъ принадлежала и вел. княжна Наталія, внучка великаго императора, которая, несмотря на свои 14¹/₂ лѣтъ все же можетъ служить представительницею лучшихъ, положительныхъ сторонъ Петровской реформы. Она воплотила въ себѣ тотъ идеалъ, къ которому стали стремиться послѣ нея и другія особы царскаго рода изъ династіи Романовыхъ, но о нихъ мы скажемъ въ другой разъ.

А. Иконникова.

1913 г. Кіевъ.

Мои воспоминанія или событія въ моей жизни

Записки М. Леонтьева.

Часть II.

**1828 года Января 13-го дня, сельцо Красное. Окончено 1829 года
Февраля 12 дня.**

Отець и мать оставили меня, но
Господь воспріялъ меня.

Глава I.

**Путешествіе въ городъ Новогрудокъ и взглядъ на Литовскій
край.**

Взявъ въ Туль, губернскомъ нашемъ городѣ, подорожную и имѣя съ собою до 400 рублей денегъ пустился я на почтовыхъ Литовско-Гродненской губерніи въ городъ Новогрудокъ, чтобы тамъ вступитъ въ сословіе дѣтей Марсовыхъ. Почтовая ѣзда была сообразна пылкости лѣтъ моихъ, и я съ радостію летѣлъ съ звенящимъ колокольчикомъ въ край, для меня новый, и къ людямъ, которые считались еще тогда иностранцами. Проѣзжая города: Калугу, Юхновъ, Вязьму, Дорогобужъ, Смоленскъ, Красный, Борисовъ и Минскъ, я любовался ими какъ прекрасными декораціями съ быстротою предо мною открывавшихся и исчезающихъ, помня очень, что послѣдніе два города поразили меня несходностію жителей ихъ въ видѣ, одѣяніяхъ и въ языкѣ съ нами русскими и немудрено, ибо я, не выѣзжая до сего никуда изъ Россіи, не видалъ ничего прямо иностраннаго. 788 верстъ проѣхалъ я въ пять или шесть дней и пріѣхалъ въ Новогрудокъ, благодаря Господа, безъ всякихъ приключеній, благополучно; на семь трактѣ

отъ Борисова встрѣчалъ я офицеровъ гвардіи, несшихся въ Питеръ послѣ геройской компаніи Аустерлицкой; они вымещали свое неудовольствіе на французовъ надъ бѣдными поляками, станціонными смотрителями, бивъ ихъ нещадно на моихъ глазахъ. Замѣчу также, что при въѣздѣ въ край Литовскій, отъ Краснаго верстѣ на сто, начипають пространство дороги считать млями, что сначала казалось мнѣ непонятно, но послѣ вразумили меня, что польская мля почти равна нѣмецкой или 7 верстамъ нашимъ. По пріѣздѣ въ Новогрудокъ я подалъ просьбу къ государю о принятіи меня въ службу, чего скоро я и надѣялся по надобности въ офицерахъ, при формирующихся теперь новыхъ полкахъ. Городъ сей расположенъ на горѣ и частію на ровномъ мѣстѣ, онъ окруженъ лѣсами, и строснія въ немъ все деревянныя кромѣ огромныхъ католическихъ клянтеровъ или монастырей, гдѣ тучибли нѣкогда праздные монахи, а теперь въ одномъ изъ нихъ жилъ я, остановась на квартирѣ у брата моего теперь уже покойнаго Алексѣя, который здѣсь въ городѣ формировавъ тогда новый Могилевскій полкъ, будучи шефомъ онаго въ чинѣ генераль-майора: сей огромный монастырь принадлежалъ ордену Бернардиновъ, которые поживали здѣсь славно. судя по расположенію прекрасныхъ комнатъ, вовсе непохожихъ на кельи, здѣсь жилъ и митрополитъ уніатскій Будгакъ, съ которымъ я и былъ знакомъ: онъ человекъ былъ хорошій и ласковый при необходимости. Новогрудокъ городокъ небольшой, но и въ немъ есть редуть, въ который съѣзжалось довольно посѣтителей для пріятнаго провѣденія времени, если бѣ буйство пьяныхъ офицеровъ нашихъ не нарушало иногда ихъ непритворной веселости! Мнѣ суждено было и теперь жить между буйствомъ сыновъ Бахуса, и я думаю, что сіи гадкіе примѣры научили меня тому омерзѣнію, которое, я чувствую и теперь при видѣ пьянаго человека. Здѣсь я провелъ время очень пріятно въ ожиданіи принятія меня въ службу, бывая въ редутахъ и у нѣкоторыхъ изъ жителей, между которыми помню и теперъ панну Овсяную и доктора Вульфа. Справедливо надо сказать, что поляки умѣють жить весело и веселиться. Литва вообще покрыта дремучими лѣсами и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ большими болотами; мѣстоположеніе ея по большей части низкое: горы изрѣдка представляются взору и тѣ болѣе можно назвать малыми возвышенностями. въ Литовскихъ лѣсахъ много водится звѣрей, между которыми замѣчательны зубры. Зубръ—звѣрь, котораго мясо, какъ сказывали мнѣ, очень вкусно; они цвѣтомъ бѣлые и величиною съ корову русскую и имѣють бороду, похожую на козлиную. Медвѣдей здѣсь очень много, но не черныхъ; ихъ ловятъ во множествѣ, и въ мѣстечкѣ Сморгоняхъ учатъ ихъ плясать и прочему, откуда и водятъ ихъ по средней Россіи, собирая деньги за ихъ коверканье, отсюда наши и

дразнять поляковъ сморгонской дукацией. Населеніе въ семъ краѣ многочисленное, но крестьяне все находятся въ бѣднѣйшемъ положеніи и во всю жизнь свою ѣдятъ даже хлѣбъ мякинный, между тѣмъ какъ ихъ паны и жидаы живутъ очень богато. Во всей Литвѣ нельзя ничего достать иначе какъ отъ жида, у которыхъ въ рукахъ и вся торговля здѣшняго края; паны живутъ славно, ихъ замки и дома великолѣпны! Тамъ то вы не увидите ничего кромѣ золота, серебра, фарфора и дорогого хрустала; дома ихъ освѣщаются всегда воскомъ, о сальныхъ свѣчахъ они не имѣютъ понятія; ихъ ольварки, на которыхъ живутъ ихъ эконоы и жидаы-арендаторы прекрасны. Тутъ можно быть приняту всегда хорошо. Впослѣдствіи, узнавъ манеръ, я во время похода всегда къ нимъ забѣжалъ и пивалъ славный кофе, который варятъ въ Польшѣ превосходно, и ѣдалъ легкія потравы, какъ говорятъ поляки, или вкусныя закуски. Но шагъ далѣе—и тамъ видна совершенная нищета! Дома крестьянъ чуть не лачуги, одѣяніе ихъ вретиче, однимъ словомъ, здѣсь вездѣ видна бѣдность въ различномъ видѣ. Характеръ поляковъ можно описать въ нѣсколькихъ словахъ: гордъ, когда имѣютъ въ немъ нужду, подлъ и низокъ когда имѣетъ въ васъ оную, храбръ когда силенъ, но трусъ, когда слабъ. Женщины ихъ бойки, умны и ласковы, но обращеніе ихъ нагло и предосудительно; они могутъ быть вѣрными женами, но и въ старости кокетствуютъ. Духовенство ихъ богато, жирно и лѣново; ѣдятъ прекрасно, пьютъ и того лучше, имѣя богатѣйшіе погреба, въ которыхъ нерѣдко найдете столѣтнее венгерское, до котораго и все паны большіе охотники. Говорятъ, однако, что все ихъ знаменитыя погреба выпиты французами въ 1812 году.

Глава II.

Вторичное вступленіе въ службу; походъ въ Витебскъ, описаніе онаго. Лагерь при Двинѣ и возвращеніе въ Витебскъ.

Въ началѣ марта того же 1806-го года получены Высочайшіе приказы, которыми я принять въ службу чиномъ поручика съ отданіемъ старшинства и съ опредѣленіемъ въ Могилевскій пѣхотный полкъ, а вмѣстѣ съ снмъ получено нами повелѣніе вступить въ городъ Витебскъ. Сіе возвратное отъ границы движеніе назначено намъ по случаю возвращеній армій нашихъ изъ подъ Аустерлица и Пруссіи. и мы поступили теперь изъ резервной арміи, въ который мы состояли, въ 5 пѣхотную дивизію; въ сіе время бывшія инспекціи, какъ несовмѣстныя съ благоустройствомъ армій, уничтожены, а составлены

дивизиі, раздѣляемыя на три пѣхотныя и одну кавалерійскую бригады съ пристойнымъ числомъ артиллеріи. По сему раздѣленію нашей 5 дивизіей назначенъ былъ командиромъ генераль-лейтенантъ Тучковъ 1-й, человекъ умный, ученый, по непредпріимчивый, какъ впоследствии я сіе видѣлъ. Полки составляющіе сію дивизию были: Сѣвскій, Калужскій, Пермскій и Могилевскій пѣхотные, 24 и 26-й Егерскіе; Польскій уланскій и Римской драгунскій полки; артиллерія, конная рота графа Сиверса и легкихъ двѣ роты; въ сей дивизиі по полному тогдашнему комплекту состояло 13000 человекъ и 48 орудій артиллеріи.

Походъ нашъ въ то время года, когда здѣсь начинается настоящая весна и степель, былъ очень затруднителенъ, а для молодыхъ рекрутъ, которыхъ мы имѣли болѣе 600 человекъ, даже гибеленъ по ихъ непривычкѣ; сихъ людей заболѣло у насъ много, а ровно и лошади подъ фурами и пороховыми ящиками очень пострадали. Съ сожалѣніемъ долженъ я замѣтить, что по странности распоряженій покойнаго государя мы ни одного важнаго движенія кромѣ (какъ) къ шведской войнѣ не дѣлали своевременно; на примѣръ, сей походъ по предвидѣнности возвращенія заграничныхъ армій должно бы намъ предпринять въ Февраль, и тогда люди и лошади сохранены были бы, а это не бездѣлица; будущій походъ нашъ въ Пруссію вмѣсто Октября долженствовало бы назначить въ началѣ Сентября, чѣмъ люди и лошади сохранились и, успѣя—сосредоточась—отдохнуть близъ границы имѣли бы ту свѣжесть и бодрость, которыя на войнѣ необходимы; дворъ же нашъ, руководя войною, не могъ не предвидѣть ея начала. Однимъ словомъ: удаленіе опытныхъ генераловъ и окруженіе себя молоко-сосами дѣлало то, что Александръ I-й, начиная съ 1805 года, никуда не поспѣвалъ заблаговременно, что и причиняло гибель государству и безславіе нашему отечеству.

Сей походъ до Витебска на разстояніи 300 верствъ окончили мы въ началѣ Апрѣля и пришли туда на Страстной недѣлѣ; здѣсь я вскорѣ обмундировался и уже у заутрени на Святой недѣлѣ былъ въ военномъ одѣяніи; весьма меня веселившемъ, и съ которымъ я, такъ сказать, сбросилъ съ себя всѣ бѣдствія частной моей жизни. Витебскъ очень порядочный городъ, вмѣщающій въ себѣ болѣе 20000 жителей; строенія въ немъ большею частью каменные и очень хорошей архитектуры; улицы довольно широки и хорошо вымощены камнемъ, а площадь городская, можно сказать, прекрасна, будучи окружена двухэтажными домами. Сей городъ лежитъ по обоимъ берегамъ Западной Двины,

частью на горахъ, частью на ровной возвышенности: рѣка сія весною судоходна и по ней до Риги сплавляютъ разные продукты Бѣлоруссіи. отъ чего дворянство и купечество, а паче жидаы, которыхъ здѣсь много, живутъ богато, но крестьянство не лучше въ своемъ состояніи Литовскаго и здѣсь также поселянинъ въ награду трудовъ своихъ утоляетъ голодь мякинымъ хлѣбомъ. Одна матушка Россія имѣетъ хлѣбопашцевъ въ состояніи очень хорошемъ, — если не построенія, чему причиною мѣстное безлѣсіе, — то здоровой, вкусной и мирной пищи и одѣянныхъ тепло, красиво и изобильно.

Жители здѣшніе почти все католики. отчего кляштеревъ и костеловъ здѣсь много и все они пребогатые: они принадлежатъ орденамъ доминиканъ, бернардиновъ и иезуитовъ или точнѣе сказать игнатовцевъ. ибо учредитель ихъ былъ Игнатій Лойола, и сіи послѣдніе очень богаты: у нихъ въ кельяхъ угощаютъ богатою рукою, чему показали опытъ ихъ ксендзъ-каноникъ. угостивъ на Святой недѣлѣ высшихъ нашихъ чиновниковъ великолѣпно. Нашего же греко-россійскаго исповѣданія здѣсь двѣ только церкви: соборъ и гарнизонная церковь: первый замѣчательнъ по своей огромности и богатымъ колоннамъ, а послѣдняя деревянная. Въ семь городѣ есть и жидовская синагога деревянная: публичныя увеселенія состоятъ здѣсь изъ прекраснаго редута, комнаты котораго убраны богато и сада, расположеннаго на высокой горѣ, съ которой на городъ видъ прекрасный; въ семь саду, разбитомъ очень хорошо и украшенномъ бесѣдками, весьма пріятно подышать чистымъ нагорнымъ воздухомъ. Въ половинѣ Іюня вступили мы въ лагерь для узнанія лагерной службы; сей лагерь устроенъ былъ прекрасно на берегу Двины, и я занимался здѣсь службою, уча свою гренадерскую роту, будучи въ исходѣ Апрѣля произведенъ въ штабел-капитаны, и довелъ ее до совершенства. Въ половинѣ Іюля смотрѣлъ насъ генералъ Корсаковъ, тотъ самый, который въ 1799-мъ году потерялъ свой корпусъ при Цюрихѣ въ Швейцаріи. По окончаніи сего смотра, мы въ исходѣ Іюля возвратились въ городъ, черезъ который проѣзжалъ въ сіе время знаменитый изгнанникъ, достойный генералъ Кутузовъ, котораго лишилъ армію императоръ Александръ 1-й за правду, имъ сказанную. Въ началѣ Сентября мы съ приказами получили печатный экземпляръ сенатскаго адреса государю, въ которомъ похвалиая мудрость сего монарха, Сенатъ оправдывалъ войну необходимую съ Наполеономъ, бывшимъ тогда французскимъ императоромъ: сія хитрая уловка желателя поправить Аустерлицкую компанію не могла скрыться, и мы начали приготовляться къ войнѣ, которой и желали по пылкости лѣтъ своихъ. Въ 30-е сентября, какъ въ день именинъ моихъ я давалъ

хорошій завтракъ. на которомъ былъ и тогдашній Витебскій вице-губернаторъ почтенный Воиновъ—и во время онаго получено чрезъ фельдъегеря Высочайшее повелѣніе быть намъ готовыми по полученіи вторичнаго повелѣнія, черезъ 24 часа выступить въ походъ.

Глава III.

Современныя политическія и военныя происшествія.

Чтобы имѣть понятіе о тогдашнихъ происшествіяхъ, не бесполезно будетъ взглянуть на причины неудачи первой нашей въ сіе столѣтіе компаніи противъ французовъ.

Безъ сомнѣнія Ульмская капитуляція доселѣ неслыханная, гдѣ австрійскій генераль Маккъ сдалъ всю свою армію Наполеону, имѣла вліяніе на ходъ военныхъ происшествій, но чтобы она была главною причиною гибели нашей арміи подъ Аустерлицемъ, это должно

Русскій герой Кутузовъ велъ 20 тысячъ русскихъ на соединеніе съ арміей австрійской и въ окрестностяхъ Браунау получаетъ извѣстіе, что безчестный Маккъ сдалъ свою армію Наполеону и что сей идетъ къ нему въ обходъ его съ 150 тысячами своихъ войскъ. Всякій, кромѣ Кутузова, въ бояхъ испытаннаго, потерялъ бы духъ при семь ужасномъ извѣстіи, но сей герой предпринимаетъ знаменитую ретираду къ Кремсу, что на Дунай, гдѣ поражаетъ корпусъ генерала Мортъе, осмѣлившійся отрѣзать путь ему. Въ сей ретирадѣ, какъ самъ Кутузовъ, такъ и безсмертный Багратіонъ и вся армія покрылась военною славою и доказали свѣту твердость и непоколебимость русскихъ войскъ. Одному только Кутузову съ горстію героевъ можно было удержать и отразить напоръ 40 тысячнаго корпуса генерала Мюрата при Шенграбенѣ, гдѣ Багратіонъ, пробившись на штыкахъ сквозь непріятельскую пѣхоту и кавалерію, удивилъ и самыхъ безстрашныхъ, доставя удержаніемъ тутъ французовъ способъ разбить Кутузову у Кремса 20 тысячный корпусъ генерала Мортъе, какъ сказано о томъ выше.

Соверша сей знаменитый подвигъ, сію славную и Ксенофоновой подобную ретираду, Кутузовъ соединился въ Моравіи съ сильнымъ корпусомъ Буксегвена и гвардіею, получа тѣмъ въ свое начальство армію, простиравшуюся уже теперь до 60 тысячъ. Но съ симъ подкрѣпленіемъ прибылъ и Александръ I-й самодержецъ 28 лѣтъ! Пыл-

кій по юности и неопытности государь сей велъ корпуса къ Кутузову большими переходами, въ которые гвардія и всѣ войска шли съ барабаннымъ боемъ скорымъ шагомъ и въ рядахъ точно какъ на ученіе, а офицеры были всѣ подъ пудрою, убирался вседневно, какъ бы въ столицѣ и идя пѣшкомъ въ рядахъ своихъ отдѣленій*); сіе ребяческое хвастовство, сіе ненужное изнуреніе, сіе на фанфаронствѣ основанное щегольство породило ненависть войска къ сему государю и было первою причиною паденія славы войскъ, которые въ настоящей нуждѣ, перенося всѣ тягости, умѣли сражаться и побѣждать, видя заботу о себѣ Суворова, Румянцова и другихъ своихъ полководцевъ. Александръ I-й, соединясь съ Кутузовымъ, тотчасъ рѣшился атаковать Наполеона и съ сею мыслью подвинулся впередъ къ мѣстечку Аустерлицу; мудрый Кутузовъ убѣждалъ сего государя не дѣлать наступательнаго сего движенія, представляя сколь нуженъ хотя нѣкоторый отдыхъ столь изнуреннымъ войскамъ. Но мудрый совѣтъ сей былъ пренебреженъ. Кутузовъ, получа въ ночь на 20-е ноября планъ атаки французской арміи и видя, что его не пригласили даже на совѣтъ, но не могли столь ошибочнаго дѣйствіе произвести, и чувствуя всю гибель арміи, рѣшился по любви къ отечеству остановить неопытнаго государя и ночью же пошелъ къ нему. Пришедъ въ квартиру государя, онъ требовалъ, чтобы о немъ доложили, получа же отвѣтъ, что государь почиваетъ, онъ началъ говорить громко съ намѣреніемъ разбудить его: удивленный монархъ, проснувшись отъ сего, спросилъ кто тамъ, и узнавъ, что Кутузовъ, велѣлъ позвать его. Вѣрный сынъ отечества, не медля, сталъ просить государя остановиться атакою до прибытія корпуса генерала Эссена, бывшаго за нѣсколько переходовъ, представляя, что Наполеонъ вдвое сильнѣе насъ. Государь, вѣровавшій въ неумѣтное изреченіе Фридриха II-го, что если чего не могутъ произвести 30 тысячъ солдатъ; то того и 60 оныхъ не произведутъ, отклонилъ предложеніе Кутузова; Кутузовъ съ своей стороны убѣждалъ государя и, получа въ отвѣтъ, что провіанта нѣтъ и что войска изнуряются голодомъ въ ожиданіи Эссена, онъ просилъ позволенія взять все у жителей и продолжать армію, представляя, что австрійскій императоръ можетъ вознаграждать край сей. будучи обязанъ своимъ достоинствомъ сохраненію сей арміи, но получа въ отвѣтъ, что мы въ землѣ союзниковъ, а не непріятелей, Кутузовъ упалъ предъ гордымъ государемъ симъ на колѣни и умолялъ его остановиться атакою, представляя невыгодность положенія даже мѣста и недостатки въ планѣ. Огорченный

---

* О семъ походѣ-парадѣ сказывалъ мнѣ тогда же и капитанъ Крюковъ, бывшій самъ во ономъ, служа въ Фанагорійскомъ полку.

противорѣчіемъ, монархъ сказалъ Кутузову: „Михайло Иларіоновичъ, я вижу вы любите пожить!“— „О,—сказалъ посѣдѣвшій во браняхъ герой,—сегодня я говорилъ съ Вами какъ генераль, а завтра буду сражаться какъ простой солдатъ!“—и, вставши, удалился. Что чувствовалъ сей мудрый вождь, видя отверженными свои совѣты и предвидѣшій слѣдствія сраженія, а слѣдственно и своей славы, о томъ всякій судить можетъ. Сказываютъ, что просматривая наканунѣ еще планъ атаки Кутузовъ сказалъ: „если мы по оному сдѣлаемъ шагъ впередъ, то мы погибли“. Извѣстно, что планъ сей дѣлалъ генераль Винценгероде, уроженецъ баварскій, и, когда читалъ оный государю, то сей сказалъ окружавшимъ его: „какъ рѣка льется!“ означая тѣмъ превосходство онаго. По мнѣнію военныхъ людей главная ошибка диспозитера была та, что атакующія колонны не имѣли сообщенія и что кавалерія вообще была въ бездѣйствіи: второю и не менѣе важною почитаютъ ту, что государь ввѣрилъ центральную колонну глупому, но видному собой генералу Прѣбышевскому, отнявъ оную у умнаго не виднаго собою генерала Лимфена, отчего и послѣдовала главная гибель арміи въ тотъ несчастный день 20-го ноября. Но замѣтя все недостатки въ распоряженіи, должно сказать по свидѣтельству многихъ участвующихъ въ семъ сраженіи, что при самомъ первоначальномъ движеніи, солдатами овладѣлъ до того паническій страхъ, что они при первомъ непріятельскомъ выстрѣлѣ, бросая оружіе, бѣжали. Храбрый полковникъ Манахтинъ при всемъ своемъ мужествѣ не могъ остановить бѣжавшаго своего Новгородскаго пѣхотнаго полка; соревнователи сего достойнаго начальника генераль Миллеръ и полковникъ князь Сибирскій, покрыты, тяжкими ранами попали въ плѣнъ непріятеля, но полки ихъ постыдно бѣжали. Слѣдствіемъ злосчастнаго сего сраженія была потеря болѣе 20 тысячъ челоувѣкъ и болѣе 150 орудій артиллеріи. Получа свѣдѣнія о сей битвѣ, австрійскій императоръ палъ къ ногамъ счастливаго Бонапарта и заключилъ съ нимъ миръ въ Пресбургѣ: прусскій же король, ужаснувшійся неслыханной дотолѣ гибели русской арміи, которую они считали арміею исполиновъ, немедленно далъ повелѣніе корпусу нашему подъ командой генерала Беннигсена выйти изъ Пруссіи, гдѣ оный соединился уже съ его арміей, готовившейся идти противъ Наполеона, и свою армію удержавъ, вошелъ въ мирныя съ нимъ сношенія. При сихъ обстоятельствахъ, разбитая наша армія въ Моравіи бѣжала черезъ Венгрію въ Россію, куда въ началѣ 1806-го года и прибыла въ самомъ разстроенномъ состояніи. При окончаніи сей главы не могу не замѣтить геройскаго отвѣта генерала Кутузова, даннаго Александру I-му. Когда сей государь, получа извѣстіе послѣ сраженія, что Кутузовъ легко раненъ, то желая изъявить ему свое уваженіе послалъ къ

нему своего лейбъ-медика Виліе, но огорченный герой сказалъ сему любимцу царскому: „донесите государю, что рана въ сраженіи мною полученная не опасна, но та рана, которую онъ мнѣ далъ здѣсь, (показывая на свое сердце) неизлѣчима“.

Глава IV.

Первый военный походъ, сраженіе и миръ.

Пораженный ужасомъ императоръ Александръ I-й, послѣ несчастнаго Аустерлицкаго сраженія, видя оставленнымъ себя отъ Австріи и Пруссіи, далъ повелѣніе повѣренному своему въ дѣлахъ въ Парижѣ, статскому совѣтнику Убрию заключить миръ съ Наполеономъ во чтобы то ни стало. Велѣдствіе сихъ повелѣній Убри подписалъ мирный трактатъ такового содержанія, каковой побѣдителю подписать было угодно: но въ теченіе сего времени, тогда внушеніями Англій Пруссійскій король, изъ послушнаго слуги Франціи восхотѣлъ сдѣлаться ея непріателемъ, и Александръ I-й, успокоясь, увидѣлъ, что еще армія его, столь многочисленная, можетъ выдержать новый походъ, перемѣнилъ свои мысли, соединясь съ Пруссіей тѣснѣйшимъ союзомъ и возжелалъ вновь сразиться съ Наполеономъ. Среди сихъ измѣнившихся обстоятельствъ, миръ заключенный Убри не только не ратификованъ, но и вмѣнена ему въ вину излишняя поспѣшность, и будто онъ дѣйствовалъ противно даннымъ ему наставленіямъ, но сія постыдная ложь никого не могла обмануть, ибо всякій видѣлъ сильное желаніе государя заплатить французамъ при первой возможности за свое пораженіе. Чтобы болѣе прикрыть себя маскою желанія мира, Александръ I-й послалъ новаго посла къ Наполеону, — Новосильцева, но съ требованіями, на которыя заранѣе знали, что онъ не согласится. Въ сіе время государь, зная, что большая часть Россіи не одобряетъ сей безполезной и на единой личности основанной войны, далъ указъ сенату, въ которомъ притворяясь въ желаніи мира, но сваливъ постыдно вину на Убри въ невыгодныхъ переговорахъ, изъяснилъ, что посланъ Новосильцевъ вновь предложить самыя умѣренныя основанія мира, и что если Наполеонъ ихъ не приметъ, тогда честь Россіи требуетъ поднять оружіе, (слова, которыми обыкновенно прикрывается самолюбіе государей) для пріобрѣтенія прочнаго мира. Гибкій сенатъ въ поднесенномъ адресѣ соглашаясь съ монархомъ, увѣрялъ, что всѣ готовы пролить кровь свою, если Наполеонъ осмѣлится не согласиться на предложенія, данныя ему государемъ; получа сіе сенатское увѣреніе, Александръ тотчасъ

привелъ всѣ войска свои въ движеніе и, вслѣдствіе сего, и я съ полкомъ выступилъ въ походъ изъ Витебска, 6-го октября 1806-го года.

Я не стану говорить о трудностяхъ онаго, ибо самое время года показываетъ всю тяжесть его, въ особенности же въ болотистомъ Литовскомъ краѣ, при худо устроенныхъ дорогахъ, бѣдности жителей и при слѣдованіи многочисленной арміи, ея артиллеріи, парковъ и прочая; словомъ, мы тонули въ грязи. При семъ нельзя не замѣтить того, что, ведя сію войну, два честолюбца Александръ и Наполеонъ, по словамъ ихъ оба старались только о мирѣ, какъ верховномъ благѣ людей, а между тѣмъ съ пламеннымъ желаніемъ соединяли всякій стотысячный свои арміи для личнаго прославленія себя, ибо ни польза Россіи, ни Франціи не требовали сей страшной войны, потому что Пруссія еще была самостоятельнымъ между ними государствомъ, а Австрія еще имѣя силы могла ручаться за равновѣсіе системы политической, что и доказало послѣдствіе бурнаго сего періода ужасныхъ войнъ. Въ продолженіи похода 26-го октября, мы получили Высочайшее повелѣніе, что наша 5-я, 7-я, 8-я и 14-я дивизіи будутъ составлять армію подъ начальствомъ генерала графа Буксгевдена и что соединеніе наше послѣдуетъ въ окрестностяхъ города Гродно, гдѣ и главная квартира нашей арміи назначена. Такимъ образомъ соверша сей трудный походъ мы въ окрестностяхъ мѣстечка Мосты, соединились въ началѣ ноябрю съ 14-ю дивизіею, и 20-го того же мѣсяца выступили колоннами за границу нашу. Колонну нашу составляли полки: нашъ Могилевскій, Рижскій драгунскій и батарейная рота артиллеріи графа Сиверса; слѣдуя въ семь порядкѣ, мы въ 60-ти верстахъ отъ за-границы соединясь со всѣми колоннами нашей 5-й дивизіи, въ которой состояло 11800 человекъ съ 60 орудіями артиллеріи, продолжали движеніе свое къ берегамъ Вислы, по тогдашней прусской Польшѣ и прошли одинъ только значительный городъ Бѣлостокъ: прочіе же мѣста сего нынѣшняго царства Польскаго, покрыты бѣдными деревеньками и весьма незначительными мѣстечками тамъ и сямъ разбросанныя посреди болотъ и лѣсовъ продолжительныхъ.

Въ семь походѣ впервые еще узнали *биваки*, ибо послѣ продолжительныхъ и утомительныхъ переходовъ, на которыхъ мы почти непрестанно тащили по ужасной грязи на плечахъ солдатъ свою артиллерію и, располагаясь въ сихъ бивакахъ, гдѣ грязная земля служила намъ постелью, а небесный сводъ кровомъ, мы согрѣвали и осушили себя разводимымъ нами огнемъ, для котораго ломали заборы, овины, риги, амбары и даже крыши съ домовъ и лачугъ; слѣдствіемъ сего изну-

рительнаго похода была довольная убыль людей изъ фронта, а новая наполеоновская выдумка лагерей безъ палатокъ и замѣна оныхъ шалашами, стоила разорительнаго опустошенія селеній и лѣсовъ. Чѣмъ далѣе подавались мы впередъ, тѣмъ затруднительнѣе становилось наше продовольствіе, а съ приближеніемъ къ городу Остролянкѣ, что на рѣкѣ Паровѣ, и самый голодъ появился въ рядахъ нашихъ храбрыхъ солдатъ.

Сіе бѣдствіе хотя и было слѣдствіемъ неосмотрительности нашего правительства, но наипаче оно происходило отъ тѣхъ чрезвычайныхъ событій коими исполнено было начало нашего вѣка.

Чтобы яснѣе представить себѣ картину нашего положенія, обратимъ взоръ на предшествовавшія оному происшествія. Выше сего въ 3-й главѣ сказано было, что король прусскій Фридрихъ Вильгельмъ III, при началѣ Аустерлицкой компаніи, принялъ нашъ 40 тысячный корпусъ подъ начальствомъ генерала Беннгсена въ свои владѣнія съ тѣмъ, чтобы соединенно съ онымъ дѣйствовать своею арміею на Рейнѣ; но неожиданный оборотъ сей войны и вѣроломные совѣты перваго королевскаго министра маркиза Лукхезини, заставили короля сего колебаться между миромъ и войной, а получа извѣстіе о слѣдствіи Аустерлицкаго сраженія, Фридрихъ, желая выслужиться передъ счастливымъ Бонапартомъ, выслалъ нашъ корпусъ изъ своихъ владѣній. Но могла ли сія слабодушная политика сдѣлать полезное для Пруссіи дѣйствіе на гордую душу Наполеона? Онъ молчалъ, когда руки его были заняты Австріей, но освободяея отъ нея Пресбургскимъ миромъ, и видя въ самомъ дѣйствіи политики слабость Берлинскаго кабинета, Бонапартъ рѣшился самъ нанести ударъ невѣрной союзницѣ и вѣдствіе сего учинилъ впаденіе въ Пруссію: за симъ впаденіемъ въ исходѣ 1806-го года послѣдовало вскорѣ сраженіе при Іенѣ 14-го Октября того же 1806-го года, гдѣ Наполеонъ однимъ ударомъ сокрушилъ 150 тысячную армію ея, которую Фридрихъ II-й основалъ на чувствѣ атеизма и чести, а не на вѣрѣ и вѣрности, и мы были свидѣтелями быстрого и ужаснаго паденія царства атеизма, гордынею человѣческою воздвигнутаго, въ семь не бываломъ доселѣ пораженій, а не сраженій; Наполеонъ взялъ въ плѣнъ знаменитыхъ сотрудниковъ Фридриха II-го, герцога Брауншвейгскаго и фельдмаршала Мелендорфа, болѣе 8000 солдатъ и всю почти артиллерію; уцѣлѣвшій клочокъ пруссаковъ съ генералами Лестокомъ и Рюхелемъ бѣжалъ за Вислу, а генераль графъ Калькрейтъ съ 10-ю тысячами засѣлъ въ Данцигѣ. Слѣдствіемъ Іенскаго истребленія было не только паденіе арміи, но и всего королевства Пруссіи, ибо ея зна-

менитыя крѣпости сдавались Наполеону безъ выстрѣла, и онъ въ теченіи шести педѣль прошедъ все твореніе Фридриха II-го, явился въ началѣ декабря близъ Варшавы. Такъ погибла философская выставка героя 18-го вѣка, столь прославленнаго философа-государя Фридриха II-го. Слѣдствіемъ сего необычайнаго и столь знаменитаго событія были и всѣ наши способы къ продовольствію со стороны Пруссіи прерваны, и мы, бывъ призваны сильнымъ союзникомъ къ соединенію съ его знаменитой арміей, внезапно увидали 150 тысячъ французовъ предъ собою и вмѣсто провіанта и денегъ, къ намъ посыпались ядра нецрительскія.

Такимъ образомъ, получа свѣдѣніе о истребленіи пруссаковъ, мы сдѣлали суворовскій переходъ въ 55 верстѣ къ Остерлянкѣ, дабы стать на линію соединенія съ корпусомъ Бенигсена, занимавшаго Варшаву. и при появленіи Наполеона отступавшаго къ Пультуску; всѣ сіи движенія простирались до 14-го Декабря 1806-го года, въ которое время пріѣхалъ къ намъ главнокомандующимъ фельдмаршалъ графъ Михайло Каменскій, и принялъ въ свою команду всю нашу армію, изъ корпусовъ генераловъ Бенигсена, Буксегвдена и Эссена I-го состоявшую и вмѣщавшую въ себѣ 10 дивизій пѣхоты, полковъ гусарь, драгунъ и кирасиръ съ пушками артиллеріи и простиравшуюся до 130 тысячъ. считая въ томъ числѣ и казаковъ.—

Претерпѣвая, какъ сказано выше, большой недостатокъ въ нашемъ продовольствіи, мы брали рожь у жителей и мололи ее солдатами въ ручныхъ жерновахъ и тѣмъ предупредили жестокой голодъ. Каменскій, пріѣхавъ и, увидавъ наше внутреннее положеніе, бросилъ армію и уѣхалъ въ Россію. Поступокъ единственный въ лѣтописяхъ военныхъ и ни въ какомъ случаѣ и ничѣмъ неизвинительный, но въ правленіе слабое и беспорядочное императора Александра I-го, только могущій послѣдовать. Между тѣмъ Бенигсенъ при Пультускѣ былъ атакованъ Наполеономъ и выдержалъ сіе сраженіе очень удачно, съ числомъ меньшимъ противъ его; мы подвинувшись къ мѣстечку Макову и слыша жестокую канонаду пребыли безъ дѣйствія, хотя весьма могли, приближась къ Бенигсену съ 50 тысячами свѣжаго войска, разбить въ пухъ Наполеона, не вѣдавшаго о нашемъ прибытіи и тѣмъ заставили бы его ретироваться вновь за Вислу и въ столь сумрачное и грязное время года въ томъ климатѣ, и по вѣрнѣйшимъ соображеніямъ онъ бы погибъ тогда же и рѣки крови человѣческой не лились бы до 1815-го года. Но нехотѣніе употребить знаменитаго Кутузова въ вожди наши, и многія другія упущенія и ошибки Александра I-го дѣлають его

виновнымъ во всѣхъ послѣдующихъ бѣдствіяхъ 8 лѣтъ тяготившихъ Россію.

Итакъ скопище нѣмцевъ Бенигсенъ, Буксгевденъ и Эссенъ, оставшись безъ главнаго вождя, начали плутать по Польшѣ и втолкнулись въ началѣ 1807-го года въ Старую Пруссію, гдѣ армія и поручена командѣ генерала Бенигсена. Бенигсенъ не будучи русскимъ (важная неудобность), слѣдственно, не зная характера русскихъ войскъ, началъ отступать, наводя Наполеона, по словамъ его, на выгодныя для себя позиціи. Сіе непрестанное отступленіе, сей маневръ нѣмецкаго характера, отъ котораго мы потеряли большое число людей и лошадей на сихъ переходахъ, усталыми и бѣжавшими поляками, бывшими у насъ въ полкахъ изъ рекрутъ литовскихъ, (у насъ въ полку изъ 1300 человекъ выбыло изъ строя 300 человекъ, усталыми нашими—и бѣжавшими поляками), произвели наконецъ всеобщій ропотъ и столь сильный, что главнокомандующій почелъ нужнымъ призвать въ главную свою квартиру шефовъ всѣхъ полковъ и объявить имъ, что ропотъ солдатъ слышитъ онъ и просить ихъ объявить онымъ, что онъ не боится французовъ, а ведетъ армію къ твердой позиціи, гдѣ и дастъ жестокое сраженіе. Сіе увѣреніе главнокомандующаго успокоило умы храбрыхъ и побѣдоносныхъ воиновъ нашихъ, готовыхъ лучше лечь на мѣсть, чѣмъ изнурять себя робкими ретирадами.

22-го Января 1807-го года при мѣстечкѣ Янковѣ дошло у насъ до первой перестрѣлки съ французами, 25-го при Лансбергѣ была вторая, 26-го третья при Прейсшъ-Эйлау, но уже довольно жаркая, въ которой я видѣлъ героя князя Багратиона, командующаго нашимъ аріергардомъ. къ которому мы были посланы на подбѣрпленіе, и я съ гренадерскимъ батальономъ занималъ въ сей день одну деревеньку на нашемъ правомъ флангѣ, но до дѣла здѣсь не дошло, и мы отступили за городъ Прейсшъ-Эйлау, гдѣ и заняли высоты тамъ лежація, построясь въ ордеръ-баталію; первая линія колоннами, а вторая линіями, и въ семь положеніи ночевали.

27-го день достопамятнѣйшій въ нашей военной исторіи. Рано по утру Наполеонъ атаковалъ нашъ правый флангъ, состоящій изъ нашей 5-й и 7-й дивизіи подъ командою генералъ лейтенанта Тучкова 1-го, густыми колоннами своей кавалеріи; она была допущена на полный картечный выстрѣлъ и потомъ встрѣчена нашими батареями изъ 48 орудій состоящими и командуемыми храбрымъ бастіономъ Шульманомъ, Никитинимъ и графомъ Сиверсомъ, совершенно смята, пора-

жена и преслѣдуема ядрами. Вторую атаку произвелъ Наполеонъ пѣхотными колоннами, которыя, бывъ смяты равномѣрно огнемъ нашей славной артиллеріи, были преслѣдованы полками нашей дивизіи Сѣвскимъ и Калужскимъ; послѣ сихъ неудачныхъ атакъ Наполеонъ открылъ по насъ губительный огонь сильныхъ своихъ батарей и повелъ атаку на нашъ лѣвый флангъ, куда прибылъ въ подкрѣпленіе прусскій генераль Лестокъ съ 10-ю тысячами своего войска. Здѣсь произошла жесточайшая битва, продолжавшаяся до самой ночи, и во время которой нашъ лѣвый флангъ нѣсколько осадилъ назадъ, будучи несравненно малочисленнѣе атакующихъ войскъ, ибо нашъ главнокомандующій видя, что нашъ флангъ, счастливо отбивъ непріятели, стоялъ безъ дѣйствія подъ губительнымъ огнемъ артиллеріи французской, ни мало не думалъ послать нѣсколько полковъ въ усиленіе нашего лѣваго фланга, но напротивъ при самомъ жестокомъ нападеніи на наши войска, непріятеlemъ учиненномъ, рѣшился было отступитъ, но былъ отъ сего удержанъ настоятельнымъ требованіемъ благоразумнаго генерала Тучкова.

Съ 11-го часа утра до самой глубокой ночи мы безъ промежутка стояли подъ жесточайшей пальбой непріятелискихъ батарей такъ, что была пословица: подъ Эйлау для труса мѣста не было. Симъ губительнымъ огнемъ въ моей ротѣ убито 15, а ранено жалостнѣйшимъ образомъ 20 человекъ гренадеръ; сіи раны состояли въ оторваніи рукъ, ногъ и срыванія части череповъ и большею частію были смертельны. Въ сіе жесточайшее сраженіе, гдѣ одна храбрость даровала намъ побѣду и принудила отступитъ многочисленностію превосходящаго насъ непріятели, я подвергался большой и неоднократной видимой опасности, изъ которыхъ милосердная десница Всемогущаго изводила меня невредимо; скажу только объ одной или двухъ: на примѣръ—изъ тысячи летѣвшихъ надо мной и возлѣ меня ядеръ, одно шло прямо въ разрѣзъ мнѣ, но ударившись въ бывшій противъ меня непримѣтный почти бугорокъ, столь углубилось, что засыпавъ меня снѣгомъ и землею, не могло вылетѣть, и товарищи крайне удивились, увидя меня живымъ; другое ядро, ударивъ въ пороховой ящикъ, убило лошадь и оторвало объ ноги состоявшему возлѣ меня канониру, оторвавъ руку еще ближе ко мнѣ подавшемуся моей роты унтеръ-офицеру Ивану Устинову, а я остался цѣлъ. Въ сіе жесточайшее сраженіе съ нашей стороны убито и ранено 17000 человекъ, а съ французской также не менѣе; въ нашей арміи въ семь сраженіи въ строѣ было 76000 человекъ и 10 тысячъ пруссаковъ, у французовъ было около 120000; пушекъ съ обѣихъ сторонъ было близъ 1600.

На другой день, то есть 28-го января, мы отступили еще до свѣту къ Кенигсбергу, а французы къ Остерроде. Итакъ ясно, что сія битва для обѣихъ сторонъ бывъ истребительною, осталась однако нерѣшеною. Сражаясь два дня, то есть 26-го и 27-го, армія наша не имѣла куска хлѣба; 28-го и 29-го отступая къ Кенигсбергу также безъ хлѣба, мы столько потеряли людей отсталыми, что у насъ во всемъ полку осталось около 300 человекъ, и мы сформировавшись въ одинъ батальонъ, 4 знамени отправили по приказанію главнокомандующаго въ его квартиру. Въ семь положеніи 30-го января, прибывъ къ Кенигсбергу расположились мы предъ нимъ линіями на бивакахъ, на которые доставили къ намъ хлѣбъ и немного мяса. послѣ сего, дня черезъ четыре, вступили въ самый городъ, а авангардъ нашъ подвинулся къ Гейльсбергу и далѣе къ рѣкѣ Алѣ. Итакъ, послѣ 50 дневнаго стоянія на бивакахъ, мы наконецъ ощутили и комнатный воздухъ; оборвавшись весь, я здѣсь сшилъ себѣ платье и утолил свой голодъ вкусными блюдами. Подлинно, военная служба есть мать нужды и лишеній! Но и въ ней есть особеннаго рода наслажденія, которыхъ мирный гражданинъ никогда не испытаетъ; сіи то, такъ сказать, капли удовольствій въ морѣ бѣдъ и напастей увлекаютъ сыновъ войны на поле брани, куда они летятъ съ радостью, удивительною для того, кто не можетъ чувствовать той радости, того удовольствія, которое рождаетъ въ насъ временное лишеніе всѣхъ жизненныхъ благъ при новой встрѣчѣ съ оными.

Простоявъ въ Кенигсбергѣ дней десять мы вышли изъ онаго и пошли въ селеніе Нейендорфъ къ сторонѣ Гейльсберга, а главная наша квартира перенесена въ Бартенштейнъ. Кенигсбергъ, древняя столица герцогства Пруссіи, стоитъ на рѣкѣ Прегель при Куришь-Гафе или заливѣ Балтійскаго моря: онъ довольно обширенъ, строеніе имѣетъ все каменное, по большей части въ три этажа, но замѣчательнаго ничего; торговлю производитъ обширную съ Литвой и Польшей и имѣетъ жителей болѣе 60 тысячъ.—Тогда полагали, что 10 дневное стояніе наше въ немъ и возлѣ его принесло ему 2 милліона рублей серебромъ. И не мудрено, ибо армія здѣсь получа свое жалованье и рационныя деньги, здѣсь его и оставила. По прошествіи уже 21-го года отъ битвы Эйлауской, я съ радостію вспоминаю необыкновенную твердость духа и теплую вѣру нѣкоторыхъ изъ бывшихъ моихъ товарищей, кровію своею запечатавшихъ любовь къ отечеству и преданность къ престолу. Изъ нихъ прапорщикъ моей роты Константинъ Бровчинскій, бывъ пораженъ ядромъ въ бокъ, воскликнулъ: „Господи, прими духъ мой!“ и за сямъ словомъ испустилъ духъ свой возлѣ

меня. Унтеръ-офицеръ Иванъ Устиновъ, моей же роты, получа ударъ ядромъ въ правую руку, которымъ оторвало у него кисть. не только устоялъ на мѣстѣ. но весьма хладнокровно сказалъ: „этакія бестіи, теперь и перекреститься нечѣмъ!“—и пошелъ на перевязку.

Простоявъ въ Нейндорфѣ до 16-го апрѣля. въ которое время подошли къ намъ усталые и бѣжавшіе изъ плѣна непріятельскаго наши солдаты, мы сего числа выступили черезъ города Ландсбергъ, Оршенъ въ городъ Цинтенъ. гдѣ и простояли по 22-е число того же мѣсяца, а въ сей день послѣдовали черезъ Кенигсбергъ и деревни Митьэтень и Ведитень въ городъ Фшгаузенъ, лежащій на берегу залива Балтійскаго моря. Здѣсь въ первый разъ увидѣлъ я море. Сей величественный видъ приковалъ меня на нѣсколько минутъ; въ морѣ стояли англійскіе и шведскіе фрегаты, и я съ восхищеніемъ смотрѣлъ на сіи плавающія крѣпости, какъ на эмблему ума человѣческаго. 25-го приближаясь къ городу и крѣпости Пиллау, мы остановились въ маленькой деревенькѣ на самомъ морскомъ берегу лежащей, гдѣ на свободѣ любилъ я сидѣть на берегу и любоваться игрою волнъ, какъ изображеніемъ собственной моей жизни; и игрою волненія страстей людскихъ и своихъ собственныхъ. изъ палатъ царскихъ брошенъ въ хижину и изъ хижины на поле брани, гдѣ скитаюсь изъ мѣста въ мѣсто и ищу, такъ сказать, смерти. Какая судьба ожидаетъ меня въ будущемъ? Гдѣ наконецъ назначено приклонить мнѣ голову мою для успокоенія? Или жизнь сія вся пройдетъ въ бѣдствіи? Такъ думалъ я въ 1807-мъ году!—и все сіе выписываю изъ тогдашнихъ моихъ записокъ. Но вскорѣ сія мирныя размышленія мои были нарушены быстротою военныхъ приготовленій. ибо 26-го числа получили мы повелѣніе, что назначаемся для морской экспедиціи и поступаемъ въ команду генерала графа Николая Каменскаго, послѣ чего, 27-го числа. и выступили мы въ городъ Пиллау, который хотя и не великъ, но многолюденъ, богатъ и слѣдственно хорошо выстроенъ. При вступленіи во оный мы слушали полковой молебень, прося Господа силъ благословить насъ на новый подвигъ!

Въ семь городѣ нашли мы всѣ полки своего отряда, названнаго летучимъ отрядомъ, и который состоялъ изъ нашего Могилевскаго. Архангелогородскаго, Полоцкаго, Навагинскаго, Тобольскаго, пѣхотныхъ; 21-го Егерскаго полковъ и полка казаковъ и 66 орудій артиллеріи; число людей въ семь отрядѣ простиралось до 5000 по случаю большой недостачи комплекта. Съ самаго ранняго утра стали садиться на купеческіе корабли для насъ приготовленные и къ 7 часамъ вечера

выбуксировались на взморье. Здѣсь представился для меня одинъ изъ достопамятнѣйшихъ видовъ въ моей жизни. 50 кораблей съ войсками были выстроены въ линію, по флангамъ которой стояло по три шведскихъ и англійскихъ фрегатовъ; вскорѣ вся сія линія снялась съ якоря по данному сигналу съ англійскаго фрегата, на которомъ сидѣлъ графъ Каменскій и въ чудеснѣйшемъ порядкѣ, на всѣхъ парусахъ пустились въ море. Единственное зрѣлище, объ которомъ житель твердой земли не можетъ имѣть яснаго понятія. Едва мы тронулись, какъ зрители, коими усѣянъ былъ весь берегъ, замахали шляпами и платками, а мы крикнувъ ура, при громкой музыкѣ поплыли по гладкой поверхности зыблущейся стихіи. Я долго стоялъ на палубѣ корабля и не могъ насладиться сначала величественнымъ строемъ нашего флота, а потомъ неизъяснимо разительнымъ захожденіемъ солнца, отъ котораго все море попеременно было золотымъ, краснымъ и багровымъ; только мрачная ночь уже въ 10 часовъ вечера принудила меня сойти въ каюту. Корабль, на которомъ я сидѣлъ съ двумя ротами, назывался „Робертъ“. Начало нашего плаванія было благополучно, ибо день былъ ясный и вечеръ прелестнѣйшій; итакъ, покуда займемся взглядомъ на то куда и для чего плывемъ мы.

Выше было сказано, что прусскій генералъ Калькрейтъ съ 10 тысячами послѣ Іенскаго истребленія возшелъ въ Данцигъ; Наполеонъ приближаясь къ Вислѣ отрядилъ къ Данцигу маршала своего Лефевра съ 30 тысячнымъ корпусомъ, повелѣвъ ему производить осаду. Съ открытіемъ весны французы начали тѣснить пруссаковъ, къ подкрѣпленію которыхъ сначала посланъ нашъ генералъ Щербатовъ съ тремя гарнизонными батальонами, впоследствии названными Бѣлостокскимъ полкомъ, но какъ по времени и сіе подкрѣпленіе оказалось малымъ, а цѣлость сей знаменитой крѣпости была необходима для военныхъ нашихъ операцій, то и положено было союзными державами послать туда 10 тысячъ шведовъ, столько же англичанъ и нашихъ; и семи войсками, разбивъ маршала Лефевра, идти въ тылъ Наполеону; сообщеніе было важное, но весьма жалко, что оно осталось безъ исполненія. Вслѣдствіе сего то мы и назначены въ Данцигъ, куда и направили путь свой. Судьба кажется хотѣла испытать меня всѣми опасностями, и мы въ ночь на 29-е Апрѣля потерпѣли жестокою бурю, которая развела столь ужасное волненіе, что корабль нашъ въ паденіи своемъ казался погружался въ бездну, изъ которой нашъ выбрасывало для того, чтобы еще глубже погрузить въ оную; такимъ образомъ буря продолжалась весь день 29-го и всю почти ночь на 30-е Апрѣля только предъ разсвѣтомъ 30-го числа она утихла, а мы въ сей день

взошли въ гавань Нейфорвассеръ и въ оной вышли на берегъ въ крѣпостцу сію, которая на время и вмѣстила весь нашъ отрядъ: строеніе въ ней каменное, но самое малочисленное и состоящее почти изъ однихъ казармъ. Въ семь оконченномъ нами морскомъ пути меня сильно укачало, и я жестоко мучался морскою болѣзною, состояшею изъ круженія головы и рвоты. 1-е Мая прошло въ переговорахъ съ городомъ Данцигомъ посредствомъ телеграфа. 2-го мы, для сдѣланія фальшивой демонстраціи, вышли колоннами изъ крѣпости и, расположась въ боевой порядокъ, показали себя французамъ, стоя болѣе четырехъ часовъ, послѣ чего возвратились частію въ крѣпость, а частію ставъ биваками предъ оною, но въ ночь на 3-е число съ величайшей тишиною, переправясь на паромахъ черезъ рѣку Вислу, вступили въ крѣпость Вейксельмюндъ, занятую тремя прусскими батальонами пѣхоты съ полкомъ королевскихъ драгунъ подъ командою генерала Рембова: здѣсь, прилегши на площади и у валовъ крѣпостныхъ, мы немного отдохнули, съ раннимъ же разсвѣтомъ построились въ три колонны къ атакѣ и стали у воротъ, дожидаясь свѣта. 1-я колонна составлена была изъ 21-го Егерскаго полка и стрѣлковъ отъ всѣхъ полковъ по 60 человѣкъ съ каждаго, имѣя при себѣ взводъ пруссаковъ; число ея простиралось до 1600 человѣкъ и ею командовалъ генералъ майоръ Лаптовъ; 2-я колонна была наша, составленная изъ полковъ: нашего Могилевскаго и Полоцкаго и 100 казаковъ, число ея простиралось до 1500 человѣкъ. 3-я составлена была изъ полковъ Навагинскаго, Тобольскаго и батальона Архангелогородскаго и была въ командѣ генерала Арсеньева, число ея было до 1800 человѣкъ; резервъ нашъ состоялъ изъ двухъ батальоновъ: Архангелогородскаго полка и 3 прусскихъ, всего до 2000 человѣкъ.

Общія распоряженія были слѣдующія: 1-я колонна атакуетъ лѣсъ, въ лѣвомъ флангѣ нашемъ лежащій и занятый непріателемъ: вторая по очищеніи сего лѣса пойдетъ на укрѣпленный холмъ и взявъ его приступомъ, откроетъ тѣмъ сообщеніе съ Данцигомъ, изъ котораго въ сіе время гарнизонъ сдѣлаетъ сильную вылазку; 3-ья колонна обойдетъ лѣсъ и будетъ угрожать стрѣлками правому непріятельскому флангу войскъ, въ лѣсу расположенныхъ, и подаваясь впередъ, будетъ заходить имъ въ тылъ; очистя лѣсъ, сіи обѣ колонны пойдутъ далѣе и взойдутъ подобно намъ въ Данцигъ; но всѣ сіи предначертанія не исполнились, какъ видно будетъ ниже. И такъ раннимъ утромъ 1-я колонна атаковала лѣсъ и сначала весьма удачно, но полученное непріателемъ скорое подкрѣпленіе остановило первый ея натискъ, и огонь закипѣлъ на одномъ мѣстѣ. Въ сіе время наша колонна, вышедъ изъ крѣпости,

остановилась, пройдя съ полверсты отъ оной: въ сіе мгновеніе Каменскому надлежало всю нашу колонну пустить въ лѣсъ, гдѣ сражалась 1-я и, ею ударя во флангъ непрітеля, истребить его прежде его дальнѣйшаго усиленія, но вмѣсто сего Каменскій, будучи пьянъ, въ сіе время остановилъ насъ, какъ сказано, на дорогѣ въ ожиданіи очищенія лѣса первой колонной; между тѣмъ Лефевръ не дремалъ, но тотчасъ началъ посылать сильныя подкрѣпленія своимъ въ лѣсъ, а по нашей колоннѣ открылъ перекрестный огонь со всѣхъ своихъ батарей. Стоя подъ симъ губительнымъ огнемъ, мы имъ служили мишенью: у насъ почти безпрестанно вырывали ядра цѣлые ряды храбрыхъ, но жалости достойныхъ нашихъ солдатъ, которые стояли неподвижно и мужествомъ своимъ изумляли англійскихъ офицеровъ, при насъ бывшихъ. Между тѣмъ третья наша колонна, подойдя къ берегу моря, остановилась и стояла во все время нашего сраженія безъ всякаго дѣйствія и тѣмъ лишила насъ содѣйствія 1800 человекъ войска, но Каменскій ничего сего не помнилъ, будучи въ сильномъ разхмельѣ. И такихъ то людей избирали тогда въ отдѣльные начальники, а между тѣмъ Милорадовичъ и другіе оставлены были безъ дѣйствія, и сему то непонятному оцѣпенѣнію Александра 1-го обязана Россія пятилѣтнимъ униженіямъ и разорительнымъ 1812 годомъ. Наконецъ непріатель, которому давали время на подкрѣпленіе, въ виду нашемъ къ нему подходившія, усилиясь, погналъ нашу колонну вонъ изъ лѣса; Каменскій, видя сіе, теперь рѣшился оную подкрѣпить и то частями, посылая изъ нашей колонны ротами. Во время сихъ нестерпимыхъ глупостей, французскій маршалъ Лефевръ столько успѣлъ прислать подкрѣпленія въ сей лѣсъ, что число непріателя возросло до 5000 человекъ, а подъ конецъ до 10 тысячъ, ибо пруссаки никакой изъ Данцига вылазки не сдѣлали и тѣмъ способствовали французамъ безъ развлеченія устремиться на одинъ пунктъ нашъ.

Каменскій, обезсиля нашу колонну взятіемъ поротно всего Полоцкаго полка, и увидя малый успѣхъ 1-й колонны, поворотилъ и нашъ полкъ въ лѣсъ, занявъ наше мѣсто тремя прусскими батальонами Рембова, которые, нимало не держась, ушли въ крѣпость: тогда 2 батальона Архангелогородскаго полка заступили то мѣсто, которое мы съ толикою славною непоколебимостію удерживали болѣе 4 часовъ. Подошедъ къ лѣсу, я первый посланъ былъ съ моей ротой впередъ, которую, построивъ въ линію, я быстро повелъ въ жестокій огонь, кипѣвшій на одномъ мѣстѣ, ибо ни наши, ни французы другъ другу не уступали ни шагу земли. Но въ самомъ пылу я былъ вскорѣ раненъ въ правое плечо на вылетъ, и брызнувшая фонтаномъ кровь моя

принудила меня отдать команду старшему по мнѣ. Я возвратился къ крѣпости на первую перевязку и видѣлъ Каменскаго, стоявшаго на укрѣпленіи и спросившаго о мнѣ; послѣ перевязки я взошелъ въ крѣпость и легъ на показанной мнѣ квартирѣ. Между тѣмъ сраженіе кипѣло, и ружейный огонь густо катался въ рядахъ сражающихся, что продолжалось до 12 часовъ съ перемѣннымъ счастьемъ. Наконецъ Каменскій, видя, что не храбрость, но число солдатъ нашихъ чрезмѣрно начало уменьшаться, ибо мы сражались тремя тысячами противъ десяти тысячъ, далъ приказаніе отступить, что и исполнено съ примѣрной неустранимостью, какъ со стороны начальствующихъ, такъ и подчиненныхъ; въ числѣ первыхъ отличился тогда покойный братъ мой Алексѣй, командуя 2-й колонной.

Въ сіе сраженіе, названное отъ стыда Каменскимъ рекогносцированиемъ, полкъ нашъ покрылся славою предъ всѣми другими храбрыми полками нашими и заслужилъ имя: „храбрый Могилевскій полкъ“—отъ своихъ и чужестранцевъ. Свидѣтели сего славнаго для нашихъ офицеровъ и солдатъ сраженія, англичане и шведы пожимали намъ раненымъ руки въ знакъ уваженія крича: „браво, Русь!“ Итакъ что же намъ осталось отъ сего жестокого и упорного сраженія, въ которомъ въ моей ротѣ изъ числа 85 человѣкъ, бывшихъ въ сей день въ строю, убито—унтеръ офицеровъ 3, барабанщикъ 1, рядовыхъ 18; ранено оберъ-офицеровъ 2, рядовыхъ 21, а всего выбыло изъ фронта 45 человѣкъ. Въ полку же изъ числа 700 въ строю бывшихъ, выбыло 396 человѣкъ. Одна слава, но пользы никакой! Здѣсь ясно видимо, что и безъ помощи союзниковъ мы подъ начальствомъ просвѣщеннѣйшаго и опытнѣйшаго генерала взойти бы въ Данцигъ и заставили бы Наполеона по меньшей мѣрѣ усилить еще Леоффа, а симъ самымъ ослабить его армію, споспѣшествовали бы равновѣсію силъ оной съ нашею. Не могу вновь не обратиться къ бывшимъ моимъ товарищамъ и не сказать, что въ сей славный для насъ день, всѣ 12 ротныхъ начальниковъ были переранены, что солдаты наши какъ львы шли впередъ, изъ числа которыхъ моей роты гренадеръ Мироновъ, бросаясь въ средину непріятелей, и поражая ихъ, былъ самъ отъ множества оныхъ поднятъ на штыкахъ.

4-го мая насъ раненыхъ посадили на корабль и повезли въ Кенигсбергъ. Каменскій, видя, что ни англичане, ни шведы не приходили къ намъ, а бывший у насъ англійскій генералъ Гутчинсонъ объявилъ, что сего и не будетъ, рѣшился и самъ днѣй черезъ 10 съѣсть на суда и возвратиться къ своей арміи, что и исполнилъ. Прибывъ

въ Кенигсбергъ, насъ выгрузили на набережную Прегеля, гдѣ мы и лежали въ ожиданіи назначенія квартиръ; въ сіе время день былъ прекрасный и покойная прусская королева Луиза, мать нашей императрицы, прогуливаясь по городу въ экипажѣ, увидя насъ лежащихъ у пристани, послала спросить: кто мы и откуда? Узнавъ все, она тотчасъ послала своего камеръ-пажа въ ратушу за квартирами для насъ, а между тѣмъ объявила, что за всѣхъ насъ будетъ платить свои деньги хозяйкамъ за наше содержаніе, что великодушно исполнила восемь дней, ибо далѣе исполнить сего была не въ состояніи по истощенію собственныхъ ей финансовъ въ то бѣдственное для Пруссіи время. На другой день сія благодѣтельная государыня прислала къ намъ своего доктора, помнится Гуфланда, который, бывъ въ великолѣпномъ синемъ, золотомъ шитомъ мундирѣ и украшенный нашимъ Анненскимъ орденомъ, осматривалъ насъ бѣдныхъ армейскихъ офицеровъ; сія жаркая любовь къ страждущему человѣчеству, сіе свойство прекрасной души милосердой Луизы долженствуешь быть незабвенными въ родѣ моемъ. И да благословится память твоя, добрая государыня, и отдаленнѣйшимъ, благомыслящимъ потомствомъ моимъ.

Получа облегченіе отъ ранъ моихъ, я въ первой пылкой любви къ отечеству отправился было въ полкъ въ исходѣ мая, но полковой командиръ мой храбрый полковникъ Платонъ Тимофеевичъ Козловскій, восторженный симъ поступкомъ, рассказаннымъ имъ графу Дебальмень и Воронцову, и князю Долгорукову флигель-адъютантамъ императора Александра I-го, совѣтовалъ мнѣ дружески побережь себя, и я чувствуя, что раны мои еще не закрылись, послѣдовалъ его совѣту и возвратился изъ подъ Гейльсберга въ Кенигсбергъ. Въ іюнь мѣсяцѣ, когда Фридландское сраженіе дало несчастный оборотъ войнѣ нашей, я отправленъ въ числѣ другихъ въ городъ Юрбургъ за Нѣманъ въ нашу границу; въ семь путешествій сопутствовали мнѣ товарищи мои по ранамъ, нашего полка поручикъ баронъ Вреде и прапорщикъ Чаплинъ. Нѣманъ переправились мы подъ Юрбургомъ на плоту; здѣсь рѣка сія имѣетъ около 200 сажень ширины, но на ней есть бродъ нѣсколько лѣвѣе города, по которому при мнѣ и переправлялся тяжелый обозъ нашей арміи. Прибывъ въ Юрбургъ, я явился къ генералу барону Маркловскому, здѣсь командовавшему гарнизонными батальонами, сведенными сюда изъ разныхъ мѣстъ, который, не имѣя возможности размѣстить насъ по столь малому городу, ибо однихъ офицеровъ простиралось до 700 человѣкъ, а рядовыхъ было нѣсколько тысячъ, предложилъ намъ ѣхать въ Россію, кому куда угодно, съ тѣмъ, чтобы по излеченіи ранъ явились къ полкамъ своимъ; я просилъ дать

мнѣ паспортъ до города Шацка Тамбовской губерніи, въ уѣздѣ котораго въ селѣ Подсосенкахъ покойная мать моя тогда находилась, и которое имѣніе досталось послѣ сестрамъ моимъ, и имѣніе нынѣ продается. Получивъ паспортъ, я отправился въ городъ Ковно, что на Нѣманѣ.

Теперь для связи моего повѣствованія обратимъ послѣдній взоръ на ту по истинѣ геройскую армію, которую въ исходѣ Апрѣля оставили мы въ окрестностяхъ Гейльсберга, Бартенштейна и на рѣкѣ Алѣ; на ту армію, которая одною неизмѣнною храбростію своею, одними своими трудами и рвеніемъ отстояла Россію въ теченіи 6 мѣсяцевъ, безъ всякаго способствованія отъ ума своего главнокомандующаго, который, говоря по самой строгой безпристрастной справедливости, не заслужилъ чести быть ея начальникомъ.

Въ половинѣ Апрѣля императоръ Александръ I-й прибылъ къ арміи и остановился въ городѣ Бартенштейнѣ. Обрадованная армія прибытіемъ своего монарха еще болѣе укрѣпилась въ духѣ военномъ, и мы всѣ тогда нетерпѣливо хотѣли, чтобы государь самъ принялъ команду или бы далъ намъ Кутузова. Но злой геній, управлявшій тогда симъ государемъ, внушилъ ему столь великую довѣренность къ проклятому Беннигсену, что онъ оставилъ его опять нашимъ главнокомандующимъ и, осмотрѣвъ нашъ авангардъ, бывшій подъ начальствомъ безцѣннаго героя князя Петра Ивановича Багратіона, въ первыхъ числахъ Мая оставилъ армію. Всѣ старанія при семъ сего монарха къ обращенію Австріи на театръ войны остались безуспѣшны, и Францъ I-й дорого заплатилъ впослѣдствіи за упущеніе сего славнаго и полезнаго его соединенія съ нами въ сіе побѣдоносное время.

Между тѣмъ Беннигсенъ, получа донесеніе Каменскаго о невозможности спасти Данцигъ, и опасаясь новаго усиленія Наполеоновои арміи корпусомъ маршала Лефевра, къ которой и такъ уже подошли сильныя подкрѣпленія, даже и испанскій 10 тысячный корпусъ, генерала Делароманн, рѣшился самъ атаковать его. Имѣя свѣдѣнія, что французскій корпусъ маршала Нея довольно отдаленъ отъ своей арміи и занимаетъ Гудштадъ, Беннигсенъ даетъ повелѣніе князю Багратіону съ авангардомъ атаковать маршала Нея, но для соразмѣрности силъ нашихъ противъ непріятельскихъ, даетъ повелѣніе генералу Сакену (что нынѣ графъ и фельдмаршалъ) съ его корпусомъ идти въ команду къ Багратіону. Багратіонъ, увѣдомленный о семъ усиленіи, атакуетъ стремительно Нея при Гудштадѣ и тутъ завязалась сильная свалка, но

какъ Сакенъ медленно шелъ и даже сдѣлалъ на дорогѣ привалъ, то маршалъ Ней, имѣя время получить подкрѣпленіе отъ ближнихъ къ нему войскъ сталъ несравненно сильнѣе Багратіона и принудилъ его помышлять о своемъ спасеніи; между тѣмъ, Багратіонъ, посылая адъютанта за адъютантомъ къ Сакену, чтобы сей спѣшилъ къ нему, и видя что онъ не идетъ, принужденъ былъ отступить, но и тутъ искуснѣйшимъ образомъ умѣлъ навести Наполеона на Гейльсбергскія укрѣпленія, гдѣ и пощелкала его наша армія 24-го и 25-го Мая. Въ то время, когда Багратіонъ былъ въ полномъ отступленіи, явился къ нему и Сакенъ; говорятъ, что въ пыду гнѣва князь едва не закололъ его.

Князь Багратіонъ требовалъ судить Сакена и на него нарядили военный судъ, но по похвальному обыкновенію царствованія Александра I-го, когда самые величайшіе преступники оставались безъ наказанія, и Сакенъ былъ оправданъ.

Наполеонъ, атакуя нашу армію при Гейльсбергѣ и, видя непреодолимость сей позиціи, рѣшился угрожаніемъ флангамъ нашихъ принудить слабого умомъ Беннгсена оставить оную, въ чемъ и успѣлъ совершенно. Беннгсенъ потянулся къ Фридланду, и Наполеонъ разбитый при Гейльсбергѣ и потерявъ тамъ болѣе 10 тысячъ, преслѣдовалъ его туда же. Здѣсь предъ незначительнымъ городкомъ Фридландомъ 2-го Іюня послѣдовала та битва, слѣдствіемъ которой былъ постыдный миръ Тильзитскій, изнурившій Россію запрещеніемъ торговли въ теченіе 5 лѣтъ, войною шведскою, потерей всего флота, въ Архипелагѣ бывшаго, и иго миллионной контрибуціи. Я рѣшусь сказать о сей битвѣ нѣсколько словъ, слышанныхъ мною отъ очевидцевъ и участниковъ оной. Съ ранняго утра Наполеонъ учинилъ атаку, но былъ отбитъ на всѣхъ пунктахъ и до второго часа пополудни побѣда оставалась на сторонѣ нашей; день былъ жаркій; Наполеонъ, желая дать отдыхъ своимъ войскамъ и сосредоточить ихъ на одинъ пунктъ, прекратилъ въ сіе время атаку. Беннгсенъ поѣхалъ въ городъ обѣдать, корпусные генералы тоже, а войскамъ приказали, состави ружья, послать въ городъ за винной и мясной порціей; такимъ образомъ армія осталась въ совершенной безопасности. Въ 4 часа Наполеонъ пользуясь мѣстомъ подъ покровительствомъ лѣса, сосредоточилъ свои колонны противу нашего центра, вдругъ открылъ пушечную пальбу по нашимъ линіямъ, которою разбивая составленныя ружья на дальнѣе разстояніе, поражалъ кучи сидѣвшихъ солдатъ и произвелъ тѣмъ страшную суматоху; офицеры наши, вскоча, закричали: „къ ружью!“ Солдаты бросились къ

онимъ, но летавшія ядра попадая въ ихъ кучи, произвели страшное замѣшательство: въ то же время французскія колонны, со свойственною имъ быстротою, поспѣшали къ замѣшавшемуся нашему центру арміи, будучи усилены кавалеріею, которая было понеслась впередъ. Артиллерія наша не успѣла сдѣлать выстрѣла, какъ французы были уже близъ батарей, и войска нашего центра бросились назадъ. Гвардія наша, бывшая въ резервѣ столь же быстро побѣжала, ибо и ея всѣ начальники были въ городѣ; наши фланги арміи, которые хотя также были атакованы, но имѣя начальниковъ удержались, а вида разорваннымъ центръ свой, начали отступать, при чемъ особенно подвергся опасности лѣвый нашъ флангъ, предводимый генераломъ Догтуровымъ, которому надлежало переходить рѣку по найденному имъ броду, но искуснымъ маневромъ и жестокимъ дѣйствіемъ нашей артиллеріи, Догтуровъ нанесъ неприятелю весьма значительный уронъ, заставивъ французовъ остановиться. Слѣдовало бы Беннгсена перваго судить, но его только удалили отъ команды и то послѣ мира, а изъ всѣхъ генераловъ только наказаны генералы: Малютинъ и Леонтій Десперадовичъ. если отставка можетъ быть наказаніемъ симъ подлымъ людямъ.

Въ сіе сраженіе армія наша потеряла 20 тысячъ ранеными, и убитыхъ, и плѣнныхъ и болѣе 150 орудій, но со всѣмъ тѣмъ въ ней осталась до 60 тысячъ и къ ней поспѣшила новая дивизія князя Лобанова. Но Александръ I-й столь ужаснулся сего пораженія, что вскорѣ, увидясь съ Наполеономъ, на плоту, среди Нѣмана, заключилъ постыдный миръ въ Тильзитѣ.

Глава V.

Возвращеніе въ полкъ.

Въ предыдущей главѣ было показано, что я по полученіи паспорта отъ генерала барона Маркловскаго выѣхалъ изъ Юрбурга въ городъ Ковно, лежащій на самомъ берегу Нѣмана: онъ невеликъ, но строеніемъ хорошъ, а мѣстоположеніе его прелестно. Здѣсь слѣдуетъ сказать, что здѣсь варится медъ наилучшаго вкуса, но и весьма крѣпкій, онъ извѣстенъ вездѣ подъ именемъ Ковенскаго. Изъ Ковно приѣхавъ въ городъ Вильну, столицу, такъ сказать, Литовскаго края, я остановился въ немъ на нѣсколько дней для полученія слѣдовавшаго мнѣ жалованія отъ находящагося здѣсь генераль интендантѣ арміи князя Волконскаго и, получа оное, пробывъ дня три, пустился въ даль-

лѣйшій путь. Изъ Вильны я ѣхалъ порой въ полѣсской телѣжкѣ, едва помѣщавшей меня и дѣлавшей сей вояжъ очень безпокойнымъ, тѣмъ болѣе, что и раны мои едва закрываться стали; прїѣхавъ въ Оршу, я долженъ былъ остановиться для отдыха, чувствуя чрезвычайную въ себѣ слабость и не имѣя для отдыха своего даже и порядочной постели, ибо ѣхавши изъ столь труднаго похода, откуда ее и имѣть мнѣ было. Въ Оршѣ къ несчастю занемогъ у меня человекъ, и такъ я еще и для него долженъ былъ пребыть нѣкоторое время. Здѣсь я часто хаживалъ на Днѣпръ и любилъ сидѣть на большомъ камнѣ изъ него выдавшемся, предъ самымъ опустѣвшимъ іезуитскимъ монастыремъ; я чувствовалъ къ сей величественной рѣкѣ особенную какую то привязанность, быть можетъ и потому, что я на берегахъ ея узрѣлъ здѣшній свѣтъ; мнѣ казалось, что ея виды были сильнѣе другихъ рѣкъ, теченіе величественнѣе и она прекраснѣе, однимъ словомъ, я просиживалъ у нея по нѣскольку часовъ, предаваясь сладостной задумчивости. Орша небольшой, но довольно прїятный городокъ, изъ котораго, выѣхавъ черезъ Красный, прїѣхалъ я въ Смоленскъ древній городъ Магушки Россіи; прекрасное строеніе его, великолѣпныя палаты, вросшія въ землю отъ многихъ вѣковъ храмъ смоленскій; все сіе привлекало жадные мои взоры.

Толпы ликующаго и разряженнаго народа, множество экипажей, ѣхавшихъ отъ древняго собора, гдѣ въ сей день праздновали образу Смоленской Богородицы, были предметы для меня прелестные, послѣ военныхъ предметовъ! Здѣсь остановился я въ домѣ гостепріимнаго городского маклера, который по врожденному русскимъ радушію очень заботился о угощеніи израненнаго воина. Пробывъ въ семь прекрасномъ городѣ цѣлый день, я выѣхалъ изъ онаго, вовсе не помышляя, что сей прекрасный нашъ городъ черезъ пять лѣтъ будетъ сравненъ съ землею, и что тысячи его счастливыхъ тогда обитателей будутъ, лишенные крова, скитаться по Россіи, испрашивая себѣ великодушной помощи, въ чемъ жестокое правительство имъ отказало или, давъ малѣйшую часть, не устранило грабежа алчныхъ чиновниковъ! Подлинно жизнь сія есть море напастей, воздвигаемое бурей! Кто бы могъ подумать въ 1805 году, что Аустерлицкое сраженіе, предначатое Александромъ I-мъ по его своевраію, будетъ стоить толикихъ слезъ и крови любезному отечеству нашему? Что его ненавистное упорство противъ Кутузова въ 1801-мъ году повлечетъ за собой 1812-й годъ, столько бѣдствій причинившій Россіи? Не Барклаю-де-Толли, слабому и не знавшему вождю, избранному Александромъ I-мъ, но герою Смоленскому Кутузову, избранному Богомъ и отечествомъ, надлежало быть спасителемъ Россіи.

Изъ Смоленска выѣхавъ, проѣзжалъ я города Дорогобужъ, Вязьму, города очень хорошіе хотя и небольшіе, но богатые; изъ нихъ первый расположенъ на горѣ и дѣлаетъ своими каменными церквами и зданіями прекрасный видъ; второй замѣчательнъ своею древностію и богатствомъ жителей, и въ которомъ большая часть каменнаго строенія, но расположенъ оный на низменномъ мѣстѣ, и сіи оба прелестные городки истреблены въ 1812-мъ году. Послѣ оныхъ проѣзжалъ я Калугу, Алексинъ, Тулу, Епифанъ, Скопинъ, Рязскъ и Сапожокъ и наконецъ пріѣхалъ Тамбовской губерніи Шацкого уѣзда въ село Подсопки, гдѣ тогда покойная мать моя имѣла свое пребываніе. Я не успѣлъ осмотрѣться, какъ на другой день получилъ жестокую горячку, слѣдствіе трудовъ военныхъ и безпокойнаго путешествія въ 2000 верстъ! Я былъ въ отчаянномъ положеніи и меня сочли за нужное приобщить уже Святыхъ Таинъ. Я помню и теперь, что, когда меня привели въ чувство, и я увидѣлъ входящаго ко мнѣ священника съ чашею примиренія, которая несена была изъ церкви, гдѣ въ сіе время служили обѣдню, то Всеблагій Богъ даровалъ мнѣ столько вѣры, что я всталъ и сказалъ: „стою ли я этого?“ и съ чувствомъ приобщился Святѣйшаго примирительнаго Тѣла и Крови возлюбленнаго Спасителя нашего и послѣ сего уснулъ. Сонъ произвелъ во мнѣ потъ, и я, получа облегченіе, началъ выздоравливать. Въ сей болѣзни я видѣлъ внимательное къ себѣ расположеніе покойной моей матери, и за сіе не могли еще ходить, велѣлъ себя принести съ постелью къ ногамъ ея для изъясненія ей моей благодарности. Оправясь совершенно, я помышлялъ объ отправленіи моемъ въ полкъ, ибо сестры мои, виновницы всего нестройства нашего семейства, столь же были расположены ко мнѣ, какъ и прежде, изъ одного желанія корысти и любостыжанія, примѣръ поучительный для корыстолюбцевъ, ибо изъ ихъ поведенія видно, что сердца одержимыя сею болѣзнію тверже самаго металла.

Покойная мать моя, желая провести зиму въ Тулѣ для своего удовольствія, сама поѣхала вмѣстѣ со мною. Итакъ мы въ началѣ Сентября, большимъ количествомъ экипажей, ибо и сестры тутъ же ѣхали, пустились въ путешествіе, намѣриваясь по волѣ покойной матери моей заѣхать поклониться мощамъ архіерея Тихона, въ Задонскѣ почивающимъ. На пути семъ проѣзжали мы четыре города, изъ нихъ первый *Липецкъ*, славящійся своими минеральными водами: онъ начиналъ тогда улучшаться отъ множества посѣтителей, но я замѣтилъ здѣсь одну только любопытную вещь—плотину, строенную Пестромъ Великимъ: она чрезвычайно прочна, какъ и всѣ его учрежденія, ширины она необыкновенной и сдѣлана превосходно.

Зидонскъ — небольшой городокъ Воронежской губерніи, но строеніа въ немъ есть прекраснѣйшія и онъ годъ отъ году приходитъ въ лучшее положеніе отъ множества прѣзжающихъ и приходящихъ на поклоненіе св. Тихону. Люди столь суевѣрные, что несмотря даже и на то, что сей покойный архіерей (впрочемъ мужъ знаменитый своими сочиненіями и гоненіями) не причисленъ къ лигу святыхъ и самымъ духовенствомъ, толпами идутъ и ѣдутъ сюда. Но что пользы въ этомъ? Надлежало бы по примѣру Тихона исправить свою нравственность его посѣтителемъ и просить о семъ того верховнаго нашего Благодѣтеля, безъ котораго помощи и Тихонъ не могъ бы быть тѣмъ, чѣмъ былъ и умолять Господа Искупителя нашего, да дастъ Онъ намъ сердце сокрушечно и смиренно!—Святыхъ уважать и подражать имъ должно, но при семъ всегда должно помнить, что и имъ всѣ блага далъ Богъ, а не они сами собою стали совершенными, помня слова св. апостола Павла: „кто Павелъ? кто Аполлосъ, они только служители, посредствомъ которыхъ вы увѣровали и при томъ поколику каждому далъ Господь. Я посадилъ, Аполлосъ поливалъ, а выростилъ Богъ!“ (Къ Коринѳянамъ I-го посл. гл. III-я стих. 5 и 6-й). Устремлять мысли свои къ Единому всего Подателю Самъ Спаситель нашъ повелѣлъ намъ знать и кланяться „Единому Богу и Имъ посланному Иисусу Христу“.*) Слѣдовательно это видно и спасетъ насъ, да и церковь наша поетъ: „Достоинно и праведно есть покланяться Отцу и Сыну и Святому Духу, Троицѣ Единосущной и Нераздѣльной“. За предѣлами гроба не избавятъ насъ отъ наказанія сіи суетныя путешествія, если мы не исправились въ своей нравственности; ты хочешь ѣхать на поклоненіе въ какой либо монастырь? собери лучше тѣ деньги, которыя издержалъ бы на сіе, отдай ихъ нуждающимся и оставаясь дома молись Тому, Который иже вездѣ съи. Или мы уже глухи стали къ глаголу вѣчной истины, научившей насъ, „что истинные поклонники будутъ покланяться Отцу въ духѣ истиннѣ“ (Іоанна гл. IV-я ст. 21-й и 22 и 23-й) или мы уже не тѣ христіане, которыхъ великій апостоль Христовъ Павелъ училъ, что самовольное служеніе и изнуреніе тѣла только удовлетворяетъ плоти, но пользы не приноситъ (смотри къ Колосс. посл. гл. II ст. 23-й и многія мѣста всего Новаго Завѣта). Ахъ, какъ мы отдѣлились единства церкви Христовой, для чего мы оставляемъ единый, истинный источникъ и копаемъ себѣ колодези каждый по своему вкусу? „Меня оставиша источника воды живыя и ископаша себѣ кладези“! говоритъ Господь—будемъ просить Господа, чтобы Онъ явилъ намъ милость свою, утверждая насъ на пути

*) Иоанна гл. XVII-я ст. 3-й.

истинномъ и Ему благоугодномъ, избавляя насъ отъ всѣхъ лицемерныхъ и суевѣрныхъ дѣйствій и надеждъ.

Козловъ городъ очень хорошій и довольно обширный; это складочный магазинъ для большой половины обширной Тамбовской губерніи, и здѣсь видѣлъ я невѣроятное множество дынь и арбузовъ, родящихся въ полѣ въ окрестностяхъ сего города и за которые здѣсь платятъ весьма дешево, напримѣръ: двѣ дыни денежка, арбузъ довольно большой— 2 копейки, но вкусъ сихъ плодовъ очень посредственный и вовсе не можетъ сравниться со вкусомъ родящихся у насъ въ парникахъ.

Раненбургъ, (Рязанской губерніи), имѣющій довольно хорошее строеніе и расположенъ на горѣ; онъ замѣчателенъ болѣе потому, что здѣсь въ царствованіе Елизаветы I-й содержался Іоаннъ Антоновичъ, назначенный отъ Анны Грозной императоромъ Россійскимъ, но сверженный съ престола въ самомъ еще малолѣтствѣ. Онъ былъ сынъ герцога Ульриха Брауншвейскаго и принцессы Анны племянницы Грозной. Развалины крѣпостцы, гдѣ содержался Іоаннъ, еще существуютъ, и любопытный путешественникъ можетъ на ея развалинахъ мечтать о прочности земного величія. Сей городокъ напоминаетъ собою и знаменитаго нѣкогда князя Меншикова обладателя сего города и окрестныхъ сель, гдѣ онъ во времена своего могущества отдыхалъ иногда отъ трудовъ своихъ, и украсилъ его окрестности, копая пруды и дѣлая плотины, которые теперь время почти совсѣмъ уничтожило.

Представя себѣ Іоанна и Меншикова, здѣсь бывшихъ, нельзя не сказать, что сей городъ можетъ служить поученіемъ для насъ, хотя и безмолвнымъ, но не менѣе того краснорѣчивымъ.

Пріѣхавъ въ Тулу и по кратковременномъ отдыхѣ, я 6-го октября выѣхалъ къ своему полку, стоявшему въ городѣ Вилейкѣ Минской губерніи, какъ извѣстилъ меня Тульскій губераторъ.

При семъ отъѣздѣ покойная мать моя просталась со мною нѣжнѣйшимъ образомъ и сіе воспоминаніе навсегда останется въ благодарномъ моемъ сердцѣ. Изъ Тулы я ѣхалъ на города: Алексинъ, Калугу, Юхновъ, Вязму, Дорогобужъ, Смоленскъ, Оршу и Борисовъ; пріѣхавъ въ Вилейку, и не нашедъ здѣсь полка, я долженъ былъ написать о семъ Минскому губернатору Корнѣеву, прося его извѣститъ меня, гдѣ Могилевскій полкъ находится? Въ семъ ожиданіи остался я въ Вилейкѣ и занялъ квартиру у отставнаго флота капитанъ-лейтенанта Алексѣя

Петровича Слизова, одного русскаго въ семь польскомъ городѣхъ живущаго. Радужный мой хозяинъ обходился со мною какъ родной, угощалъ меня славно, ибо имѣлъ въ окрестности сего города 200 дунгъ, отцу его, храброму контръ-адмиралу за Шведскую войну Екатериною II-й пожалованные. Здѣсь я прожилъ болѣе двухъ недѣль и ласкою добраго хозяина не могу нахвалиться. Сей городъ имѣетъ прекрасную военную для обороны позицію, будучи расположенъ на крутомъ берегу рѣки Вилейки, но самъ по себѣ очень дурень и худо выстроенъ. Получа отъ губернатора отвѣтъ, что полкъ мой стоитъ въ Полоцкѣ, я пустился въ оный проселочною дорогою на городъ Десну, но пріѣхавъ въ Полоцкъ не нашелъ и здѣсь своего полка, но зато вѣрно узналъ уже, что оный стоитъ въ Витебскѣ, куда я вскорѣ и пріѣхалъ. При семъ долженъ сказать, что я изъ Юрбурга до Шацка и отъ Шацка до Витебска ѣхалъ на свой счетъ, ибо тогда и раненымъ прогоновъ не давали. Итакъ моя рана, полученная за отечество на полѣ брани, сверхъ убытка для моего здоровья, стоитъ мнѣ болѣе 700 рублей. Гдѣ справедливость правительства? но тогда все шло криво, теперь же раненымъ выдаютъ прогоны и лѣчатъ ихъ на казенный счетъ.

Глава VI.

Второй военный походъ къ шведской границѣ.

Прибывъ въ полкъ, я нашелъ, что полкомъ нашимъ командуетъ подполковникъ Обуховъ, и шефомъ назначенъ къ намъ генералъ майоръ Пассекъ. Въ Витебскѣ я нашелъ главнокомандующаго своего генерала графа Вуксгедена и, бывъ одинъ разъ дежурнымъ по полку, и пришедъ къ нему я нашелъ его читающаго календарь! Занятіе достойное того, кому Александръ I-й ввѣрилъ армию, но сей читатель мѣсяцелова вскорѣ отъ насъ уѣхалъ.

Недолго отдыхалъ я, ибо въ исходѣ декабря мы выступили въ походъ въ Петербургъ и слѣдовали на города: Городокъ, Невель, Великія Луки, гдѣ пріѣхалъ новый шефъ къ намъ, глупый и алчный генералъ майоръ Булатовъ (имѣвшій впоследствии великое вліяніе на судьбу мою) черезъ Порховъ, Лугу, Гатчино и Царское Село. Проходя оба послѣднія мѣста, я встрѣчалъ ихъ какъ давно знакомыхъ друзей и мечталъ возвратиться во времена моего счастья, когда, бывъ извѣстенъ царю, я наслаждался счастіемъ лѣтъ юности беззаботной. Въ Петербургъ мы вошли вечеромъ 26-го января 1808-года и, проходя его великолѣпными улицами, остановились на Выборгской сторонѣ.

На другой день я ѣздилъ къ знакомымъ своимъ Ивановымъ, гдѣ провелъ весь день, свидаясь съ ними черезъ 6 лѣтъ. На другой день по утру смотрѣлъ полкъ нашъ императоръ Александръ I-й и былъ недоволенъ выправкою людей и церемоніальнымъ маршемъ, не подумавъ, что у насъ въ полку было болѣе 1200 человекъ ратниковъ изъ распущенной милиціи. Въ сей день, выстуня изъ сѣверной нашей столицы, мы послѣдовали къ бывшей нашей Шведской границѣ въ кирштель. *Сюминеми* (кирштель есть селеніе, гдѣ есть лютеранская кирка; оно соотвѣтствуетъ нашему селу, но не пространствомъ, ибо при киркѣ бываетъ двора по два), гдѣ и остановились до 20-го февраля, и я жилъ здѣсь въ самой скверной, курной избѣ, гдѣ вмѣстѣ были со мною и хозяйская скотина, ибо ее выгонять было не велѣно. Здѣсь объявленъ намъ императорскій приказъ, что мы, въ числѣ 4-хъ дивизій составляя армію, поступаемъ въ начальство генерала графа Буксегвена и предназначены для завоеванія шведской Финляндіи; что сему главному начальнику дается власть: рядовыхъ лишать жизни, а офицеровъ разжаловать въ солдаты въ случаѣ вины ихъ, не донося о семъ государю. Всеобщее омерзѣніе было отвѣтомъ на сію прокламацію, ибо всѣ вообще ненавидѣли Буксегвена за его временное начальство въ прошлую войну и за его жестокость.

Теперь обратимъ взоръ на край, куда судьба привлекла меня; мрачный лѣсъ, камни ужасной величины и пропасти, между которыми тамъ и сямъ раскиданы бѣдные крестьянскіе дворы, и то весьма рѣдко, представились изумленному моему взору на всемъ семъ пространствѣ отъ самаго почти Петербурга, на разстояніи слишкомъ 200 верстъ. Здѣсь ничего порядочнаго достать было нельзя! Нечистота жителей и ихъ жилищъ отвратительна; однимъ словомъ, это самый скверный, скучный и мрачный край, который казалось недавно еще выщелъ изъ-подъ вѣчныхъ водъ и населенъ преступниками, изгнанными изъ государствъ образованныхъ.

Среди сего хаоса *Выборгъ* показался мнѣ прекраснѣйшимъ городомъ, но онъ и въ самомъ дѣлѣ таковъ; вмѣщая въ себѣ прекрасные каменные дома и имѣя все, не только нужное, въ изобиліи, но и къ роскоши служащее. Онъ особенно славится кренделями, которые и въ самомъ дѣлѣ безполобнаго вкуса и извѣстны въ Петербургѣ подъ собственнымъ названіемъ Выборгскихъ кренделей. Въ отношеніи военномъ онъ считается и есть первоклассная крѣпость, могущая выдержать долговременную осаду большой арміи и флота; но безъ сего послѣдняго онъ неприступенъ, стоя на берегу Финского залива, который былъ

въ сіе время окованъ свирѣпою полярною зимою. Здѣсь я былъ угощаемъ братомъ моего поручика Плеханова, и слыша отъ него о томъ краѣ, куда шли, запасся я здѣсь всякою провизіею и особенно кофеемъ, столь нужнымъ въ семъ хладномъ зимою и сыромъ лѣтомъ краю. Далѣе проходили мы маленькій городокъ и крѣпостцу Виль-Монстрантъ близъ нашей бывшей границы, лежащія при озерѣ Сайма, на которомъ была при насъ и гребная флотилія и крѣпости для защиты оной. Сія крѣпостца и другія лежащія на линіи ея какъ то: Давыдовъ, и Кюменгордъ построены по плану и подъ надзоромъ великаго Суворова знаменитаго князя Италійскаго. Предъ Саумпнему проходили мы и кирку Савитайполь, столь извѣстную въ нашей военной исторіи поражениемъ принца Ангальта брата Екатерины II-й. Сраженіе сіе было при большомъ мостѣ, лежащемъ ниже озера Куолимо, гдѣ съ обѣихъ сторонъ нашихъ и шведовъ легло тысячи, а мы проходили сей мостъ въ совершенной тишинѣ и только у немногихъ изъ насъ одна мысль оживляла подвиги минувшаго вѣка. Послѣ сего не жалки ли люди, которые думаютъ кровополитіемъ купить для себя славу, столь скоро забываемую и такъ, что даже и могилъ храбрыхъ вовсе уже не видно, ибо ни одинъ памятникъ не оживляетъ ихъ! Вскорѣ, вскорѣ и наша кровь польется рѣками на сушѣ и водахъ и то же забвеніе грозитъ и тѣмъ, кого судьба обрекла быть жертвою войны сей, самой несправедливой, какою когда либо предпринимала Россію.

При семъ слѣдуетъ замѣтить, что я въ Петербургѣ получилъ за сраженіе 3-го мая 1807-го года при Вейсфельмюндѣ орденскую шпагу, малую награду за мое рвеніе, и въ Виль-Монстрандѣ получилъ приказъ, которымъ произведенъ я въ капитаны.

Глава VII.

Заграничный военный походъ и сраженія до 1-го мая 1808-го года или до окончанія первой компаніи.

Простоявъ въ скучной и мрачной Саумпнему въ ожиданіи движенія главнаго корпуса нашей арміи, пошедшаго по берегу Финскаго залива къ Ловизѣ и Швортгольму и далѣе къ городу Борго, близъ двухъ недѣль; мы наконецъ 20-го февраля того 1808-го года выступили за границу и послѣдовали своей колонной къ киркѣ Сантъ-Христино, а потомъ и въ Сантъ-Михель маленькій городокъ, гдѣ было шведское депо для пѣхоты и гребный флотъ; послѣдній шведы сожгли, оставя намъ болѣе 50

орудій артиллеріи большого калибра и всё чугуныя, а депо, не успѣвъ вывезти многія прекрасныя вещи, намъ оставили. Здѣсь просто-яли мы нѣсколько дней въ ожиданіи движенія главной колонны нашей, 5 дивизіи подъ начальствомъ генералъ лейтенанта Тучкова, слѣдовавшаго изъ городка Нейшлота на кирку Юрсисъ. Тучковъ, приближаясь къ укрѣпленному городу Варкаусу, почелъ нужнымъ вмѣсто прямого слѣдованія нашего на городъ Куапо, притянуть насъ къ себѣ, почему оставя въ Сантъ-Михелъ роту мою подъ начальствомъ штабъ-капитана Юнія, а меня взявъ съ собою, генералъ майоръ Булатовъ начальникъ нашей колонны пошелъ черезъ кирку Юкасъ въ Юрсисъ, гдѣ и соединились мы съ своею дивизіею, Здѣсь слѣдуетъ сказать, что наша колонна до соединенія съ Тучковымъ, состояла изъ нашего и Пермскаго полковъ, 2 роты Выборскаго гарнизона подъ начальствомъ ихъ подполковника Дункера, эскадрона Гродненскихъ гусаръ, 100 казаковъ и 12 орудій легкой артиллеріи. Изъ Юрсиса выступили мы всей дивизіею черезъ деревеньку Куванси къ Варкгаузу, занятому непріятелемъ подъ начальствомъ генерала графа Кронштета; сіе укрѣпленное природою и искусствомъ мѣсто, лежащее между двухъ озеръ, не представляло иного способа къ взятію силою, какъ дѣйствовать по льду во фланги онаго, а слѣдственно и подвергнуть себя большой потерѣ на столь открытыхъ мѣстахъ при влѣзаніи, можно сказать, на скалы онаго. Но Тучковъ рѣшился на сіе и сдѣлалъ уже диспозицію къ атакѣ, какъ Кронштеть, имѣя немного войска, рѣшился взорвать пороховой магазинъ и ночью отступить; взрывъ сей, послѣдовавшій предъ разсвѣтомъ когда шведы давно уже ушли, былъ сигналомъ для нашего вступленія въ Варкгаузъ, куда мы и вступили при первыхъ лучахъ солнца. Взору нашему при входѣ въ оный представлялся утесъ, покрытый болѣе нежели 40 орудіями, которыя непріятель тутъ оставилъ; сей утесъ или каменная скала имѣетъ на себѣ довольно хорошее чистое и опрятное строеніе которое и вмѣщало жителей до 2500 душъ. Здѣсь была верфь для строенія гребныхъ судовъ на большомъ озерѣ Лимавеси, сливающимся съ другими и простирающимся до самого Вильманстранта и Нейшлота. Здѣсь мы получили также въ военную добычу болѣе 80 орудій морской артиллеріи, бывшей на судахъ, кои всё сожжены шведами. Изъ Варкгауза послѣдовали мы къ киркѣ Липавирта, гдѣ произошла первая перестрѣлка нашего авангарда подъ начальствомъ генерала Гарнаульта со шведами. Отсюда двинулись мы къ городу Куопіо, подъ которымъ послѣдовало сраженіе нашего, до 3000 простиравшагося авангарда съ шведскимъ аріергардомъ, состоявшимъ изъ 700 человекъ съ 8 пушками, Здѣсь замѣчу только, что Булатовъ въ сей день командованній нашимъ авангардомъ, имѣя втрое болѣе войска и

выгоду мѣста на своей сторонѣ, не умѣлъ отрѣзать непріятельскаго арьергарда и отбить прикрываемаго симъ послѣднимъ транспорта, стоившаго болѣе 100 тысячъ рублей. Наконецъ послѣ сраженія, болѣе 4 часовъ продолжавшагося, непріятель былъ разбитъ и преслѣдованъ къ селенію Тайвола, а мы вступили въ городъ къ вечеру.

Удивительно, что и генераль Тучковъ не воспользовался опытомъ прошлой войны и, имѣя всю дивизию подъ рукою, не подавилъ всею массою шведскаго арьергарда, чѣмъ бы, пріобрѣти себѣ честь уничтоженіемъ онаго и большимъ плѣномъ, поразилъ бы ужасомъ жителей Куопіо, что особенно было намъ нужно, и сверхъ сего отъ быстроты натиска мы бы и менѣе потеряли людей. Странно то, что наши генералы будто слѣпые бродили оцупью, какъ бы не вѣдая великаго военного правила: бить непріятеля, устремляя превосходныя силы на слабый пунктъ онаго. Занявъ Куопіо, мы съ отрядомъ, составленнымъ изъ полковъ нашего и Пермскаго, 8 орудій артиллеріи, эскадрона Гродненскихъ гусаръ и 40 казаковъ, остались въ ономъ, Тучковъ съ полками Сѣвскимъ и Калужскимъ, 23 и 24 Егерскими, 16 орудіями артиллеріи и съ нѣсколькими эскадронами гусаръ и сотнею казаковъ потянулись на киршпель Индесальмы къ городу Брахештадту. Здѣсь замѣчу вторую ошибку Тучкова, который долженъ былъ всею дивизіею идти съ быстротою къ селенію Пипола и тамъ раздѣляясь съ нами, самому ему слѣдовало идти на Франсдо и Лимонго, а нашей колоннѣ на Павола Револаксъ и Сикаіюки, каковымъ движеніемъ угрожая флангу и тылу непріятельскаго корпуса, у Сикаіюкъ и Лиманго расположеннаго, заставилъ бы его отступить изъ сей крѣпкой позиціи, но вмѣсто сего совокупнаго дѣйствія, оставя насъ, Богъ знаетъ для чего въ Куопіо, самопроизвольно обезсиля себя, тѣмъ самымъ не только спасъ шведовъ, но и далъ имъ время даже къ побѣдамъ, какъ увидимъ ниже сего. Теперь скажемъ нѣсколько словъ о томъ мѣстѣ, въ которомъ мы простояли до исхода марта мѣсяца. Городъ Куопіо, главный во всей Кареліи, лежитъ на ровномъ и низкомъ берегу огромнаго озера Калла-Веси и въ близкомъ разстояніи отъ другого Реко-Веси и содержитъ въ себѣ жителей до 5 тысячъ; строеніе въ немъ, исключая двухъ или трехъ каменныхъ, все деревянное, но очень хорошее и, по большей части, двухэтажное. Торгъ сего города по здѣшнему краю обширный, ибо получая изъ приморскихъ городовъ: Гамле и Никарлеби, Брахештадта и другихъ разные товары и произведенія земель чужестранныхъ, снабжаетъ ими всю Карелію и Саволаксъ. къ чему водное сообщеніе, при которыхъ стоитъ онъ, много способствуетъ облегчая ему сношеніе съ сими внутренними и углубленными въ лѣсахъ

непроходимых провинціями. Здѣсь въ лавкахъ можно все найти и при томъ по цѣнамъ очень умѣреннымъ; серебрянники и другіе мастера находятся здѣсь въ довольномъ количествѣ, и я самъ заказывалъ здѣсь чайныя ложечки, которыя и теперь еще цѣлы и сдѣланы очень искусно. Городская площадь, окруженная двухэтажными домами, театромъ, редутомъ и кофейнымъ домомъ или рестораціею, очень и очень порядочна, особенно для сего отдаленнаго края. Пользуясь временными выгодами, мы здѣсь отдохнули отъ понесенныхъ нами трудовъ во время зимнихъ походовъ отъ Петербурга до Куоію на разстояніи болѣе 500 верстѣ. Я не стану описывать почти невѣроятнаго труда оныхъ, но скажу только, что въ сіе время, то есть съ 20-го Февраля по половину Марта морозы восходили до 35 градусовъ по термометру Реомюра, а мы въ сіе время на открытыхъ озерахъ при сильномъ рѣзкомъ вѣтрѣ (ибо дорогами въ сіе время не ходятъ отъ множества снѣга, а обходятъ по льду озеръ и рѣкъ) бывали въ маршѣ по 5 часовъ и болѣе въ однихъ шинеляхъ сверхъ сюртуковъ. Здѣсь я удостовѣрился, что нѣтъ трудовъ, которыхъ бы человекъ вынести былъ не въ состояніи. Все бывшій прежде сего и потомъ во все вопиющее правленіе Александра I-го, войны ни одна по трудностямъ своимъ не можетъ сравниться съ сею войною, припомни еще и то, что мы по временамъ и голодъ переносили отъ малаго населенія нашей Финляндіи и бывшей шведской, гдѣ непріятель, отступая, старался истребить все способы къ нашему продовольствію. Наконецъ по занятіи Тучковымъ города Брахештада, и мы получили отъ него повелѣніе идти къ киркѣ Франсила и Лиманго, куда выступивъ, слѣдовала наша колонна на Индесальмы до селенія Ниссилле, гдѣ, отдѣля три роты нашего второго батальона съ 4 орудіями подъ начальствомъ подполковника Обухова для занятія города Каяны, вправѣ отъ насъ лежащаго, мы послѣдовали на кирку Пулькало, откуда генераль Булатовъ послалъ меня къ селенію Маттила командовать аванпостами, давъ мнѣ 60 человекъ рядовыхъ съ двумя офицерами пѣхоты и 10 казаковъ. Само собою разумѣется, что сія служба, лѣтя моему самолюбію, была сопряжена съ особенными трудами и заботами, а потомъ и съ нѣкоторою опасностью, когда я въ ночь на 7-е апрѣля узналъ отъ присланнаго ко мнѣ шпиона, что противъ меня въ селеніи Косяки стоятъ 400 шведскихъ егерей и нѣсколько драгунъ. Получа сіе свѣдѣніе, я укрѣпилъ свою позицію шанцами вырытыми изъ снѣгу и обливъ ихъ водой, отъ которой покрывшись льдомъ получили они крѣпость, могущую дать намъ средство къ защитѣ въ случаѣ нападенія сильнаго непріятели. Сіе, впрочемъ странное, но мѣстному положенію и климату сообразное, а по отдаленію нашему на 12 верстѣ отъ отряда, и спасительное средство обез-

печило меня совершенно; сіе тѣмъ болѣе нужно было, что въ сію ночь непріятель учинилъ нападеніе на мои разѣзды и убилъ одного казака, а другого смертельно ранилъ, но не послѣдовалъ однако далѣе ко мнѣ.

Въ семь положеніи простоялъ я до 10-го Апрѣля, ибо и Булатовъ получа вѣрное извѣстіе; что кирка Франсилъ занята превосходными силами шведскими, не рѣшался идти впередъ, не получа точнаго на сіе повелѣнія отъ Тучкова. 10-го рано поутру получилъ я предписаніе отъ Булатова выступить немедленно обратно къ отряду послѣдовавшему, по кратчайшей дорогѣ на кирку Виханда для соединенія съ Тучковымъ, который занявъ Брахештадтъ не могъ выбить шведовъ изъ ихъ позиціи при Сикаіонахъ, и чувствовалъ самъ нужду въ подкрѣпленіи; и такъ неправильное распоряженіе своего начальника мы уже начинали чувствовать въ обратныхъ контръ-маршахъ. Проходя по колѣно въ снѣгу трудною дорогою черезъ Альбу, Виханды и Револаксъ и таща съ собою болѣе солдатами, а не лошадьми артиллерію. мы проходили между непріятелемъ, который легко могъ изъ Павлова и Револакса атаковать насъ на маршъ и разбить. Сей трудный маршъ покрылъ лицо Булатова морщинами, и когда достигли мы Виланды онъ тотчасъ послалъ меня съ 20 рядовыми на саняхъ въ кирку Поавола для рекогносцированія шведовъ, которые сдѣлали съ своей стороны большую ошибку, оставя незанятыми обѣ помянутыя кирки. Прибывъ ночью въ Поавола и прямо въ домъ къ пастору какъ лицу, отъ котораго болѣе узнать могъ, я, взявъ съ собой переводчика, началъ его допрашивать о войскѣ шведскомъ, но къ крайнему удивленію моему услышалъ его, заговорившаго со мною чистымъ и прекраснымъ нашимъ нарѣчіемъ, что меня и обрадовало; отъ него я узналъ, что шведы во Франсилѣ и дѣлаютъ сюда разѣзды, которые недавно здѣсь и были, но о силѣ или числѣ оныхъ онъ не узналъ; итакъ, ставъ въ Револаксъ, мы становились на линіи сообщенія непріятельскаго; пунктъ для насъ выгодный, но и опасный и требующій ума и дѣятельности, которыхъ, какъ увидимъ, Булатовъ, къ несчастію нашему, не имѣлъ. Получа нужныя для насъ свѣдѣнія, я 12-го Апрѣля прибывъ прямо въ Револаксъ, нашелъ тамъ отрядъ свой изъ Виланди пришедшій и обо всемъ донесъ Булатову. Здѣсь остановивъ отрядъ, Булатовъ ѣздилъ къ Тучкову на совѣщаніе, и мы простояли въ совершенномъ бездѣйствіи до 15-го Апрѣля. Въ сіе довольно продолжительное время безопасный нашъ начальникъ, зная, что мы стоимъ окруженные непріятелемъ, занимающимъ Франсилъ съ одной, Сикаіюки съ другой и Лумюки съ третьей стороны, ни одного раза не рекогносцировалъ нашего мѣсто-

положенія, по которому бы слѣдовало сдѣлать распоряженія къ защитѣ онаго на случай непріятельскаго нападенія, котораго и ожидать было надо по тѣмъ отношеніямъ, въ которыя мы поставили непріятельскаго маршала Клигпорна, ставъ на его сообщеніяхъ. Сія важная и преступная оплошность была величайшею изъ причинъ нашего пораженія внослѣдствіи нами претерпѣннаго. Теперь слѣдуетъ сказать, что у насъ въ отрядѣ за отдѣленіемъ Обухова съ тремя ротами въ Кално, одной роты въ Сантъ-Михелѣ, двухъ гарнизонныхъ ротъ подполковника Дункера въ Варкгаузѣ, осталось 3 батальона пѣхоты, 18 казаковъ, эскадронъ Гродненскихъ гусаръ и 4 орудія артиллеріи, въ которыхъ отъ большой убыли людей при труднѣйшихъ нашихъ походахъ осталось до 800 человекъ. Не ясно ли, что или глупая флегма, или преступная и злонамѣрная воля Буксегвена, тогдашняго нашего главнокомандующаго, по которой онъ, видя, что мы и съ Тучковымъ не имѣли 3000 человекъ подъ ружьемъ, оставлялъ насъ на волю 10 тысячнаго корпуса непріятельскаго, теперь сосредоточеннаго, и въ отдаленіи отъ всѣхъ войскъ нашихъ на 200 верстъ, ибо ближайшія отъ насъ занимали городъ Вазу. Но обратимся къ тогдашнимъ нашимъ событіямъ.

14-го Апрѣля Булатовъ, желая имѣть точнѣйшія свѣдѣнія о положеніи непріятеля, призвавъ меня къ себѣ и поручая вновь въ команду мою 60 человекъ стрѣлковъ съ двумя офицерами, Пермскаго полка поручикомъ Павленной и нашего подпоручикомъ Григоровымъ, 20 гродненскихъ гусаръ при корнетѣ ихъ Заборовскомъ и 10 казаковъ съ сотникомъ Лобачевымъ и съ симъ отдѣленіемъ поручилъ мнѣ сдѣлать точнѣйшее обозрѣніе непріятеля къ сторонѣ Франсило, и если его тамъ нѣтъ, постараться черезъ Пулькило соединиться съ отрядомъ Обухова для привлеченія его къ намъ. Столь безумное порученіе заставило меня объясниться съ Булатовымъ во многомъ съ помощью принявшаго мою сторону генеральнаго штаба капитана Соснина, бывшаго при нашемъ отрядѣ. Но слѣдствіе сихъ споровъ было одно: идти куда приказано, и подливый Булатовъ былъ столь гнусенъ, что и письменнаго ордера мнѣ не далъ, вѣроятно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы въ случаѣ дурныхъ со мною обстоятельствъ, взваливъ, что называется всю бѣду на меня, имѣть возможность сказать: „я не то приказывалъ“. Вслѣдствіе сего назначенія, когда смерклося я, собравъ отрядъ свой, выступилъ по данному мнѣ повелѣнію отъ Булатова, который именно велѣлъ идти мнѣ ночью, дабы не замѣтили сего по словамъ его жители, а въ самомъ дѣлѣ полагалъ для того, что онъ боялся ночного нападенія на отрядъ свой разбросанный на довольномъ разстояніи по

здѣшнимъ раздѣльнымъ дворамъ а не по деревнямъ крестьянскимъ, и который сосредоточить не было возможности иначе, какъ заставить солдатъ и такъ изнуренныхъ походомъ стать на биваки, что было бы безчеловѣчно по здѣшнимъ глубочайшимъ снѣгамъ и холоду. Одно упустилъ Булатовъ изъ виду, что дозволивъ хозяевамъ дворовъ свободный выѣздъ, доставлялъ тѣмъ вѣрнѣйшіе непріателямъ свѣдѣніе о числѣ нашего отряда, хотя и былъ отъ сего предостерегаемъ многими представленіями, ибо мы ясно видѣли величайшую къ намъ ненависть всѣхъ вообще жителей съ самаго нашего вступленія въ предѣлы Швеціи. Такимъ образомъ слѣдуя къ киркѣ Поавола во всю ночь, на разсвѣтъ дня 15-го апрѣля открытъ моими казаками, шедшими передо мною, идущій на насъ непріатель. Полагаясь на увѣренія безсмысленнаго Булатова, что непріателя нѣтъ въ Поаволѣ, я шелъ просто безъ всякихъ особенныхъ осторожностей и казаки шли передъ нами шагахъ въ пяти, вмѣсто того если бы генераль сей не увѣрялъ меня въ томъ, чего самъ не вѣдалъ, и которому я какъ начальнику довѣрялъ совершенно, то тогда разѣзды казаковъ были бы посланы впередъ на дальнее растояніе, и я избѣгъ бы всякой внезапности столь вредной во время войны. Но какъ бы то ни было, а я совершенно для меня неожиданно столкнулся, такъ сказать, носъ съ носомъ со шведами. Первымъ моимъ дѣломъ было тотчасъ разсыпать 20 человѣкъ стрѣлковъ въ лѣсъ, по обѣ стороны дороги лежащей, дабы хотя нѣсколько осмотрѣть непріателя, но глубина снѣга была по поясъ, а лыжъ, на которыхъ здѣсь только и можно было дѣйствовать, у насъ не было, итакъ одумавъ всѣ сіи непреодолимые препятствія и сообразя отдаленность свою на 20 почти верстъ отъ отряда и, замѣтивъ еще, что въ тылу моемъ была дорога отъ Люміокъ, занятая непріателемъ, выходящая прямо на Револакскъ, въ которой сторонѣ въ сіе время услыхалъ я пальбу по прямому направленію довольно ясно до меня доходившую, рѣшился немедленно отступить, но непріатель уже бросилъ по обѣ стороны многочисленныхъ стрѣлковъ своихъ, которые открывъ огонь ранили у меня одного рядового, оставшагося на мѣстѣ. Сіе нападеніе вновь рѣшило меня скорѣе отступить, и я собравъ разсыпанныхъ стрѣлковъ своихъ скорымъ шагомъ началъ отступать, опасаясь при томъ, чтобъ непріатель изъ Люміокъ не отрѣзалъ меня отъ отряда нашего, для упрежденія чего шли мы почти на рысяхъ до выхода сей дороги. Пройдя оную и слыша часъ отъ часу сильнѣе пальбу въ лѣвомъ флангѣ отряда Булатова и не получая отъ него никакого извѣстія послалъ я къ нему сотника Лобачева съ донесеніемъ, что мною открытъ идущій къ намъ непріатель; между тѣмъ, подойдя ко двору Хендуло и найдя тамъ позицію для себя выгодную, я рѣшился оста-

новиться здѣсь, разсыпавъ всѣхъ стрѣлковъ своихъ по обѣ стороны дороги, а кавалерію поставя на дорогѣ, дабы удерживала центръ нашъ. Лишь успѣлъ я сдѣлать мое распоряженіе, какъ непріятель показался изъ густого лѣса на площадь, нами занимаемую и покрытую кустами, сквозь которые ясно намъ его было видно; онъ шелъ тремя колоннами съ артиллеріей, изъ которыхъ одна пошла противъ насъ, другая пошла въ обходъ праваго моего, а третья колонна въ обходъ моего лѣваго фланга прямо на кирку Револаксы, за рѣкой отъ Булатовой квартиры въ прямой линіи. Осмотря такимъ образомъ непріятеля, я вторично послалъ къ Булатову гусарскаго корнета Заборовскаго сказать о всемъ подробно и что число непріятеля по крайней мѣрѣ 3000 человекъ. Пославъ, такимъ образомъ, двухъ офицеровъ къ генералу, я не получалъ отъ него никакого повелѣнія на подкрѣпленіе; въ сей позиціи пріѣхалъ ко мнѣ изъ отряда гусарскій ротмистръ Гроткусъ, котораго я просилъ сказать генералу, что безъ сильнаго и скорого подкрѣпленія я не могу держаться противъ въ 20 разъ превышающаго меня непріятеля, что онъ и исполнилъ какъ я послѣ узналъ. Но Булатовъ все оставался тѣмъ же деревомъ, которымъ и былъ. Наконецъ, видя сближеніе къ себѣ огромныхъ противу моихъ силъ непріятельскихъ и, не получая никакого извѣстія отъ Булатова, ибо всѣ мои посланные не возвращались, и видя притомъ явно, что меня отдають на жертву, я далъ повелѣніе отступить всѣмъ своимъ стрѣлкамъ. Въ самое сіе время непріятель открылъ по мнѣ пушечный огонь и ружейную пальбу, но я успѣлъ занять новое положеніе по обѣ стороны рѣки, ибо отъ дороги и былъ уже отрѣзанъ и такимъ образомъ, сблизясь съ отрядомъ Булатова, обезопасилъ тылъ свой; но въ сіе время присланъ ко мнѣ генеральнаго штаба капитанъ Соснинъ съ повелѣніемъ отступать къ киркѣ, гдѣ найду я батальонъ Пермскаго полка полковника Медосытова.

Такимъ образомъ, открывъ огонь по приближавшемуся ко мнѣ непріятелю, началъ я отступать; прибывъ къ киркѣ я никого не нашелъ, а видѣлъ, что колонна шведская идетъ по рѣкѣ почти наравнѣ со мною, не будучи ни кѣмъ обезпечиваема.

Въ сіе время Булатовъ, забывъ о моемъ назначеніи, открылъ огонь на кирку съ батареей, возлѣ ея квартиры расположенной; видя сіе мы, пригнувшись, пробѣжали линію своего огня и направились на рѣку, дабы не допустить непріятельской колоннѣ себя отрѣзать. На рѣкѣ нашли мы стрѣлковъ нашего полка, расположенныхъ поперекъ оной подъ начальствомъ поручика Меньшикова и присоединясь къ нимъ, вновь открыли сильный огонь противъ густой цѣпи шведскихъ

стрѣлковъ, идущихъ предъ своей колонной, которая начинала поворачивать къ квартирѣ генерала Булатова на берегу, какъ сказано, бывшей, гдѣ и артиллерія наша находилась. Видя сіе, мы рѣшились броситься туда. Здѣсь не могъ я надивиться неимоверной храбрости солдатъ нашихъ; одному изъ нихъ пуля попала въ киверъ на палецъ отъ головы и пролетѣла сквозь оный; онъ перекрестился и тотчасъ же началъ стрѣлять самъ! Подлинно, русскій непобѣдимъ съ хорошимъ начальникомъ. Придя къ квартирѣ Булатова я нашелъ хаосъ. Команды, возвращаясь изъ своихъ командировокъ, куда ихъ Булатовъ разговалъ, и не видя тамъ непріятеля, а слыша пальбу здѣсь, возвратясь, стояли безъ всякаго порядка; фурлейты, видя опасность, запрягая сами собою лошадей, скакали по дорожѣ къ Брахенштадту, куда и офицерскій обозъ ускакалъ! Артиллеристы, метаясь и мѣшаясь въ своихъ ящикахъ, безпорядочно расположенныхъ, при братьѣ зарядовъ производили крикъ, умножая тѣмъ еще болѣе суматоху. Увидѣлъ я и Булатова, посреди сего Вавилонскаго смѣшенія стоявшаго съ лицомъ блѣднымъ. Увидя меня онъ вскричалъ: „Леонтьевъ, въ штыки!“ — Я началъ устранивать людей, ибо шведская колонна стояла уже противъ нашей батареи, по которой давъ картечью, положили много на мѣстѣ, но она открывъ жестокой ружейный огонь, и пользуясь нашимъ безпорядкомъ, ударила въ штыки. Среди сего убійственнаго огня, которымъ возлѣ меня валило людей, какъ снопы, я желая устроить сколько можно своихъ солдатъ кричалъ: „стой ребята!“ и своими руками за веревязи велъ ихъ впередъ. Но дѣйствие перекрестнаго огня и крикъ солдатъ нашихъ: „измѣна“ разстроили всѣ мои усилія—одни бросились назадъ, другіе стояли непоколебимо. Булатовъ, видя напоръ шведовъ и малую часть оставшихъ при насъ людей сказалъ мнѣ: „сдавайтесь, бросьте ружье!“ и подался первый назадъ. Не имѣя вовсе желанія быть плѣннымъ, я бросился къ лѣсу съ нѣсколькими десятками солдатъ моихъ, и напавъ на тропинку, пустился по ней—самъ не зная куда и тѣмъ избѣжалъ плѣна. Булатовъ же отдался въ плѣнъ, чему послѣдовали нѣкоторые офицеры подлецы и около 150 солдатъ. Въ семъ сраженіи мы потеряли 4 орудія, 4 патронныхъ ящика и болѣе 400 человекъ, но знамена свои мы спасли.

Идя по тропинкѣ, мы наконецъ начали плутать, но къ счастью попали на какую то избушку, въ лѣсу стоящую, и нашедъ въ ней проводника съ помощію его дошли до селенія Олькіюки, измучась отъ усталости, гдѣ и нашли Калужскій полкъ колонны Тучкова. Здѣсь бросимъ бѣглый взглядъ на сіе несчастное сраженіе! На развѣтъ 15-го Апрѣля непріятель отъ стороны Луміокъ атаковалъ отрядъ нашъ, но былъ отбитъ послѣ довольно жаркой перестрѣлки; вскорѣ Булатовъ получилъ

и отъ меня извѣстіе о новомъ приближеніи непріятеля съ другой стороны.

Тутъ умный человѣкъ, принявъ въ уваженіе важность нашего положенія на сообщеніяхъ онаго и слѣдственно принужденность его дѣйствовать отчаянно на отрядъ нашъ, чтобы избѣгнуть разобщенія, тотчасъ бы, осмотра положеніе мѣста, дабы наилучшимъ и выгоднымъ образомъ защитить себя, занялъ оное заблаговременно въ наилучшемъ порядкѣ и отгадалъ бы, что первое непріятельское нападеніе было только фальшивое, дабы отвлечь наше вниманіе отъ настоящаго пункта атаки. Но Булатовъ, сей смотритель садовъ (Булатовъ съ начала правленія императора Александра I-го по 1808-й годъ былъ смотрителемъ Петергофскихъ садовъ), оставался въ совершенной безопасности, и по окончаніи первой перестрѣлки, отпусти роты по квартирамъ, велѣлъ солдатамъ раздѣться и отдыхать; первое и было исполнено, а второе нѣтъ ибо опытные прошлой войной 1807-го года, ротные командиры, чувствовали, что за сей перестрѣлкой неминуемо послѣдуетъ другая, важнѣйшая, ибо нельзя было и помыслить, чтобы непріятель безъ какой либо цѣли приходилъ къ намъ. Итакъ частные начальники остались въ совершенной осторожности, а главный, отправясь на свою квартиру, началъ пить кофе, рассказывать окружающимъ его, что не надо солдатъ беспокоить преждевременно и что одни атакуемая роты пусть дерутся, а другія спятъ, „такъ, промолвилъ Булатовъ, бывало у насъ подъ Измаиломъ 1791-го года, когда одна часть корпуса отбивала вылазку непріятельскую, а другая варила кашу.“ Итакъ сей жалкій генераль не постигалъ, что осада крѣпости и защита полевой позиціи суть двѣ наибольшія противоположности. Вотъ какого начальника царь избралъ намъ.

Такимъ образомъ, попивая кофе, Булатовъ, получа отъ меня первое извѣстіе съ посланнымъ сотникомъ Лобачевымъ о маршѣ непріятельскомъ сказалъ: „Вамъ показалось, — ступайте впередъ!“ и на предложеніе не прикажетъ ли ротамъ быть въ готовности, отвѣчалъ: „вздоръ, не надо показывать жителямъ, что мы боимся шведовъ!“ и оставилъ сотника у себя.

Получа другое отъ меня донесеніе и будучи спрошенъ адъютантами, не прикажетъ ли ударить сборъ, сказалъ: „не надо“ и оставилъ на своей квартирѣ. Наконецъ, уже услыша цушечную пальбу, Булатовъ выскочилъ и первымъ его распоряженіемъ было послать батальонъ Пермскаго полка къ киркѣ, дабы прикрыть себя съ сей стороны, а

потомъ разсоевалъ три нашихъ и 4 Пермскихъ гренадерскихъ роты такъ, что тѣ и непріятеля въ глаза не видали и многіе возвратились потомъ на палубу къ Булатова квартирѣ, не выстрѣливъ даже ни одного раза; распорядясь столь великомудро, Булатовъ спокойно остался на своей квартирѣ, оставя у себя въ резервъ одну первую гренадерскую роту. Наконецъ, получая часъ отъ часу важнѣйшія свѣдѣнія о сраженіи, онъ, забывъ назначеніе Медосытова батальона, раскомандировалъ его въ разные, впрочемъ важные, пункты, черезъ что и допустилъ центральной шведской колоніей отрѣзать насъ отъ ротъ Пермскаго полка, и мы остались на этой сторонѣ рѣки, а тѣ, видя насъ окруженныхъ, заблагоразсудили удалиться въ Брахенштадтъ, что и исполнили, оставя насъ на жертву. Вотъ причины сего жалкаго сраженія, гдѣ едва ли съ нашей стороны двѣсти человѣкъ сражалось противъ 3000 шведовъ, и подробности котораго описывать скучно и досадно. Теперь обратимся къ слѣдствіямъ сего сраженія. Получа первое извѣстіе о семъ сраженіи отъ Гродненскихъ гусаръ, Тучковъ съ двумя егерскими полками и 4 орудіями бросился къ намъ на помощь, но узнавъ о слѣдствіяхъ онаго, вмѣсто того, чтобы врасплохъ ударить сими силами на торжествующаго непріятеля, который, какъ обыкновенно и бываетъ, оставался въ сіе время безпорядкѣ, и тѣмъ вырвать побѣду изъ рукъ его, возвратился въ Брахенштадтъ и въ тотъ же день началъ отступать къ городу Гамле-Корлеби; пришедъ, какъ я сказалъ, въ Олькіоки и найдя тамъ свои сани, я упалъ въ нихъ отъ усталости и спалъ почти цѣлыя сутки, не спавъ весь день 14-го и всю ночь 15-го апрѣля и сдѣлавъ пригомъ по крайней мѣрѣ въ 50 верстѣ переходъ, большей частью пѣшкомъ. Въ Гамле-Корлеби получили мы радостное извѣстіе о взятіи нашими войсками неприступныхъ твердынь Свеборга и праздновали сіе событіе, поправившее наше положеніе, благодарственнымъ Господу Богу молебствіемъ, съ пушечною пальбою. Здѣсь также получили мы манифестъ Александра I-го о присоединеніи великаго княжества Финляндскаго къ Россіи и повелѣніе привести жителей къ присягѣ на вѣрность и подданство, что и учинено нами при пушкахъ заряженныхъ картечью и при собраніи всей почти дивизіи въ сей городъ, ибо новые вѣрнопопданые весьма неохотно исполняли оную. Такъ кончился первый походъ нашъ! И дворъ нашъ, мечтая овладѣть въ одинъ походъ всею Финляндією, (и тѣмъ погромѣть по Россіи, огорченной Тпльзитскимъ миромъ) поздно увидѣлъ, что война только начиналась при открытіи весны, и что мы дорого заплатимъ за вѣроломное нападеніе наше на беззащитную Финляндію.

Глава VIII.

Взглядъ на городъ Гамле-Корлеби, и всю шведскую Финляндію, нами по 1-е мая 1808-го года пройденную.

Городъ Гамле-Корлеби лежащій на рѣкѣ Корлеби въ разстояніи отъ Ботническаго залива; въ ближайшемъ разстояніи есть портовой, слѣдственно и торговый городъ, въ гавани котораго и при насъ, не взирая на прекращеніе торговли, стоялъ готовый къ отправленію прекрасный купческій корабль. Строеніе сего городка очень хорошее, улицы широкія, ратуши и другія публичныя зданія прекрасныя, ряды богатые: однимъ словомъ это прелестный городокъ, въ которомъ жителей до 4000. Вообще весь сей край, нами теперь пройденный, представляетъ совсѣмъ противоположную картину нашей Финляндіи. Здѣсь отъ самой Сантъ-Кристіны или пограничной шведской кирки, въ направленіи къ Улеборгу чрезъ Куошіо и отъ Брахештадта до Гамле-Корлеби, вы найдете прекрасныя крестьянскіе дома, часто въ нѣсколько комнатъ, покрытыя тесомъ и выкрашенные красной краской, что при бѣлизнѣ снѣговъ дѣлаетъ видъ отменно пріятный. Внутренность сихъ домовъ представляетъ чистоту и опрятность, можно сказать, удивительную; здѣсь вы увидите комнаты пространныя, довольно высокія съ большими окнами, кафельными голландскими печами, и сіи комнаты обштукатурены и выбѣлены.

Это вообще у всѣхъ крестьянъ, а у содержателей земель или арендаторовъ вы найдете большія и, можно сказать, огромныя дома съ прекрасными и многочисленными экономическими постройками. Само по себѣ разумѣется, что здѣшніе пасторы живутъ въ большомъ изобиліи и такъ, какъ у насъ помѣщикъ отъ ста душъ. Сіи дома крестьянъ, пасторовъ и арендаторовъ во внутренности шведской Финляндіи или въ провинціяхъ Сиволакской, Карельской, Инлиадской, части Вазовской и Улеборгской разсѣяны по разницѣ или гдѣ одинъ, гдѣ два дома, но это не только здѣсь не дѣлаетъ неудобства, но даже одушевляетъ сей, пороспій огромными лѣсами и, можно сказать, загроможденный ужасной величины гранитами, край. Но берега Ботническаго залива представляютъ совсѣмъ другой видъ. Здѣсь почти на каждыхъ 5-ти верстахъ встрѣчаете огромныя селенія, часто въ 100 прекрасныхъ, большихъ и помѣстительныхъ домовъ, гдѣ обитаютъ счастливыя поселяне здѣшняго края. Однимъ словомъ, весь край сей представляетъ картину изобилія и счастья обитателей онаго! картину, на которую съ восхищеніемъ взглянетъ всякій другъ челоуѣчества.

Что доставляетъ средства къ такому устройству? откуда такое изобиліе въ столь уединенномъ уголкѣ земного шара? Вотъ вопросы, которые всякій можетъ себѣ сдѣлать, и на которые не трудно дать подробный отвѣтъ. Извѣстно, что вся Финляндія покрыта огромными лѣсами въ углубленіи которыхъ еще, быть можетъ, нога человѣческая не бывала отъ сотворенія оныхъ! Сіи то лѣса, состоя изъ сосны, ели и березы, доставляютъ жителямъ внутреннихъ провинцій матеріалъ для строенія домовъ и всего прочаго, для ихъ устройства нужнаго, доставляя въ то же время деготь, смолу, доски и уголья, что все, бывъ сплавляемо рѣками и озерами, во множествѣ здѣсь имѣющимся, до портовыхъ городовъ по берегамъ Финскаго и Ботническаго заливовъ Балтиими лежащихъ, доставляютъ или наличныя деньги, или нужные продукты; во-вторыхъ самое положеніе края сего, низменное и сырое, даетъ во множествѣ траву сочную и здоровую, которая, бывъ обращена въ сѣно, доставляетъ средства къ огромному скотоводству, которое доставляетъ хорошій доходъ отъ масла, сыра и шерсти, и при томъ еще надо замѣтить, что здѣшній рогатый скотъ одинаковой породы съ простымъ пашимъ, а о мериносахъ тамъ и понятія не имѣютъ. Что жъ, если бы тамъ улучшить породы рогатаго скота и овецъ лучшими породами, у насъ извѣстными, каково бы еще умножилось богатство жителей? содержать же самый лучший и нужнѣйшій скотъ имѣютъ они всѣ средства, какъ въ прекрасныхъ и покойныхъ помѣщеніяхъ и теперь для обыкновенной ихъ скотины строятся, такъ и въ огромномъ количествѣ сѣна. Сверхъ сихъ, описанныхъ мною, выгодъ надо припомнить еще о множествѣ звѣрей, дичи и въ озерахъ водящейся, хотя и въ небольшомъ количествѣ, рыбы, тогда мы будемъ имѣть понятіе о источникахъ, откуда почерпается богатство жителей. Губерніи же Вазовская, Абосская, Гельсингфорская, Нюландская производятъ еще и хлѣбопашество въ довольномъ количествѣ, особенно ржи, извѣстной у насъ подъ именемъ Вазы, и которую продаютъ за столь высокую цѣну. При сихъ выведенныхъ мною выгодахъ пріятно замѣтить, что финляндскій крестьянинъ, хотя и неповоротливъ, будучи флегматиченъ, при всемъ томъ онъ большой экономъ и мастеръ своего дѣла. Все это сказалъ я о внутреннихъ провинціяхъ, но о приморскихъ еще прибавить надо: выгодное построеніе морскихъ судовъ и хорошій сбытъ оныхъ, рыбная изобильнѣйшая ловля по обоимъ заливамъ рыбъ разнаго рода, и заморская торговля приносятъ сямъ послѣднимъ неисчислимыя выгоды. Въ домашней пищѣ финляндцы очень неприхотливы, часто копченаго мяса, молока и сельдей съ кускомъ хлѣба сухого, называемаго коржами, достаточно для его насыщенія; сей хлѣбъ какъ единственный въ Европѣ достоинъ быть здѣсь описанъ. Сей хлѣбъ

или сіи коржи дѣлаются такъ: тѣсто ставится прѣсное, потомъ изъ онаго дѣлаются лепешки, которыя, бывъ крутого тѣста, надѣваются на скалку или коротенькій шестъ, который впускается въ истопленную печь и держится дотолѣ, пока сіи лепешки не засушатся до послѣдней степенн сухости, послѣ чего, вынувши изъ оныхъ скалку, снимають коржи и употребляютъ ихъ въ пищу. Хлѣбъ сей очень не вкусенъ, особенно для насъ, русскихъ, привыкшихъ съмаленька къ вкуснымъ и прекраснымъ хлѣбамъ.

Зимой вы увидите всякаго крестьянина, ѣдущаго на прекрасной тамошней маленькой, кругленькой и красивой лошаdkѣ, въ родѣ нашихъ вятскихъ, у которой грива острижена какъ у нашихъ стригуновъ, что доставляетъ ей особенно пріятный видъ; запряженной въ чистыя и видныя санки въ родѣ нашихъ городскихъ; лѣтомъ у нихъ двухколесныя прекрасныя повозочки, въ родѣ нашего кабриолета, весьма красивыя и покойныя. Но за то вы не увидите во всей Финляндіи ни одной кареты, ни даже коляски, у самаго лангевдинга или губерватора зимой единственный экипажъ, сани, съ тою разницею, что у его лошади навязано множество бубенчиковъ, вѣроятно, для того, чтобы ему давали дорогу. Въ Куошіо мы у него обѣдали, онъ былъ въ синемъ мундирѣ съ золотымъ дубовымъ шитьемъ на воротникѣ и обшлагахъ и въ орденѣ сѣверной звѣзды, но его столъ былъ по нашему самый обыкновенный домашній, а о десертѣ онъ и не вѣдалъ; прислуга состояла изъ двухъ или трехъ дѣвокъ; вина не подавали никакого, ни даже наливкокъ, но послѣ обѣда подавали кофе. Изъ сего описанія видно, что въ Финляндіи богатство раздѣлено между многими, тамъ нѣтъ ни чересмѣрно богатыхъ, ни чересмѣрно бѣдныхъ.

Глава IX.

Переходы, всеобщее возстаніе народа, походы, сраженія и перемиріе. Конецъ кампаніи и выходъ въ отставку или подача о семь просьбы.

Изъ Гамле-Корлебли въ половинѣ Мая перешли мы съ остатками своего батальона въ близлежащее селеніе Недервитель, гдѣ и получили новаго начальника въ лицѣ генералъ-лейтенанта Раевского, а Тучкова государь отставилъ за худое и медленное распоряженіе, не соображая, что въ его дивизіи было до 3000 человекъ рекрутъ. Въ сіе

время мы безпрестанно получали подкрѣпленія такъ, что въ началѣ Іюня у насъ составился корпусъ выше 10000 простиравшійся; съ симъ корпусомъ генералъ Раевскій отступилъ къ киркѣ Лапо для сближенія съ нашими магазейнами, а мы въ числѣ отряда, составленнаго изъ полковъ: Великолуцкаго, Пермскаго, 23-го Егерскаго и остатка нашего, подъ команду генералъ-майора Янковича отошли къ городу Ни или новому Корлеби. Сей городокъ очень хорошъ, и особенно видъ залива, на которомъ въ то время стоялъ корабль, дѣлалъ картину прелестнѣйшую. Здѣсь жителей до 3000, но городская ратуша столь огромна, что годилась бы и для обширнѣйшаго города. Простоявъ въ семь городѣ нѣсколько дней, мы выведены были въ селеніе, близъ онаго лежащее, и я нашелъ здѣсь столь прелестное мѣстоположеніе, что не взирая на громъ войны, не могъ отказать себѣ въ наслажденіи цвѣтуцею природою, роскошно предъ глазами моими раскинутою. Часто, сидя у окна на берегу рѣки и любуясь мирною сельскою тишиною, я забывалъ или старался забыть день ото дня становившесся тягостнѣйшимъ наше военное положеніе, для описанія котораго долженъ нѣсколько подробнѣе вникнуть въ тогдашнія обстоятельства.

При самомъ впаденіи нашемъ въ Финляндію шведскій король Густавъ IV-Адолфъ издалъ манифестъ къ своему народу, обвиняя, и справедливо, правительство наше въ вѣроломномъ вторженіи въ предѣлы своего государства. Сей манифестъ произвелъ свое дѣйствіе, поселя въ народѣ непримиримую къ намъ ненависть, подавляемую только страхомъ быстрого и самонадѣяннаго нашего похода во время зимы, по суровости своей отнимавшей всѣ средства у обывателей вредить намъ, но при всемъ томъ, въ рѣчахъ и поступкахъ мы ясно видѣли ихъ къ себѣ ненависть, особенно въ Улеборгской губерніи и на берегу Ботническаго залива; уже въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ они генерала нашего Тучкова изъ Брахштадта провожали камнями, но въ началѣ Мая картина общаго возстанія явилась во всей своей ужасающей силѣ.

Наступившее теплое время дало возможность жителямъ угнать свой многочисленный скотъ въ глубокіе лѣса, удаленные отъ населенія, вскорѣ потомъ они проводили туда женъ и дѣтей своихъ, и увезя лучшія свои имущества, принялись за оружіе. Здѣшній край, наполненный звѣрями и дичью всякаго рода, естественно произвелъ въ обитателяхъ нужду, а потомъ и охоту стрѣлять, слѣдовательно, здѣсь всякій житель стрѣлокъ, и стрѣлокъ славный; здѣсь у всякаго почти крестьянина есть ружье, какъ первая потребность. Итакъ, воспріявъ

намѣреніе мстить за оскорбленныя права своего государя, они явились страшными и опасными нашими непріятелями, тѣмъ болѣе, что и самая мѣстность края покровительствовала ихъ внезапнымъ нападеніямъ и скрытымъ ретрадамъ. Такимъ образомъ, мы, вмѣсто дѣйствія арміи шведской, увидали, что намъ предлежитъ вести войну, и войну отчаянную, съ тремя или четырьмястами тысячъ разъяренныхъ крестьянъ, которыхъ еще болѣе возбуждало объявленіе короля, что они будутъ наградою завоевателей и поступать въ крѣпостное владѣніе къ русскимъ генераламъ.

Первое возстаніе произвело селеніе Лохто, учинивъ нападеніе открытою силою на проходившій нашъ арьергардъ къ Гамле-Корлеби. Генераль Тучковъ, желая наказать и устрашить жителей, оборота войска къ сему большому селенію, превратилъ его въ развалины, но сіе только усилило общее мщеніе. Съ сего времени, крестьяне подъ предводительствомъ своихъ пасторовъ, гражданскихъ чиновниковъ и присланныхъ изъ шведской арміи офицеровъ, начали истреблять мосты, зажигали лѣса на пути нашемъ и приводили тѣмъ насъ часто въ опаснѣйшее положеніе, сверхъ сего истребляли наши разъѣзды и извѣщательные посты, курьеровъ и патрули; однимъ словомъ, мы стали окружены непріателемъ со всѣхъ сторонъ и даже не могли безъ опасности потери жизни отлучиться на нѣсколько десятковъ шаговъ отъ своего лагеря; бывали примѣры, что отдалившіеся, во время марша отъ колонны на нѣсколько сажень, бывали встрѣчаемы выстрѣлами, какъ напримѣръ, нашего полка капитанъ Золотухинъ, а другіе, между колонною и арьергардомъ ѣдущіе въ обозѣ, были убиты, какъ напримѣръ, человекъ командира нашего отряда генерала Янковича, ѣхавшій на его бричкѣ. Обозы наши, чуть отставшіе отъ арьергарда, были ограбляемы, а лошади и люди уводимы, какъ и со мною случилось въ началѣ Августа, когда отставшій мой деньщикъ былъ взятъ со всею моею имущественною, и я остался въ одномъ мундирѣ и даже безъ верховой лошади, которую также въ то время отбили возмутившіеся мужики. Разумѣется, что во время сихъ нечаянныхъ нападеній изъ густыхъ лѣсовъ и изъ за каменьева, лежащихъ по обѣ стороны едва ли въ 10 аршинъ шириною дороги, мы тотчасъ дѣлали стрѣлками своими поиски и когда удавалось ловить ихъ испуганныхъ, то предавали ихъ военному суду, а впоследствии и разстрѣливали ихъ наши генералы по данной имъ власти. Но все сіе не дѣлало нашего положенія лучшимъ. Дерзость, возмутившихся крестьянъ устраивавшихся по временамъ въ сильныя ополченія, столь была велика, что они въ Юль и Августъ открытою силою нападали на усиленныя прикрытія нашихъ

магазиновъ, какъ то: въ киркѣ Нуміярви, гдѣ егерскіе полки защищали большой магазинъ нашъ и неоднократно были атакованы тысячами отчаянныхъ крестьянъ, предводимыхъ присланными къ нимъ отъ короля армейскими штабъ-офицерами. Одинъ разъ и самъ нашъ главнокомандующій Буксгевденъ въ окрестности города Або едва спасся въ окно отъ нападенія сихъ отчаянныхъ, несмотря на то, что караулъ главной квартиры занималъ батальонъ пѣхоты съ нѣсколькими пушками. Сіе всеобщее возстаніе лишало насъ подвоза продовольствія, ибо не было ни лошадей, ни людей ни въ одномъ селеніи, да и собственный свой хлѣбъ они зарывали въ землю или заранѣе вывозили въ отдаленные и едва проходимые лѣса свои и ущелья: итакъ, сверхъ всѣхъ описанныхъ бѣдствій, надъ нами обрушившихся, мы съ половины Іюня начали претерпѣвать и голодъ, для утоленія котораго и снисканія дневного пропитанія себѣ, мы устремились съ сильными командами въ глубокіе лѣса, переходя камни и болота для отысканія онаго. Часто случалось нападать на тропинки, приводившія насъ къ пасущимся стадамъ ихъ, и тогда мы пировали, а часто возвращались ни съ чѣмъ. Только однихъ женщинъ и стариковъ мы видали при стадахъ сихъ, а молодыхъ никого, ибо они были на поискахъ и потому то при сихъ случаяхъ проливалась только кровь животныхъ, а не людей. Приспѣвшая въ Августѣ уборка съ полей хлѣба производилась женщинами, и мы не препятствовали сему для своей выгоды, но въ то время, когда женщины убиралъ съ полей хлѣба, а старики оныя засѣвали, мужья и сыновья ихъ, въ благодарность за кроткое съ ихъ семействами наше обращеніе, стрѣляли въ насъ изъ за лѣсовъ и каменьевъ. Среди сего хаоса государь нашъ издавалъ прокламаціи о всепрощеніи съ увѣреніемъ, что крѣпостное право никогда въ Финляндіи введено не будетъ, но съ другой стороны Густавъ IV-й, издавая воспламеняющія свои воззванія, приглашалъ народъ къ оружію для отомщенія наглѣмъ пришельцамъ и подкрѣплялъ сіи воззванія высадками войскъ своихъ при Або, Вазѣ, Гамле-Корлеби и Христіанштадтѣ. Сіи высадки, воспламеняя и подкрѣпляя жителей, развлекали во многія мѣста силы наши. Александръ I-й, видя столь для него неожиданное сопротивленіе, вновь ввелъ въ Финляндію двѣ дивизіи пѣхоты и вторые батальоны своей гвардіи. Кровь полилась рѣками на морѣ и на сушѣ, и мы впервые увидали, что значитъ народное возстаніе. Но обратимся къ тогдашнему ходу происшествій. Заявъ, какъ выше сказано, погѣ въ Ни-Корлеби, генераль Янковичъ имѣлъ сильнаго непріятели противъ себя и сверхъ сего долженствовалъ озаботиться дорогою на Лотю, по которой непріятели могъ изъ густыхъ лѣсовъ черезъ селеніе Сорвисто отрѣзать намъ единственное сообщеніе съ корпусомъ генерала Раевского, стояв-

шимъ предъ киркою Лаппо на соединенныхъ дорогахъ изъ городовъ Вазы, Христианштадта и Ни-Корлеби. Въ семь положеніи по рекомендаціи полковника Турчанинова, Янковичъ поручилъ мнѣ важный постъ у селенія Нижняго-Япо, давъ въ мою команду съ сотникомъ Поповымъ 20 казаковъ. 11-го Іюня отправился я съ казаками къ мѣсту моего назначенія и дѣлая безпрестанные разъѣзды до Верхняго-Япо, всѣ суда, бывшія на рѣкѣ, истребилъ, прорубивъ у нихъ дно, дабы лишить непріятеля возможности къ переправѣ. На разсвѣтѣ 12-го числа замѣчено мною при деревнѣ Нижнемъ-Япо движеніе непріятеля, шедшаго къ берегу рѣки съ фашинами и досками для переправы, о чемъ ту же минуту и далъ я знать генералу. Дѣлая дальнѣйшее наблюденіе, я замѣтилъ, что непріятельская колонна, пришедшая на переправу, могла простираться до 1000 человекъ строевой пѣхоты, и которая, переправясь черезъ рѣку, послѣдовала черезъ дорогу въ лѣсъ къ сторонѣ Вазасской дорогѣ, о чемъ поѣхалъ я самъ донести генералу, производи впередъ пистолетную перестрѣлку моихъ казаковъ съ непріятелемъ. Янковича я нашелъ у деревни Ютасъ съ батальономъ пѣхоты и двумя орудіями, расположенными принять непріятеля; въ семь расположеніи поручена была мнѣ цѣпь Великолуцкаго полка стрѣлковъ, которыхъ я и расположилъ выгоднымъ образомъ, но въ сіе время Янковичъ получилъ извѣстіе о непріятельской атакѣ на нашъ авангардъ за городомъ, расположенный подъ начальствомъ полковника Флорова и въ то же самое время узнали, что оный уже побѣжалъ! Тогда Янковичъ, переведа весь отрядъ за городъ и рѣку, обратилъ туда свое вниманіе и началъ тамъ пушечную пальбу по показавшейся непріятельской кавалеріи. Видя, что генераль, будучи озабоченъ двойнымъ на насъ нападеніемъ, упускаетъ изъ виду дорогу на кирку Лаппо, гдѣ непріятель, утвердись, повелъ на насъ сильную атаку, я поѣхалъ къ нему и напомнилъ о важности сообщенія съ главнымъ корпусомъ; поблагодаривъ меня, онъ поручилъ мнѣ открыть дорогу на Оровайсь, что мною и выполнено. Тогда Янковичъ, видя сильный напоръ шведовъ, началъ отступать, а мнѣ поручилъ съ батальономъ 23-го егерскаго полка при майорѣ Бражниковѣ прикрыть отступленіе отряда. свезти пушки отъ Ютасъ и забрать Великолуцкихъ стрѣлковъ, по дорогѣ къ Нижнему-Япо разсыпанныхъ; исполня все сіе, я догналъ генерала уже при киркѣ Мувсало, гдѣ онъ, благодаря меня за всѣ мои распоряженія, обѣщалъ представить къ наградѣ, но въ семь солгалъ. Въ семь сраженіи, гдѣ мы, имѣя до 3000 человекъ войска, были атакованы 10000 корпусомъ генерала Адлеркрейца, мы не потеряли почти ничего, кромѣ 30 человекъ рядовыхъ съ однимъ офицеромъ, оставшихся на посту своемъ близъ бе-

рега залива, о которомъ Янковичъ забылъ и оставилъ оныхъ отъ своего невниманія въ жертву неприятеля.

Такимъ образомъ, по окончаніи сего дѣла, мы черезъ Оравайсъ и Илистаро соединились съ корпусомъ Раевского при киркѣ Лаппо, который вскорѣ отступилъ чрезъ Куортанъ къ киркѣ Аливо; отсюда посланъ я генераломъ Раевскимъ для открытія той дороги, которая шла изъ Куортани въ тылъ нашего корпуса и осмотра оной—удобно-проходима ли она для пѣхоты и артиллеріи, ибо сей дороги на картѣ не означено, вслѣдствіе чего, получа въ мою команду 40 рядовыхъ при одномъ офицерѣ, я 10-го Іюня выступилъ къ моему назначенію и открылъ, что сія дорога непроходима для артиллеріи, но пѣхота, хотя и не безъ труда, пройти можетъ, взбираясь по мѣстамъ на высокіе граниты. На сей дорогѣ открыты мною небольшія селенія: Тохна и Раземберы; въ послѣднемъ я остановился дать отдыхъ солдатамъ отъ многотруднаго перехода, ночью нами совершеннаго, и найдя здѣсь великое количество скота, далъ своимъ солдатамъ обѣдъ, котораго они давно не имѣли уже. Послѣ сего (послалъ) отрядъ унтеръ-офицера съ семью рядовыми еще впередъ до селенія въ самой близости отъ Куортани лежащаго и называемаго Леппи-Кюля, и получа донесеніе, что дорога все такая же и узнавъ отъ жителей, что въ Куортани шведовъ нѣтъ, и сождавъ несносный жаръ 11-го числа, я въ то же число въ ночи прибылъ къ корпусу и о своемъ порученіи донесъ. Черезъ нѣсколько дней мы еще отступили до кирки Эвесткюла и, какъ говорили, то для того, чтобы сблизиться съ своимъ продовольствіемъ, но послѣдствія показали, что Раевскій отступалъ изъ одной трусости и что въ сей сторонѣ всѣ наши магазейны были истреблены, а находился только одинъ въ Сааріарва, до котораго мы никакъ достигнуть не могли, иначе какъ съ потерею большаго пространства мѣста. Въ Иветкилѣ узналъ я о хитростяхъ генерала Булатова, который спасая себя, писалъ изъ плѣна своего женѣ своей, красавицѣ, чтобы она дѣйствовала въ его защиту. Узнавъ въ то же время, что Булатовъ рапортомъ своимъ доносилъ, что виноваты мы, а не онъ въ пораженіи Револакскомъ, желая упредить замыслы сего негодяя и дабы явить публично каковы тѣ, которыми онъ командовалъ, пользуясь случаемъ командированія насъ для прикрытія транспорта, я собралъ къ себѣ своихъ штабъ и оберъ офицеровъ и внуша имъ мое намѣреніе, предложилъ подписать мною сочиненное письмо къ Раевскому; они, любя и уважая меня, на все согласились, и я, запечатавъ оное, послалъ къ Раевскому съ тѣмъ, что если бы онъ исполнилъ мое желаніе, то отличась въ первомъ сраженіи и доказавъ тѣмъ свою храбрость, протестовать противъ рапорта Була-

това, а еслибъ онъ не рѣшился исполнить нашего желанія, то собственная слава его требовала объявить о семъ высшему начальству, что и сдѣлалось, и наше письмо, гремѣвъ по арміи, ходило по рукамъ всего Петербурга. Всѣ славилъ высокія чувства чести Могилевскихъ офицеровъ, и называли насъ героями, сего то я и хотѣлъ, дабы показать, каковъ быть долженъ начальникъ, не умѣвшій съ таковыми офицерами разбить непріятеля. Вотъ списокъ съ подлиннаго письма:

„Господину генералъ лейтенанту Раевскому.

„Извѣстившись, что Ваше Превосходительство изволите дѣлать съ войсками движеніе, всепокорнѣйше просимъ, чтобы Вы позволили и нашему батальону быть участниками въ славѣ храбрыхъ войскъ Россійскихъ и раздѣлить лавры побѣдъ ихъ!

„Вашему Превосходительству извѣстно, что мы, потерявъ своего шефа, находимся теперь у прикрытія транспорта, но желая вознаграждать сію потерю и отомстить непріятелю ту поверхность, которую мѣсто и многочисленность ему единственно дали, осмѣливаемся изъяснить желаніе всѣхъ насъ быть употребленными въ дѣйствіе съ нимъ, тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ честь быть подъ командою Вашою. Мы увѣрены, что Ваше Превосходительство исполните желаніе остатка отъ Могилевскаго полка, который ревностно желаетъ служить Государю своему и отечеству.“

Подлинное подписали:

Майоръ Захаровъ,

Капитаны: Золотухинъ, Сербинъ, Леонтьевъ, штабсъ капитанъ Ивановъ 2-й.

Отвѣтъ:

„Господамъ штабъ и оберъ офицерамъ Могилевскаго мушкетерскаго полка.

„Письмо, писанное Вами и исполненное благородными чувствами, я получилъ. Я въ оныхъ никогда не сомнѣвался, репутація полка Вашего извѣстна. Желалъ бы дать случай усердію Вашему, еще болѣе оказать на опытѣ, но Вы должны сами разсудить, что когда нужно дѣлать откомандировки, то гораздо полезнѣе для службы дѣлать изъ тѣхъ полковъ, которые уже разстроены, чѣмъ разстраивать оными цѣлыя полки. Вотъ причины, которыя заставили меня употребить Васъ

у прикрытія Вагенбурга. Впрочемъ, будьте увѣрены, что я за честь себя поставилъ имѣть такихъ подъ командою, какъ Вы.

„Остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ, почтенные господа.

„Покорный слуга Николай Раевскій генераль-лейтенантъ.“

Вскорѣ послѣ сего генераль-лейтенантъ графъ Николай Каменскій прибылъ къ намъ, и принявъ по Высочайшему повелѣнію весь корпусъ въ свое начальство, обратилъ оный впередъ на непріятеля, а намъ приказавъ сдать солдатъ въ Сѣвскій полкъ нашей дивизіи, самимъ съ знаменами идти въ городъ Тавастгустъ къ сформированнымъ изъ прибывшихъ туда, находившихся во Франціи пѣнныхъ двумъ батальонамъ, причемъ, осматривая малые ряды наши, громко кричалъ: „храбрые Могилевцы, я надѣюсь попрежнему встрѣтить Васъ на полѣ чести“.

Намекая тѣмъ на прошлогоднюю французскую войну.

Вслѣдствіи сего мы, выступя со знаменами черезъ Корпилаксъ. Оривеси и Пялкяне прибыли въ Тавастгустъ. Здѣсь нашли мы готовымъ уже къ походу новый полкъ свой; явясъ къ шефу своему полковнику князю Александру Васильевичу Сибирскому, вручили ему знамена; я получилъ 4 роту 2-го батальона въ свое командованіе.

Городъ Тавастгустъ есть губернскаго городъ Ниландской губерніи и лежитъ на берегу огромнаго озера Ваноя-веси; строеніе въ немъ очень хорошее, но большею частію деревянное и жителей въ немъ до 8000 душъ: болѣе разсмотрѣть я онаго не могъ потому, что пробылъ въ немъ одинъ только день.

Здѣсь узнали мы, что полкъ нашъ назначенъ въ составъ отряда генераль-майора Ушакова, и долженъ идти къ киркѣ Нуммیارва, куда мы выступя, слѣдовали черезъ прелестный городокъ Таммефорсъ, лежащій на возвышеніи между двумя озерами Нееіярва и Сорванселке. дѣлающими для него прекраснѣйшіе виды, и черезъ очень богатое селеніе Киро. Генерала Ушакова съ Литовскимъ пѣхотнымъ, батальономъ егерей, нѣсколькими орудіями батарейной артиллеріи, ротой капитана Тряпицына и эскадрономъ уланъ полковника Вышеславцова нашли мы стоящимъ биваками предъ Нуммیارва, гдѣ и соединились съ нимъ. Отсюда Ушаковъ командировалъ 2 роты нашего полка съ легкимъ трехфунтовымъ единорогомъ къ селенію Скантси для наблюденія дорога изъ Лампфюрда; въ числѣ сихъ ротъ была и моя, нами командовалъ майоръ Захаровъ. 18-го августа полу-

чилъ нашъ майоръ предписаніе: 19-го на разсвѣтъ атаковать кирки Сторе и Лампфюрдъ и вытѣснить изъ оныхъ непріятеля, а Ушаковъ въ то же время будетъ атаковать Нумміярва и выбѣтъ оттуда шведовъ.

Майоръ, получа предписаніе, не зналъ что дѣлать, ибо не могъ никакъ сдѣлать распоряженія и потому прибѣгъ ко мнѣ: здѣсь я имѣлъ первый случай сдѣлать собственный мой планъ атаки и съ удовольствіемъ пріятнаго воспоминанія оный помѣщаю: 1-ое) войско двинется 18-го Августа по захожденіи солнца въ слѣдующемъ порядкѣ: авангардъ изъ 40 человекъ охотниковъ подъ командою поручика Чурилова, вслѣдъ за онымъ 1-я колонна въ 135 человекъ подъ командою капитана Сербина. 2-я того же числа подъ командою капитана Золотухина, 3-я того же числа подъ командою капитана Леонтьева. то есть моею, и съ ней 3 фун. единорогъ.

2-ое) коль скоро авангардъ откроетъ на непріятеля, то въ то же время стремительно атакуетъ онаго; сію атаку 1-я колонна подкрѣпляетъ всею своею силою, а 2-я колонна устремится во флангъ непріятеля справа; 3-я колонна, служа резервомъ и вмѣстѣ центромъ, произведетъ натискъ въ центрѣ непріятельской позиціи, очищая бѣгущаго непріятеля пушечною пальбою. Дальнѣйшее распоряженіе будетъ дано на мѣстѣ. Но сіе распоряженіе осталось безъ сраженія, ибо мы едва подошли къ киркѣ Сторе, какъ и получили предписаніе возвратиться къ отряду, который, произведя на разсвѣтъ неудачную атаку, возвратился въ свою позицію. Здѣсь глупость превозмогла храбрость, и генераль Ушаковъ дѣлательно доказалъ, что по дурацкому плану и храбрые духомъ и превосходные числомъ войскá ничего не сдѣлаютъ противъ искуснаго расположенія малаго числа воиновъ, предводимыхъ умомъ и храбростію. Соединя весь свой отрядъ, Ушаковъ не зналъ на что рѣшиться, — атаковать непріятеля боялся! а не идти впередъ на непріятеля не смѣлъ, ибо получилъ отъ графа Каменскаго повелѣніе бить онаго и идти къ нему на соединеніе черезъ кирку Ильмола, потому что Каменскій гналъ шведскую армію отъ Куортани. Наконецъ Ушаковъ размысли, что отъ опасности огня непріятельскаго въ его чинѣ избавиться можно, ставъ, какъ говорится, въ благородной дистанціи, а отъ военнаго суда за неисполненіе повелѣнія отдѣлаться нельзя, повелѣ пасъ 20-го Августа къ Нумміярва. Пришедъ туда и не найдя тамъ непріятеля, мы послѣдовали къ киркѣ Каухаюкамъ; гдѣ 21-го, атаковавъ, разбили шведовъ. Въ семь сраженіи принималъ я большее участіе, потому что я первый посланъ былъ съ своею ротою въ подкрѣпленіе егерей и выбивъ непріят-

тельскихъ стрѣлковъ, преслѣдоваль ихъ по дорогѣ въ Христіанштадту, при чемъ отбить у него съ зарядами ящикъ и взято 5 человекъ плѣнныхъ, но и за сіе сраженіе и также ничего не получилъ. Здѣсь искусный и честолюбивый генералъ, бывши на мѣстѣ Ушакова, произвелъ бы славное дѣло! Надлежало, оставя одинъ батальонъ пѣхоты съ 4 орудіями и по мѣстному положенію эскадронъ уланъ противу непріятеля, занявшаго позицію предъ дорогою Христіанштадтскою, съ самаго начала дѣла устремить главныя силы свои, изъ 13 ротъ пѣхоты и батарейныхъ орудій состоявшія, на войска шведскія, пошедшія по дорогѣ на киркѣ Ильмола и, разбивъ ихъ, стать на дорогѣ у кирки Лапшо, какъ на пути ретирующейся отъ Куортани непріятельской разбитой Каменскимъ арміи и тутъ, поражая ее съ тыла, заставилъ бы оную или, положа оружіе, сдаться или пробиваться насквозь и потерять всю артиллерію и багажъ. Что сіе легко было сдѣлать, то надо сказать, что нашъ полкъ, сформированный изъ старыхъ, обстрѣленныхъ и неустрашимыхъ солдатъ, между которыми было нѣсколько суворовскихъ вскормленниковъ, готовыхъ на все, да и Литовскій полкъ много имѣлъ старыхъ солдатъ, въ прошломъ году обдержанныхъ, и егерей очень хорошихъ. Слѣдовательно, стоило генералу собрать сихъ храбрыхъ воиновъ, сказать имъ рѣчь (какъ бывало въ прошлую войну 1807-го года) воинственную и вести ихъ прямо въ жестокой огонь! Но могли ли сдѣлать сіе глухой Ушаковъ? Никакъ! Онъ остановился въ Каухаіакахъ отдыхать на лаврахъ, его достойныхъ! Глупецъ сей, если бы на другой даже день пошелъ къ Ильмола, то все бы имѣлъ, хотя ту славу, что вмѣстѣ съ авангардомъ Каменскаго вступилъ бы въ преслѣдованіе непріятеля, но мы, напротивъ, простояли здѣсь три дня и даже дѣлали, Богъ знаетъ для чего, полевые укрѣпленія!

Наконецъ, получа строжайшее повелѣніе отъ Каменскаго, Ушаковъ повелъ насъ 25-го Августа черезъ Ильмола къ Сторкиро, гдѣ мы 30-го Августа и соединились съ корпусомъ графа Каменскаго и продолжали идти по пятамъ непріятеля до кирки Лилкоро, гдѣ Каменскій, (пославъ) отрядъ генералъ-лейтенанта Раевскаго съ нѣсколькими полками занять городъ Вазу, съ остальными войсками преслѣдовалъ непріятеля до кирки Оравайсъ, гдѣ 2-го Сентября того 1808-го года послѣдовало сраженіе, рѣшившее навѣки участь Финляндіи и слѣдствіемъ котораго было перемиріе при Гамле-Корлеби. Я не стану описывать подробно сего сраженія, но выведу только слѣдующіе общіе результаты: шведская армія, до 18 тысячъ простиравшаяся, подъ начальствомъ фельд-маршала графа Клингсгорна заняла позицію за рѣкой, предъ киркою Оравайсъ текущею, упирая правый свой флангъ въ Ботнической заливъ,

а лѣвый, простирая въ лѣсъ дремучій на дальнее разстояніе. Нашъ корпусъ простирался до 12 тысячъ человѣкъ. Мы атаковали лѣвый флангъ непріятельскій и принудили шведовъ къ ретирадѣ, обойдя оный и удара въ тылъ имъ съ громкимъ барабаннымъ боемъ.

Все сіе сраженіе происходило въ чащѣ лѣса, гдѣ свалилось съ обѣихъ сторонъ до 25-ти тысячъ войска, сражавшагося густыми цѣпями стрѣлковыми. Сіе сраженіе выиграно одною храбростію солдатъ нашихъ, ибо ни генераловъ, ни полковыхъ командировъ между сими мрачными гранитами, тамъ и здѣсь разбросанными, мы нигдѣ не видали, да и съ ихъ стороны была бы это пустая церемонія, потому что имъ здѣсь нечего было и дѣлать. Уронъ нашъ состоялъ изъ 500 человѣкъ раненыхъ и убитыхъ, но шведы потеряли одними плѣнными болѣе 500 человѣкъ. Симъ достопамятнымъ для всей Финляндіи и нашей арміи сраженіемъ кончились мои военные подвиги, и я получа здѣсь сплнную рану въ кисть правой руки оправился для лѣченія въ городъ Вазу.

Ваза очень хорошій и пространный городъ, въ которомъ я пробылъ до 15-го октября; строеніе въ немъ прекрасное, болышею частію каменное, здѣсь есть королевскій замокъ, большое трехэтажное зданіе; жители здѣшніе живутъ изобильно отъ обширной здѣшней торговли.

По выздоровленіи моемъ я отправился черезъ города Ни и Гамле-Корлеби въ кирку Кельвио, гдѣ стоялъ полкъ нашъ. Государь Александръ I-й, не утвердивъ договора, по которому надлежало начаться переговорамъ о мирѣ, приказалъ силою занять всю Финляндію, а безъ того не входитъ ни въ какія сношенія съ шведскою арміею, слѣдствіемъ чего было вновь открытіе похода, по уже сраженій не было, а графъ Каменскій фланговыми движеніями заставилъ шведовъ отступить отъ неприступныхъ почти ихъ позицій, каковы были у кирки Калакіоки, гдѣ мы черезъ пропасти и камни, неся съ собою разобранные лафеты и пушки на плечахъ солдатъ и перешедъ по самому тонкому льду рѣку при селеніи Каліюки ниже кирки того же имени верстахъ въ 12-и, обошли неприступную шведскую позицію, укрѣпленную шанцами и батареями съ глубокими валами и тѣмъ спасли жизнь нѣсколько тысячъ солдатъ своихъ. Сей труднѣйшій фланговый маршъ сдѣлали мы 26 и 27 Октября безъ куска хлѣба, будучи ободряемы личнымъ присутвіемъ графа Каменскаго, который самъ шелъ съ нами пѣшкомъ по невозможности имѣть въ семь походѣ лошадей; при строеніи же для артиллеріи моста, гдѣ солдаты и офицеры стояли по горло въ водѣ, Каменскій отдалъ своего рома двѣ бутылки изнемогшимъ болѣе дру-

гихъ нашимъ солдатамъ; черта единственная въ военныхъ лѣтописяхъ! Второй подобный фланговый маршъ сдѣлали мы 2-го Ноября у кирки Тихаіюки, но онъ былъ и короче и легче прежняго; такимъ образомъ шведы, видя себя обходимыми и по дурному времени года не могли отступить безъ огромной потери, заключили съ нами конвенцію, по силѣ которой побѣдители предписали имъ маршрутъ слѣдованія за рѣку Торнео. Сія капитуляція, славная для насъ, заключена графомъ Каменскимъ въ Брахештадтѣ при личномъ его свиданіи съ шведскимъ маршаломъ графомъ Клингспорномъ. Вслѣдствіе сего мы мало по малу начали подаваться впередъ по мѣрѣ очищенія непріателемъ края и черезъ Брахештадтъ и кирки Олькіюки, Сикаіюки, Лиманго, Улеосало прибыли въ Улеаборгъ. Здѣсь простояли мы болѣе недѣли; городъ сей большой и богатый; здѣсь строятся морскія суда разнаго наименованія для продажи въ чужіе края, и таковыхъ, не советѣмъ готовыхъ, видѣлъ я множество стоящихъ въ заливѣ, покрытомъ уже льдомъ; сіе то и дѣлаетъ городъ сей весьма богатымъ и едва ли не огромнѣе Вазы, по крайней мѣрѣ, мнѣ онъ показался прекраснымъ городомъ. Отсюда пришелъ я на квартиры въ кирку Мухось, гдѣ занималъ я въ крестьянскомъ домѣ двѣ прекрасныхъ и чистыхъ комнаты. Здѣсь, размысли о всѣхъ трудахъ, ранахъ и опасностяхъ мною на военномъ моемъ поприщѣ понесенныхъ и весьма, весьма мало награжденныхъ, я, не взирая на домашнія мои обстоятельства, гдѣ долженъ былъ вновь переносить сварливость нѣкоторыхъ родныхъ моихъ, рѣшился подать просьбу въ отставку. Князь Сибирскій много убѣждалъ меня остаться служить, обѣщая мнѣ отпускъ для излѣченія ранъ, но я, видя, что другіе по слѣпому счастью или по протекціи, менѣе меня служивъ въ сію войну, награждены много, а я остался ни съ чѣмъ, не хотѣлъ болѣе подвергать себя опасностямъ войны и глупостямъ начальниковъ и несмотря на его просьбу, получа весьма лестный аттестатъ отъ штабъ и оберъ офицеровъ полка своего, а отъ лѣкаря въ моихъ ранахъ, предъ 1 Января 1809-го года подавъ прошеніе о увольненіи меня отъ службы.

Глава X.

Ожиданіе отставки, взглядъ на Финляндію и на причины войны въ ней; отъѣздъ изъ Улеаборга и прибытіе Тамбовской губерніи Шацкаго уѣзда въ сѣло Подсосенки.

Такимъ образомъ, ожидая отставки, я сдалъ роту и проводилъ время, читая книги. бравъ ихъ изъ малой библіотеки адъютанта Ше-

ховцева. 13-го января 1809-го года полкъ нашъ выступилъ въ кирку Ю за Улеборгъ, куда и я за нимъ послѣдовалъ. Здѣсь провелъ я полтора мѣсяца въ самомъ скучномъ и праздномъ положеніи, окруженный мрачными лѣсами и даже лишенный сообщенія съ офицерами полка своего по случаю рѣдкихъ здѣсь селеній въ близости Лапландіи. Голодъ и недостатокъ всего необходимаго испыталъ я въ сіи полтора мѣсяца въ высочайшей степени, ибо довольствовался во все сіе время каждый день маленькимъ кусочкомъ коржа или черствой прѣсной лепешки и сельдями. Грусть и тоска меня одолевали совершенно, и я, бѣдный, доходилъ до мрачнаго отчаянія при слухахъ, что отставки мнѣ не будетъ; лишенный всякаго утѣшенія человѣческаго, я не имѣлъ и утѣшенія религіи, будучи воспитанъ въ наружностяхъ оной, но истинно утѣшительной внутренности ея не вѣдавшій! Въ такомъ ужасномъ положеніи былъ я какъ бы изгнанный изъ общества человѣческаго и лишенный всѣхъ связей съ онымъ, но окружающіе меня бѣдные солдаты—игралоище страстей царя своего—страдали еще болѣе меня. Лишенные пропитанія, они скитались подобно тѣнямъ или привидѣніямъ мрачныхъ лѣсовъ здѣшнихъ. Сіи бѣдные люди, лишенные даже и куса хлѣба и питавшіеся въ теченіе цѣлаго мѣсяца одними сельдями, возбуждавшими въ нихъ непомерную жажду, начали пухнуть. Я видѣлъ, какъ ихъ десятками отвозили въ лазаретъ! Я видѣлъ, какъ они въ отчаяніи бросались на лошадей, и убивая ихъ, варили себѣ изъ нихъ пищу! Я видѣлъ, что изъ 100 человѣкъ бывшей моей роты осталось только 20 на ногахъ, другіе всѣ лежали. Тогда то, а не прежде, дано позволеніе на реквизицію и бѣдные солдаты, жертва власти, начали поправляться и по свойственному русскимъ характеру скорѣе забыли все свое горе. Проклятіе да падетъ на графа Буксегвена, бывшаго тогда главнокомандующимъ и хладнокровно взиравшаго на ужасную гибель его подчиненныхъ! Но отворотимъ взоръ отъ сей печальной картины и при окончаніи сего втораго періода моей жизни, а съ нимъ и служенія моего отечеству въ службѣ военной, бросимъ бѣглый взглядъ на сію страну, въ которой я ратовалъ цѣлый годъ, и которую я оросилъ моею кровію, какъ бы запечатлѣвъ тѣмъ спокойствіе ея на многія столѣтія.

Финляндія, бывшая шведскою, а теперь російскою, предметъ желаній двора нашего отъ временъ Петра Великаго, омываема съ юга и запада Финскимъ и Ботническимъ заливомъ, на которыхъ имѣетъ она 14 портовыхъ городовъ, именно: Ловизу, Борго, Гельсинфорсъ, Экнесъ, Або, Нюстадтъ, Біернеборгъ, Христіанштадтъ, Вазу, Ни-Корлеби, Гамле-Корбеби, Якобштадтъ, Брахештадтъ и Улеборгъ, прости-

рается отъ прежней нашей границы по чертѣ у Мейшлота, Вальман-странда, Давыдова и рѣки Кюмени до пынѣшней границы у рѣки Торнео на 683 версты.

Вся поверхность ея покрыта, такъ сказать, большими и малыми озерами, рѣками и болотами; мѣстами, гдѣ оныхъ нѣтъ, растутъ огромные лѣса, а въ частяхъ губерніи Нюландской, Вазасской, Абосской и Гельсингфорской родится рожь и ячмень въ довольномъ количествѣ; Алландскіе же острова суть житница Финляндіи. На сей то поверхности живутъ по ревизіи 1809-го года 850 тысячъ обоого пола людей въ прекрасныхъ городкахъ, селахъ и деревняхъ и живутъ чисто, опрятно въ довольствѣ и покоѣ.

Важнѣйшія крѣпости финляндскія суть: Ловиза и Швартгольмъ, неприступный Свеаборгъ, стоящій на пяти каменныхъ скалахъ выдавшихся въ море, и Тавастгустъ. Я уже сказалъ прежде о благосостояніи края сего и теперь долженъ прибавить, что оное проистекаетъ болѣе отъ мѣстности, но при томъ и отъ свободы здѣшнихъ крестьянъ не вѣдающихъ барщины или крѣпостного права, столь обременительнаго у насъ, но въ отношеніи къ силѣ государственной необходимаго и единственнаго установленія. При соединеніи сего обширнаго края это заслуживаетъ большаго вниманія, сверхъ коммерческихъ важнѣйшихъ видовъ, и потому, что теперь мы съ Швеціею имѣемъ естественныя границы, и столица наша, отстоя отъ сухотной на 933 версты, обезопасена отъ вторженія шведовъ, имѣя на водахъ всѣ средства не къ защитѣ только, но и къ побѣдамъ. По примѣру римлянъ, завоеватели должныствовали бы получить славныя награды, но мы благодаря самодовольству своего царя остались ни съ чѣмъ и даже жалованье получили ассигнаціями.—Теперь взглянемъ на причину войны столь обезславившей Александра I-го по ея началу. Силою Тильзитскаго мира тайною статьею постановлено: внести Александру I-му въ пользу Наполеона 40 милліоновъ серебряныхъ рублей, принудить шведскаго короля Густава IV-го Адольфа къ признанію Наполеона императоромъ и въ вознагражденіе сего взять Финляндію, а Швецію вознаградить за сіе отдачей ей части Помераніи съ островомъ Рюеномъ, занятыми тогда французскими войсками. Вслѣдствіи сего начаты переговоры между Александромъ I-мъ и Густавомъ IV-мъ Адольфомъ, но въ то же время тайно проводимы были къ его границамъ наши войска такъ, что проходили Петербургъ ночью, тайкомъ отъ жителей. какъ и мы взошли, къ исходу Января 1808 года насъ собралось на границу до 40 тысячъ человекъ; между тѣмъ переговоры продолжались съ жаромъ, ибо силь-

ный духомъ Густавъ ни за что на свѣтъ не хотѣлъ признать похитителя Бонапарта законнымъ государемъ Франціи, а тѣмъ еще менѣе соглашался на уступку и вознагражденія ему предложенныя. Среди сихъ переговоровъ, во время которыхъ Густавъ надѣялся на права народныя и оставался въ спокойномъ положеніи, вдругъ получаетъ извѣстіе, что мы 20 Февраля въ числѣ 40 тысячъ вторгнулись безъ объявленія войны въ его владѣнія! Оскорбленный симъ не только несправедливымъ, но и наглымъ поступкомъ Густавъ IV-й приказалъ арестовать пребывающаго въ Стокгольмѣ посла нашего тайнаго совѣтника Алопеуса, и объявилъ войну Россіи. Безъ всякаго сомнѣнія, Густавъ въ семъ случаѣ поступилъ какъ герой, достойный своей короны, не взирая на то гибельное положеніе, въ которое поставилъ онъ свое государство сею неравною борьбою, ибо на его сторонѣ была честь и справедливость, потому что Россія заключеннымъ 1800-го года въ Сентябрѣ трактатомъ обязывалась защищать права и неприкосновенность владѣній Шведскаго королевства. а теперь сама вѣроломно нападала на оныя.

Войска шведскія при наступленіи нашемъ получили повелѣніе отступать къ Улеаборгу и ихъ число тогда простиралось только до 7 тысячъ! Такимъ образомъ шведскій главнокомандующій фельдмаршалъ графъ Клингепорнъ искусѣннѣйшимъ соображеніемъ успѣлъ не только спасти свою маленькую армію, но не оставилъ намъ даже ни одного транспорта и ни одного хлѣбнаго магазина, увезя все съ собою. Между тѣмъ, армія наша шла безпрепятственно впередъ, и главная колонна оной послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ занявъ на берегу Финскаго залива городъ Ловизу съ крѣпостью Швартгольмъ, подалась къ знаменитому и неприступному Свеаборгу, который и блокировали дивизією графа Николая Каменскаго. Въ то же время другія колонны шли по берегу Ботническаго залива и заняли оный до города Вазы включительно. а правѣ шедшія заняли Сиволакекъ съ городомъ Тавастгустомъ и всю Карелію съ городомъ Куопію, откуда, обратясь, преслѣдовали шведовъ черезъ Брахештадгъ къ Улеаборгу. Шведскій король, издавъ манифестъ къ своимъ подданнымъ, въ которомъ изобразилъ наглое и незаслуженное нападеніе русской арміи въ сильныхъ выраженіяхъ. призывалъ ихъ къ защитѣ своего отечества, а между тѣмъ успѣлъ изъ Вестерботніи подкрѣпить Клингепорна нѣсколькими полками, такъ что сила его арміи возросла до 12000 и была въ состояніи на первый разъ противостоять россіянамъ, обезсиленнымъ занятіемъ крѣпостей и городовъ, на столь большомъ пространствѣ лежащихъ. Густавъ, надѣясь на твердыни Свеаборга. думалъ сильно отомстить намъ съ открытіемъ весны. но

Александръ I-й дѣйствовалъ также неусыпно. Въ исходѣ марта явился передъ Свеаборгомъ нашъ военный министръ графъ Аракчеевъ съ кучами золота, и съ помощію главнокомандующаго и графа Каменскаго убѣдиль Свеаборгскаго коменданта вице-адмирала графа Кронштета сдать намъ на капитуляцію сію важную крѣпость. Гарнизонъ изъ 6000 человекъ лучшихъ войскъ состоявшій, вышелъ на гласисъ крѣпости и видя малое число нашихъ войскъ, ибо въ дивизіи Каменскаго и 3000 не было подъ ружьемъ отъ большой убыли, при блокадѣ понесенной, съ досадою ломалъ ружья и крикомъ своимъ изъявлялъ свое неудовольствіе. Видя толикое негодованіе непріятели, Каменскій велѣлъ зарядить пушки и ружья, но все кончилось миролюбиво, и гарнизонъ обезоруженъ, а безчестный Кронштеть съ хорошимъ запасомъ червонныхъ удалился въ свои финляндскія мѣстности, равно, какъ и другіе изъ частныхъ начальниковъ Свеаборгскаго гарнизона, получившіе знатныя суммы за свою измѣну отечеству. Между тѣмъ какъ Свеаборгъ сдавался, маршалъ Клинтспорнъ, сосредоточа, какъ выше сказано, искусною ретиратой свою армію и получа новое подкрѣпленіе рѣшился атаковать насъ. Онъ обратилъ вниманіе свое на нашъ отрядъ, изъ 700 человекъ состоящій и стоявшій на самой критической точкѣ въ отношеніи какъ Тучкова дивизіи, такъ и шведской арміи; сей то отрядъ Апрѣля 20-го атаковалъ у Револакса графъ Кронштеть, братъ купленнаго коменданта, съ 3000 человекъ и разбилъ оный совершенно по глупости, можно сказать, ослиной генерала Булатова, который не могши удержать носта своего, могъ отступить съ честію къ Брахештадту. Слѣдствіемъ сей побѣды было совершенное уничтоженіе отряда подполковника Обухова, изъ Каяны въ кирку Тулькила прибывшаго, и всеобщее востаніе Улеоборгской, Куопіоской, части Сиволакской и Вазаской губерній, въ которыхъ не осталось ни одного батальона войскъ нашихъ. Ошибка важная во всеобщемъ планѣ была та, что 40 тысячъ войска разѣяли на пространствѣ 60 верстъ и привели къ точкѣ соединенія непріятели только слабую нашу 5-ю дивизію, въ которой и 4000 человекъ не было подъ ружьемъ; не менѣе важная ошибка еще и въ томъ состояла, что дворъ нашъ однимъ походомъ надѣялся занять всю Финляндію и въ семъ предположеніи не только растянуть линію арміи по берегамъ Финскаго и Ботническаго заливовъ но и лишилъ нѣкоторыя части оной совершенно сообщенія какъ на примѣръ, отрядъ полковника Вунча, на Аландскихъ островахъ поставленный. Послѣ описаннаго пораженія при Револаксѣ и Пулькилѣ отряда Булатова и Обухова, 5-я дивизія отступила къ Гамле-Корлеби, гдѣ и остановилась въ первыхъ числахъ мая.

Весна, открывшая заливы, дала возможность огорченному потерю Свеаборга королю Густаву IV-у напасть со всѣхъ сторонъ на нашу береговую армію, вслѣдствіе чего десанты были высажены при Або, Вазѣ и Христіанштадтѣ; первый былъ разбитъ искуснымъ княземъ Багратиономъ, но Ваза и Христіанштадтъ заняты шведами, и стоящія на линіи нашего сообщенія извѣстительные посты отъ Або до послѣдняго города истреблены; въ то же время умноженная сухопутная шведская армія заняла частію оной Карелію до города Куопіо, а главною силою осадили нашъ корпусъ отъ Гамле-Корлеби въ средину Финляндіи къ киркѣ Весткюлс. Совокупно съ сими побѣдами народъ финляндскій восталъ для отомщенія напавшимъ на него иностранцамъ, и истребляя всюду наши транспорты, магазейны, малые отряды и курьеровъ поставилъ всю нашу армію въ гибельную крайность! Кровь полилась рѣками на морѣ и сушѣ, и Густавъ имѣлъ удовольствіе видѣть отомщеннымъ себя ужасною гибелью войскъ нашихъ, ибо въ то же время и отрядъ Вуича на Аландѣ взятъ въ плѣнъ и вице-адмиралъ нашъ Бодиско бѣжалъ отъ его флота!

Александръ I-й, видя гибель своей арміи, подкрѣпилъ оную еще двумя дивизіями пѣхоты, третьими батальонами гвардіи и резервными нашей всей арміи, которые были посажены на гребной флотъ. Всѣ сіи силы, а паче искусныя движенія главнаго корпуса графа Каменскаго къ исходу осени доставили намъ вновь рѣшительныя побѣды, слѣдствіемъ которыхъ было прочное занятіе всей шведской Финляндіи. Но сіи побѣды не поколебали духа Густава IV-го, который съ геройскимъ мужествомъ всенародно поклялся не признавать Наполеона государемъ Франціи. Такъ кончилась первая кампанія сей тяжкой и несправедливой войны. Въ сіе то время хитрый Наполеонъ, радуясь, что завлекъ Россію въ столь тяжкую войну, сказалъ: *„я дешево продалъ Финляндію, но купчая будетъ дорога“*!

Теперь обратимся къ моему положенію. Наконецъ послѣ долгаго и тяжкаго ожиданія я получилъ мою отставку! Не такъ ли бываетъ радъ заключенный безвинно при выпускѣ его изъ тюрьмы? Я въ тотъ же день бросился къ своему шефу за паспортомъ и, получа оный, пустился въ Улеаборгъ въ корпусную квартиру для полученія подорожной; здѣсь собравшись совѣмъ и распростившись съ храбрыми товарищами моими, которые меня всѣ любили и провожали болѣе 20 верстъ, и пожелавъ имъ счастливо пожинать лавры, а отъ нихъ получа желаніе мнѣ спокойствія и счастья, 9-го марта 1809-го года пустился домой. — Домой! сказалъ я, сядясь въ сани, — будетъ искать мечты брошен-

ному отъ людей человѣку! Гдѣ я не былъ, вездѣ служилъ съ ревностью, и что получилъ въ возмездіе? Ничего, совершенно ничего! Итакъ пора приняться за соху тому, чья вся почти жизнь усыяна была терніемъ. Довольно! Я былъ гонимъ въ семействѣ, гонимъ на военномъ поприщѣ, вездѣ старался быть полезнымъ и вездѣ получалъ толчки, прощай Марсъ! Благоаю шпагу въ ножны мои, беру посохъ и буду искать уголка, гдѣ бы преклонить удрученную несправедливостями, трудами и бѣдствіями главу мою. Съ сими мыслями пустился я въ дорогу, оставляя дѣтей Марсо-выхъ, соединившихся въ три корпуса у Або, Вазы и Улеборга подъ начальствомъ генераловъ: Багратіона, Барклая и Шувалова для перехода въ Швецію. Я ѣхалъ на кирку Индесальмы, города Куопіо, Варнгаузъ, Нейшлотъ, Выборгъ, гдѣ встрѣтилъ я императора Александра I-го. ѣхавшаго въ Борго для открытія сейма всей Финляндіи, дабы утвердить и успокоить жителей ея въ неприкосновенности правъ и преимуществъ ихъ, а главное ихъ дѣло состояло въ томъ. что, опасаясь при войнѣ со Швеціей видѣть возмущеніе края сего въ тылу арміи, хотѣли задобрить финляндцевъ симъ невиданнымъ еще ими церемоналомъ и личною ласковостію новаго обладателя ихъ, въ чемъ и успѣли совершенно.

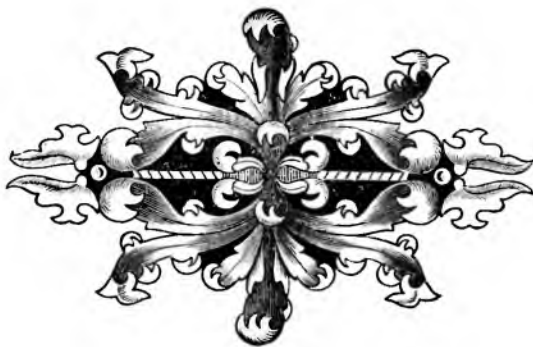
Изъ Выборга пріѣхавъ въ Петербургъ, я пробылъ въ сей столицѣ одинъ день и оттуда черезъ Торжокъ, Вышній Волочекъ, Тверь, Москву, Подольскъ, Серпуховъ и Тулу пріѣхалъ въ Есенокъ.

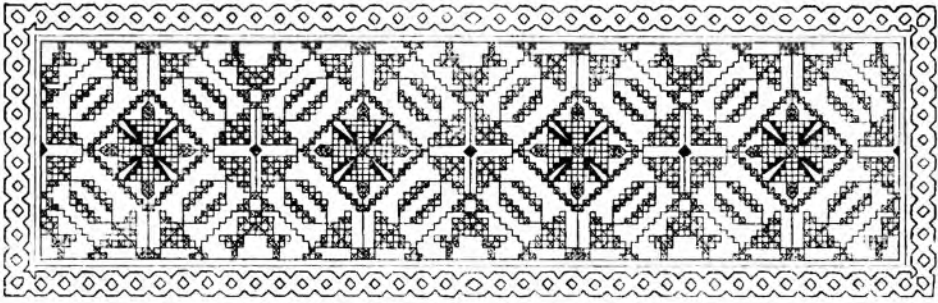
Здѣсь, отдохнувъ, пустился я по самой дурной дорогѣ и въ ростепель черезъ Епифанъ, Скопинъ, Ряжскъ и Сапожокъ въ село Подсосенки матери моей покойной принадлежавшія, гдѣ она и жителство тогда имѣла и пріѣхавъ туда благополучно, совершивъ свое путешествіе въ 2020 верстъ безъ человѣка. одинъ одиухонекъ съ повозчикомъ.

Мать моя была довольно обрадована моимъ пріѣздомъ и здѣсь я узналъ о смерти одной особы, много зла мнѣ дѣлавшей. и возымѣлъ надежду на мирное провозженіе времени въ моемъ семействѣ, возымѣлъ напрасно, ибо послѣдствіе покажетъ, что и въ семь я ошибся.

Въ окончаніе сего второго періода моей жизни скажу окончательно и о судьбѣ знаменитаго по величію духа короля шведскаго Густава IV-го Адольфа! Приближеніе на трехъ пунктахъ сильнаго непріятели не колебало величіе души Густава, и онъ въ началѣ марта 1809-го года предпринималъ самъ вести армію свою на Аландъ, но въ сіе время составился противъ него заговоръ, главою котораго былъ дядя его,

впослѣдствіи бывшій королемъ подъ именемъ Карла XIII-го. Слѣдствіемъ сего было, въ то время какъ собирались войска на дворцовой площади для похода на Аландъ, арестованіе сего славнаго государя, произведенное въ его комнатахъ среди дня собственными его генералами! Сначала при словахъ: „Вы арестованы!“ Густавъ, обнаживъ саблю, хотѣлъ защищаться. но когда объяснили ему, что сего требуетъ армія и народъ, видя непреклонность его къ миру и признанію Наполеона онъ, остановясь, отдалъ свою саблю сказавъ: „бойтесь Бога, и повинуйтесь избранному вами государю!“ Послѣ сего начались переговоры, и хотя война продолжилась до сентября 5-го, но ведена была слабо съ обѣихъ сторонъ и миръ, подписанный въ сей день въ Фридрихсгамѣ, городѣ на берегу Финскаго залива близъ Выборга лежащаго, даровалъ прочное обладаніе всею Финлядіею и Аландскими островами нашему отечеству.

ИЗЪ НАЧАЛЬНОЙ ИСТОРИИ СКОПЧЕСТВА

Начальный период истории скопчества представляет собой темную область. До сих пор в научном обороте не было материалов, которые относились бы к этому периоду истории ереси. Вот почему многие вопросы начальной истории скопчества даже и теперь еще являются совершенно открытыми. Правда, ученые исследователи скопчества обыкновенно касаются в своих трудах начальной истории ереси, но они излагают ее на основании позднейших документов, и при том часто таких, в которых трудно отделить историческую правду от вымыслов болтливой фантазии. Точного и строго научного исследования раннейшего периода скопческой ереси до сих пор еще не было, так как не было известно документальных данных, касающихся этого момента ее истории.

Но в настоящее время открывается возможность осветить и этот темный период истории скопчества. Нам удалось найти архивные материалы, относящиеся именно к этому первичному моменту истории ереси, каковые материалы дают полную возможность подвергнуть вопрос о возникновении и первоначальном распространении скопческой ереси всестороннему и строго научному исследованию.

Найденные нами документы относятся к 1772 году и представляют собой следственное дѣлопроизводство по поводу появления в предѣлах нынѣшней Орловской губернии скопческой ереси, для обозначения которой тогда еще не было особаго названія, и которая пока еще именовалась „нѣкоторой новаго рода ересью“. Следовательно, эти документы имѣют непосредственное отношеніе къ первому судебному процессу о скопцахъ, бывшему въ 1772 году, и такимъ образомъ заключаютъ въ себѣ самые начальные факты истории скопчества.

Слѣдствіе о скопцахъ началось въ Орловскомъ Духовномъ Правленіи. 25-го Апрѣля 1772 года попъ села Никитскаго, Орловскаго уѣзда, Петръ Тимофеевъ донесъ Духовному Правленію, что его прихожанка, крестьянка деревни Масловой, Дарья Степанова Маслова сообщила ему, что въ той же деревни однодворцы: Петръ Васильевъ Масловъ и сынъ его Михайла Петровъ, а также и Кондратій Парфеновъ Масловъ, неизвѣстно для чего или, можетъ быть, по какой либо ереси, сами себя подвергли оскотченію. Духовное Правленіе немедленно приступило къ разслѣдованію возбужденнаго попомъ Тимофеевымъ дѣла. Слѣдствіе продолжалось немного болѣе двухъ мѣсяцевъ, и въ результатъ въ Духовномъ Правленіи образовалось обширное *дѣло о скопцахъ*, которое заключало въ себѣ болѣе трехсотъ листовъ.

Когда слѣдствіе въ Духовномъ Правленіи было уже почти закончено, въ Орель, по Именному Высочайшему указу, прибылъ полковникъ Александръ Волковъ, которому повелѣвалось произвести разслѣдованіе о той же новоявленной ереси. Такъ какъ вышей правительственной власти, очевидно, не было достовѣрно о томъ, что слѣдствіе объ этой ереси уже производится Духовнымъ Правленіемъ, то полковнику Волкову вмѣнялось въ обязанность прежде всего узнать, ведется ли какое либо разслѣдованіе о новой ереси или нѣтъ, и если ведется, то гдѣ производится; а затѣмъ, если бы оказалось, что слѣдствіе уже производится, полковнику Волкову предписывалось „истребовать къ себѣ сіе дѣло“ и, ознакомившись съ нимъ, произвести разслѣдованіе въ томъ направленіи, которое давалось въ Именномъ Высочайшемъ указѣ.

Полковникъ Волковъ явился въ Орель 17 Іюля, и въ тотъ же день имъ было отправлено въ Духовное Правленіе требованіе о присылкѣ къ нему нужнаго для него *дѣла*, а также и содержащихся по этому дѣлу разнаго званія людей. Духовное Правленіе препроводило Волкову, какъ *дѣло*, такъ и участниковъ ереси 19 Іюля 1772 года. Къ этому же дню полковникъ Волковъ успѣлъ организовать по силѣ того же Высочайшаго указа, для исполненія возложеннаго на него порученія особую Комиссію, въ составъ которой, кромѣ него, полковника Волкова, вошелъ еще Воеводскій Товарищъ артиллерія капитанъ Иванъ Тиньковъ. Секретаремъ Комиссіи былъ назначенъ Василій Арбузовъ. 19-го Іюля, въ 7 часовъ утра, Комиссія уже приступила къ своимъ занятіямъ.

Занятія Комиссіи продолжались недолго, всего 9 дней. Засѣданія ея происходили отъ 7 часовъ утра до 2 часовъ дня, при чемъ секре-

таремъ Комиссіи Арбузовымъ велись подробныя протокольныя записи этихъ засѣданій.

Комиссія прежде всего заявила разсмотрѣніемъ дѣла, присланнаго изъ Духовнаго правленія. На чтеніе и слушаніе его она употребила цѣлыхъ три засѣданія. Слѣдствіе, произведенное Духовнымъ Правленіемъ, оказалось настолько обстоятельнымъ, что Комиссіи почти совсѣмъ не пришлось производить дополнительныхъ разслѣдованій по тѣмъ пунктамъ, которые уже были выяснены Духовнымъ Правленіемъ. Только въ двухъ случаяхъ Комиссія сочла нужнымъ сдѣлать дополнительные допросы нѣкоторымъ главнымъ дѣятелямъ ереси. Въ остальномъ же слѣдствіе, произведенное Духовнымъ Правленіемъ, было, очевидно, признано Комиссіей вполне достаточнымъ.

Разсмотрѣвъ дѣло Духовнаго Правленія, Комиссія произвела небольшое дослѣдованіе относительно лицъ, неотысканныхъ и недопрошенныхъ Духовнымъ Правленіемъ, раздала подъ росписки заинтересованныхъ лицъ большинство привлеченныхъ къ отвѣтственности участниковъ ереси, оставивъ подъ арестомъ наиболее видныхъ дѣятелей скопчества, и, затѣмъ, надъ этими оставшимися произнесла судебный приговоръ.

Занятія Комиссіи составили особое канцелярское дѣло, которое явилось собственно продолженіемъ и завершеніемъ дѣла, начатаго въ Духовномъ Правленіи. Дѣло Духовнаго Правленія было такимъ образомъ первою частью скопческаго судебного процесса 1772 года, а дѣло Комиссіи—его второю частью.

Не входя въ разсмотрѣніе всѣхъ вопросовъ, которые возникаютъ при изученіи найденныхъ документовъ, въ настоящемъ очеркѣ мы остановимъ свое вниманіе только на нѣкоторыхъ изъ нихъ. На основаніи вновь открытыхъ документовъ, мы попытаемся вкратцѣ дать рѣшеніе слѣдующимъ вопросамъ: а) *кого нужно считать основателемъ скопческой ереси*; б) *какимъ образомъ могла появиться мысль о физическомъ осконненіи и когда возникла эта ересь*; в) *кто былъ въ дѣйствительности Кондратій Селивановъ, котораго принято считать родоначальникомъ скопческой ереси.* *)

---

*) Подробное изслѣдованіе начального періода исторіи скопчества на основаніи найденныхъ нами архивныхъ матеріаловъ, а равно и самыя матеріалы въ скоромъ времени выйдутъ въ отдѣльномъ изданіи.

I.

Еще въ 1845 году Н. Надеждинъ въ своемъ „Исслѣдованіи о скопческой ереси“, говоря о личности основателя скопчества, замѣтилъ, что „на этомъ лицѣ преимущественно лежитъ глубокій мракъ“ и что „объ немъ въ точности неизвѣстно, не только какого былъ онъ званія и происхожденія, но и какъ назывался“. ¹⁾ Эти слова перваго изслѣдователя скопческой ереси сохраняютъ свою силу и до настоящаго времени. Но несмотря на возникновеніе обширной литературы, посвященной изслѣдованію скопчества, вопросы о томъ, кто былъ „начинщикомъ“ этой ереси, какъ звали его и какова была его фамилія, къ какому званію принадлежалъ онъ и откуда происходилъ—и до сего времени остаются совсѣмъ неразъясненными.

Въ послѣднее время, повидимому, прочно установилось мнѣніе, что основателемъ скопчества былъ Кондратій Селивановъ, хотя по признанію новѣйшихъ изслѣдователей, это не соответствуетъ дѣйствительному имени и фамиліи основателя скопческой ереси, что „это имя и фамилію можно только прилагать къ нему, какъ условленный знакъ“, не болѣе, ²⁾ вопроса же объ его званіи и происхожденіи эти изслѣдователи совсѣмъ даже и не касаются. ³⁾

Въ настоящее время, на основаніи найденныхъ нами документовъ, можно опредѣленно сказать, кто положилъ начало скопческой ереси. Ея „начинщикомъ“ былъ бѣглый крестьянинъ бывшей вотчины генерала Степана Феодоровича Апраксина, села Брасова, Сѣвскаго уѣзда, Орловской губерніи, *Андрей Ивановъ Блохинъ*.

Это обнаруживается прежде всего изъ слѣдственнаго дѣлопроизводства Орловскаго Духовнаго Правленія. Орловское Духовное Правленіе, хотя и не ставило своей спеціальной задачей выясненіе личности основателя секты, но въ тѣхъ многочисленныхъ допросахъ, которые были произведены имъ, ясно указывалось, что оскотленіе пошло отъ крестьянина Андрея Иванова Блохина и что, слѣдовательно, имъ дано было начало новой ереси.

¹⁾ *Кельсесъ, В.* Сборникъ Правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ. Лондонъ, 1862, т. III, стр. 76.

²⁾ *Кутеповъ К.*, Секты хлыстовъ и скопцовъ. Казань 1883, стр. 116, 117.

³⁾ Таковы, напр., *К. Кутеповъ* (Секты хлыстовъ и скопцовъ). Казань. И *Рождественскій* (Чтенія, 1882 г., кн. I).

Однако, этихъ указаній, заключающихся въ дѣлопроизводствѣ Духовнаго Правленія оказалось недостаточно для полковника Волкова, командированнаго въ Орель для производства разслѣдованія о той же ереси. Въ именномъ Высочайшемъ указѣ отъ 2-го іюля 1772 года полковнику Волкову вмѣнялось въ обязанность прежде всего изыскать „кто сей ереси начинщикъ“. Полковникъ Волковъ долженъ былъ, такимъ образомъ, точно выяснитъ вопросъ объ основателѣ секты. Для него этотъ вопросъ стоялъ на прямой и опредѣленной формѣ. Естественно, что и отвѣтъ на этотъ вопросъ Волкову надлежало имѣть въ таковомъ же прямомъ и опредѣленномъ видѣ. Однихъ указаній, хотя бы и довольно ясныхъ, для него было мало.

Вотъ почему Волковъ въ первомъ же засѣданіи Комиссіи, учрежденной имъ въ силу Именного Высочайшаго указа отъ 2-го Іюля, сдѣлалъ этотъ вопросъ предметомъ спеціальнаго разслѣдованія. Комиссія, руководимая полковникомъ Волковымъ, приступивъ къ разсмотрѣнію присланнаго изъ Орловскаго Духовнаго Правленія дѣла о новой сектѣ, сразу же обратила вниманіе на то, что въ этомъ дѣлопроизводствѣ нѣтъ прямого отвѣта на вопросы: „кто первый былъ скопленный, когда оное скопленіе у нихъ (т.е. новыхъ сектантовъ) началось и по какой причинѣ скопиться они стали“. Поэтому Комиссія тогда же постановила „призвавъ нѣкоторыхъ скопцовъ, о томъ оныхъ въ пополненіе прежнихъ допросовъ еще спросить“. Немедленно же въ Комиссію были вызваны изъ тюрьмы содержащіяся подъ стражей главные дѣятели новой ереси: *Андрей Ивановъ Блохинъ, Есеевій Гнилушевъ и Михайло Пичулинъ*.

На предложенные Комиссіей вопросы Андрей Ивановъ Блохинъ показалъ слѣдующее: онъ, Блохинъ, первый въ сей ереси находящійся, оскосился и что прежде его никто не оскосивался; къ мысли о необходимости оскосленія онъ, Блохинъ, пришелъ такимъ путемъ: въ той вѣрѣ, къ которой онъ принадлежалъ, т.е. въ хлыстовщинѣ, было наипрѣчайше заповѣдано не имѣть съ женщинами плотскаго совокупленія, такъ какъ въ этомъ заключается наитягчайшій грѣхъ; но такъ какъ человѣческая плоть, не смотря на то запрещеніе, принуждала иногда искать женскаго пола, отъ котораго и самое жестокое бичеваніе отвести не въ состояніи, то онъ, Блохинъ, послѣ размышлений и бесѣдъ съ близкими ему лицами окончательно остановился на мысли, что отъ грѣха того развѣ де однимъ только оскосленіемъ избавиться можно, чему нагляднымъ примѣромъ служить скотъ, который послѣ легчанія блуда уже не дѣлаетъ; придя къ такой мысли, онъ, Блохинъ, черезъ нѣсколько

времени послѣ бесѣды съ друзьями, когда возжелалъ плотскаго грѣха, для укрощенія своей плоти самъ себя оскопилъ раскаленнымъ желѣзомъ; оскотленіе совершилъ, находясь въ деревнѣ Богдановкѣ, въ домѣ крестьянина Осипа Степанова; послѣ него, когда стало извѣстно, что онъ оскопился и выздоровѣлъ, сами себя оскопили и его два товарища Никифоровъ и Никулинъ; въ дальнѣйшемъ скопчество начало распространяться исключительно отъ него, Блохина, и Кондратія Никифорова, а отъ оскотленія никто не умиралъ.

Этотъ допросъ Андрея Блохина подтвердили и другія призванныя въ Комиссію лица: Евсеій Гнѣушевъ и Михайло Никулинъ.

Полковникъ Волковъ и вообще вся Комиссія на этотъ разъ были вполне удовлетворены показаніями Андрея Блохина, подтвержденными его товарищами. Комиссія имѣла теперь вполне опредѣленный отвѣтъ на вопросъ—кто былъ зачинщикомъ скопчества. Сомнѣваться въ правдивости этихъ показаній она пока не имѣла никакихъ основаній и поводовъ. Вопросъ о зачинщикѣ секты или, что то же, объ основателѣ ея, былъ, такимъ образомъ, исчерпанъ. Комиссія признала, что эта роль принадлежала Андрею Иванову Блохину.

Впослѣдствіи Комиссія Волкова еще разъ обратилась къ этому вопросу. Въ предпослѣднемъ своемъ засѣданіи она, между прочимъ, обсуждала составленный ея Канцеляріей „экстрактъ“ изъ дѣла о новой ереси или краткое извлеченіе изъ того обширнаго дѣлопроизводства, которое было результатомъ занятій Духовнаго Правленія и ея собственныхъ. При обсужденіи этого „экстракта“ выяснилось, что въ допросѣ, произведенномъ Духовнымъ Правленіемъ, Андрей Ивановъ Блохинъ сдѣлалъ одно такое показаніе, которое не совсѣмъ согласовалось съ тѣмъ, что имъ же было сказано на вторичномъ допросѣ его въ Комиссіи. На допросѣ въ Комиссіи онъ показалъ, что къ мысли объ оскотленіи онъ пришелъ совершенно самостоятельно, безъ всякаго сторонняго вліянія, въ допросѣ же въ Духовномъ Правленіи онъ заявилъ, что къ оскотленію его уговаривалъ крестьянинъ Михайло Никулинъ. Комиссія придавала этому противорѣчію въ показаніяхъ Андрея Блохина существенное значеніе. Здѣсь возникалъ вопросъ о томъ, кому же, собственно, первому принадлежала мысль о необходимости оскотленія: Андрею Блохину или Михайлѣ Никулину. Чтобы выяснитъ этотъ вопросъ Комиссія постановила допросить по этому поводу Михайлу Никулина. Введенный въ Присутствіе, послѣдній показалъ, что дѣйствительно онъ, Никулинъ, уговаривая Блохина

принять хлыстовскую вѣру, въ то же время совѣтывалъ ему и оскопиться. Комиссіи послѣ этого стало ясно, что первая мысль о необходимости оскопленія принадлежала не Андрею Иванову Блохину, она была высказана впервые другими людьми; на долю Андрея Блохина приходилось лишь осуществленіе ея на дѣлѣ, фактическое приѣженіе ея въ жизнь.

Такимъ образомъ, значеніе Блохина, какъ родоначальника скопчества, показаніемъ Михаила Никулина, повидимому, нѣсколько умалось. За нимъ, собственно, оставялась мужественная рѣшимость приѣнить на практикѣ то, что было признано необходимымъ для достиженія душевнаго спасенія. И несмотря, однако, на это, Комиссія все таки продолжала считать именно Блохина зачинщикомъ скопческой ереси, положившимъ ей начало и бывшимъ дѣятельнымъ ея распространителемъ. Въ „рѣшительномъ“ своемъ опредѣленіи, составленномъ по окончаніи разслѣдованія дѣла о новой ереси, Комиссія такъ именно и называетъ Андрея Блохина, котораго „яко зачинщика сего зла“, оно постановила наказать кнутомъ въ деревнѣ Богдановкѣ, гдѣ онъ болѣе всего изуродовалъ людей, а затѣмъ сослать его на вѣчную каторгу въ Нерчинскъ.

II.

Вопросъ о томъ, какъ вообще могла возникнуть мысль о необходимости физическаго оскопленія, выясненъ уже довольно подробно въ наукѣ. Но какъ изъ области чисто теоретической эта мысль могла перейти въ область реальной дѣйствительности,—этотъ вопросъ еще нуждается въ разъясненіи.

Скопчество вышло изъ нѣдръ хлыстовщины. Оно явилось результатомъ сознанія невозможности выполнить основное требованіе хлыстовскаго ученія физически нормальному человѣку. Самые ревностные и искренніе послѣдователи хлыстовщины должны были признать, что природа съ ея непреложными законами не можетъ быть побѣждена однимъ усиліемъ воли. Естественнымъ послѣдствіемъ этого сознанія была мысль о необходимости прибѣгнуть къ уничтоженію самого „источника“ зла: нужно сдѣлать человѣка физически неспособнымъ творить наитягчайшій грѣхъ соитія съ женщиной, нужно удалить въ человѣкѣ тѣ его органы, которые ведутъ къ духовной гибели.

Теоретически, такимъ образомъ, это радикальное средство было найдено; единственно вѣрный способъ выйти изъ того тупика, въ ко-

торый загнала хлыстовъ физическая сторона человѣческаго существа, былъ открытъ. Но отъ теоріи до практики было еще далеко. Перешагнуть эту пропасть было чрезвычайно трудно. Трудность эта обусловливалась не только тѣмъ, что найденное средство неизбежно должно было соединяться съ физическими страданіями, но и тѣмъ, что въ простомъ, неразвитомъ сознаниіи не было еще живой, исключяющей всякія колебанія, увѣренности въ жизненной дѣйственности выработанной теоретически мысли. Неразвитый человѣкъ живетъ больше аналогіями и примѣрами, которые даютъ ему силу и сообщаютъ увѣренность въ цѣлесообразности его поступковъ. Онъ нерѣдко отказывается осуществить свою мысль только потому, что не видитъ предъ собою соответствующаго примѣра, которому онъ могъ бы подражать. Подражаніе—болѣе легкій способъ жизненнаго дѣйствованія вообще и болѣе соответствующій степени умственнаго развитія простаго человѣка. А этихъ то примѣровъ и этихъ аналогій, на которыя можно бы опираться, у хлыстовскихъ мыслителей и не было. Исторіи они не знали, реальная же дѣйствительность окружающей человѣческой жизни была чужда тѣхъ аномалій, которыя теоретически возводились ими въ принципъ. Этихъ примѣровъ нужно было искать, объ этомъ пужно было еще думать. И неразвитое сознаниіе хлыстовскихъ мыслителей стало усиленно работать въ поискахъ этихъ аналогій. Въ пестромъ многообразіи жизненныхъ явленій ищущій хлыстовскій умъ вскорѣ подмѣтилъ одно явленіе, которое могло быть полезнымъ для него. Хлыстовскіе наблюдатели, живя и дѣйствуя въ обстановкѣ деревенскихъ условій, обратили свое вниманіе на скоть, по отношенію къ которому уже съ давнихъ поръ практиковался способъ хирургическаго уничтоженія животной способности продолженія рода. Обративъ вниманіе на это явленіе, хлыстовскій умъ вскорѣ же призналъ въ немъ ту аналогію, которая была необходима для осуществленія созданнаго имъ принципа. Хлыстовскіе мыслители взяли за образецъ домашній скоть, „который по легчанію, блуда уже не творитъ“. Теперь оставалось только одно: продѣлать надъ человѣкомъ самый актъ оскотленія, теперь нужно только мужество сознательно подвергнуть себя физическому уродованію. Андрей Ивановъ Блохинъ первый показалъ примѣръ этого мужества.

Такъ просто и вполне самобытно возникла и созрѣла въ простомъ умѣ крестьянина мысль объ оскотленіи, какъ единственно вѣрномъ средствѣ избавиться отъ грѣха. Любопытно отмѣтить при этомъ, что мысль хлыстовскихъ мыслителей въ своихъ блужданіяхъ при рѣшеніи вопроса о способѣ избавленія отъ главнаго грѣха отправлялась не отъ Священнаго Писанія; основаніемъ мысли о дѣйственности фи-

зическаго оскотленія были не слово Божіе, а простыя жизненныя наблюденія, обыденные факты дѣйствительности. Тексты Священнаго Писанія стали приводиться скопцами въ подтвержденіе истинности своего ученія лишь въ послѣдствіи.

Если теперь обратиться къ найденнымъ нами документамъ, то можно будетъ хронологически прослѣдить, хотя, конечно, только съ приблизительною точностью, этотъ процессъ возникновенія и назрѣванія мысли о физическомъ оскотленіи, какъ необходимомъ условіи достиженія спасенія. Въ многочисленныхъ допросахъ, произведенныхъ въ Духовномъ Правленіи, содержится немало указаній, могущихъ служить матеріаломъ для такихъ хронологическихъ вычисленій. Но особенно важное значеніе въ этомъ отношеніи можетъ имѣть допросъ самого основателя ереси—Андрея Иванова Блохина. На допросѣ онъ показаль слѣдующее.—

Рожденіе и воспитаніе его было въ вотчинѣ бывшаго генерала Степана Феодоровича Апраксина, въ селѣ Брасовѣ, Сѣвскаго уѣзда. Отъ роду ему тридцать лѣтъ. Какъ пришелъ въ возрастъ лѣтъ до четырнадцати, изъ того села Брасова бѣжалъ, но не упоминуть, какого именно года, мѣсяца и числа, а только послѣ Николы вешняго. Убѣжавъ изъ Брасова, пришелъ въ мѣстечко Дмитріевку, гдѣ присталъ къ двумъ нищимъ: слѣпой женщинѣ и бывшему при ней поводырю мужского пола, а какъ звать ихъ—онъ не знаетъ. Съ ними онъ, Блохинъ, отправился изъ Дмитріевки къ Коренной ярмаркѣ въ Курскъ, гдѣ пробылъ до ея окончанія; а затѣмъ пошелъ съ тѣми же товарищами тоже на ярмарки въ Новосельскій, Бѣлевскій и Мценскій уѣзды. Такъ онъ скитался въ теченіе шести лѣтъ, питаясь мірскимъ подаяніемъ. Переходя съ одного мѣста на другое, дошелъ до Полосья и попалъ въ Козельскій уѣздъ, въ село Кудрявецъ. Здѣсь онъ пришелъ въ домъ крестьянина Мелентія Наумова, прося у него ночлега. Тотъ пріютилъ его. Во время пребыванія въ домѣ Наумова, онъ, Блохинъ, въ разговорѣ съ хозяиномъ узналъ, что въ вотчинѣ генерала Сергія Михайлова Нарышкина, въ селѣ Троснѣ, Орловскаго уѣзда, есть учитель вѣры крестьянинъ Михайло Никулинъ, который де училъ всякаго къ нему приходящаго о томъ, какъ достигнуть живота вѣчнаго и спастись. Подъ вліяніемъ разговора съ Наумовымъ, Блохинъ возжелалъ спасеніе получить, отправился въ село Тросно, нашель здѣсь домъ Никулина и выпросился у него пожить, „для того наученія, какъ бы спастись.“ И живя здѣсь, слушалъ наставленія Никулина, который училъ, „чтобъ пива и вина не пить и грѣха тяжбаго не творить,—съ женами не спать,

по скачкамъ и по пгрищамъ не ходить, матерно не браниться; оное де есть святое и праведное дѣло: молодцамъ не жениться, а дѣвкамъ замужъ не ходить, а женившимся съ женами плотски не совокупляться, женамъ спать на ложѣ, а мужу на другомъ, чего де ради надлежитъ всякому, хотящему спастися и пребывающемуся въ такой вѣрѣ, скопиться.“ Воспринявъ отъ Никулина это ученіе, оставилъ село Тросно и пришелъ въ деревню Богдановку, принадлежавшую полковнику Александру Александровичу Турчанинову, гдѣ остановился въ домѣ крестьянина Осипа Степанова, съ которымъ былъ знакомъ, какъ съ участникомъ хлыстовской ереси, когда тотъ бывалъ у Никулина на моленіяхъ. И здѣсь, въ избѣ, гдѣ происходили таковыя же моленія, самъ себя оскотилъ раскаленнымъ желѣзомъ, „самъ отжегъ тѣ тайныя уды себѣ“, въ этой же избѣ онъ, Блохинъ, лежалъ послѣ оскотленія девять дней подъ присмотромъ того же Осипа Степанова, который зналъ, что Блохинъ оскотился.

Эти показанія Андрея Иванова Блохина даютъ возможность приблизительно въ такомъ видѣ установить хронологическую послѣдовательность главныхъ событій жизни основателя скопчества и вмѣстѣ съ тѣмъ прослѣдить развитіе основныхъ моментовъ происхожденія и развитія мысли о физическомъ оскотленіи.

Въ 1772 году, когда происходилъ допросъ Андрея Иванова Блохина, ему было 30 лѣтъ. Слѣдовательно, онъ родился около 1742 года. Когда ему исполнилось 14 лѣтъ, т. е. около 1756 года, онъ бѣжалъ изъ родного села и началъ бродячую жизнь. Что заставило его бѣжать изъ родного села—точно неизвѣстно; но, кажется, что къ этому побудило его желаніе избавиться отъ рекрутскаго набора. Бродячая жизнь въ обществѣ „слѣпыхъ“, этихъ потомковъ „каликъ переходжихъ“, давала большую пищу его неразвитому уму и впервые поставила предъ нимъ вопросъ о личномъ спасеніи. Бродячая жизнь Блохина продолжалась шесть лѣтъ, т. е. до 1762 года. Въ 1763 году онъ попалъ въ село Кудрявецъ, Козельскаго уѣзда, Калужской губерніи и остановился у крестьянина Мелентія Наумова. Здѣсь мы видимъ Блохина уже въ качествѣ „ищущаго наученія“, вопросъ о спасеніи сталъ принимать у него, очевидно, острую форму. Какъ долго пробылъ Андрей Ивановъ Блохинъ у Наумова—сказать трудно. Но, вѣроятно, въ этомъ же году онъ оставилъ село Кудрявецъ и попалъ въ село Тросно. Въ этомъ послѣднемъ селѣ онъ пробылъ, несомнѣнно, довольно долго, такъ какъ ему нужно было научиться, какъ бы спастись, а для такого „наученія“ требовалось продолжительное время: ему нужно было не только

выслушивать наставленія Никулина, но и принимать участіе въ молитвенныхъ собраніяхъ хлыстовъ, каковыя собранія, по условіямъ того времени, происходили, конечно, рѣдко. У Никулина, вѣроятно, въ качествѣ работника Блохинъ жилъ не меньше пяти лѣтъ. Здѣсь онъ окончательно сталъ хлыстомъ, здѣсь же впервые была воспринята имъ мысль о необходимости оскотленія. Отъ Никулина онъ ушелъ, вѣроятно, въ началѣ 1769 года и пришелъ въ Богдановку къ крестьянину Оситу Степанову, въ избѣ котораго вскорѣ же и оскотилъ себя.

Мысль о необходимости оскотленія, такимъ образомъ, была осуществлена въ 1769 году. Съ этого именно года и нужно начинать исторію скопчества, какъ ереси.

Устанавливаемая нами дата начала скопческой ереси находитъ себѣ подтвержденіе и въ прямыхъ указаніяхъ, заключающихся въ найденныхъ нами документахъ. Въ „краткомъ экстрактѣ изъ дѣла о нѣкоторой новаго рода ереси“, составленномъ Комиссіей полковника Волкова говорится, между прочимъ: „скопленіе же началось тому нынѣ четвертый годъ“. Въ „экстрактѣ“ же, составленномъ самимъ Волковымъ и представленнымъ имъ Государынѣ Императрицѣ, мы находимъ болѣе точное опредѣленіе даты возникновенія скопчества. Здѣсь мы читаемъ: „что жъ принадлежитъ до оскотленія, то онаго у сихъ раскольниковъ до 1769 года въ употребленіи совсѣмъ не было; хотя всегда почитали они за весьма святое и праведное дѣло, чтобъ холостые не женились, дѣвки не ходили замужъ; а женившіеся съ женами своими жили порознь, пребывая всегда дѣвственниками и дѣвственницами. А въ томъ году Сѣвскаго уѣзда, села Брасова, вотчины покойнаго генералъ-фельдмаршала Степана Ѳедоровича Апраксина бѣглый крестьянинъ Андрей Блохинъ первый, чтобъ пребыть отъ плотскаго вождѣленія навсегда свободнымъ, самъ себя, не сказавъ о томъ никому, раскаленнымъ желѣзомъ оскотилъ.“*)

III.

У Андрея Иванова Блохина, какъ мы уже видѣли, былъ близкій „товарищъ“ *Кондратій Никифоровъ*. Этотъ Кондратій Никифоровъ и есть тотъ Кондратій Селивановъ, котораго теперь обычно называютъ основателемъ скопческой ереси.

*) Дѣла Прав. Сената по I Департаменту, кн. № 361/3932, л. 57, об.

Кондратій Никифоровъ былъ бѣглымъ крестьяниномъ вотчины князей Кантемировъ, Сѣвскаго уѣзда, села Столбища. Родился онъ въ 1742 году. Отца Кондратія звали Никифоръ; слѣдовательно, названіе его Никифоровымъ есть его отчество, но не фамилія. Въ 1757 году онъ бѣжалъ изъ Столбища вѣроятно по той же причинѣ, какъ и Андрей Ивановъ Блохинъ. Соединившись съ Андреемъ Блохинымъ, вѣроятно, въ Дмитріевкѣ, Кондратій съ этихъ поръ начинаетъ такую же бродячую жизнь и испытываетъ такія же переживанія, какъ и Андрей Блохинъ.

Когда Кондратій Никифоровъ узналъ, что Андрей Блохинъ оскопилъ себя, то и онъ, взявъ также желѣзо, сталъ скопляться, „только отъ робости самъ уды свои отжечь не могъ“. Довести до конца болѣзненную операцію помогъ ему Андрей Блохинъ, который „то увидѣлъ и, взявъ желѣзо, раскаля въ печи, тѣ его уды отжегъ“.

Оскопившись, Кондратій Никифоровъ начинаетъ дѣятельную пропаганду новаго ученія. И въ эту раннѣйшую пору существованія скопчества онъ играетъ такую же роль, какъ и Андрей Блохинъ. Андрей Блохинъ и Кондратій Никифоровъ—были тѣми двумя „мастерами“, отъ которыхъ скопчество широкой волной стало распространяться въ предѣлахъ нынѣшнихъ губерній: Орловской, Калужской, Тульской и Тамбовской.

Въ 1772 году Андрей Ивановъ Блохинъ былъ пойманъ въ деревнѣ Богдановкѣ, въ домѣ однодворца Тимофея Жиронкина и приведенъ въ Орловское Духовное Правленіе для допроса. Но Кондратій Никифоровъ былъ, очевидно, хитрѣй Блохина. Слѣдственной власти не удалось схватить его на этотъ разъ, несмотря на весьма дѣятельные поиски его.

Въ руки правительственной власти онъ попадаетъ лишь въ 1775 году, когда, по доносу священниковъ села Сосновки Герасима Лазарева и Ивана Емельянова, возникаетъ второе слѣдственное дѣло о скопцахъ.

Если Андрея Иванова Блохина должно называть фактическимъ основателемъ скопчества, то Кондратія Никифорова по всей справедливости нужно считать теоретическимъ идеологомъ скопческой ереси, ея организаторомъ, придавшимъ ей характеръ самостоятельнаго релігіозно-изувѣрскаго сообщества.

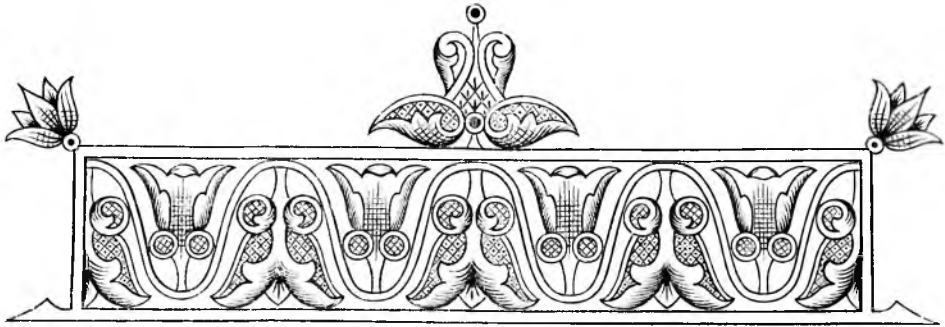
Къ сожалѣнію, мы не располагаемъ подробными свѣдѣніями, относящимися именно къ этой сторонѣ его дѣятельности. Намъ удалось

найти только одинъ документъ, который проливаетъ небольшой свѣтъ на этотъ вопросъ. 18 іюня 1775 года Св. Синодъ препроводилъ Правительствующему Сенату доношеніе Тамбовскаго епископа Ѳеодосія, въ которомъ этотъ послѣдній увѣдомлялъ Синодъ, что въ селѣ Сосновкѣ появилось новое суевѣріе, состоящее въ томъ, что въ сказанномъ селѣ многіе люди собираются по ночамъ въ домъ къ дворцовому крестьянину Сафону Попову, гдѣ называющійся Киевскій затворникъ читаетъ яко бы къ пользѣ душевной вечерю..., учитъ, чтобъ воздержаться отъ пьянства, отъ блуда и плотскихъ страстей и съ женами тѣлеснаго совокупленія не имѣть. А послѣ ученія поетъ псалмы. Затворника того называютъ батюшкой и милымъ отцомъ и кланяются ему перекрестясь, цѣлуютъ у него руки, а онъ, будучи раздѣтъ и нагой, въ одной долгой рубашкѣ, подпоясанный сидитъ въ переднемъ углу подъ образами, предъ которыми горятъ по три свѣчи, а передъ нимъ мальчикъ лѣтъ 14-ти читаетъ его сочиненія. А послѣ оный затворникъ, вставъ, ходитъ посреди ихъ, вертяся по солнцу кругомъ, за коимъ и всѣ собранные ходятъ. Кто же къ нимъ приставетъ въ ихъ суевѣріе, того приводятъ къ тому затворнику, сидящему впереди, а онъ, взявъ отъ образовъ крестъ, приходитъ къ оному, а приведенный поклоняется ему, перекрестясь, въ ноги и цѣлуетъ руки. И посидѣвъ до полуночи, расходятся по домамъ.

„Онъ же, затворникъ, поучая и толкуя имъ вышепредписанное напечатанное о обрѣзаніи плоти, всѣхъ находящихся въ ихъ вѣроученіи мущинъ для воздержанія о нетвореніи блуда и непмѣнн съ женами совокупленія, обрѣзываетъ у нихъ незнаемо какимъ инструментомъ совсѣмъ тайные уды“.

Какъ видно, Кондратій Никифоровъ уже и въ этотъ раннѣйшій періодъ исторіи скопчества старался обосновать свое ученіе теоретическими соображеніями, доказать справедливость его книжными доводами. Но этого мало. Кондратій не довольствуется только печатными произведеніями, въ которыхъ онъ черпаетъ нужныя ему доказательства, онъ составляетъ свои собственныя сочиненія. Уже и въ этотъ періодъ Кондратій начинаетъ употреблять тѣ приемы, которые такъ импонировали на его приверженцевъ впослѣдствіи. Его торжественное сидѣніе въ переднемъ углу, чтеніе его сочиненій мальчикомъ—все это, очевидно, начальные элементы въ развитіи того образа поведенія, который былъ присущъ ему въ эпоху его прославленія.

Н. Г. Высоцкій.

КЪ ИСТОРИИ ПОЛИЦЕЙСКОЙ РЕФОРМЫ.

Какъ извѣстно, Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ возбужденъ нынѣ вопросъ о преобразованіи городской полиціи. Въ виду этого, полагаю умѣстнымъ къ случаю сообщить на страницахъ историческаго изданія нѣкоторыя данныя о прошломъ состояніи ея, заимствованныя мною изъ Оренбургскаго центральнаго архива.

И теперь, и въ былое время также, полицейскій вопросъ былъ у насъ самымъ больнымъ мѣстомъ, благодаря, какъ можно думать, вѣками укоренившемуся положенію, при которомъ чины полиціи не могли „жить по средствамъ“, вслѣдствіе мизерности получаемыхъ ими окладовъ; и потому еще, что на нихъ возлагались такія обязанности, которыя давали имъ орудіе для полученія не „безгрѣшныхъ“ доходовъ. Сто лѣтъ назадъ полиція была полной хозяйкой городовъ: не только „правила“ ими, но „и судила, и рядила“ ихъ.

Однако могли еще существовать безбѣдно чины ея отъ подачекъ „доброхотныхъ дателей“ и на получаемое жалованье при тогдашней дешевизнѣ предметовъ первой необходимости въ центральныхъ поселеніяхъ Россіи, гдѣ была развита торговля и промышленность. Не то замѣчалось на окраинахъ, особенно въ пограничныхъ городахъ, гдѣ преобладалъ военный элементъ, отъ котораго мало чѣмъ можно было поживиться.

Въ началѣ прошлаго столѣтія такимъ поселеніемъ былъ отдаленный Оренбургъ, резиденція тамошняго военнаго губернатора и центръ управленія обширнымъ краемъ, въ составъ коего входили тогда нынѣшнія губерніи Оренбургская, Уфимская, часть Самарской и области Тургайская и Уральская. Въ 1803 году въ немъ насчитывалось 1281

дворъ съ 5 тые. жителей, *) раздѣленныхъ по управленію, на три полицейскія части, изъ коихъ собственно городъ составляли первыя двѣ съ 844 домами въ 6 кварталовъ. Прочіе же 437 дворовъ находились въ Казачьемъ предмѣстьѣ, „Форштадтѣ“, имѣвшемъ отдѣльную часть въ 3 квартала.

Когда въ другихъ городахъ Россіи, согласно сенатскому указу отъ 29 декабря 1797 года, полиціей управляли городничіе, здѣсь „по Высочайше опробованному 31 декабря 1796 года о губерніяхъ штату“, его замѣнялъ полицеймейстеръ съ жалованьемъ 300 руб. въ годъ. Съ нимъ „засѣдали“ два пристава: одинъ „уголовныхъ“, другой—„гражданскихъ дѣлъ“ съ содержаніемъ въ 200 руб. каждому. Кромѣ того, было два „ратмана магистратскихъ“, не получавшихъ, повидимому, опредѣленнаго (окладнаго) вознагражденія, почему въ полицейской вѣдомости 1803 г. содержаніе имъ не обозначено. Для производства „письменныхъ дѣлъ“ состоялъ „секретарь“ съ 200 руб. жалованьемъ и трое писарей—по 130 руб. каждому.

Городскіе участки находились въ завѣдываніи „частныхъ приставовъ“ по одному на каждый, которые получали въ годъ по 150 руб.. На обѣ части былъ одинъ „словесный судья“, трудъ коего вознаграждался 80 руб. „Маклеровъ“ (замѣнявшихъ нынѣшнихъ нотаріусовъ) считалось по штату два (по одному на часть), съ такимъ же содержаніемъ, какое выдавалось судьямъ. Кромѣ того, при каждомъ участкѣ полагалось быть по одному „огнегасительному“ и одному „трубочистному“ мастеру, изъ коихъ первые получали по 100 руб., послѣдніе по 15 р. въ годъ.

„Квартальныхъ надзирателей“ (что нынѣ околадочные) было шесть, получавшихъ по 125 руб. каждый. При нихъ находилось столько же „сотскихъ“ съ 30 руб. жалованьемъ. „Десятскіе“ опредѣлялись по одному на 70 дворовъ, всѣхъ—12-ть, и имъ отпускалось по 20 руб. жалованья. „Полицейскихъ служителей“ (очевидно нынѣшніе городовые) отъ 15 дворовъ по одному,—было 54 человекъ, коимъ содержанія опредѣленнаго не полагалось. Наконецъ, существовалъ еще разрядъ нижнихъ чиновъ „ночные сторожа“ по одному на кварталъ (всего шесть), съ жалованьемъ 20 руб. на годъ каждому.

*) Въ 1824 г. было тамъ 1327 домовъ съ 5302 жит. об. п., т. е. за 21 годъ прибавилось лишь 46 дворовъ; по 2 въ годъ. Такъ медленно развивалась въ немъ жизнь.

Въ предмѣстьѣ города Форштадтъ отправляли полицейскую повинность, видимо, казаки „по обязанности“, за службу. Должность частнаго пристава тамъ исполнялъ отставной казачій чиновникъ. Прочіе чины—трубочистный мастеръ, трое квартальныхъ, столько же сотскихъ и ночныхъ сторожей, 6 десятниковъ и 29 полицейскихъ служителей—также были изъ казаковъ, и содержались на счетъ суммъ Оренбургскаго казачьяго войска.

Несмотря на то, что содержаніе прочихъ (102) чиновъ полиціи обходилось городу въ 3350 руб. за годъ, а ежедневный нарядъ въ первыхъ двухъ частяхъ не превышалъ въ обычное время одного сотскаго, 4 десятниковъ и 12 нижнихъ служителей, изъ коихъ шесть для караула, а остальные—для посылокъ,—однако охотниковъ служить въ ней было мало, вслѣдствіе ограниченности вознагражденія, которое къ тому же выдавалось крайне неаккуратно, за недостаткомъ городскихъ средствъ. *)

Какъ доносилъ 28 Іюля 1803 года Оренбургскій комендантъ ген.м. Барцовъ Министру внутр. дѣлъ гр. Кочубею, полиція въ то время содержалась на деньги собираемыя съ жителей по „раскладкѣ“ (неизвѣстно только въ какомъ размѣрѣ). Сборъ этихъ денегъ губернское правленіе поручало производить самой же полиціи. Но она въ сборѣ этомъ успѣха не имѣла, „поелику жители большею частію состояли, исключая въ дѣйствительной службѣ находящихся, изъ отставныхъ солдатъ, казаковъ и другою званія, не имѣющихъ ничего болѣе у себя, какъ пристанище одно въ небольшомъ домишкѣ либо обветшаломъ, или же въ землянкѣ. Купечества же и мѣщанъ, такихъ, кои бы нѣсколько были позажиточнѣе, равно и дворянъ, имѣвшихъ дома, было весьма мало“.

Поэтому въ 1800 году Оренбургскій военный губернаторъ ген.-м. Бахметьевъ „принужденъ былъ за счетъ Магистрата выдать въ жалованіе полиціи 1200 руб. изъ суммъ пограничной комиссіи,“ а въ 1803 г. было позаймствовано оттуда для той же цѣли еще 2200 руб., лишь бы „удержать полицейскихъ чиновниковъ на мѣстахъ нынѣшняго ихъ служенія, ибо все они,—говорилъ Барцовъ,—по неимуществу, не въ силахъ далѣе содержать себя собственнымъ коштомъ“.

---

*) Средства города были столь незначительны, что не было заведено даже необходимыхъ пожарныхъ инструментовъ и лошадей для возки ихъ.

Велѣдствіе этого, съ самаго существованія въ Оренбургѣ полиціи, „она не имѣла полнаго числа чиновниковъ, по штату положенныхъ“. Между тѣмъ, „по мѣстному положенію города и по стеченію народному въ лѣтнее время для торговли, а зимою во время поставки въ магазины провіанта и перевозки по городамъ соли,“—даже положенное штатомъ количество чиновниковъ и полицейскихъ служителей, какъ и на содержаніе ихъ опредѣленная сумма были „весьма умѣренны“.

Такія же жалобы доходили въ министерство и отъ другихъ губернскихъ начальствъ. Почему гр. Кочубей и предложилъ Оренбургскому военному губернатору составить новый штатъ полиціи по г. Оренбургу, разославъ почти одновременно съ этимъ (14 Іюля 1803 г.) начальникамъ губерніи особые циркуляры, въ которыхъ, признавая необходимымъ измѣнить существующій полицейскій строй, примѣняясь однако къ изданному 14 Мая 1799 года положенію, онъ полагалъ необходимымъ учредить новые штаты ея и въ другихъ „губернскихъ и тѣхъ уѣздныхъ городахъ, гдѣ бываетъ нарочитое и продолжительное стеченіе людей, торговля или важное число жителей“, оставивъ полицію въ прочихъ „при одномъ городничемъ“.

„Дабы не обременять жителей налогами“, по проекту, она должна была „состоять на городскомъ иждивеніи“, согласно Высочайше утвержденному для г. Казани штату. Графъ потребовалъ отъ губернаторовъ, чтобы они приказали нынѣ же включить въ городскія смѣты особыя статьи расхода на ея содержаніе, а именно: на жалованье по штату, на провіантъ и обмундировку команды, на фуражъ и ремонтъ лошадей, на содержаніе огнегасительныхъ инструментовъ, на дрова и свѣчи.

Съ тѣхъ поръ и до сего времени полиція содержится на городскіе доходы.

П. Юдинъ.

Матерьялы ¹⁾.

Милостивый Государь

Александръ Александровичъ! ²⁾

По секрету.

Здѣшняго намѣстничества ³⁾ Карсунской округи крестьяне села Большихъ Березняковъ съ другими деревнями владенія господина статскаго совѣтника и кавалера Андреяна Андреевича Лопухина, душъ болѣе двухъ тысячъ, по внушеннымъ лжевымысламъ ихъ же крестья-

¹⁾ Печатается съ сохраненіемъ правописанія оригиналовъ

²⁾ Ген.-поруч. А. А. Певулинъ, правившій Уфимскимъ намѣстничествомъ.

³⁾ Симбирскаго.

ниномъ по имени Ивановъ Кутыркинымъ, котораго они съ мирского приговору прошедшею зимою посылали о себѣ ходатайствовать въ Санктъ-Петербургъ: открыли всеобщее непослушаніе—управляющему вотчиною, и взявъ въ голову, что они не принадлежатъ поманутому господину статскому совѣтнику Лопухину, а вѣдомству коронному, съ упорствомъ и грубостію отвергли все доказательства, какіе тамошній нижній земскій судъ имъ всенародно дѣлалъ. По неуспѣхамъ онаго, посланъ отъ меня былъ намѣстническаго правленія совѣтникъ съ нѣкоторыми чинами со стороны военнотружащихъ здѣсь; но и сей по употребленіи чрезъ нѣкоторое время всехъ благоразумѣйшихъ увѣщаній, принужденъ былъ оставить ихъ въ томъ непреклонномъ и упорномъ отверженіи, въ каковомъ они были до того, и возвратиться сюда. Въ слѣдъ господина Совѣтника Правленія, пришли отъ нихъ изъ онаго села Большихъ Березниковъ ко мнѣ человекъ до пятнадцати, дабы услышать собственно мое предложеніе; которымъ не оставилъ я разтолковать всего того, что толко слѣдовало, со стороны высочайшихъ законовъ моего хозяйственнаго объ нихъ, какъ и о другихъ, въ губерніи живущихъ понеченія, пользы отъ послушанія и вреда отъ непокорности ихъ имъ воспослѣдовать могущаго. Казалось, сіе довольно дѣйствительнымъ;—посланные оные пятнадцать человекъ возвратились въ свои дома съ обещаніемъ и намереніемъ увѣрить миръ, что все мятежникомъ Кутыркинымъ имъ внушенное, есть ложь, дѣлающая всехъ ихъ виновными.— По изъ послѣдняго на сихъ дняхъ кареунскаго нижняго земскаго суда рапорта усматриваю я, что они остались въ мнѣніи своемъ непремѣнны. Мятежа и буйствъ не оказываютъ, но совершенно не послушны своему управителю и осмидесяти семьямъ, которые съ ними не согласны и въ надлежащемъ пребываютъ повинненіи, дѣлаютъ всякія оскорбленія и обиды.

По важности таковаго происшествія, отпрапляюся я на сихъ дняхъ самъ въ вышенисанное мѣсто: но какъ духъ не покоривости въ томъ многочисленномъ народѣ, не всегда удобно смягчить увещаніями, и страхъ воинской команды болѣе можетъ быть действителенъ: то я прошу у вашего высокопревосходительства помощи, яко содѣятельнаго начальника такой губерніи, гдѣ въ диспозиціи вашей существуютъ войска, какъ регулярныя, такъ и не регулярныя; больше не потребно хоть изъ сихъ послѣднихъ человекъ триста, по надлежащему вооруженныхъ и, если возможно, самаго того новосформированнаго казачьяго полку, отъ котораго прошлаго лѣта были две сотни въ здѣшнюю губернію для искорененія воровъ и разбойниковъ отдѣлены.— Не утруждалъ бы я ваше высокопревосходительство сею прозбою, если бы возможно было спра-

вятся здешними воинскими командами; но они всё, какъ гарнизонный батальонъ, такъ и штатные команды, въ такомъ великомъ не комплектѣ, что за самообходимѣйшими расходами, нельзя отдѣлать изъ нихъ для того употребленія ни малой части; и такъ повторяя за симъ просьбу мою о преподаніи мнѣ безъ замедленія сей нужной помощи и увѣдомленія меня, что по сему учинить изволитѣ, имѣю честь, впрочемъ, ваше высокопревосходительство извѣстить, что я съ первою почтою намѣренъ обо всемъ ономъ всеподданнѣйше донести Ея Императорскому Величеству и правительствующему сенату.

Пребываю впрочемъ съ неизменнымъ высокопочитаемъ и искренностію

Вашего Высокопревосходительства

Милостиваго Государя

покорнейшій слуга

№ 230.

Александръ Карповъ*).

Мая 11, 1792.

Симбирскъ.

Получено апреля 3 дня, 1784 г.

Милостивый государь мой Александръ Александровичъ!

Письмомъ ваше превосходительство уведомляя меня, что въ слѣдствіе высочайшаго Ея Императорскаго Величества повелѣнія, даннаго вамъ въ 14-й день Юлія прошедшаго 1793-го года, употреблено наотправленіе въ хиву майора Бланкенгагеля съ свитою, для леченія тамошнему владетелю *физылъ* Беку *глазной* болѣзни, изъ пограничной суммы приоренбургской экспедиціи имѣющейсѣ четыре тысячи девятьсотъ двадцать девять рублей тритцать пять копѣекъ, просили дабы я о возвратѣ оныхъ попрежнему ету сумму сдѣлалъ кому слѣдуетъ предписаніе: но какъ съ упоминаемаго вами высочайшаго указа копіи кои мнѣ притомъ не доставлено, да и по выправкѣ вправительствующемъ сенатѣ—куда поустановленному порядку отвесехъ мѣсть и особъ совсѣхъ даваемыхъ высочайшихъ указовъ копіи присылаются, таковой въ полученіи не оказалось, а безъ того и къ возврату требуемыхъ вамъ денегъ приступить я немогу, въ разсужденіи чего и прошу покорно васъ милостиваго государя моего, дабы вы съ упоминаемаго высочайшаго указа, по коему употреблѣны означенныя четыре тысячи девятьсотъ

*) Симбирскій губернаторъ.

двѣдцать девять рублей тритцать пять копѣекъ для разрешенія вашего требованія, доставили комнѣ копію. причѣмъ несомнѣваюсь что и впредь въ избѣжаніи въ подобныхъ случаяхъ затрудненія изволите ваше превосходительство притаковыхъ требованіяхъ доставлять комнѣ засвидѣствованныя копіи, съ получаемыхъ вами высочайшихъ указовъ. Въ прочѣмъ пребываю съ непрѣменнымъ почтеніемъ и преданностію.

Вашего превосходительства

Милостиваго Государя моего

Покорный слуга

Марта 8-го дня
1784 года.

Александръ Вышковъ.

Его Превосходительству Пеутлину.

Дубликатъ.

Милостивый Государь Мой Сергій Козмичь. *)

По письму Вашего Превосходительства отъ 15-го минувшаго Іюля, которое представлено было на Высочайшее усмотреніе, Ея Императорское Величество указать соизволила привезенныя Братомъ Бухарскаго Посланника Банкшіева вѣщи камню—лазури двѣдцать восемь пудъ и жемчугу натурального три зерна вѣсомъ въ четыре три осмыхъ золотника отправить сюда въ слѣдъ за симъ посланникомъ съ упоминаемымъ въ томъ письмѣ вашемъ свиты его чиновникомъ на казенномъ иждивеніи, заимствуя потребныя на то деньги изъ суммы определенной на расходы оренбургской экспедиціи пограничныхъ дѣлъ. О чемъ сообщая вамъ Милостивый Государь мой, имѣю честь быть съ совѣршеннымъ почтеніемъ.

Вашего Превосходительства

Покорный слуга

Иванъ Остерманъ.

Въ Санктпетербургѣ
Августа 12, 1796-го года.

Въ креп. омской получено 7 мар. 1801 г.

Милостивый Государь мой Николай Ивановичъ!

По отношенію моему, учиненному къ Его Сіятельству Господину Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Графу Федору Васильевичу Ра-

*) Вязьмитиновъ, Оренбургскій военный губернаторъ.

стопчину. въ слѣдствіе Высочайшаго Его Императорскаго Величества указа, даннаго вашему Превосходительству во 2-й день минувшаго Декабря мѣсяца, касательно Киргисцовъ, получилъ я отъ Его Сіятельства отзывъ въ разсужденіи Пенсіона, опредѣленнаго Нурали Хаана дочери Тойнарѣ, женѣ Коллежскаго Ассессора Хаджи Нуръ Мухамеда *Абзеллева*, бывшей при высочайшемъ Его Величества дворѣ въ 1799 году, по двѣсти рублей въ годъ, что оной пенсіонъ какъ у людей, оставившихъ вовсе свою родину и поселившихся въ Оренбургѣ, кои тамъ по высочайшему соизволѣнію и земли для скотоводства отведены, остановленъ быть не долженъ. Но чему давъ знать о такомъ отзывѣ Оренбургской Казенной Палатѣ, а по основанію онаго предписавъ ей, дабы она выдачу сего остановленнаго Пенсіона продолжала по прежнему, поставляю за нужное увѣдомить о семъ и васъ Милостивый Государь мой.—А какъ сверхъ тѣхъ пенсіоновъ, Киргисскимъ старшинамъ, о которыхъ увѣдомилъ я ваше Превосходительство въ письмѣ моемъ отъ 12 прошедшаго Декабря, назначается къ произвожденію по Оренбургской Губерніи по Имянному Указу отъ 30 Маія 1793 года, меньшей Киргискайсакской орды Султану Секундъ Маіору Ширгазѣ, на содержаніе доколѣ онъ останется въ службѣ по 2000-ру. въ годъ; то для надлежащаго по основанію вышепомянутаго высочайшаго Указа вашему Превосходительству даннаго, соображенія и рѣшенія о сей выдачѣ прошу покорно увѣдомить меня, находится ли нынѣ помянутый Султанъ Ширгаза въ службѣ и въ какомъ званіи, и не получаетъ ли онъ сверхъ сего назначеннаго ему содержанія, особаго по службѣ жалованья, съ присовокупленіемъ вашего милшя, не слѣдуетъ ли и у него означенное опредѣленное ему содержаніе по 2000 р. въ годъ, по основанію Высочайшаго Указа вамъ даннаго быть выдачѣю остановлено.—Пребывая впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ всегда,

Вашего Превосходительства

Милостиваго Государя моего

Покорнѣйшій слуга

Гавріиль Державинъ.

Генваря 37-го дня.

1801 Года.

Его Пр-ву Лаврову.

Милостивый Государь мой Николай Николаевичъ!

По высочайшему Его Императорскаго Величества соизволенію возвращая къ вамъ подателя сего Оренбургскаго казачьяго войска сотника Лысова 2-го, купно съ урядникомъ тогожь войска Соколовымъ и Капраломъ Карабельщиковымъ, да 1-го Тептерскаго полку съ Капраломъ Сагитомъ Яфоровымъ и двумя тогожь полку казаками Бигземъ Бигзевымъ и Абдуль Рахитъ Абдуль Салимовымъ командированный вашимъ превосходительствомъ для препровожденій къ высочайшему Государя Императора двору трехъ жеребцовъ, купленныхъ въ Бухаріи Армяниномъ Кирзевымъ и сюда благополучно доставленныхъ, за долгъ мой поставляю васъ, Милостивый Государь мой, увѣдомить, что при семъ обратномъ ихъ къ вамъ отправленіи выдано помянутому сотнику Лысову для всѣхъ ихъ шестерыхъ на прогоны до Оренбурга и на платежъ пошлинь съ подорожной на шесть лошадей 410 р. и имъ по рукамъ роздано отъ всемилостивѣйшихъ щедротъ въ награжденіе и насодержаніе въ пути помянутому сотнику 80 р., уряднику Соколову 50 р., Капраламъ: Карабельщикову и Яфорову по 40 р. каждому, да двумъ Тептерскаго полку вышеозначеннымъ казакамъ по 30 р. каждому, а всего шесть сотъ восемьдесятъ рублей, о чемъ сообщая за извѣстіе, и всѣхъ ихъ какъ добрыхъ и исправныхъ людей препоручая по прежнему въ милостивое ваше начальство и благопризрѣніе съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть.

Милостивый Государь мой.

Вашего Превосходительства

покорный слуга

Сергѣй Кашкаревъ.

Въ Санктпетербургѣ, Маія 31-го дня 1801 года. Его Пр-у Бахметьеву (Оренб. восп. губернатору).

Милостивый Государь мой Николай Николаевичъ!

По содержанію письма моего къ вашему Превосходительству отъ 22-го минувшаго Іюня препровождая при семъ тысячу рублей, выданныя вами взаимобразно въ Оренбургѣ Армянину Кирзеву на содер-

жаніе въ пути до Санктпетербурга трехъ жеребцовъ, купленныхъ имъ въ Бухаріи и ко двору Его Императорскаго Величества представленныхъ, покорно прошу, пополученіи сихъ денегъ, взятую съ него въ оныхъ росписку ко мнѣ доставить для возвращенія.—А какъ онъ же Кирѣевъ на покупку тѣхъ жеребцовъ завялъ въ Бухаріи у тамошняго жителя Халвекса Байкишіева Бухарскою монетою двести червонныхъ, о коихъ сей бухарець для взысканія и ко мнѣ писать, то я истребовавъ отъ него Кирѣева триста Голланскихъ червонныхъ, кои суммою равны выше означенному числу бухарскихъ, и оныя при семь препровождаю, и прошу для удовлетворенія приказать отдать ихъ съ роспискою помянутому Бухарцу Халвексу, буде онъ въ Оренбургѣ. Есть ли же его тамъ нѣтъ, то отдать съ роспискою жъ по его довѣренности кому принять ихъ поручено будетъ, и ту росписку равномѣрно доставить для приобщенія къ дѣлу.

И въ заключеніи зная добрую вашу душу съ удовольствіемъ увѣдомляю ваше Превосходительство что командированные ваши къ препровожденію оныхъ жеребцовъ чиновники, кои давно уже и обратно къ вамъ отправлены, по представленію моему высочайшимъ Его Императорскаго Величества указомъ все жалованы слѣдующими чинами, о чемъ надѣюсь уже и сообщено вамъ отъ Государственной Военной Коллегіи, съ чемъ и можете ихъ отъ себя поздравить. Впрочемъ съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть,

Милостивый Государь мой,

Вашего Превосходительства

покорный слуга

Сергѣй Кашкаревъ.

Въ С.-Петербургъ, Іюля 25 дня 1801 года. Его Пр. Бахметьеву.

Манифестъ объ армянской торговлѣ.

Божіею милостію мы Екатерина вторая Императрица и Самодержица Всероссийская

и прочая и прочая и прочая.

Нашему Оренбургскому Губернатору Тайному Совѣтнику Князю Путятину. *)

Въ Нашу Коллегію Иностранныхъ дѣлъ отъ 14 Октября 1766 года представили вы, что, хотя при ежегодномъ начатіи въ Оренбургѣ ярманки, прѣзжающимъ на торгъ Азіатскимъ купцамъ объявляется и подтверждается, вестъ себя въ Оренбургѣ при торгу честно и порядочно, и ничегабъ предосудительнаго здѣшнимъ законамъ не дѣлать, но оныя не смотря на то, лѣта уже по два по три, на многія продерзости отваживаются, а минувшаго года лѣтомъ, не только неоднократно пойманы и обличены были въ покупкѣ и препровожденіи въ свою сторону запрещеннаго указами изъ Сената ружья, да нѣсколько человѣкъ и людей здѣшнихъ, оболѣста и подмана, съ собою тайно увезли.

Но какимъ образомъ въ отвращеніи ихъ отъ того, такъ же и въ наказаніи поступать, ни откуда вы наставленія не имѣете по пунктамъ же, въ Камерцъ Коллегіи сочиненнымъ и Сенатомъ опробованнымъ, постановлено въ разсужденіи невѣжества и неискуства азіатцовъ всегда при погрѣшностяхъ ихъ поступать снисходительно, дабы тѣмъ въ желаемомъ разширеніи Коммерціи не причинить помѣшательства и не отлучить Азіанъ вовсе отъ Оренбургскаго торга, но паче придать имъ къ тому торгу вящую охоту.

А по Вашему мнѣнію надлежитъ имъ кромѣ изысканія таковыхъ увозимыхъ ими здѣшнихъ людей въ совершенное ихъ отъ того воздержаніе чинить и наказаніе, по мѣрѣ преступленія ихъ, равно какъ здѣшнимъ поданнымъ чинится, о чемъ вы испрашиваете резолюціи.

Таковое ваше представленіе признается и здѣсь совершенно основательнымъ.

При всемъ желаемомъ распространеніи и умноженіи въ Оренбургѣ и въ другихъ тамошнихъ мѣстахъ съ Азіанами торгу, не пристойно однакожь сносить производимыя отъ нихъ продерзости.

Предписанное и отъ Комерцъ Коллегіи правило чтобъ припогрѣшностяхъ ихъ принимать въ уваженіе ихъ грубость и поступать съ ними снисходительно, такъ же не исключаетъ ихъ вовсе отъ всякаго наказанія.

---

*) Авраамъ Артемьевичъ. Съ 1766—1768.

Когда во всемъ прочемъ будетъ съ ними поступасемо справедливо и съ нѣкоторою ласковостію, то конечно не будетъ причины сомнѣваться о удаленіи ихъ отъ тамошняго торгу и причинимомъ за преступленія изобличаемымъ въ томъ изъ нихъ наказаніи.

Польза отъ тамошней Комерціи для здѣшней и для ихъ стороны равномѣрная и взаимная, потому несмотря на опасность и препятствія, почти ежегодно отъ Киргизкайсака въ проѣздахъ Азіатскимъ караванамъ наносимыя, не было со всемъ тѣмъ такого года, въ которой много или мало Азіантъ къ Оренбургѣ или въ Троицкую крѣпость для торгу не былобъ и въ пріѣздѣ.

Вы можете такимъ образомъ по собственному Вашему разсмотрѣнію за продерзости ихъ безъ всякаго сомнѣнія и наказывать, больше или меньше по важности вины, но какъ они подлинно люди грубые и невѣжды, то и при томъ по предписанію уже и отъ Комерцъ Коллегіи, съ апробаціи Нашего Сената учиненному, такое ихъ состояніе въ нѣкоторомъ разсужденіи имѣтъ надобно.

Выключаются однако изъ того, которыя будутъ изобличены въ увозѣ здѣшнихъ людей, а послѣ паки случатся къ здѣшнимъ границамъ въ пріѣздѣ, таковыхъ, а въ не бытность ихъ самихъ, товарищей ихъ по тѣхъ поръ, пока оныя люди назадъ не поставятся, содержать подъ крѣпкимъ карауломъ и обстоятельно окаждомъ такомъ случаѣ сюда доносить, чтобъ наказаніе ихъ яко настоящихъ злодѣевъ, завися отъ здѣшней резолюціи, могло уже по всей надлежащей строгости распоряжено быть.

Между тѣмъ и впредь при началѣ каждаго года ярманки, Азіатскимъ купцамъ объявлять, и подтверждать должно, чего они остерегаться имѣютъ, дабы тѣмъ больше всегда и основанія было, не упускать оказывающимся изъ нихъ въ какихъ либо не порядкахъ, равно какъ и при всякомъ чинимомъ наказаніи, всемъ прочимъ прилучающимся тогда Азіанамъ должно изъяснять, за что оно дѣлается, чтобъ они видѣли здѣшнюю справедливость, и слѣдовательно на то и не годовать не могли.

Данъ въ С. Петербургѣ, 25 января 1767 года

по Ея Императорскаго Величества указу.

Подписали: Н. Палинъ и К. А. Голлицынъ.

Вѣрно: Коллежскій Регистраторъ М. Ячменевъ.

Копія.

Графъ Александръ Николаевичъ! По предложению хана средней киргизъ кайсацкой Орды Вали съ прибывшими отъ него сюда депутатами присланнымъ относительно получаемаго имъ жалованья, всемилостивѣйше повелѣваемъ производить ему сіе жалованье въ томъ количествѣ, какое получали ханы меньшей Киргизской орды Нурали и Ерали, и именно съ прибавкою къ нынѣ получаемымъ имъ Вали тремъ ста рублямъ, еще трехъ же сотъ рублей, да на хлѣбъ по пятидесяти рублей въ годъ, изъ общихъ государственныхъ доходовъ, начиная съ начала нынѣшняго года, но съ тѣмъ, что бы слѣдуя правилу, какое по волѣ нашей въ производствѣ такового жалованья упомянутому въ меньшей киргизъ-кайсацкой ордѣ хану Ерали наблюдено было, и означенному хану вами для вседневнаго удержанія Его въ должномъ къ начальству здѣшнему повиновеніи, производимо было въ число того жалованья въ первую половину каждаго года по три ста рублей, да на хлѣбъ по пятидесяти рублей, достальныя же по три ста рублей по истеченіи года не иначе, какъ ежели онъ Вали въ поступкахъ своихъ будетъ себя располагать соотвѣтственно званію его и вѣрно-подданныческому къ службѣ нашей долгу не нарушая ни мало присяги, и естли онъ киргизцовъ ему подвластныхъ отъ своевольствъ, какія отъ нихъ производятъ иногда и по границамъ удерживать будетъ, отыскивая и наказывая при томъ согласное повѣденіе съ пограничными начальниками тамошняго края въ исполненіи требованій ихъ по службѣ нашей, что и предоставить на разсмотреніе командующаго сибирскими линіями по сношенію его съ главнымъ начальникомъ уфимской губерніи, которымъ обо всемъ ономъ и не оставите сообщить, учиня сверхъ того и Хану Вали отъ себя отзывъ по прилагаемому здѣсь и нами утвержденному проекту

На подлинномъ подписано собственною ея Императорскаго Величества рукою

Екатерина.

Въ С.-П.бургѣ.

Августа 11-го ч: 1796.

Съ подлиннымъ Свидѣтельствовавъ секретарь Никифоръ Григорьевъ.

Сіятельный и Высокопочтенный Киргизъ Кайсацкой Срѣдней орды Ханъ Вали!

Препровождая съ симъ къ вашему сіятельству присланнаго отъ васъ къ высочайшему двору Ея Императорскаго величества, нашей всемилостивѣйшей государыни, сына вашего бикъ-гали султана съ прочими при немъ, за долгу почитаю извѣстить ваше сіятельство, что они допущены были предъ Высокомонаршее лице Ея Императорскаго Величества и въ бытность свою довольствованы всѣмъ потребнымъ отъ казны Ея величества при отпускѣ же отсюда по высочайшему благоволенію и милосердію Ея Императорскаго Величества сынъ вашъ и старшины награждены чинами, сверхъ того одарены деньгами и разными драгоценными вѣщами, при чемъ почитаю нужнымъ увѣдомить васъ, сіятельный ханъ, касательно всеподданнѣйшихъ прошеній вашихъ съ упомянутымъ сыномъ вашимъ сюда доставленныхъ, что Ея Императорское Величество по безпримѣрному милосердію своему въ разсужденіи прибавки вамъ жалованья всемилостивѣйше соизволяетъ, что бы оное производимо было въ томъ уже количествѣ, какое получали ханы меньшей киргизъ кайсацкой орды Нурали и Эрали, и именно съ прибавкою къ нынѣ получаемымъ вамъ тремъ стамъ рублямъ, еще трехъ же сотъ рублей, да на хлѣбъ по пятидесяти рублей на годъ на томъ самомъ основаніи, на какомъ оное имъ производилось, то есть, ежели ваше сіятельство будете располагать себя въ поступкахъ вашихъ соотвѣтственно всеподданническому вашему къ престолу Ея Величества долгу, ненарушая нисколько присяги вами учиненной, и ежели киргизцы отъ своевольствъ, какіе отъ нихъ производятъ иногда и пограницамъ, удержаны будутъ властію отъ Ея императорскаго величества вамъ дарованною, отыскивая и наказывая виновныхъ и оказывая согласное поведеніе съ пограничными начальниками тамошняго края въ исполненіи требованій ихъ по службѣ Ея Императорскаго Величества, какъ то писано къ вамъ было по волѣ Ея Величества еще и въ 1784 году отъ предмѣстника моего покойнаго дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и разныхъ орденовъ кавалера князя Александра Алексѣевича Вяземскаго: напротивъ того ненаблюденіе всего онаго какъ о томъ и тогда было вамъ изъяснено, можетъ послужить къ лишенію высочайшей монаршей милости и къ поступленію съ виновными и покровительствующими имъ по всей строгости какъ съ сущими ослушниками и неисполнителями повелѣній; что же касается до другаго прошенія вашего относительно отправленія сюда депутатовъ, то ваше сіятельство видя уже изъ всего вышесказаннаго, сколь далеко простирается высочайшее Ея Императорскаго Величества благоволеніе собственно къ вамъ и къ подвластному вамъ народу, можете безъ сумнѣнія быть увѣрены, что сіи присылаемые отъ васъ депутаты

будуть здѣсь всегда, равно какъ нынѣ, принимаемы образомъ соответствующимъ извѣстному Ея Величества великодушію и милости; при всемъ томъ однакожь пристойность требуетъ, что бѣ ваше сіятельство всякой разъ предварительно испрашивали на то дозволеніе посредствомъ командующаго на сибирской линіи, или начальника оренбургской области, къ кому изъ нихъ отнестись о томъ заблагоразсудить вы изволите, которымъ обо всемъ вышеписанномъ нынѣ же дано отъ меня знать. А какъ сверхъ того господинъ генераль-поручикъ Штрандманъ пишетъ сюда о желаніи вашего сіятельства, чтобы подвластному вамъ кипчатской волости Иману Султану опредѣлено было жалованье получаемое предъ симъ умершимъ того султана отцомъ султаномъ маметомъ въ годъ по сту по пятидесяти рублей, и что бѣ атагайской волости старшинъ байжигитъ тархану вмѣсто получаемаго пмъ нынѣ годоваго жалованья деньгами двадцати рублей и пятидесяти пудъ муки, производить въ сравненіе протчихъ и противъ упомянутаго султана мамета по сту по пятидесяти же рублей въ годъ, то вмѣстѣ съ симъ за нужное нахожу ваше сіятельства предварительно увѣдомить, что по полученіи требуемаго нынѣ отъ господина Штрандмана объясненія и сіе обстоятельство безъ разсмотренія и рѣшеніе оставлено не будетъ.—Въ протчемъ пребываю всегда вашего сіятельства доброжелательный и къ услугамъ готовый Ея Императорскаго Величества, Нашей Всемилостивѣйшей Государыни дѣйствительный тайный совѣтникъ, генераль прокуроръ, высочайшаго двора Ея Величества дѣйствительный камер-геръ и кавалеръ російскихъ Императорскихъ орденовъ Святыхъ: Апостола Андрея. Александра Невскаго. Равноапостольнаго князя Владимира большаго креста 1-й степени. Великомучѣнника и Побѣдоносца Георгія 2-го класса, бѣлаго орла и Святаго Станислава.

На подлинномъ подписано:

Графъ Самойловъ

Съ подлиннымъ свидѣтельствовалъ секретарь

Никифоръ Григорьевъ.

Октября 22-го дня

1796-го года

Санктпетербургъ.

Выписка.

Въ письмѣ посланномъ отъ Генерала Прокурора къ Господину Генералу Порутчику и Кавалеру Густаву Густавовичу Штрандману отъ 22-го Октября 1796 года между прочимъ изъяснено слѣдующее:

Препровождая съ симъ обратно депутатовъ присланныхъ къ высочайшему двору Ея Императорскаго Величества Средней киргизъ Кайсацкой Орды отъ Хана Вали, которые такъ и Свита при оныхъ удостоились разныхъ отъ Ея Величества награжденій, о коихъ усмотрите Ваше Превосходительство подробнѣе изъ прилагаемаго здѣсь реестра, имѣю честь увѣдомить, что всесподаннѣйшія прошенія того хана чрезъ упомянутыхъ депутатовъ представленныя относились на два случая: какъ то, 1-е, о прибавкѣ ему жалованья, о которомъ и Ваше Превосходительство по прозбѣ его особенно припосылавъ тѣхъ депутатовъ писать ко мнѣ изволили, 2-е, о позволеніи отправлять ко Двору Ея Величества депутатовъ его и впредь во всякое время беспрепятственно.—По поводу сихъ прошеній каковыя учиненъ мною по волѣ Ея величества означенному хану Вали отзывъ, съ онаго для свиденія вашего превосходительства прилагаю при семъ копію и какъ изъ сего отзыва, такъ и изъ копіи высочайшаго Ея Величества указа, здѣсь же прилагаемой, изволите вы Милостивый Государь мой усмотреть что Ея Императорское Величество всемплоштивѣйше повелеть уже изволила дабы Хану Вали производимо было того жалованья съ прибавкою къ нынѣ получаемому имъ трехъ сотъ рублей, да на на хлѣбъ по 50-ти рублей въ годъ напрописанномъ въ томъ указѣ основаніи, то въ слѣдствіе онаго и предложилъ я нынѣ же колыванской казенной палатѣ, отъ куда и прежде положенныя тому хану въ жалованье триста рублей въ выдачу каждагодно назначаются, дабы слѣдующія ему вали въ прибавку на нынѣшній годъ на хлѣбъ 50-ть, да въ жалованье триста рублей, отпущены были первыя нынѣ же, а послѣднія по истеченіи года въ вѣдомство Вашего Превосходительства по полученіи отъ васъ особливыхъ о томъ требованій; равнымъ образомъ и впредь ежегодно все вообще определенное тому Хану жалованье назначаться будетъ въ отпускъ въ росписаніяхъ экспедиціи о Государственныхъ доходахъ изъ тойже палаты въ вѣдомство Вашего Превосходительства, а потому какъ требованіе сихъ денегъ отъ палаты такъ и дѣйствительная выдача оныхъ Хану зависеть будетъ отъ соображенія Его поступокъ по сношенію вашему съ Правящимъ должностъ Генерала Губернатора Уфимскаго, такъ какъ некоторые роды подчиненныхъ Хану Вали киргизцовъ распространяяся своимъ кочевьемъ противъ леваго фланга оренбургской линіи, дѣлають тамъ разные по границѣ продерзости, въ разсужденіи коихъ Его Превосходительство

Сергій Кузмичъ Вязмитиновъ имѣеть съ нимъ вали о томъ и переписку. какъ то видно изъ всеподданнѣйшихъ Его къ Ея Императорскому Величеству донесеній. на каковой случай по силѣ предписанія въ вышеозначенномъ указѣ и не оставилъ я о всемъ Его Превосходительство нынѣ же увѣдомить о чемъ сообщая вамъ, Милостивому Государю моему, прошу покорно увѣдомить и меня въ свое время для потребнаго свѣденія, когда они хану вали дѣйствительно выданы, или когда сею выдачею удержаны будутъ и по какимъ точно причинамъ. дабы изъ сего можно было судить здѣсь о его поступкахъ.

Секретарь Никифоръ Григорьевъ.

Графъ Александръ Николаевичъ!*) вновь избранному по волѣ Нашей въ меньшей киргизъ Кайсацкой Ордѣ Хану Ишиму повѣлеваемъ производить жалованье изъ Суммы на заграничные по Уфимской губерніи расходы отпускаемой по шести сотъ рублей, да на хлѣбъ по сту рублей, на годъ, со включеніемъ въ число того жалованья и опредѣленнаго ему по указу Нашему отъ 3 ноября 1791 года пенсіона изъ трехъ сотъ рублей въ годъ состоящаго, начиная производство слѣдующихъ по сему въ прибавку съ того дня какъ совершится актъ торжественнаго утвержденія его Ишима въ ономъ достоинствѣ. Мы желаемъ при томъ, чтобы все вообще упомянутое жалованье. слѣдую тому правилу какъ сообщено было отъ васъ по волѣ нашей въ 1793-мъ году къ бывшему Губернатору Уфимскому Генералу Порутчику Пеутлину о жалованье предметнику его, для всегдашняго удержанія онаго Хана въ должномъ къ начальству здѣшнему повиновеніи, выдаваемо было ему Ишиму такимъ образомъ, а именно въ первую половину каждаго года по триста рублей да на хлѣбъ по сту рублей, по другой же половинѣ въ число жалованья производимо было не иначе, какъ ежели онъ ишимъ поступать будетъ въ Отправленіи должности по званію его соотвѣтственно во всемъ верноподданническому его къ службѣ Нашей долгу не нарушая нисколько присяги, что и представить на разсмотрѣніе правящаго должность Генерала Губернатора, а въ небытность онаго Губернатора Уфимскаго съ тѣмъ, чтобы первой изъ нихъ неоставилъ приличнымъ образомъ извѣстить о томъ Хана отъ себя во время личнаго свиданія съ нимъ при вышесказанномъ утвержденіи его въ сіе достоинство, о чемъ и имѣете вы упомянутому правящему должность Генерала Губернатора сообщить.—

*) Самойловъ, Генераль-Прокуроръ и Государственнаго Ассигнаціоннаго банка директоръ.

На подлинномъ подписано собственною Ея Императорскаго
Величества рукою

Екатери́на.

въ Царскомъ селѣ
Іюня 7. ч. 1796 года.

*Съ подлиннымъ свидѣтельствовалъ Начальникъ стола Адрианъ
Дюпати.*

Графъ Александръ Николаевичъ! по представленію къ намъ правящаго должность нашего Генерала Губернатора Уфимскаго Генерала Порутчика вязмитинова, мѣньшей Киргизъ Кайсацкой орды-Султана Айчувака уволивъ отъ присудствія въ совѣтѣ приханѣ той орды, учрежденномъ, всемилостивѣйшѣ повелѣваемъ изъ уваженія на старейшинства его Айчувака въ родѣ производить ему въ пенсіонъ изъ доходовъ Казначействъ Нашихъ то самое жалованье, которое онъ нынѣ посовѣтничьему окладу получаетъ, то есть по триста рублей въ годъ стемъ, ежели поступки его сопровождаемы будутъ непоколебимою вѣрностію и рѣвностію къ Нашему престолу.

На подлинномъ подписано собственною Ея Императорскаго
Величества рукою

Екатери́на.

въ С.-петербургѣ
Августа 11-го числа
1796-го года.

*Съ подлиннымъ свидѣтельствовалъ Начальникъ стола Адрианъ
Дюпати.*

Графъ Александръ Николаевичъ! На выдачу назначеннымъ на Оренбургскую линію и по крепостямъ для содержанія въ нынѣшнѣе лѣто стражи, башкирцамъ и мещерянамъ вмѣсто Провіанта по пятидесяти копѣекъ на каждаго въ мѣсяцъ, испрашиваемыя правящимъ должность Генерала Губернатора Уфимскаго и Симбирскаго, Генераломъ Порутчикомъ вязмитиновымъ на лѣтнія мѣсяцы нынѣшняго года всего шестнадцать тысячъ пять сотъ пятьдесятъ семь рублей, повелѣваемъ ассигновать въ распоряженіе упомянутаго Генерала Порутчика изъ тамошнихъ доходу, на щетъ Казначейства для остаточныхъ суммъ учрежденнаго, приказавъ отпустить ту сумму мѣдною монетою.

Наподлинномъ подписано собственною Ея Императорскаго
Величества рукою:

Екатерина.

въ С. П. бургѣ
Маія 15. ч. 1796. года.

*Съ подлиннымъ свидѣтельствовалъ Начальникъ стола Адрианъ
Дюпати.*

Всеподданѣйшее прошеніе ополчанъ Нижегородской губерніи.

(Послано 3 Февраля 1856 года).

Всемиловитый Государь!

Позволь намъ, вѣрнымъ подданнымъ дворянамъ Твоимъ, испросившимъ какъ величайшую милость Державнаго Родителя Твоего, ополчиться, *со ввѣренными намъ Богомъ людьми*, на защиту всего, что свято сердцу Русскаго: Вѣры православной, Престола Царскаго и любезнаго Отечества! Позволь намъ нынѣ, въ часъ тяжелой скорби, обратиться къ Тебѣ, Государь любящій голосъ нашъ.

Въ Бозѣ почившій незабвенный Родитель Твой милостиво принялъ нашу просьбу и созвалъ ополченіе; съ восторгомъ и радостью покинули мы свои отчины, свои семья, и вѣрный народъ Твой любовно ополчился съ нами!

Все мы шли съ твердой надеждой на Бога и помощь Его потому, что знали, что идемъ за дѣло Божье и что никакія силы, поднятыя неправдой, не сокрушатъ союза Русскаго Царя съ Его народомъ!

О Государь! Какими словами выразить Тебѣ ту скорбь, которая поразила сердца наши, когда прочли мы въ Вѣдомостяхъ Отечественныхъ, что Ты, по милосердію Своему, щадя нашу кровь и достоиніе, готовъ согласиться на миръ, предложенный врагами нашими, которые просятъ уступки земли Русской и держатъ помышлять, чтобы Ты правилъ своими морями съ согласія врага Христіанства отъ ига коего Твой Родитель звалъ насъ избавить, Православныхъ братьевъ нашихъ! Много крови и достоинства отдали уже мы Тебѣ съ любовью за дѣло святое и нынѣ молимъ Тебя, Государь, припадая къ стопамъ Твоимъ, заклиная именемъ Спасителя, крестомъ коего Ты украсилъ главы наши, не жалѣй крови нашей, не щади нашихъ отчинъ, отринь съ негодованіемъ предложеніе враговъ, покуда не восторжествуемъ надъ неправдой! Твердо вѣруемъ, что не тщетны наши упованія на Бога, что несоборима святость Твоего дѣла,—но если мы ошибаемся, то позволь, Государь, намъ прежде пасть до послѣдняго, во главѣ сражающагося народа Твоего,—и тогда пусть берутъ враги опустѣлыя земли наши и синія моря!

Прости, Государь! Сей вопль—тоска, который мы передъ тобой. Державнымъ отцемъ нашимъ, изливаемъ, быть можетъ, несогласна съ правильнымъ ходомъ Всеподданнѣйшихъ прошеній.—но во времена столь тяжкія, мы надѣемся, что вѣрноподданнѣйшія чувства наши извинятъ въ Твоихъ высокихъ очахъ неправильность формы.

Сообщилъ Безсмертный.

Мартъ 1913 года.

ную пользу Россіи. Слава энергичнаго и честнаго человѣка остается за нимъ даже въ наши дни, когда живы лишь немногіе изъ знавшихъ его. Повидимому, Бар. А. И. Дельвицъ велъ дневникъ, записывая въ немъ важное и неважное, и подъ конецъ жизни, переѣхавъ этотъ дневникъ въ „Воспоминанія“. Отсюда обиліе въ послѣднихъ именъ, названій, чиселъ и мелкихъ подробностей; отсюда же и сравнительно-скромный ихъ интересъ для современнаго читателя. Только послѣдніе два тома болѣе живы, гдѣ авторъ рассказываетъ о желѣзнодорожномъ строительствѣ въ Россіи 60-хъ и начала 70-хъ годовъ минувшаго столѣтія. Такъ какъ онъ въ это время занималъ уже значительный постъ въ вѣдомствѣ путей сообщенія, то предъ читателемъ являются разнообразныя строители желѣзныхъ дорогъ, иностранцы и русскіе, христіане и евреи, и онъ имѣетъ рассказы объ фонъ-Дервизѣ, Губонинѣ С. Поляковѣ, Варшавскомъ, Кербедѣ и связанныхъ съ ними тѣми или другими отношеніями разныхъ высокопоставленныхъ и власть имущихъ лицахъ.

Впрочемъ, и въ первыхъ двухъ томахъ много отдѣльныхъ подробностей и характеристикъ, которыя пригодятся историку (между прочимъ свѣдѣнія о Венгерской кампаніи 1848 г., въ которой авторъ участвовалъ). Бар. А. И. Дельвицъ не разъ посѣщавъ разные концы Россіи, не разъ былъ за границую и ему пришлось видѣть много и встрѣчаться со многими. А.

Московскій митрополитъ Платонъ (1737—1812 г.). Магистра богословія **Н. П. РОЗАНОВА**. Спб. 1913. Изданіе Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Имп. Александра III.

Среди торжествъ по празднованію юбилеевъ славныхъ событій, мы забыли

о скромномъ юбилеѣ—о столѣтіи со дня кончины знаменитаго въ свое время проповѣдника и перваго историка русской церкви, митрополита Платона. Спасибо издателямъ. Авторъ книжки не принадлежитъ къ числу безусловныхъ почитателей Платона. Рядомъ съ похвалами у него встрѣчаются очень жестокия выраженія и вообще его трудъ не имѣетъ юбилейнаго характера. Тѣмъ лучше. Книжка состоитъ изъ главъ: „жизнь митрополита Платона“, „Митрополитъ Платонъ какъ администраторъ“, „Митрополитъ Платонъ въ отношеніи къ расколу“, „Митрополитъ Платонъ въ своемъ отношеніи къ духовно-учебнымъ заведеніямъ“, „Митрополитъ Платонъ, какъ проповѣдникъ“, „Митрополитъ Платонъ, какъ ученый богословъ“, „Митрополитъ Платонъ въ отношеніи къ Высочайшимъ особамъ“, „Характеръ митрополита Платона“. Изложеніе общедоступное, не загроможденное выписками и ссылками. А.

Столбцы бывшаго Архива Оружейной Палаты. Описалъ Архивариусъ Московскаго Отдѣленія Общаго Архива Министерства Имп. Двора **АЛЕКСАНДРЪ УСПЕНСКІЙ** Изданіе Общаго Архива Министерства Имп. Двора. Выпускъ I-й. М. 1912. Выпускъ II-й М. 1913. Цѣна 2 р. 50 к. за вып.

Столбцы главнымъ образомъ говорятъ о выдачѣ разнымъ лицамъ суконъ, мѣховъ, серебряныхъ ковшей и т. п., назначенныхъ въ награду отъ царя за службу, приѣздъ, выѣздъ, крещенье и т. п. Лишь немногіе изъ нихъ заключаютъ въ себѣ приказанья о выдачѣ денежныхъ суммъ. Тѣ 1234 столбца, которые описаны или изданы, даютъ большое количество разнообразныхъ свѣдѣній о многихъ историческихъ лицахъ за первую половину XVII в.

А.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1913 годъ.

(Годъ 51-ый).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1913 году, за двѣнадцать выпусковъ съ пересылкой и доставкой девять рублей, для чужихъ краевъ двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ въ конторѣ Русскаго Архива на Садовой у Ермолая, въ домѣ 21 (на дворѣ) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени.“

Контора открыта ежедневно кромѣ праздниковъ отъ 10 до 4 час. дня.

Книгопродавцамъ контора дѣлаетъ уступку 5%.

За перемѣну адреса тридцать копѣекъ.

Журналъ выходитъ на старыхъ основаніяхъ съ привлеченіемъ новыхъ сотрудниковъ.

Жалоба на неіолученіе принимается лишь въ теченіе мѣсяца со дня выхода книжки, при чемъ жалобщикъ долженъ заявить № своей бандероли, что и при перемѣнѣ адреса.

Въ видѣ приложенія подписчикамъ будетъ разослано собраніе статей и примѣчаній почившаго составителя „Русскаго Архива“ Петра Ивановича Бартечева.

Отвѣтственный редакторъ Н. С. Бартечева.

Издатель и составитель Петръ Бартечевъ (младшій).

ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ

РУССКІЙ АРХИВЪ

1913

11

стр.

599. Мои воспоминанія или событія въ моей жизни. Записки М. Леонтьева. Часть III.

618. Письмо А. П. Зонтагъ къ А. П. Кирѣвской. Сообщено М. В. Бзерь.

621. Изъ Кавказской старины. Воспоминанія А. Аноева.

647. Записки Сенатора И. В. Лолухина.

679. Дѣло книзей Телятевскихъ съ Суздальскимъ Спасо-Евфиміевскимъ монастыремъ 1586 года. Статья Л. М. Савелова.

694. Письмо Жуновскаго къ Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ.

718. Къ исторіи Большого Дербета. Статья С. Фарфоровскаго.

721. Къ вопросу о положеніи духовенства въ царствованіе Екатерины II-й. Ст. Н. Г. Высоцкаго.

739. Переписка Кристина съ княжной Турнестановой.

Внутри обложки. О книгахъ: «Юбилейный сборникъ Воронежскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Комитета въ память 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ»; «Сборникъ статей въ честь Дмитрія Омича Кобеко»; «Владиміръ Андреевичъ Гринмутъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности»; Проф. П. М. Покровскаго, «Русскія епархіи въ XVI-XIX вв., ихъ открытіе, составъ и предѣлы»; Свящ. П. Крылова, «Г. Красный Холмъ и его соборы»; Александро-Шевская Лавра. С. Г. Рункевича. 1713.—1913.

МОСКВА

Синодальная Типографія

1913

Юбилейный сборникъ Воронежскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Комитета въ память 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ. Воронежъ, 1913.

Скромная книжка въ 40 страницъ содержитъ въ себѣ краткія свѣдѣнія о празднованіи 300-лѣтія Комитетомъ, и двѣ рѣчи, при этомъ празднованіи произнесенныя. Первая изъ рѣчей, г. Долгополова, имѣетъ своимъ предметомъ избраніе на царство М. Романова. Она составлена тщательно и, вѣроятно, была выслушана съ интересомъ. Вторая, свящ. Звѣрева, озаглавлена: „Воронежскій край 300 лѣтъ назадъ“. Она болѣе самостоятельна и даетъ картину Воронежскаго края, достаточно ярко нарисованную и вполне научно обоснованную; цѣнность ея не подлежитъ сомнѣнію.

А.

Сборникъ статей въ честь Дмитрія Ѳомича Кобеко.

Отъ сослуживцевъ по Имп. Публичной Библіотекѣ. Съ приложеніемъ портрета. Соб. 1913.

Сослуживцы Д. Ѳ. Кобеко издали рядъ статей и замѣтокъ самого разнообразнаго содержанія и значенія, изъ которыхъ лишь немногія имѣютъ цѣну. Отмѣтимъ: „Замѣтка о Катихизисѣ Ѳеодана Прокоповича“ В. В. Майкова, „Къ вопросу о православіи Ѳ. Прокоповича“, А. В. Карташева, „О воинскихъ уставахъ Имп. Павла“ Н. Д. Чечулина, „Одно изъ послѣднихъ стихотвореній Батюшкова“ И. А. Бычкова, „Отношеніе Пушкина къ музыкѣ“ Л. А. Саккетти, „С. А. Соболевскій“, В. И. Сантова; сверхъ того: „Къ чину царскаго коронованія въ

Византіи“, Х. М. Лопарева, и „Два митрополита“ (XIV в., св. Алексій и Романъ) Н. П. Лихачева.

Сборникъ изданъ прекрасно и имѣетъ, кромѣ портрета Д. Ѳ. Кобеко, также списокъ его литературныхъ трудовъ.

А.

Владиміръ Андреевичъ Грингмутъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности. Москва 1913 г., 124 стр.

Названная книга представляетъ отрадное явленіе въ современной русской печати. Написанная живымъ слогомъ, она близко знакомитъ съ любопытною жизнью и замѣчательною дѣятельностью московскаго публициста, извѣстнаго редактора—издателя „Московскихъ Вѣдомостей“ (1897—1907 гг.) и достойнаго преемника знаменитаго М. Н. Каткова. Въ этой любовитной книгѣ, на основаніи историческихъ документовъ, писемъ и воспоминаній, подробно изображены „дни и труды“ покойнаго защитника монархической власти въ Россіи, начиная съ его юныхъ лѣтъ, продолжая долгою службою въ Императорскомъ Лицѣ Цесаревича Николая и кончая послѣдними годами, посвященными имъ издательству газеты и созиданію „Монархической партіи“ въ тяжелое время, такъ называемаго, „освободительнаго движенія“ (1905—1907 гг.)

Нельзя не прибавить, что эта выдающаяся по содержанію книга заключаетъ въ себѣ до полусотни снимковъ, прекрасно живописующихъ текстъ: она изящно издана типографіей Товарищества А. А. Левелсонъ, широко извѣстной своими многими художественно-выполненными работами.

М.

Вышла изъ печати новая книга:

Владиміръ Андреевичъ Грингмутъ.

Очеркъ его жизни и дѣятельности.

Съ многочисленными рисунками въ текстѣ, двумя факсимиле. ПОРТРЕТОМЪ-ГРАВЮРОЙ и видомъ памятника (въ двухъ краскахъ) на отдѣльныхъ листахъ.

Цѣна 1 руб., роскошное изданіе на мѣловой бумагѣ 2 рубля.

Складъ изданія: Москва, Зубовскій бульварь, д. 29, кв. 15, у Е. П. Матасовой.

Здѣсь же можно получить **СОБРАНІЕ СТАТЕЙ В. А. ГРИНГМУТА** въ 4-хъ томахъ за 4 рубля.

Москва Синодальная типографія, 1913 г.

хvii-й годъ
изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 ГОДЪ НА

хvii-й годъ
изданія.

ИЗВѢСТІЯ ПО ЛИТЕРАТУРѢ

НАУКАМЪ и БИБЛІОГРАФІИ

ВѢСТНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ

НЕОБХОДИМЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ИНТЕЛЛИГЕНТНЫХЪ ЧИТАТЕЛЕЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ Т-ВОМЪ М. О. ВОЛЬФЪ.

КАЖДЫЙ НУМЕРЪ ЗАКЛЮЧАЕТЪ ВЪ СЕБѢ:

1. Иллюстр. статьи по вопросамъ литературы, науки и библіографіи.	8. Хроника литературнаго міра въ Россіи.
2. Литературныя воспоминанія и біографіи, съ портретами, автографами и пр.	9. Русскія книжныя новости.
3. Критическіе очерки о новыхъ книгахъ и новыхъ течен. въ литерат. въ Россіи и за границею.	10. Вѣсти изъ Франціи, Германіи, Англій и др. странъ.
4. Историко-литературныя изслѣдованія.	11. Россика (свѣдѣнія о переводахъ по иностран. яз.)
5. Статьи по техникумъ чтенія.	12. Новости по библіот. дѣлу и библіогр.
6. Обзоръ текущей литературы русской и иностранной.	13. Отзывы и рецензіи о новыхъ книгахъ.
7. Иллюстраціи: снимки съ выдающихся книгъ, портреты, виды, библіотечные знаки, карикатуры и пр. и пр.	14. Справки, касающіяся книгъ.
	15. Ежемесячныя каталоги новыхъ книгъ русскихъ, франц., нѣм., англ.
	16. Библіографическія извѣстія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: Систематическіе каталоги по разнымъ отраслямъ знаній, общимъ и спеціальнымъ, иллюстрированные проспекты новыхъ книгъ, анкеты по вопросамъ, касающимся чтенія литературы и пр.

1 Р. Годовая подп. цѣна „Извѣстій по ЛитературѢ“ и „Вѣстника Литературы“, съ дост. и перес. 1 Р. Съ перес. за границу—1 р. 50 к. (=4 франка). 1 Р.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. ВОЛЬФЪ: въ С.-Петербургѣ: 1) Гост. дв., 13 и 2) Невскій пр., 13; въ Москвѣ: 1) Кузнецкій Мостъ, 12, д. Джамгаровыхъ и 2) Моховая ул., 22, д. Чижова и Курындиной (противъ университета).

Москва. Синодальная типографія. 1913 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 ГОДЪ
ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО.

ДВА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЕ иллюстрированные журнала для дѣтей и юношества, основанные С. М. МАКАРОВОЙ и издаваемые подъ редакціей П. М. ОЛЬХИНА.

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-го НОЯБРЯ 1913 г.
ПЕРВЫЕ №№ ВЫСЫЛАЮТСЯ НЕМЕДЛЕННО.

Гг. годовые подписчики журнала «З. Сл.» для дѣтей

МЛАДШАГО ВОЗРАСТА

(отъ 5 до 9 лѣтъ) получать

52 №№ и 48 премій,

въ числѣ которыхъ:

БОЛЬШАЯ СТѢННАЯ КАРТИНА „ЦАРЕВИЧЪ УЧИТСЯ“, исполненная по оригиналу худ. К. Лебедева хромолитографіей въ краскахъ.

12 ЗАНИМАТЕЛЬНЫХЪ ИГРЪ, работъ, рукодѣлій и т. п. для вырезыванія и склеиванія, въ видѣ раскрашенныхъ и черныхъ листовъ а именно:

КЛОУНЪ БИЛЪБОКЕ. КАРУСЕЛЬ. ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ. ПОЛКА ДЛЯ ЦВѢТОВЪ. КУКОЛКИНЪ ЗОНТИКЪ. ТОЧИЛКА ДЛЯ КАРАНДАШЕЙ. ВЕРТЯЩИЕСЯ ПЯЦЪ. ВОЗДУШНАЯ ДОРОГА. МАЛЕНЬКІИ КОЛОДЕЦЪ. БУМАЖНАЯ КРѢПОСТЬ. ВСЯ КУХНЯ. НАША ДЕРЕВНЯ.

6 ТАБЛИЦЪ „ТЕАТРЪ ЗВѢРЕЙ ДЛЯ ЗАБАВЫ ДѢТЕЙ“, въ краскахъ, съ текстомъ В. Мазуревича.

6 ВЫП. „БОЛЬШОЙ КОРОЛЬ“. Новѣсть-сказка Л. А. Чарской, съ иллюстр. И. Гурьева.

4 ВЫП. „МАЛЕНЬКІЙ СЧЕТЧИКЪ“, съ многими рис., составили Н. Анненскій и И. Гурвичъ.

8 ВЫП. „НОВЫЙ МУРЗИЛКА“. Приключенія лѣнч. человечковъ (Новая серія), съ рис. П. Кюкса.

6 ВЫП. „МОЙ КИНЕМАТОГРАФЪ“, 100 картинъ, видовъ, сценъ и пр., съ краткимъ объяснительнымъ текстомъ.

4 КАРТИНКИ ДЛЯ РАСКРАШИВАНІЯ, для маленькихъ дѣтей съ образцами.

12 ВЫП. „МАЛЕНЬКІЙ ВСЕМІРНЫЙ ИСТОРИКЪ“. Составилъ С. Ф. Литвинцевъ, съ мног. рис.

КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТРЪ СКАЗОКЪ, пьеска съ декораціями, фигурами и пр. для вырезыванія и склеиванія.

6 ТЕТРАДЕЙ „ЗАЙМИСЬ, ДРУЖОКЪ“. Занятія для дѣтей младшаго возраста.

6 КНИЖЕКЪ „ВЕСЕЛЫЙ МІРОКЪ“. Рисунки Бенжамена Рабье, тексты В. Мазуревича.

АЛЬБОМЪ УЗОРОВЪ, для выкалыванія и вышиванія.

ШКОЛА НАЧИНАЮЩАГО РИСОВАЛЬЩИКА.

ПОДВИВИЖНОЙ КАЛЕНДАРІКЪ СЪ БУМ. ЛЕНТАМИ.

и мног. друг.

Кромѣ того, при каждомъ изданіи будутъ высылаться «ДѢТСКІЯ МОДЫ»

и «ЗАДУШЕВНОЕ ВОСПИТАНІЕ».

Подписная цѣна каждаго изданія «Задушевнаго Слова», со всеми объявленными преміями и приложеніями, съ доставкой и пересылкой, — за годъ **ШЕСТЬ руб.**

Допускается разсрочка на 3 срока: 1) при подпискѣ, 2) къ 1 февраля и 3) къ 1 мая — по **2 р.**

Съ требованіями, съ обозначеніями изданія (возраста), обращаться: въ конторы «ЗАДУШЕВНАГО СЛОВА», при книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ—С.-ПЕТЕРБУРГЪ:

1) Гостин. Дв., 18, или 2) Невскій, 13.

ЗА ГОДЪ—6 рублей, РАЗСРОЧКА—по 2 рубля.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 ГОДЪ
ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО.

ДВА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЕ иллюстрированные журнала для дѣтей и юношества, основанные С. М. МАКАРОВОЙ и издаваемые подъ редакціей П. М. ОЛЬХИНА.

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-ГО НОЯБРЯ 1913 г.
ПЕРВЫЕ №№ ВЫСЫЛАЮТСЯ НЕМЕДЛЕННО.

Гг. годовые подписчики журнала „З. Сл.“ для дѣтей

СТАРШАГО ВОЗРАСТА

(отъ 9 до 14 лѣтъ) получать

52 №№ и **48** **ПРЕМИЙ,**

въ числѣ которыхъ:

- 12 ТАБЛИЦЪ „ГРИБНОЕ ЦАРСТВО“ хромо-литогр. альбомъ, съ объяснительн. текстомъ.
- 12 ВЫП. „ПИСЕМСКІЙ ДЛЯ ДѢТЕЙ“. Собрание избр. соч. знам. писат. подъ ред. Н. Лернера, съ ил. (Новая серія).
- 2 ВЫП. „АЛЬБОМЪ СОБИРАТЕЛЯ РѢДКИХЪ МАРОКЪ“, съ объяснительн. текстомъ.
- 8 ВЫП. „ВЕЛИКІЕ МИРА“. Галерея историческихъ лицъ, въ повѣствовательныхъ очеркахъ М. А. Лятскаго. Съ портретами, снимками съ картинъ и пр. (Новая серія).
- 12 ТАБЛИЦЪ въ краскахъ „ЧТО НАДО ЗНАТЬ КАЖДОМУ“. Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ, съ текстомъ проф. Бернарда Мейора.
- 6 ВЫП. „КНИГА НОВЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ“, Л. А. Чарской, съ ил.-люстр.

- 12 №№ „ЗАДУШЕВНОЕ ЭХО“. Листокъ кружка корреспондентовъ и корреспондентокъ „Зад. Сл.“.
- 4 КНИЖКИ „БИБЛИОТЕКИ СПОРТА“, игры для юношества, а именно: ФУТБОЛЬ. КАТАНИЕ НА КОНЬКАХЪ. СКАУТИНГЪ. ДОМИНО.
- 8 ВЫП. „ИСТОРИЯ КНИГИ ВЪ РОССИИ“, со врем. Петра Великаго, сост. С. Ф. Либровичъ, съ мног. ил.
- 10 ВЫП. „ЗНАМЕНИТЫЕ РУССКІЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ“. Биограф. очерки и рассказы Виктора Русанова, съ портр.
- 3 ВЫП. „АЛЬБОМЪ ЛЕГКИХЪ РУКОДѢЛІЙ“, съ объяснительнымъ текстомъ.
- 10 НОВЫХЪ ИГРЪ И РАБОТЪ, для вырѣзыванія, склеиванія и пр. для мальчиковъ и дѣвочекъ старш. возр.
- 4 КНИЖКИ „БИБЛИОТЕКИ ПОЛЕЗНЫХЪ ЗНАНІЙ“, для юношества, съ ил., а именно: КИНЕМАТОГРАФЪ. ТЕРРАРИУМЪ. ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ. ГЕРБАРИУМЪ.
- 10 ВЫП. „ТРЕТЬЯ КНИГА ЧУДЕСЪ“. Натаніэля Готорна съ ил. Гранвилля и др. худ.
- СПУТНИКЪ ШКОЛЫ. Календарь и записная книжка для учащихся на 1911-15 уч. годъ въ издан. колѣня. перенд. и мног. друг.

Кромѣ того, при каждомъ изданіи будутъ высылаться **„ДѢТСКІЯ МОДЫ-**
и „ЗАДУШЕВНОЕ ВОСПИТАНІЕ.“

Подписная цѣна каждаго изданія **Задушевнаго слова**, со всеми объясненными преміями и приложениями, съ доставкой и пересылкой, — за годъ **ШЕСТЬ руб.**

Допускается разсрочка на 3 срока: 1) при подпискѣ 2) къ 1 февраля и 3) къ 1 мая — по 2 р.

Съ требованіями, съ обозначеніями изданія (возраста), обращаться: въ конторы **„ЗАДУШЕВНАГО СЛОВА“**, при книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ — С. — ПЕТЕРБУРГЪ:

1) Гости. Дв., 18, или 2) Невскій, 13.

ЗА ГОДЪ — 6 рублей, РАЗСРОЧКА — по 2 рубля.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВЫЙ (7-ОЙ) ГОДЪ ИЗДАНІЯ

сентябрь 1913—сентябрь 1914 г.

Е Ж Е М Ъ С Я Ч Н А Г О Ж У Р Н А Л А

„СВОБОДНОЕ ВОСПИТАНІЕ“.

(Органъ реформы школьнаго и семейнаго воспитанія и образованія.)

Подъ редакціей И. ГОРБУНОВА-ПОСАДОВА.

„Свободное Воспитаніе“ имѣетъ своею цѣлью разработку вопросовъ о такомъ воспитаніи и образованіи, которое основано на самостоятельности, на удовлетвореніи свободныхъ запросовъ дѣтей и юношества и на производительномъ трудѣ, какъ необходимой основѣ жизни.

Въ связи съ основной задачей журнала стоятъ слѣдующія задачи: 1) разработка вопроса о реформѣ личной, семейной и общественной жизни въ смыслѣ измѣненія самыхъ условий воспитанія и 2) содѣйствіе защитѣ дѣтей отъ жестокости и эксплуатаціи.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Статьи по вопросамъ умственнаго, нравственнаго, физическаго, школьнаго и семейнаго воспитанія, образованія и самообразованія.—2) Статьи о семейной, школьной и общественной жизни съ точки зрѣнія интересовъ воспитанія и образованія.—3) Статьи о материнствѣ и воспитаніи ребенка въ первые годы жизни.—4) Статьи и очерки по вопросамъ защиты дѣтей отъ жестокости и эксплуатаціи.—5) Статьи о свободнoобразовательныхъ начинаніяхъ.—6) Статьи и очерки по ручному труду (земледѣльческому и т. д.).—7) Очерки и статьи по природовѣдѣнію, устройству экскурсій и т. д. 8) Очерки по вопросамъ гигиены дѣтства и юношества. 9) «Изъ книги и жизни». Обзоръ журналовъ, книгъ и газетъ по вопросамъ воспитанія и образованія.—10) Переписка между родителями, воспитателями, учителями и вообще всеми интересующимися вопросами реформы воспитанія и образованія.—11) Вопросы и отвѣты редакціи и читателей.—12) Библиографія.—Многія статьи иллюстрируются рис., изображающими передовыя школы, дѣтскія работы и т. д. и т. д.

СОТРУДНИКИ ЖУРНАЛА:

Въ журналѣ принимаютъ участіе: И. А. Беневскій, Ю. П. Ванеръ, д-ръ А. С. Буткевичъ, К. П. Венцель, Ю. А. Вессловскій, Е. Е. Горбунова И. П. Горбуновъ-Посадовъ, А. А. Грозбагъ, И. П. Гусевъ, А. Г. Дауръ, д-ръ А. Дернова-Ярмоленко, С. Н. Дурьминъ, А. Я. Зеленко, А. С. Зоновъ, д-ръ П. А. Кабановъ, О. В. Кайдановъ, П. С. Кучичко, А. Котиевъ; М. М. Клечковскіи, А. П. Коншинъ, П. Крутскія, М. и С. Левашины, И. П. Накашидзе, П. Останин, А. П. Печковскій, О. В. Полягастаи, Е. П. Поповъ, А. Б. Петрицевъ, В. В. Петровъ, д-ръ В. В. Рагмановъ, П. А. Рубакинъ, профес. П. Е. Рыншинъ, И. М. Соловьевъ, Е. К. Соложнинъ, Т. Л. Судомина, Е. Я. Фортианатова, д-ръ А. Фортианатовъ, К. А. Фортианатовъ, Г. Г. Черкезовъ, С. Т. Шацкій, Л. К. Шлегель, д-ръ А. Шварцъ и мн. др.

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЧИТАЕТСЯ съ 1-го СЕНТЯБРЯ. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На 1 годъ съ доставкой и пересылкой 3 руб., на полгода 1 р. 50 к. Для сельскихъ учителей съ доставкой и пересылкой на годъ — 2 руб., на полгода 1 руб. Подписка принимается—въ Москвѣ: въ конторѣ редакціи «Свободнаго воспитанія» (Дѣвичье поле, Трубецкой пер. д. 8).

Предыдущіе годы можно выписывать за 3 руб. каждый годъ съ пересылкой—Отдѣльные №№ 25 коп. безъ пересылки.

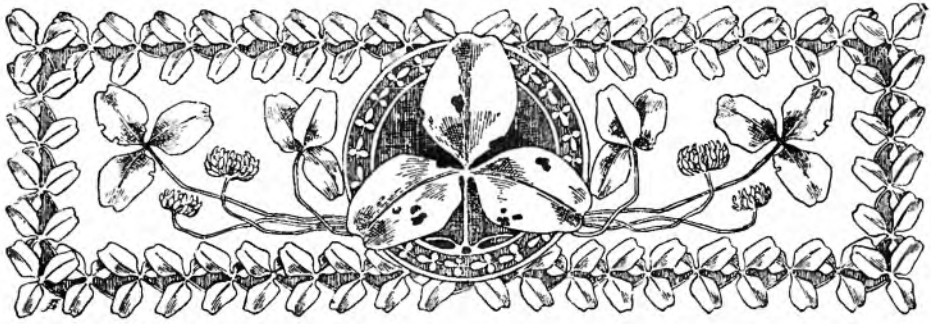
Издатель А. Н. Коншинъ.

Редакторъ И. Горбуновъ-Посадовъ.

Москва. Синодальная типографія. 1913 г.

Мои воспоминанія или событія въ моей жизни

Часть III-я.

1829 года Февраля 13-го дня въ сельцѣ Красномъ.

Записки М. Леонтьева.

Кто Богъ велий, яко Богъ нашъ?
Ты еси Богъ! твориши чудеса.

Глава I.

Составъ нашего семейства, образъ моей жизни, предположенія мои къ дальнѣйшему проведению оной съ моей матерью, поѣздка въ Тамбовъ и прочее по конецъ 1809-го года.

1809-ый годъ.

Устранясь отъ шума войны и мерзкихъ удовольствій, я желалъ обрѣсти миръ и спокойствіе въ сельской жизни, въ семействѣ родныхъ моихъ. Въ сіе время покойная мать моя жила, какъ сказалъ я прежде, въ селѣ своемъ Подсосенкахъ съ двумя моими сестрами Натальей и Александрой и съ покойнымъ теперь братомъ Алексѣемъ. Предполагая, что никому не помѣшаю, я въ отвращеніе всякихъ неудовольствій отдалъ весь деревенскій доходъ мой до 700 рублей простиравшійся въ кассу семейства, предоставляя себѣ пансіонъ изъ 336 рублей ассигнаціями состоящій, и кровью моею приобрѣтенный, на собственныя мои издержки. Въ сей увѣренности по назначенію матушки занявъ флигель, изъ двухъ комнатъ состоящій, я поселился въ немъ, проводя время частію въ чтеніи покупаемыхъ мною книгъ, частію занимаясь съ матушкою въ

игру бостонъ для ея удовольствія. Наступившее вѣкорѣ лѣто доставляло мнѣ пріятнѣйшія прогулки по тамошнему прекрасному саду, и я часто, взойдя на устроенную высоту названную Парнасомъ, проводилъ тамъ по нѣсколькѣ часовъ, любуясь прекрасными видами на нѣсколькѣ селъ и извиственную рѣку простиравшимися. Такъ проводя время, я почиталъ себя счастливейшимъ человѣкомъ. Я надѣялся на долю вести таковую семейственную жизнь и тѣмъ избѣгнуть скучного и обременительнаго, одиночества при тогдашнемъ моемъ состояніи, простиравшимся до 20 душъ населенія на своей Красновской, совсѣмъ пустой, усадьбѣ. Въ началѣ іюня отправились мы всѣ въ Тамбовъ на ярмарку, гдѣ я на привезенныя съ собою изъ полка деньги, въ заслуженномъ жалованьи и раціонахъ состоящія, одѣлся какъ надобно, сшивъ себѣ довольно разнаго платья. Тамъ познакомился я съ нѣкоторыми помѣщиками, которыхъ болѣе и не видалъ послѣ индѣ; изъ Тамбова возвратясь въ Подосенки мы, по похвальному тогдашнему обыкновенію ѣздить взадъ и впередъ, пустились въ Ецифанскую деревню Есенокъ, гдѣ я въ Августѣ получилъ орденъ св. Владимира 4-ой степени съ бантомъ за геройское сраженіе. Сія награда вовсе несоотвѣтственная моей службѣ много однако меня порадовала, и покойная мать моя праздновала сіе событіе большимъ обѣдомъ. Въ исходѣ сентября мы, обратно возвратясь въ Подосенки, принялись за свой обыкновенный образъ жизни и наступившая зима заставила насъ жить постоянно въ сей деревнѣ. Такъ окончился 1809-й годъ. Признаюсь, что мнѣ и тогда на 24 году моей жизни частыя сіи путешествія безъ цѣли и нужды вовсе не нравились, но тогда не знали еще мудраго правила Жюльена, что: „надобно безвыѣздно и твердо расположиться своею осѣдлостію, дабы хорошо управлять своимъ состояніемъ, здоровьемъ, семействомъ и жизнью.“ (См. 2-ю книгу, ст. 32-ая о употребленіи времени).

Глава II.

Коварство, происки и отъѣздъ въ Красное 1810-го года.

Недолго продолжалось для меня спокойное жительство съ моею матерью въ Подосенкахъ, надлежало мнѣ вновь испытать если не совершенную нищету, то тягостный во многомъ недостатокъ и устраняться своимъ домою, чего мнѣ очень, очень не хотѣлось, зная свое маленькое состояніе.

Вышедшій въ семь году въ отставку братъ мой Алексѣй пачалъ ухитряться въ полученіи всего матушкина имѣнія себѣ, въ семь его

предпріятіи я конечно былъ лишній, и надлежало прежде всего меня сбыть съ рукъ; съ симъ намѣреніемъ, Алексѣй и Наталья съ нимъ единомысленная, начали тѣмъ, что матушкѣ, любившей хорошій столъ, стали дѣлать оный дурной и на послѣдовавшее за симъ довольно жаркое объясненіе доложили, что много идетъ лишняго противъ прежняго, намекая весьма ясно на меня, но, видя, что я въ молчаніи переношу ихъ наглое нападеніе, рѣшились уже прямо сказать мнѣ, что моего дохода мало на мое содержаніе, и я избѣгая дальнѣйшей непріятности принужденъ былъ изъ третняго пансіона своего дать еще Натальи 30 асс. на наступившій великій постъ, на рыбу, которая, по ея словамъ, очень вздорожала. Наконецъ, видя, что меня и сіе не раздражаетъ, въ общемъ совѣтѣ Алексѣй и Наталья положили лишнить меня услуги и посему приказали ходившему за мною человѣку матери моей сказаться больнымъ, а мнѣ, лишенному услуги, ихъ же люди говорили, что это сдѣлано съ тѣмъ, чтобы я взялъ своего человѣка. Избѣгая объясненій я взялъ своего глупаго мальчику, единственнаго лакея послѣ отца моего матушкою мнѣ предоставленнаго, и одѣлъ его. Когда и сіе не помогло, то тогда уже весьма ясно и часто начали поговаривать, что имѣніе у нихъ съ матушкой общее, что я сынъ отдѣленный и что пора мнѣ подумать о своемъ хозяйствѣ. Потерявъ терпѣніе я вошелъ съ сими людьми въ объясненіе о своихъ правахъ въ отношеніи матери намъ общей, но изъ сего родилась ссора, а она не стала и глядѣть на меня.

Наступилъ день рожденія Натальи, а какъ на другой день предположено было освященіе въ Подсосенкахъ церкви, матушкою устроенною, и для сего готовились къ большому празднованію, то я и не выбрилъ въ сей день бороды, полагая, что сдѣлаю это въ тотъ важный для матушки день. Наталья, увидя меня въ день своего рожденія съ небритой бородой и въ сюртукѣ, потому что у насъ гостей никакихъ не было, ужасно раздражилась сею неумышленною погрѣшностью и столь разстроилась, что со слезами приносила матушкѣ на сіе жалобу заставя и сдѣлать мнѣ выговоръ. Послѣ сего, день ото дня оскорбленія мнѣ увеличивались до нестерпимости, и я разсмотря все сіе и ясно видя, что Алексѣй и Наталья, управляя всѣмъ имѣніемъ матушки и домомъ ея, ибо она давно уже въ сіе не входила, могутъ ежеминутно дѣлать мнѣ величайшія непріятности и даже могутъ и самую мать мою поставить противъ меня, рѣшился испросить ея благословеніе на отъѣздъ въ свое имѣніе, что и исполнилъ въ началѣ сентября. При семъ объясненіи мать моя спросила у меня: „что заставляеть тебя ѣхать отсюда?“ Я молчалъ, ибо чувствовалъ, что если сказать правду,

то произведу гнѣвъ ея мнѣ же въ послѣдствіи могущій во вредъ обратиться, потому что я твердо зналъ и видѣлъ превосходную любовь ея къ Алексѣю и Натальѣ, для которыхъ и въ раздѣлѣ батюшкина имѣнія меня совершенно обидѣла и потому рѣшился молчать, а только доложилъ ей, что пора начать устраивать свой уголокъ, на что она не сказала ничего, а благословила меня ѣхать, давъ притомъ приказъ отъ себя своему старостѣ дать мнѣ 10 подводъ изъ числа 30 на одну поѣздку, чтобы подсобить мнѣ вывести лѣсъ на строеніе!!

Итакъ я не ошибся въ своемъ заключеніи и послѣдствіе оправдало нѣкоторую холодность ея ко мнѣ сею ничтожною помощію, въ которой и чужимъ не отказываютъ, и которою я въ послѣдствіи пользовался отъ добрыхъ своихъ сосѣдей дававшихъ мнѣ по 50 и болѣе подводъ для возки изъ близкихъ лѣсовъ, купленныхъ мною деревьевъ на строеніе. При отъѣздѣ моемъ Алексѣй показалъ всю черноту души своей, ибо когда я сталъ просить матушку о пожалованіи мнѣ тѣхъ 700 руб., которые угодно ей было во время моей службы взять изъ доходовъ моего имѣніица на построеніе церкви въ Подсосенкахъ, то онъ съ язвительнымъ видомъ и насмѣшкою, превосходившею и самое требованіе, сталъ насчитывать свои деньги, на излѣченіе моей раны въ Пруссіи 1807 году употребленныя, хотя тогда давалъ ихъ изъ одной кичливости при полковникѣ нашемъ Козловскомъ, а я по глупости своей, видя, что онъ швырялъ, можно сказать, тогда деньгами, которыхъ у него было много, полагалъ, что брызги золотого его дождя, и до меня достигли, издержалъ ихъ довольно неосмотрительно, принявъ ихъ за подарокъ, но теперь дорого за сіе заплатилъ, ибо полагая на 700 рублей устроить себѣ небольшое жилище, вдругъ увидалъ себя лишеннымъ сего единственнаго моего пособія. Но дѣло сдѣлано! И я съ однимъ презрѣніемъ къ сему жестокосердому человѣку и съ 100 рублями поѣхалъ въ свое Красное строить вмѣсто уже домика крестьянскую хату.

Глава III.

Пустырь, поселеніе и занятія.

1810 годъ.

Пріѣхавъ въ Красное, я не нашелъ на своей усадьбѣ не только какого либо строенія, но ниже одного дерева, гдѣ бы подтѣнію онаго лѣтомъ можно было отдохнуть на чистомъ воздухѣ, и самое мѣсто изрыто было ямами, не обнесено валомъ, и, однимъ словомъ, я нашелъ здѣсь совершенный пустырь. По пріѣздѣ моемъ

первымъ моимъ дѣломъ было построить для себя горницу, а какъ денегъ у меня было только 100 рублей, то я и принужденъ былъ купить одну въ шесть аршинъ длины и ширины, и въ сей хижинѣ прожилъ я до лѣта 1812-го года; послѣ сего кой какъ изъ гнилушекъ купилъ избу для людей, которыхъ у меня всего на всего было три человѣка и обнесъ скотный дворъ плетнемъ. Въ такомъ видѣ я провелъ зиму, живя въ совершенномъ уединеніи, потому что ни самому выѣхать было не въ чемъ, ни у себя принять негдѣ,—не въ правѣ ли я былъ сѣтовать на своихъ родныхъ? изъ нихъ мать имѣла болѣе 120 душъ при славномъ доходѣ; братъ 20000 собственныхъ денегъ и при всемъ томъ не только никто не помогъ мнѣ ни въ чемъ, но даже желали вредить сколько могли. По сущей справедливости и по чистой совѣсти долженъ сказать я, что, видя вполнѣдствіи людей въ разныхъ положеніяхъ жизни и обстоятельствахъ и примѣняя ихъ къ себѣ, могу сказать, что пороки всѣхъ людей какъ бы сосредоточились въ нашей бывшей семьѣ и изгнали изъ оной всѣ чувства нѣжности. Итакъ, чему дивиться?—если я имѣю въ характерѣ большіе недостатки. Слава Богу, что я не сдѣлался пьяницей, воромъ и самымъ негоднымъ человѣкомъ.—Худое занятіе нами родителей, алчность къ деньгамъ, хладнокровіе и ненависть при дурномъ поведеніи ближнихъ родныхъ—суть такія тяжкія наказанія, отъ которыхъ да избавитъ Богъ всякаго человѣка!

Я прошу Господа да не будетъ никогда болѣе ни одинъ человѣкъ въ такомъ положеніи семейства, въ какомъ, къ несчастію, я находился, ибо таковыя люди суть язва благочестія, чести и всѣхъ чувствъ возвышенныхъ, о которыхъ они не имѣютъ понятія! Сіи люди ханжествуютъ въ наружныхъ обрядахъ церкви, къ которымъ они привязаны даже до изступленія; вовсе не знаютъ и даже знать не хотятъ о сущности благословенной христіанской религіи, которая даже имъ ненавистна. Попробуйте съ ханжой поспорить, что лучше не ѣхать къ обѣднѣ, чѣмъ ѣхавши туда браниться и драться за какую либо неисправность гардероба или экипажей, попробуйте сказать злому ханжѣ, что онъ слушаетъ въ день двѣ обѣдни, а обижаетъ ближнихъ, и тогда вы ясно увидите истину словъ пророка Исаія, которому Богъ Господь предсказалъ о лицемѣрахъ Ему непріятныхъ сими словами: „Приближаются ко мнѣ люди сіи усты своими, чтутъ меня языкомъ, сердце же ихъ далеко отстоитъ отъ меня, но всеу чтутъ меня, уча ученіемъ и заповѣдямъ человѣческимъ“. (Матѣ. Гл. XV ст. 8-й и 9-й.)

Въ сіе время занятія мои состояли въ хозяйствѣ и разныхъ заведеніяхъ птицы и скота, ибо у меня сего ничего не было по благой волѣ моей матери, отдавшей все тѣмъ дѣтямъ, къ которымъ имѣла благоволеніе.

Глава IV.

Недостатки въ образѣ жизни и образъ оной. Чтеніе, комета 1811-го года. Наглые поступки дѣтей съ матерью, плутовское обобраніе, подлость въ кражѣ дома. Кончина матушки.

1811 годъ.

Не имѣя ни зимняго ни лѣтняго экипажа, я велъ во весь сей 1811-й годъ жизнь самую уединенную, видясь только съ двоюродными братьями моими, и то очень рѣдко; у меня не было ни повара, ни посуды въ чемъ бы готовить, и я, отыскавъ 70-лѣтнюю старуху, радъ былъ, что она, по крайней мѣрѣ, варила мнѣ супъ и могла сдѣлать простой соусъ и жаркое въ купленной мною въ началѣ сего года кухонной посудѣ. Открывшаяся весна, доставя случай и возможность для прогулокъ, доставила мнѣ и другое занятіе—парники. Въ числѣ старыхъ и глухихъ людей, мнѣ матушкою данныхъ, достался и плохой старый садовникъ отца моего и съ симъ-то служителемъ началъ я трудиться надъ парниками, желая доставить себѣ какое нибудь занятіе, ибо, по несчастію, я не имѣлъ возможности ни купить, ни читать много книгъ, а небольшое количество оныхъ разными случаями мною получаемыхъ по страстной моей любви къ чтенію, я тотъ же часъ прочитавъ, оставался въ гибельной предразсудности, не умѣя ни рисовать, ни чертить для развлеченія и полезнаго занятія себѣ; при семъ со вздохомъ скажу: сколько есть мушницъ, которымъ бы слѣдовало воспретить вступать въ бракъ прежде нежели дадутъ они отчетъ въ священныхъ обязанностяхъ мужа и отца.

Наступившее лѣто дало мнѣ сильныя и сообразныя лѣтамъ занятія въ посѣвѣ хлѣбовъ, распашкѣ моей усадьбы для планированія оной и вмѣстѣ для посѣва на оной сѣмени для умноженія дохода своего, и Господь благословилъ усилія трудовъ моихъ изобильнымъ урожаемъ хлѣба всѣхъ родовъ и даже, можно сказать, преизобильнымъ. Тутъ сладостная надежда поправленія моего состоянія несла въ душу мнѣ то спокойствіе и радость, каковыя едва ли когда чувствовалъ богачъ среди роскошнаго замка своего; къ сему удовольствію моему я получилъ и другое, въ наблюденіи прекрасной и величественной кометы, явившейся у насъ въ началѣ Августа; тогда, по захожденіи солнца, я по цѣлымъ часамъ сиживалъ и любовался симъ рѣдкимъ явленіемъ, забывая даже о снѣ, воспаряя моими мыслями въ міры надзвѣздныя. Такъ проводилъ я прелестное сіе лѣто, наслаждаясь въ то же время и романическою прогулкою по берегамъ нашей маленькой рѣчки, гдѣ я сиживалъ не-

рѣдко, услаждая слухъ свой ея журчаніемъ; ея безвѣстное теченіе сравнивалъ я съ безвѣстностію своей жизни, но при сравненіи общаго нашего съ нею одиночества, я чувствовалъ нѣкоторую грусть сердечную и возвращался въ смиренную хижину мою, проникнутый оною. Ахъ,—думалъ я,—и мнѣ суждено жить и умереть въ бѣдственномъ одиноствѣ, и я паду, никѣмъ неоплакиваемый. Но среди сихъ печальныхъ размышленій нѣкоторый лучъ надежды блисталъ въ душѣ моей, и я предавая себя въ волю и распоряженіе Всемогущаго, оставался спокойнѣе. Въ исходѣ сего лѣта пріѣхалъ въ Есенокъ и Алексѣй съ сестрами, и я, удивленный симъ неожиданнымъ пріѣздомъ, поспѣшилъ къ нимъ, дабы узнать причину онаго; они рассказывали мнѣ, что будто матушка согнала ихъ, и злобный Алексѣй даже осмѣливался отзываться о ней съ наглымъ презрѣніемъ, но вскорѣ завѣса спала съ глазъ моихъ, и я, получа отъ матушки письмо, узналъ всѣ обстоятельства сего ужаснаго происшествія, которыя здѣсь и описываю не для примѣра, ибо избави меня Богъ и мысли, чтобы нашелся другой таковой извергъ, но пишу для того, чтобы показать до какой степени можетъ унизиться человѣкъ, преданный любостыжанію и исполненный ложнаго Богопочтанія, или полагающійся на наружные обряды церкви и ищущій черезъ оныя спасенія своего.

По отъѣздѣ моемъ въ 1810 году, Алексѣй и Наталья, устрани главное препятствіе, начали болѣе и болѣе оказывать услуги матушкѣ, надѣясь черезъ то получить желаемое, то есть ея имѣніе, въ селѣ Подсосенкахъ и Кортуринѣ, Тамбовской губерніи, Шацкаго уѣзда въ селѣ Старомъ состоявшаго, и простирали виды свои и на Есеновскій, матушкѣ по раздѣлу представленный домъ, со всѣмъ строеніемъ и усадьбою, болѣе 5 десятинъ простиравшеюся, какъ, равно, на всю ея седьмую часть, изъ имѣнія отца моего ей доставшуюся; словомъ, Алексѣй, не имѣя ни качества, ни духа генеральскаго, отчего и въ отставку вышелъ, хотѣлъ симъ незаконнымъ пріобрѣтеніемъ получить средства жить по генеральски.

Мать моя, видя Алексѣя, крестящагося съ плеча на плечо и поклоняющагося въ церкви и дома очень часто до земли, постыжающагося такъ, какъ и монахъ не всякій постытся, слушающаго частыя молебны и всенощныя и любя сама всѣ сн наружности, полагала, что она нашла рѣдкаго сына, а въ Натальѣ рѣдкую дочь и подпору своей старости, ибо и она ни въ чемъ не уступала Алексѣю по наружной приверженности къ религіи. Но бѣда состояла въ томъ, что они всѣ заблуждались, не вѣдая и или нехотя вѣдать, что Господь нашъ Иисусъ

Христось, сія непостижимая любовь, заповѣдалъ своимъ послѣдователямъ любовь и миръ, требуя неотмѣнно, чтобы мы такъ поступали со всѣми какъ желаемъ чтобы они съ нами поступали, и постановилъ неизмѣнное правило: любить Бога болѣе всего и ближняго какъ самаго себя; знать Единого Бога и имъ посланнаго Иисуса Христа,—вотъ въ чемъ состоитъ все существо вѣры нашей благословенной, къ достиженію которой непременно нужно частое себя испытаніе по слову апостола: „себя испытайте, аще еси въ вѣрѣ себя испытайте!“

Алексѣй, въ началѣ сего лѣта, не видя со стороны матери нашей никакой наклонности къ предположенной имъ передачѣ ему имѣнія началъ явно требовать оной и получилъ отказъ. Сей отказъ раздражилъ его самолюбіе, и онъ началъ требовать настоятельно.—забывъ уваженіе должное матери,—того, чего не могъ получить по согласію, представляя, что онъ, будучи въ службѣ, не получалъ дохода, забывъ, что въ награду сей уступчивости мать предоставила ему лучшую часть изъ всего отцовскаго имѣнія и содержала на своемъ иждивеніи 12 человекъ его деньщиковъ и болѣе 20 лошадей въ теченіе двухъ лѣтъ. Но какъ бы то ни было, Алексѣй согласясь съ Натальей, рѣшился жестоко отомстить матери за ея непреклонность на его желаніе и, вслѣдствіе сего, они сначала приступили къ тайному вывозу всего имущества матери изъ ея кладовыхъ, что имъ и легко было сдѣлать, ибо матушка по своей слабости ни за чѣмъ не смотрѣла, какъ выше сказано, а все было въ рукахъ Натальи и Алексѣя. Рассказывали люди, что, нагружая разными вещами подводы крестьянъ матушки, отправляли ихъ среди дня мимо оконъ дома и на вопросъ ея, что за обозъ идетъ безстыдно лгали говоря:—какіе то чужіе,—и мать сему вѣрила. По окончаніи сего вывоза Алексѣй, съ грубостію приступя къ престарѣлой матери, снова началъ требовать своего вознагражденія и съ неслыханною дерзостію вынудить ее дать купчую на одного ея человека, ему нравившагося; огорченная симъ мать выѣхала послѣ сего дѣйствія изъ своего дома къ живущей съ нею въ одномъ селѣ родственницѣ и прислала оттуда за меньшей сестрой моею Александрой, но Алексѣй и Наталья, рѣшившись бросить мать, убѣдили къ сему и Александру и не выдавшись съ матерью всѣ уѣхали въ Есенокъ, остави столь гнуснымъ и злодѣйскимъ образомъ 70-лѣтнюю слабую мать безъ всякой подпоры, утѣшенія и помощи. Такой конецъ воспріяла съ одной стороны несправедливость матери къ другимъ ея дѣтямъ въ пользу сихъ избранныхъ ея, а съ другой стороны алчность и мщеніе непокорнаго и несчастнаго сына, несчастнаго, ибо послѣ увидимъ 15-лѣтнее его за сіе страданіе и ужасную смерть. По прибытіи своемъ въ Есенокъ, Алексѣй, исполняя мѣру своей наглости

противъ матери, рѣшился на самый подлый поступокъ:—онъ, приглася къ себѣ пьянаго Епифанскаго тогдашняго судью Голубкова, одаря его и употчивавъ, убѣдилъ выдрать листъ изъ раздѣла, которымъ Есеновскій домъ со всею усадьбою представленъ былъ матушкѣ и вмѣсто его вписать, что сей домъ и усадьба отданы Алексѣю и, получа все оное, выгналъ ея скотину и людей, какъ бы въ заплату такового ея поступка съ нами въ 1805 году.

Получа о семъ окончательномъ безчестномъ поступкѣ извѣстіе, матушка рѣшилась ѣхать въ Тулу, просить о семъ губернатора, что и исполнила въ началѣ зимы. Выѣхавъ для сего въ началѣ декабря, она изволила изъ Притонъ (деревни, на большой дорогѣ лежащей, въ 8 верстахъ отъ меня) прислать ко мнѣ за квасомъ, приглашая при томъ меня пріѣхать въ Тулу. Алексѣй, исполняя мѣру свою, узнавъ о семъ, пустился впередъ и научилъ передового матушкина человѣка, ѣхавшаго въ Тулу для найма дома, чтобы онъ не искалъ онаго, дабы тѣмъ вновь обезпокоить ее, а самъ въ пьяномъ видѣ обскакивалъ нѣсколько разъ экипажъ матушки и уговаривалъ дѣвокъ ея уйти отъ нея. Непривыкшая къ столь отдаленному трудному пути, одна, безъ дочерей къ пособію коихъ привыкла, и, по пріѣздѣ въ Тулу не найдя готовой квартиры и принужденная ѣздить по городу болѣе трехъ часовъ, сія достойная, но несчастная мать принуждена была остановиться въ домѣ родственницы своей Барноволоковой, гдѣ, не могши имѣть нужнаго ей покоя въ теченіи двухъ дней, пока наняли ей домъ, она занемогла. Узнавъ о семъ, я брося все свое хозяйство, въ худой кибитчонкѣ поскакалъ въ Тулу и нашелъ любезнѣйшую мать мою въ болѣзненномъ положеніи. Оставшись при ней, я упросилъ двоюродную тетку нашу Барноволокову оставить дочь ея Александру Петровну для хожденія за матушкой, ибо различіе пола препятствовало мнѣ исполнить сію священную обязанность; призванный докторъ началъ пользоваться матушку, но ей, не взирая на сіе, становилось часъ отъ часу хуже. Въ сихъ обстоятельствахъ я послалъ нарочнаго къ Алексѣю и сестрамъ, прося ихъ пріѣхать примириться съ умирающей матерью, но Алексѣй полагая, что я его обманываю, не поѣхалъ и сестры также, итакъ почтеннѣйшая и престарѣлая мать, имѣющая многочисленныхъ дѣтей, лишилась помощи ихъ и утѣшенія умереть среди благословеній оныхъ. Что сему причиною? Справедливость требуетъ сказать, что съ одной стороны несправедливость въ отношеніи къ равенству всѣхъ дѣтей должному и любовь по избранію, а съ другой злое сребролюбіе, жестокость сердца и отсутствіе всѣхъ чувствъ человѣческихъ были первою пружиною сихъ печальныхъ послѣдствій. Болѣзнь матушки, день ото дня становившаяся опаснѣе, приб-

лижала ее къ дверямъ гроба; чувствуя наступленіе часа смерти, она потребовала духовника, исповѣдалась и пріобщилась Святыхъ Таинъ съ большимъ чувствомъ. Я былъ свидѣтель, что когда священникъ началъ читать ей молитву „Вѣрую Господи“, то она подняла дрожащія свои руки и глаза на небо, куда готовилась вскорѣ переселиться; кончина ея была кончиной праведной: тиха, мирна и подобна угасающей лампадѣ; я палъ къ ногамъ ея и слезами моими омылъ оныя. Предавъ землѣ бранные остатки сей умной, просвѣщенной и любезной мнѣ матери въ селѣ Порѣчьѣ, я возвратился въ мою хижину съ чувствомъ горести и негодованія на злобу людей. Правду сказалъ Пушкинъ: „Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ въ душѣ не презирать людей“.

Глава V.

Хорошій доходъ, строеніе дома, газетныя извѣстія о военныхъ приготовленіяхъ. Нашествіе французовъ, невозможность явиться на поле брани; бѣгство дворянъ и ругательства черни.

1812 годъ.

Необыкновенный урожай хлѣба въ 1811 году и высокая цѣна на оный, вознаграждая всѣ труды мои, доставили мнѣ большой, а именно болѣе 2000 рублей простиравшійся, доходъ. Имѣя у себя 4 тягла здѣсь, я большую часть хлѣба продалъ на мѣстѣ по огромной цѣнѣ и съ сими то деньгами началъ зимой готовить лѣсъ на строеніе дома, пользуясь подводами добрыхъ моихъ сосеѣдей. Къ Апрѣлю 1812-го года домъ мой построенный на квадратѣ 12-аршинной мѣры, имѣлъ 4 комнаты чистыхъ и покойныхъ, которымъ я радовался болѣе, нежели богачъ новой отдѣлкѣ великолѣпныхъ палатъ своихъ. Радость моя была столь велика, что едва онъ былъ оконченъ, какъ я въ половинѣ Апрѣля перешелъ въ него жить; холодъ, бывающій у насъ довольно жестокимъ въ сіе время, много меня беспокоилъ, ибо домъ былъ безъ печей, но молодость и соединенное съ оною милодушіе добровольно выносили то, за что часто многіе платятъ жизнью. Получая въ сіе время газеты, какъ необходимую для моего занятія потребность, я видѣлъ изъ оныхъ огромныя военныя приготовленія на западныхъ нашихъ границахъ, видѣлъ что тамъ устроены три дѣйствующихъ арміи и двѣ резервныхъ и оставался покоенъ въ разсужденіи безопасности своего отечества, помня, что мы въ 1807-й году съ 70-тысячною арміею противустояли Наполеону, имѣвшему 150 тысячъ! При наступленіи лѣта я теперь не только занялся парниками, но и устройствомъ цвѣтника, который я хотя и передъ прежней своей избушкой имѣлъ, но самый маленькій, а теперь получилъ возможность слѣдовать сей моею

страсти въ лучшемъ уже видѣ. Любя цвѣты всякаго рода, я самъ ходилъ за ними, поливая и очищая оныя, и симъ пріятнѣйшимъ занятіемъ имѣлъ весьма большое удовольствіе, видѣть цвѣты мои въ прекрасномъ видѣ. Но среди сихъ мирныхъ занятій въ исходѣ Іюня я пораженъ былъ извѣстіемъ о вторженіи арміи Наполеоновой въ предѣлы нашего отечества. Въ то же время наступили сильныя жары и необыкновенная засуха и появились черви, истребившіе совершенно всходы гречи и позднихъ овсовъ нашихъ. Среди сихъ домашнихъ и политическихъ бѣдствій распущены были слухи самыя непріятныя, положившіе начало тому плачевному предчувствію, которое оправдалось потерей Смоленска въ началѣ Августа. Въ то же время получилъ я воззваніе Царя, приглашавшее къ оружію всѣхъ дворянъ. Первое чувство мое было броситься къ оружію и летѣть на знакомыя поля брани, но для сего надо было имѣть деньги на обмундировку и другія необходимыя издержки, а я свои, не вѣдая о грозѣ страшившей наше отечество, все протратилъ и остался безъ гроша. Занять было не у кого, ибо я ни съ кѣмъ знакомъ не былъ; оставалось одно средство—занять оныя у богатаго брата,—и я прибѣгъ къ Алексѣю. Но сей недостойный сынъ отечества, не взирая на свой чинъ, собрался бѣжать въ Тамбовскую покойной матери нашей деревню, и для того собравъ свои деньги и вещи, укладывавъ ихъ въ экипажи тогда, когда я въ жару любви къ отечеству пріѣхалъ къ нему просить помощи для способствованія мнѣ къ защитѣ любезнаго моего отечества. Далекъ будучи сихъ благородныхъ чувствъ, онъ съ грубостію отказалъ мнѣ въ 200 рубляхъ и не теряя времени пустился въ бѣгство, явно обнаруживъ тѣмъ слабость своего характера и величайшій эгоизмъ, столь пагубный въ общественной и частной жизни. Оставившись безъ денегъ и вида что намѣреніе мое сражаться никакимъ образомъ исполнено быть не можетъ, ибо бѣдственное состояніе полей нашихъ мало давало надежды и къ зимнему доходу, я въ половинѣ сентября собрался въ Подсосенки, гдѣ собрался уже все мои родные, могшіе порядочно поубавить мнѣ тамъ принадлежавшее. Ъхавши дорогой я видѣлъ совершенное переселеніе народовъ. Надо себя представить великое число скачущихъ экипажей, огромные тянувшіеся купеческіе обозы, ѣдущій и идущій народъ, чтобы имѣть понятіе о тогдашнемъ всеобщемъ бѣгствѣ изъ Москвы, ея окрестностей и прикосновенныхъ къ ней губерній; особенно ночь представляла величественное и какъ бы воинственное зрѣлище отъ блеска разводимыхъ народомъ огней, уподобляя оныя бивакамъ огромной арміи. Ругательства черни, живущей на большой дорогѣ, которыми осыпала она проезжавшихъ господъ, изумляли меня, приводили мысли мои къ ожиданію всеобщаго возмущенія сего многочисленнаго класса людей. Я ежеми-

нотно ожидалъ, что сіи бѣгущія господчики будутъ жертвою ярости черни, но къ счастью, ея ротъ, дѣйствуя во всей силѣ, оставлялъ руки въ совершенномъ бездѣйствіи. Я совершенно увѣренъ, что одни партизаны, столь не нравившіеся Наполеону и всѣмъ французскимъ писателямъ о сей войнѣ, были одною изъ важнѣйшихъ причинъ востанія народа въ Московской и Смоленской губерніи. Утлый мой экипажець, не обращая на себя вниманія черни, избавлялъ меня отъ ругательства, и я покойно пріѣхалъ въ Подсосенки; проживъ тамъ нѣсколько дней и видя, что и тамошніе помѣщики собрались ѣхать далѣе, опасаясь приближенія театра войны, и наскуча смотрѣть на глупыя предосторожности нашего генерала, я въ концѣ Сентября возвратился въ свое Красное, гдѣ и узналъ, что армія наша, порученная знаменитому и испытанному во браняхъ Кутузову, стоитъ въ крѣпкой позиціи при Тарутинѣ въ Калужской губерніи и что французамъ плохо.

Глава VI.

Раздѣлъ имѣнія 1813-го года; поѣздка въ Тамбовъ, продажа имѣнія, уплата долговъ. Тяжкая болѣзнь Алексѣя и несогласіе его съ сестрами. Поправка въ моемъ устройствѣ.

1813—1814 годы.

Наконецъ прошелъ ужасный для Россіи 1812-й годъ и съ наступленіемъ новаго 1813 года водворился у насъ миръ и спокойствіе, хотя война въ Европѣ и свирѣпетовала еще во всей силѣ. Въ семь году приступили мы къ раздѣлу имѣнія оставшагося послѣ покойной нашей матери. — Дурное обращеніе Алексѣя съ сестрами, его развратное поведеніе внушило мнѣ сожалительное чувство, хотя и къ виновнымъ, но и весьма жалкимъ сестрамъ моимъ, и я убѣдилъ братьевъ: покойнаго Николая и здравствующихъ Ивана и Владимира, уступить имъ село Подсосенки частію здѣшняго имѣнія такъ, что у насъ братьевъ и сестеръ составлялись равныя части по 35 душъ, ибо село Колтырино въ 35 душахъ состоящее положили мы продать и сими деньгами заплатить долги покойныхъ нашихъ родителей до 10000 рублей простиравшіеся. Къ чести братьевъ моихъ надо сказать, что они устраивая судьбу сестеръ забыли даже о себѣ, ибо ни у меня, ни у братьевъ не было еще устроенныхъ усадьбъ, а у Владимира и никакой, а они уступили сестрамъ прекрасно устроенную усадьбу въ Подсосенкахъ съ большимъ домомъ, садомъ и со всѣмъ дорогимъ надворнымъ строеніемъ; однимъ словомъ, братья доказали свою любовь и участіе къ сестрамъ такое, которое приноситъ имъ честь незабвенную, и за которое

сестры имъ заплатили въ 1827 году ужасною неблагодарностію, какъ увидимъ впослѣдствіи.

По окончаніи раздѣла, отправились мы всѣ, но сообразно воспитанію и характеровъ своихъ, всѣ по разнымъ отдѣленіямъ въ Подсосенки, гдѣ запродавъ Колтырино за 10500 руб. госпожѣ Протасьевой, поѣхали въ Тамбовъ для совершения купчей и полученія съ нея тамъ денегъ и здѣсь Алексѣй, по праву сынаго, взялъ деньги къ себѣ, и мы по окончаніи всего дѣла выѣхали изъ Тамбова всякій въ свой домъ, благодаря Бога, что продавъ, хотя и дешево Колтырино, но все же заплатя долги, останемся покойны, владѣя всякій своимъ имѣніемъ, а главная радость моя была та, что сею продажею я избавлялся отъ тяжкой опеки Алексѣя, который, внеся свои деньги въ уплату долговъ покойныхъ нашихъ родителей, могъ все наше имѣніе прибрать въ свои руки и сдѣлать насъ своими вассалами, что уже онъ привелъ въ дѣйствіе по Козельской нашей деревнѣ. По полученіи достальныхъ денегъ съ нашей покупщицы Алексѣемъ, мы всѣ вмѣстѣ поѣхали въ исходѣ 1813-го года по зимнему пути въ Тулу, дабы быть свидѣтелемъ взноса всей суммы отъ Алексѣя въ тамошнее губернскае правленіе; оконча и сіе послѣднее наше дѣло, я съ глубочайшею къ Богу благодарностію радостно возвратился въ смиренный мой домикъ. Наконецъ Божеское правосудіе коснулось Алексѣя за его оскорбленія матери и всѣхъ насъ, и онъ впалъ въ тяжкую болѣзнь въ началѣ 1814-го года, которая, медленно приближая его ко гробу, положила конецъ его жизни въ 1827-мъ году, какъ увидимъ впослѣдствіи. Несогласіе его съ сестрами, страхъ смерти, непомѣрная скупость, видимое неудовольствіе всѣхъ его родныхъ за его наглое и презрительное съ ними обращеніе, все сіе совокупно дѣлало Алексѣя въ глазахъ моихъ несчастнѣйшимъ человѣкомъ; онъ по всей справедливости болѣе заслуживалъ сожалѣніе нежели ненависть, ибо, истоца всѣ жизненные соки безпорядочною жизнью своей молодости, оставался теперь холоднымъ ко всему высокому и изящному. Подобный ему представляетъ примѣръ и великій Фридрихъ король Прусскій, не могшій равнодушно видѣть счастье другихъ людей и равнодушно взиравшій на бѣдствія оныхъ, что многими умными и опытными людьми приписывается развратной его молодости; вотъ живые примѣры, по которымъ всякій молодой человѣкъ, желающій окончить дни свои въ мирѣ съ самимъ собою и со всѣми людьми долженъ строго устранять себя отъ всѣхъ излишествъ, а паче вина и тѣмъ болѣе неумѣреннаго употребленія онаго, о чемъ и святой апостоль Павелъ, великій наблюдатель чело-вѣчества, написалъ сими словами: „Не упивайгесь виномъ, отъ кото-

раго бываетъ распутство“ (Къ Ефес., гл. V-я, стх. 18-й), а сіе распутство, истощая физическія силы, потемняетъ память, истребляетъ чувство нѣжности, дѣлаетъ подозрительнымъ и неспособнымъ ни къ любви, ни къ дружбѣ; однимъ словомъ, истребляя все чувства человеческія, дѣлаетъ человѣка подобнымъ скоту, ищущему только отличной пищи, которою мнитъ онъ наитать изнуренное тѣло свое и покоя физическаго, черезъ который думаетъ сей бѣднякъ укрѣпить себя. Но тщетны все сіи усилія, ибо они еще болѣе ускоряютъ приближеніе смерти, тогда какъ сіи истощенные чѣмъ болѣе слабѣютъ, тѣмъ болѣе хотятъ жить, завидуя здоровымъ людямъ. Я былъ очевидцемъ молодости и преждевременной смерти, а, что еще тягостнѣе, страдательной жизни Алексѣя и пишу сіе наиболѣе для примѣра вашего, любезнѣйшія мои дѣти. дабы, видя живой примѣръ, вѣдали сколь опасно истощеніе скоропроходящей юности и заранѣе узнали цѣну сохраненія своего здоровья для проведенія мирной и счастливой и долгоденственной старости, о чемъ величайшій нашъ Благодѣтель Господь Иисусъ Христосъ заповѣдалъ, повелѣвъ намъ: „бдите на всякое время и молитесь да сподобитесь избѣгать всехъ сихъ бѣдствій и предстать предъ Сына Человѣческаго“, (Луки, гл. XXI-я, ст. 36-й.) Къ сохраненію себя отъ сего пагубнаго истощенія нѣтъ лучшаго руководителя, какъ святое Писаніе Библіи, въ ней на каждой страницѣ мы научаемся жить достойно человѣческаго назначенія, тамъ мы увидимъ увѣщаніе: „Трезвитесь и бодритесь“. (1-го посл. Петра V гл., стх. 8-й.). „Худыя общества развращаютъ добрыя нравы“. (Къ Коринѣ: 1-го посл. XV гл., ст. 33-й). „Смотрите за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объяденіемъ и пиянствомъ“ (Луки, гл. XXI-я, ст. 34-й). „Со страхомъ проводите время странствованія вашего“. (Петра 1-го посл. гл. 1-я, ст. 17-й). „Испытайте самихъ себя, въ вѣрѣ ли вы? самихъ себя изслѣдуйте“. (Къ Коринѣ.: 2-го посл. гл. XII, ст. 5-й), и многія другія наставленія и предостереженія; итакъ возьмемъ себѣ за спасительное правило жить такъ, какъ повелѣлъ Единный Наставникъ и Учитель нашъ Иисусъ Христосъ, и мы увидимъ еще въ здѣшней жизни благія послѣдствія святѣйшаго ученія сего. Послѣ сего спасительнаго отступленія обратимся къ тогдашнимъ современнымъ событіямъ моей жизни. По уплатѣ долговъ родителей моихъ и по полученіи мною въ наслѣдство отъ покойной моей матери 2 тяголъ въ Красномъ, съ 3 или 4 десятинами въ каждомъ полѣ земли. Состояніе мое нѣсколько улучшилось, ибо я уже имѣлъ домъ и началъ устроить и разное надворное строеніе, мазанное на малороссійскій манеръ, что дѣлало гораздо лучшей видъ и прочность чѣмъ плетни, доселѣ у меня бывшіе. Получа въ число переплоченныхъ мною прежде общей заплаты за долги родителей моихъ болѣе 400 рублей,

я въ началѣ 1814-го года купилъ въ Тулѣ хорошія на рессорахъ дрожки за 325 р. и, купя всю къ нимъ принадлежность, получилъ возможность выѣзжать порядочно, почему и началъ знакомиться въ семь году съ сосѣдями своими: Марковымъ, Албучевымъ, Григоровымъ и двоюродными моими братьями Леонтьевыми и сямъ средствомъ началъ уже пріятіе проводить время. Въ сіе время годовой доходъ мой съ пансіономъ обыкновенно простирался до 1000 рублей, ибо хлѣбный расходъ, умножась на содержаніе дворовыхъ людей, которыхъ въ сіе время имѣлъ я уже 6 человекъ, не считая женщинъ, не дозволялъ мнѣ дѣлать всей продажи хлѣба; къ тому содержаніе 2-хъ лошадей для своего выѣзда, и пріѣздъ гостей дѣлали расходы болѣе прежняго и потому я, хотя, имѣлъ все жизненныя выгоды, но денегъ у меня въ карманѣ было немного, ибо и изъ 1000 надо было много издерживать на покупку мебели, серебра столоваго, посуды и прочаго. Такимъ образомъ, я хотя и могъ уже считаться въ числѣ помѣщиковъ, но весьма небогатыхъ. Робость, свойственная недостатку, при видѣ житія богатыхъ моихъ сосѣдей, иногда дѣлала меня неловкимъ въ обращеніи, но я старался побѣдить сіе скорбное чувство величіемъ твердаго духа и иногда успѣвалъ въ семь.

Глава VII.

Выборъ въ исправники 1815-го года, служеніе, знакомства, довѣренность дворянъ ко мнѣ; услуга знакомымъ, справедливость и безпристрастіе, любовь и уваженіе всего уѣзда; поправление домашнее, смерть брата Николая въ 1815-мъ году.

1815 годъ.

Наступленіе 1815-го года открыло у насъ выборы; братъ мой Алексѣй возжелалъ помѣстить меня въ исправники, и, отнеся о семъ къ Григорову, сильному по связямъ въ нашемъ уѣздѣ дворянину, и получилъ его согласіе. Не помышляя о такомъ возвышеніи, ибо зналъ, что многіе извѣстнѣйшіе меня дворяне желали занять сіе мѣсто, я весьма удивился и обрадовался, узнавъ, что уже все дворяне предварительно положили избрать меня на сіе, лестное тогда, мѣсто. Я радовался не потому, что могъ обогатиться, но что могъ теперь быть полезнымъ обществу дворянъ и могъ еще болѣе сблизиться съ ними, чего всегда и желалъ я, потому что, живучи въ деревнѣ, я не могъ имѣть иной цѣли, не имѣя семейства и живучи въ совершенномъ одиночествѣ, сверхъ сего, видя, какъ прежніе исправники исполняли сію должность, я чувствуя себя способнымъ, хотѣлъ дать примѣръ истиннаго служенія, въ чемъ и успѣлъ впоследствии при благословеніи Господа щедротъ.

Такимъ образомъ, брошенный прежде отъ всѣхъ людей и, неоднократно испытавъ величайшія превратности, я въ началѣ 1815-го года сталъ на чреду лучшихъ членовъ своего сословія, ибо при самомъ избраніи я имѣлъ удовольствіе слышать отъ многихъ умныхъ и лучшихъ дворянъ нашего уѣзда лестныя ихъ надежды на мое служеніе. По желанію моему мнѣ дали засѣдателей, Н. Е. Хруцова, моего теперешняго лучшаго пріятеля, съ которымъ я во время нашей службы сдѣлался пріятелемъ и другомъ, и Карочарова, хотя простого, но довольно изряднаго дворянина; съ сими то товарищами, въ исходѣ Января, и вступилъ я въ должность свою. имѣя предводителемъ умнаго, честнаго и кроткаго Ивана Ивановича Бибикова, мужа единственнаго по любви его къ общему благу: сей то рѣдкій человѣкъ былъ для меня примѣромъ на новомъ моемъ поприщѣ, и навсегда останется для меня незабвеннымъ.

Должность моя сблизила меня со всѣми дворянами нашего уѣзда, которые почти всѣ были люди просвѣщеннаго ума, люди, что называется, большого свѣта и лучшаго тона. Изъ нихъ наименую я только нѣкоторыхъ, чтобъ дать понятіе о томъ кругѣ, въ которой вошелъ я; первый изъ нихъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Ахлестышевъ, отецъ генерала сей фамиліи, потомъ Татищевъ, Измайловъ, Власовъ, генералы Бибиковы, Писаревъ, Молчановъ, Пгнатъевы, Шнейдеръ и Протопопова. При самомъ вступленіи своемъ на поприще своего служенія, я взялъ себѣ за правило быть неусыннымъ и справедливымъ въ своемъ званіи и сколько можно чаще быть между сими просвѣщенными людьми. Это знакомство было для меня наукою новою и весьма полезною. ибо служба въ военной службѣ, что могъ я видѣть, кромѣ начальниковъ и подчиненныхъ, биваковъ и сраженій и другихъ подобныхъ сему предметовъ? Но теперь я вошелъ въ кругъ общества, замѣчалъ его обычаи, страсти людей и. что называется, обжилъ съ ними, получа въ сіи два года болѣе познанія для меня нужнаго, нежели предшествовавшее теченіе моей жизни. Привыкнувши видѣть прежнихъ исправниковъ только при слѣдствіяхъ и въ судѣ. сіи почтенные дворяне съ удивленіемъ и удовольствіемъ видѣли, что я весьма часто былъ среди ихъ и, слѣдственно, не дѣлалъ ничего такого, чтобы заставляло меня отъ нихъ скрываться, но напротивъ, видя, что я всегда и вездѣ готовъ самъ начинать разговоръ о дѣлахъ моихъ и требовать въ иныхъ случаяхъ ихъ совѣта, они меня не только полюбили, но и начали уважать, узнавъ, что я совсѣмъ удаленъ отъ всякаго рода притѣсеній, взятокъ и другихъ мерзостей. Вслѣдствіе сего сіи почтенные люди при случившихся дѣлахъ своихъ безъ всякихъ бумажныхъ просьбъ избрали меня посредникомъ и чѣмъ я рѣшалъ, такъ то и оставалось; къ числу сихъ случаевъ расскажу объ одномъ: Василій Фед. Молчановъ,

одинъ изъ старшихъ дворянъ нашихъ, имѣя общія полевыя дачи съ небогатымъ помѣщикомъ Жеребцовымъ и считая, что сей завладѣлъ у него луга, взошелъ съ нимъ въ дѣло, но узнавъ меня, они оба просили меня, разобрать ихъ и развести, соглашаясь заранѣе исполнить все то, что я сдѣлаю. Получа сѣ довѣріе, я поѣхалъ на мѣсто спорнаго владѣнія, собралъ понятыхъ и съ помощью ихъ и собственнаго безпристрастія нашель, что не только Жеребцовъ, котораго я и не вѣдалъ, не завладѣлъ у Молчанова лугами, но что сей послѣдній много захватилъ его луговъ и потому, какъ я не уважалъ Молчанова, но тутъ же отрѣзавъ отъ него неправильно присвоенное количество луговъ и возвратилъ Жеребцову, и о семъ извѣстивъ поѣхалъ самъ къ Молчанову; сей почтенный старецъ, который и теперь знакомъ хорошо съ нами, долженъ былъ согласиться самъ со мною, слыша мои доводы и ни мало спмъ не оскорбился, хотя, быть можетъ, и по наружности. Сѣ дѣло, по которому я осудилъ моего знакомаго и мною уважаемаго человѣка, а оправдалъ мало знакомаго и ничтожнаго помѣщика, вновь усилло ко мнѣ любовь и довѣріе всѣхъ дворянъ нашихъ. Такимъ образомъ, проходя мое служеніе обществу, я всегда имѣлъ въ сердцѣ, что Всемогущій Судья ничѣмъ столь не благоугождается какъ правдою. Я помнилъ, что мы, христіане, обязаны дѣлать помощь всякому требующему оной и потому въ нуждѣ Игнатѣва и Шнейдера, здѣшнихъ помѣщиковъ, найдя имъ первому четыре, а второму двѣ тысячи рублей, помогъ имъ столько, что они долго сѣ помнили. Я никогда и ничѣмъ ни отъ кого не пользовался, полагая, что взять, и по окончаніи дѣла, есть преступленіе гнусное, довольствуясь, собственнымъ своимъ доходомъ, жалованьемъ и двумя тысячами рублей отъ откупщика; я жилъ очень хорошо и имѣлъ всегда открытый столъ для всѣхъ помѣщиковъ, пріѣзжавшихъ по дѣламъ своимъ въ городъ. Въ сѣ время отданный мною два года тому назадъ въ ученѣ поваръ вышелъ, оконча оное, и потому столъ у меня всегда бывалъ очень вкусный, и пріѣзжавшіе помѣщики очень были рады, находя у меня столъ, покой и скорое исполненіе своихъ просьбъ, что ни прежде, ни послѣ меня они ни отъ кого не имѣли, что неоднократно я самъ имѣлъ удовольствіе отъ нихъ слышать.

Глава VIII.

Возвращеніе въ Красное, постоянное во ономъ жителство, увеселенія, устройство экипажа и желаніе жениться.

Въ 1817 году назначень былъ новый выборъ, дабы привести опять въ порядокъ трехлѣтіе, бывшимъ ополченіемъ противъ французовъ

разрушенное ибо предшествовавшего мнѣ выбора дворянинъ прослужилъ 4 года за неимѣніемъ на смѣну новыхъ членовъ.

Будучи удостовѣренъ двухлѣтнимъ служеніемъ въ тягостномъ и трудномъ служеніи въ званіи исправника и нежелая болѣе быть зависимымъ отъ прихоти ибудь какого крючкотворца губернскаго правленія, я просилъ дворянъ о моемъ увольненіи, на что и получилъ согласіе, ибо Сафоновъ, искавшій въ прошлой выборъ исправничества, но зачерненный тогда для меня, вновь своими происками началъ искать онаго и нашелъ людей, разумѣется, подобной себѣ нравственности, которые желали его. Послѣдствія показали, что охотники по гражданской службѣ никуда не годятся, и сей господинъ Сафоновъ началъ не брать, а грабить, что особенно было для многихъ чувствительно, послѣ двухлѣтняго моего служенія, въ которое жители уѣзда начали забывать грабежъ моихъ предшественниковъ и научились тому, что прямое благородство состоитъ въ истинѣ и безпристрастіи. Несправедливость и алчность моего пріемника пролили новый свѣтъ на мое служеніе и тогда то отъ многихъ лучшихъ дворянъ и бѣдныхъ людей часто весьма часто удавалось мнѣ слышать: „нѣтъ, такого уже исправника намъ не имѣть, каковъ былъ прежній!“ и эта похвала была истинною наградою двухлѣтнихъ трудовъ моихъ при искорененіи разнаго рода злоупотребленій и притѣсненій. Здѣсь я долженъ замѣтить, что и человѣкъ, который лишенъ способа кривить, невольно уважаетъ того, кто былъ сему причиною, ибо самые приказные, которые многого были лишены при мнѣ, всегда и вездѣ отзывались обо мнѣ съ уваженіемъ и удивленіемъ послѣ уже моего удаленія отъ службы. Итакъ правда всегда и всемъ любезна! и кажется, нѣтъ человѣка, который не отдастъ бы ей дань уваженія и любви.

Оставя обширный кругъ дѣятельности, я удалился въ мирный свой уголокъ и принялся за любимое мое занятіе—садъ и чтеніе, размышляя на свободѣ о всѣхъ дарахъ, коими небесное Провидѣніе окружило, такъ сказать, человѣка, и который долженствовалъ бы въ мирѣ наслаждаться оными, я предпочиталъ мирное уединеніе блеску общаго уваженія.

Поселясь въ своемъ Красномъ, будучи всеми любимъ и видя состояніе мое улучшеннымъ черезъ доставшееся мнѣ имѣніе, я могъ жить весело, принимая у себя и выѣзжая въ свободное время по моимъ сосѣдямъ. Въ семь году я началъ еще улучшать свое хозяйство, построилъ кухню, купилъ мебель и крытыя дрожки для спокойнѣйшихъ выѣздовъ.

Обзаведясь всемъ нужнымъ и для холостого даже съ изобиліемъ, я умножилъ свое знакомство офицерами пришедшаго къ намъ Астраханскаго гренадерскаго полка, изъ числа которыхъ баронъ Штейнвернъ, бывъ переведенъ въ гвардію, теперь въ хорошемъ ходу, имѣя уже и чинъ полковника; онъ былъ мною обласканъ и принятъ всегда очень

хорошо и, быть можетъ, со временемъ онъ мнѣ и пригодится для дѣтей моихъ, чего я тогда вовсе и въ предметъ не имѣлъ. Такъ то часто случается съ нами, что человѣкъ, котораго мы менѣе всего ожидали видѣть въ чинахъ и почестяхъ, получаетъ оныя и дѣлается предметомъ почтенія и уваженія.

Разъѣзжая туда и сюда и, повидимому, наслаждаясь свободою, я начиналъ скучать своимъ одиночествомъ; пусть, что хотять пишуть на счетъ супружества, но человѣкъ съ тѣмъ сотворень, чтобы въ кругу одного своего семейства находить истинное счастье; пусть вострятъ языки свои свѣтскія умницы на счетъ браковъ, но вседневный опытъ удостовѣряетъ насъ, что только въ мирѣ семейства можно имѣть совершенное удовольствіе или, иначе, — его иѣтъ для человѣка въ семъ подлунномъ мирѣ. Очень естественны и съ истинною согласы положенія Жуи, когда онъ говоритъ: „семейство есть изъ всѣхъ обществъ самое естественное и самое древнѣйшее. въ немъ находили мы счастье въ первые годы нашей юности; тамъ же должны искать его и въ престарѣлыхъ лѣтахъ“ *). Сего то источника утѣшенія сей брвенной и бѣдами исполненной жизни нашей начиналъ и я искать; я чувствовалъ, что я не рожденъ къ одиночеству; мысль быть однимъ въ теченіе всей жизни и не имѣть человѣка, который бы имѣлъ ближайшее ко мнѣ чувство всегда меня тяготила. Но какъ я могъ найти сіе существо, которое бы. чувствуя ко мнѣ истинную привязанность. рѣшилось бы быть моею опорой и утѣшеніемъ? Гдѣ женщина. которая могла бы вполне чувствовать обязанности жены и матери? небогатое мое состояніе. образъ мыслей, многихъ впрочемъ, любезныхъ дамъ, заставляли меня отчаиваться найти то, чего столь пламенно желалъ я. Чувствуя. что не въ силахъ моихъ обрѣсти неоцѣнное сокровище въ вѣрной и доброй женѣ. я въ истинной покорности и увѣренности на благость Руководителя рода человѣческаго, рѣшительно положился на Его неизсякаемое милосердіе, ожидая не благоволитъ ли сей Всемилосердный Господь и Искупитель мой. благословить меня симъ даромъ по единой Его неописанной благости. Я не имѣлъ никакого дара ни внутренняго. ни наружняго. былъ брошенъ своими родителями среди мира, не бывъ ни къ чему способенъ по моему невѣжеству и необразованности, итакъ чего же я могъ надѣяться? только въ благости и милосердіи Отца сирыхъ обрѣлъ я толикое благословеніе, какого и многіе великіе міра сего не всегда достаютъ.

---

*) См. Французскіе нравы XIX столѣтія. Стр. 107. Жуи.

ПИСЬМО А. П. ЗОНТАГЪ ¹⁾ КЪ А. П. КИРЬЕВСКОЙ.

6 марта, 1855 года.

Ну, что, друзья мои, какъ вы поживаете и что у васъ новенькаго? Каково твое здоровье, моя Дуниша? Теперь осталась одна я, которая имѣю право называть тебя Дунишею, сестра моя. Да! еще есть другая съ этимъ правомъ: Анна Николаевна ²⁾. Немного ужъ настъ, старыхъ современницъ, доживающихъ вѣкъ! Всякому своя очередь повертѣться на сценѣ міра! Миѣ хотѣлось бы дожить до конца трагедіи, которая разыгрывается теперь, потому что, какъ уйдешь отсюда, ужъ не будетъ дѣла до того, что происходитъ на этомъ кровавомъ театрѣ: *si l' on y fait la paix, si l' on y fait la guerre, s'il est la des hères, des grands, des potentats, si le sort y ravi ou donne des états.*

Миѣ хотѣлось бы знать—кто этотъ Ростовцевъ, котораго такъ любить Государь. Ростовцевыхъ нѣсколько братьевъ; я немного знала одного изъ нихъ, и вотъ какимъ образомъ: въ 1828 году, во время войны съ турками, когда Императрица была въ Одессѣ, Егоръ Васильевичъ былъ инспекторъ карантиннаго и практическаго. Ему было пропастъ дѣла потому, что ни одинъ корабль не приходилъ и не уходилъ безъ него. Хотя Босфоръ, по причинѣ войны, былъ запертъ и торговли внѣшней никакой не было, но движеніе по Черному морю было превеликое. Множество иностранныхъ купеческихъ кораблей остались запертыми въ Одессѣ и всѣ они были зафрахтованы правительствомъ для перевоза войскъ и продовольствія къ арміи, находившейся за Дунаемъ: слѣдственно, безпрестанно корабли то приходили, то отходили; при чемъ требовалось личное присутствіе Егора Васильевича, такъ что онъ никогда не зналъ ни часа своего обѣда, ни завтрака. Онъ любилъ, чтобы чай разливали при немъ, и я тогда сама разливала чай въ угодность ему, хотя очень

¹⁾ Рожденной Юшковой.

²⁾ Арбенева, кузина.

не люблю этой операціи. Въ одно утро онъ ушелъ по должности, а я сидѣла въ столовой за самоваромъ, ожидая его къ завтраку; вдругъ услышала, что колокольчикъ въ сѣняхъ зазвенѣлъ, кто то взошелъ на лѣстницу, и отворилась дверь въ гостинную. Полагая, что это Егоръ Васильевичъ, я пошла на встрѣчу, не дожидаясь доклада. Вижу передъ собой молодого гвардейскаго офицера, совершенно мнѣ незнакомаго. Онъ молча мнѣ поклонился. Я спросила: „Вы конечно, имѣете дѣло до Егора Васильевича?“—„Точно такъ,—отвѣчалъ онъ, улыбаясь,—я желалъ бы видѣть Егора Васильевича“.—„Теперь его нѣтъ дома, но онъ долженъ скоро прійти потому, что еще не завтракалъ. Не угодно ли Вамъ пожаловать ко мнѣ и выкушать чашку чая?“ Онъ опять поклонился и пошелъ за мной въ столовую. Сѣвши за столъ, онъ засмѣялся, нѣсколько смутился и сказалъ: „позвольте мнѣ спросить: кто такой этотъ Егоръ Васильевичъ, къ которому я пришелъ?“ Можете себѣ вообразить какъ меня удивилъ такой вопросъ! Я сказала ему, что это мой мужъ и кто онъ такой, потомъ, въ свою очередь спросила, почему онъ пришелъ къ человѣку, о которомъ не имѣеть никакого повятія? Тутъ онъ сказалъ мнѣ, что онъ—Ростовцевъ, но болѣзнь былъ на кавказскихъ водахъ, когда началась война съ турками, и желая явиться въ полкъ, спрашивалъ у своего брата куда ему отправиться. Этотъ полкъ, егерскій гвардейскій, былъ уже за Дунаемъ. Братъ совѣтовалъ ему ѣхать въ Одессу, гдѣ всегда найдетъ скорѣйшее средство явиться къ полку. Ростовцевъ пріѣхалъ въ ночь въ Одессу, какъ въ лѣсъ, не зная ни одной души. Поутру онъ пошелъ на бульваръ, въ концѣ котораго домъ Воронцовыхъ, гдѣ жила Императрица, и почти въ серединѣ бульвара былъ нашъ домъ. Къ Императрицѣ гвардейскій офицеръ долженъ былъ явиться, но было еще слишкомъ рано, и Ростовцевъ расхаживалъ взадъ и впередъ по бульвару, почти безлюдному. Навстрѣчу ему—какой то грекъ. Ростовцевъ остановилъ его и спросилъ—не можетъ ли онъ сказать ему, къ кому онъ долженъ отнестись, чтобы отправиться къ арміи.—Грекъ отвѣчалъ: „а вотъ къ Егору Васильевичу, онъ очень хорошій человѣкъ, сдѣлаетъ все, что вамъ надобно, и вы стоите противъ его дома“. Грекъ не сказалъ ни фамиліи, ни должности того, къ кому посылалъ пріѣзжаго; а Ростовцевъ вошелъ прямо въ нашъ домъ, куда очень хорошо былъ адресованъ. Скоро пришелъ Егоръ Васильевичъ, мы вмѣстѣ все позавтракали и посмѣялись случившемуся. Ростовцевъ былъ у насъ еще разъ и очень скоро отправился. Но, бѣдный!—онъ въ одномъ дѣлѣ былъ тяжело раненъ, и раненый попался въ плѣнъ къ туркамъ вмѣстѣ съ Докторовымъ, который тогда былъ еще юнкеромъ, и 18-ю человѣками солдатъ. Все они очень много страдали, будучи въ плѣну. Однажды ихъ

поставили на колѣни, за каждымъ изъ нихъ сталъ турокъ съ обнаженною саблею и имъ велѣли готовиться къ смерти. Но въ ту минуту, какъ хотѣли съ нихъ снять головы, вошелъ посланный съ приказаніемъ вести ихъ въ Константинополь. Тамъ водили ихъ на показъ по улицамъ; народъ бросалъ въ нихъ грязь, камни, плевали на нихъ и, наконецъ, засадили въ тюрьму. Возвратились они изъ плѣна уже въ 1830 году, осенью, по заключеніи мира. Ростовцевъ и Докторовъ бывали у насъ. Ростовцевъ былъ очень печаленъ, и когда они пришли съ Докторовымъ, въ первый разъ вышедъ изъ карантина, Егоръ Васильевичъ просилъ ихъ отобѣдать у насъ, но Ростовцевъ отвѣчалъ: „нынче никакъ это невозможно!—сегодня мы угощаемъ нашихъ друзей-товарищей, тѣхъ солдатъ, которые были въ плѣну вмѣстѣ съ нами и которые вырабатывали деньги, чтобы насъ кормить“. Докторовъ много рассказывалъ о своемъ плѣнѣ, а Ростовцевъ, кажется, не могъ говорить объ немъ и былъ очень печаленъ. Вотъ мои милые, за неимѣніемъ лучшаго, маленькое повѣствованіе. Интересно ли оно вамъ покажется? Если нѣтъ—извините и не читайте! Обнимаю всѣхъ васъ. Христось съ Вами! Поздравляю съ днемъ рожденія Василія Кирѣевского.

ИЗЪ КАВКАЗСКОЙ СТАРИНЫ.

I.

Въ Маѣ мѣсяцѣ 1853 года я уже готовился сдавать экзамень на званіе чертежника архитектурныхъ плановъ, мечтая въ недалекомъ будущемъ сдѣлать для себя карьеру строителя городскихъ зданій,—какъ вдругъ, въ одинъ прекрасный день, къ крыльцу нашего дома въ Москвѣ подкатила почтовая повозка и изъ нея выпрыгнулъ въ мохнатой папахѣ кавказскій офицеръ. Это, оказалось, былъ родной братъ моей матери, давно служившій на Кавказѣ и теперь пріѣхавшій къ намъ на короткое время въ отпускъ. Нечего и говорить, что пріѣздъ изъ далекаго края такого дорогого гостя, рѣдко посѣщавшаго Москву, внесъ въ семью нашу не мало радости, но для меня собственно онъ имѣлъ особо важное значеніе, такъ какъ онъ разрушилъ мое намѣреніе сдѣлаться впоследствии архитекторомъ и черезъ какіе нибудь два мѣсяца, вмѣсто циркуля, я получилъ въ руки солдатское ружье.

Сложилось это дѣло очень просто: прогостивъ у насъ нѣсколько дней и присмотрѣвшись ко мнѣ, дядя, какъ то въ разговорѣ, предложилъ моей матушкѣ отпустить меня служить вмѣстѣ съ нимъ на Кавказъ. Не проча для меня военной карьеры, матушка сначала наотрѣзъ отказалась принять предложеніе своего брата, но настоятельная просьба его и совѣты родныхъ отпустить меня на Кавказъ поколебали ее, и въ концѣ концовъ, благословивъ меня на военное поприще, она со слѣдующаго же дня принялась снаряжать будущаго воина въ далекій путь.хлопотъ у нея съ этимъ дѣломъ было, конечно, не мало, но какъ бы тамъ ни было, а ко дню нашего отъезда всѣ сборы были окончены и 22 Іюня мы, съ дядей, выѣхали изъ Москвы.

Въ то время, то есть болѣе пятидесяти лѣтъ назадъ, на Кавказъ не существовало не только желѣзнодорожнаго пути, но не вездѣ по Руси проложены были и шоссеыя дороги, и потому весь путь отъ Москвы до первыхъ предгорій Кавказа намъ пришлось дѣлать почти цѣлый мѣсяць.

Томительно и скучно было тащиться изо дня въ день на почтовыхъ, просіяживая нерѣдко по нѣскольکو часовъ на станціяхъ въ ожиданіи очереди получить лошадей, а за тѣмъ трястись по проселочнымъ дорогамъ, погружаясь или въ страшную пыль, или вязнуть въ грязи, дѣлая иногда не болѣе трехъ, четырехъ верстъ въ часъ.

Но непріятное впечатлѣніе всѣхъ этихъ мытарствъ у меня почти совсѣмъ изгладилось, когда въ одинъ ясный день передъ нашими глазами показалась въ синеватой дали темная полоса высокаго кряжа кавказскихъ горъ, и, среди нихъ, почти прикрытый снѣжнымъ шатромъ, величественный Казбекъ. Я долго всматривался въ этихъ великановъ и мнѣ невольно грезились картины битвъ русскихъ съ черкесами въ тѣхъ яркихъ краскахъ, въ какихъ они воспроизведены напр. въ романѣ „Битва русскихъ съ кабардинцами, или очень трогательной повѣсти, гдѣ прекрасная магометанка умираетъ на гробѣ своего супруга“,—произведеніи хотя и довольно любочнаго пошиба, но которымъ я увлекался до страсти, перечитывая его по нѣскольکو разъ.

О юныя грезы, какъ далеки вы были отъ дѣйствительности!

Въ станицѣ Шелхозаводской, расположенной на рѣкѣ Терекѣ, оканчивался почтовый трактъ и отсюда дальнѣйшій путь къ укрѣпленію Темиръ-ханъ-Шуръ,—штабу Дагестанской области,—совершался уже въ сопровожденіи оказіи*), съ которой и перевозились въ Прикаспійскій край всѣ письма и посылки. Здѣсь слѣдующіе къ Темиръ-ханъ-Шуръ должны были нанимать вольныхъ лошадей у казаковъ, которые, занимаясь извозомъ, брали отъ Шелковой до Шуры за пару лошадей въ простой повозкѣ отъ 50 до 60 рублей. И это за перегонъ всего ста съ небольшимъ верстъ!

Условившись съ однимъ изъ этихъ возчиковъ везти насъ за 50 руб. до укрѣпленія Темиръ-ханъ-Шуры, мы дождались слѣдовавшей туда оказіи и съ нею тронулись дальше. Дорога сначала идетъ у под-

*) Оказія—конвой изъ пѣхотной или кавалерійской части.

ножія невысокаго кряжа горъ и отъ аула Кунтръ-коле, сворачивая въ горы, пролегаетъ до самой Шуры зигзагами по руслу рѣчки Шуринки. Эта небольшая рѣченка беретъ начало въ горахъ, и въ сухое время года такъ ничтожна, что иѣшему легко ее перешагнуть не замочивъ даже ногъ; но надобно видѣть эту Шуринку послѣ сильнаго дождя въ горахъ.

Тогда въ короткое время она принимаетъ видъ бурнаго потока и переправа черезъ нее въ ту пору становится уже настолькоъ трудною и опасною, что бывали случаи, когда въ ея бушующихъ стремнинахъ погибали даже троечныя повозки со всеѣми людьми и лошадьми.

У аула Кунтръ-коле вся оказія расположилась почевать на открытой полянѣ. Вечеръ выдался прекрасный и скоро изъ селенія къ намъ набѣжало множество маленькихъ татарченковъ, которые были уже настолькоъ обрусѣлыми, что почти всеѣмъ не дичились русскихъ и охотно показывали намъ свое искусство стрѣльбы въ цѣль изъ лука. Горцы съ ранняго возраста пріучаютъ своихъ сыновей къ стрѣльбѣ и потому наметка даже у мальчугановъ семи—восьми лѣтъ просто изумительна. Мы видѣли, какъ одинъ изъ такихъ малышей на разстояніи 25 шаговъ почти безъ промаха понадалъ стрѣлою въ ту точку, какая ему была указана на предметъ, но, пріученный за свою мѣткую стрѣльбу получать награду, смѣло затѣмъ подходилъ къ кому нибудь изъ пробѣгающихъ и настойчиво требовалъ дать ему за это шауръ *).

На слѣдующій день мы съ оказіею добрались въ Темиръ-ханъ-Шуру и остановились тамъ на нѣсколько дней.

Нынѣ областной городъ, Темиръ-ханъ-Шура въ 1859 г. именовалась еще укрѣпленіемъ. Обнесенное кругомъ одноэтажными казармами, съ пробитыми въ наружныхъ стѣнахъ бойницами, оно имѣло лишь нѣсколько пыльныхъ улицъ идущихъ въ лучеобразномъ направленіи отъ находящейся посреди площади къ окраинамъ и было такъ не велико, что его въ одинъ часъ можно было обойти кругомъ, и даже побывать на азійскомъ базарѣ, который въ лѣтнюю пору всегда бываетъ загроможденъ грудами винограда, персиковъ, арбузовъ и цѣлыми горами сушеныхъ плодовъ.

---

*) Шауръ—пять коп. сереб.

Тутъ почти исключительно торгуютъ армяне и персы, которые, сидя на разостланныхъ по землѣ буркахъ, нараспѣвъ восхваляютъ достоинство своего товара и наперебой стараются привлечь къ себѣ покупателей.

Дешевизна всѣхъ этихъ предметовъ въ Шурѣ тогда была баснословная: такъ напр. самый лучший виноградъ, который въ Москвѣ продавался 60 и 70 коп. за фунтъ, тутъ можно было купить по 5 или 6-ти коп. за око*), а арбузы и дыни отдавались чуть ли не 2 коп. за штуку. Помню, на первыхъ порахъ, я такъ набросился на всю эту снѣдь, что чуть было не заплатилъ за свою неумѣренность, и только благодаря во время принятымъ мѣрамъ, избѣжалъ весьма опасныхъ послѣдствій.

Въ Шурѣ мы пробыли всего лишь три дня и съ конной оказіей отправились черезъ укрѣпленіе Евгеніевское въ штабъ-квартиру Дагестанскаго пѣхотнаго полка, который тогда расположенъ былъ въ укрѣпленіи Бургунаѣ.

Отъ Шуры до Евгеніевскаго считается около сорока верстъ. Путь сначала идетъ широкой долиной вплоть до, такъ называемыхъ, Волчьихъ воротъ,—двухъ небольшихъ горныхъ возвышенностей, близко сошедшихъ одна съ другою,—и отсюда, проходя холмистою возвышенностию, тянется верстъ около пятнадцати по солончаковой почвѣ, покрытой кое-гдѣ жалкимъ бурьяномъ, который однако составляетъ достаточный кормъ для невзыскательныхъ горскихъ барановъ, пасущихся здѣсь мелкими стадами круглый годъ.

Не доѣзжая версты полторы до укр. Евгеніевскаго, среди каменистыхъ холмовъ, начинаютъ показываться маленькія башни съ красными крышами, а затѣмъ вскорѣ открывается и все укрѣпленіе. Это небольшое укрѣпленіе построено въ 1841 году генераломъ Головинымъ послѣ взятія имъ Хубарскихъ высотъ и служило обезпеченіемъ укрѣпленнаго моста черезъ рѣку Сулакъ,—единственной переправѣ изъ Солотовіи въ Шамхольство Торковское. Оно расположено было на правой сторонѣ Сулака, на противоположной сторонѣ котораго находился знаменитый въ прошломъ, но давно разоренный аулъ Черкей.

Окруженное со всѣхъ сторонъ крутыми высотами Евгеніевское, лежало въ глубокой котловинѣ, защищенной отъ сѣверныхъ вѣтровъ,

*) Око—три фунта.

почему климатъ тамъ настолькоъ тепелъ, что зима всегда проходитъ безъ снѣга, а въ лѣтнюю пору жара достигаетъ до 45 и даже болѣе градусовъ. Несмотря однако на высокую температуру, большое изобиліе фруктовъ и употребленіе Сулакской воды, которая лѣтомъ, при таяннн снѣговъ въ горахъ, дѣлается очень мутной,—мѣстность эта настолькоъ здоровая, что тамъ почти совсѣмъ не бываетъ болѣзней свойственныхъ жаркимъ странамъ. Съ окончаніемъ войны на Кавказѣ, укрѣпленіе Евгеніевское было упразднено, и только остались двѣ маленькія башни по обѣимъ сторонамъ моста черезъ Сулакъ, гдѣ и размѣщается до сего времени небольшой карауль.

Прямо отъ моста, по лѣвую сторону рѣки, начинается крутой подъемъ, по которому дорога идетъ въ укрѣпл. Буртунай.

Туда изъ Евгеніевскаго, въ то время, оказія ходила одинъ разъ въ недѣлю и состояла уже изъ цѣлаго баталіона пѣхоты и взвода полевой артиллеріи.

Съ такою оказіею въ назначенный день мы и вышли рано утромъ изъ Евгеніевскаго. Погода была пасмурная и, хотя, довольно теплая, но чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ становилось свѣжѣе и свѣжѣе. Вскорѣ на всю окрестность налегъ густой туманъ и посыпалась мелкая изморось, пронизывавшая насъ до костей. Огромный Черводарскій транспортъ съ боевыми снарядами, перекинутыми черезъ вьючныя сѣдла, медленно тянулся, звеня своими колокольчиками и безпрестанно заставлялъ приостанавливаться всю оказію, которая и безъ того ползла чуть не черепашинымъ шагомъ. Подъемъ на гору былъ очень труденъ, его приходилось дѣлать около двѣнадцати верствъ, чтобы подняться до перевала горы Ибрагимъ-Дада, которая возвышается надъ морскимъ уровнемъ болѣе чѣмъ на семь тысячъ фут.—Проклятая Дада!—такъ обзывали эту гору наши солдаты.

Много стоила она жертвъ! Года непроходило чтобы на ней ктонибудь бы не замерзъ или сильно не ознобилъ себѣ рукъ и ногъ. Выйдетъ, бывало, оказія изъ Евгеніевскаго въ хорошую погоду, а поднимется на Ибрагимъ-Дада,—смотреть на ней бушуетъ метель. Впрочемъ, пройти по вершинѣ этой горы нужно было всего лишь около двухъ верствъ, а затѣмъ начинался спускъ къ Теренгульскому оврагу, по другую сторону котораго и расположенъ былъ штабъ Дагестанскаго пѣхотнаго полка.

Страшно глубокой Теренгульской оврагъ былъ своего рода достопримѣчательностию Салавгій. До 1857 года,—то есть до взятія нашими войсками аула Новаго Буртунай, лежащаго верстахъ въ четырехъ ниже Теренгульскаго оврага и Старога Буртунай,*)—оврагъ этотъ былъ сплошь покрытъ громаднѣмъ лѣсомъ. Шамиль, подѣ страхомъ смертной казни, запретилъ рубить даже сучья этого заповѣднаго лѣса, и пройти оврагъ, не зная всѣхъ тропинокъ его, было положительно невозможно. Полагая себя обезпеченнымъ съ этой стороны отъ вторженія русскихъ въ Солотовію, Шамиль ограничился постановкою на Буртунаевской высотѣ одной сторожевой башни, гдѣ для наблюденія и находилось всегда нѣсколько человѣкъ мюридовъ.

Когда предположено было занять Буртунай, какъ мѣсто весьма важное для насъ въ стратегическомъ отношеніи,—къ укр. Евгеніевскому былъ собранъ въ 1857 году значительный отрядъ, который лѣтомъ и двинулся къ Буртунаю. Пользуясь густымъ туманомъ, отрядъ незамѣченный горцами, пробрался по совершенно открытой впереди оврага мѣстности къ самому Теренгулу, и, имѣя при себѣ хорошаго проводника горца, перешелъ по незнакомымъ тропинкамъ на другую сторону, но такъ тихо и скрытно, что изъ сторожевой башни мюриды замѣтили движеніе русскихъ только тогда, когда часть отряда была уже на горѣ. Какъ водится башню раззорили, мюридовъ—сторожей переклоли и отрядъ занялъ высоты. Узнавъ объ этомъ, Шамиль быстро собралъ полчище въ нѣсколько тысячъ конныхъ и пѣшихъ мюридовъ, привезъ свои орудія и, ставъ на позицію за глубокою балкою, началъ громить ядрами нашъ отрядъ. Однако вреда особеннаго онъ не причинилъ и, пострѣлявъ нѣсколько дней, удалился затѣмъ со своими мюрами восвояси.

Взявъ Теренгульскій оврагъ, можно было легко овладѣть и ауломъ Новый Буртунай, который въ томъ же году и былъ взятъ штурмомъ въ ночь на 5 Октября.

Такъ палъ аулъ Новый Буртунай, а за тѣмъ погибъ и заповѣднѣ Теренгульскій лѣсъ, вѣковья чинары котораго пошли на постройку новаго укрѣпленія Буртунай.

Буртунаевская высота лежитъ болѣе пяти тысячъ футовъ надъ морскимъ уровнемъ. Отсюда открывается чудный видъ на лѣсные гор-

*) Аулъ Старый Буртунай былъ взятъ русскими еще въ 1845 году, но тогда войска наши здѣсь не утвердились и ограничились только лишь раззореніемъ этого аула.

ные отроги, которые, понижаясь отъ Тавлинскаго хребта, отдѣляющаго Гумбетъ отъ Салатави, сливаются въ туманной синевѣ съ Кумыкскою плоскостію. Тамъ, въ ясный солнечный день, отчетливо видно съ вы-сотъ укрѣпленіе Чирь-Юртъ—штабъ двухъ драгунскихъ полковъ: Сѣверскаго и Нижегородскаго,—а за нимъ далѣе, точно оазисъ, бѣлѣется на бесплодной равнинѣ Хасовъ-юртъ съ его бѣлою церковью и крѣпостными стѣнами,—это штабъ Кабардинскаго пѣхотнаго полка. Самое укрѣпленіе Буртунай, тогда еще только строившееся, и примы-кавшій къ нему форштотъ, расположены полукругомъ по склону горы и временно обнесены были землянымъ валомъ съ колючею из-городью.

Съ южной стороны, близъ каваліеръ-батареи, протекаетъ по глу-бокому оврагу маленькая рѣчка, которая и снабжаетъ весь штабъ пре-восходною водою.

Ниже укрѣпленія, надъ мѣстною балкою, возвышается небольшой курганъ, получившій названіе „Кургана Шольца“ въ память разы-гравшагося на немъ въ 1857 году кроваваго несчастья. Объ этомъ пе-чальномъ случаѣ мнѣ рассказывали сами очевидцы и я, со словъ ихъ, теперь передамъ какъ произошло это дѣло.

Въ первое время по занятіи Буртуная, для обезпеченія на случай опасности, которая могла грозить болѣе всего со стороны лѣсистой балки, находящейся на западной сторонѣ,—туда ежедневно выстав-лялся денной пикетъ, состоящій изъ полувзвода солдатъ при офицерѣ, Упомянутый курганъ представляетъ самое удобное мѣсто для пикета, потому что оттуда можно было видѣть не только всю балку, но и спускъ къ ней съ противоположной стороны.

И вотъ, въ одинъ изъ злополучныхъ дней, пикетъ рано утромъ, отправился обычнымъ порядкомъ на курганъ подъ командою Дагестан-скаго полка штабъ-капитана Шольца. Заступая на этотъ пикетъ уже не въ первый разъ, и не предвидя никакой опасности, Шольцъ, по своей безпечности, не слишкомъ заботился о соблюденіи правилъ фор-постной службы и, приближаясь къ мѣсту пикета, не выслалъ впередъ какъ бы слѣдовало, развѣдывающаго патруля. Горцы давно примѣ-тили, что команды русскихъ часто ходятъ на пикетъ, не принимая никакихъ предосторожностей и рѣшились воспользоваться такимъ слу-чаемъ, чтобы вырѣзать его.

Какъ и всегда пикеть занялъ курганъ и составилъ ружья въ козлы; но едва лишь солдаты расположились по кучкамъ около ружей,—какъ горцы, бывшіе еще съ ночи въ засадѣ за курганомъ, съ гикомъ выскочили изъ оврага и давъ залпъ изъ ружей, бросились въ пашки на пикеть. Въ одинъ мигъ штабъ-капитанъ Шольцъ и всѣ солдаты были изрублены въ куски и спасся лишь только одинъ рядовой, забившійся въ кустахъ, гдѣ, незамѣченный въ суматохѣ горцами, онъ и пролежалъ все время, пока они обирали вещи съ убитыхъ и, захвативъ солдатскія ружья, не скрылись всѣ за курганомъ.

Надобно замѣтить, что все это произошло на глазахъ большого отряда, который стоялъ лагеремъ около крѣпости; но пока дежурная часть добѣжала до пикета на курганъ,—тамъ все уже было кончено и не осталось никакого слѣда отъ горцевъ.

Штабъ-капитана Шольца нашли между солдатскими трупами совершенно обнаженного и до такой степени изуродованнаго, что его трудно было и узнать.

Съ того памятнаго дня курганъ этотъ и получилъ названіе „Шольцова кургана“. Штабъ-капитана Шольца и погибшихъ вмѣстѣ съ нимъ солдатъ схоронили на томъ же курганѣ, а поставленный надъ ними бѣлый крестъ, вѣроятно, виденъ на томъ мѣстѣ и до нынѣ.

Нужно сказать что въ Буртунаѣ,—краѣ только что занятомъ русскими,—въ первое время было до того опасно, что невооруженнымъ людямъ нельзя было далеко отходить отъ укрѣпленія не подвергаясь опасности плѣна или быть подстрѣленнымъ изъ-за камня какими нибудь буйрусами рыскавшими постоянно вблизи крѣпости.

Смѣлость этихъ хищниковъ доходила до того, что однажды шайка въ нѣсколько человекъ захватила въ плѣнъ и угнала въ горы трехъ нашихъ фурштатовъ съ ихъ быками, на которыхъ они везли воду изъ рѣчки. И это опять произошло среди бѣлаго дня, почти у самой каваліеръ-батареи, и даже на виду стоявшаго при орудіяхъ часового, который хотя и сдѣлалъ тревогу выстрѣломъ, но, пока выслана была погоня изъ укрѣпленія, разбойники съ плѣнными и быками успѣли такъ хорошо скрыться, что сколько не искали по оврагамъ и балкамъ этихъ головорѣзовъ, а найти не удалось даже и слѣдовъ ихъ. Впослѣдствіи, впрочемъ, одинъ изъ фурштатовъ выбѣжалъ къ намъ изъ горъ, но два другіе съ быками такъ и пропали безслѣдно.

Климатъ Буртуная чрезвычайно благодатный: тамъ не бываетъ ни сильныхъ жаровъ лѣтомъ, нѣтъ ни мухъ или другихъ насѣкомыхъ причиняющихъ въ низменныхъ мѣстахъ Кавказа много неудобствъ, а зимою бываютъ не рѣдко такіе теплые дни, что можно свободно выходить на улицу въ легкой одеждѣ. Но при всемъ этомъ въ Буртунаѣ бывали случаи когда намъ приходилось видѣть и среди лѣта на улицахъ довольно глубокой снѣгъ, но, конечно, на очень короткое время. Я помню на примѣръ, какъ въ Іюль 1861 года на Киркинской возвышенности, верстахъ въ пяти отъ Буртуная, разыгралась вдругъ страшная метель и захватила на ней нашу оказію, слѣдовавшую изъ горъ въ Буртунай. Метель разбушевалась тамъ съ такою силою, что вся оказія едва было не погибла въ снѣгу и спаслась благодаря опытности колоннаго начальника штабъ-капитана Фіалковскаго—старога кавказца,—который успѣшилъ укрыть всю колонну въ глубокую балку, но потерялъ всетаки двухъ солдатъ и нѣсколько лошадей со вьюками, свалившихся во время метели въ кручу, гдѣ ихъ трупы и были найдены на другой день окоченѣвшими въ снѣгу.

Въ гервой по овинѣ Августа мѣсяца всѣ главныя постройки въ Буртунаѣ были начерно закончены и передъ роспускомъ отряда, собраннаго сюда еще съ весны для работъ, командующій войсками въ Прикаспійскомъ краѣ генераль-адъютантъ баронъ Врангель, рѣшилъ предпринять движеніе въ непокорное намъ Ауховское общество. Цѣлью этого движенія было уничтожить готовые уже къ сбору хлѣбныя посѣвы ауховцевъ и тѣмъ принудить ихъ къ выселенію въ болѣе отдаленные раіоны отъ Буртуная. Къ такой мѣрѣ прибѣгнуть командующаго войсками вынуждало крайне враждебное отношеніе къ русскимъ жителямъ окружающихъ ауловъ, которые, пользуясь близкимъ соседствомъ, часто безнаказанно отгоняли скотъ у слободскихъ жителей и, какъ я говорилъ, захватывали даже въ близп крѣпости въ плѣнъ одинокихъ людей, въ расчетѣ получить впоследствии за нихъ выкупъ. Кромѣ этого признавалось необходимымъ расчистить просѣки начатыя еще въ прошломъ году и возстановить черезъ Солотовію прямое сообщеніе сѣвернаго Дагестана съ Кумыкскою плоскостію.

Приказъ о выступленіи отряда въ урочище Аухъ засталъ баталіонъ, къ которому я былъ прикомандированъ, на покосѣ. Въ то боевое время, эта весьма важная отрасль полковаго хозяйства производилась у насъ своеобразнымъ путемъ: такъ, чтобы заготовить необходимый запасъ сѣна для казенноподъемныхъ лошадей, которыхъ состояло тогда въ полку болѣе двухсотъ, назначался обыкновенно одинъ баталіонъ.

Занявъ намѣченныя заранѣ поляны, баталіонъ въ нѣсколько дней нагашивалъ десять, пятнадцать тысячъ пудовъ сѣна и все это количество перевозилъ въ штабъ. А недостатъ на зиму этого запаса—идуть тогда два, три баталіона въ горы, навьючать лошадей непріятельскимъ сѣномъ, которое у горцевъ всегда остается въ огромномъ количествѣ на поляхъ, и полкъ, такимъ образомъ, опять обезпеченъ фуражемъ на долгое время. Правда, такого рода походы не всегда обходились намъ дешево, и случалось, что вмѣстѣ съ непріятельскимъ сѣномъ баталіоны привозили нѣсколько человѣкъ убитыхъ и раненыхъ; но вѣдь на Кавказѣ тогда каждый шагъ стоилъ жертвъ, и съ этимъ войска давно уже свыклись.

18 Августа 1858 года состоялся приказъ по полку о зачисленіи меня въ списки Дагестанскаго полка унтеръ-офицеромъ изъ вольноопредѣляющихся; въ тотъ же день я получилъ изъ ротнаго цейхгауза все обмундированіе, боевое снаряженіе состоящее изъ гладкоствольнаго ружья, сумы съ боевыми патронами и вмѣсто ранца, холщевый мѣшокъ для хлѣба и сухарей.

Тутъ я долженъ сдѣлать небольшое отступленіе отъ разсказа, чтобы дать хотя нѣкоторое понятіе о строевомъ образованіи, какое велось тогда въ нашемъ полку и о вооруженіи кавказскихъ войскъ того времени.

Начну съ того, что фронтовыя занятія, если и велись у насъ, то лишь урывками и очень рѣдко, а практическая стрѣльба и совѣмъ почти не проходила. Это, конечно, можетъ казаться весьма страннымъ даже и непосвященному въ военное дѣло, но надобно принять въ расчетъ, что кавказскія войска зиму и лѣто заняты были работами по укрѣпленіямъ и часто по нѣсколько мѣсяцевъ находились въ экспедиціяхъ при проложеніи въ лѣсахъ просѣкъ и разработкѣ дорогъ въ горахъ. Конечно, какъ во всѣхъ полкахъ, были и у насъ всѣ существующіе тогда уставы воинской службы; но во 1-хъ въ эти уставы никто никогда не заглядывалъ и они преспокойно хранились часто даже неразрѣзанными въ сундукахъ ротныхъ писарей, а во 2-хъ, не велика была и нужда въ этихъ книжныхъ пособіяхъ, когда всѣ требованія въ кавказской войнѣ сводились лишь къ тому, чтобы умѣть разсыпаться въ цѣпь примѣняясь къ мѣстности, давать при стрѣльбѣ дружные залпы и лихо брать въ штыки врага, будь онъ въ полѣ, въ лѣсу или за завалами. А всѣмъ этимъ эволюціямъ учила насъ сама война и опытъ старыхъ, закаленныхъ въ бояхъ служахъ, подъ руководствомъ кото-

рыхъ прибывающіе молодые солдаты превосходно усваивали эту отрасль военной службы и дѣлались въ короткое время годными стать въ ряды своихъ боевыхъ товарищей.

О вооруженіи солдатъ и офицеровъ можно сказать тоже, что и о фронтальной службѣ. Оно находилось въ томъ же первобытномъ состояніи, въ какомъ была нѣсколько лѣтъ назадъ вся русская армія, выдержавшая не оружіемъ, а безпримѣрнымъ мужествомъ и стойкостью, восьмимѣсячную осаду на стѣнахъ многострадальнаго Севастополя. Такъ въ 1858 году кавказскія войска вооружены были еще ударными гладкоствольными ружьями, заряжавшимися съ дула, по старинному уставу на двѣнадцать темповъ; а Самурекій пѣхотный полкъ имѣлъ въ то время даже старыя кремневые ружья, которыя годны были для боя скорѣе какъ холодное оружіе, но отнюдь не какъ огнестрѣльное. Патроны къ этимъ ружьямъ были съ круглыми пулями въ бумажныхъ гильзахъ, въ которыя порохъ насыпался не по опредѣленной мѣрѣ, а прямо на глазокъ, почему одни выстрѣлы раздавались точно какъ хлопушки, а другихъ, съ меньшимъ количествомъ пороха, даже не слышно было и вовсе. Такихъ патроновъ каждый солдатъ имѣлъ у себя 60 штукъ въ патронной сумѣ и, кромѣ того, еще 20 въ маленькомъ патронташикѣ, пристегнутомъ тонкимъ ремешкомъ на груди.

Нечего и говорить, что поражаемость изъ этихъ ружей была самая ничтожная, и если при стрѣльбѣ изъ нихъ на 200 или 300 шаговъ,— въ мишень величиною чуть не въ большія ворота,—попадало изъ 100 пуль 15—20,—то это уже считалось весьма удовлетворительной стрѣльбой!!

И вотъ съ такимъ то вооруженіемъ велась наша полувѣковая война съ воинственными и несравненно лучше насъ вооруженными народами Кавказа.—война, которая, однако, покрыла громкою славой кавказскія войска и доньятъ воспоминающія въ своихъ пѣсняхъ славныхъ героевъ и бывшя сраженія того, далеко отшедшаго отъ насъ, времени.

Новое вооруженіе нарѣзными ружьями, заряжающимися, однако, какъ и прежнія съ дула, Дагестанскій полкъ получилъ только къ началу 1858 года. Этими ружьями сначала были вооружены одиѣ только стрѣлковыя роты, но и это одно уже дало большой перевѣсъ нашимъ войскамъ надъ горцами; и когда они замѣтили, что пули нашихъ ружей стали вдругъ поражать ихъ на 1000 и болѣе шаговъ,—

они только руками разводили и, покачивая головой съ недоумѣніемъ говорили:—Шайтанъ урусъ, *большой шайтанъ!*¹⁾ Убѣжденные, что русскіе водятся съ самимъ чертомъ, который относитъ ихъ пули на такое большое разстояніе, горцы съ теченіемъ времени замѣтно стали утрачивать свой воинственный пылъ, и только въ густыхъ лѣсахъ еще рѣшались приближаться къ русскимъ отрядамъ, но и это проявлялось у нихъ далеко уже не съ тою отвагою, какъ бывало прежде.

Вооруженіе офицеровъ состояло изъ пистолета (револьверы тогда только что входили въ употребленіе и ихъ имѣли немногіе) и азіатской шашки, ножины которой у большинства были обдѣланы въ серебро съ чернію или золотою насѣчкою.

Вотъ и все, съ чѣмъ ходили тогда наши войска въ бой!

Но продолжаю разсказъ. И такъ 18 Августа я смѣнилъ свой сѣренкій сюртучекъ на военный мундиръ, а 19 числа у насъ получено было приказаніе: „войскамъ Салатовскаго отряда выступить на слѣдующій день въ урочище Дылымъ, гдѣ и приступить къ уничтоженію на поляхъ кукурузы²⁾ и другихъ хлѣбныхъ посѣвовъ, какъ находившихся у горцевъ на корню, такъ и собранныхъ въ скирды.

Походные сборы наши были не долги, и рано утромъ 20 Августа все было уже готово къ выступленію: палатки сняты и уложены во выюки, трехдневный провіантъ розданъ солдатамъ на руки и патронныя сумы пополнены свѣжимъ комплектомъ боевыхъ патроновъ.

Послѣ напутственнаго молебна къ отряду прибылъ начальникъ дивизіи баронъ Врангель, который проѣхавъ по полкамъ, поздравилъ всѣхъ съ походомъ, и отрядъ съ пѣснниками впереди, заколыхался по извивамъ старой дороги на аулъ Новый Буртувай.

Утро было ясное, обѣщавшее жаркій день. Солдаты еще передъ выступленіемъ сбросили съ себя мундиры приторочивъ ихъ къ сухарнымъ мѣшкамъ и весело переговаривались покуривая трубочки, которыя у иныхъ были обдѣланы въ серебрянную оправу и носились на шейной цѣпочкѣ.

Офицеры почти всѣ были верхомъ. Это отступленіе отъ устава не только не преслѣдовалось въ походѣ начальствомъ, но, напротивъ,

¹⁾ Шайтанъ.—нечистая сила.

²⁾ Въ Чечнѣ и Дагестанѣ кукуруза составляетъ самый главный предметъ продовольствія горцевъ.

даже вмѣнялось въ нѣкоторую обязанность имѣть офицеру свою лошадь, въ силу той необходимости, что на строевого офицера возлагались иногда такія порученія, которыя онъ не могъ бы выполнить, не имѣя у себя верхового коня. Для походнаго багажа многіе имѣли кромѣ того еще и вьючную лошадь, а у кого таковой не было, тотъ обыкновенно привязывалъ сзади своего сѣдла переметныя сумы съ необходимыми вещами, клалъ на нихъ свернутую въ трубочку бурку и, такимъ образомъ, при офицерѣ находилось все его походное хозяйство съ необходимымъ запасомъ бѣлья и платья; причемъ бурка замѣняла постель, а подушка отъ сѣдла обыкновенно шла подъ голову.

Къ Дылыму отряда нашъ подошелъ часовъ около трехъ пополудни и расположился лагеремъ на большой полянѣ, сплошь засѣянной неприятельской кукурузой. Тотчасъ приказано было косить поле и въ какойнибудь часъ времени вся кукуруза была уничтожена совершенно. По лагерю задымилась костры и скоро вокругъ нихъ образовались цѣлыя гирлянды солдатскихъ котелковъ, наполненныхъ спѣлой кукурузой, обѣщая солдатамъ дать вкусную прибавку къ казенному ужину.

Избравъ операціоннымъ базисомъ Дылымъ, баронъ Врангель въ первые дни приступилъ къ расчеткѣ старой просѣки отъ Дылыма къ Буртунаю. Горцы ни чѣмъ не тревожили насъ, но довольно часто показывались небольшими группами гдѣнибудь на опушкѣ лѣса, откуда видимо наблюдали за дѣйствіями отряда, стараясь однако держаться вдалекѣ отъ нашихъ аванпостовъ.

Но вотъ вечеромъ на 22 Августа по отряду было отдано приказаніе: выдѣливъ два баталіона Самурскаго полка для охраны бивака, — остальнымъ частямъ и артиллеріи выступить съ разѣтомъ на развѣдку, которая будетъ произведена по направленію къ Кпшенъ-Ауху. Движеніе предписывалось сдѣлать усиленнымъ маршемъ безъ палатокъ и тяжести, имѣя съ собою продовольствія на два дня.

Стояла тихая и еще глубокая ночь, когда я услышалъ изъ палатки шумъ поднимавшихся солдатъ и крики фельдфебелей „выходить людямъ къ ризгету“. Я быстро одѣлся и пошелъ по лагерю. Кое гдѣ догорали костры и около нихъ въ полной амуниціи стояли группами солдаты весело болтая между собою и, по обыкновенію, отпуская довольно двусмысленныя остроты по адресу когонибудь изъ присутствующихъ тутъ же своихъ товарищей.

Въ офицерскихъ палаткахъ свѣтились огоньки. Я заглянулъ въ раскрытую пастежь полатку штабъ-капитана Кошинскаго, который, уже совсѣмъ одѣтый, сидѣлъ въ бѣлой фуражкѣ на барабанѣ и допивалъ свой чай.

—А! сказалъ онъ увидя меня,—вы тоже съ нами, и даже готовы! Ну, должно быть мнѣ придется, юный мой, сегодня васъ поздравить.

—Съ чѣмъ это Димитрій Степановичъ? спросилъ я.

—Да съ обновленіемъ, мой другъ, съ обновленіемъ. Вѣдь придется же вамъ, какъ новичку, поклоняться сегодня чеченскимъ пулямъ:—но вы однако не смущайтесь,—добавилъ капитанъ желая ободрить меня.—такъ вѣдь бывало на первыхъ порахъ со всѣми нами. Будьте только хладнокровны, не поддавайтесь сильно впечатлѣніямъ, если увидите убитыхъ или раненыхъ, и, главное, не думайте въ дѣлѣ о смерти.

У меня невольно екнуло сердце отъ предстоящаго мнѣ обновленія, но я храбрясь отвѣчалъ, что во всякомъ случаѣ трусить не буду.

—Ну, то то же—помните это. А теперь, кажется, пора идти и къ ротѣ,—сказалъ капитанъ взглянувъ на часы,—скоро будемъ выступать.

Проиграли горнисты сборъ и всѣ поспѣшили къ своимъ мѣстамъ. Забѣжавъ въ свою палатку я усердно положилъ на востокъ три земныхъ поклона, поцѣловалъ свой маленькій образокъ, надѣтый мнѣ на шею рукою матери при отправленіи на Кавказъ, и черезъ минуту уже былъ у своей роты.

—Справа по отдѣленіямъ, маршъ!—послышались команды ротныхъ командировъ, и роты по очереди стали вытягиваться изъ лагеря.

Кругомъ было тихо. Приученные къ ночнымъ движеніямъ солдаты вполголоса лишь переговаривались между собою, но курить никто не смѣлъ. Такъ прошли мы около четырехъ верстъ, а о горцахъ ни слуху, ни духу,—точно будто они и не вѣдали о нашемъ движеніи.

Но вотъ стало свѣтать. Отрядъ рассыпалъ въ обѣ стороны сильныя цѣпи и вскорѣ началъ втягиваться въ густой, мелкій лѣсъ.

Быть въ цѣпи при движеніи по лѣсу, гдѣ нѣтъ ни дорогъ ни тропинокъ и вдобавокъ къ тому сучья на каждомъ шагѣ хлещутъ по лицу, угрожая ежеминутно выколоть глаза—дѣло очень не легкое. Кромѣ того тутъ нужна и крайняя осторожность относительно непріятельскихъ засадъ, которыя горцы очень искусно умѣютъ устраивать въ лѣсахъ, возводи для того почти незамѣтные завалы.

Мнѣ не разъ случалось слышать рассказы старыхъ кавказцевъ, что въ густыхъ лѣсахъ Чечни горцы, сдѣлавъ засаду, вдругъ неожиданно нападали на цѣпь и рубили ее, захвативъ нѣсколько звеньевъ сразу. При той быстротѣ и ловкости, съ какою они всегда производили эти внезапныя нападенія, выручка рѣдко успѣвала оказать тутъ цѣпи какую нибудь помощь, и чаще ей приходилось только подбирать своихъ убитыхъ и раненыхъ или просто не найти нѣсколькихъ члвкъ взятыхъ горцами въ плѣнъ.

Впрочемъ на этотъ разъ все обошлось благополучно. Горцы нигдѣ не показывались, и мы безъ выстрѣла подошли въ полдень къ маленькому укрѣпленію Кишень-Ауху, расположившись бивакомъ на рѣчкѣ Ярыкъ-Су. По обыкновенію тотчасъ же задымились костры, солдаты заварили свое походное кушанье мамолыгу¹⁾, и бивакъ скоро принялъ обычный видъ. Устраиваться на ночлегъ приходилось, конечно, на открытомъ воздухѣ, но это еще небольшое неудобство для кавказскихъ офицеровъ и въ особенности для тѣхъ, кто имѣетъ при себѣ бурку.

Завернувшись въ такую бурку спать превосходно, а главное вполне безопасно отъ скорпіоновъ и фалангъ, которые въ низменныхъ мѣстахъ водятся во множествѣ, но, очень боятся бараньей шерсти, почему никогда и не подползаютъ даже близко къ буркѣ²⁾.

Осмотрѣвъ подробно всю мѣстность отъ Дылыма до Кишель-Ауха, отрядъ на слѣдующій день тронулся обратно. Однако въ виду полученнаго свѣдѣнія отъ лазутчиковъ, что большое скопище горцевъ заняло тотъ самый лѣсъ, который мы проходили наканунѣ и ожидаетъ тамъ возвращенія нашего отряда, баронъ Врангель рѣшилъ слѣдовать отъ Ки-

1) Толченые сухари сваренные съ саломъ.

2) Бараны и овцы очень охотно ѣдятъ этихъ гадовъ, ядъ которыхъ не приноситъ имъ никакого вреда.

шень-Ауха по другой дорогѣ, которая хотя и была нѣсколько кружнѣе первой, но пролегла по довольно открытой мѣстности и только вблизи Дылыма пересѣкала небольшой лѣсъ не занятый, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, непріателемъ.

Въ этихъ соображеніяхъ, пройдя обратно около шести верстѣ, баронъ Врангель приказалъ всей колоннѣ свернуть вправо, выслалъ къ авангарду полубатарей 21-й артиллерійской бригады и въ боевой готовности направился по новому пути.

Замѣтивъ этотъ маневръ, горцы большими толпами конныхъ и пѣшихъ бросились къ Дылымскому лѣсу и быстро завяли его; но миновать этотъ лѣсъ теперь намъ было уже нельзя, и движеніе продолжалось по намѣченному направленію.

Какъ и нужно было ожидать, едва авангардъ нашего отряда втянулся въ глубину лѣса, какъ тамъ тотчасъ же завязалась перестрѣлка. Горцы, имѣя обыкновеніе насѣдать главнымъ образомъ на хвостъ русской колонны, въ первое время вели довольно слабый огонь; по мѣрѣ того, какъ арріергардъ колонны сталъ подвигаться къ выходу изъ лѣса они становились все смѣлѣе и смѣлѣе, пытаясь даже бросаться въ нашки на цѣпь, и только при появленіи нашихъ резервовъ тотчасъ же скрывались, не рѣшаясь вступить съ ними въ рукопашный бой.

Тутъ невольно припоминается мнѣ одинъ случай, который можетъ прекрасно показать духъ кавказскихъ солдатъ того времени. Шагахъ въ трехъ отъ меня ранили въ цѣпи солдатика нашей роты Сушкова, которому чеченская пуля прострѣлила шею на вылетъ. Обмотавъ, тутъ же на походѣ, какую то тряпкою рану и скорчившись отъ боли, Сушковъ однако продолжалъ идти въ своемъ звенѣ, и на всѣ убѣжденія товарищей отдать ружье другому и идти на перевязку къ доктору онъ ни за что не хотѣлъ оставить роту, отговариваясь, что рана его пустая, и онъ самъ, безъ помощи можетъ дойти до лагеря. Какъ ни упирался Сушковъ, его однако вывели изъ цѣпи и отправили къ врачу, при которомъ находились носилки и запасныя лошади. *) Я съ благоговѣніемъ смотрѣлъ тогда на этого Сушкова и, говоря откровенно, позавидовалъ стойкости этого человѣка сознавая, что едва ли могъ бы

---

*) Лазаретныхъ фуръ въ то время въ кавказскихъ войскахъ еще не существовало.

самъ оказать въ подобномъ случаѣ такое же мужество. Впослѣдствіи, впрочемъ, рана Сушкова довольно хорошо затянулась, но этотъ бѣдный солдатъ такъ и остался навсегда со скривленною шею, и, хотя черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ уволенъ по неспособности отъ военной службы, но, кажется, не получилъ никакой награды за свое увѣче и свой самоотверженный поступокъ.

Между тѣмъ, авангардъ нашей колонны, выйдя изъ лѣса на большую поляну прошелъ еще около версты и, выставивъ къ сторонѣ противника свою полубатарею, расположился на привалѣ. Горцы, продолжая преслѣдовать хвостъ колонны, кучками показались было на опушкѣ лѣса, но тутъ вдругъ грянулъ залпъ нашей батареи и черезъ нѣсколько секундъ четыре картечныя гранаты съ трескомъ разорвались среди ихъ толпы. Ошеломленные горцы, не ожидавшіе что русскіе могутъ стрѣлять черезъ головы своихъ людей, бросились въ разсыпную и въ мигъ все скрылись изъ опушки лѣса.

Въ это самое время въ лѣвой сторонѣ, шагахъ около тысячи отъ насъ, выѣхало изъ лѣса нѣсколько человекъ джигитовъ, которые сгруппировавшись въ кучку, и разчитывая, вѣроятно, что за дальностію разстоянія они не могутъ служить мишенью для русскихъ пуль спокойно стали наблюдать за нашимъ отрядомъ. Это подзадорило командира нашего баталіона и онъ приказалъ вызвать къ себѣ изъ стрѣлковой роты лучшаго стрѣлка.—Филипчукъ! крикнулъ ротный командиръ,—подай свое ружье.—Тотчасъ явился красивый молодой солдатикъ съ ружьемъ и сошками привязанными къ поясу.

—Сколько татарвы свалилъ?—спросилъ шута баталіонный командиръ Филипчука.

—Не могу знать, ваше высокоблагородіе. Въ лѣсу трудно угадать—убилъ ли, или не убилъ.

—Ну, вотъ отличись братецъ. Покажи вонъ тѣмъ кавалерамъ, что около лѣса,—что, молъ, видимъ ихъ.

—Попытаться можно, ваше высокоблагородіе, да только до нихъ далеко. Тутъ, пожалуй, будетъ болѣе тысячи шаговъ, говорилъ Филипчукъ разставляя сошки и въ тоже время мѣряя глазами разстояніе до горцевъ.

Поставивъ прицѣль на дистанцію, Филипчукъ положилъ ружье въ сошки, припалъ къ землѣ и сталъ выжидать, когда горцы тѣснѣе сойдутся.

Наконецъ раздался выстрѣль. Черезъ секунду горцы шарахнулись было въ стороны, но затѣмъ скоро опять съѣхались въ кучку. Очевидно было, что пуля пролетѣла надъ головами горцевъ не задѣла никого. Вторая пуля дала рикошетъ не долетѣвъ шаговъ двухсотъ до цѣли и, скользя должно быть въ сторону, пронеслась также мимо. Горцы спокойно продолжали стоять на томъ же мѣстѣ и видимо даже интересовались нашею стрѣльбою.

Но вотъ свиснула въ воздухѣ третья пуля и черезъ нѣсколько мгновений мы замѣтили какъ горцы всѣ вдругъ засуетились около одного изъ всадниковъ, затѣмъ подхватили его и быстро исчезли съ нимъ въ лѣсу. Ясно было, что пуля Филипчука сразила на повалъ или тяжело ранила одного изъ этихъ джигитовъ и горцы поспѣшили унести его въ лѣсъ.

—Молодецъ Филипчукъ! похвалилъ баталіонный командиръ, — выбилъ призъ. — Онъ тутъ же далъ Филипчуку въ награду три рубля серебра, а за походъ представили его въ унтеръ-офицеры.

Слѣдующій день отрядъ исключительно былъ занятъ разчисткою просѣки къ Буртунаю и уничтоженіемъ непріятельскихъ хлѣбныхъ посѣвовъ, а также не убранныхъ еще съ полей запасовъ льна; такимъ образомъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней Солатовскій отрядъ вполне удачно выполнивъ возложенную на него задачу и даже успѣлъ намѣтить мѣста новыхъ просѣкъ, которыя предполагались произвести въ предстоящую зиму и лѣтомъ будущаго года.

Обратное движеніе отряда къ Буртунаю было назначено на 26 Августа. Горцы были на сторожѣ и едва колонны наши тронулись съ бивака, какъ пули ихъ засвистали справа и слѣва. Прикрываясь кучами хвороста и толстыми чинаровыми деревьями, сваленными здѣсь еще въ прошломъ году при рубкѣ лѣса, горцы преслѣдовали отрядъ выстрѣлами почти до аула Новый Буртунай; но изъ за большой ширины просѣки, заставившей ихъ держаться довольно далеко отъ нашихъ колоннъ, не причиняли отряду большого вреда, и всѣ потери его заключались тутъ только въ двухъ или трехъ раненыхъ нижнихъ чиновъ и, кажется, одной лошади подстрѣленной въ артилеріи.

Но вотъ показался Буртунай. Отрядъ перестроился въ походную колонну, грянула музыка, раздались въ ротахъ пѣсни, и привѣтствуемые полковыми дамами, собравшимися для встрѣчи насъ на угловой батарее,—мы въ стройномъ порядкѣ вошли въ укрѣпленіе.

Спустя два дня Солатовскій отрядъ былъ распущенъ по своимъ штабъ квартирамъ, и нашимъ баталіонамъ, по недостатку зимнихъ помѣщеній, пришлось расположиться лагеремъ и захватить даже снѣгъ въ палаткахъ.

Такъ началось мое первое знакомство и со свистомъ непріятельскихъ пуль и съ боевою обстановкою, при которой проходила тогда почти вся служба военного на Кавказѣ.

II.

Надвигалась глубокая осень съ ея періодическими дождями, которые въ Буртунай идутъ въ это время, какъ въ дни всемірнаго потопа, тоже что то около сорока дней и сорока ночей, размывая рыхлую черноземную почву до такой степени, что по улицамъ слободки не только ходить, но ѣздить становится трудно. Волей-неволей приходилось тогда всёмъ отсиживаться въ сырыхъ и душныхъ лежанкахъ.—что, конечно, было далеко не весело. Ни офицерскаго собранія, ни какойнибудь библіотеки, гдѣ можно было бы достать книгу или газету,—у насъ и въ поминѣ не было; и все досужее время офицерство убивало или за картами въ традиціонный штоссъ, или въ духанѣ толстаго армянина Карапѣта, у котораго можно было найти все начиная съ шила, гвоздей, чая, баранины и кончая кахетинскимъ и кизлярскимъ виномъ. Тамъ почти ежедневно бывали сборища офицеровъ, тамъ и сообщались другъ другу новости собранныя въ полковой канцеляріи или привезенныя къ намъ нибудь съ оказіей изъ Шуры.

Впрочемъ, надобно сказать, что не всё держалось подобнаго образа жизни. Были у насъ своего рода отшельники, которые рѣдко показывались гдѣ нибудь въ обществѣ и предпочитали вести жизнь болѣе уединенную. Помню я, напр., нашего капитана Шарыгина. Это былъ человѣкъ уже не молодой, но страстный поклонникъ Бахуса; онъ иногда не выходилъ по нѣскольку дней изъ своей квартиры предаваясь куражу, и обставлялъ его весьма своеобразною причудливостію, которая у насъ носила названіе „*коронаціи*“. Дѣло обыкновенно начиналось съ того, что устроивъ въ своей комнатѣ тронъ, для изображенія котораго Шарыгинъ ставилъ на столъ

единственный въ его мебели стулъ, онъ вскарабкивался на него, и, какъ повелитель царства, приказывалъ деньщику собрать къ себѣ всѣхъ своихъ подданныхъ. Давно приученный къ причудамъ своего господина деньщикъ, тотчасъ же принимался исполнять его приказаніе и вскорѣ вокругъ сооруженнаго капитаномъ трона появлялась цѣлая шеренга бутылокъ съ водками, наливками и другими винами. Капитанъ мило-стиво привѣтствовалъ каждаго изъ его подданныхъ и торжественно объявлялъ имъ, что приступаетъ къ своей коронаціи, почему требуетъ отъ нихъ дани, которую тутъ же и принималъ изъ рукъ деньщика въ видѣ наполненныхъ виномъ рюмокъ и стакановъ. Вся эта процедура заканчивалась тѣмъ, что, нагрузившись порядкомъ всякими зельями, капитанъ съ помощію этого же деньщика спускался съ трона, укладывался на походную кровать и, въ сознаніи своего величія успокаивался до утра.

На слѣдующій день коронаваніе капитана повторялось въ томъ же неизмѣнномъ порядкѣ и продолжалось иногда нѣсколько дней къ ряду.

А надобно было видѣть этого капитана въ стычкѣ съ горцами. Тамъ, впереди своей роты, онъ съ изумительнымъ хладнокровіемъ дѣлалъ свои распоряженія, никогда не теряясь въ рѣшительную минуту и всегда умѣя ускользнуть изъ опаснаго положенія. Рота въ-рипла въ своего командира, любила его за простое обхожденіе и готова была,—какъ говорится,—итти за нимъ въ огонь и воду. Да и начальство, цѣня боевыя заслуги Шарыгина не разъ оказанныя имъ въ серьезномъ бою, снисходительно относилось къ его слабостямъ и многое ему извиняло.

Да, было время, когда къ средѣ кавказцевъ не мало было и геросвъ, подъ скромной оболочкой которыхъ таился духъ несокрушенной отваги. Они, какъ этотъ Шарыгинъ, шли въ бой точно на какойнибудь пиръ и своей храбростью не рѣдко обращали въ бѣгство втрое сильнѣйшаго врага, но не придавали особенной цѣны своимъ подвигамъ и даже не любили о нихъ много говорить.

А наша молодежь?!—ее въ полку тогда было очень много,—*), та проводила время больше въ ухаживаніи за дамами (дѣвицы у насъ

*) Въ то время въ кавказскихъ полкахъ производство въ чины шло почти исключительно только за военныя отличія и потому молодыхъ офицеровъ у насъ былъ болѣе чѣмъ двойной комплектъ.

не было ни одной) а ихъ во всемъ штабѣ можно было насчитать не много болѣе десяти, да и то если перечесть всѣхъ.

Конечно, при такихъ условіяхъ не удивительно, что каждая изъ нашихъ дамъ, не исключая и тѣхъ, которыя давно перешли бальзаковскій возрастъ, имѣли у себя по дюжинѣ поклонниковъ и ухаживанье шло направа и лѣво, переходя въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже границы дозволеннаго.

Но пословица говорить: хорошо все то что хорошо кончается,— а у насъ были романы и съ трагической развязкой. Такъ я припоминаю печальную исторію нашего юнкера Герке, довольно красиваго юноши, который вдругъ воспылалъ страстной любовью къ женѣ нашего капитана г-жѣ Л . . . ,—женщинѣ хотя и довольно красивой, но уже не первой молодости. Не встрѣтивъ съ ея стороны взаимности, онъ пришелъ къ тому выводу, что ему ничего не остается какъ пустить себѣ пулю въ лобъ. И вотъ, задумавъ привести въ исполненіе свое рѣшеніе, онъ въ одно прекрасное утро написалъ г-жѣ Л . . . ой письмо полное нѣжныхъ признаній, и въ концѣ этого письма прибавилъ, что, не найдя силы побороть свою страсть къ ней, онъ покидаетъ сей міръ, унося съ собою въ могилу ея милый образъ и то святое чувство обожанія, какое онъ могъ питать только къ ней одной.

Отославъ такое посланіе къ предмету своего пламеннаго увлеченія, Герке отправился съ ружьемъ на курганъ Шольца и выждавъ, когда къ нему стали подбѣгать люди посланные мужемъ Л . . . ой,— чтобы удержать легкомысленнаго юнца отъ его сумасброднаго рѣшенія,— онъ на глазахъ ихъ спустилъ курокъ и упалъ съ прострѣленною головою.

Случай этотъ вызвалъ большую сенсацію среди всѣхъ Буртунаевцевъ, но на г-жу Л . . . ну онъ, кажется, не произвелъ особеннаго впечатлѣнія, и только лишь исключилъ одного изъ ея обожателей.

О солдатскихъ семьяхъ, которыхъ въ штабѣ было также очень много, распространяться нечего. Тамъ—тоже ухаживанье, но на болѣе дѣйствительной почвѣ, оплачиваемое вознагражденіями покровителей, что давало этимъ семьямъ возможность не только жить въ полномъ достаткѣ, но и обзаводиться своими домками.

Въ общемъ однако въ Буртунаѣ ощущалась во всемъ такая подавляющая скука, что даже какое нибудь незначительное событіе и то уже составляло для насъ общій интересъ, внося вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторое оживленіе въ обыденную жизнь полка. Объ одномъ изъ такихъ маленькихъ событій я, какъ очевидецъ, и хочу теперь рассказать.

Въ описываемое время въ Крѣпости содержалось нѣсколько человѣкъ плѣнныхъ горцевъ. О размѣнѣ этихъ горцевъ на плѣнныхъ русскихъ томившихся въ горахъ давно уже велись переговоры съ Шамилемъ, и когда черезъ лазутчиковъ это дѣло наконецъ уладилось, — въ областномъ штабѣ сдѣлано было распоряженіе произвести съ горцами размѣнъ плѣнныхъ, выбравъ для этого мѣсто въ районѣ Буртуная. По условію съ нашей стороны нужно было выдать горцамъ двадцать человѣкъ плѣнныхъ, взаменъ которыхъ ими освобождали восемь русскихъ, захваченныхъ ими въ разное время и при разныхъ случаяхъ.

Размѣнъ плѣнныхъ рѣшено было сдѣлать на рѣчкѣ вблизи аула Новый Буртунай. И вотъ въ началѣ Ноября мѣсяца, два баталіона нашего полка со взводомъ артиллеріи, подъ командою подполковника Кащеева, отправились съ плѣнными къ назначенному мѣсту.

Мы выступили изъ укрѣпленія довольно рано и, недоходя полуверсты до аула Новый Буртунай, расположились вблизи рѣчки на большой полянѣ, выставили на позицію орудія и, въ ожиданіи прибытія горцевъ и плѣнныхъ, составили ружья въ козлы. На непріятельской сторонѣ не видно было еще никого, хотя по расчету времени горцы съ своими плѣнными должны были бы уже прибыть. Было холодно; мы ежились, бѣгали по полянѣ стараясь согрѣться и проклинали горцевъ, которые заставляли насъ ждать, но прошелъ часъ, потомъ другой, а они все еще не показывались. Полагая, что размѣна намъ въ этотъ день произвести не удастся, подполковникъ Кащеевъ хотѣлъ было уже вести отрядъ назадъ, какъ вдругъ изъ-за горы Мичика показался верховой тавлинецъ, во всю прыть скакавшій прямо къ намъ. Махая своей косматой папачой, чтобы мы въ него не стрѣляли, онъ быстро переѣхалъ рѣчку и во весь карьеръ понесся къ намъ на гору.

Къ величайшей досадѣ нашей оказалось, однако, что это былъ только посланный отъ Шамиля, который прискакалъ сообщить начальнику отряда, что плѣнные будто-бы очень утомились дорогою и заворачивали въ аулѣ за горою Мичикъ, и что прибыть сюда они могутъ лишь только завтра и не ранѣе пополудни.

Хорошо понимая, что со стороны горцевъ это была не болѣе какъ одна уловка, чтобы подъ этимъ предлогомъ высмотрѣть численность и расположеніе нашего отряда, подполковникъ Кащеевъ, съ намѣреніемъ прицугнуть горца, объявилъ ему черезъ переводчика, что, за несдержанное слово имамомъ, онъ останется у насъ заложникомъ и отправится вмѣстѣ съ нами въ крѣпость. За тѣмъ, не входя въ дальнѣйшій разговоръ съ горцемъ, подполковникъ сѣлъ на коня и обратившись къ солдатамъ крикнулъ: „въ ружье“!

Не ожидая такого исхода и, видя бѣгущихъ со всѣхъ сторонъ солдатъ къ ружьямъ, тавлинецъ вообразилъ, что его хотятъ стащить съ лошади и обезоружить; онъ выхватилъ было свою шашку приготовляясь защищаться, но дѣло для него скоро разъяснилось и пристыженный горець, вложивъ шашку въ ножны, именемъ Аллаха сталъ клясться и увѣрять, что завтра плѣнныхъ приведутъ сюда непременно.

Припугнувъ тавлинца, подполковникъ Кащеевъ приказалъ передать ему, что на этотъ разъ онъ отпускаетъ его, но съ условіемъ, что если завтра къ полудню плѣнные не придутъ сюда, то размѣна не будетъ вовсе.

На слѣдующій день къ 11 часамъ дня мы были опять на томъ же мѣстѣ, но на этотъ разъ намъ не пришлось ожидать горцевъ и едва лишь мы поставили ружья, какъ изъ Мичикольскаго ущелья показались со значками массы конныхъ мюридовъ, оглашая окрестность пѣніемъ своей національной пѣсни „Ляллахи-алла“.

Остановившись на горѣ, противъ того мѣста гдѣ стояли наши баталіоны, горцы тотчасъ же послали къ намъ вчерашняго парламентаря для заключенія условія размѣна, состоявшаго въ томъ, что какъ съ нашей стороны, такъ и со стороны горцевъ, плѣнныхъ должны сопровождать къ рѣчкѣ не болѣе какъ только двадцать человекъ, — остальнымъ же съ мѣста не трогаться. Условіе это хотя и было принято нами, но опытный въ дѣлахъ съ горцами подполковникъ Кащеевъ отдалъ однако приказаніе баталіонамъ и артиллеріи быть готовыми ко всякой случайности и по первому знаку его открыть огонь по горцамъ.

Сойдясь на самой рѣчкѣ, обѣ партіи плѣнныхъ были сосчитаны противными сторонами и за тѣмъ переданы съ одного берега на другой.

Это была любопытная картина и въ особенности въ тотъ мигъ, когда русскіе плѣнники, вступивъ на нашу сторону и, боясь какъ нибудь попасть опять къ горцамъ, всё сразу вдругъ оставили конвой и опрометью бросились къ намъ на гору. Освобожденныхъ изъ плѣна было восемь человѣкъ, большею частію солдатъ, изъ которыхъ нѣкоторые находились въ горахъ уже нѣсколько лѣтъ; тутъ же былъ и одинъ грузинскій священникъ, взятый въ плѣнъ еще въ 1854 году при вторженіи Шамиля въ Кахетію. Страшно истомленные и едва прикрытые какимъ то рубищемъ, всё плѣнники имѣли до чрезвычайности жалкій видъ, и до того измѣнили свой внѣшній обликъ, что въ нихъ съ трудомъ можно было признать русскихъ.

Какъ велика была радость этихъ людей можно судить потому, что добѣжавъ до отряда они всё бросились цѣловать землю, обнимали солдатъ и со слезами на глазахъ не переставали все благодарить насъ за свое освобожденіе, хотя въ данномъ случаѣ ихъ благодарность не могла принадлежать намъ, потому что мы были лишь исполнителями приказаній высшей власти.

Нужно добавлять, что въ этомъ процессѣ размѣна, несмотря на огромное скопище горцевъ, у нихъ сохранилась полифійшая тишина и порядокъ, при которыхъ мы могли спокойно наблюдать то горячее участіе, какое они оказали своимъ освобожденнымъ товарищамъ, которымъ предоставили даже верховыхъ лошадей, вѣроятно съ этой цѣлью и приведенныхъ ими съ собой.

По окончаніи размѣна мы въ томъ же порядкѣ тронулись обратно въ крѣпость, а горцы, затянувъ свое заунывное Ля-иллахи-алла, потянулись къ Мичикольскому ущелью.

Роспускомъ Салатовскаго отряда, послѣ движенія его въ ауховское общество, не закончились еще экспедиціи 1858 года и въ Декабрѣ мѣсяцѣ барономъ Врангелемъ снова былъ собранъ небольшой отрядъ въ урочище Касталы, куда въ первыхъ числахъ этого мѣсяца три баталіона наши и выступили изъ Буртуная.

Цѣль сбора этого отряда состояла въ томъ, чтобы отвлечь непріятельскія силы отъ Чеченскаго отряда, дѣйствовавшаго тогда въ Большой Чечнѣ, выжечь запасы сѣна чеченцевъ въ урочищѣ Касталы и кромѣ того, провести черезъ это урочище новую просѣку къ Кишени-Ауху.

Походныя движенія зимою въ Чечнѣ имѣли ту выгоду, что давали возможность отрядамъ болѣе безпрепятственно проходить по лѣсамъ, которые безъ листвы дѣлаются настолько оголенными, что горцамъ становилось очень трудно скопяться въ нихъ большими силами; но за то съ другой стороны движенія по глубокимъ свѣжнымъ сугробамъ лишали войска той подвижности, какая нужна при дѣйствіяхъ съ горцами, умѣющими быстро и хорошо скрываться въ одномъ мѣстѣ и появляться вновь тамъ, гдѣ представляется для нихъ къ тому болѣе выгодныя условія.

Къ тому же переправы въ бродъ черезъ рѣки, часто по поясъ въ водѣ, также не мало затрудняли движеніе отрядовъ, не говоря уже о томъ вредѣ, какой приносила зимою такія купанья людямъ, принужденнымъ иногда долгое время оставаться въ мокрой одеждѣ. Впрочемъ въ лѣсной части Чечни хорошій костеръ и выносливость русскаго человѣка часто многихъ спасали отъ тяжелыхъ заболѣваній, а баня, которую солдаты ухитрились устраивать въ обыкновенной палаткѣ, нерѣдко исцѣляли даже и приключившійся недугъ. Такая баня устраивалась весьма простымъ способомъ: на разчищенную отъ снѣга площадку укладывалось нѣсколько крупныхъ камней, на которыхъ раскладывался большой костеръ; черезъ часъ или два костеръ съ этого мѣста отбрасывался въ сторону и надъ раскаленными камнями разбивалась двойная солдатская палатка, которая тщательно оканчивалась снизу, оставляя лишь небольшое отверстіе для стока воды. Затѣмъ внутри палатка устилалась рогожами или брезентами, туда же ставились ушаты съ горячей и холодной водой—и баня готова.

Поливая камни водою можно въ такой банѣ нагнать сильный жаръ, но при этомъ необходимо поливать снаружи и самую палатку—иначе она можетъ очень скоро истлѣть отъ жары и придти въ совершенную негодность. Миѣ случалось не разъ пользоваться такой баней даже зимой и я не чувствовалъ послѣ нея ни малѣйшей простуды.

День, при выступленіи баталіоновъ изъ Буртуная, выдался довольно морозный. Окрестныя горы, покрытыя толстымъ снѣгомъ, сверкали яркой бѣлизной. Мы шли цѣликомъ, безъ дороги, утопая по колѣни въ глубокихъ сугробахъ и только къ полудню лишь успѣли перевалить Хуборскія высоты, за которыми начинался длинный спускъ въ долину Касталы. Переходъ былъ настолько трудный, что мы добрались къ мѣсту бивака только къ ночи и расположились въ небольшой орѣховой рощицѣ, разбивъ палатки прямо на снѣгу.

По обыкновенію солдаты тотчасъ же принялись сооружать костры и вскорѣ яркое пламя сухого орѣха запылало по всей линіи бивака.

Люблю я нашего солдата, но не могу не поставить ему въ укоръ неумѣнье его цѣнить прекрасныхъ произведеній природы. Я видѣлъ какъ толстыя орѣховыя деревья этой чудной рощицы, дававшей горцамъ ежегодно обильный сборъ грецкихъ орѣховъ, валились подъ топорами нашихъ русскихъ вандаловъ, и это, къ сожалѣнію дѣлалось ими вблизи громаднаго чинароваго лѣса, который находился подъ рукою, не болѣе, какъ въ полуверстѣ отъ лагеря!—Да вѣдь за нимъ нужно идти,—говорили солдаты,—а тутъ и чеченскаго орѣха достаточно, чтобы намъ обсушиться и погрѣться у огня.—И, разсуждая такъ, волокли цѣлыя бревна этого дорогого дерева на костеръ.

Впрочемъ баронъ Врангель, прибывъ къ отряду и замѣтивъ варварское истребленіе этихъ дорогихъ деревьевъ, приказалъ немедленно же прекратить ихъ рубку, но тѣмъ не менѣе доброй половины этой прекрасной рощицы—какъ не бывало.

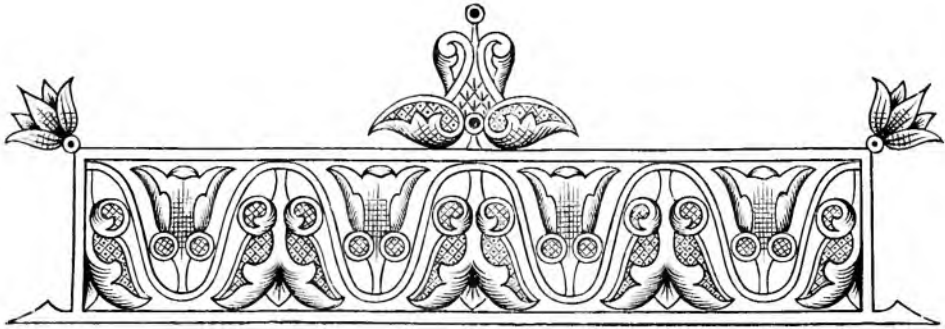
Со слѣдующаго дня отрядъ приступилъ къ рубкѣ лѣса, начавъ ее отъ нашего бивака. Переходя за тѣмъ съ позиціи на позицію мы въ продолженіи десяти дней разчистили новый путь къ Кишень-Ауху. произвели въ разныхъ направленіяхъ нѣсколько рекогносцировокъ, сожигая по пути запасы непріятельскаго сѣна, сложеннаго на поляхъ, и 18 Декабря уже были на походѣ къ Буртунаю.

Снѣжная зима, оголенные лѣса и дѣйствія въ то время отряда генерала Евдокимова въ Большой Чечнѣ, куда главнымъ образомъ отвлечены были непріятельскія силы, дали возможность намъ очень удачно выполнить свою задачу, при чемъ всѣ потери наши состояли изъ нѣсколькихъ человекъ раненыхъ въ небольшой перестрѣлкѣ съ горцами и, кажется, трехъ или четырехъ солдатъ, ушибленныхъ деревьями при рубкѣ лѣса.

Движеніемъ зимою въ Ауховское общество и закончились дѣйствія Салатовскаго отряда въ 1858 году.

Теперь на очередь подступали болѣе важныя событія,—событія ознаменовавшія себя великимъ историческимъ явленіемъ: покореніе Чечни и Дагестана, а вмѣстѣ съ этимъ и окончаніе войны на восточномъ Кавказѣ.

ЗАПИСКИ И. В. ЛОПУХИНА.

Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Сенатора И. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ.

Часть Первая

Человѣкъ яко трава, днѣ его яко цвѣтъ сельный.

[Иеал. 102., ст. 15.]

Книга первая.

Я родился 24-го Апрѣля 1756-го года. Младенчество мое было самое болѣзненное; воспитанъ я въ разсужденіи тѣла въ крайнѣйшій нѣгѣ, а со стороны знаній въ большомъ небреженіи. Родители мои были самыя чадолюбивыя и, бывши весьма добродушны и отъ природы отлично разумны, всѣми силами старались наставлять меня въ честности и благоправіи; но сами имѣвъ воспитаніе того времени, въ которомъ не учились иностраннымъ языкамъ и знаніямъ, нынѣ обыкновеннымъ, не могли они, при всемъ своемъ желаніи наилучшаго мнѣ воспитанія, достаточно съ этой стороны успѣвать въ немъ. Русской грамотѣ училъ меня домашній слуга, по французски училъ Савояръ, незнавшій совсѣмъ правилъ языка, по нѣмецки,—Берлинецъ, который ненавидѣлъ языкъ нѣмецкій и всячески старался сдѣлать мнѣ его противнымъ, а хвасталъ французскимъ и сколько умѣлъ, училъ меня ему тихонько, пользуясь охотою моею къ чтенію; нѣмецкія же книги держали мы на учебномъ столѣ своемъ для одного виду: и я,—выучась только читать по нѣмецки,—разумѣть, что читаю на немъ, уже научился больше нежели черезъ десять лѣтъ послѣ окончанія мною такого ученія,—научился отъ сильнаго желанія разумѣть на языкѣ семъ духовныя книги.

Такимъ образомъ на 17-мъ году моего возраста кончилось мое воспитаніе и ученіе языковъ, которыхъ ни одного, какъ и своего природнаго, не знаю и по сіе время грамматическихъ правилъ, хотя на послѣднемъ я очень много писалъ, и даже сочинялъ книги. Однимъ словомъ, если я что знаю, то подлинно самоучкою.

Слабость моего здоровья, столько же какъ обыкновенное родителямъ, особливо въ старости ихъ, желаніе имѣть дѣтей при себѣ, не позволяли мнѣ рано отпустить меня на службу.—Я страстенъ былъ къ военной: и сидя дома водилъ строй и давалъ баталіи по поизелюру и фоларду. Компаніями армій нашихъ противъ турокъ, войны, начавшейся въ 1769-мъ году, я такъ горячо занимался, какъ бы по чрезмѣрному усердію очень обязаннаго участвовать въ планахъ или операціяхъ. Нѣсколько ночей безпокойно спалъ отъ ожиданья чѣмъ рѣшится компанія князя Голицына подъ Хотинымъ; и, хотя почти уже сорокъ лѣтъ не имѣлъ я въ рукахъ описанія дѣйствій той войны, но и теперь конечно помню почти всѣ ихъ числа.

Около сего времени лишился я матери: она умерла отъ болѣзни, нѣсколько лѣтъ продолжавшейся. Я отменно къ ней былъ привязанъ. При началѣ ея болѣзни, будучи ребенкомъ лѣтъ десяти, я очень горячо молился о ея выздоровленіи:—и вотъ какова была моя ребяческая молитва! Я помню, что, однажды, спрятавшись за занавѣсь кровати, молился я тихоюшко и просилъ Бога очень усердно, чтобъ онъ лучше отнял у меня палець и даже всю руку, а только бы она не умерла.

Я былъ записанъ Гвардіи унтеръ-офицеромъ, и въ 1771-мъ году именнымъ указомъ пожалованъ въ прапорщики Преображенскаго полка. Послуживъ нѣсколько мѣсяцовъ, я сдѣлался такъ боленъ, что цѣлые три года не могъ выходить изъ комнаты, кромѣ какъ въ лѣтніе и самые хорошіе дни. Потомъ еще года три сряду въ каждый мучила меня лихорадка.—Это время, въ бурныя лѣта молодости, было для меня большою опытною школою терпѣнья и много послужило въ пользу охотѣ моей къ чтенію. Ослабленныя силы здоровья, и случившійся при томъ нѣкоторый припадокъ, прегягствовавшій верховой вѣдѣ, принудили меня навѣкъ протиться съ военною службою.

Любовь къ службѣ, при невозможности удовлетворяться военною, устремила склонность мою къ гражданской. Особенно занимала меня часть уголовная. Съ большою прилежностію собиралъ я всевозможныя по сей части свѣдѣнія и интересовался обстоятельствами и сужденіями

всякаго уголовного дѣла, о которомъ слышалъ; и по болѣзнямъ моимъ, въ отпуску живучи тогда въ деревнѣ, часто бывая у пріятеля моего городничаго въ уѣздномъ городѣ, рѣдко выѣзжалъ изъ него безъ того, чтобъ не побывать въ тюрьмѣ, для разговоровъ на сей предметъ съ колодниками и для примѣчаній на нихъ.

Въ началѣ 1782-го года по просьбѣ моей за болѣзнями, оставленъ я изъ капитанъ-поручиковъ гвардіи, къ статскимъ дѣламъ полковникомъ, а въ концѣ того же года, при открытіи по новымъ учрежденіямъ Московской губерніи, опредѣленъ я былъ въ ней совѣтникомъ Уголовной Палаты.

Въ должности сей принялъ я себѣ за правило наблюдать, чтобъ какъ невинной не былъ никогда осужденъ, такъ бы и виноватый не избѣжалъ наказанія; но по человѣколюбію—сколько можно больше умереннаго, неудаляясь, однакожь, отъ силы законовъ.

Я думаю что цѣлью наказаній должно быть исправленіе наказуемыхъ и удержаніе отъ преступленій.—Жестокость въ наказаніяхъ есть только плодъ злобнаго презрѣнія человѣчества, и одно всегда бесполезное тиранство. Ненадежность избѣжать наказанія, гораздо больше можетъ удерживать отъ преступленій, нежели ожиданіе жестокаго. Намѣреваясь къ преступленію, естественнѣе человѣку ослѣпляться мыслями, что преступленіе его не отроется, нежели соображать мѣру наказанія, которому онъ подвергаетъ себя, особливо, когда оно относится къ страданію тѣлесному, или потерянію свободы.

Вѣроятно что никто не покуется на преступленіе при увѣреніи, что не избѣжитъ такого рода казни; ожесточенный въ злодѣяніяхъ не думаетъ объ ней. но не находящейся еще въ такой степени разврата, конечно, собираясь сдѣлать уголовное преступленіе не заскается тѣмъ, что ему дадутъ 20-ть, а не 50-ть ударовъ.

Весьма также опасался осуждать по заключеніямъ изъ обстоятельствъ, безъ совершеннаго изобличенія и признанія судимыхъ. Неможно, по мнѣнію моему, почитать доказательствами соображенія умствованій, сколько-бъ они ясны и основательны не казались. Такого рода доказательства едва ли когда могутъ быть совершенныя и такія, чтобъ исключали уже всѣ возможности къ показанію невинности обвиняемаго.

Гдѣ одна вѣроятность, тамъ истинный разумъ не можетъ находить полного увѣренія, какъ бы сильна ни была она. Все, что можно только выдумать противъ доказательствъ, составляемыхъ умственнымъ соображеніемъ, уже ихъ опровергаетъ, и по множеству опытовъ извѣстно, какъ ошибочны въ уголовныхъ судопроизводствахъ заключенія, которыя основаны были такими соображеніями на одной вѣроятности, приеомлемой за моральную извѣстность.

При такихъ сужденіяхъ, кромѣ не довольнаго вниманія и корыстныхъ пристрастій, весьма можетъ заводить въ погрѣшности одно самолюбіе, столь много свойственное большей части людей, особливо тѣхъ, коихъ страсть отличать умомъ. Желаніе показать свой разумъ въ открытіи виноватаго, весьма легко и нечувствительно можетъ заставить найти его въ невинномъ. Тѣ только судьи не будутъ подвержены такимъ ошибкамъ, которые стараются дѣлать правду для самой правды, всемъ сердцемъ любя ее, а не для того чтобъ ею прославиться, или которые во всякомъ имп судимомъ, сердечно видятъ прямо ближняго своего.—Безъ сего расположенія, не можетъ быть истинно добрыхъ судей; а такіе, понечастлию очень рѣдкіе судьи, и не послѣдуютъ конечно оному образу сужденія.

Но можетъ ли быть правило мудрѣе и справедливѣе того, что лучше оставить безъ наказанія многихъ виноватыхъ, нежели одного невиннаго осудить, и случаи преступленій, коихъ совершенно доказать не можно, предоставлять правосудію Всевидящаго. Иные мудрователи при семъ скажутъ: „Что же?—Итакъ людямъ ничего не надобно дѣлать, а все оставлять дѣйствовать Богу; и силъ разума, отъ него же данныхъ, употреблять, стало, ненадобно?“ Нѣтъ, надобно ихъ употреблять наиприлежнѣйше; но тамъ гдѣ они недостаточны, съ кротостію признавать ихъ слабость, и страшиться жребіемъ ближняго своего жертвовать самолюбію.

Какъ странно видѣть, когда люди напрягаютъ все свои силы найти виноватаго для того только, чтобъ его наказать; и безъ совершеннаго увѣренія въ его винѣ—спѣшатъ осудить его, и сіе часто изъ мнимаго правосудія и усердія къ сохраненію порядка, какъ будто безъ того оный совершенно бы возмутился и остановилось бы дѣйствіе, невидимо,—но всегда и вездѣ,—дѣйствующаго источника его. Страннѣе еще иногда видѣть, съ какимъ рвеніемъ нѣсколько грабителей и мздоимцовъ, при чувствахъ, самый видъ добраго усердія имѣющихъ, стараются натянуть доказательства къ обвиненію какого нибудь бѣдняка,

впадшаго и въ неважное преступленіе, и по какому нибудь, можетъ быть, особливо несчастному стеченію обстоятельствъ.

Съ такимъ же вниманіемъ старался я соблюдать всю точность и обрядовъ законныхъ, почитая всякое ихъ нарушеніе вреднымъ, сколько для существа правосудія, столько-жъ, по вліянію чрезъ примѣръ; и на порядокъ службы, которой онъ долженъ быть душою.

Одинъ случай, относительно къ сему разположенію моему, въ бытность мою совѣтникомъ Московской Уголовной Палаты, заслуживаетъ, чтобъ разказать его.

Внесено было въ Палату на ревизію изъ Губернскаго Магистрата дѣло о подложныхъ векселяхъ одного купца. По сему дѣлу являлись нѣкоторыя подозрѣнія на двухъ изъ знатныхъ и богатыхъ купцовъ Московскихъ, кои были обвинены и приговорены подъ стражу. Они скрылись и уѣхали въ Петербургъ искать защиты у самой Императрицы; Государыня приказала взять изъ палаты дѣло для предварительнаго разсмотрѣнія. Имянной о семъ Указъ объявилъ, бывший тогда Оберъ-Прокуроръ, князь Гагаринъ.—Но какъ, по узаконенію оберъ-прокуроры не имѣютъ права объявлять Имянныхъ Указовъ, то я несогласился отдавать дѣло изъ палаты и подаль о томъ голосъ *). Дѣло доставлено было по большинству голосовъ; но я остался при своемъ, не смотря на всѣ устраниванія, на всѣ предвѣщанія мнѣ за то бѣдъ и даже на самое принужденіе, съ большою досадою, бывшаго тогда главнокомандующимъ, Графа Захара Григорьевича Чернышева.

Предсѣдатель Палаты скоро отлучился въ Петербургъ искать себѣ лучшаго мѣста; а я остался, какъ старшій совѣтникъ, отправлять его должность, старался служить очень усердно; и какъ тогда, такъ и сначала вступленія моего въ палату, да и до самаго выхода изъ нея, едва ли было одно рѣшительное опредѣленіе, которое бы не самъ я сочинялъ.

Правила умѣренности въ наказаніяхъ держался я неоступно. Будучи старшимъ въ палатѣ, въ которую скоро опредѣленъ я былъ и Предсѣдателемъ, гораздо удобнѣе мнѣ было сохранять его, ибо без-

---

*) Смотри журналъ Московской Уголовной Палаты, 22-го ноября 1783-го года и послѣдовавшее о томъ, въ протоколѣ.

спорно соглашались товарищи мои со мною въ томъ, что прежде долженъ я былъ одерживать спорами и часто самыми жаркими.

Не охотники до меня, и столько жъ, кажется, вообще до человечества тамъ гдѣ нѣтъ ихъ интересовъ, вопіяли осужденіями такъ называвшагося ими милосердія моего. Говорили, что я развожу злодѣевъ и воровъ, однако, по счастью моему что-ли, гораздо ихъ меньше стало, съ открытія въ Москвѣ Уголовной Палаты, при умѣренныхъ ей, какъ называю, наказаніяхъ, заступившихъ мѣсто тѣхъ лютостей торговой казни, коими предъ тѣмъ Московское правительство нѣсколько лѣтъ отличалось и о которомъ безъ ужаса вспомнить нельзя.

Итакъ, не взирая ни на что, продолжалъ я держаться вышесказаннаго мною расположенія; а Главнокомандующій графъ Захаръ Григорьевичъ подкрѣплялъ меня согласіемъ своимъ на все мои приговоры. Сколько сей почтенный мужъ достоинъ похвалы, о томъ говорить излишне: онъ весьма извѣстенъ.

Слѣдуя одному расположенію и соображая общественную пользу, рѣшился я, за воровство, кражу и мошенничество, цѣною выше двадцати рублей, (ибо о наказаніяхъ затрудненія сего рода на меньшую цѣну, заработкою, уже существовало узаконеніе), наказывать не бнудомъ, а тѣлесно же, но такимъ образомъ, чтобъ наказанные могли отдаваться въ рекруты.—Товарищи мои не спорили противъ меня. Они знали, что это дѣлается мною съ согласія Главнокомандующаго; хотя оно на бумагѣ и не изъявлялось, потому что въ то время не вносились еще на разсмотреніе къ начальникамъ губерній опредѣленія о таковыхъ наказаніяхъ. Однако я сіе дѣлалъ неотступая и отъ закона. Рѣшенія основывались на той статьѣ морскаго Устава, въ коей сказано:

„За первую, вторую, и третью кражу наказывать,—что разъ, то жесточѣй, по разсмотрѣнію“. кн. V, гл. 17, ст. 127.

Черезъ сіе считалъ я соблюдать то правило, чтобъ преступленіе не оставалось безъ наказанія; но наказаніе бы, сколько можно, не нарушая законовъ, было умѣренно, и общественной пользѣ тѣмъ соответственно; и чтобъ не оставались въ тягость селеніямъ, такимъ образомъ наказанные за преступленія, которыя между людьми низкаго состоянія, по грубости ихъ нравовъ и невѣжеству, особливо часты.

Изданныя послѣ того чрезъ нѣсколько лѣтъ и нынѣ существующія узаконенія о наказаніи за преступленія онаго рода, оправдываютъ мои рѣшенія и подтверждаютъ ихъ пользу.

Уставъ о наказаніи только рабочимъ домою за воровство, кражу и мошенничество не свыше двадцати рублей, конечно сдѣланъ въ томъ же намѣреніи, чтобъ за преступленія, кои въ народѣ особливо часто случаются, не существовало такое наказаніе, отъ котораго многіе дѣлались увѣчными и негодными въ рекруты; воровство же при всемъ томъ не уменьшалось,—какъ извѣстно изъ опытовъ. Конечно въ томъ намѣреніи, а не для того, чтобъ цѣною кражи цѣнить нравственное количество преступленія: ибо ежели судить о преступленіяхъ по тѣмъ побужденіямъ, изъ коихъ оныя производятся и, которыя, когда они достоверно извѣстны, могутъ быть единственно истиннымъ основаніемъ правильнаго опредѣленія мѣры наказаній—если судить, говорю, по онымъ побужденіямъ, то чѣмъ меньше соблазнительнъ предметъ преступленія, тѣмъ оно больше, и тѣмъ вѣщцей означается степень разврата въ преступникѣ.

Миѣніе, какъ звѣрское свойство тиранства, ни одною каплею не должно вливаться въ наказанія. Вся ихъ цѣль должна быть исправленіе наказуемаго и примѣръ для отвращенія отъ преступленій; все же превосходящее сію мѣру, есть только безплодное терзаніе челоуѣчества и дѣйствіе неуваженія къ нему, или лютости.

Всѣ казни должны быть соразмѣрны оной цѣли, и такъ распредѣлены, чтобъ сколько можно дѣйствительнѣе достигая къ ней, сколько же можно меньше изнурительны и мучительны для челоуѣчества были. Сіе есть неоспоримое правило челоуѣколюбія въ законодательствѣ, ко-сего одинъ предметъ долженствуетъ быть—благо челоуѣчества на землѣ, и всевозможное приготовленіе его къ оному—въ вѣчности.

Такъ, конечно, цѣль наказаній и мѣра ихъ должны не инныя быть, какъ высказанныя мною. Мѣра ихъ и образъ должны такъ же сообразоваться съ господствующими качествами нравовъ народа и съ тѣмъ, что дѣйствительнѣе дѣлаеть въ нихъ впечатлѣнія, соотвѣтственно разнымъ состояніямъ людей, народъ составляющимъ.

Еслибъ можно было всегда проникать въ побужденія къ преступленіямъ, то и свойство и мѣра побужденій были бы конечно лучшими и самыми естественными указателями правила опредѣленія казни;

и тогда многія дѣла, или извиняемыя, или и за преступленія несчитающіяся, по справедливости подверглись бы наказанію, столько же тяжкому, какъ самыя важныя преступленія, такія, коими гнушаются и безъ всякой пощады стремятся за нихъ наказывать тѣ сами, которымъ весьма обыкновенны оныя, какъ я сказалъ. преступленія, ими и въ нихъ даже часто непримѣчаемыя.

Напримѣръ: судья, которой не истощаетъ всего своего вниманія, судя челоуѣка въ уголовномъ дѣлѣ, и безъ совершеннаго увѣренія, или хотя и съ малымъ небреженіемъ осудить его на тяжкую казнь, — столько-жъ самъ ее заслуживаетъ, и столько-жъ преступникъ, если не больше, какъ неумышленной убійца, и даже такой, которой убилъ разсерженъ будучи. Кто склонилъ вѣсы Суда, и, хотя не изъ мздоимства, но изъ уваженія къ пріязни или въ угожденіе лицу сильнаго, и чрезъ то лишилъ кого либо собственности его несправедливо. конечно не меньше виноватъ бѣднаго невѣжи, укравшаго отъ крайности, и отъ того что не имѣлъ при ней довольно разума и твердости духа одолѣть себя при соблазнѣ.

Думаю что такъ же не должно опредѣлять наказаній безконечныхъ въ здѣшней жизни; потому что въ *христіанскихъ* правительствахъ исправленіе наказуемаго и внутреннее обращеніе его къ добру надлежитъ имѣть важнѣйшимъ при наказаніяхъ предметомъ; и что нѣтъ такого злодѣя, о которомъ бы можно рѣшительно заключить, что предметъ оный въ немъ не исполнится, и что онъ не можетъ еще сдѣлаться полезнымъ для общества, въ лучшемъ и свободномъ состояніи жизни.

Тяжкія наказанія и заточенія, употребляемыя вмѣсто смертной казни, при способахъ, какъ я сказалъ, исправленія наказуемыхъ, къ возможному еще улучшенію жребія ихъ, и въ здѣшней жизни сохраняя ихъ всегда на полезную для Государства работою службу, столько-же могутъ примѣромъ устрашать и удерживать отъ злодѣяній, если еще не больше, какъ смертная казнь. Нерѣдко случается, что люди сами себя лишаютъ жизни отъ страха наказаній и лишенія свободы.

Извѣстны примѣры христіанскихъ мучениковъ, сихъ героевъ истинныхъ, предававшихъ себя на истязанія изъ подвига вѣры и чистой любви къ Богу Спасителю; такъ же и героевъ языческихъ, потерпѣвшихъ муки изъ любви къ отечеству и для славы, искомой самолюбіемъ; но злодѣи малодушны и слишкомъ привязаны къ сладостямъ жизни, чтобъ не страшиться страданій и неволи.

Обращаюсь къ предсѣдательству моему въ Московской Уголовной Палатѣ.

Графа Захара Григорьевича Чернышева не стало въ 1784-мъ году, лѣтомъ. Преемникъ его Главнокомандующій въ Москвѣ,*) сначала очень обласкалъ меня; но скоро открылся моимъ гошителемъ. Я его извиняю, по привычкѣ его къ властолюбію, коей угождениями дали въ немъ укорениться, и по тому предубѣжденію противъ меня, съ которымъ онъ отправился изъ самаго Петербурга, и которому, въ разсужденіи силы его источника, не имѣлъ онъ довольно твердости не покорится. Слабость такая въ немъ, была слишкомъ обыкновенна многимъ придворнымъ. О семъ обстоятельстве скажу въ своемъ мѣстѣ по приличности, теперъ же объ немъ только относительно ко мнѣ въ Палатѣ.

Первое неудовольствіе его, собственное противъ меня, было за то, что малое число ударовъ Палатою опредѣлялось. Онъ возвратилъ мнѣ внесенный къ нему на утверженіе приговоръ, коимъ опредѣлено было одному убійцѣ дать 50-ть ударовъ, каковаго числа больше при мнѣ никогда не полагалось, возвратилъ съ тѣмъ, чтобъ перемѣнить и гораздо прибавить. Я не согласился и сперва очень учтивымъ и, надѣясь лучше успѣть, нѣсколько шуточнымъ образомъ отговаривался и представлялъ ему причины. Но когда онъ, не внимая имъ упорствовалъ въ своемъ требованіи, думая даже, что имѣеть къ тому право, и настаивалъ уже, съ досадою, то я ему твердо и рѣшительно сказалъ, что опредѣленіе не будетъ перемѣнено; что никогда жесточайшихъ при мнѣ наказаній не будетъ; что какъ Палата, по учрежденіямъ, не должна перевершивать своихъ рѣшеній, такъ и онъ не имѣеть права возвращать ихъ, а ежели онъ не согласенъ, и не угодно ему такое число ударовъ, то можетъ прибавку испрашивать представленіемъ своимъ Правительствующему Сенату.

Можно себѣ вообразить, какъ разгнѣвался господинъ Главнокомандующій. Однако нисколько не оказалъ грубости; много только горячился и кричалъ: „Какъ, разбойникамъ, смертоубійцамъ давать только по 50-ти ударовъ!“ — По сколько жъ бы ваше Сіятельство думали, — спросилъ я его. — „По сколько? — отвѣчалъ, — двѣсти, триста, четыреста, пятьсотъ.“ — „Да эдакъ будешь засѣвать до смерти.“ — „Чегожъ жалѣть? — говорилъ онъ; — и это же наказаніе вмѣсто смертной казни.“ — Такъ, отвѣчалъ я, но отмѣна смертной казни, къ величайшей славѣ Россійскаго скинтра

---

*) Графъ Брюсъ.

въ первой Россіи учрежденная, почитается мудрымъ закономъ милосердія; а ежели вмѣсто того, чтобъ отрубить голову, замучивать людей до смерти кнутомъ, то это былъ бы законъ тиранскій и всякая такая мѣра наказанія сего рода, которая можетъ лишить жизни, уже есть большее преступленіе онаго закона милосердія.—

Графъ мой сталъ тише;— „Однакожь—говорилъ мнѣ,—странно, что вы такъ разсуждаете: вѣдь можетъ многа случиться, что наказуемый умретъ и отъ 10-ти ударовъ“.—Конечно,—я говорилъ,—это можетъ иногда случиться, но какимъ нибудь непредвидимымъ причинамъ и съ моей стороны безвинно; но если я буду давать такія сотни ударовъ, то при явномъ тиранствѣ своемъ долженъ быть увѣренъ, что люди и умирать будутъ подъ кнутомъ непремѣнно.— „Но какъ же вы узнаете мѣру?“—спросилъ онъ меня уже самымъ снисходительнымъ и серіознымъ тономъ.—Смотря по лѣтамъ по сложенію, по состоянію здоровья и проч.,—отвѣчалъ я ему.

Вдругъ онъ мнѣ говоритъ: „Я вамъ очень благодаренъ, вы одолжили меня, вы меня вразумили; признаюсь, что я никогда не видалъ такъ ясно этой истины, и всегда думалъ, что при наказаніяхъ вмѣсто смерти, такого разбора не надобно. Вы меня убѣдили. Соглашаюсь съ вашимъ опредѣленіемъ, и даю вамъ слово никогда съ вами не спорить“. Онъ подлинно сдержалъ его, и даже во время пущей своей злобы наконецъ противъ меня, неостанавливалъ ни одного приговора Палатскаго.

Я разсказалъ сіе происшествіе какъ достойное примѣчанія и по той чести, какую оно дѣлаетъ особливо самому согласившемуся; и тѣмъ больше,—чѣмъ онъ упрямѣе былъ и самолюбивѣе. Жаль только, что такія нужная истины такъ поздно становятся знакомы людямъ, занимающимъ важнѣйшія въ Государствѣ мѣста и управляющимъ нѣсколькими Губерніями. И конечно, не одинъ изъ нихъ Графъ Брюсъ, бывалъ въ подобномъ заблужденіи; но немногіе, столь почтенно какъ онъ, и съ такою пользою, признавались въ ономъ.

Расположеніе его тѣснить меня, однакожь, продолжалось, и, думаю, отъ того сильнаго предубѣжденія, которому, какъ сказалъ я выше, не могъ сопротивляться, всевозможныя выскивалъ онъ къ тому средства; посадилъ въ Палату двухъ членовъ, коимъ онъ покровительствовалъ, съ тѣмъ, чтобъ они всячески шли противъ меня. Но, несмотря на обѣщанныя имъ за то награды, и на ужасныя угрозы за противное, они всегда были со мною согласны.

Такое согласіе со мною, какъ въ это время, такъ и во всю бытность мою предѣвателемъ въ Палатѣ, меня даже безпокоило. Часто пенялъ я за него моимъ товарищамъ, говоря: для чего никогда они не спорятъ? неужель я никогда не ошибаюсь? А ошибки въ уголовныхъ дѣлахъ страшны,—они всегда отвѣчали, что нельзя и не смѣютъ спорить противъ справедливости и порядка.—Можетъ быть они пристрастны ко мнѣ были; но что я всѣми силами старался о правдѣ и порядкѣ, то истинно. Такъ же отзывались самому покровителю своему и два члена, опредѣленные отъ него для войны со мною, при всѣхъ имъ отъ него ручательствахъ.—И онъ наконецъ рѣшился наглымъ образомъ открыть свое гоненіе.

Пришло время въ Палатѣ производить то дѣло о купцахъ, о которомъ я описывалъ, по случаю несогласія моего принять Имянной Указъ, не въ должномъ порядкѣ объявленный. Дѣло сіе было очень пространное, и требовало еще пополнительнаго производства. Главнокомандующій вдругъ даетъ предложеніе, въ которомъ пишетъ, что дѣло оное отъ нерадѣнія присутствующихъ въ Палатѣ, и, особливо предсѣдателя,—въ медленности; чтобъ оно непременно въ двѣ недѣли было рѣшено; а ежели не рѣшится въ это время, то предсѣдатель и члены отрѣшены будутъ.

По сему предложенію дѣлается справка, и на другой день подается Главнокомандующему отъ Палаты отвѣтъ, въ которомъ изъясняется, что дѣло, коего окончанія требуетъ онъ въ двѣ недѣли, въ одномъ Экстрактѣ своемъ на 1000 листахъ, и еще производствомъ не совсемъ кончено; а потому въ назначаемый имъ срокъ никакъ рѣшено быть не можетъ; и что, впрочемъ, не имѣетъ онъ законнаго права назначать такихъ сроковъ, когда генеральнымъ регламентомъ на сочиненіе однихъ опредѣленій по обширнымъ дѣламъ дается времени шесть недѣль; что наконецъ, исправность Палаты показывается числомъ дѣлъ рѣшенныхъ съ начала ея открытія, изъ которыхъ ни одно не было остановлено главнокомандующимъ и имъ самимъ. При такомъ отвѣтѣ вручилъ я Графу Брюсу, для представленія Сенату, и просьбу о увольненіи меня отъ службы.

Онъ ее принялъ; однакожь не послалъ въ сенатъ, а на первой почтѣ написалъ жестокою на меня жалобу Государынѣ: представилъ меня непослушнымъ, надменнымъ и такимъ, надъ которымъ нужно оказать примѣръ строгости. Однако Государыня съ кротостію, которая отличала ее, изволила только отвѣчать ему: „чтобъ онъ не оставилъ,

призвавъ меня къ себѣ, объявить миѣ отъ себя, что неприлично бы было пріемника моего обременять такимъ дѣломъ, которое долженъ былъ рѣшить я самъ; чтобъ я остался рѣшить его, и что не буду я отставленъ, прежде его рѣшенія“.

Главнокомандующій на первой же почтѣ получивъ отвѣтъ сей на его донесеніе, о которомъ я совѣмъ и не зналъ, вмѣсто того, чтобъ призвать меня къ себѣ, велѣлъ въ Губернскомъ Правленіи объявить миѣ оный указъ, съ исключеніемъ изъ него словъ: *отъ себя*, и съ прибавленіемъ въ предложеніи своихъ выговоровъ. Объявленіе такое въ Присутствіи правленія дѣлалъ миѣ губернаторъ. Я отвѣчалъ, что очень жалю, что нѣтъ въ Присутствіи самаго Главнокомандующаго, и что я не могу ему лично сказать, что онъ самой дерзкій нарушитель закона, объявляя Имянной и подписанный указъ съ перемѣною словъ его, (ибо я уже зналъ тогда точныя слова рескрипта), что Ея Величество, какъ мудрая Государыня и законодательница, конечно не позволитъ столь торжественно отвергнуть никакого закона, особливо такъ важнаго, какъ есть указъ о вольности дворянства, позволяющій ему оставлять службу; но какъ Ей угодно было не исполнить мою просьбу, то она о томъ имянно повелѣла Главнокомандующему, объявить миѣ только отъ себя: что впрочемъ поведѣніе сіе пріемлю я знакомъ Высочайшей ко миѣ довѣренности, и хорошаго обо миѣ заключенія Ея Величества; ибо безъ того неестественно было бы оставлять меня въ службѣ для рѣшенія важныхъ дѣлъ.

Такимъ образомъ остался я предѣдательствовать въ палатѣ, въ которой между прочими рѣшилось чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ и оное большое о купцахъ дѣло. По особенному уваженію его въ разсужденіи нѣкоторыхъ обстоятельствъ, и наипаче относительно къ графу Захару Григорьевичу, при коемъ оно началось, и котораго злоба и клевета хотѣли представить пристрастно въ немъ участвующимъ, приказано было отъ Государыни, чтобъ когда оно рѣшится, то ни въ какомъ случаѣ не приводя въ исполненіе приговора, представить его чрезъ Главнокомандующаго Ея Величеству. Тогдашній Главнокомандующій представилъ его съ миѣніемъ своимъ противнымъ; но Государынѣ угодно было опредѣленіе палаты, съ коимъ согласно рѣшилъ и Сенатъ по ея волѣ.

Послѣ рѣшенія дѣла сего въ палатѣ, графъ Брюсъ тотчасъ отослалъ удержанную имъ у себя мою просьбу объ отставкѣ въ Сенатъ, съ прописаніемъ, вмѣсто Аттестата, всего происшествія, и съ повтореніемъ своей на меня жалобы: однако я уволенъ былъ съ награжденіемъ чина статскаго Совѣтника. Сіе было въ Маѣ 1785-го года.

Книга вторая

Время отставки было для меня самое спокойное, самое приятное и самое интересное.

Проживъ лѣто, осень и половину зимы, 1785-го года, въ деревнѣ съ отцомъ и братомъ моимъ, возвратились мы въ Москву, въ которой съ того времени жилъ я больше десяти лѣтъ сряду, внѣ ея не ночевавъ ни одной ночи.—На первыхъ дняхъ нашего въ нее прїѣзду, отецъ мой, имѣвъ слишкомъ 80 лѣтъ, лишился зрѣнія, и главнымъ упражненіемъ моимъ было попеченіе о семь родителей, истинно добромъ и чадолюбивомъ.

Свободные часы я проводилъ въ чтеніи духовныхъ книгъ, которыя стали тогда моими любимыми *), въ бесѣдахъ съ друзьями, имѣвшими ту же склонность и много занимался, какъ уже и за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ, извѣстнымъ обществомъ, которое и понынѣ называютъ Мартинистскимъ, и о комъ много было и есть, странныхъ и ложныхъ заключеній, происходящихъ или отъ пристрастія, или отъ злобы, или отъ невѣжества. Мартинистскимъ же его называли потому, что въ то же время, какъ оно сдѣлалось здѣсь извѣстнымъ, *Мерсье*, въ своей картинѣ Парижа называлъ тамъ мартинистами нѣкоторое число людей, съ особымъ любопытствомъ занимавшихся чтеніемъ недавно

*) Никогда не былъ я еще постояннымъ вольнодумцемъ, однакожъ, кажется, больше старался утвердить себя въ вольнодумствѣ, нежели въ его безуміи, и охотно читывалъ Вольтеровы насмѣшки надъ религіею, Руссовы опроверженія и прочія подобныя сочиненія. Весьма замѣчательный со мною случай переѣмилъ вкусъ моего чтенія и рѣшительно отвратилъ меня отъ вольнодумства.

Читая извѣстную книгу (*Systeme de la Nature*) съ восхищеніемъ читалъ я въ концѣ ея извлеченіе изъ сей книги подъ именемъ устава природы („*Code de Nature*“) и перевелъ уставъ этотъ, любовался своимъ переводомъ.—Напечатать его нельзя было. Я расположился разсѣивать его въ рукописяхъ.—Но только что дописали первую самымъ красивымъ письмомъ,—какъ вдругъ почувствовалъ я неописанное раскаяніе,—не могъ заснуть ночью, прежде нежели сжегъ я и красивую мою тетрадку и черную. Но все я не былъ спокоенъ, пока не написалъ,—какъ бы въ очищеніе себя, разсужденія о злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями и проч., которое въ первой разъ вычтано помнится, въ 1780-мъ году. Теперь у меня нѣтъ ни одного экземпляра. Вторымъ изданіемъ—въ 1787-мъ году, съ котораго напечатана въ прошломъ 1809-мъ въ февральской книжкѣ ежемѣсячнаго изданія: „Другъ юности“.

Сіе происходило года за два до вступленія моего въ общество. Первые же книги родившія во мнѣ охоту къ чтенію духовныхъ, были извѣстная „О истинѣ“, и Арндта—„О истинномъ христіанствѣ“.

вышедшей известной книги „о заблужденіяхъ и истинѣ“, которая тогда же у насъ была переведена и напечатана и которой сочинитель былъ нѣкто *Ст. Мартель*, мужъ почтенный своими знаніями и добродѣтелями.

Цѣль сего общества была издавать книги духовныя и наставляющія въ нравственности, истинно Евангельской, переводы глубочайшихъ о семь писателей на иностранныхъ языкахъ, и содѣйствовать хорошему воспитанію, помогая, особливо готовящимся на проповѣдь Слова Божія, чрезъ удобнѣйшія средства приобрѣтать знанія и качества, нужныя къ оному званію, для чего и воспитывались у насъ больше пятидесяти семинаристовъ, которые отданы были отъ самихъ Епархіальныхъ архіереевъ съ великою признательностію.

Члены общества сего упражнялись въ познаніи самого себя, творенія и Творца, по правиламъ той науки, о которой говоритъ Соломонъ въ книгѣ премудрости гл. 7, ст. 17—22.*) Содержащимся въ Библии и въ писаніяхъ мужей непосредственнымъ откровеніемъ просвѣщенныхъ отъ Бога, науки, открывающей начала всѣхъ вещей, безъ познанія коихъ никогда натура вещей истинно извѣстна быть не можетъ. Возможность же откровенія онаго во все время не сумнительна для всякаго разумнаго и вѣрующаго христіанина, и самый не христіанинъ, но только бытіе всемогущаго Бога не отрицающей и здравый имѣющей смыслъ, не можетъ отвергать возможности противъ разсудка.

Вотъ какое было наше упражненіе: мы учились. Многимъ это казалось и покажется смѣшнымъ; но простолюднская поговорка: *вѣкъ живи вѣкъ учишь*,—гораздо умнѣ такого смѣха.

Когда человѣкъ сколько нибудь съ благоразуміемъ помыслить о бытіи своемъ, то поразится удивленіемъ, какъ мало люди и самыми разумными сльвушіе, занимаются тѣмъ, что необходимо нужно для вѣчнаго ихъ благополучія, и для истиннаго блага въ самой здѣшней жизни, которое состоитъ въ томъ—*Единожъ*, чего никто и ничто лишить человѣка не можетъ.

---

*) „Сей бо даде мнѣ о сущихъ познаніе пеложное познати составленіе міра и дѣйствіе стихій, начало и конецъ и средину временъ возвратовъ перемѣны, и измѣненіе время, лѣтъ, круга и звѣздъ разноложенія,—естество животныхъ и гнѣвъ звѣрей, вѣтровъ усиліе и помышленіе человѣковъ, разнство дѣтораслемъ и силы корней.“

Единое сіе, заключается въ духѣ Христовомъ. долженствующемъ быть истинною жизнью человѣка.—въ духѣ чистой любви къ Богу и ближнему, которая есть единственной источникъ совершенной добродѣтели.

Въ школахъ и на кафедрахъ твердятъ: люби Бога, люби ближняго,— но не воспитываютъ той натуры, коей любовь сія свойственна: какъ бы разслабленнаго больного, не вылъчивъ и не укрѣпивъ, заставляя ходить и работать.

Надобно человѣку, такъ сказать, морально переродится. Тогда Евангельская нравственность будетъ ему природна; тогда онъ будетъ любовію къ Богу любить ближняго, и очень возможно будетъ ему исполненіе заповѣди: обращать другую щеку, ударившему по одной; заповѣди, которой смыслъ есть конечно тотъ, чтобъ въ самомъ глубокомъ смиреніи и безъ гнѣва сносить обиды. Примѣръ чувствованій, съ какими сносимъ мы, порочны будучи, огорченіе и обиды отъ тѣхъ, коихъ любимъ по страстямъ своимъ, легко можетъ объяснять намъ возможность неограниченнаго терпѣнія и любви къ ближнимъ и къ самымъ врагамъ своимъ, у людей, имѣющихъ сердца. очищенныя божественною добродѣтелію.

Сіе моральное перерожденіе, чрезъ которое только человѣкъ становится образомъ и подобіемъ Божиимъ, и которое долженствуетъ быть главнымъ предметомъ всѣхъ уставовъ и упражненій Христіанской Церкви,—не можетъ конечно произойти безъ дѣйствія силы Всемогущей: но непременно содѣйствовать оному должна и воля человѣческая, коей свобода дана отъ Бога, какъ даръ величайшій, и особенно составляющій величіе человѣка. Самопознаніе долженствуетъ руководствовать оное содѣйствіе, открывая человѣку, сколь далеко онъ совратился съ пути истиннаго, съ пути нерушимаго блаженства своего. Познаніе Творца и творенія открываютъ человѣку связь его съ ними, и цѣль его созданія. Безъ сего познанія не можетъ быть основательное познаніе самого себя. Безъ познанія же самаго себя, не можно имѣть премудрости: страхъ Божій есть начало ея. О семъ пишутъ и говорятъ при всякомъ воспитаніи, но ни мало не пекутся вселять спасительный страхъ сей въ души.

Здѣсь представляется вся глубина того паденія и забвенія, въ которомъ живемъ. Всякой скажетъ, что онъ ни мало не сомнѣвается въ томъ, что *Богъ вездѣ, все знаетъ, все видитъ и все слышитъ*, въ чемъ

не можно конечно и сомнѣваться, не сомнѣваясь въ бытіи Божіемъ. Но ежелибъ имѣли мы въ сердцахъ истинную, какъ должно, къ сему вѣру, то какъ бы могли мы, зная что всегда мыслимъ и дѣйствуемъ предъ Очами Божіими, мыслить и дѣйствовать такимъ образомъ, какъ бы мы постыдились, или убоялись, и предъ человѣкомъ цѣломудреннымъ или почтеннымъ.

Не можно довольно съ самаго младенчества и до конца жизни воспитывать въ людяхъ оный святой навѣкъ ощущенія вездѣ присутствія Божія. Одно сіе ощущеніе можетъ раждать страхъ Божій, который есть соль истинной добродѣтели, и коего совершенство должна быть любовь, побуждающая вести жизнь угодную Богу, не изъ страха наказаній отъ него, а изъ любви къ нему; подобно тому, какъ дѣти, прямо любящіе родителей чадолюбивыхъ, опасаются огорчить ихъ, не для того, что боятся ихъ наказаній.—Они увѣрены въ ихъ любви, коей нѣжность оскорбить боятся.

Но и самыя наказанія Божія, въ здѣшней жизни и по смерти, суть только очистительныя дѣйствія любви Его къ намъ, и слѣдствія нашей собственной нечистоты и грѣховъ нашихъ, какъ боль рѣзца въ рукахъ врача бываетъ иногда необходимымъ средствомъ къ исцѣленію болѣзни, которая есть слѣдствіе порока и невоздержности.

Вотъ нѣкоторыя черты предмета бывшаго у насъ общества, и нашихъ въ немъ упражненій. Люди, какъ бы почитающіе себя за должность осуждать другихъ и порицать то, чего совѣтъ не знаютъ, распускали разныя объ насъ толки. Шумъ былъ великъ, потому что людей такихъ много, и больше еще тѣхъ, которые столько же охотно вѣрятъ всякому дурному о другихъ, сколько не хотятъ повѣрить доброму.

Порочили особливо тайность общества и его собраній. Для чего, говорили, тайно дѣлать хорошее. Отвѣтъ на это легокъ: для чего въ собраніяхъ, такъ называемыхъ лучшихъ людей, или публики, не только никогда не говорятъ, да и не можно говорить о Богѣ, о добродѣтели, о вѣчности, о суетѣ жизни, и о томъ, какъ порочны люди и какъ нужно имъ заботиться о нравственномъ своемъ исправленіи и проч.

Между тѣмъ коварство и алчность къ наградамъ за выслуги, на клеветѣ и вредѣ ближнему основанныя, старались представить насъ подозрительными, и для спокойства общаго не безопасными. Такимъ

образомъ дѣйствующихъ во мракѣ навѣтничества было не мало. Но одинъ хитрѣйшій на то время вельможа и царедворецъ, въ часы колебанія своего могущества, которое и въ немъ не могло быть безпрестанно неподвижнымъ, хотя, при разныхъ переворотахъ и жизнь его окончалась среди блеску онаго, для поддержанія себя, выдумывалъ навлечь подозрѣнiе на существовавшую, будто бы, связь съ обществомъ нашимъ у ближайшей къ престолу особы.

Искусно внуша такое подозрѣнiе, искусно же недопускалъ онъ и до розыска; вѣроятно для того, что не имѣлъ сердца жестокого, и при всей своей политической нещадности не хотѣлъ онъ жертвовать людьми, никакого зла ему не причинившими; каковыя жертвы, подобные ему характеры приносятъ себѣ только тогда, когда сіе необходимо требуется ихъ интересами, для которыхъ они, кромѣ себя,—всѣмъ жертвуютъ.

Сіе вѣроятно; а извѣстно то, что розыскъ бы обличилъ его выдумку, которая тогда обратилась бы во вредъ ему самому. Итакъ, онъ старался только питать всеенное имъ подозрѣнiе, выставляя себя за знающаго все, что въ Государствѣ происходитъ съ тѣмъ, что когда онъ хранитель особы Государыниной, то ей нечего опасаться: онъ все предупредить.

По сему расположенію удерживалъ онъ отъ строгостей, и всѣ слѣдствія возбужденнаго подозрѣнiя и гнѣва Государыни на общество долго ограничивался тѣмъ, что нѣсколько разъ запечатаны были и пересматриваны изданныя нами книги. Нѣкоторыя изъ нихъ запрещены и Н. Н. Новиковъ отосланъ былъ на испытаніе въ законѣ къ Московскому Архіепископу, которой напелъ его такимъ христіаниномъ, какихъ бы желалъ, чтобъ было больше. Сими словами доноситъ Преосвящ. Платонъ о порученномъ ему испытаніи.

Первое же дѣйствіе придворнаго негодования на общество наше явно открылось противъ меня; и сіе-то было оное сильное предубѣжденіе, съ которымъ Графъ Брюсъ пріѣхалъ начальствовать въ Москву, и коимъ особливо побуждаясь, гналъ онъ меня, какъ я описывалъ.

По пріѣздѣ своемъ въ Москву, не только обходился онъ со мною крайне ласково и учтиво; но даже увѣрялъ, и, казалось, искренно, въ желаніи имѣть самое короткое и пріятельское со мною знакомство, изъясняя при томъ особое ко мнѣ уваженіе. Сіе продолжалось нѣ-

сколько времени и послѣ рассказаннаго мною спора моего съ нимъ о числѣ ударовъ, при которомъ поступилъ онъ такъ похвально.

Но вдругъ Графъ Брюсъ говоритъ мнѣ наединѣ, что извѣстно, что я нахожусь въ ономъ обществѣ, и что онъ, — хотя самъ бывалъ въ подобномъ, и зная всю святость его цѣли и упражненій, понесетъ онъ въ сердцѣ своемъ уваженіе къ нимъ и во гробъ (сіи были точныя его слова), однако, въ нѣкоторыхъ чинахъ и лѣтахъ уже непристойно симъ заниматься. Если это таково, какъ ваше сіятельство сказывать изволите, отвѣчалъ я ему, то мнѣ кажется, что чѣмъ больше лѣтъ и чировъ имѣетъ человекъ, и чѣмъ важнѣйшею обязанъ должностью, тѣмъ пристойнѣе и нужнѣе упражняться ему въ томъ, что его просвѣщаетъ, учить добродѣтели и заставляеть исполнять ея правила.

Разговоръ нашъ былъ длинный и долго съ обѣихъ сторонъ равнодушный. — Предметъ его былъ тотъ, что графъ Брюсъ настоятельно требовалъ, чтобъ я оставилъ общество и упражненія онаго и что это будетъ угодно Государынѣ. — Волю Ея о семъ что ли, — спросилъ я его, — объявляете вы мнѣ? — Нѣтъ, говорилъ онъ, но можете разумѣть, что не отъ себя говорю я вамъ это. — Чтожъ, отвѣчалъ я, неужели Государыня изволить знать о моихъ связяхъ и упражненіяхъ? Я думаю, едва ли Ей извѣстно мое имя и существованіе на свѣтѣ. — Да, сказалъ онъ, вы Ей слишкомъ извѣстны, и Она требуетъ непременно отъ васъ того, что вы отъ меня слышите. — Позвольте мнѣ усумниться, говорилъ я, чтобъ такой мудрой Государынѣ было не угодно такое доброе дѣло, какимъ и вы его признаете. — Да, Она не такъ думаетъ, отвѣчалъ онъ. — Можетъ быть потому, говорилъ я, что оно ей не прямо извѣстно; такъ стоитъ ей только объяснить, а объ дѣлахъ добрыхъ не только полезно, да и долгъ вѣрноподаннаго объяснить Государямъ правду. — Ты поди объясняй Ей, сказалъ онъ мнѣ съ жаромъ; и очень съ сильнымъ требовалъ моего согласія на его предложеніе.

Я говорилъ, что осмѣливаюсь сказать ему откровенно, и такъ, что онъ можетъ донести мои слова самой Государынѣ, что не могу я повѣрить, чтобъ Ея Величеству угодно было, чтобъ кто нибудь оставилъ столь хорошія упражненія. Если жъ Она того желаетъ по противному объ нихъ понятію, не имѣя способовъ получить истиннаго, то я думаю, угождать въ такомъ случаѣ мыслямъ Ея, была бы слабость и чувство противное тому уваженію, какое имѣтъ естественно къ столь великой Государынѣ; и что великодушніе Ея представляю я себѣ въ столь высокомъ степени, что такіе то подлые угождатели

должны Ей больше всего быть не угодны.—Знайте-жь,—сказалъ мнѣ графъ мой, голосомъ дрожащимъ отъ досады,—что съ теперешней минуты буду я вамъ всякое зло дѣлать,—и побѣжалъ вонъ, хлопнувъ дверью, а я спокойно поѣхалъ домой.

На другой день далъ онъ то грозное предложеніе палатѣ, о коемъ я описывалъ. И къ дѣлу о купцахъ онъ только придрался. Принося на меня Государынѣ жалобу за поданное мною объясненіе и удержанную имъ просьбу мою объ отставкѣ, описывая упрямство мое будто по службѣ, описать онъ конечно, и съ отгѣнками еще своими и послѣднюю оную между нами сцену. Государыня имѣла привычку его жаловать; а онъ къ ней писывалъ свободно.

Итакъ въ концѣ 1784-го года открылись давно уже продолжавшіяся негодованія и подозрѣнія Двора противъ нашего общества.

Коварство, клевета, злоба, невѣжество и болтовство самой публики питали ихъ и подкрѣпляли. Одни представляли насъ совершенными святошами; другіе увѣряли, что у насъ въ сметѣ заводить вольность; а это дѣлалось около времени французской революціи:—третьи,—что мы привлекаемъ къ себѣ народъ и въ такомъ намѣреніи щедро раздаемъ милостыню; иные рассказывали, что мы бесѣдуемъ съ духами, не вѣря при томъ существованію духовъ*) и разными разглашали нелѣпости, которымъ столько жъ неблагоуразумно вѣрить, сколько не похвально распускать ихъ. Однако все сіи слухи имѣли свое дѣйствіе, сколь ни были они ложны и одинъ другому противны; ибо—и святые и бунтовщики и проказники и суевѣры и замысловатые обманщики,—всего этого, разсудя, нельзя связать хорошенько.

У страха, говорятъ, глаза велики; вотъ отчего прямо родились и возрасли негодованія оныя и подозрѣнія. А сему содѣйствовали: довѣренность къ навѣтамъ, обычай слушать шпионовъ, которые должны необходимо лгать, потому что ежели они будутъ доносить правду о тѣхъ, коихъ подозрѣваютъ напрасно, то естественно потеряютъ нещастную къ нимъ довѣренность, а съ нею корысть свою; обычай также полагаться на искусство полиціи, которая почти всегда строитъ свою fortuna на безпокойствѣ жителей, вмѣсто того, чтобъ ей сохранять ихъ покой.

---

*) Вѣруя что есть Богъ Всемогущій, Творецъ, Духъ Непостижимый и, конечно, Вездѣсущій,—весьма безразсудно думать, что строенія Его ограничиваются однимъ видимымъ нами твореніемъ, и не вѣрить бытію существъ невидимыхъ; а полагая бытіе оныхъ, безразсудно же не вѣрить, чтобъ они могли имѣть вліяніе на человѣковъ.—

Много также дѣйствовали предубѣжденія и ненависть, которыми съ невѣжествомъ, исполнены люди противъ строгой морали и всякой духовности, коими отличались издаваемые нами книги.

Все сіе усилилось началомъ революціи въ Парижѣ въ 1789-мъ году, которой произведеніе тогда приписывали тайнымъ обществамъ философовъ: только ошибка въ этомъ заключеніи была та, что и общества оныя и система были совсѣмъ непохожи на наши. Нашего общества предметъ былъ добродѣтель и стараніе, исправляя себя, достигать ея совершенства, при сердечномъ убѣжденіи о совершенномъ ея въ насъ недостаткѣ: а система наша,—что Христосъ начало и конецъ всякаго блага и добра въ здѣшней жизни и будущей. Той же философій система,—отвергать Христа, сомнѣваться въ безсмертіи души, и едва вѣрить, что есть Богъ, и надуваться гордостію самолюбія; а обществъ оныхъ предметъ былъ заговоръ буйства, побуждаемаго глупымъ стремленіемъ къ необузданности и неестественному равенству.

Но изъ того, что бывають тайныя общества вредныя, никакъ не можно съ благоразуміемъ заключить, чтобъ не могли быть и полезныя. Извѣстны примѣры, что давали отраву въ причастіи; но чтожь изъ того заключить должно противъ причастія? Мистерія древнихъ служатъ сильнымъ доказательствомъ возможности добрыхъ и полезныхъ обществъ тайныхъ.

Впрочемъ, главною причиною революціи ставить самую оную философію и общества, похоже мнѣ кажется на то, какъ иногда больные, изнутивъ себя, и веѣ свои соки испортивъ невоздержностью, и неосторожностью, не желая признаться въ прямыхъ причинахъ своихъ болѣзней, стараются ихъ приписывать какимъ нибудь неважнымъ постороннимъ случаямъ, въ коихъ они виновны и которые бы для нихъ совсѣмъ нечувствительны были, еслибъ разслабленное тѣло ихъ не было уже готово разрушиться.

Злоупотребленіе власти, неасытность страстей въ управляющихъ, презрѣніе къ человѣчеству, угнетеніе народа, безвѣріе и развратность нравовъ,—вотъ прямыя и одни источники революціи. Всѣ законодательства, всѣ училища, всѣ устройства безъ истиннаго живаго духа вѣры—безъ духа Христова—безъ свѣта премудрости Божіей, суть, то для тѣла по питическаго,—что безъ кровоочистительныхъ лѣкарствъ пластыри, могущіе залѣчивать наружныя болячки, для больнаго, у котораго кровь нечистотами испорчена.

Неудовольствія оныя Правительства, подозрѣнія, скрытныя при-
смотры полиціи, толки и шумы публики, то уменьшаясь, то прибав-
ляясь, продолжались лѣтъ семь. Много имѣли мы непріятелей, а за-
щитниковъ съ голосомъ никого: ни при Дворѣ, ни гдѣ.

Мы столько были невинны, что и не старались оправдываться; а
только при случаяхъ, простодушно говорили правду о цѣли и упраж-
неніяхъ нашего общества,—но намъ не вѣрили.

Хотя и собранія наши наконецъ пресѣклись, однако подозрѣніе
на насъ нисколько не уменьшилось. Открывали на почтѣ наши письма,
и всѣхъ моихъ писемъ копіи, особливо къ одному тогда пріятелю,
въ чужихъ краяхъ, отсылались къ Государынѣ. Я симъ ни мало не
безпокоился и, зная, писалъ всегда такъ, какъ бы говорилъ одинъ
на одинъ въ полной откровенности.

Однажды вздумалось мнѣ воспользоваться симъ обстоятельствомъ,
чтобъ въ письмѣ къ моему пріятелю, кстати расположа, описать все
существо и дѣйствія нашего общества, и такъ справедливо, что ни-
какими бы слѣдствіями и розысками, онаго не могло открыться, потому
что Самъ Сердцевѣдецъ видѣлъ, что иного не было. И подлинно въ
планѣ и общихъ дѣйствіяхъ нашего общества не было ничего, кромѣ
очень добраго и полезнаго для сердецъ нашихъ и для отечества.
Если же и были между нами частныя въ обществахъ ошибки, то они
имѣли небольшое вліяніе на общее спокойствіе Государства, какъ сла-
бости и ошибки милліоновъ, составляющихъ его и подверженныхъ
такимъ недостаткамъ,—въ человѣчествѣ.—Въ письмѣ томъ къ пріятелю
моему повторилъ я сказанное мною нѣкогда Графу Брюсу—что и Го-
судари могутъ ошибаться; и что ежели Государыня, не имѣя прямаго
понятія о какой нибудь доброй вещи, дурныхъ объ ней мыслей, то
никакъ нѣтъ долга соображаться съ такимъ ея заключеніемъ и угож-
дать ему была бы величайшая подлость: измѣна въ душѣ правиламъ
добродѣтели грѣхъ предъ Богомъ, и предъ Ея собственно истиннымъ
величіемъ. Я написалъ сіе точно для того, чтобъ они прочитали.

Еще изданіемъ и публичною продажею нѣкотораго катихизиса,
употребилъ я средство представить въ самыхъ истинныхъ и краткихъ
чертахъ все начала науки и нравственности нашего общества. Сіе
мнѣ случилось нечаянно. Часто бывалъ я тогда у Преосвящ. Пла-
тона Митроп. Московскаго, котораго отличнымъ благорасположеніемъ
я пользовался. Онъ очень въ разговорахъ возставалъ противъ нашего

общества, однакожь разставались мы всегда пріятелями. Однажды, разговаривая съ нимъ, всѣ возраженія на его критику родили у меня мысль объ ономъ катихизисѣ, и я его тутъ же составилъ такъ, что пріѣхалъ домой, тотчасъ его написалъ и, переведя на французской языкъ и напечатавъ его въ типографіи компаніи нашей, отдалъ знакомому книгопродавцу продавать, какъ новую книжку, полученную изъ чужихъ краевъ. Все сіе тогда извѣстно было только троицъ изъ самыхъ короткихъ моихъ пріятелей.

Я помѣщу его здѣсь. Не знаю сходно ли это будетъ съ порядкомъ историческаго сочиненія. Но я уже сказалъ, что я неученый, слѣдовательно, несоблюденіе мною правилъ учености извинительно, особливо въ сихъ запискахъ, которыя пишу только для пріятелей и для любопытныхъ*), изъ коихъ, можетъ быть, охотники до сказокъ будутъ быль мою читать тѣмъ охотнѣе, что это подлинно было и тетрадка та, можетъ быть, пріятна будетъ ихъ любопытству. Вотъ она:

ПРАВООУЧИТЕЛЬНЫЙ КАТИХИЗИСЪ.

Истинныхъ Ф-къ М-въ.

Аще сынъ вы свободитъ тогда свободни будете.

1. Истинный ли ты Ф. М?

Мнѣ извѣстны та невидимая и неустроенная земля, и тѣ воды, на коихъ носился духъ Великаго Строителя вселенной при ея сотвореніи.

2. Чѣмъ напаче отличается истинный Ф. М?

Духомъ собратства, который одинъ есть духъ съ христіанскимъ.

3. Какая цѣль Орд. истинныхъ Ф. М?

Главная цѣль его та же, что и цѣль истиннаго христіанства.

4. Какой главной долгъ истиннаго Ф. М?

Любить Бога паче всего, и ближняго какъ самаго себя, или еще болѣе, по примѣру Св. Павла, который желалъ даже быть Анаѳема и отлученъ быть отъ Іисуса Христа ради своихъ братій (Рим. IX. 3.)

---

*) Записки сіи диктовалъ я по вечерамъ, для препровожденія времени и никогда бы они сочинены не были, еслибъ мнѣ писать своею рукою.

5. Какое должно быть главное упражненіе (работа) истинныхъ Ф. М?

Послѣдованіе Іисусу Христу.

6. Какія суть дѣятельнѣйшія къ тому средства?

Молитва, упражненіе своей воли въ исполненіи заповѣдей и умерщвленіе чувствъ лишеніемъ того, что ихъ наслаждаетъ: ибо истинный Ф. М. не въ иномъ чемъ долженъ находить свое удовольствіе, какъ токмо въ исполненіи воли Небеснаго Отца.

7. Гдѣ истинный Ф. М. долженъ совершать свою работу?

Посредѣ сего міра, не прикасаяся сердцемъ къ суетамъ его, и въ томъ состояніи, въ которое каждый былъ призванъ. (1 Кор. VII. 20.)

8. Какіе суть самые вѣрные знаки послѣдованія Іисусу Христу?

Чистая любовь, преданность и крестъ.

9. На какой матеріи работаютъ мудрые отцы истинныхъ Ф-въ М-въ?

На той же изъ которой все сотворено.

10. Въ чемъ состоитъ ихъ искусство?

Въ наукѣ вѣдать тайны Царствія Божія, кои другимъ сообщаютъ они въ притчахъ, поколику то нужно къ созиданію царства Его.

11. Гдѣ мѣсто ихъ пребыванія?

Въ обновленномъ Эдемѣ.

12. Почему таинство Ордена не можетъ быть всякому извѣстно?

Потому же, почему не всякой можетъ видѣть и ощущать присутствіе Бога Вездѣсущаго.

13. Чѣмъ пріобрѣтается оное таинство?

Возрожденіемъ.

14. Что открывается симъ таинствомъ?

То, чего око не видѣло и ухо не слышало и въ сердце челоуѣку не входило. Сіе то Богъ чрезъ таинство открываетъ возлюбленнымъ своимъ.

15. Всѣ ли Ф-къ М-ны должны искать онаго таинства?

Изучаясь познавать въ натурѣ пути къ нему ведущіе, должны они всѣ искать во первыхъ царствія Божія и правды его; и каждому изъ нихъ потребное приложится волею Божіею, которую одну любить должно.

16. Какихъ свойствъ долженъ быть тотъ, которой можетъ получить (имѣть) оное таинство?

Онъ долженъ быть таковъ, что хотя бы имѣлъ способъ излѣчать всѣ болѣзни тѣла и жить нѣсколько сотъ лѣтъ, по примѣру древнихъ праотцовъ, со всѣмъ тѣмъ, могъ бы терпѣливо сносить и не помогая себѣ, жесточайшую боль,—и быть въ готовности на завтра умереть безъ роптанія; также, чтобъ былъ готовъ сносить величайшую бѣдность, обладаючи способами производить богатства всего міра; и имѣя средство бесѣдовать съ Ангелами, могъ бы смиренно пребывать въ глубочайшемъ невѣжествѣ, когда то угодно волѣ Источника Свѣта, и, имѣя съ Исусомъ Навиномъ силу остановить солнце и съ Илѣею отверзать и затворять небо,—считалъ бы себя менѣе всѣхъ; и могъ бы скитаться безъ роптанія по землѣ, не имѣя мѣста, гдѣ на оной преклонить главу свою. Однимъ словомъ, ничѣмъ бы не желалъ наслаждаться и на все бы рѣшился, еслибъ оное потребно было для исполненія воли Небеснаго своего Владыки.

17. Какая должность истиннаго Ф. М. въ разсужденіи своего Государя?

Онъ должны царя чтить и во всякомъ (страхѣ) дѣлѣ повиноваться ему, не только доброму и кроткому, но и строптивому. (I Петр. II, 17, 18, Евес. VI, 5. 7.)

18. Какія его обязанности въ разсужденіи властей управляющихъ?

Онъ долженъ быть покоренъ вышнимъ властямъ, не токмо изъ страха наказанія, но и по долгу совѣсти. (Рим. XIII, 1—5.)

19. Какая обязанность истиннаго Ф. М. въ разсужденіи внѣшняго Богослуженія?

Почитая его установленія и обряды, долженъ прилежно ими пользоваться, какъ средствомъ для внутренняго, чему надлежитъ быть ихъ предметомъ во всѣхъ Христіанскихъ учрежденіяхъ Богослуженія внѣшняго.

20. Какъ истинный Ф. М. долженъ поступать съ подвластными ему?

Наиболѣе онъ долженъ пецись о ихъ вѣчномъ блаженствѣ, воспитывая ихъ въ страхѣ и ученіи Господнемъ, обязанъ наблюдать между ними правду (уравненіе) и управленіе, оказывать имъ снисхожденіе и обходиться съ ними безъ жестокости, памятуя, что всѣ имѣютъ общаго Владыку на небѣ, у Котораго нѣтъ лицепріятія. (Ефес. VI, 4, 9. Колос. IV, 1.)

21. Какъ долженъ онъ поступать со всѣми людьми вообще?—

Всѣхъ долженъ любить для Бога, желать имъ всѣмъ всякаго въ Немъ блага, и вспомоцествовать имъ, сколько ему возможно.

22. Какъ онъ долженъ быть расположенъ противу своихъ враговъ?

Любить ихъ.

23. А противъ тѣхъ кои клянутъ его?

Благословлять ихъ.

24. Какъ онъ долженъ поступать съ ненавидящими его?

Дѣлать имъ добро.

25-е. А съ тѣми которые гонятъ его?

Молиться за нихъ.

26. Какъ долженъ истинный Ф. М. поступать съ тѣми, которые у него просятъ?

Онъ не долженъ отказывать тому, кто хочетъ у него занять; просящему долженъ давать; и когда даетъ милостыню, то, чтобъ его лѣвая не знала, что дѣлаетъ правая *).

27. Что долженъ истинный Ф. М. дѣлать съ тѣмъ, кто хочетъ съ нимъ судиться и лишитъ принадлежащаго ему?

Если кто хочетъ судиться и отнять у него платье, то долженъ онъ отдать ему и рубашку; и если кто пожелаетъ заставить его идти съ собою версту, то идти съ нимъ и двѣ. (Мат. V, 40, 41.)

*) Истинные Ф. М. должны наблюдать сіе правило во всѣхъ добрыхъ поступкахъ: также должны они молиться тайно, постясь умащать главу свою и умывать лице какъ сказано въ евангеліи и слѣдовать всѣмъ принятымъ въ обществѣ обычаямъ, какъ-то: въ нарядахъ, обхожденіи, въ образѣ домашней жизни и проч. тому подобномъ, избѣгая и вида лицемерія. (Мат. V. 42. VI. 3, 6.)

28. Что долженъ онъ дѣлать съ тѣмъ, кто его обидить?

Если кто ударить его по одной щекѣ, то онъ долженъ обратить ему и другую.

29. Слѣдовательно онъ не можетъ быть на войнѣ?

Истинный Ф. М. чтить Царя и повинуется властямъ управляющимъ.

30. Какое должно быть правило истиннаго Ф. М. въ исправленіи долга своего къ отечеству?—

Зная, что не только каждое дѣйствіе и каждое слово, но даже каждая мысль, каждый взглядъ, каждый вздохъ служатъ къ распространенію царствія Божія, или къ сопротивленію оному, имѣя непрестанно сіе въ виду, долженъ онъ помнить при всемъ, чтобъ онъ не дѣлалъ, что чрезъ оное могутъ открываться правда или благодать Господня,— Котораго воля должна ему быть драгоцѣннѣе всего.

31. Какія чувства истинный Ф. М. долженъ имѣть къ своимъ родителямъ?

Долженъ ихъ почитать и любить (Ефес. VI. 1., 2.), но такую любовію, которая не препятствовала бы ему быть ученикомъ Іисуса Христа, рекшаго: „Аще кто грядетъ ко мнѣ, и не возненавидитъ отца своего и мать и жену и чадъ и братію и сестеръ, ежели же и душу свою, не можетъ мой быти ученикъ“. (Лук. XIV. 26.) То есть: не можетъ быть истиннымъ послѣдователемъ Христовымъ тотъ, кто не только всѣми оными естественными связями, но даже и любовію къ самому себѣ и всякимъ къ себѣ прилѣпленіемъ, не пожертвуетъ дѣятельному исполненію ученія Христова и изъ ревности къ Нему не возненавидитъ, или не отвергнетъ въ оныхъ всего того, что можетъ ему препятствовать.

32. Можетъ ли истинный Ф. М. жениться?

Богъ, видя, что человѣкъ утопаетъ во снѣ грѣховномъ, благоволилъ сотворить ему помощницу, и, отдѣля отъ него натуру („часть“) женскую, сдѣлалъ изъ оной жену. (Быт. 11.)

Ученики Христовы услыша слова его о брачномъ состояніи, сказали ему: „лучше есть не жениться“. Онъ же рече имъ: „не всѣ вмѣщаютъ словеса сего („не всѣ могутъ не жениться“), но имъ же дано есть; и суть бо скопцы, иже изъ чрева матерня родихася тако; и суть

скошцы, иже скопишася отъ чловѣкъ; и суть скошцы, иже исказиша сами себѣ, царствія ради небеснаго. Могій вмѣстити, да вмѣститъ“. (Мат. XIV. 10. 11.)

Въ откровеніи Іоанновомъ сказано о 144,000 искупленныхъ отъ земли: „сіи суть, иже съ женами не осквернишася, зане дѣвственники суть, сіи послѣдуютъ Агнцу, а може аще поидеть; сіи суть куплены отъ людей црвенцы Богу и Агнцу, и во устѣхъ ихъ не обретется лествь предъ престоломъ Божиимъ.—(Апок. XIV. 45.)

А святый Апостоль Павелъ къ Коринфянамъ говоритъ: „хочу бо, да вси чловѣци будутъ, якоже и азъ („въ безбрачїи и необщенїи плотскомъ съ женами“); но аще не удержаться (еели похоти плотской воздержаться не могутъ),—да посягають: лучше бо есть женится, нежели разжигатся. (1 Кор. VII. 7., 9.)

33. Какъ истинный Ф. М. долженъ поступать съ своею женою?

Долженъ ее любить, какъ Христось возлюбилъ церковь, беречь ее и содержать какъ свое собственное тѣло, и стараться, чтобъ она была освящена и омыта чистотою крещенія въ словѣ жизни. (Ефес. V. 25., 26.)

34. Какъ долженъ онъ воспитывать своихъ дѣтей?

Онъ долженъ, какъ скоро только возможно, начать воспитывать ихъ къ оному повому рожденію, безъ котораго не можно войти въ царствїе Божїе, какъ говоритъ Христось. (Іоан. III. 5.)

35. Какъ истинный Ф. М. долженъ употребить свое имѣніе?

Считая себя только орудїемъ Божиимъ, долженъ онъ знать, что всякая полушка можетъ служить или къ строенію дѣла Его и къ прославленію Святаго Имени Его на землѣ, или къ умноженію того, что Оному препятствуетъ, и посему долженъ поступать со ввѣреннымъ ему имѣніемъ.

36. Какъ долженъ онъ поступать въ разсужденіи пици и питія?

„Дѣлая все во славу Божію, долженъ тоже наблюдать и при вкушенїи пици и питія“, (1 Кор., X. 31.). Употреблять оныя умѣренно, не въ удовольствїе сластолюбїю, но дабы только подкрѣпить тѣло, какъ храмину, которой подлежатъ быть яслями возрожденія и земною обителю истиннаго чловѣка,—внутренняго,—духовнаго.—сотвореннаго по образу и по подобію Божескому. (1 Кор. 11., 14., 15.)

37. Какимъ образомъ истинный Ф. М. готовится къ смерти?—

Непрестанно стараюсь умирать грѣху. (Рим. VI, 2.)

38. Когда начнется истинная работа въ нравственности?

Когда человѣкъ начнетъ совлекаться ветхаго Адама.

39. Когда она оканчивается?

Тогда какъ ветхій Адамъ совлеченъ совершенно.

40. Когда престанетъ всякой трудъ и работа?

Когда не останется на землѣ ни единой воли, которая бы не совершенно предалась Богу, когда золотой вѣкъ, которой Богъ хочетъ прежде внутренне возстановить въ маломъ своемъ избранномъ народѣ, разпространится вездѣ и явится внѣшне; и когда царство самой природы освободится отъ проклятiя и возвратится въ средоточiе Солнца.

Мойй вмѣстити да вмѣстити.

Катихизисъ сей съ нѣкоторыми исключенiями и прибавками, по пристойности назвавъ краткимъ изображенiемъ качествъ и должностей истиннаго христiанина, присоединилъ я послѣ къ сочиненной мною въ тоже почти время книгѣ подъ названiемъ: *Нѣкоторыя черты о внутренней Церкви, единомъ пути истины и о различныхъ путяхъ заблужденiя и тьмы*, которая два раза напечатана: первой разъ въ 1798-мъ, а второй въ 1801-мъ году. Она переведена очень хорошо на Французской языкъ; и сей переводъ такъ-же напечатанъ въ Санктпетербургѣ, а послѣ вышло онаго изданiе въ Парижѣ съ Аллегорическою картиною въ заглавiи моего же сочиненiя, изображающей храмъ Натуры и благодати, съ моимъ же изъясненiемъ, которое на русскомъ, при картинѣ оной, въ большомъ видѣ, выгравировано въ Москвѣ*). Недавно картина сiя съ Французскимъ изъясненiемъ наилучшимъ образомъ выгравирована въ Лондонѣ.

Оный же катихизисъ точно въ томъ содержанiи, въ какомъ онъ написанъ и здѣсь помѣщенъ, присоединилъ я къ сочиненной мною, охотникамъ извѣстной піесѣ, подъ именемъ: „Духовный рыцарь, или

*) Самый хорошiй переводъ книги сей на Нѣмецкомъ языкѣ сдѣланъ нѣкоторымъ Г. Эвалдомъ и помѣщенъ въ его христiанскомъ, мѣсячномъ изданiи.

ищущій премудрости“, которое сочиненіе диковиннымъ случилось образомъ.

Вдругъ за обѣдомъ пришла мнѣ объ немъ мысль. Отобѣдавши, тотъ часъ пошелъ я прогуливаться: въ прогулкѣ составилъ весь планъ; и я съ Покровки дошедши только до Ниренбергскихъ лавокъ, скорыми шагами воротился домой и принялся писать;—почти не вставая съ мѣста, писалъ часовъ шесть и покончилъ сіе сочиненіе,—содержащее въ себѣ листа четыре печатныхъ въ 8-ку мелкими литерами.

Въ этой піесѣ краткими чертами представлены главные пункты Герметической науки, образъ ея святилища, ходъ внутренняго обновленія человѣка и начала самопознанія и глубокой морали.

Для того же предмета, для котораго издалъ я свой правоучительный катихизисъ, заставилъ я написать извѣстную книжку: „*Кто можетъ быть добрымъ граждаиномъ и подданнымъ вѣрнымъ*“, которая также переведена на французской и пущена была въ продажу. Сочинилъ ее по моему плану самый близкій другъ мой Иванъ Петровичъ Тургеневъ, сей честнѣйшій человѣкъ, коего память всегда любезна будетъ всѣмъ его знавшимъ и любящимъ добродѣтель.

Сочиненіе мое о внутренней церкви, хотя напечатано уже въ то время когда печатаніе подобныхъ матерій весьма правительствомъ терпимо было, однако, познакомивъ со мною многихъ, которыхъ вниманіе должно быть для меня лестно, навлекло мнѣ много непріятелей.—Нѣкоторые изъ духовныхъ намѣревались было воздвигнуть на него гоненіе, но время имъ въ томъ не благопріятствовало.

Для меня же сочиненіе сей книги будетъ всегдашнимъ утѣшеніемъ, потому что оцутительная мнѣ помощь Божія въ сочиненіи семъ, удостовѣряетъ меня въ его пользѣ. При всемъ томъ, однакожь, очень умножилось удовольствіе мое отъ сдѣланнаго одобренія г-мъ Эккартсгаузенемъ который называлъ книгу сію драгоценною, истинною мудростію исполненною. Признаюсь такъ же откровенно, что удовольствію оному причинно сколько мое самолюбіе, которое весьма еще далеко отъ своей смерти—сей единственной совершительницы чистой добродѣтели, столько же и подкрѣпленіе въ ономъ увѣренія о пользѣ книги, какое естественно быть должно отъ такого мужа, коего по справедливости можно считать изъ величайшихъ свѣтилъ Божественнаго просвѣщенія, извѣстныхъ въ нашемъ времени.

Вниманіе его ко мнѣ всегда будетъ очень лестно для меня и смиренію у него мнѣ учиться надобно. Онъ писалъ ко мнѣ послѣднее, можетъ быть, въ жизни своей письмо: писалъ дней за 10-ть до своей смерти и прислалъ ко мнѣ въ манускриптѣ послѣднее жъ, думаю, сочиненіе свое: о согласіи внѣшнихъ законовъ природы съ внутренними законами духа, подъ названіемъ: *Поставленіе Клоаса жреца природы, Софрониму*. Въ письмѣ томъ пишетъ, что ежели сіе его сочиненіе заслужитъ мое одобреніе, то онъ будетъ продолжать его. Читая сіе, я закраснѣлся при всемъ столь живомъ, какъ сказалъ я выше, самолюбіи моемъ.

Оное сочиненіе г. Экартгаузена пѣчто совершенное въ своемъ родѣ и въ прочемъ превосходящее всякую похвалу мою, переведенное на руской языкъ, помѣнено. въ отрывкахъ изъ его сочиненій, изданныхъ другомъ моимъ Александромъ Федоровичемъ Лабзинымъ, который перевелъ и напечаталъ многіа сочиненія сего великаго мужа, какъ и другихъ подобныхъ, и коего труды въ изданіи книгъ, споспѣшествующихъ распространенію свѣта Божественной мудрости и назиданію глубокаго Христіанства, при дѣятельности великодушною твердостью примѣрной, по всей справедливости обязываютъ къ нему почтеніемъ и признательностію всѣхъ любителей истины и просвѣщенія сердечнаго. Одно изданіе извѣстнаго Сіонскаго Вѣстника должно дѣлать имя его любезнымъ и безсмертнымъ.

Книгу внутренней церкви сочинялъ я въ 1789-мъ году*), оправляясь послѣ жестокой болѣзни; и многое изъ нее написано мною карандашемъ въ старомъ саду Графа Разумовскаго, что на Гороховомъ Полѣ, который тогда открытъ былъ для народнаго гулянья и въ которомъ я часто прохаживался.

Неожиданный переломъ болѣзни моей къ совершенному выздоровленію стоитъ того, чтобъ описать его. Всѣ знающіе какъ дѣйство силы милосердія Божія, чрезъ вѣру и раствореніе сердца любовію, разливается и на физическую натуру, съ удовольствіемъ конечно прочтутъ сіе описаніе.

Отъ простуды сдѣлалась у меня при безпрестанномъ почти кашлѣ боль въ груди и въ боку, и нѣсколько недѣль продолжалась уже изнурительная лихорадка, (*Fievre Sente*) вѣрная предвѣстница чахотки,

*) Я писалъ ее для употребленія въ бывшемъ обществѣ нашемъ; и она была въ иной формѣ, особливо первая ея глава. При изданіи же въ печати переимѣнилъ я ее въ нынѣшнюю форму.

которую медики, и въ числѣ ихъ одинъ искренній мой пріятель, мнѣ и объявили рѣшительно, успокаивая только меня тѣмъ, что въ разсужденіи лѣтъ моихъ уже не самыхъ молодыхъ, могу я еще нѣсколько ихъ перекашлять.

Занемогъ я въ великой постѣ; на страстной недѣлѣ семейство наше всегда имѣло обычай говѣть. Отецъ мой, въ разслабленномъ его состояніи, не могъ ѣздить въ церковь, и причащался дома. По болѣзни своей, и я также дома долженъ былъ тогда причаститься послѣ обѣдни.

Въ день причастія, долго утромъ пролежалъ я отъ болѣзни въ постели. Насилу всталъ:—между тѣмъ торопили меня идти къ отцу моему въ спальню слушать Правило. Все это тревожило нетерпѣніе, больному еще больше свойственное. Отелушавъ Правило, пришелъ я въ свои комнаты одѣваться. Я спѣшу, а камердинеръ мой еще и умываться мнѣ неприготовилъ. Разсердился я до изступленія, ругалъ его, не билъ только отъ говорившаго еще нѣсколько во мнѣ чувства долговременной любви къ нему и вниманія, по отлично хорошему его поведенію. Но брань моя была такими извительными словами, что побои легче бы ему конечно были. Онъ дрожалъ, блѣднѣлъ, синія пятна показывались на лицѣ его. Увидѣвъ это, почувствовалъ я вдругъ всю мерзость моего поступка и, залившись слезами, бросился въ ноги къ моему камердинеру; можно себѣ представить, какая это была сцена!

Тутъ мнѣ сказали, что священникъ пришелъ съ дарами. Я пошелъ въ слезахъ же и рыдая причащаться и причастился подлинно.

Проводя священника легъ, я отдохнуть; уснулъ съ часъ и проснувшись почувствовалъ въ тѣлѣ моемъ такую теплоту здоровья, какой медики уже для меня въ натурѣ не предполагали. Словомъ я проснулся здоровъ.

Скоро послѣ того пріѣхалъ ординарный дома нашего докторъ. Посмотрѣвъ у меня пульсъ, удивился: „Вы совсѣмъ здоровы,—говорилъ онъ мнѣ,—въ пульсѣ вашемъ не только уже нѣтъ нисколько лихорадки,—да онъ такой чистой и свѣжей, какъ бы у самаго здороваго человѣка. Ну, радъ я,—прибавилъ онъ,—что порошки мои вамъ такъ помогли,—однако скорость перемѣны необыкновенная.“

Надобно примѣтить, что онъ мнѣ лѣкарства выписывалъ, а я ихъ не принималъ и все уже тогда давно оставилъ. За нѣсколько дней пе-

редъ тѣмъ, принялъ было я одинъ именно изъ тѣхъ, по его мнѣнію цѣлительныхъ порошковъ его; но у меня пошла кровь горломъ, и одинъ медикъ которой по пріязни меня всякой день посѣщалъ, совѣтовалъ ихъ не принимать, какъ могущихъ ускорить разрушительныя слѣдствія моея болѣзни.

Такимъ образомъ я совершенно выздоровѣлъ отъ болѣзни смертельной; только слабость нѣкоторая продолжалась почти все лѣто.

Поютъ: дивенъ Богъ во святыхъ своихъ,—но ежели можно осмѣлится сказать, то онъ еще дивнѣе въ грѣшникахъ.

Дѣло князей Телятевскихъ съ Суздальскимъ Спасо-Евфиміевскимъ монастыремъ 1586 года.

Печатаемый нами документъ, живо рисующій намъ картину земельной тяжбы въ древней Руси, интересенъ также и для исторіи Суздальскаго Спасо-Евфиміевскаго монастыря, т. к. кромѣ данныхъ сообщаемыхъ имъ какъ документомъ имѣющимъ земельный интересъ, онъ указываетъ намъ цѣлый рядъ вкладчиковъ, среди которыхъ мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ князей Шуйскихъ, Щелгаловыхъ и др. Какъ извѣстно, въ XVI ст. монастыри усердно стягивали въ свои руки земельныя богатства, являясь единственными кредиторами землевладѣльческаго класса. Только монастыри являлись обладателями капитала и, благодаря этому, накладывали свою тяжелую экономическую руку на все окружающее населеніе, которое шло къ нимъ не только за духовной пищей, но и за матеріальной помощью. неся къ нимъ не только свой личный трудъ, но и закладывая свои земли, переходившія съ момента заклада въ фактическое распоряженіе монастыря. Служилый человекъ XVI ст. несъ тяжелую службу государству, будучи обязанъ во всякую минуту выходить на его защиту не только лично, но и выводить своихъ людей, вооруженныхъ и снабженныхъ всѣмъ необходимымъ на его личный счетъ; результатомъ этого и являлась задолженность единственному въ то время капиталисту—монастырю, а затѣмъ и постепенный переходъ земель изъ рукъ вотчинниковъ во владѣніе монастырей. Печатаемый документъ принадлежитъ именно къ тому времени, когда особенно усилился этотъ переходъ, усилился настолько, что потребовалъ даже вмѣшательства самого государства, которому совершенно не улыбалось обѣднѣніе служилого класса. Но жизнь брала свое и распоряженія правительства не исполнялись на томъ простомъ основаніи, что оно само, не имѣя денежныхъ средствъ, не могло прійти на по-

мощь землевладѣнію и, издавая указы, стѣнявшіе земельныя операціи монастырей, должно было смотрѣть сквозь пальцы на все совершавшееся. Какъ иллюстрацію того, на какія потребности закладывались деревни, мы подъ № II-мъ печатаемъ данную княгини Ульяны Гундоровой отъ того же времени, въ которой она говоритъ „была в монастыре кабала мужа моего князя Силы Григорьевича в тридцати в пяти рублях да княз же мой взял в монастырѣ три кони да четыре доспехи да спорок бархатной за тридцат рублей“ . . . . . „и яз дала за долгъ мужа своего князя Силы Григорьевича село *Онтилохово* да деревну *Борисково* за долгъ“.

Правда въ этихъ данныхъ писалось, что дается это „въ наследіе благъ вѣчныхъ“, но нельзя не признать, что главнымъ образомъ разставаться съ родовыми вотчинами приходилось потому, что служилому человѣку требовались для него и для его людей и кони, и доспѣхи. Такова была тяжелая служба русскаго человѣка въ тѣ времена, когда складывалось великое Русское Государство, когда московскіе великіе князья простирали во всѣ стороны свою руку и постепенно растягивали свои границы, присоединяя къ своей державѣ одно царство за другимъ.

Л. М. Савеловъ.

I.

М. А. М. Ю. Коллегіи Экономіи Грамота № 83/11862.

Сіи суд судил государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русіи боярини и дворецкой *Григорей Васил(ъ)евич Годунов*. Билъ челомъ государю, царю и великому князю князь *Ондрѣевъ человекъ Телятевскою* *) *Ил(ъ)я Лабанов* в государя своего во княж *Ондрѣево* мѣсто *Спаского Еуѡимьева монастыря*, что в *Суздале* на архимарита на *Иева* з брат(ъ)ею да подалъ челобитную и в челобитной пишетъ: „Царю, государю и великому князю Федору Ивановичю всеа Русіи бьет челомъ холопъ твой *Ондрѣецъ Телятевской*. Жалоба мнѣ, государь. *Спаского Еуѡимьева монастыря* изъ *Суздаля* на архимарита на *Иева* з брат(ъ)ею. Пожаловал еси, государь. мене, холопа своего, против моеи *Стародубской вотчинки села Сарчева* з деревнями в *Суздальскомъ уѣздѣ* в *Оболскомъ стану* селцомъ *Петровымъ Городищем* з деревнями, и тот, государь, архимарит з брат(ъ)ею косить у меня твое

*) Андрей Петровичъ.

государева жалован(ь)я моеи вотчинки селца Петрова Городище луг. насилствомъ перелѣзчи за Нерль реку под то мое селцо Петрово, а ставитца, государь, на томъ лугу по пятисотъ копенъ сѣна, а то, государь, селцо Петрово городище преж сего было за помѣщики: а намъ, государь, твое государева жалованья то селцо досталос против нашей Стародубекой вотчины села Сареева в вотчину же и были, государь, твои государевы писцы в Суздоле 86-м году княз *Григорей Звенигороцкой* *) да Василей Огалин с товарищи, и мои, государь, людишка били челомъ твоимъ государевымъ писцомъ княз Григорью с товарищи и тово лугу на архимарите з брат(ь)ею искали; и твои, государевы писцы мои людишекъ с архимаричьи слугами на томъ лугу судили и с суда, государь, мои людишка слали на многие старожилцы, которые тот луг истари знают и княз Григорей, государь, с товарищи, по архимаричю челобитгю, судя на том лугу не обыскивали и старожилцов не спрашивали а обыскивали, государь, после того суда спустя три недѣли, от(ь)ѣхов от той нашей вотчины дватцат версть во княж *Иванове вотчине Петровица Шюйскаго* в Лопатничех, а обыскивали, государь, тѣми людьми, на которых архимаритъ слался, а норовечи, государь, архимариту, а на которых, государь, на сторипныхъ людей и на старожилцов мои людишки слали, и княз Григорей, государь, с товарищи тѣми людьми про тот луг не обыскивал и старожилцов не спрашивал и после, государь, суда и обыску про тот луг намъ пути никакова не учинили, а архимарит, государь, з брат(ь)ею тѣмъ лугомъ и по ся мѣсто владѣть одинацатой годъ. Милостивый царь, государь, покажи милость, пожалуй меня, холопа своего, вели мнѣ дати своег(о) государева дозорщика на тот лугъ и вели, государь, обыскати сторонними людьми и старожилцы про тот луг, оприч, государь, архимаричих друзей и зговорщиков и вкладчиков. Государь, царь, смилуйся!“ И против челобитные Спаско(го) Евѣимьева монастыря в архимариче въ Бевлево мѣсто з брат(ь)ю старецъ Левкѣя отвечал, а в отвѣте сказал: „За рекою за Нерлью луг, которого ищет в государя своего во княж Ондрѣево мѣсто человекъ его Ил(ь)я Лобанов, они владѣют, а тот луг монастырской села Стебачова, а не княж Ондрѣевы вотчины села Петрова Городище, да и наперед деи тог(о) княж Ондрѣев человекъ тот же Ил(ь)я Лобанов тово лугу на них искал перед писцы передъ княземъ Григорьемъ Звенигороцким да перед Васил(ь)ем Огалиным и писцы княз 'Григорей Звенигороцкой да Василей Огалин в том лугу по суду и по обыску архимарита з брат(ь)ею оправили, а его, княжъ Ондрѣева человекъ Ил(ь)ю обвиняли и в кни-

*) Григорій Васильевичъ.

гах писма своег(о) тот луг написали за монастыремъ, а ныне тово лугу ищет и в другие вклепываетца в нег(о) напрасно, да в том оба ища меж себя ищя княж Ондрѣев человекъ Ил(ь)я имался за крестное целован(ь)я, а отвѣтчикъ старецъ Левгѣя имался за жеребей, а сверхъ крестног(о) целован(ь)я и жереб(ь)я ищя княж Ондрѣевъ человекъ Ил(ь)я подал ссылочную память, слался на старожилцовъ государевы волости Күбенских деревень на крестьянина на Ивана на Букова да посоцново села Довыдовских деревень на Гаврила на Ил(ь)яна сына да на Федоровых крестьян Забѣлина на Овдѣя на Оверкеева да на Булгака на Тверитиновског(о), да на Дмитреява крестьянина Ярышкѣина на Оксена Оомѣина сына, да на княжъ *Борисовых крестьян Шеховскою* на Нечая Еремѣина сына да на Луку Мпхаилова сына, да на княжъ *Ивановыхъ крестьянъ Троекурова* на Федора да на Ивана на Горшковских да на Ил(ь)ю на Купреянова сына да на Шеметовыхъ крестьян Иванова на Сафона Еомѣмова сына да на Бориса Борпсова сына, да на Посниковыхъ крестьян Костяева на Митю на Крыжа, да на Матвѣева крестьянина Симанова на Первова на Пориволовского да на Бурбана на Вызпновского. что тѣ крестьяне межю вѣдают. И отвѣтчикъ старецъ Левгѣя, выслушев княж Ондрѣева человекъ Ил(ь)и Лобанова ссылочные памяти на тѣх. на всѣх людей слался в послушество, а сказал тѣ у него старожилцы погупные, а какъ на них тот же Ил(ь)я тово лугу перед писцы искал и тогда тѣхъ старожилцов перед писцы не сказывал да слался в томъ на княж Григор(ь)ево судное дѣла и их писма на книги. да сверхъ тово слался в слух и в обыскъ около села Стебачова на всѣ четыре стороны вереть по пяти и по шти и по десяти и по пятнадцати и по дватцати и болши в том, что тот луг за рекою за Нерлью Спаского монастыря села Стебачова, а не княж Ондрѣевы вотчины села Петрова городиша. и княж Ондрѣевъ человекъ Ил(ь)я сказал: писцы княз Григорей Звенигородской да Василий Огалин в томъ лугу судили да норовили в судѣ Спаскому архимариту и обыскивали не сряду выборомъ их други. а на которых людей слался он и писцы княз Григорей с товарищи тѣми людьми не обыскивали, да слался на княж Грнево судное дѣло и ихъ писма на книги в послушество, а в слух и въ обыскъ около села Стебачова вереть по пяти и по шти слался, а дале тог(о) слался в послушество потомучто всѣ у монастыря удружены и вкладчики, да слался пз виноватых на писцовы книги на старые писма Степана Отяева да Истома Тумского в том, что тот луг въ тѣхъ въ обѣихъ книгахъ написанъ къ сему къ Петрову Городищу, а къ монастырскому селу къ Стебачову ненаписанъ, а хто пмянемъ въ Суздаль у Спаса въ монастырѣ вкладчиков, тому подалъ память. А вкладчиковъ у Спаса въ монастырѣ

князь *Василей Ѳеодоровичъ*, да князь *Иванъ Петровичъ Шуйские*, да князь *Василей*, да князь *Олександро*, да князь *Иванъ Ивановичи Шуйские*, *Василей Яковлевичъ Щелкаловъ*, *Ѳеодоръ Петровичъ*, да *Яковъ*, да *Елизарей*, да *Матвѣй Молвниновы* всѣ родомъ, вкладчики жъ *Еѳимъ Вохромбевичъ*, *Смердъ* да *Юрья Ивановичи Плещѣвы* *Василей* да *Петръ Волоховы*, *Нечай* да *Иванъ Булатовы* конюхи *Василей Симоновъ*, *Посникъ Федоровъ* сынъ *Костяевъ*, а братъ его *Мартемьянъ* у *Спаса* въ казначаяхъ монастыря *Ивана Предотечи* строитель *Мартемьянъ Кубенской* зъ братьею государю нашему недрузи въ земляномъ дѣлѣ, потому что государя его вотчинная земля съ монастырскою землею сошлась, *Василей Матусовъ* у *Спаса* вкладчикъ же. И отвѣтчикъ старецъ *Левкея*, выслушавъ ищенихъ княжъ *Ондрѣвы* челоуѣка *Ильи Лобанова* ссылки на писцовы книги *Степана Стяева*, слася изъ виноватыхъ, что ко князь *Ондрѣвъ* вотчинѣ къ селу *Петрову Городицу* тово лугу нѣтъ, а къ монастырскому селу къ *Стебачову* за рѣкою за *Нерлю* луги есть, а имянно тотъ лугъ ненаписанъ потому, что объ немъ спорника никого не бывало, а *Истомы Тумского* писца въ *Суздаль* не слыхалъ и того не вѣдаетъ какъ въ тѣхъ книгахъ про тотъ лугъ написано.

Да старецъ же *Левкея* билъ челоуѣкъ, а сказалъ: было то сельцо *Петрово Городище* въ помѣстьѣ за *Деменшинымъ* да за *Демидовымъ* дѣдомъ *Черемисиновыхъ* за *Семеномъ* да за отцомъ ихъ за *Иваномъ*, а владѣли они тѣмъ помѣстьемъ больше ста лѣтъ, а въ тотъ лугъ не вступалися, въ томъ слася на *Демида* да на *Деменшу* изъ виноватаго.—И князь *Ондрѣвъ* челоуѣкъ *Ильи* на *Деменшу* да на *Демида* на *Черемисиновыхъ* слася въ послушество, а сказалъ: дѣдъ ихъ *Семень* и отецъ *Иванъ* тѣмъ лугомъ владѣли къ сему къ *Петрову Городицу*, а *Спасскаго* монастыря крестьяномъ давали на выпускъ по ихъ челобитью, а владѣти имъ тѣмъ лугомъ не давали.—И старецъ *Левкея* сказалъ: послѣ *Семена* да *Ивана Черемисиновыхъ* дано было то село *Петрово Городище* въ помѣстьѣ князю *Семену* да князю *Тимофлю Вяземскому* *) учали были они въ тотъ же лугъ вступатися. И *Спасскаго* монастыря архимаритъ билъ челоуѣкъ государю да взялъ въ *Суздаль* на *Яковлево* имя *Трофимова* судимую грамату, что въ томъ лугу ихъ судити; и князь *Семень* да князь *Тимофлей*, не ходя съ ними на судъ, добили челоуѣкъ и запись на себя дали; что имъ впередъ въ тотъ лугъ не вступатися, а та запись нынѣ въ монастырѣ, да положилъ зъ записи списоуѣкъ, а въ списоуѣкъ зъ записи пишетъ:

„Се яз князь *Семень* да яз князь *Тимофлей* князи *Ивановы* дѣти *Вяземскаго* да яз *Спасскаго* *Еуѳимьева* монастыря архимарит *Саватей*, да

*) Ивановичи.

яз бывшей архимарит Михайло, да из старец Феоплъ, да из келар Исаа, да из казначей Варламъ Суцовъ и вся братья Спаского Еуфимьева монастыря, что билъ челомъ государю, царю и великому князю слуга монастырской Матвѣй Нечаевъ сынъ Кунѣевъ на мѡихъ княжъ Семеновыхъ людей на Илюшю на Воломатова да на довотчика на Трофима и на крестьянъ на старосту на Смолка на Прокофьева сына да на Третьяка на Оедорова на Петровыхъ дѣтей Костромницкого да на Петелю да на Июду на Степановыхъ дѣтей Саулина, да на Малца на Опоорева сына да на Митю на Кириѣевского и на всѣхъ крестьянъ мѡихъ въ лугу въ монастырскомъ Стебачовского села противъ Стебачова за рѣкою за Нерлю на Петровской сторонѣ, да въ сѣнѣ въ двустѣ въ семи копнахъ, да въ бою и въ грабежѣ во штинатати рублехъ съ четью, и царь, государь меня архимарита зъ братьею пожаловалъ, далъ намъ грамату къ Якову къ Гавриловичу Наумову и велѣлъ нашего слугу въ ихъ грабежѣ и въ монастырскомъ дѣлѣ со княжъ Семеновыми людьми и со крестьяны въ томъ лугу и въ сѣнѣ и въ бою и въ грабежи судити; и из князь Семень и князь Тимофѣй Вяземские да из, архимарит Саватѣя зъ братьею не пуцаа людей своихъ и крестьянъ чередъ Якова тягаться, да во всемъ въ томъ помирился, что мнѣ, князю Семену и князю Тимофѣю въ тотъ лугъ монастырской не вступатися по старымъ межамъ, а межа тому лугу отъ реки отъ Нерли врагомъ да на Черную грязь да на Черемховой колодезь, да отъ Черемхового колодезя подлѣ Очетенское поле въ рѣку въ Нерль, да учну из князь Семень или братъ мой князь Тимофѣй впередъ въ тотъ лугъ вступатися, перелѣзчи за межу, и по на мнѣ на князь Семень и на моемъ братѣ взяти архимариту Саватѣю съ братьею по сей записи пятьдесятъ рублевъ, а межа въ межу по сей записи; а учнетъ нашъ монастырской слуга Матвѣй того дѣла на князь Семеновыхъ людѣхъ и на крестьянѣхъ искати и на мнѣ, на архимаритѣ зъ братьею по сей записи князю Семену и брату его князю Тимофѣю пятьдесятъ рублевъ. А записи есмь рознели промежъ себя по противнымъ. А на то послуши: Тимофѣй Петровичъ Молвяниновъ, да Юрьи Андреевичъ Трегубовъ да Неустрой Сергѣевъ сынъ Косякинъ да Григорей Стафоновъ сынъ Лихонинъ. А записи писалъ князь Семеновъ человекъ Ивановича Вяземского Олеша Боламытовъ. Лѣта (здѣ) — 7074-го. А у записи назади рука князя Семена Вяземского и въ брата своего мѣсто^а. — И князь Ондрѣевъ человекъ Илья Лобановъ, выслушевъ мировые записи списка сказалъ: князь Семень, господинъ, и князь Тимофѣй Вяземские умыслили съ ними за одинъ стакався да тотъ лугъ имъ продали и записи на себя такову дали, да слася на ту записи въ послушество, а тотъ ден лугъ изстари села Петрова Городища, а не монастырскаго села Стебачова. — И ста-

рець Левкѣя сказалъ: послѣ князя Семена да князя Тимофѣя тоже село Петрова Городища было въ помѣсть за дѣтми боярскими за Ѳедоромъ за Щеколдпнымъ да за Олексеємъ за Шюмиловымъ да за Юрьемъ за Семеновымъ и дѣти боярскіе въ тотъ лугъ не вступалися, да въ томъ слался на тѣхъ дѣтей боярскихъ изъ виноватого.—И князь Одрѣевъ человекъ Илья Лобановъ на дѣтей боярскихъ на Ѳедора на Щеколдина да на Олексея на Шумилова да на Юрья на Семенова слался въ послушество, а сказалъ тѣ деи дѣти боярскіе Ѳедоръ Щеколдинъ съ товарищи владѣлъ ли тѣмъ лугомъ или не владѣлъ, того онъ не вѣдаетъ, а истари тотъ лугъ села Петрова Городища, а Спаского монастыря архимаритъ съ братьею къ селу Стебачову тѣмъ лугомъ владѣютъ насильствомъ, вклепався.—И старецъ Левкѣя билъ челомъ, а сказалъ: сказываетъ князь Одрѣевъ человекъ Илья, что тотъ лугъ истари села Петрова Городища, а Спаского монастыря архимаритъ къ селу Стебачову тѣмъ лугомъ владѣютъ вклепався и тотъ лугъ истари села Стебачова потому было деи то село Петрова Городище истари починокъ государевыхъ дворцовыхъ селъ да тутю жъ были иные починокъ и тѣхъ починокъ крестьяне тотъ лугъ у нихъ покосили и учили были въ него вступатися, и Спаского монастыря строитель тово лугу на тѣхъ крестьянѣхъ передъ судьей передъ Остаѣемъ Суцковымъ искалъ, и въ тѣхъ лугѣхъ Спаской строитель отправленъ, а тѣ крестьяне обвинены и правую грамоту Остаѣей Суццовъ на тѣ луги далъ, а нынѣ деи та грамота въ монастырѣ, да подалъ челобитную да съ правой грамоты списокъ и въ челобитной и съ правыя грамоты въ списокъ пишетъ: „Царю Государю великому князю Федору Ивановичю всеа Русіи бьетъ челомъ твоего государева богомолья изъ Суздаля Спаского Евѣимьева монастыря архимаритъ зъ братьею. Ветунался, государь, у насъ въ монастырской лугъ въ Суздальскомъ уѣздѣ в Оболскомъ стану за рѣкою за Нерлюю противъ села Стебачова искалъ, государь, на насъ передъ твоими государевыми писцы передъ Суздальскими передъ княземъ *Григорьемъ Васильевичемъ Звенигородскимъ* да передъ Васильемъ Огалинымъ съ товарищи князь *Одрѣевъ Петровича Телятевского* княгини *Оксини* да дѣтей еѣ князя *Икова* да князя *Одрѣя Одрѣевичевъ Телятевского* человекъ ихъ Илья Лобановъ, а называлъ тотъ лугъ государей своихъ вотчины села Петрова Городища; и служба, государь, монастырской Матюшка Губинъ человекъ ихъ отвѣчалъ, что тотъ лугъ истари за рѣкою за Нерлюю противъ села Стебачова Спаского Евѣимьева монастыря чудотворца Евѣимья и на обыскъ, государь, слался и правую грамоту на тотъ лугъ передъ писцы клалъ, и твои, государевы писцы по суду и по обыску и по нашей правой грамотѣ присудили тотъ лугъ написать

своего письма въ книги къ монастырю и велѣли владѣти по старинѣ, а нынеча, государь, тотъ Илья Лобановъ въ государей своихъ мѣсто встунаетца и ищетъ на насъ тово жъ лугу вдругорядѣ. Милостивый царь и государь, покажи милость, вели про то дѣло сыскати и вели то наше дѣло вершити, а въ томъ, государь, намъ волокиты и проѣсти ставетца великие. Православный царь, государь, покажи милость, чтобъ намъ нищимъ твоимъ богомольцомъ волокиты и убытковъ не было. Царь государь, смилуйся!“

—*Списокъ съ правые грамоты:*

„По государева грамотѣ великого князя Ивана Васильевича, ставъ на землѣ судья Остаеѣй Суцовъ тегался стронитель Спаской съ Казакомъ да съ Асѣйкомъ, да съ Макѣйкомъ, да съ Терехомъ да съ Овдакимкомъ да съ ихъ товарищи тако рекъ: Цевъ: жалоба мнѣ, государь, на того Казака да на его товарищи, покосили, государь, у насъ пожни монастырскіе противъ монастыря Стебачова за рѣкою за Нерлю, на которой стоишь, а то, господине наши пожни монастырскіе историнны. И судья спросилъ Казака да его товарищевъ отвѣчайте. И Казакъ да его товарищи тако ркли: то, господине, пожни великого князя, а косили есмь ихъ по грамоте по великого князя лѣтось, а велѣлъ намъ, господине, косити поселской великого князя Тульневъ, а грамота, господине, у насъ великаго князя на Москвѣ, а по грамотѣ, господине, велѣлся намъ садити государь нашъ великій князь отъ Красенския дороги до Щатриць.—И судья спросилъ строителя Цева: „Почему жъ ты зовешь тѣ пожни спаскими изетари?“—Цевъ тако рекъ: „У меня, господине на тѣ пожни знахари, что тѣ пожни наши монастырскіе истаринны, а пережъ того, господине, у насъ покосили тѣжъ пожни тѣ же крестьяне Казакъ съ своими товарищи и мы, господине, били челомъ государю своему великому князю и князь великій, господине, послалъ князя *Василья Бабица* на тѣ пожни, и князь Василей, господине, намъ тѣ пожни отвелъ, а знахари, господине, у насъ на тѣ пожни бояре: Григорей Молвянинъ, да братъ ево Павель, да Микиѳоръ Аксакъ, да Микита Морышкинъ да Юрьи Микиѳоровъ сынъ Владыкинъ да Бирюй да крестьяне великого князя Олексѣйка да Гридя, да Тимоня да Данилка, а коли, господине, намъ князь Василей отвелъ тѣ пожни, и но, господине, съ нимъ были на отводѣ тѣ крестьяне, которые, господине знаютъ тѣ пожни изетаринны.“ И судья спросилъ Казака и его товарищевъ. „А вы зовете тѣ пожни великого князя, кому у васъ вѣдомо, что то пожни великого князя?“—И Казакъ деи и его товарищи тако ркли: „У насъ, господине, на тѣ пожни знахарей нѣтъ, мы, господине, люди пришлые, а поженъ, господине, не знаемъ, а велѣлъ, господине, намъ косити поселской великого князя Тульневъ.“—

И судья велѣлъ Певу поставити передъ собою знахорей. И знахори передъ судьей стали: Григорей да братъ его Павелъ Молвенины, да Микифоръ Акъсакъ, да Микита Морышкннъ, да Юрьи Микифоровъ сынъ Владыкинъ, да Бирюй, да Олексѣйка да Гридя, да Тимоня да Данилко, да Ѳетко. И судья спросилъ знахарей Григорья Молвянина да брата его Павла да Микифора Акъсака и его товарищевъ: „Скажите вы, въ Божью правду, чьи то пожни?“

И Григорей и братъ его Павелъ да Микифоръ Акъсакъ съ своими товарищи тако ркли: „Мы, господине, помнимъ лѣтъ за пятьдесятъ, что то, господине, пожни монастырские Спаские, а косятъ, господине, тѣ пожни къ Стебачову, а прежь того, господине, были покосили тѣ пожни тѣ же крестьяне и князь великий, господине, велѣлъ тѣ пожни отвести князю *Василью Бабичю* и коли, господине, князь Василей, отвелъ тѣ пожни, и мы господине были съ нимъ.“ И объ семъ судья рекъ доложить государя своего великого князя. А на судѣ были Бурка, да Климка, да Шея, да Митя Воронинъ. А вазади у грамоты подписано: „По сему списку князь велики Иван Васильевич велѣлъ судѣ Остаѣю Сущову строителя Спаского старца Пева Богу оправити, а Казака да Осѣйка да Магѣйка да Тереха да Овдокимка и ихъ товарищевъ велѣлъ обвинити и велѣлъ дати Остаѣю судѣ грамоту правую розѣзжую, потомучто тѣ крестьяне знахарей у себя на тѣ земли не сказали“. А притесь у грамоты великого князя дѣяка Василья.—И князь Ондрѣевъ человекъ Илья Лобановъ, выслушавъ съ правыя грамоты списка, таковы онъ правыя грамоты въ монастырѣ на тотъ лугъ не вѣдаетъ, велѣлъ бы ему положить передъ собою подлинную правую грамоту.—И бояринъ и дворецкой *Григорей Васильевичъ* велѣлъ даному приставу пѣвчему дьяку Василью Поталову обоихъ исцовъ подавати на поруки да обговору, а старцу Левкѣ велѣлъ положить передъ собою князя Семена да князя Тимофѣя Вяземскихъ мировую подлинную запись да правую подлинную грамоту а срокъ ему данъ на двѣ недѣли сентября—числа сентября жъ по 25 число. *И 94-ю году сентября въ 25 день* боярину и дворецкому Григорью Васильевичу Годунову Спаского монастыря изъ Суздали старецъ Левкѣ подалъ на спорной лугъ правую грамоту да князя Семена да князя Тимофѣя Вяземскихъ мировую запись. И бояринъ и дворецкой Григорей Васильевичъ, выслушавъ правыя грамоты и мировыхъ записей, велѣлъ справити съ списками, каковы старецъ списки съ правыя грамоты и съ записи положилъ на судѣ, а подлинную правую грамоту и записи отдати старцу Левкѣ да велѣлъ послати въ Помѣстной приказъ память, велѣти спорной лугъ изъ исцовыхъ книгъ Степана Отцева да изъ другихъ книгъ князя Григорья Звенигородцкого выписати,

и правая грамота и мировыя записи старцу и отданы, а память въ Помѣстной приказъ послана такова: „Лѣта 734—7094-ю октября въ 5 день. Память діаконъ Елизарью Вылузгину да Якову Витоѣтову, велѣти имъ выписати изъ Суздальскихъ писцовыхъ книгъ писма Степана Отяева въ-го году, въ Суздальскомъ уѣздѣ въ Оболскомъ стану село Петровское, что было помѣстное да Спаского Еуѣимьева монастыря село Стебачова, что подъ тѣми селы сѣнныхъ луговъ и что отхожихъ луговъ порознь по иманомъ и по колку на которомъ лугу копень сѣна ставитца да имъ же велѣти выписати изъ писцовыхъ книгъ писма князя Григорья Звенигородского да Василя Огалина съ товарищи въ-го (86) году да подъ тѣми жъ селы подъ селомъ подъ Петровскимъ да подъ селомъ подъ Стебачовымъ спорной лугъ, что тягалея о лугу князя Ондры Телятевской Спаского монастыря съ архимаритомъ съ братьею, какъ въ тѣхъ книгахъ про тотъ спорной лугъ написано, да та имъ выпись въ приказъ Большаго Дворца къ боярину дворецкому къ Григорью Васильевичу Годунову часа того за своими приписями.“—Октября въ 10 день изъ Помѣстного приказа память прислана, а въ памяти пишеть: „Октября въ 9 день Память боярину и дворецкому Григорью Васильевичу Годунову. Въ твоей памяти за приписью діака Гаврила Михѣева написано, велѣно выписать и т. д. (повторяется вышеизложенная память изъ приказа Большаго Дворца)... И выписано изъ Суздальскихъ писцовыхъ книгъ писма Степана Отяева лѣта (734—70) 7052-го году въ Ополскомъ стану село Петрово Городище на рѣкѣ на Нерли въ помѣсть за Семеномъ за Васильевымъ сыномъ Черемисиновымъ, а въ немъ церковь Никола Чудотворецъ пашни восемьдесятъ чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна сто девяносто копенъ, а Спаского Еуѣимьева монастыря села и деревни въ тѣхъ книгахъ не писаны. А въ Суздальскихъ же писцовыхъ книгахъ писма и мѣры князя Григорья Звенигородского да Василя Огалина съ товарищи лѣта 734—70-го году въ Ополскомъ стану написано Спаского Еуѣимьева монастыря села Стебачова на рѣкѣ на Нерли пашни и перелогу сто девяносто чети да церковныя пашни осмнатцать чети добрыя земли въ полѣ, а въ дву по тому жъ, луг по рѣкѣ по Нерли промеж под и по заполью тринацать десятины, сѣно косятъ двѣсте копенъ, да церковныхъ пожен двѣ десятины, сѣна косятъ сорокъ копенъ, того же села Стебачова за рѣкою за Нерлю противъ села Стебачова лугъ осмнатцать десятинь, сѣна на немъ ставитца триста шездесять копенъ, а былъ тотъ лугъ въ спорѣ съ вотчинники съ княжъ Ондрыевою княгинею Петровича Телятевской съ Оксимлею з детми со княземъ Яковомъ да со княземъ Ондрыемъ къ ихъ вотчинѣ къ селу къ Петрову Городищу, а по суду и по обыску и по правой грамотѣ, какову по

ложилъ передъ писцы Спаского монастыря слуга, тогъ лугъ приписанъ Спаского Еуѳимьева монастыря къ селу Стебачову. А межа тому лугу отъ рѣки отъ Нерли вверхъ врагомъ да на Черную грязь да на Черемховой колодезь да подлѣ Очепинское поле, да въ рѣку жь въ Нерль; въ тѣхъ же книгахъ написано: за княжъ *Одринскою княгинею Петровица Телятевскою Оксиньею* да за еѣ дѣтьми за княземъ *Яковомъ* да за княземъ *Одринемъ* вотчина село Петрова Городище да къ селу припущено въ пашню пустошь Мишково пашни и перелогу девеносто чети, де церковные пашни осмнатцать чети въ полѣ, а въ дву по тому жь, луговъ по рѣкѣ по Нерли и межъ поль и по заполицомъ двѣнатцать десятинь, сѣна косить двѣсте копень, да тово жь села Петрова Городища за рѣкою за Нерлю лугъ долгой да лугъ плоской семь десятинь съ полудесятиною, сѣна косить сто пятьдесятъ копень по дватцати копень на десятинь⁴. И бояринъ и дворецкой Григорей Васильевичъ Годуновъ, выслушавъ изъ Помѣстнаго приказа памяти велѣлъ въ Помѣстной приказъ послати другую память, сыскати писцовыхъ Степановыхъ книгъ вотчиннымъ монастырскимъ селамъ и деревнямъ, а, сыскавъ, Спаского Еуѳимьева монастыря подъ селомъ подъ Стебачовымъ и пашню и луги выписати, а будетъ Степановыхъ книгъ не сыщутъ и дѣякомъ отписати, Степанъ Отяевъ монастырскія вотчины писалъ ли или не писалъ. И память въ Монастырскій приказъ послана такова: „Лѣта 734 (7094) октября въ 31 день. Память дѣякомъ Елизарью Вылузгину да Якову Витоѳову. Въ нынѣшнемъ 94-мъ году Октября въ 5 день послана къ вамъ память, за приписью дѣяка Гаврила Михѣва велѣти выписати изъ Суздальскихъ изъ писцовыхъ книгъ Степана Отяева 52-го году, въ Суздальскомъ уѣздѣ въ Опольскомъ стану село Петрово Городище, что было помѣстное, да Спаского Еуѳимьева село Стебачово, что подъ тѣми селы луговъ и что отхожихъ луговъ порознь по имяномъ и по кольку на которомъ лугу копень сѣна ставитца, и отъ насъ въ памяти, за приписью дѣяка Якова Витоѳова въ приказъ Большаго Дворца, по писцовымъ книгамъ Степана Отяева 52-го году подъ селомъ подъ Петровскимъ пашня и луги написаны, а Спаского Еуѳимьева монастыря про село Стебачово не написано. И дѣякомъ Елизарью Вылузгину да Якову Витоѳову велѣти писцовыхъ книгъ Степана Отяева сыскати вотчиннымъ монастырскимъ селамъ и деревнямъ, а сыскавъ тѣ Степанова книги велѣти Спаского монастыря подъ селомъ Стебачовымъ пашню и луги и отхожія пашни и луги выписати порознь по имяномъ, да ту выпись въ приказъ Большаго Дворца прислати; а будетъ писцовыхъ Степановыхъ книгъ монастыр. селамъ и деревнямъ не сыщутъ, и дѣякомъ Елизарью да Якову въ приказъ Большаго Дворца отписати, Степанъ Отяевъ монастырскія села

и деревни писалъ ли или не писалъ.“ И 94-го году октября изъ Помѣстнаго приказа Память прислана, а въ памяти пишеть; „Лѣта 7094—7094-го октября 20 дня. Память боярину и дворецкому Григорью Васильевичу Годунову.

Въ памяти твоей за приписью дѣяка Семейки Омелянова написано: и т. д. (приводится память изъ приказа Большаго Дворца отъ 17 октября 7094 года).

И въ суздальскихъ писцовыхъ книгахъ письма Степана Отяева лѣта 7094-го году писаны помѣстныя и вотчинныя земли за бояры и за дворяны и за дѣтми боярскими, а Спаского Еуөнмьева монастыря въ тѣхъ книгахъ не написаны, а опричь тѣхъ книгъ иныхъ писцовыхъ книгъ Степана Отяева въ Помѣстномъ приказѣ нѣтъ.“ И лѣта 7094-го октября въ 29 день бояринъ и дворецкій Григорей Васильевичъ Годуновъ, сего дѣла слушавъ, приговорилъ отвѣтника Спаского монастыря, что въ Суздаль старца Левкѣя въ архимандриче въ Иевлево мѣсто зъ братьею оправити, а ищею княжъ Ондрѣева человекъ Телятевского Илью Лобанова въ государя его во княжъ Ондрѣево мѣсто обвинити, потому искалъ княжъ Ондрѣевъ человекъ Илья Лобановъ въ государя своего мѣсто Спаского монастыря въ архимариче въ Иевлево мѣсто зъ братьею на старцѣ на Левкѣя, а сказалъ въ Суздальскомъ уѣздѣ въ Опольскомъ стану государя его княжъ Ондрѣева вотчина сельцо Петрово Городище зъ деревнями и Спаского да монастыря архимаритъ зъ братьею государя его княжъ Ондрѣевы вотчины села Петрова Городища косятъ лугъ насильствомъ перелѣзши черезъ рѣку Нерль, а ставитца на томъ лугу по пятисотъ копенъ сѣна, и дѣлось ден въ 86-мъ году были въ Суздаль писцы князь Григорей *Звенигородской* да Василей Огалинъ и государя ден его княжъ Ондрѣевы люди на архимарите зъ братьею передъ писцы передъ княземъ Григорьемъ Звенигородскимъ да передъ Васильемъ того лугу искали и писцы въ томъ ихъ лугу судили, а норовили архимариту зъ братьею, а послѣ ден суда про тотъ лугъ никаково пути не учинили, и Спаского монастыря въ архимариче мѣсто зъ братьею старецъ Левкея сказалъ въ отвѣтъ: за рѣкою за Нерлю лугъ, которово на нихъ княжъ Ондрѣевъ человекъ Илья Лобановъ ищеть, они косятъ, а тотъ лугъ монастырской, а не княжъ Ондрѣевы вотчины село Петрова Городища, а князь Ондрѣй въ тотъ лугъ вступаеця напрасно и напередъ тово лугу тотъ же Илья Лобановъ передъ писцы передъ княземъ Григорьемъ да передъ Васильемъ Огалинымъ на нихъ исвалъ, я князь Григорей Звенигородской да Василей Огалинъ по суду и по сыску архимарита зъ братьею оправилъ, а князь Ондрѣева человекъ Илью обвинилъ и въ книгахъ письма своего тотъ лугъ написалъ за монастыремъ, да слался въ томъ

на книги и ищя Пльа Лобановъ на княжъ *Ондрѣвоу князи Звенигородскоу* съ товарищи слася въ послушество, а слася изъ виноватыхъ на писцовы книги Степана Отяева 52-го году, а сказалъ въ тѣхъ писцовыхъ книгахъ тотъ лугъ написать къ государю его вотчины къ селу Петрову Городищу, а къ селу къ Стебачову не написано: и въ Помѣстной приказъ послана память, а велѣно изъ писцовыхъ книгъ Степана Отяева выписать, что къ селу къ Петрову Городищу луговъ написано и по кольку на которомъ лугу копенъ сѣна ставитца, да выписать изъ писцовыхъ книгъ князя Григорья Звенигородскаго да Василья Огалина, какъ въ тѣхъ книгахъ про тотъ спорной лугъ написано: и въ памяти изъ Помѣстного приказу написано: въ Суздальскихъ въ писцовыхъ книгахъ Степана Отяева лѣта 732-го въ Опольскомъ стану село Петрово Городище на рѣкѣ на Нерли въ помѣстьѣ за Семеномъ за Васильевымъ сыномъ Черемисинова пашни 80 чети въ полѣ, а въ дву по тому жъ, сѣна 90 копенъ, а больше того къ селу Петрову Городищу луговъ не написано, и князь Ондрѣй на Спаскомъ архимаритѣ къ своему селу Петрову Городищу ищеть сѣна 500 копенъ, больше писцовыхъ книгъ Степана Отяева, да и по тому въ суздальскихъ же въ писцовыхъ книгахъ письма и мѣры князя Григорья Звенигородскаго да Василья Огалина лѣта 7086-го годъ въ Опольскомъ стану написано Спаскаго Еуѣимьева монастыря село Стебачова на рѣкѣ на Нерли лугъ по рѣкѣ по Нерли промежъ поля и заполья 13 десятинь, сѣна косятъ 200 копенъ, да церковныхъ пожень 2 десятины, сѣна косятъ 40 копенъ, тово жъ, села Стебачова за рѣкою за Нерлю лугъ противъ села Стебачова 18 десятинь, сѣна ставитца 360 копенъ, былъ тотъ лугъ въ спорѣ съ вотчинники со княжъ *Ондрѣвою княгинею Петровицею Телятевскою* да съ ея дѣтьми со княземъ *Яковомъ* да со княземъ *Ондрѣемъ* къ ихъ вотчинѣ къ селу Петрову Городищу и по суду и по обыску и по правой грамотѣ какову положилъ передъ писцы Спаскаго монастыря слуга, тотъ лугъ приписалъ Спаскаго монастыря къ селу Стебачову, да за княжъ *Ондрѣвою княгинею Телятевскою* къ селу къ Петрову Городищу промежъ полъ и заполья сѣна 200 копенъ да за рѣкою за Нерлю лугъ Долгой да лугъ Плоской, сѣна косятъ 150 копенъ. и ищя княжъ Ондрѣевъ человекъ Пльа сказалъ писцы князь Григорей Звенигородской да Василей Огалинъ ихъ судили да въ томъ лугу имъ указу не учинили, а писцы ихъ въ томъ лугу судили да Спаскаго монастыря архимарита зъ братьею въ томъ лугу оправдили, а его княжъ Ондрѣева человекъ Пльа обвинили и въ книгахъ письма своего тотъ лугъ написали за монастыремъ къ селу Стебачову, а князь Ондрѣй Телятевской тогда въ томъ лугу на писцовъ судъ въ норовленьи не билъ челомъ, а молчалъ восемь лѣтъ; да

и потому, сказалъ старецъ Левгѣя: напередъ князя Ондрѣя Телятевскаго въ тѣхъ луги вступалися изстари дворцовыхъ починковъ крестьяне, а то село Петрово Городище было починокъ ихъ же и тѣхъ они луговъ на дворцовыхъ крестьянѣхъ искали, и въ тѣхъ лугѣхъ архимаритъ Спаскаго монастыря оправленъ, а тѣ крестьяне обвинены: да въ тотъ лугъ учали были вступатися помѣдики, напередъ же князи Ондрѣя, князь Семень да князь Тимофѣй Вяземскіе. и архимаритъ зъ братією на князи Семена да на князя Тимофѣя били челомъ да взяли грамоту судимую въ Суздаль на Яковлево имя Наумова, и князь Семень да князь Тимофей, неходя на судъ, архимариту добили челомъ и записи на себя подавали да положили правую грамоту и мировыя записи: и ищя князь Ондрѣевъ чѣловѣкъ Илья, выслушавъ правыя грамоты и мировыя записи, сказалъ: правыя оны грамоты въ монастырѣ на тѣ луги не вѣдаеть, а князь Семень да князь Тимофѣй Вяземскіе мировыя записи въ монастырѣ подавали, ставовся за одинъ, а тотъ лугъ изстари къ селу къ Петрову Городищу, а крѣпостей на тотъ лугъ никакихъ не положили, и князь Ондрѣй въ тотъ лугъ вступаетца, называетъ его своимъ къ селу Петрову Городищу, вклепався, невѣдомо почему, и велѣлъ Спаскаго монастыря архимариту за братьєю владѣти по старой правой грамотѣ и по писцовымъ книгамъ князя Ондрѣя Звенигородскаго съ товарищи и правую грамоту въ монастырѣ архимариту съ братьєю велѣлъ дати. Къ сей правой грамотѣ бояринъ и дворецкой Григорей Васильевичъ Годуновъ печать свою приложилъ. Лѣта (7094) ~~34~~-ю апрѣля въ кк (22) день. А подписалъ государевъ царевъ и великаго князя діакъ Гаврило Михѣевъ сынъ Станиславовъ.—

На оборотѣ: „Государевъ царевъ великаго князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи діакъ Гаврило Михѣевъ сынъ Станиславовъ.—Правильъ подъячій Якушь Демидовъ“.

II.

Милости ради Великаго Бога и Спаса нашего Исуса Христа и Преподобнаго ради Еуѣимья чудотворца, се яз. князъ *Силы Григорьевича Гудорова* кнени *Ульяни*, дала еси Милосердому Спасу и Еуѣимию чудотворцу, что в Суздале архимариту Неву зъ братьєю или хто по нем иный архимарит и братія в том монастыре будут, дала еси отчину свою въ Володимерскомъ уѣздѣ въ Стародубе в Ряполовскомъ сельцо Окплохово, а в немъ храм Никола чудотворецъ да теплой храмъ Даниилъ пророкъ да деревня Борисков. Осетровская по душамъ мужа своего князя Силы Григорьевича да деверя своего князя *Никиты Григорьевича* и за долгъ мужа своего князя Силы Григорьевича

за шестьдесят рублей за четыре рубля, что была въ монастыре кабала мужа моего князя Силы Григорьевича въ тридцати в пяти рублях да князь же мой взял въ монастырѣ три кони, да четыре доспехи да спорок бархатной за тридцат рублей, и мнѣ кнепнѣ Ульянѣ архиморит Иев з братнею кабалу выдал безденежно, а за лошади и за доспехи и за спорок денег не взял жь, п яз дала за долгъ мужа своего князя Силы Григорьевича село Оптилохово*) да деревню Борисково за долгъ по душамъ с нашнами и слуги и с лесомъ и з бортымъ ухожемъ и с рыбною ловлею и со всякими угоды, что к тому селцу и деревне истари потяглу выходил плуг и соха и коса и топор в наследие вечных благ в прок без выкупу. А та моя водчина ни продана ни заложена ни в иной монастырь по душамъ не отдана, а вылежай на ту мою отчину село Оптилохово да деревню Борисково Осетровская какал крепость ни буди, п мнѣ кнепнѣ Ульянѣ та очина очищати ото всяких крепостей, а к монастыру убытка никаково не привести, а роду моему и племяни до тое вотчины дела иѣтъ владети тою отчиною монастыру по сей даной дондеже святая обптел стоит, а мужа моего князя Силу Григорьевича да деверя моего князя Пикиту Григорьевича в сенаники написать в вечной и в дитейной и на памяти их конахиды обедни соборомъ служить и кормъ по них на братню ставит. А на то послуш: Дмитрий Семенов сынъ Тумской да Иванъ Ивановъ сынъ Зловидовъ, да Тимошей Булгаковъ сынъ Нарбековъ да Митя Поспеловъ сынъ, да Оеонасей Тимошеевъ сынъ Скрабина да Улап Ивановъ сынъ Козлов, да Оеонасей Ивановъ сынъ Беликов, да Иванъ Александровъ сынъ Волоховъ. А даную писалъ. А даную писал князь Силины кнепни человекъ кнепни Ульяни Оедор Ивановъ сынъ Челящев. Лѣта 7083-ю. — *На оборотъ:* „—К сей даной княже Силиной Григорьевича Гундорова княгини Ульчны в дочери своее духовные место Егорьевской поп Оедор руку приложилъ.—Послух Улап Козловъ руку приложил.—Послух Иван Зловидовъ руку приложил.—Послух Дмитрий Семеновъ сынъ Тумской руку приложил.—Николы чудотворца села Антилохова поп Иван Васильевъ сынъ государыни своея мѣста кнепни Ульяны к сей даной руку приложил.—Послух Тимошей Нарбековъ руку приложил.—Послух Оеоня руку приложил.—Послухъ Иванъ Волоховъ руку приложилъ.—Послух Митя руку приложил.

---

*) Это село Оптилохова отъ монастыря перешло къ князю Филиппу Шаховскому, отъ котораго въ 1587 г. по указу Оедора Юанновича было отобрано: „князи Опшина Шеховского п людей не того селца Антилохова з деревнями выслатъ вон перед собою и вперед ему в томъ селце з деревнями жити не велѣл.“ Л. С.

LETTRE À SA MAJESTÉ IMPÉRATRICE ALEXANDRA THÉODOROVNA.

2/14 Октября.

*) J' ai eu un moment de bonheur véritable en recevant les lettres (que votre M. remplie de) que V. M. I. a eu la bonté de m'écrire. Je ne sais pas quel nom donner au sentiment qu' a peroduit en moi la lecture de cette admirable lettre. Le mot reconnaissance est trop personnel, ce n'est pas à moi que j'ai le plus pensé après l'avoir lue, c'est à vous, c'est au caractère si simple que j'ai le bonheur d'apprécier, c'est à la sensibilité de votre âme, c'est à votre je ne sais quoi si noble, si élevé (si serein) si vrai dans tous les instants de la vie, si serein, dans les moments heureux, si (résigné dans) religieusement résigné dans les grandes épreuves. Tout cela s'est de nouveau présenté à mon âme et j'étais vraiment heureux en présence de cette apparition enchanteresse et qui m'est si connue. Quelques lignes de cette lettre sont pour moi sublimes, elles m'ont fait verser des larmes. Quelle perte irréparable pour moi de n'avoir pas vu ces jours si mélancholiquement beaux de votre couronnement! Comme je regrette de n'avoir pas pu être témoin de cette ardeur que le bon peuple de Moscou a montré pour votre fils, pour son enfant d'adoption!

J' ai été le poète de sa naissance—tout était prophétique dans ces moments, à jamais mémorables pour mon coeur; et ce que j'ai écrit alors d'inspiration pourra Lui servir de sommaire pour sa vie entière. Que la juste Providence accorde seulement un long règne à son auguste père: alois il aura le temps d'étudier pratiquement ses grands devoirs et vous léguerez avec lui un bonheur solide à la Russie organisée et ennoblie. Je crois à la prophétie de votre mère: c'est une bénédiction qui repose sur votre tête. Lorqu' on veut le bien avec abnégation de soi-même,

*) Орфография писемъ сохранена по подлиннику.

Письмо Жуковского къ Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ *)

2/14 Октября

Письмо, которымъ Ваше Императорское Величество меня удостоили, доставило мнѣ минуту истиннаго счастья. Затрудняюсь опредѣлить ощущение вызванное во мнѣ чтеніемъ этого милаго письма. Благодарность—чувство слишкомъ личное; читая его, я не столько думалъ о себѣ, сколько о Васѣ, о прямотѣ этого характера, по счастью мною вполне оцѣненнаго, о чувствительности Вашей души, объ этомъ нѣчто столь въ Васѣ благородномъ, возвышенномъ, искреннемъ во всѣхъ случаяхъ жизни. столь ясно-спокойномъ въ счастливыя минуты, столь религіозно-покорномъ въ пору тяжелыхъ испытаній. Все это вновь воскресло въ моей душѣ, и, поглощенный этимъ вызваннымъ мною и мнѣ столь знакомымъ плѣнительнымъ видѣніемъ, я сознавалъ себя вполне счастливымъ. Какъ чудно-хороши нѣкоторыя строки этого письма; онѣ заставили меня пролить нѣсколько слезъ. Какая невозградимая для меня потеря, что я не присутствовалъ при грустно-великихъ минутахъ Вашего коронованія. Какъ искренно скорблю, что не могъ быть свидѣтелемъ преданности, выказанной добрымъ московскимъ населеніемъ Вашему сыну, котораго Москва себѣ усыновила! я былъ пѣвцомъ его рожденія—все носило на себѣ какой-то пророческій отпечатокъ въ эту минуту, на вѣки незабвенную для моего сердца! Все то, что вылилось въ то время изъ-подъ пера моего по вдохновенію, можетъ служить какъ бы заглавнымъ листомъ всей его жизни. Лишь бы благое Провидѣніе даровало долгое царствованіе Его Августѣйшему Родителю! тогда онъ успеетъ изучить на дѣлѣ свои высокія обязанности, и въ лицѣ его Вы оставите въ наслѣдіе преобразованной и возвеличенной Россіи прочное благоденствіе.

*) Это письмо Жуковского къ Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ, относящееся къ 1817 году, хотя вошло и въ „Полное собраніе сочиненій Жуковского“ изданія Сытина, но съ значительными сокращеніями, по условіямъ цензурнымъ, и поэтому считается не лишнимъ любознательности помѣщеніе какъ французскаго, такъ и русскаго текста полностью. Мѣста, означенныя скобками во французскомъ текстѣ, зачеркнуты.

lorsqu' on le veut avec persévérance, on y parvient à la fin. L' Empereur a fait preuve du premier, le second est garanti par la fermeté de son caractère, qui ne faiblira pas devant les obstacles, et par son esprit juste, qui saura s'éclaircir par celui des autres.

Je dirai ici franchement: j'ai été un peu inquiet en pensant aux effets que produiraient les scènes magnifiques de Moscou sur l'esprit du grand duc, ces sortes d'impressions dans un âge aussi tendre, sont décisives pour le reste de la vie. (Entouré de ces hommages) Témoin de ces hommages publics, participant à quelques scènes presque comme acteur, il pouvait très-facilement se remplir de quelques idées précoces de grandeur, qui, étant semées avant le temps, peuvent nuire au développement de quelques qualités purement humaines—celles qui sont les plus précieuses, qui seuls constituent la grandeur humaine et doivent être conservées intactes. Son éducation doit le mettre au niveau de sa grandeur: mais ce n'est que lorsqu' il pourra comprendre que cette grandeur, pour ne pas être illusoire, doit être considérée non comme un privilège, mais comme un devoir, comme une religion sainte, comme un beau esclavage, qui attache l'homme comme un Promété à un rocher élevé, d'où il peut voir le ciel de plus près, mais où il y a aussi un vautour vengeur, qui déchire celui qui oserait envahir les droits célestes. Pardonnez, Madame, cette image un peu poétique, ma plume m'entraîne.

Mon inquiétude a été calmée par une autre idée: s'il a vu des scènes éblouissantes, il a vu aussi l'amour simple du peuple; cela aura laissé dans son âme vraiment sensible une trace profonde; il ne faut pas laisser s'effacer cette impression: c'est un canevas, sur lequel on peut broder beaucoup pour l'avenir. Une chose pourtant m'a fait une véritable peine: j'ai lu dans les gazettes la description d'une parade, où notre petit grand Duc a paru à cheval. Madame, c'est une épisode superflue dans le beau poème, auquel nous travaillons. Au nom de Dieu, que de scènes pareilles n'aient pas lieu à l'avenir. Certainement les spectateurs ont dû être enhantés de la charmante apparition du bel enfant. Mais lui! Quelle impression doit produire sur son esprit une scène pareille.

(Quels ravages) Ne le ferait-on pas par cela sortir avant le temps du cercle de son enfance. Ne le mettons-nous pas en danger de croire qu' il est déjà homme. C'est comme si on

Я твердо вѣрю въ предсказаніе Вашей Матери: на главѣ Вашей почіеть благословеніе. Если желаешь добра съ готовностью полного самопожертвованія, если желаешь его съ настойчивымъ постоянствомъ, то всегда его можешь достигнуть. Первое—Государь уже проявилъ, второе—несомнѣнно при твердости его характера, неспособнаго къ колебанію въ виду препятствій, и при правдивомъ умѣ его, который сумѣетъ освѣтить свой путь разумомъ другихъ людей. Сознаюсь здѣсь откровенно, что я былъ нѣсколько встревоженъ при мысли о томъ вліяніи, которое великолѣпныя московскія сцены могли имѣть на умъ Великаго Князя. Подобныя впечатлѣнія въ столь нѣжномъ возрастѣ могутъ оставить неизгладимый слѣдъ на всю остальную жизнь. Свидѣтель этихъ народныхъ поклоненій, принимая въ нѣкоторыхъ случаяхъ почти личное въ нихъ участіе, онъ легко бы могъ усвоить себѣ нѣкоторыя незрѣлыя понятія о величіи, которыя, какъ несвоевременныя, могутъ вредить развитію свойствъ исключительно человѣческихъ, самыхъ драгоцѣнныхъ, единственныхъ, которыя составляютъ истинное достоинство человѣка и должны быть сохранены въ цѣлости. Воспитаніе должно возвысить его до предстоящаго ему величія; но это будетъ возможно лишь тогда, когда онъ будетъ въ состояніи понять, что это величіе, чтобъ не быть призрачнымъ, должно казаться ему не правомъ его, а долгомъ, священною религіею, великими узами, приковывающими человѣка, подобно Прометею, къ высокой скалѣ, откуда онъ можетъ ближе созерцать сводъ небесный, но гдѣ также существуетъ и коршунъ мститель, готовый растерзать того, кто дерзнетъ посягнуть на права небесныя!—Простите, Государыня, этотъ нѣсколько поэтический образъ: перо мое увлеклось! Другая мысль успокоила мою тревогу: если онъ видѣлъ великолѣпныя картины, то онъ видѣлъ также и простую любовь народа: она оставила глубокой слѣдъ въ его душѣ, по пещинѣ чувствительной; не слѣдуетъ давать этому впечатлѣнію возможность изгладиться! На оной основѣ можно многое создать въ будущемъ. Никакія правила, проповѣдуемая учителями въ классахъ, не могутъ уравниваться въ силѣ съ впечатлѣніями ежедневной жизни.

Однако одно обстоятельство меня глубоко огорчило: Я читалъ въ газетахъ описаніе парада, гдѣ нашъ Великій Князь появился верхомъ. Государыня, это излишній эпизодъ въ прекрасной поэмѣ, надъ которой мы работаемъ. Ради Бога, не допускайте подобныхъ сценъ въ будущемъ. Безъ сомнѣія, зрители были въ восторгѣ отъ появленія красавца-ребенка. Но онъ? Какое впечатлѣніе должна произвести на его умъ подобная сцена? Не заставляютъ ли его такимъ образомъ

enseignait les artifices de la coquetterie à une fille de huit ans. Enfin doit-il par le plaisir que lui procureront tous ces joujoux militaires être gâté pour tout ce qui est sa vraie destination. Doit-il n'être qu'un militaire? n'exister que dans l'horizon reserré d'un général! Et quand aurons nous des législateurs? Quand respectera-t-on ce qui fait le vrai besoin des peuples: les loix, les lumières, les mœurs? Pardonnez, Madame, mes exclamations! mais ce goût du militaire ne fera que retrécir son âme, il s'accoutumera à ne voir dans le peuple qu'un régiment et dans sa patrie qu'une caserne! Nous en avons vu les effets; les armées ne font pas la puissance des pays, ni des souverains! Elles ne sont bonnes qu'à produire des 14 décembre, lorsqu'en régnant on ne pense qu'à l'organisation des armées. Ne croyez pas, Madame, que j'exagère en me recriant si fort contre un seul petit événement, si peu de chose en apparence.

Non, madame, je n'exagère pas. Aucun principe proclamé par les maîtres dans leurs classes, ne pourra être assez fort pour contrebalancer les impulsions de la vie habituelle. L'éducation ne s'attache pas à la table d'étude; elle n'est rien, si elle n'est pas pour l'enfant toute sa vie. Notre unique maître est notre destinée; ce que dans l'âge mûr nous faisons nous-mêmes, en raisonnant sur ce qui nous arrive et en réduisant nos raisonnements en principe de conduite pour notre avenir; le maître le fait pour son élève en raisonnant avec lui sur ce qui peut lui arriver, et le tout doit être soutenu par l'expérience journalière.

Autrement l'un sera détruit par l'autre. Il faut donc ne jamais devier du principe fondamental une fois admis: de celui de laisser le grand Duc pendant tout le temps de son éducation, c'est à dire pendant la première et la seconde période dans le cercle qui Lui convient. Il n'est déjà que trop entouré de distractions inévitables; il ne faut pas lui en créer de nouvelles, qui peuvent s'emparer de ses idées, changer leur direction, lui ôter le calme nécessaire pour acquérir des connaissances solides et des bonnes habitudes.

Je reviens à moi. Je commence par supplier votre Majesté d'exprimer ma vive reconnaissance à S. M. l'Empereur pour la grâce qu'Il a eu de se souvenir de moi dans l'époque de son couronnement. Sa Ma-

выйти преждевременно изъ его дѣтскаго круга. Не подвергаютъ ли его опасности вообразить, что онъ уже взрослый? Это все равно, что учить приемамъ кокетства восьмилѣтнюю дѣвочку. Наконецъ неужели возможно подобными военными игрушками отнимать у него вкусъ ко всему, что должно быть его истиннымъ назначеніемъ? Развѣ ему предстоитъ быть только военнымъ? Не знать иныхъ горизонтовъ кромѣ ограниченнаго круга генеральскихъ мировозрѣній? Когда же у насъ будутъ законодатели, когда станутъ оказывать уваженіе тому, что составляетъ истинную потребность народовъ: законамъ, просвѣщенію, нравамъ? Простите, Государыня, мои восклицанія! Но вкусъ къ военнымъ упражненіямъ суживаетъ его душевный горизонтъ; онъ привыкнетъ видѣть въ народѣ только полки, а въ странѣ—казарму; когда государь царствуетъ, руководствуясь только подобными взглядами, они способны вызвать лишь 14 декабря. Не считайте, Государыня, что я преувеличиваю, придавая значеніе одному обстоятельству, столь мало важному на первый взглядъ. Нѣтъ, Государыня, я не преувеличиваю.

Воспитаніе не можетъ быть приковано къ учебному столу; оно не имѣетъ значенія, если оно не обнимаетъ всей жизни ребенка. Судьба—вашъ единственный наставникъ; то, что въ зрѣлыхъ лѣтахъ совершается нами лично путемъ размышленій о всѣхъ случайностяхъ нашей жизни, съ приведеніемъ всѣхъ этихъ размышленій къ одной системѣ дѣйствій, то дѣлаетъ наставникъ для своего воспитанника, обсуждая съ нимъ то, что можетъ съ нимъ случиться, и все это должно быть подкрѣпляемо ежедневнымъ опытомъ. Иначе одно будетъ уничтожаться другимъ. И потому не слѣдуетъ никогда уклоняться отъ основнаго, однажды навсегда усвоеннаго правила: постоянно оставлять Великаго Князя, въ продолженіе всего его воспитанія, т.е., въ первый и второй періоды, въ той средѣ, которая ему сродна. Онъ и безъ того уже слишкомъ окруженъ неизбежными развлеченіями; не слѣдуетъ создавать еще новыя, способныя овладѣть его мыслями, дать имъ другое направленіе и лишить его того спокойствія, которое необходимо для усвоенія добрыхъ привычекъ. Возвращаюсь теперь къ самому себѣ. Прежде всего умоляю Ваше Величество выразить мою живѣйшую благодарность Государю Императору за милостивую память обо мнѣ во время коронаціи. Его Величество, удостоивая меня своего Монаршаго

jesté en m'honorant (d'avance de sa confiance) de son auguste confiance, à laquelle je n'ai d'autre droit que par mon ardeur sincère de la mériter, s'est mise en quelque manière dans l'impossibilité de m'accorder à l'avenir quelque récompense. Mais il m'est doux de pouvoir me glorifier aux yeux de mes compatriotes de l'approbation de mon Souverain. Tâcher de m'en rendre digne et ne jamais la rechercher--tel sera mon principe.—

Je remercie Sa Majesté pour la permission qu' Elle a bien voulu m'accorder de rester cet hyver en Allemagne. Je tâcherai de bien profiter de ce séjour. Tous les moments qui ne seront pas employés à mon traitement seront consacrés à mes préparatifs.

Je suis maintenant à Dresde, où je compte passer tout l'hyver. Par bonheur j'ai trouvé ici mes amis Tourguénéffs, avec lesquels je loge; et il me semble n'avoir pas quitté Pétersbourg, tellement je suis entré dans mon genre de vie habituel. Grâce aux lettres que j'ai reçues de Mörder et de Gill mon esprit est complètement tranquille sur les études du grand Duc; mon absence ne nuira à rien. (On aura assez pour s'occuper avec Lui; moi je m'occuperai ici de Lui. Et vraiment je sens). Je pourrai donc ici travailler pour Lui sans interruption et sans inquiétude.

Ma situation est vraiment heureuse. Je n'ai qu' une seule idée, elle me suit partout, mais elle ne me tourmente pas, c'est une idée d'affection qui anime mon existence. Tous les matins je me reveille de bonne heure et je commence mon travail; il est en apparence très-sec, ce sont des tableaux d'histoire que je compare, mais il a pour moi tout le charme de mes anciens travaux poétiques.

Toute la journée lui est consacrée et je ne m'interromps que pour une agréable promenade. Je ne vois presque personne, et je ne veux voir personne. Je ne suis pas ici un voyageur; je dois être ici, comme à Pétersbourg tout à mon affaire. Que puis-je désirer de plus!

Pour le présent une occupation qui ne laisse aucun vide dans l'âme; pour l'avenir la perspective de continuer pendant plusieurs années cette même occupation, qui s'étendra et se diversifiera à mesure que j'avancerai dans mon chemin. Et quel but au terme de la route! Oui tout a cessé pour moi d'être personnel (Toutes les idées se présentent à moi) Chaque bonne idée qui se presente a un intérêt particulier. La

довѣрія, на которое даетъ мнѣ нѣкоторое право лишь одно искреннее стремленіе заслужить его, тѣмъ самымъ какъ бы поставилъ себя въ невозможность пожаловать мнѣ еще какую-либо награду въ будущемъ; но мнѣ отрадно, что я могу гордиться передъ моими соотечественниками милостивымъ одобреніемъ моего Государя; сдѣлаться достойнымъ онаго, безъ всякаго искательства, будетъ служить мнѣ правиломъ на будущее время.

Приношу Его Величеству мою благодарность за дозволеніе провести зиму въ Германіи. Постараюсь, сколько возможно, воспользоваться этимъ пребываніемъ. Всѣ минуты, свободныя отъ лѣченія, будутъ посвящены моимъ приготовленіямъ.

Я нахожусь теперь въ Дрезденѣ, гдѣ намѣренъ провести всю зиму. Къ счастью, я нашелъ здѣсь моихъ друзей—Тургеневыхъ, съ которыми я и живу вмѣстѣ, и мнѣ кажется, будто я и не покидалъ Петербурга: въ такой степени я вернулся къ моему обычному образу жизни.

Благодаря письмамъ, полученнымъ мною отъ Мердера и Жилля, душа моя вполне покойна на счетъ занятій Великаго Князя; мое отсутствіе не принесетъ ни малѣйшаго вреда, такъ что мнѣ можно будетъ трудиться здѣсь для него безъ всякаго затрудненія и препятствія.

Мое положеніе истинно счастливое. Я весь поглощенъ одною мыслью, она всюду слѣдуетъ за мною, но не тревожитъ меня: эта мысль, основанная на любви, оживляетъ мое существованіе. Всякое утро я просыпаюсь рано и приступаю къ своей работѣ, повидимому, она кажется сухою—я составляю историческія таблицы; но она имѣетъ для меня всю прелесть моихъ прежнихъ поэтическихъ работъ. Весь мой день ей посвященъ, и я прерываю ее только для пріятной прогулки. Я почти никого не вижу и не желаю видѣть. Я нахожусь здѣсь не въ качествѣ путешественника; я долженъ здѣсь, какъ и въ Петербургѣ, всецѣло принадлежать моему труду. Чего я могу болѣе желать! Въ настоящемъ—занятіе, наполняющее душу; въ будущемъ продолженіе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ того же занятія, которое будетъ расширяться и разнообразиться по мѣрѣ своего движенія впередъ. И какая цѣль въ концѣ всего пройденнаго пути! Да, у меня не осталось уже ничего личнаго! Всякая добрая мысль при своемъ зарожденіи уже имѣетъ свой особый интересъ.

Слава, долгъ, религія, любовь къ отечеству, словомъ, все, что присуще духовной сторонѣ человѣка, уже не останавливаетъ на себѣ моего вниманія исключительно ради меня самаго, но столько же ради того, въ душѣ котораго эти выеокія мысли должны принести благодѣтельные плоды для человѣчества. Для меня явленія исторіи, люди, составившіе счастіе или несчастіе своего времени, не служатъ болѣе

gloire, le devoir, la religion, l'amour de la patrie, enfin tout ce qui appartient à l'homme moral, je n'y pense pas uniquement pour moi, mais tout autant par rapport à un quelqu' un, dans l'âme de qui ces grandes idées seront bienfaisantes pour l'humanité; les tableaux de l'histoire, les hommes, qui ont fait le bonheur ou le malheur de leur temps, ne sont plus pour moi de simples objets de curiosité, mais des leçons à donner, des modèles à proposer, des dangers à faire éviter (ce n'est plus pour moi chose vague) et l'étude a cessé pour moi d'être une occupation vague, elle est toujours et utilement applicable. J'aurais été complètement heureux, si l'idée de mon inexpérience ne venait souvent me tourmenter.

Cette inexpérience est un vrai mal, auquel il faudra absolument chercher un remède et peut-être le proposerai-je avec tems.

Je reste à Dresde tout le mois d' Octobre, Novembre et Décembre. Pour le Noël j'irai à Berlin, où je compte rester tout le mois de Janvier. Peut-être aurai-je le bonheur d'être present au *Weihnachtsabend* du Louisen-palais. Le séjour de Berlin sera pour moi une relâche. A la fin de Janvier je reviens à Dresde pour y rester les mois de Février et de Mars. Mon séjour à Ems ne commencera que vers la moitié de Mai (avant ce temps il ne m'est pas permis de prendre les bains). Je profiterai du mois d' Avril pour voir Paris (dans quel but, je l'expliquerai plus bas à V. M. I.), et je demanderai à S. M. I. la permission de faire ce voyage. Le reste de mon temps sera réglé par la marche de mon traitement.

J'aurais pu choisir Berlin pour mon séjour d'hiver, mais à Berlin il m'aurait été impossible de mener le genre de vie que je mène à Dresde; j'y serais trop entouré de distractions; j'ai dû faire ce sacrifice aux intérêts de mon travail. D'ailleurs à Dresde je me suis confié à Kreissig, qui a une expérience toute particulière dans le traitement de maladies pareilles à la mienne; et je suis ici un régime severe, ce qui me serait beaucoup plus difficile (impossible) à Berlin. Mais l'idée d'y passer un mois entier me réjouit le coeur, à présent plus que jamais, car d'après la lettre de V. M. I. je présume que j'y trouverai M-me Wildermeth*). Jusqu' ici j'étais persuadé qu' elle était à Moscou ou en chemin pour s'y rendre. Je lui avais écrit pour concerter mon plan avec le sien.

J'ai reçu un petit billet de M-me Kleist si illisible que je n'ai pu que deviner qu' elle se trouve maintenant à Breslau et il paraît qu' elle n'est

*) Наслѣдница Государыня Императрица Александра Оеодоровна (II. В. младшій.)

простыми предметами любопытства; но я вижу въ нихъ уроки, которые могутъ быть преподаны, образцы, которые могутъ быть предложены, опасности, которыхъ слѣдуетъ избѣгать, и занятія утратили для меня свой неопредѣленный характеръ; они всегда могутъ имѣть свое полезное приложеніе. Я былъ бы совершенно счастливъ, если бы мысль о моей неопытности меня не тревожила такъ часто. Эта неопытность — положительное зло, для котораго непременно слѣдуетъ искать исхода и, быть-можетъ, со временемъ я самъ укажу на него.

Я пробуду въ Дрезденѣ весь Октябрь, Ноябрь и Декабрь; къ Рождеству отправляюсь въ Берлинъ, гдѣ намѣренъ провести весь Января мѣсяцъ. Быть можетъ, буду имѣть счастье присутствовать на елкѣ въ Louisenpalast. Это пребываніе въ Берлинѣ послужитъ мнѣ отдохновеніемъ. Въ концѣ Января, я вернусь въ Дрезденъ, чтобы пробыть тамъ Февраль и Мартъ. Мое житіе въ Эмсѣ начнется только въ концѣ Мая (до этого времени не позволяютъ принимать ваннъ). Я воспользуюсь апрѣлемъ мѣсяцемъ, чтобы увидѣть Парижъ (я объясню ниже Вашему Величеству съ какою цѣлью) и прошу дозволенія Государя Императора совершить эту поѣздку. Распредѣленіе остального времени будетъ зависѣть отъ хода моего лѣченія. Я бы могъ избрать Берлинъ мѣстомъ пребыванія на зиму; но въ Берлинѣ оказалось бы невозможнымъ вести тотъ образъ жизни, который я веду въ Дрезденѣ. Меня бы окружало слишкомъ много развлеченій; я вынужденъ былъ принести эту жертву для пользы моихъ занятій. Къ тому же въ Дрезденѣ я передалъ себя въ руки Крейсига, который славится особенною опытностью въ болѣзняхъ, подобныхъ моей, и я прохожу здѣсь весьма суровый курсъ лѣченія, что было бы для меня гораздо затруднительнѣе въ Берлинѣ; но мысль провести въ немъ цѣлый мѣсяцъ тѣшитъ мое сердце и теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь, потому что, по письму Вашего Императорскаго Величества, я рассчитываю застать тамъ г-жу Вильдерметъ. До сихъ поръ я былъ убѣжденъ, что она въ Москвѣ или на пути туда. Я въ скоромъ времени напишу къ ней, чтобы согласовать мои предположенія съ ея намѣреніями. Я получилъ отъ г-жи Клейстъ записочку, столь неразборчивую, что мнѣ остается только догадываться, что она теперь въ Бреславлѣ и, повидимому, не слишкомъ довольна своимъ положеніемъ. Она приглашаетъ навѣстить ее; но мои занятія не позволяютъ мнѣ доставить себѣ это истинное счастье. Беру смѣлость попросить согласіе Вашего Величества на одно предложеніе, выполненіе котораго могло бы принести великую пользу нашимъ занятіямъ. Слѣдовало бы воспользоваться моимъ пребываніемъ въ Германіи, чтобы составить самое полное собраніе всѣхъ предметовъ, могущихъ быть

pas très-contente de sa situation. Elle m'invite de l'aller voir, mais ni mes occupations (ni mes finances) ne me permettent pas de me procurer ce véritable bonheur.

Je prends la liberté de soumettre à l'approbation de V. M. I. une proposition dont l'acceptation pourrait être d'une très-grande utilité à la marche de nos études. Il (serait très bien) faudrait profiter de mon séjour en Allemagne pour faire un recueil le plus complet de tous les objets qui peuvent être nécessaires pendant tout le cours de l'instruction de Monseigneur tant au maître qu' à l'élève, en fait de gravures, livres, plans, cartes etc. etc. Les librairies de Pétersbourg sont en général assez mal garnies. On reste tout à fait dépendant du libraire, on perd beaucoup de temps pour faire venir de l'étranger les objets qui manquent, et ce que l'on trouve coûte toujours le triple. Etant au fait de ce qu' il nous faut à présent et de ce qui pourra être nécessaire après, je suis mieux que personne en état de faire ce recueil en l'adaptant strictement à notre plan d'études. J'aurais pu acheter les livres allemands à Leipzig et aller moi-même à Paris pour faire emplette de livres français et anglais, car ces derniers coûtent en Allemagne le double de ce qu' ils coûtent à Paris. De cette manière pour la même somme, que nous dépenserons en achat de différents objets à Pétersbourg, nous aurons le double ici. Il faut seulement assigner une somme assez considérable, au moins 2000 r. Cela (nous déliera tout à fait les mains, nous aurons eu tout ce qu' il nous faut et nous pourrions avancer sans interruption dans nos études) suffirait pour nous contenter pleinement pour dix ans.

Je distingue (les livres) tous ces objets nécessaires en III classe. 1-^{re}: Livres d'étude nécessaires pour l'élève et les maîtres dans le courant de toute l'étude. 2-^{me}: Livres de lecture. Choix d'ouvrages en tout genre qu' il devra bien connaître et dont la lecture progressivement complètera les leçons, reçues dans les classes. III-^e: gravures et cartes, absolument nécessaires pour mieux graver dans l'esprit ce qui sera enseigné ou lu. (De tout cela il ne verra) De tous ces objets il ne verra que ceux qui sont absolument nécessaires pour le moment présent, le reste sera sous la clef, mais chaque objet paraîtra à mesure que l'instruction le rendra intéressant et reveillera la curiosité. Mais je répète, il faut avoir tous ces objets en masse, pour pouvoir sans perdre le temps les employer en cas de besoin. Je supplie votre Majeste de vouloir bien être sous ce rapport mon interprète devant Sa Majesté Impériale.

необходимыми въ теченіе всего воспитанія Его Величества, какъ для наставника, такъ и для ученика, относительно книгъ, гравюръ, картъ, плановъ и пр. Петербургскіе книжные магазины вообще снабжены довольно скудно. Находишься въ полной зависимости отъ книгопродавцевъ, теряешь пропасть времени за выписываніемъ недостающихъ предметовъ изъ-за границы; а то, что имѣется подъ руками, стоитъ втрое дороже. Сознавая вполнѣ все то, что намъ теперь нужно и что можетъ быть необходимо впослѣдствіи, я лучше всякаго другого въ состояніи составить эту коллекцію, со строгимъ примѣненіемъ ея къ нашему учебному плану. Я бы могъ купить нѣмецкія картины въ Лейпцигѣ и отправиться самъ въ Парижъ для пріобрѣтенія французскихъ и англійскихъ книгъ, которыя въ Германіи вдвое дороже, чѣмъ въ Парижѣ. Такимъ образомъ за ту же сумму, которую мы изтратили бы въ Петербургѣ, мы имѣли бы двойное количество и лучшаго разбора. Но слѣдуетъ только опредѣлить на этотъ предметъ довольно значительную сумму, не менѣе 2000 руб.; этого было бы достаточно для удовлетворенія нашихъ потребностей, по крайней мѣрѣ, на десять лѣтъ. Я раздѣляю все предметы на три отдѣла: 1) учебныя книги, необходимыя, какъ для воспитанника, такъ и для учителей въ теченіе всего года; 2) книги для чтенія, выборъ всякаго рода произведеній, съ которыми ему слѣдуетъ ознакомиться и чтеніе которыхъ будетъ послѣдовательно дополнять уроки, преподаваемые въ классахъ; 3) гравюры и карты, положительно неизбѣжныя для того, чтобы запечатлѣть въ его умѣ все то, что будетъ имъ выучено и прочтено. Изъ всѣхъ этихъ предметовъ онъ будетъ пользоваться только тѣмъ, что необходимо въ данную минуту; остальное должно оставаться подъ ключомъ; но всякій предметъ будетъ появляться по мѣрѣ того, какъ преподаваніе сдѣлаетъ его занимательнымъ, возбудивъ любопытство. Но я повторяю, что все эти научныя средства должны быть заготовлены, чтобы не терять времени, воспользоваться ими въ случаѣ надобности. Умоляю Ваше Величество быть моимъ ходатаемъ передъ Государемъ Императоромъ. То, что я предлагаю, почитается мною дѣйствительно полезнымъ, и мнѣ было бы весьма желательно, для пользы нашихъ занятій, чтобы моя мысль удостоилась одобренія Его Величества. Не думаю, чтобы сумма, мною опредѣленная, была слишкомъ высока; въ сложности мы издержали бы болѣе того и при этомъ не имѣли бы всего, что намъ нужно, подвергаясь различнымъ затрудненіямъ. Повторяю, имѣть все подъ руками—облегчило бы чрезвычайно наши занятія и сократило бы много времени. Въ случаѣ, если Ваше Величество соизволитъ изъявить согласіе на мое предложеніе, то я просилъ бы безъ замедленія сдѣлать нужныя распоряженія относительно высылки денегъ,

Ce que je propose me pourrait être d'une utilité réelle, et je desire bien pour l'avantage de nos occupations, que Sa Maj. deigne approuver mon idée.

Je ne crois pas que la somme que j'ai indiquée soit trop forte; nous dépenserons beaucoup plus à la longue et nous n'aurons jamais tout ce qu' il nous faut et souvent nous serons dans l'embarras.

Je le répète: avoir tout à la fois faciliterait extrêmement nos occupations et nous économiserait beaucoup de tems. En cas que Sa Majesté deignera consentir à ce que je propose, je prie de faire sans delai les arrangements nécessaires par rapport à l'envoi de l'argent pour que je puisse à temps terminer tout à Leipzick avant mon départ pour Paris et pour qu' à Paris rien ne m'arrête.

A présent j'ose adresser à Votre Majesté deux prières. La première me regarde personnellement. Votre M. a déjà eu la bonté à s'intéresser à moi par rapport à mon logement au palais. Mes chambres m'ont été désignées, Mr. Narichkine en a connaissance, et je suis très content du choix. Il s'agit seulement de me faire entrer en possession. C'est sur cela que je supplie V. M. de deigner dire un mot à Narichkine. M-me Voyeykoff changeant de logement, tous mes effets doivent rester sans abri; et je serais tiré d'un grand embarras, si on remettait toutes mes pauvres richesses au palais et les remettait a la garde de quelque *исполнитель* fidèle. Mr. Narichkine les prendra sous sa protection, s'il voit que V. M. deigne s'intéresser au sort du voyageur malade. Je supplie V. M. de me pardonner de l'importuner de ces bagatelles; je m'adressa hardiment à votre bonté indulgente, ayant en vous ma constante protectrice.

Ma seconde prière regarde mon compagnon de voyage, le dessinateur Klara. Il s'agit d'accomplir le bienfait que sa Majesté a bien voulu deigner lui rendre en lui acordant la permission de me suivre. Klare a un vrai talent pour le dessin; il peut devenir un excellent peintre. Jusqu' ici il n'a eu aucun moyen de se perfectionner; il n'a jamais étudié la nature; il n'a fait que la deviner. L'emp. Alexandre a eu la bonté de le placer comme graveur à l' Ermitage. Revenu à Pétersbourg il ne verrait pas les beaux cites qu' il rencotre ici à chaque pas; il se rouillera dans sa routine, et son grand talent n'arrivera jamais à son développement. Ce que je demande, c'est de lui procurer la permission de sa M. I. de rester à l'étranger encore trois ans en lui conservant ses gages. Il pourra alors voir l' Italie et retourner en Russie à dater du

чтобы я во-время могъ покончить въ Лейпцигѣ до моего отъѣзда въ Парижъ, и чтобы въ Парижѣ ничто меня не стѣсняло. Теперь осмѣливаюсь обратиться къ Вашему Величеству съ двумя просьбами. Первая относится лично до меня.

Вашему Величеству уже угодно было принять во мнѣ участіе по вопросу о моей квартирѣ во дворцѣ. Мое помѣщеніе мнѣ было отведено, это извѣстно г-ну Нарышкину, и я очень доволенъ этимъ выборомъ. Нынѣ дѣло въ томъ, чтобы ввести меня во владѣніе, и насчетъ этого я умоляю Ваше Величество милостиво сказать нѣсколько словъ Нарышкину. Такъ какъ г-жа Воейкова мѣняетъ квартиру, то всѣ мои вещи остаются безъ пристанища, и я былъ бы выведенъ изъ большого затрудненія, если бы оказалось возможнымъ пріютить мои скудныя богатства во дворцѣ и ввѣрить ихъ надзору какого-нибудь честнаго истопника. Г. Нарышкинъ приметъ ихъ подъ свое покровительство, если онъ увидитъ, что Ваше Величество удостоиваете вашего вниманія больного странника. Прошу убѣдительно Ваше Величество простить мнѣ, что я осмѣливаюсь утруждать Васъ такими пустяками; я смѣло обращаюсь къ Вашей снисходительной благосклонности, видя въ Васъ мою постоянную покровительницу. Вторая моя просьба касается моего товарища, живописца Клары. Вопросъ въ томъ, чтобы довершить благодѣяніе, которое Его Величество ему оказалъ, дозволивъ ему сопровождать меня.

Клара одаренъ истиннымъ талантомъ въ живописи; онъ можетъ сдѣлаться отличнымъ художникомъ. До сихъ поръ онъ былъ лишень всѣхъ средствъ къ совершенствованію: онъ никогда не изучалъ природы, а только отгадывалъ ее. Императоръ Александръ возымѣлъ мысль опредѣлить его граверомъ въ Эрмитажъ.

Оставаясь въ Петербургѣ, онъ никогда не увидитъ тѣхъ прелестныхъ видовъ, которые онъ встрѣчаетъ здѣсь на каждомъ шагу; онъ заглохнетъ въ своей рутинѣ, и его замѣчательный талантъ никогда не достигнетъ своего развитія. Моя просьба заключается въ томъ, чтобы исходатайствовать ему соизволеніе Его Императорскаго Величества пробыть еще три года за границею съ сохраненіемъ содержанія (считая съ 1 Января 1827 г.).

Тогда онъ увидитъ Италію и вернется въ Россію, усовершенствовавъ свои дарованія, хорошимъ художникомъ и счастливымъ на всю жизнь. Присовокупляю здѣсь, что онъ совершенно бѣденъ и долженъ содержать престарѣлую мать, что было весьма для него трудно, потому что его талантъ доставлялъ ему до сихъ поръ очень скудныя средства.

Я выдаю здѣсь изрѣдка съ художникомъ Фридрихомъ. Въ его мастерской не имѣется ничего особенно замѣчательнаго по части

janvier 1827: perfectionné dans son art, bon peintre et heureux pour la vie. J'ajoute ici qu' il est complètement pauvre et qu' il doit nourrir une vieille mère ce qui lui était jusqu' ici très difficile des moyens que son talent lui procurait.

Je vois de temps en temps le peintre Friedrich. Il n'y a rien de très-admirable dans son atelier en fait de peinture. Il a seulement commencé un grand paysage, qui sera charmant, si l'exécution répond à l'idée. Une grande porte de fer qui mène à un cimetière, est ouverte; on voit près de cette porte appuyés à un des piliers et cachés par son ombre un homme et une femme; ce sont deux époux qui viennent d'enterrer leur enfant et qui visitent dans la nuit sa tombe. Ce qu' on distingue dans l'intérieur du cimetière ce n'est qu' une petite colline de gazon, près de laquelle on voit encore la pelle; (c'est le tombeau de l'enfant nouvellement fait, près de) non loin de lui se trouve un autre surmonté d'une urne: les cendres des (ses parents, de son père) aïeux de l'enfant y reposent.

(Il fait nuit) Le cimetière est couvert de sapins; (on distingue plus) il fait nuit; on ne voit pas la lune, mais elle doit être quelque part; un brouillard (à demi transparent s'étend sur) mouvant repose sur le cimetière; il (couvre) dérobe (à demi aux) les (rameaux) troncs d'arbres qui paraissent comme détachés de la terre; à travers son voile on distingue vaguement les autres tombeaux: et surtout un monument (de forme) rustique qui paraît comme un fantôme grisâtre. Tout cela forme un charmant paysage.

Mais le peintre a voulu faire plus: il a voulu nous faire penser à un autre monde. Les pauvres parents se sont arrêtés aux portes du cimetière (ils regardent attentivement); leurs yeux fixés sur la tombe de leur enfant sont frappés de quelque apparition mystérieuse. En effet de ce le brouillard mouvant qui s'entouvre se forme une apparition animée. Il leur (paraît) semble voir que l'enfant s'élève de sa tombe, (et) que les anges de paix avec une branche d'olivier voltigent audessus d'eux et les réunit. Aucune de ces formes aériennes n'est distincte: on ne voit rien qu' un brouillard, mais l'imagination complète l'indication du peintre et l'apparition sans rien ajouter au simple paysage (ne fait que) prête à son effet naturel (simple du paysage sans y ajouter rien d'étranger. qui aurait pu lui nuire).

Il possède encore sept dessins en sépia, dont l'idée est vraiment (si charmane) belle. Le sujet en est (les quatre parties): die Vorzeit, die

живописи онъ только что началъ большой пейзажъ, который будетъ прелестенъ, если выполненіе будетъ соответствовать идеѣ.

Большая желѣзная дверь, ведущая на кладбище, отперта; вблизи отъ этой двери виднѣются въ тѣни ея, опершись на одинъ изъ ея столбовъ, мужчина и женщина. Это супруги, только что схоронившіе свое дитя; они видятъ среди ночного мрака его могилу, которую можно различить въ глубинѣ кладбища; это просто холмикъ изъ дерна съ лежащею подлѣ лопатой, недалеко отъ этой могилы замѣтна другая съ возвышающеюся надъ нею урною; здѣсь покоится прахъ предковъ ребенка.

Кладбище наполнено соснами; ночь, луны не видно, но она гдѣ-то свѣтитъ. Колеблющаяся мгла почіетъ на кладбищѣ; она скрываетъ отъ глазъ корни сосенъ, которыя представляются какъ бы отставшими отъ земли; сквозь эту завѣсу весьма смутно различаются оставшія могилы и въ особенности ихъ сельскіе, простые намятники; длинный камень, утвержденный стоймя, представляется какимъ-то сброватымъ призракомъ: все это вмѣстѣ образуетъ прелестный пейзажъ, но художникъ имѣлъ въ виду высшую цѣль; онъ хотѣлъ обратить наши мысли къ будущей жизни. Несчастные родители остановились въ дверяхъ кладбища. Ихъ взоръ, обращенный къ могилѣ ихъ ребенка, пораженъ какимъ-то таинственнымъ видѣніемъ. И: точно колеблющійся туманъ, ее окружающій, кажется оживленнымъ; имъ представляется, что ихъ дитя возстаетъ изъ могилы, что тѣни его предковъ направляются къ нему, простирая свои объятія, и что ангелы мира съ масленичною вѣтвью витаютъ надъ ними и соединяютъ ихъ. Ни одинъ изъ этихъ воздушныхъ образовъ не выдѣляется ясно, виднѣется одинъ туманъ; но воображеніе дополняетъ намекъ художника, и это видѣніе, не добавляя ничего къ этому простому пейзажу, только придаетъ естественность явленію...

У него есть еще семь рисунковъ ссней, идея которыхъ прекрасна. Ихъ сюжетъ: *die Vorzeit*—давнопрошедшее; *die Zeit*—текущее; *die Nachzeit*—будущее. Они представляютъ одновременно различныя эпохи существованія міра, а также четыре времени дня и четыре возраста человека и его судьбу послѣ смерти. Несмотря на такое разнообразіе сюжета, исполненіе проникнуто единствомъ идеи.

Первый рисунокъ—*die Vorzeit*. Необъятная водная поверхность; земля скрыта подъ бездною; еще ничего нельзя разобрать; волны широкія; чувствуется, что онѣ покрываютъ бездонную глубину; небо безоб-

Zeit, die Nachzeit. En même temps ils représentent les différentes époques de la nature, aussi que les quatre parties du jour, les quatre âges de l'homme et sa destination après la mort. Malgré cette diversité d'aspects il règne une parfaite unité dans l'exécution. Le premier dessin, Vorzeit. Une immense surface d'eau, la terre est sous l'abîme; rien ne paraît pas encore; les vagues sont larges, on sent qu'elles couvrent une profondeur immense; le ciel est sans nuages, il n'est pas encore éclairé, mais le soleil s'annonce déjà par ses rayons, dont quelques uns rasant la surface de cet abîme, qui a précédé les siècles, et d'autres atteignent déjà la hauteur du ciel, et formant avec leurs reflets sur l'eau un cercle complet, précèdent en quelque manière l'emploi de ce qui va commencer, puis venir à sa maturité et finir. Les formes mouvantes et passagères des vagues sont (en quelque manière l'emblème) l'image de ce qui va exister et passer: le ciel immobile et sans nuage présente l'éternité immobile. Un seul endroit indique quelque chose qui doit avoir déjà une forme: on voit (dans les) quelques vagues s'élever en écume: il semble qu'elle se heurtent et se brisent comme quelque chose (qui se cache encore dans leur sein) d'invisible. La terre n'est pas loin: bientôt les (vagues) ondes s'accoucheront (et le monde et) et l'univers sortira de son enveloppe et la vie commencera. 2-e, 3, 4-e. 5 dessin. Die Zeit. 2. Enfance de l'univers et de l'homme, matin: Le ciel est sans nuage (la lumière arrive. La lumière dans) le jour a commencé. Tout fleurit; le premier plan est couvert de ces fleurs qui viennent les premières au printemps; au milieu des (plantes se) herbes serpente un ruisseau, on voit des collines vertes et (des) quelques oiseaux à peine sortis de leur nid; il n'y a pas encore d'arbres (mais) il n'y a que des arbrisseaux, les premiers que fleurissent au printemps. Au milieu des fleurs on voit un couple d'enfants qui sont éclairés par les rayons du matin; ils regardent voliger deux papillons: (qui sont à pei) nouvellement (sortis) échappés de leur enveloppe: image de l'âme humaine, qui commence son existence terrestre. Tout annonce (la jeunesse) l'enfance de la terre, du jour et de de l'homme. Les couleurs sont fraîches et brillantes: les rayons du soleil sont encore vierges: le ciel n'a pas de nuage, comme l'enfance qui ne connaît pas encore les soucis: et (la perspective) l'horizon est rétréci: les objets qui entourent les enfants sont petits et proches, comme leurs jouissances qui sont toutes dans le (avenir) présent. et qui ne se mêlent pas encore d'espérance...—3 dessin, Jeunesse de l'univers et de l'homme. Midi. La lumière vient d'en face. Le ciel est encore pur. mais de légers nuages s'y promènent. L'horizon est étendu, (on voit un long vallon qui se perd dans le lointain): les collines sont devenues montagnes (couvertes de gazon); le ruisseau—rivière et

лачное; оно еще не освѣщено. но солнце уже возвѣщаетъ о себѣ лучами, изъ которыхъ нѣкоторые скользятъ по этому хаосу, предшествующему вѣкамъ, а другіе уже разливаются по небу, и образуя съ своими отраженіями на волнахъ почти полный кругъ, представляютъ нѣкоторымъ образомъ символъ того, что должно начаться, достигнуть полнаго развитія и кончиться. Подвижныя очертанія волнъ—образъ того, что будетъ существовать и исчезнетъ; неподвижное и безоблачное небо олицетворяетъ непреходящую вѣчность. Въ одномъ только мѣстѣ обрисовывается нѣчто, что должно имѣть форму: нѣсколько волнъ поднимаются, нѣнясь; онѣ какъ будто бьются и рвутся о что-то несказанное. Земля недалеко; скоро волны схлынутъ; вселенная выйдетъ изъ окружающей ее оболочки, и жизнь начнется.

2, 3, 4, 5 рисунки. *Die Zeit*—текущес.

2. *Дѣтство вселенной и человека.* Небо безоблачное, день занялся, первый планъ покрытъ первыми весенними цвѣтами; среди травъ извивается ручеекъ, видны зеленые холмы, нѣсколько птицъ, только что вылетѣвшихъ изъ гнѣздъ; деревья еще нѣтъ, есть только кусты, цвѣтушіе весной, среди цвѣтовъ видно двое дѣтей, освѣщенныхъ лучами утренняго солнца; они слѣдятъ за двумя порхающими бабочками. только что вылупившимся изъ своей оболочки: это эмблема души, начинающей свое земное существованіе. Все возвѣщаетъ дѣтство земли, дня и человека. Краски свѣжи и ярки; лучи солнца еще не затемнены ничѣмъ; на небѣ—ни облачка, какъ на челѣ ребенка, еще не знающаго заботъ; и горизонтъ не обширенъ. Предметы, окружающіе дѣтей малы и близки, подобно ихъ забавамъ, ограничивающимся настоящимъ и не знающимъ еще надежды.

Третій рисунокъ; Молодость вселенной и человека. Свѣтъ ударяетъ спереди. Небо еще чисто, но легкія облака уже проносятся по нему. Горизонтъ обширный; сводъ неба теряется въ дали; холмы превратились въ горы; ручей—въ рѣку, а деревья въ лѣса, среди дере-

les arbrisseaux—arbres; mais tout—air et terre (est gracieux et) est riant; on voit au milieu des arbres quelques habitations éparses; on voit un sentier et des haies: les réunions, les communications humaines et la propriété ont déjà commencé. (Sous les arbres) A l'ombre d'un arbre on voit un jeune homme et une jeune fille se tenant par la main et tout près un couple de colombes.

La nature est arrivée à son point le plus brillant. Les couleurs sont éclatantes (tout brille), mais l'ombre se mêle déjà à la lumière. L'étendue de la perspective annonce (déjà) que l'esprit a pris déjà son essor et que l'âme humaine (est sortie de son calme) remuée par les dessins vagues et l'inconnu (qui la remuent), est sortie de son calme.

4-me—La maturité de la nature et de l'homme. Soir. La lumière arrive de côté contraire. Le ciel est tourmenté de nuages, dont quelques uns sont orageux. Mais par ci par là à travers ces nuages on voit briller l'azur. Tout a pris un caractère de couleur un peu sévère et grand. Les arbres sont vigoureux.

Les montagnes escarpées et boisées (sont couvertes) sont surmontées d'énormes rochers nus, entrecoupés de précipices. La rivière est devenue un large fleuve, qui porte des bateaux chargés des produits de l'industrie (humaine); dans l'éloignement on voit une ville magnifique. La nature et la société humaine sont parvenus à leur complet développement. Deux aigles (planent), image de la force et (du cour) de l'activité courageuse, planent au haut du ciel.

Sur le premier plan, près d'une pente rapide on voit (encore le même) le couple précédant, déjà homme et femme. L'homme est armé; il montre la ville—théâtre de son activité mâle: la femme montre un sentier, qui serpente parmi des rochers et mène à leur cime surmontée d'une croix: image de la patience et de la religion, destination (particulière) paisible de la femme. A côté du sentier qui descend vers la ville, on voit un superbe monument funéraire: il indique que l'activité utile couronnée de gloire par la postérité reconnaissante est inséparable du danger et demande le sacrifice de soi-même.

5-e Vieillesse de la nature et de l'homme. Soir. La lumière arrive de nouveau d'en face, mais ce n'est plus déjà la même lumière: le soleil a disparu (la terre est éclairée), il est remplacé par (les minces) les tendres rayons de la lune. (Tout le ciel est couvert d'un

вьсѣвъ видно нѣсколько жилищъ, тропинки и изгороди: совмѣстное жительство и сообщенія завязываются и собственность уже появилась. Въ тѣни дерева, виденъ юноша и молодая дѣвушка, держащiе другъ друга за руки, а вблизи пара голубей. Природа достигла своего наиболѣе блестящаго развитiя. Краски ослѣпительныя, но тѣнь уже примѣшивается къ свѣту. Ширина перспективы возвѣщаетъ, что мысль уже развивается и что душа человеческая, полная непредѣленныхъ стремленiй и думъ о будущемъ, вышла изъ своего спокойствiя.

Зрѣлость природы и чловѣка. Свѣтъ падаетъ съ противоположной стороны. Тучи заволокли небо, изъ нихъ нѣкоторыя грозныя; но мѣстами черезъ эти тучи видна синева неба: все приняло характеръ строгiй и величественный. Кругомъ горы, усѣяны огромными скалами, перерѣзаны пропастями: рѣка сдѣлалась широка; она несетъ огромныя суда, нагруженныя произведенiями промышленности, вдали виденъ великолѣпный городъ. Природа и чловѣкъ достигли своего полнаго развитiя. Два орла—эмблемы силы и мужественной дѣятельности парятъ въ высотѣ. Близъ крутого ската видна та же пара—уже мущина и женщина. Мущина вооруженъ, онъ указываетъ рукой на городъ, арену его мужеской дѣятельности: женщина указываетъ на тропинку, извивающуюся среди скалъ и ведущую на ихъ вершину, увѣчанную крестомъ, эмблемою терпѣнiя, религiи, мирнаго назначенiя женщины. На краю тропинки, спускающейся къ городу, виденъ великолѣпный надгробный памятникъ. Онъ указываетъ, что полезная дѣятельность, увѣчанная благодарнымъ потомствомъ, неразлучна съ опасностью и требуетъ самопожертвованiя съ нашей стороны.

5. *Старость природы и чловѣка.* Свѣтъ льется снова съ передняго плана, но это уже не прежнiй свѣтъ; солнце исчезло, его замѣнила луна (все небо покрыто сплошнымъ облакомъ за исключенiемъ маленькаго пространства на краю горизонта, представляющаго безбрежное море, безъ пустыннаго берега, гдѣ небо сливалось бы съ волнами). На песчаномъ безплодномъ берегу видны

nuage uniforme (et continu, il ne reste qu' un petit espace au bord de l'horizon, qui n'est autre chose qu' une mer sans bornes). Sur un rivage désert, battu par cette mer, où le ciel se réunit à une mer sans bornes on voit un rivage sablonneux et aride. Les arbres sont dépourvus et quelques uns même brisés. (Sur ce bord près de la mer) Près de ce rivage sablonneux on voit les ruines d'une église, entourée de tombeaux, aussi en ruines; et le temple consacré, et ceux qui jadis y ont adoré Dieu— tout a péri; les arbres qui entourent cette enceinte sont défeuillés (et se brisent, sont rompus), et brisés! Le ciel est couvert d'un nuage nébuleux et uniforme; (il n'en reste qu' un petit espace) mais les bords de ce nuage sont éclairés par la lune qui brille sur l'horizon en (éclairant par ci par là) projetant ses rayons sur la surface de la mer (très rembrunie par le nuage) noircie par les nuages. Parmi les anciens tombeaux on voit une fosse nouvellement creusée.

Un vieillard avec sa vieille compagne sont assis près d'elle; le vieillard s'appuie encore sur un bâton; celui de la vieille est rompu et tombe dans la fosse. Tout ici meurt: et la nature et l'homme; mais (cette lumière d'un astre qui) les rayons de cet astre de la nuit qui emprunte sa lumière de celui qui répand le jour, éclairent l'homme à travers les ruines qui l'environnent et pénètre même dans la fosse (qui lui est préparée) qui va l'engloutir.

6-me. *Nachzeit* (la nature abandonnée par l'homme) L'activité de l'âme sur la terre est finie. L'homme a disparu, toute activité meurt et cesse, (il ne reste... mais le mouvement physique dure encore). On voit à l'entrée d'une caverne de stalactites, encombrée de ruines de rochers, deux squelettes, unique monument de la vie humaine qui a cessé pour toujours. Ils sont éclairés par la lune (La lune qui est vue par des nuages, vaporeux: mais des nuages s'amoncellent pour voiler cette lune; quelques gouttes tombant à travers les rochers brillent à ses rayons et annoncent un reste de mouvement). Il n'y a de nouveau que dans les nuages, qui s'amoncellent pour dévorer la lune et dans quelques gouttes qui tombent en brillant à travers les rochers pour former une nouvelle couronne de stalactites.

7. *Nachzeit*. L'homme après avoir quitté la terre. Rien ne rappelle la terre qu' un amas de nuages qu' elle produit. aus dessus desquels brille une lumière céleste, éclatante et pure. Le bas de ces nuages est sombre, mais plus ils s'approchent de de la lumière, plus ils deviennent brillants. Les plus élevés sont eux-mêmes comme une lu-

развалины церкви, окруженной могилами. И храмъ, посвященный Божеству и тѣ, кто нѣкогда наклонились здѣсь своему Богу—все погибло. Деревья, окружающіе эту ограду, стоятъ безъ листьевъ и изломаны; небо покрыто однообразнымъ сѣрымъ облакомъ, но края этого облака озарены луною, которая свѣтитъ на горизонтѣ, бросая свои лучи на поверхность моря, затемненную тучами. Среди древнихъ гробницъ видна только что вырытая могила, у края ея сидитъ старикъ съ своей старой подругой. Старикъ еще опирается на свою палку, но палка старухи уже сломана и упала въ могилу. Все умираетъ и природа и люди, но лучи ночного свѣтила, заимствующаго свой свѣтъ отъ дневного, освѣщаютъ человѣка черезъ развалины его окружающіе и даже проникаютъ въ могилу, готовую его поглотить.

6. *Nachzeit.* Будущее. У входа въ сталактитовую пещеру, окруженную обломками скалъ, лежатъ два скелета; они освѣщены луной. Это единственный памятникъ человѣческой жизни, которая прекратилась навсегда. Кругомъ все вымерло. Движеніе видно только въ облакахъ, которыя сгущиваются, чтобы поглотить луну, и въ нѣсколькихъ капляхъ, падающихъ сверкая черезъ скалу, образуя новыя колонны сталактитовъ.

7. *Nachzeit.* Человѣкъ покинувшій землю. Ничто не напоминаетъ земли, за исключеніемъ скопленія облаковъ, производимыхъ ею. Надъ ними сверкаетъ небесный свѣтъ, ослѣпительный и чистый. Нижній край этихъ облаковъ темень, но по мѣрѣ приближенія къ свѣту они становятся прозрачнѣе, самыя высокія сами какъ свѣтъ. На этихъ облакахъ, передъ этимъ таинственнымъ свѣтомъ видны два ангела. Одинъ погруженъ въ спокойное созерцаніе—это мужчина. Онъ какъ будто говоритъ: „Я вижу то, чему вѣрилъ“. Другой склонился и проливаетъ слезы—это женщина. Она какъ бы говоритъ: „Я поклонюсь на небѣ тому, что любила на землѣ“.

Я увлекся удовольствіемъ описать Вашему Императорскому Величеству новыя произведенія геніаль-

mière. Sur ces nuages devant cette lumière mystérieuse qu' ils dérobent au spectateur, se trouvent deux anges: l'un contemple dans un ravissement calme! C'est l'homme. Il semble dire: „Je sais ce que j'ai vu“. L'autre (couvre les yeux en adorant) s'incline et paraît verser des larmes. C'est la femme. Elle semble dire: „J'adore au ciel ce que j'ai aimé sur la terr.“

Je me suis laissé entraîner au plaisir de décrire à votre Majesté ces nouvelles production du génial Friederich. Ce ne sont que de légers dessins au soepia. Je suis certain qu' ils sont superbes executés en grand à l'huile. J'ai demandé à Friederich s'il se proposait d'entreprendre ce grand travail (et s'il consenterait à le faire) au cas qu' on le lui proposait. Il m'a répondu négativement, disant qu' il lui était impossible de s'assugettir pour quelques ans à un seul travail, que s'occupant exclusivement d'un seul objet il devrait lui sacrifier toutes les idées qui pourraient lui venir daut la tête et que n'étant pas libre il travaillerait sans jouissance. Cette réponse est d'un vrai artiste. Mais j'avoue que j'aurais bien désiré que votre Majesté possédât de pareils tableaux. Si vous ordonnez, je ferai la proposition à Friedrich. Peut-être consentira-t-il de fournir un tableau par an. Si non, je voudrais au moins m'emparer pour vous des dessins; ils sont très-légèrement fait. Le sujet n'a pu être qu' indiqué, mais ils sont jolis. (J'en ai demandé le prix. Friederich m'a répondu qu' il ne pouvait pas le fixer, que ces dessins n'ont d'autre prix que celui de l'idée; qu' ordinairement il se faisait payer de pareils dessins à 3 louis la pièce, mais qu' ici il devait s'en rapporter au sentiment de l'amateur). Il possède encore une quarantaine de dessins à l'aquarelle, faits d'apres nature dans l'île de Ruguen; c'est une collection unique.

Ma lettre est énorme. Je demande très humblement pardon à votre Majesté I. Je finis en mettant aux pieds de V. M. les expressions d'un attachement inviolable et d'une profonde reconnaissance qui ne finira qu' avec ma vie.

наго Фридриха; это не болѣе какъ легкія наброски сепіей; я увѣренъ, что они будутъ великолѣпны, исполненные въ большомъ размѣрѣ маслянными красками. Я спросилъ у Фридриха, намѣревается ли онъ предпринять эту большую работу, если бы ему предложили. Онъ мнѣ отвѣчалъ отрицательно, говоря, что ему невозможно отдать себя на нѣсколько лѣтъ этой единственной работѣ, что занимаясь исключительно однимъ предметомъ, онъ долженъ будетъ принести ему въ жертву всѣ идеи, которыя могли бы зародиться въ его умѣ, и сталъ бы работать безъ удовольствія. Это отвѣтъ истиннаго художника. Но признаюсь, мнѣ очень бы хотѣлось, чтобы Ваше Величество имѣло въ своемъ обладаніи подобныя картины. Если Вы пожелаете—сдѣлаю предложеніе Фридриху, можетъ быть онъ согласится писать по одной картинѣ въ годъ: если же нѣтъ, я желалъ бы захватить для Васъ этюды; это легкіе наброски, сюжетъ только намѣченъ, но они очень красивы. (Я спросилъ цѣну у Фридриха, онъ мнѣ отвѣтилъ, что картина неоконченная не имѣетъ другой цѣны, кромѣ ея замысла; что обыкновенно платятъ за нихъ по три лундора, но онъ предоставляетъ это усмотренію любителя). Онъ имѣетъ около сорока рисунковъ акварелью, сдѣланныхъ съ натуры на островѣ Рюгенѣ; это коллекція единственная.

Мое письмо необъятно! Прошу прощенія у Вашего Императорскаго Величества и повергаю къ стопамъ Вашего Величества выраженіе безконечной привязанности и благодарности, которая умереть только вмѣстѣ со мною.

ИЗЪ ИСТОРИИ БОЛЬШОГО ДЕРБЕТА

(Астраханскій Архивъ)

На мало извѣстную исторію начальниковъ Б. Дербета проливаетъ свѣтъ слѣдующее дѣло изъ Астраханскаго Архива. Приводимъ его въ важнѣйшихъ извлеченіяхъ: „Его высокопревосходительство господинъ м-ръ внутр. дѣлъ прошлаго 1835 г., Юля 25 числа, на основаніи Высочайше утвержденного, въ 24 день Ноября 1834 г. штата объ управленіи калмыцкимъ народомъ, который находился подъ высшимъ управленіемъ Вашего Превосходительства, назначилъ меня¹⁾ на службу въ оной; согласно воли господина министра, департаментъ полиціи исполнительной отпавилъ меня въ августѣ мѣсяцѣ въ Астрахань и велѣлъ явиться къ Вашему превосходительству. куда я прибылъ 23 ноября, назначилъ меня къ исправленію временно должности пристава большедербетовскаго улуса, въ который я прибылъ 31-го генваря сего года и вступилъ *поверхностно* въ Управленіе Дѣлами, да коль коллегскій регистраторъ Дидакторовъ не сдастъ мнѣ свою обязанность на законномъ основаніи. Минувшаго марта сего 26 числа за № 90, имѣлъ я счастье въ ходити²⁾ съ представленіемъ къ Вашему Превосходительству о увольненіи меня по разнымъ стѣпеннымъ обстоятельствамъ, какъ по службѣ, такъ и по домашнимъ, но не удостоился получить отъ Ваш. Превосх. разрѣшенія. Почему нынѣ осмѣливаюсь вторично прибѣгнуть къ высокой особѣ ваш. превосх. съ низжайшею просьбою, какъ къ начальнику и отцу подчиненныхъ, окажите ваше челоуѣколюбіе и милосердіе мнѣ несчастному, увольте меня отъ сей обязанности, ибо я не въ силахъ продолжать болѣе службы по нижезложеннымъ причинамъ: 1. нахожусь въ преклонныхъ лѣтахъ и въ продолженіе 34 лѣтъней дѣйствительной службы моей лишился отъ письменныхъ дѣлъ

¹⁾ Дубасовъ.

²⁾ Ореографія сохранена, какъ въ оригиналѣ.

зрѣнья глазъ, а отъ бывшей костоѣдной боли на большемъ пальцѣ правой руки, съ трудомъ могу писать *). 2-е. Былъ комиссіонеромъ 18 лѣтъ, развозилъ денежную сумму въ комиссіи и комиссаріатства провіантскія и комиссаріатскія, такъ же разнымъ лицамъ коей доставилъ: ассигнаціями безъ малаго 38 милліоновъ; золотомъ 576 т. червонныхъ и серебромъ 581 т. рублей, съ коею объѣздилъ 170 тыс. в. отъ чего потерялъ здоровье. 3-е. Должность пристава Больше Дербетовскаго улуса весьма обширна, которую я исполняю съ большимъ трудомъ одинъ безъ писаря и наконецъ, 4-е. Да бы безъ винно не подпасть подъ отвѣтственность за упущеніе должности, что крайне вынуждаетъ меня оставить службу.

Ваше Превосходительство, Всемиловѣйшій Государь, позвольте еще предъ Вашею особою объявиться, можноль служить безъ силъ, не имѣвъ совершенно зрѣнья глазъ и чувствуя душевную болѣзнь. Хотя я и посвящалъ себя на службу въ калмыцкой штатъ, но не могу предвидѣть, что займу должность не соотвѣтствующую моимъ лѣтамъ, и бывъ въ чинѣ штабъ-офицера, сдѣлаться писцомъ. — За великое благодѣяніе и счастье почелъ бы себѣ служить подъ высокимъ начальствомъ вашимъ, но никакъ не могу, на что имѣю честь ожидать отъ Вашего превосходительства милостиваго разрѣшенія“ (19 Мая 1836 г.).

Этому удивительному прошенію, въ которомъ самъ чиновникъ признаетъ себя негоднымъ, что большая рѣдкость среди чиновничества особенно того времени, ибо, — какъ такъ самому отказаться отъ возможности получать жалованіе и признавать твою непригодность, — наконецъ, вняли, и тогдашній губернаторъ Тимирязевъ сдѣлалъ распоряженіе объ удаленіи Дубасова со службы.

Пока шла по этому поводу канцелярская волокита, отъ Дубасова, черезъ мѣсяць послѣ подачи только что цитированнаго прошенья, получилось еще болѣе удивительное заявленіе. Дубасовъ писалъ: „Болѣзнь, имѣвшаяся по продолженной службѣ полученная, пользованіями медицинскихъ чиновниковъ, совершенно окончилась къ пользѣ моей, и лудшему здоровью на будущее, а самая должность мною несомая по усердному старанію и неусыпному попеченію о устройствѣ общаго спокойствія въ улусѣ мнѣ подвѣдомомъ приведена гораздо въ лудшее противъ прежняго существованіе, отклоня дѣйствіемъ своимъ раздоры несогласія между калмыцкими племенами, продолжавшіеся до вступленія моего въ обязанность несомую“.

---

*) Все прошеніе написано имъ собственноручно очень четкимъ почеркомъ.

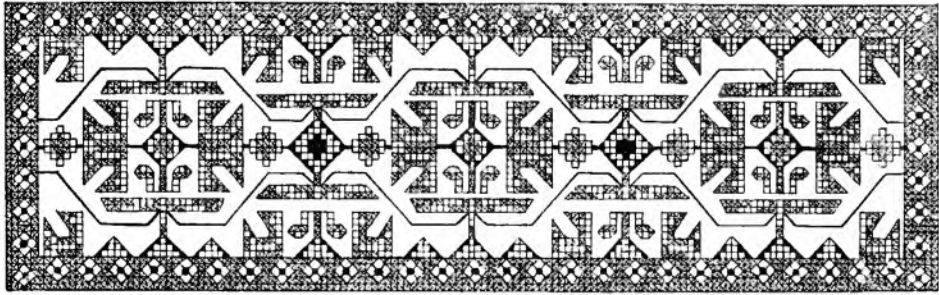
Итакъ въ мѣсяць никуда негодный чиновникъ, самъ въ томъ признавшійся, обращается и въ зрячаго и сильного и съ обширными способностями. Было чему удивляться даже въ мѣрѣ чиновничества.....

Далѣе Дубасовъ просить его оставить въ должности. Начальство уважаетъ и эту просьбу и 16 іюня посылаетъ ему извѣщеніе объ этомъ.

Едва успѣлъ получить Дубасовъ это извѣщеніе, какъ черезъ недѣлю, очевидно испугавшійся того, что наговорилъ о себѣ во второмъ своемъ прошеніи, шлетъ 3-го іюля третье прошеніе и уже окончательно просить уволить его. Начальство назначаетъ на его мѣсто штабсъ-капитана Жеребцова.

С. Фарфоровскій.

Къ вопросу, о положеніи духовенства въ царствованіи Екатерины II-й

Въ первые годы царствованія Екатерины Второй положеніе духовенства было далеко не завиднымъ. Правительственная политика въ отношеніи къ духовенству въ это время направлялась къ ослабленію значенія духовенства, къ лишенію его того вліянія, которымъ оно пользовалось въ царствованіи Елизаветы Петровны. Эта политика особенно тяжело отражалась на положеніи правящаго, монашествующаго духовенства. Но и бѣлому духовенству ею причинялось немало непріятнаго. Такая политика увеличила число угнетателей бѣлаго духовенства, въ роли которыхъ теперь стали выступать разные „свѣтскія персоны“. Послѣднія очень хорошо понимали духъ времени и въ своихъ отношеніяхъ къ духовенству вообще, и къ приходскому въ особенности, совсѣмъ перестали быть сдержанными. Приходскій священно-церковно-служитель въ глазахъ „свѣтской персоны“ того времени ничѣмъ не отличался отъ его крѣпостнаго, надъ которымъ онъ могъ безнаказанно издѣваться и обращаться съ нимъ, какъ ему вздумается.

Въ этомъ отношеніи довольно интереснымъ представляется найденное нами въ Сенатскомъ Архивѣ дѣло „о изслѣдованіи Воронежскому Губернатору Маслову причиненныхъ священно-церковно-служителямъ отъ разныхъ свѣтскихъ людей обидъ“. Это дѣло относится къ 1773 году и рисуегь предъ нами яркую картину гнета приходскаго духовенства со стороны этихъ „свѣтскихъ персонъ“. Вместе съ тѣмъ это же дѣло заключаетъ въ себѣ любопытныя указанія на то, какъ относилась къ такому ненормальному положенію вещей власть, какъ духовная, такъ и свѣтская, и какія мѣры принимались ею къ устраненію этого печальнаго явленія. Наконецъ, это же дѣло содержитъ въ себѣ много бытового матеріала, на основаніи котораго можно вполне опредѣленно су-

дить о томъ, какъ вообще низко стоялъ въ то время авторитетъ пастыря, что было особенно печально именно для того времени, когда мистическое и рационалистическое сектантство широкой волной стало разливаться среди крестьянскаго населенія южной и средней полосы Россіи.

Интересъ, который представляетъ это дѣло, даетъ намъ основаніе предложить подробное изложеніе его.

11-го Ноября 1771 года священникъ села Тормосова, Ефремовскаго уѣзда, Іоаннъ Васильевъ подалъ въ Ефремовское Духовное Правленіе доношеніе, въ которомъ сообщалъ о слѣдующемъ печальномъ для него происшествіи.

Наканунѣ т. е. 10-го Ноября, онъ, о. Васильевъ, былъ приглашенъ однодворцемъ того же села Тормосова Саввой Чуриловымъ, къ нему въ домъ, для совершенія молебна. По окончаніи молебна, по заведенному обычаю, хозяиномъ дома была предложена трапеза. Къ этому же времени въ домъ Чурилова явился мѣстный помѣщикъ Борисъ Семеновичъ Засѣкинъ и съ нимъ вмѣстѣ помѣщица села Козья, Елецкаго уѣзда, Наталья Ивановна Лосинская. „Почетные“ гости, опоздавшіе къ молебну, не отказались однакожь принять участіе въ приготовленной трапезѣ. И вотъ, во время „угощенья“, совершенно неожиданно, „незнаемо съ какого виду“, помѣщикъ Засѣкинъ вдругъ началъ „лежащими на столѣ тарелками и блюдами шибать“ въ него, священника, а затѣмъ, не удовольствовавшись этимъ, схватилъ іерея за волосы и сталъ бить „смертнымъ боемъ уснетками“. при чемъ разбилъ ему голову и лицо до крови и окровавилъ бывшіе при немъ крестъ и епитрахиль; причиненныя о. Васильеву пораненія оказались настолько серьезными, что онъ еле могъ двигаться.

Донося объ этомъ, о. Іоаннъ просилъ Духовное Правленіе осмотрѣть и описать нанесенныя ему „боевые знаки“, а также освидѣтельствовать окровавленные крестъ и епитрахиль, а затѣмъ уже обо всемъ этомъ представить, куда надлежитъ, для привлеченія помѣщика Засѣкина къ законной отвѣтственности.

Духовное Правленіе, удовлетворяя ходатайство избитаго іерея, озаботилось прежде всего освидѣтельствованіемъ „боевыхъ знаковъ“ его. Въ присутствіи діакона села Буреломъ, Якова Семенова, и однодворца деревни Залѣскаго, Родіона Вшербина, вѣроятно, случившихся въ это

время въ Духовномъ Правленіи по своимъ дѣламъ, былъ произведенъ формальный осмотръ о. Васильева. По осмотрѣ оказалось, что „голова его въ двухъ мѣстахъ пробита сквозь, лицо разбито до крови, на спинѣ и по ногамъ видно синево и багрово, ешитрахиль и крестъ во многихъ мѣстахъ въ крови“. Все это было занесено въ протоколъ осмотра, подписанный указанными выше лицами.

Послѣ этого протоколъ осмотра былъ приобщенъ къ доношенію о. Васильева, а затѣмъ, все это вмѣстѣ было препровождено изъ Духовнаго Правленія въ Воронежскую Духовную Консисторію „на разсмотрѣніе“.

Спустя послѣ этого мѣсяца, именно 13 Декабря, тотъ же священникъ подалъ новое доношеніе въ Ефремовское Духовное Правленіе на того же помѣщика Засѣкина. На этотъ разъ дѣло заключалось въ слѣдующемъ.

4-го Декабря, въ день воскресный, о. Васильевъ служилъ божественную литургію. За обѣдней присутствовалъ и князь Борисъ Семеновичъ Засѣкинъ. Послѣ за-амвонной молитвы, „какъ приспѣло время читать Псаломъ 33-й: *Буди имя Господне благословенно отъ нынѣ и до вѣки*“, священникъ Васильевъ, въ качествѣ поученія, сталъ читать изъ Пролога, подъ 10-мъ марта, слово Іоанна Златоустаго: *како чтити священнической чинъ*. Князю Засѣкину это, повидимому, почему то не понравилось, и онъ неоднократно позволялъ себѣ во время чтенія слова громко выкрикивать: „что, попь, врешь“; а затѣмъ началъ стоявшій въ церкви народъ высылать вонъ изъ храма, и когда храмъ опустѣлъ, князь сталъ бранить его, о. Васильева, всякими словами и похваляться, что еще болѣе прежняго будетъ бить его, гдѣ онъ ни попадетъ ему: „ты-де и въ домъ своемъ отъ меня не уйдешь“, кричалъ князь. Такая угроза Засѣкина заставила его, о. Васильева имѣть немалое опасеніе, какъ бы дѣйствительно онъ не привелъ ее въ исполненіе. Кромѣ того, онъ же, Засѣкинъ, вѣроятно, по той же злобѣ, неоднократно присылалъ къ нему, о. Васильеву, въ домъ людей съ требованіемъ очистить его для приѣзжающихъ на карантинъ лицъ, что уже было явнымъ самоуправствомъ. А посему о. Васильевъ просилъ Ефремовское Духовное Правленіе, „дабы соблаговолено было сіе доношеніе принять, и, записавъ, приобщить къ преждеподанному имъ доношенію, отъ 11 Ноября 1771 года, и обо всемъ томъ, куда надлежитъ, представить“.

Въ Духовномъ Правленіи на этомъ доношеніи о. Васильева была положена такая резолюція: „Записавъ, отдать въ повѣсть, а на него,

князя Засѣкина, представить по командѣ“. Повидимому, Правленіе на этотъ разъ предполагало самостоятельно, въ предѣлахъ предоставленнаго ему права, принять мѣры противъ безчинства кн. Засѣкина, безъ сношенія съ Воронежской Консисто́ріей. Почему объ отсылкѣ этого доношенія въ Консисто́рію въ резолюціи и не говорилось. Но такъ какъ о. Васильевъ просилъ приобщить это доношеніе къ доношенію, ранѣе поданному имъ, а это послѣднее уже было отправлено въ Консисто́рію, то и его также пришлось препроводить туда же.

Какія мѣры приняла Воронежская Духовная Консисто́рія по сохраненію этихъ двухъ доношеній о. Васильева,—мы не знаемъ. Несомнѣнно только одно, что она не положила ихъ „подъ сукно“, а потребовала удовлетворенія отъ гражданской власти. Но послѣдняя не только не спѣшила давать „сатисфакцію“, но, повидимому, вообще не считала даже и нужнымъ дѣлать это. Она смотрѣла на такія явленія, какъ на дѣло небольшой важности. Это былъ ея общій взглядъ, который, конечно, былъ примѣненъ и въ данномъ случаѣ. Словомъ, доношеніемъ о. Васильева, повидимому, угрожала обычная участь.

Между тѣмъ, все чаще и чаще стали обнаруживаться новые факты дурного отношенія къ бѣлому духовенству со стороны помѣщиковъ. Такъ, въ слѣдующемъ же 1772 году, Воронежской Епархіальной власти были поданы два доношенія по поводу подобныхъ же ненормальныхъ явленій. Одно на имя преосвященнаго Тихона, епископа Воронежскаго и Елецкаго, отъ Деркульскаго Духовнаго Правленія, а другое на имя Воронежской Консисто́рії отъ Ефремовскаго Духовнаго Правленія.

Деркульское Правленіе, въ доношеніи отъ 3-го февраля, сообщало о слѣдующемъ происшествіи съ священникомъ слободы Колязовки, Василиемъ Ефимовымъ.

О. Ефимовъ имѣлъ большое хозяйство. Между прочимъ, у него было 32 лошади. Обычно этотъ табунъ при его косякѣ, пасся лѣтомъ, вмѣстѣ съ лошадьми другихъ лицъ, на Козедовской степи. Лѣтомъ 1771 года изъ этого табуна, неизвѣстно какимъ образомъ, въ ночное время, пропали всѣ его лошади. Начались, конечно, розыски. Вскоръ же обнаружилось, что часть пропавшихъ лошадей находится на хуторѣ подполковника Константина Николаевича Юзбаша между его лошадьми. Когда объ этомъ о. Ефимовымъ было заявлено г. Юзбашу, то послѣдній безъ промедленія приказалъ возвратитъ ему опознанныхъ имъ своихъ лошадей. Приказаніе было исполнено и о. Ефимовъ угналъ своихъ

лошадей къ себѣ домой. Всѣхъ опознанныхъ имъ лошадей оказалось 9 штукъ, изъ нихъ 8 было имъ пригнано домой, а девятая-кобылица, „за непоиманіемъ“ осталась на хуторѣ г. Юзбаша. Пригнавши лошадей, о. Ефимовъ немедленно отправилъ въ Деркульское Правленіе доношеніе съ сообщеніемъ о постигшемъ его несчастіи и съ просьбой какъ-либо воздѣйствовать на подполковника Юзбаша съ тѣмъ, чтобы онъ возвратилъ о. Ефимову и остальныхъ 24 лошади. По этому доношенію, отъ Управителя Духовнаго Правленія, Константина Грекова, къ подполковнику Юзбашу было писано партикулярное письмо, на которое послѣдній отвѣтилъ, что, если лошади отыщутся, то онъ и отдастъ ихъ о. Ефимову. Съ своей стороны, и о. Ефимовъ писалъ Юзбашу партикулярное письмо съ тою же просьбой, на каковое письмо послѣдовалъ отвѣтъ отъ сына Юзбаша поручика Александра, что его отца въ данное время нѣтъ дома, а будетъ-де онъ въ ближайшую субботу или воскресенье. когда и можно будетъ видѣть его и получить желаемое. Воспользовался-ли этимъ приглашеніемъ о. Ефимовъ или нѣтъ, изъ доношенія Правленія не видно. Но только лошади ему не возвратились. Такъ продолжалось до января 1772 года. Терпѣніе о. Ефимова стало истощаться. И вотъ онъ написалъ новое доношеніе въ Духовное Правленіе, въ которомъ просилъ его отправить къ подполковнику Юзбашу „съ обстоятельнымъ“ нарочнымъ вторичное понудительное сообщеніе объ отдачѣ ему лошадей, а вмѣстѣ съ тѣмъ позволить ему лично сопровождать этого нарочнаго, для опознанія своихъ лошадей. Духовное Правленіе удовлетворило просьбу о. Ефимова и командировало къ полковнику состоящаго на писарской должности студента Θεодора Назаревскаго. Вмѣстѣ съ Назаревскимъ отправился и о. Ефимовъ. Приѣхавъ и явившись къ полковнику, Назаревскій подалъ ему привезенное имъ сообщеніе Духовнаго Правленія. Полковникъ прочиталъ его и сталъ разговаривать съ Назаревскимъ по содержанію этого сообщенія. Затѣмъ спросилъ о священникѣ Ефимовѣ, гдѣ онъ: и когда узналъ, что онъ приѣхалъ вмѣстѣ съ Назаревскимъ, приказалъ позвать его къ себѣ. О. Ефимовъ явился. Подполковникъ сталъ разговаривать съ нимъ и спрашивать, какимъ образомъ пропали лошади и какъ обнаружилась эта пропажа. Когда шелъ разговоръ, подполковникъ Юзбашъ вдругъ „незнаемо за что“ началъ бить его „курящимъ табакомъ трубкою по головѣ“, рвать волосы и бороду его и топтать ногами; разгорячившись, велѣлъ было принести плетей, но потомъ приказалъ посадить о. Ефимова подъ карауль, забить въ колодку и оставить его въ своей караульнѣ. Расправившись къ іерею, подполковникъ написалъ затѣмъ сообщеніе въ Духовное Правленіе и передалъ его Назаревскому, приказавши ему немедленно отправиться въ путь.

Назаревскій не замедлил доставить въ Правленіе запечатанный пакетъ подполковника. По вскрытіи въ Правленіи пакета оказалось, что въ своемъ сообщеніи подполковникъ „изъясняетъ, будто бы онъ, іерей Василій, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ, подполковникъ, жительство имѣеть, дѣлалъ непорядочные поступки“, а о томъ, что онъ „билъ священника и содержитъ его подъ карауломъ, въ томъ своемъ присланномъ извѣстіи сему Правленію знать не далъ“.

Въ заключеніе доношенія Духовное Правленіе просило преосвященнаго Тихона учинить милостивую резолюцію, дабы означенный священникъ не пришелъ въ наивящее подъ карауломъ изнуреніе, и дабы не послѣдовала для него крайняя бѣдность, по причинѣ пропажи лошадей, а также дабы и впредь свѣтская команда священнослужителей обижать не отваживалась.

О болѣе возмутительномъ происшествіи сообщало въ Воронежскую Духовную Консисторію Ефремовское Духовное Правленіе. Въ доношеніи, поданномъ 23 іюня, оно писало:

„Сего іюня 8 дня 1772-го году, во ономъ Духовномъ Ефремовскаго уѣзду, села Остропятъ, Дмитріевской церкви священникъ Стефанъ Петровъ доношеніемъ объявилъ: сего-де іюня, 4 дня, то есть: въ день Сочествія Святаго Духа, по отслуженіи имъ, священникомъ, Божественной Литургіи, имѣлся онъ быть по зову одного жъ села приходскихъ людей, для служенія въ поли со святыми иконами молебнаго пѣнія: и усмотрѣлъ: приходу-де сво помѣщикъ Яковъ Петровъ сынъ Сахаровъ со крестьянами своими наглаго рубить ево церковный лѣсъ; къ коему онъ, пришедъ, сталъ говорить, почему онъ такое озорничество чинить; которой помѣщикъ, поймавъ ево, священника, и, отнявъ, у него палку изъ рукъ, билъ ево оною палкою немилостиво; а потомъ, какъ ево, священника, такъ и попадю ево, Татіану, приказалъ своимъ крестьянамъ бить обухами смертно; почему, увидя, приходскія люди, что онъ, помѣщикъ бьетъ ево смертно, стали ево отъ того озорничества разговаривать: которой-де помѣщикъ и оныхъ приходскихъ людей многихъ билъ немилостиво; и нарубленной лѣсъ приказалъ, семь возовъ, крестьяномъ своимъ въ домъ свой отвезть; и не удовольствуясь-де тѣмъ, паки со оными крестьянами пріѣхалъ въ вышеписанный лѣсъ. и нарубя одного еще лѣсу пять возовъ, и пришедъ со всеми крестьянами въ домъ одного священника, учелъ ево священника, и попадю ево бить кольями и обухами, и, содравъ съ попадья рубаху, билъ самъ изъ своихъ рукъ нагую обухами жъ, гдѣ онъ, священникъ,

едва въ памятствѣ своемъ кричалъ разбой, но только изъ приходскихъ людей на тотъ крикъ по ево такому озарничеству опасаясь, никто не пошелъ; а оная попадья ево въ то время была беременна, которая на другую ночь отъ того бою младенца выкинула; и рубиль-де оной лѣсъ во весь день; которые оной священникъ и попадья ево—сего жъ іюня дня сыномъ ево малолѣтнимъ привезены были во оное Правленіе едва живые. И тѣмъ доношеніемъ просилъ, дабы на немъ, священникъ Стефанъ, и попадья ево, Татіанъ, боевые знаки осмотрѣть и описать, и за такое ево, Сахарова, озарничество, куда надлежитъ, представить по командѣ: которой священникъ и попадья ево Татіана во ономъ Правленіи при стороннихъ людѣхъ осматриваны; а по осмотру явилось: на священникъ Стефанъ спина во многихъ мѣстахъ избита, гдѣ значутъ большія синева, также по рукамъ и по ногамъ во многихъ мѣстахъ большія синева жъ и богрова: на попадья ево Татіанъ голова въ трехъ мѣстахъ сквозь проломлена, глазъ лѣвой подбитъ, гдѣ значитъ синево большое, лѣвая нога въ трости переломлена на-двое, на правой ногѣ синево и богрово спина и бока все избито смертно. въ рукѣ большой палецъ разрубленъ; и движенія она никакого не имѣеть. Того ради въ Ефремовскомъ Духовномъ Правленіи опредѣлено: оное доношеніе, поданное отъ него, священника, принять, а въ Воронежскую Духовную Консисторію, съ прописаніемъ всего, на разсмотрѣніе представить. О чемъ оное Духовное Правленіе симъ всепокорнѣйше и представляетъ.

На Воронежской кафедрѣ въ это время былъ преосвященный Тихонъ (Якубовскій). Это былъ не совсѣмъ обычный для того времени іерархъ. Съ изящною внѣшностью и свѣтскими манерами онъ соединялъ и внутреннее благородство души. Хорошо образованный и знакомый съ западно-европейской культурой, которую онъ успѣлъ узнать въ бытность настоятелемъ русской миссіи въ только-что завоеванномъ тогда Кенигсбергѣ, преосвященный Тихонъ отличался чрезвычайно ровнымъ и спокойнымъ характеромъ, дѣлавшимъ его способнымъ объективно и безпристрастно относиться ко всякому явленію. Благородный въ душѣ, преосвященный Тихонъ былъ чуждъ политиканства, не закрывалъ глазъ на те печальное положеніе, въ которомъ находилось тогда духовенство, и боролся съ этимъ ненормальнымъ явленіемъ безъ шума и безъ истерическихъ выступленій.

Приведенные нами факты дали ему основанія обратиться въ Святѣйшій Синодъ съ представленіями о необходимости принять мѣры къ прекращенію самоуправства помѣщиковъ въ отношеніи священно-церковно-служителей ввѣренной ему епархіи. Онъ дважды дѣлалъ эти

представленія. Первое доношеніе въ Синодъ было имъ отослано, когда ему сдѣлались извѣстными первые три указанныхъ нами факта, а второе—послѣ того, какъ до его свѣдѣнія довели о послѣднемъ изъ нихъ.

Первое доношеніе еп. Тихона было получено въ Синодѣ 26 іюня, а второе—21 іюля. Въ теченіе этого срока, т. е. въ теченіе почти цѣлаго мѣсяца Св. Синодъ не предпринималъ никакихъ мѣръ по сохраненію перваго доношенія еп. Тихона. Чѣмъ объяснить такую медлительность со стороны Синода—сказать трудно. Но это обстоятельство повидимому было понято еп. Тихономъ такъ, что будто бы и Синодъ склоненъ замалчивать подобные факты и не возбуждать изъ-за нихъ „шума“. А потому во второмъ своемъ доношеніи еп. Тихонъ поставилъ этотъ вопросъ нѣсколько шире. Прежде чѣмъ отослать въ Синодъ второе доношеніе, онъ далъ предписаніе Воронежской Консисторіи составить вѣдомость, въ которой надлежало показать сколько со времени прибытія его на Воронежскую кафедру было случаевъ обидъ со стороны свѣтскихъ персонъ лицамъ духовнаго званія, кому именно и отъ кого, и что учинено было во всѣхъ этихъ случаяхъ со стороны свѣтской власти. Духовная Консисторія не замедлила исполнить приказаніе преосвященнаго, и вскорѣ ему была представлена довольно большая выписка съ подробными свѣдѣніями о каждомъ отдѣльномъ случаѣ, каковую выписку еп. Тихонъ приложилъ къ своему доношенію и препроводилъ въ Синодъ.

Вотъ эта выписка, заключающая въ себѣ интересный бытовой матеріалъ.

Выписка, учиненная въ Духовной Преосвященнаго Тихона, епископа Воронежскаго и Елецкаго, Консисторіи, по резолюціи Его Преосвященства, сколько съ прибытія Его Преосвященства сего 1772-го года марта по 27-е число, учинено священно-церковно-служителямъ свѣтскими персонами и другими людьми обидъ, и какия кому именно, и куда о томъ представлено, и что на оное въ отвѣтъ получено, о томъ значить ниже сего.

Прошлаго 1769-го году по слѣдственному дѣлу оказался жительствующей въ городѣ Усмани, въ приходѣ Николаевской церкви, священника Матвея Филипова, Елецкой купецъ Иванъ Поликарповъ сынъ Смыковъ въ боѣ реченнаго священника Филипа, которой того году, апрѣля 22-го дня, то есть, на Святой недѣли, былъ у него, Смыкова, со святыми иконы; и по консисторскому приговору, апробованному

Его Преосвященствомъ, велѣно о учиненіи оному купцу Смыкову достойнаго по законамъ наказанія сообщить, и сообщено, въ Воронежской Губернской Магистратъ 774-го года, генваря 27; а марта 8-го числа того жъ году промеморіею изъ оного Магистрата указомъ велѣно оное наказаніе учинить по законамъ безъ всякаго упущенія въ самой скорости Елецкому Магистрату: токмо учинено-ль, въ Консistorіи неизвѣстно.

Того же 1769-го году, марта 20-го дня, поданнымъ Его Преосвященству Битюцкаго уѣзду, села Коршева, попъ Алексѣй доношеніемъ объявилъ, что того жъ году, генваря 8-го дня, имѣлся онъ съ Честнымъ Крестомъ и освященною Богоявленскою водою въ приходѣ; и какъ-де того жъ села дворцовыя крестьяне: Петръ Ивановъ з дѣтми и со многолюдствомъ стали имѣвшася при немъ, попѣ, сына ево Мирона танцить для увоза незнаемо куда, то при защищеніи имъ попомъ того сына своего оные люди, не смотря на Честный Крестъ и освященную воду, ругались имъ попомъ и называли всякими скверными и непотребными словами; по которому доношенію, и по резолюціи Его Преосвященства того жъ году, мая 26-го дня, сообщено въ Воронежскую Губернскую Канцелярію, съ тѣмъ, чтобъ благоволила онымъ людямъ обиды реченному попу з дѣтми чинить запретить и скорое рѣшеніе учинить; токмо какое опредѣленіе во оной Губернской Канцеляріи послѣдовало, въ Консistorіи неизвѣстно.

Того жъ 1769-го года, августа 10 дня, присланнымъ въ Консistorію изъ Елецкаго Духовнаго Правленія, по поданному въ то Правленіе города Ельца совокупленной при соборѣ Архангельской Церкви, что вънутри города, священника Якова Афоніева сына Казмина доношенію, доношеніемъ объявлено, что того жъ города Ельца, Стрѣлцкой слободы однодворческой выборной Василей Бородинъ, староста Афанасей Колчевъ, однодворцы: Туленевъ, онъ же Панковъ, Александръ, Никита, Козма Оборотовы, Иванъ, Дмитрей Милнековы, Архипъ, Игнатъ Ишковы, Михайла, Тимофей Бородины, Степанъ Семенихинъ, Василей Голубевъ, Логинъ, Иванъ, Анисимъ Холезевы, Иванъ Богомолловъ, Гаврила, Евстратъ Калчевы, Назаръ Лопыхинъ, Ефимъ Лотаревъ, оного священника Якова, ѣдушаго изъ своего сѣнокосу, у рѣки Сосны, близъ мосту, били смертно и немилостиво, таскали за волосы и топтали upsetки, и егда бъ не прилучились сторонніе люди, то бъ они однодворцы, будучи въ злодѣйствѣ, едва бъ живаго оставили, и при томъ грабежемъ брали у него трехъ лошадей, изъ коихъ одна съ упрежью, шапку вишневою, кожу говяжью, платокъ, шесть косъ, два топора,

складной малинкой перочинной ножикъ; и потомъ, связавъ ему руки назадъ, привели въ тое слободу, гдѣ держали много время, и паки били въ лицо немилосливо, и положи на ево роспуски, связаннаго привезли въ Елецкую Провинціальную Канцелярію, въ коей іюля съ 6-го по 16-е число содержался подъ карауломъ въ превеликомъ утѣшеніи, гдѣ на немъ, по челобитью ево, и боевые знаки осматриваны и описаны, и по оному доношенію Консисторіею опредѣлено въ Воронежскую Губернскую Канцелярію сообщить промеморіею требовать, дабы благоволила о показанномъ, реченнаго священника Якова, однодворцами боѣ, города Воронежа Воскресенской церкви при священникѣ Яковѣ Ешковѣ изслѣдовавъ, съ винными учинить по законамъ, и что учинено будетъ, Консисторію увѣдомить: точію что съ вышеписанными однодворцами въ той Губернской Канцеляріи учинено, въ Консисторію по нынѣ извѣстія не прислано.

Того жъ 769 и 770 годовъ по поданнымъ Его Преосвященству города Коротояка Николаевской церкви отъ попа Тимофея Михайлова, въ приходѣ къ нему въ домъ, города Коротояка питейнаго дому прапорщикомъ Леонтьемъ Житковымъ и цѣловальники и въ чиненіи ими оному попу побой и въ грабежѣ церковныхъ денегъ и якобы въ вынетіи у него, попа, въ домѣ съ корчемнымъ виномъ боченка, доношеніемъ а по резолюціямъ Его Преосвященства сообщено въ Воронежскую Губернскую Канцелярію промеморіями, по которымъ въ той Губернской Канцеляріи, какъ прислано изъ оной промеморіею объявлено, опредѣлено о томъ слѣдовать Коротояцкой Воеводской Канцеляріи, токмо то слѣдствіе произведено-ль и рѣшеніе какое учинено-ль, въ Консисторіи неизвѣстно.

1770-го года, маія 3 дня, по поданному Его Преосвященству Битюцкаго уѣзду, села Тишанки, отъ священника Іеремія Яковлева, во взятьѣ ево, попа, съ сыномъ и з дворовымъ человѣкомъ, за то, что якобы тотъ ево, попа, дворовой человѣкъ захваченъ въ питейномъ мѣстѣ въ питьѣ, безъ вѣдома ихъ (?), вина, и въ отвозѣ ихъ скованныхъ въ слободу Бобровскую къ повѣренному Воронежскому купцу Ивану Мигунову, и въ держаніи имъ, Мигуновымъ, ихъ въ цѣпѣ и желѣзахъ, и въ грабежѣ у него, попа, денегъ, лошадей, рясы и протчаго, а реченнаго двороваго человѣка въ отдачѣ имъ, Мигуновымъ, Битюцкихъ сель Стряпчему Дугину, и во взятьѣ за него отъ него, Дугина, имъ Мигуновымъ денегъ, доношенію: а по резолюціи Его Преосвященства сообщено къ господину бывшему Генераль-Маіору (что нынѣ-Порутчикъ) и здѣшнему Губернатору Маслову съ тѣмъ,

чтобъ благоволилъ приказать вышеписаннымъ: Дугину—объявленнаго двороваго человѣка отпустить къ попу въ домъ по-прежнему, а Мигунову—взятая лошадь, рясу и прочая забранное отдать неудержно, съ нимъ же, Мигуновымъ, за держаніе ево, поца, въ цѣпѣ и желѣзахъ учинить по законамъ, и что учинено будетъ Его Преосвященство увѣдомить, токмо такового увѣдомленія не прислано.

Того жъ 770 году, маія 13 дня, поданнымъ Его Преосвященству села Неяки Николаевской церкви пономарь Никита Макаровъ доношеніемъ объявля, что здѣшней плацъ-маіоръ Селявинъ, якобы за брань имъ, пономаремъ, сержанта, билъ кошками; и по резолюціи Его Преосвященства сообщено къ господину Генералъ-Маіору и здѣшнему коменданту Гревсу съ тѣмъ, чтобъ оного Селявина, поступокъ безъ разсмотрѣнія, а пономаря за бой безъ удовольствія не оставить, а присланнымъ отъ оного Господина Каменданта сообщеніемъ объявлено, что о не штрафованіи впредъ ни за какія вины церковно-служителей, о томъ ему, господину плацъ-маіору, ордеромъ предложено, а о удовольствіи пономоря ничего не объявлено.

Того жъ 1770-го года, іюня 10 дня, поданнымъ Его Преосвященству Усердскаго уѣзду. села Веретенникова, Петропавловской церкви, отъ священника Ивана Анисимова доношеніемъ объявлено, что дѣлавшей во оную церковь иконостасъ рѣзчикъ Усердскаго уѣзду, вотчинной слободы Алексѣевки, подданной черкашенинъ Степанъ Шкадоновъ съ работникомъ своимъ, незнаемо какимъ человѣкомъ, за выговоръ имъ, попомъ, у осмотрѣнной въ иконостасѣ неисправности, таскали за волоса и ободрали голову; и по резолюціи Его Преосвященства велѣно, куда надлежить, о изслѣдованіи сообщить; почему о учиненіи того слѣдствія въ Усердскую Воеводскую Канцелярію указъ посланъ іюня 21-го дня, того жъ году; токмо оное слѣдствіе произведено-ль и какое рѣшеніе учинено-ль, въ Консistorіи извѣстія не имѣется.

Того жъ 770-го года, сентября 16 дня, поданнымъ Его Преосвященству Елецкаго уѣзду, Засосенскаго стану, села Ревца. Покровской церкви, пономарь Григорей Ильинъ доношеніемъ объявилъ, что тогожъ села помѣщикъ Осипъ Ивановъ сынъ Кожинъ, призвавъ, въ домъ своемъ предъ палатами билъ ево пономаря своими людьми въ двѣ палки, и волочили по землѣ за волосы немилосердно, отъ котораго на спинѣ немалые боевые знаки значатся, и при томъ у лѣвой руки, между пальцами пясть перервали на двое, что и по осмотру Конси-

сторескому оказалось, и о томъ боѣ о изслѣдованіи и о учиненіи по законамъ отъ Его Превосвященства сообщено къ здѣшнему Господину Губернатору Маслову; на которое сообщеніе отъ него Господина Губернатора присланнымъ сообщеніемъ объявлено, о разсмотрѣніи—гдѣ и о поступленіи по законамъ, о боѣ означеннаго пономаря Ильина показаннымъ помѣщикомъ Кожинымъ, предложено отъ него въ Елецкую Провинціальную Канцелярію съ тѣмъ, что учинено будетъ, о томъ къ нему Господину Губернатору и къ Его Преосвященству репортовать; точію еще репортовано.

1771-го года, апрѣля 29 дня, поданнымъ Его Преосвященству, Ефремовскаго уѣзду, села Полевыхъ Лакотцовъ, священникъ Пахомій Михайловъ доношеніемъ объявля, онаго жъ де села помѣщика маіорша Бегичева, по чинимому, противъ поданныхъ отъ него попа Пахомія и отъ товарища ево, попа Никиты, доношеніевъ, слѣдствію, въ завладѣніи ею помѣщицею церковной ихъ земли и въ порубкѣ лѣсу, винною хотя-де и нашлась, и дабы она впередъ того землею не владѣла и лѣсъ не рубила, изъ Консисторіи къ ней помѣщицѣ указъ, а въ Губернскую Канцелярію промеморія и посланы, точію-де оная, не взирая на то, какъ лѣсъ вырубилъ, такъ и землею владѣть, а староста ея Никифоръ, собравшись со всѣми оной Бегичевой крестьяны, вышеописаннаго 771 года, марта 27 дня, то есть, на Святую Пасху, въ домъ къ одиодворцу Леону Шляпину, у коего оной поць Пахомій служилъ молебень, напалъ на него поца Пахомія, ухватя за волосы, таскали и били дубьемъ немилостиво, и разбили руку до крови, отъ котораго-де бою тою рукою и не владѣлъ болѣе недѣли, да и нынѣ владѣть съ великою нуждою,—просилъ о защищеніи; и по резолюціи Его Преосвященства велѣно сообщить вторично съ требованіемъ резолюціи и сообщено въ Воронежскую Губернскую Канцелярію тогожъ года, іюля 18 дня; токмо что по той промеморіи учинено въ Консисторію изъ оной Губернской Канцеляріи звать не дано.

Того жъ 1771 года, іюня 24 дня, поданнымъ Его Преосвященству города Коротояка умершаго діакона Семена Сидорова жена, вдова Настасья Аввакумова доношеніемъ объявила, что сына ея Семена Коротояцкой Воеводской Канцеляріи копейистъ Петръ Останковъ дверною запоркою билъ маія 3, а 11 числа тотъ ея сынъ Семень умре; и по резолюціи Его Преосвященства, посланнымъ въ Коротояцкую Воеводскую Канцелярію указомъ велѣно слѣдовать; а въ той Канцеляріи (какъ присланнымъ октября 7-го дня того жъ году рапортомъ объявлено), опредѣлено, за силу прописанныхъ въ томъ рапортѣ указовъ,

оной вдовѣ съ тѣмъ копейстомъ въ боѣ сына ее вѣдаться судомъ; что оной вдовѣ въ той Канцеляріи и объявлено.

Того жъ 1771-го года, сентября 27 дня, поданнымъ Его Преосвященству Усмонскаго уѣзду, села Алховки, Покровской церкви отъ попа Архипа Герасимова доношеніемъ объявлено, что живущей того жъ уѣзду въ селѣ Красномъ помѣщикъ Иванъ Петровъ сынъ Кутлуининъ з двома челоѣки таскалъ ево, попа, за волоса и билъ пингами и палачьемъ, и при томъ отбилъ собранныхъ имъ, попомъ, на здѣшнюю Соборную церковь денегъ семь рублей тритцать пять копѣекъ, да собственные ево, попа, денги жъ и три кафтана и прочее; и по резолюціи Его Преосвященства того жъ году, октября 4-го дня, сообщено къ здѣшнему господину Губернатору Маслову съ тѣмъ, чтобъ объ ономъ изслѣдовать, и если оной Кутлуининъ въ ономъ окажется виновнымъ, то церковныя денги, взыскавъ, прислать къ Его Преосвященству, а съ нимъ Кутлуининымъ за оной ево поступокъ, обиженному удовольствіе учинить по законамъ, и какое опредѣленіе послѣдуетъ, Его Преосвященству увѣдомить; и увѣдомлено присланнымъ отъ господина Губернатора, ноября 5-го дня, сообщеніемъ, что о томъ слѣдовать опредѣлено Усмонской Воеводской Канцеляріи; токмо что въ той Канцеляріи учинено, въ Консисторіи извѣстія не имѣется.

Минувшаго генваря, 19-го дня, 1772-го года, присланнымъ къ Его Преосвященству Паеловское Духовное Правленіе доношеніемъ представило, что дворцовой Лосевой слободы Управитель Камисаръ Андрей Мамотхулинъ, будучи той слободы, въ Успенской церкви въ обѣдни, и, вышель изъ оной, дождавшись той церкви священниковъ: Алексѣя Тихонова, Максима Емельянова, Елисея Никитина, близъ паперти, изъ нихъ означеннаго Алексѣя ругалъ превсенародно, при бывшихъ въ то время людяхъ, челоѣкъ до сту, называлъ ево каналією, шельмою и всякими скверными словами, а потомъ и всѣхъ ихъ священниковъ называлъ церковными ворами, и, бросясь, ухватилъ означеннаго попа Алексѣя (кой въ тотъ день служилъ литургію) за бороду, рвалъ немилосердно, отъ котораго бою едва могли ево высвободить обыватели; по которому доношенію, а по Консисторскому приговору, апробованному Его Преосвященствомъ, о учиненіи съ реченымъ Управителемъ за ругательство вышеписанныхъ священниковъ, а одного изъ нихъ Алексѣя, и за бой по законамъ сообщено къ здѣшнему господину Губернатору Маслову и въ главную Дворцовую Канцелярію; токмо на оныя сообщенія въ отвѣтъ ничего не получено.

Того жъ 1772-го года, марта 9 дня, поданнымъ Его Преосвященству города Орлова приходской Богоявленской церкви діаконъ Матѳей Ефремовъ доношеніемъ объявля, что де ево, діакона Матѳея, отставной прапорщикъ Андроникъ Андрониковъ сынъ Паренаго билъ того жъ марта 4-го во оной Богоявленской церкви, по отпѣніи перваго часа; и по резолюціи Его Преосвященства, къ Его Превосходительству господину Генераль-порутчику, кавалеру и Воронежской губерніи Губернатору Алексѣю Михайловичу Маслову о изслѣдованіи о вышеписанномъ, кому должно, того жъ марта 13-го отъ Его Превосвященства сообщено, на которое сообщеніе того жъ марта 24 числа къ Его Преосвященству отъ Его Превосходительства сообщеніемъ объявлено, что-де Орловской Воеводской Канцеляріи отъ Его Превосходительства предложено съ отставнымъ прапорщикомъ Андроникомъ Пареновымъ въ боѣ, города Орлова Богоявленской церкви діакона, Матѳея Ефремова изслѣдовавъ учинить по законамъ рѣшеніе безъ продолженія и каково послѣдуетъ, къ Его Превосходительству прислать рапортъ.

Того жъ 1772-го года, марта 20-го дня, поданнымъ въ Консисторію Ливенскаго уѣзду, Затруцкаго стану, села Ровнеца, Георгіевской церкви, діаконъ Александръ Автамоновъ доношеніемъ, между прочаго, объявилъ, что-де прошлаго 1771-го года, октября 3-го дня, оною ихъ села однодворца Гаврилы Глушкова сынъ Савва, будучи того жъ стану въ селѣ Рѣчицы, въ коемъ онъ, діаконъ, имѣлся для своей нужды, и шель по проулку въ домъ священника Евстратія, усмотря ево, діакона, по имѣющейся съ помянутымъ отцомъ ево Гаврилою за взятыя въ домъ ево діаконъ съ хлѣба оною Гаврилою коровъ злобѣ, собравъ находящихся въ томъ селѣ помѣщика Александръ Васильева сына Демидова крестьянъ, человекъ до десяти и болѣе, били ево немилосердо, а потомъ и сверхъ того чинены ему діакону онымъ Гаврилою обиды и озлобленія, по которому доношенію Консисторіею опредѣлено Ливинской Воеводской Канцеляріи за бой и озлобленія вышеписаннаго діакона Александра съ показанными однодворцами Гаврилою и Савою Глушковыми поступить по законамъ и о томъ съ приложеніемъ съ вышеобъявленнаго поданнаго отъ оною діакона доношенія въ ту Ливинскую Канцелярію послать и послалъ указъ, а въ Воронежскую Губернскую Канцелярію сообщить промеморію и требовать, дабы благоволила о скорѣйшемъ съ вышереченными однодворцами по законамъ поступленіи и о томъ о присылкѣ въ Консисторію репорта означенной Ливенской Канцеляріи подтвердить, и когда подтверждено будетъ Консисторію увѣдомить; о чемъ въ ту Губернскую Канцелярію и сообщено.

Того жъ 1772-го года, генваря 31-го дня, по поданнымъ Его Преосвященству города Коротояка Дмитріевской церкви отъ священника Сергія, да отъ діакона Андрея Сергѣева въ построеніи на старинномъ оной церкви церковномъ мѣстѣ Коротояцкой Воеводской Канцеляріи канцеляристомъ Петромъ Леонтьевымъ, двора, и въ боѣ имъ канцеляристомъ реченнаго священника и въ ругательствѣ, доношеніемъ; а по резолюціямъ Его Преосвященства марта 13 дня сообщено отъ Его Преосвященства къ господину Губернатору съ тѣмъ чтобъ со онымъ канцеляристомъ за боѣ священника и за обруганіе священства поступить по законамъ, а хоромное строеніе церковнаго мѣста снести, и о томъ бы, куда надлежитъ, предложить, и когда предложено будетъ, Его Преосвященство увѣдомить; токмо таково увѣдомленія еще не прислано, и что учинено извѣстія въ Консистеріи не имѣется.

Синодъ, получивши это второе доношеніе еп. Тихона, почель себя вынужденнымъ дать дѣлу дальнѣйшее движеніе. Отмалчиваться было уже невозможно: такъ ярка была картина, нарисованная еп. Тихономъ. 23 сентября 1772 года Святѣйшій Синодъ препроводилъ въ Сенатъ *вдѣльнѣ*, въ которомъ, изложивъ полученныя имъ доношенія епископа Тихона, сообщалъ Сенату состоявшееся по сему случаю опредѣленіе Синода, слѣдующаго содержания. „Святѣйшій Правительствующій Синодъ приказали: въ Правительствующій Сенатъ со оныхъ преложений сообщить при вѣдѣніи копіи (и сообщаются при семъ), съ тѣмъ, чтобъ благоволено было, какъ о причиненныхъ свѣтскими духовнаго чина людямъ обидахъ приказать, на основаніи прежняго Правительствующаго Сената опредѣленія, изслѣдовать и обиженнымъ въ справедливости доставить удовольствіе, такъ и о томъ, для чего сообщеніи Воронежской Консистеріи въ свѣтскихъ командахъ остаются безъ всякаго производства и тѣмъ дѣлается поводъ къ продолженію утѣсеній къ духовнымъ, учинить разсмотрѣніе“.

Получивъ это „вѣдѣніе“, Сенатъ не счель нужнымъ спѣшить съ его разсмотрѣніемъ. Онъ заслушалъ его только 10 декабря. Состоявшееся по этому поводу опредѣленіе Сената было уже подписано. Но приведеніе въ исполненіе этого опредѣленія было задержано по протесту генераль-прокурора кн. Вяземскаго. 9-го января 1773 года въ засѣданіи Сената онъ сдѣлалъ слѣдующее предложеніе:

„По подписанному приговору, въ слѣдствіе данной въ 10-й день декабря 1772 года резолюціи, коею велѣно, чтобъ господинъ Воронеж-

скій Губернаторъ впредь по сообщеніямъ изъ тамошней Духовной Консисторіи о случающихся до защищенія духовныхъ персонъ слѣдствіи производилъ безъ продолженія времени. Но какъ легко статья можетъ, что и такія случаи встрѣтятся могутъ, что не будутъ заслуживать уваженія, по оныхъ входитъ въ слѣдствіи; и для того, не соизволить-ли Правительствующій Сенатъ приказать въ томъ опредѣленіи пополнить: чтобъ господинъ Губернаторъ сперва разсматривалъ приносимыя ему жалобы, и смотря по важности оныхъ приступалъ бы къ начатію слѣдствій, а при томъ и Правительствующему Сенату давалъ бы о томъ увѣдомленіе. Приказали: быть по предложенію господина генераль-прокурора и кавалера“.

Какъ видно изъ приведеннаго предложенія г. генераль-прокурора, первоначально Сенатъ безъ всякихъ оговорокъ пошелъ на встрѣчу желаніямъ Синода. Но кн. Вяземскій въ такомъ опредѣленіи Сената усмотрѣлъ опасность установленія нѣкоторой зависимости мѣстной свѣтской власти отъ власти духовной. Это шло въ разрѣзъ съ тѣмъ взглядомъ, который устанавливался въ это время на взаимныя отношенія власти свѣтской и духовной. А потому онъ и внесъ выше названное опредѣленіе, устанавливающее совершенно обратное взаимоотношеніе власти свѣтской къ духовной.

Въ соотвѣтствіе съ принятаго предложенія было составлено слѣдующее опредѣленіе: „со всѣхъ тѣхъ приложений отослать копія къ Воронежскому Губернатору генераль-поручику и кавалеру Маслову при указѣ съ тѣмъ, чтобы онъ, губернаторъ, о показанныхъ причиненныхъ священно-церковно-служителямъ отъ разныхъ свѣтскихъ людей обидахъ, во-первыхъ, разобравъ приносимыя о томъ жалобы, и смотря по важности оныхъ въ силу Правительствующаго Сената 1744 октября 10 и 1769 годовъ апрѣля 15 чиселъ указовъ приказалъ, чрезъ кого надлежитъ, безъ замедленія изслѣдовать и потомъ доставилъ бы обиженнымъ въ силѣ законовъ безъ волокитное удовольствіе, и въ тожь время въ Сенатъ репортовать. О чемъ и Святѣйшему Синоду дать знать вѣднѣемъ. А по прежде учиненному о томъ же 1772 года декабря 10 дня и подписанному опредѣленію исполненія не чинить и хранить его у протопопа“.

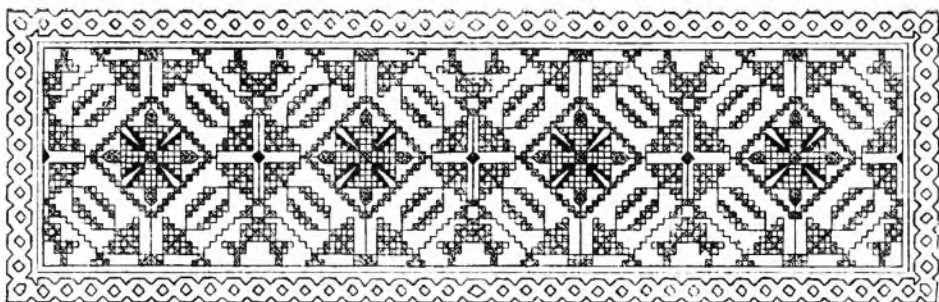
Это опредѣленіе Сената было исполнено въ точности. 21 января былъ посланъ соотвѣтствующій указъ г. Воронежскому Генераль-Губернатору, тогда же было отправлено и вѣдніе Синоду.

Указъ Сената Воронежскій Губернаторъ получилъ 5-го февраля, о чемъ извѣстилъ въ Сенатъ 7 февраля.

Но что сдѣлалъ онъ во исполненіе этого указа—изъ дѣла не видно.

Н. Г. Высоцкій.

К Р И С Т И Н Ъ

1815-й годъ.

Москва, Среда 21 Апрѣля.

Мнѣ было грустно читать ваше № 15, дорогая княжна, видя, какъ Васъ опечалило извѣстіе о бѣдной m-me Эверсъ. И я еще болѣе раскаиваюсь въ томъ, что передалъ Вамъ ея слова о 1-мъ Апрѣля, объясненіе которыхъ нахожу въ Вашемъ письмѣ къ ней. Почему Вы не обратились ко мнѣ относительно этой третной уплаты; съ удовольствіемъ выдалъ бы сумму впередъ отъ Вашего имени, и бѣдняжка повѣрила бы мнѣ. Я зналъ, что Вы оплачиваете половину квартиры и жалованія прислугѣ, но не зналъ о уплатѣ по третямъ. Но будьте увѣрены, что она не терпѣла недостатка въ уходѣ и ни въ чемъ иномъ. У мужа ея всегда бывали деньги, но Ване обѣщаніе остаться для него тѣмъ же, чѣмъ Вы были для жены, послужило бы утѣшеніемъ для бѣдной умирающей, до послѣдней минуты не перестававшей просить меня, чтобъ я не оставилъ достойнаго старика. Она унесла въ лучшій міръ твердую увѣренность, что его не оставятъ: я это обѣщалъ ей отъ Вашего имени и отъ себя.

Вчера утромъ, — во вторникъ въ полдень — я по обыкновенію навѣстилъ ее; у нея руки похолодѣли, и на лбу выступилъ холодный потъ. Я пригласилъ доктора, который успокоилъ меня, говоря, что она проживетъ по крайней мѣрѣ еще сутки. Я оставался у нея долго. Она была въ полной памяти, но говорила съ трудомъ. Я спросилъ ее, не желаетъ ли она чего-нибудь? Она отвѣтила, что чувствуетъ близость смерти, благословляетъ меня и проситъ передать Вамъ, что очень любитъ Васъ, поручаетъ Вамъ мужа и молится за Васъ и за

меня. Я далъ ей выпить вина и съѣсть желе, чтобы подкрѣпить ее; она проглотила, чтобы не огорчить меня, и пожала мнѣ руку. Я ушелъ, пообѣщавъ зайти послѣ обѣда; но не успѣлъ дойти до воротъ, какъ она скончалась безъ судорогъ и страданій.

Шесть часовъ спустя пришло Ваше письмо, и мужъ, заливаясь слезами, прочелъ его у гроба этой прекрасной женщины. Онъ очень достойный человѣкъ; онъ поручилъ мнѣ благодарить Васъ. Бѣдный старикъ не можетъ писать въ данную минуту; сегодня утромъ его лихорадило, и сомнѣваюсь, чтобы онъ на долго пережилъ жену. Эти три бессонныя недѣли, вмѣстѣ съ тревогой, истощили остатокъ его силъ.

10 дней тому назадъ г-жа Эверсъ сказала мнѣ, что завѣщала мнѣ золотой ящичекъ. Я отвѣтилъ тогда то, что можно было сказать въ такомъ случаѣ; и думая, что я отказываюсь, она умоляла принять его изъ ея же рукъ. Я видѣлъ, что обижу ее отказомъ и взялъ: а сегодня утромъ передалъ ящичекъ отъ имени умершей доктору Лонэ, которой въ продолженіе 3 мѣсяцевъ послѣ отъѣзда Оберга и лѣчилъ ее и перевязывалъ ей руки съ величайшимъ вниманіемъ. Однако я при передачѣ спросилъ мнѣнія и согласія г. Эверса, которому выплачу стоимость шкатулки. Я далъ награду служанкѣ, очень хорошо державшей себя, и вообще сдѣлалъ все, что надо было сдѣлать въ данномъ случаѣ. Увѣряю Васъ, что благодаренъ Вамъ за знакомство съ этими прекрасными людьми, примѣръ которыхъ долженъ служить руководствомъ въ жизни, а смерть достойна подражанія. Какую прекрасную душу имѣла эта женщина, и съ какимъ спокойствіемъ и вѣрой предала ее Богу; какая невинность, какая простота, какое великое и трогательное зрѣлище такая кончина праведника, не мучимаго никакими воспомннаніями! Оно утѣшаетъ и поддерживаетъ. Я буду заботиться о старикѣ; не думайте только, чтобы я приписывалъ себѣ заслугу этого намѣренія. Во первыхъ, я люблю этого человѣка, во вторыхъ, чувствую, что стану ухаживать за нимъ изъ эгоизма: чтобы заслужить чью нибудь заботу, когда придетъ моя очередь, ибо величайшее опасеніе моей жизни—состариться въ одиночествѣ, покинутымъ всѣми. Я уже не молодъ; я иностранецъ, одинокій, безъ родныхъ въ этой странѣ. Пока у меня есть ноги, чтобы отыскивать знакомыхъ, ихъ находится сколько угодно; но если случится стать калѣкой... Кто вспомнитъ обо мнѣ уже черезъ шесть недѣль? Заинтересованные слуги, какая нибудь добрая христіанская душа—вотъ все, на что я могу надѣяться, и эта перспектива заставляетъ меня заботиться о тѣхъ, кто находится въ

моемъ положеніи. Какъ видите, заслуга съ моей стороны не велика. Пишу Вамъ сегодня вечеромъ потому, что завтра утромъ надо отдать послѣдній долгъ м-ше Эверсъ. У мужа нѣтъ силъ для всѣхъ этихъ хлопотъ.

Я уже не жду ничего хорошаго отъ Франціи, не рассчитываю ни на какое либо усиліе роялистовъ, ни на гражданскую войну; но возлагаю большія надежды на виѣшнія силы, если державы будутъ продолжать дѣйствовать согласно. Между тѣмъ—какого результата можно ждать, если тѣ же неспособные или коварные совѣтники, подготовлявшіе эту послѣднюю революцію, опять стануть управлять общественными дѣлами!

Княжна Туркестанова.

С. Петербургъ, 19 Апрѣля.

Генераль-адъютантъ князь Волконскій пишетъ сюда Вязьмитинову, что весь югъ Франціи стоятъ за короля, что роялистовъ уже собралось до 150 тысячъ человекъ, что герцогъ Ангулемскій идетъ форсированнымъ маршемъ на Гренобль и Лионъ. Въ другихъ письмахъ изъ Вѣны, отправленныхъ послѣ этого, написанаго 5 Апрѣля стараго стиля, даже говорится о взятіи этого города. Герцогъ Ангулемскій командуетъ центромъ, Сень-Сиръ и Дама—двумя фланговыми корпусами.

Массена разстрѣлянь 25, только не знаю, кѣмъ; но фактъ, что его нѣтъ на свѣтѣ. Онъ можетъ послужить примѣромъ прочимъ маршаламъ-пзмѣнникамъ. Есть также очень интересныя подробности о герцогинѣ Ангулемской, державшей себя какъ героиня. 80 тысячъ испанцевъ вступили во Францію и больше всего прочаго повліяли на нерѣшительныхъ.

Такимъ образомъ, храбрая испанская нація еще разъ дала толчекъ поддержкѣ праваго дѣла. Въ Гренобль существуютъ три рѣзко разграниченныя партіи, отличающіяся кокардами бѣлой и трехцвѣтной, и красными колпаками. Во главѣ послѣдней стоитъ генераль Груши. Бонапартъ показывается мало и почти не покидаетъ Тюилери; аресты продолжаются; всѣ тюрьмы полны, отданъ приказъ, запрещающій приближаться ближе чѣмъ на 30 лье къ Парижу всѣмъ, служившимъ королю. Если бы королю пришла счастливая мысль принять подобную мѣру противъ всѣмъ извѣстныхъ агентовъ Бонапарта, можетъ быть, дѣло не дошло бы до настоящаго положенія вещей.

Появился австрійскій манифестъ противъ Мюрата; въ немъ перечислены все его вины; не понимаю, почему съ его стороны ожидали иного поведенія? Дерутся въ Тосканѣ и на По. Разсказываютъ, что Веллингтонъ, прощаясь съ Государемъ, говорилъ, что не знаетъ, будетъ ли имѣть успѣхъ въ наступательной войнѣ, но убѣжденъ, что Бонапарту не удастся его вытѣснить изъ Голландіи раньше трехъ лѣтъ. Срокъ нѣсколько отдаленный, но слова успокоительныя въ устахъ такого человѣка, какъ Веллингтонъ. Герцогъ Ришелье, находящійся въ Вѣнѣ, будетъ сопровождать Государя. Этимъ и исчерпываются мои новости.

Кристинь.

Москва. 26 Апрѣля.

Какъ жаль, дорогая княжна, что я не могу довѣрять извѣстіямъ, сообщаемымъ княземъ Волконскимъ г-ну Вязмитинову! Онѣ могли бы порадовать и обнадежить меня, но, увы. эти новости не подтверждаются письмами изъ Вѣны отъ 8/20 Апрѣля, прибывшими съ курьеромъ. Онѣ даже опровергаются, и наиболѣе осведомленные люди увѣрили, что весь югъ Франціи покорился игу чудовища, и что герцогъ и герцогиня Ангулемскіе принуждены были сѣсть на корабль. Лично я вѣрю всему этому гораздо больше, чѣмъ энергическимъ усиліямъ націи утомленной и неподвижной, зависящей отъ каприза арміи и лично неспособной ни на какое доблестное дѣло. Я жду хорошихъ результатовъ только отъ союзныхъ армій: нуженъ крестовый походъ, чтобы обуздать этихъ разбойниковъ и вождей. хорошо понимающихъ, что для нихъ одно спасеніе—побѣда, и готовыхъ биться или умереть. Однако при сохраненіи всеобщаго согласія можно будетъ справиться съ этой Франціей, и, надѣюсь, теперь потребуютъ другихъ залоговъ въ ея спокойствіи, чѣмъ тѣ, какими пытались удовольствоваться въ 1814 г. Но, повѣрьте, первымъ и наиболѣе важнымъ изъ этихъ залоговъ будетъ скипетръ въ рукахъ законнаго короля. На этомъ основаніи покоится наследственность всехъ престоловъ въ царствующихъ династіяхъ.

Такъ какъ графъ Марковъ не можетъ ѣхать въ Ниццу, онъ везетъ дочь въ Баденъ близъ Вѣны, гдѣ она будетъ пользоваться ваннами, и они ѣдутъ немедленно. Скажите мнѣ, выступитъ ли гвардія. да или нѣтъ; это вопросъ занимающій здѣсь всехъ на основаніи получаемыхъ извѣстій.

Прадель и г. Апраксинъ прервали меня, чтобы сообщить хорошія вѣсти Волконскаго, которымъ я не вѣрю, но которыя полиція печатаетъ и раздаетъ въ видѣ бюллетеней.

Княжна Туркестанова.

С. Петербургъ, 20 Апрѣля.

Не писала Вамъ на прошедшей недѣлѣ, такъ какъ не могла сообщить ничего особеннаго. Раздумавъ хорошенько, я не хочу писать вамъ больше слуховъ, которые ходятъ здѣсь, потому что все пустяки: нѣтъ ни слова правды во всѣхъ прекрасныхъ вещахъ, сообщенныхъ Вязмитинову и полученныхъ въ Пасхальную ночь. Вы, напротивъ, знаете все, что случилось съ герцогомъ Ангулемскимъ, и что во Франціи не осталось ни одного Бурбона. Людовикъ XVIII видѣлъ сонъ, да и то не изъ особенно пріятныхъ. Последній номеръ Монитежа очень любопытенъ; вы прочтете тамъ рапортъ Коленкура и еще другую замѣтку, очевидно разъясняющіе договоръ, заключенный въ Фонтенебло между союзниками и Бонапарте.

Объ отказѣ аббату здѣсь сообщилъ Сенъ-При; онъ передалъ извѣстіе госпожѣ Гурьевой, не называя васъ, и г-жѣ Тутолминой у княгини Voldemar, говоря, что графъ былъ очень недоволенъ имъ; что онъ ихъ не разлучалъ, но что г. Кристианъ добился этого отказа во время своего путешествія въ Подольскую губернію. Я его прервала, чтобы не продолжать разговора, и на томъ все кончилось.

Вы, однако, напрасно заподозрили бы г. С.-При въ желаніи повредить вамъ: вовсе нѣтъ; онъ сказалъ это такъ, мимоходомъ, и мнѣ кажется, г-жа де Нуазевиль преувеличила вину. Что я говорю вамъ—чистѣйшая правда: на слѣдующее утро я заговорила объ томъ съ г. С.-При, и его отзовы о васъ вовсе не враждебны, и поэтому прошу васъ мысленно примириться съ нимъ. Пока же скажу вамъ, что ни я, ни г-жа де Нуазевиль, ни княгиня Борисъ не говорила объ этой исторіи во всеуслышаніе: только мы трое посвящены въ Лeticевскую исторію.

Въ прошедшій понедѣльникъ я обѣдала у г-жи Новосильцевой, гдѣ встрѣтила г-жу Тутолмину, которая, взявъ меня подъ руку, стала спрашивать объ отказѣ аббату: она замѣтила, что я оборвала разговоръ съ С.-При, когда онъ повелъ его на эту тему. Я отвѣтила, что г. Марковъ давно жаловался на аббата, но что мнѣ не извѣстно, какъ они разстались. Она, въ свою очередь, сказала, что были исторіи, о которыхъ я должна знать. „Правда, я кое-что слышала,—возразила я,—но не могу удовлетворить вашему любопытству,

потому что не желаю компрометировать лицъ, съ которыми близка“. Мой отвѣтъ былъ настолько опредѣленнымъ, что г-жа Туттолмина прекратила свои вопросы, но повторила, что всегда была хорошаго мнѣнія объ аббатѣ, и это составляло предметъ споровъ между нею и ея сестрой, графиней Паниной, которая терпѣть его не могла.—И вѣроятно, не безъ причины?—„Можетъ быть,—отвѣтила она,—моя belle soeur никогда мнѣ объ этомъ не говорила, но, дѣйствительно, она не можетъ слышать его имени“. Нашъ разговоръ не пошелъ дальше. Но вчера я очень удивилась, когда г-жа Гурьева сообщила мнѣ, что получила длинное письмо отъ графа Маркова, сообщающаго ей объ отказѣ аббату и о причинахъ вызвавшихъ разрывъ. Не знаю, коснулся ли графъ нѣкоторыхъ подробностей, но могу сказать одно, что г-жа Гурьева назвала Николая, возмущалась поведеніемъ аббата и, какъ всегда склонная къ крайностямъ, выпалила, что всѣхъ іезуитовъ и аббатовъ слѣдуетъ перевѣшать. Я дала ей высказаться и, пользуясь случаемъ, замѣтила: „Разъ вы относитесь къ этому дѣлу такъ, то мнѣ жаль, что вы не могли лично судить о поведеніи Кристина. Я увѣрена, что все ваше предубѣжденіе, если вы еще имѣете его, исчезло бы. Онъ держалъ себя какъ истинный другъ Маркова и поѣхалъ въ Подолію только, чтобы доставить удовольствіе графу, потому что желанія отправляться туда у него было не больше, чѣмъ у меня“. Я увѣрена, что мои рѣчи не пропали даромъ; но больше не было сказано ничего, такъ какъ подошелъ г. Гурьевъ.

КРИСТИНЪ.

Москва, 6 Мая.

Вы видѣли изъ моего послѣдняго письма къ мадамъ де Нуазевиль, что я зналъ о письмѣ графа къ г-жѣ Гурьевой. Я не считалъ нужнымъ скрывать этого отъ г-жи де Нуазевиль, такъ какъ мнѣ кажется, что она поступила вполнѣ добросовѣстно и честно. Я увѣренъ, что она ничего не сообщаетъ княгинѣ Борисъ о сумасбродствахъ ея сына; но я считаю долгомъ доказать, что этотъ сынъ лжетъ, говоря, что онъ помирился съ г-номъ Марковымъ, и для догазательства посылаю собственноручныя письма съ просьбой, чтобы они не шли дальше рукъ г-жи де Нуазевиль и вашихъ и вернулись ко мнѣ. Изъ посылаемаго сегодня вы увидите, въ какихъ отношеніяхъ графъ былъ къ Николаю, когда онъ болѣлъ въ Каменцѣ, и убѣдитесь въ лживости увѣренія молодого человѣка, что онъ примирился. Надо судить о людяхъ по поступкамъ, а не по словамъ. Вы увидите также изъ отвѣта графа

Маркова на нѣсколько писемъ аббата, до какихъ безумствъ доходилъ несчастный, когда увидаль, что его лпцемѣріе обнаружено. Прошу Васъ сохранить эту копію, чтобы воспользоваться ею, какъ и когда Вамъ заблагоразсудится. Въ письмѣ не упоминается о Николаѣ; если оно могло бы компрометировать кого нибудь, кромѣ аббата, то, конечно, меня—въ виду заключающагося въ немъ обвиненія; но я не боюсь этого. Вѣроятно негодованіе графа достигло высшаго предѣла, если онъ написалъ это письмо. За 20 лѣтъ, въ продолженіи которыхъ я знаю его и слѣдилъ за нимъ въ его общественной и личной жизни, онъ ни разу не выражался подобнымъ языкомъ и не позволилъ себѣ высказать такого презрѣнія къ кому бы то ни было. Вы видите, что графъ не отворачивается отъ меня, какъ думала мадамъ де Наузевиль: его письмо къ ней доказываетъ то же, и я предполагаю, что она уже прочла Вамъ его.

Благодарю Васъ за Ваши старанія обо мнѣ у г-жи Гурьевой и желаю Вамъ полного успѣха; но признаюсь, что не особенно дорожуся мнѣніемъ, потому что оно не основано ни на чемъ, и это не даетъ мнѣ хорошаго понятія о положительности ея образа мыслей. Напротивъ, я очень тронута справедливостью, которую Вы мнѣ оказываете и которой я заслуживаю. Будьте увѣрены, что будущее покажетъ что такое Николай; у него голова не въ порядкѣ, это несомнѣнно; въ рукахъ фанатика онъ могъ бы превратиться въ послушное орудіе; при случаѣ изъ него можно бы выработать второго Жака Клеманъ. Надѣюсь, что теперь все сказано по этому вопросу. Напишите мнѣ, ѣдетъ ли онъ съ своимъ полкомъ: графъ мнѣ ничего не сообщаетъ объ этомъ.

Вы скоро увидите молодыхъ съ отцомъ и матерью, такъ какъ г-жа Толстая тоже ѣдетъ съ ними; но вотъ уже недѣля, какъ они все выѣзжаютъ черезъ недѣлю, и, можетъ быть, останутся здѣсь дольше чѣмъ думаютъ. Я довольно часто видалъ Гурьева, и онъ мнѣ правится, но въ нѣкоторыхъ кружкахъ принято называть его педантомъ; я не раздѣляю этого мнѣнія, увѣряю Васъ. У него много здраваго смысла, и онъ прямъ; это, безъ сомнѣнія, первыя качества въ мужчинѣ; притомъ онъ уменъ и если выражается не особенно легко, то это еще не доказательство, что онъ не сообразителенъ; далеко нѣтъ. Не знаю, правильно ли мое сужденіе о немъ. Не сомнѣваюсь, что Eudoxie будетъ очень счастлива съ нимъ; она уже любитъ его, и со времени выхода замужъ совершенно измѣнила свой тонъ. Я вчера обѣдалъ у нея просто; графиня вошла съ сіяющимъ лицомъ и изъ дверей гостиной

крикнула мнѣ: „Ахъ, милый Крестинъ, еслибъ вы знали, какое счастье обѣдать у дочери“. Ни одна свадьба не была такъ пріятна роднымъ. Вамъ бы слѣдовало посовѣтовать графу Толстому прямо отправиться въ главную квартиру, и для него и для дѣла это было бы самое лучшее; но ему не хочется, и лѣнь влечь его въ сады Троицкаго большаго, чѣмъ въ среду придворныхъ волненій.

Княжна Туркестанова.

С. Петербургъ, 4 Мая.

Я почти рѣшилась не передавать Вамъ никакихъ новостей, но дѣла въ Италіи идутъ великолѣпно, и объ этомъ есть официальное извѣстіе. Мюратъ разбитъ на всѣхъ пунктахъ; генералы Фримонтъ и Біанки отбросили неаполитанцевъ къ Анконѣ. и вся Пацская область, а также герцогство Тосканское, свободны.

Г. Литта поднялъ голову и начинаетъ надѣяться; говорили, что Мюратъ былъ принужденъ сѣсть на корабль; что сицилійцы вступили въ Неаполь; но это еще не достовѣрно. Что же касается полнаго пораженія Мюрата, это совершенная правда: Императрица сообщила намъ вчера объ этомъ на своемъ вечерѣ. Что происходитъ въ Парижѣ, объ этомъ никто ничего не знаетъ: сношеніе съ этимъ городомъ, повидимому, прервано; говорятъ, что Люсьенъ вернулся въ Швейцарію; не знаю, правда ли это; но будетъ ли онъ жить въ Швейцаріи или гдѣ въ другомъ мѣстѣ, онъ останется мошенникомъ, за которымъ надо зорко слѣдить.

Я два раза ѣздила на Каменный Островъ; все начинаетъ зеленѣть за городомъ; я люблю берега Невы и всегда выношу изъ поѣздки туда спокойное удовольствіе, которое очень цѣню. Вчера былъ великолѣпный день, г-жа Гурьева возила меня на лодкѣ къ себѣ на дачу; я отвезла Catherine къ Свистунову, гдѣ предполагаю жить. Мы выбрали себѣ комнаты, и если ничто не нарушитъ наши планы, мы, думаю, проведемъ пріятное лѣто. Гурьевы ждутъ съ нетерпѣніемъ свою невѣстку; я отъ души желаю, чтобы она имъ понравилась; ей отдѣлаютъ прелестную квартиру къ зимѣ; а пока она поселится на Каменномъ Островѣ, и у нея закружится голова, когда она очутится въ большомъ свѣтѣ. Боюсь, что ей горе отъ разлуки съ мужемъ скоро разсѣется.

КРИСТИНЬ.

Москва, 24 Мая.

Вполнѣ раздѣляю Ваше огорченіе по поводу выступленія гвардіи, лишаящаго Васъ помѣщенія на Каменномъ островѣ; вотъ Бонапартъ затронулъ и Васъ лично; нѣтъ ни одного человѣка во всей Европѣ, котораго этотъ разбойникъ не обезпокоилъ бы такъ или иначе. „Повѣсить его! Повѣсить!“—вотъ общее требованіе. Но увидите, что его не повѣсятъ. Однако, не огорчайтесь, найдете, гдѣ пристроиться, и г-жа Гурьева будетъ очень рада имѣть Васъ у себя въ домѣ для дебюта *Eudoxie*, если только ея деревенскій домъ не окажется дѣйствительно слишкомъ тѣснымъ, чтобы помѣститъ васъ и сестру. Вѣроятно не знали о выступленіи гвардіи, когда княгиня Вогіс выѣхала; иначе я посоветовала бы Вамъ четырехмѣсячное пребываніе въ Симѣ: прекрасная погода, большая экономія, многочисленное общество; а въ Сентябрѣ—возвращеніе во дворецъ и городское общество на осень и зиму. Теперь уже поздно, но, повторяю Вамъ, Вы устроитесь, и даже, думаю, что уже устроились. Г-жа де Литта, г-жа Юсупова или г-жа Гурьева—ктонибудь отзовется. Последняя мнѣ не улыбается; я помню дрова прошлой осени. Но ея сестра Литта, такая богачка, должна быть въ восторгѣ.

Графъ Марковъ пишетъ мнѣ въ двухъ письмахъ, что открытыя имъ неблаговидныя поступки со стороны Николая заставляютъ его сожалѣть о его снисхожденіи. Ложь, тайный развратъ, фанатизмъ, а по временамъ и пьянство—вотъ главныя свойства молодого князя.

Мнѣ интересно знать, какой успѣхъ имѣла молодая въ своей новой семьѣ. Вы, конечно, можете быть ей чрезвычайно полезны своими совѣтами. Совѣтъ не прыгать черезъ стулья, чтобы найти свое мѣсто, тоже не лишній здѣсь: это съ ней случилось и послѣ замужества, въ минуты веселости.

У насъ положительно голодь на новости; но онъ будетъ продолжаться не долго, и скоро мы узнаемъ, что первое столкновеніе произошло. Дай Богъ, чтобы результатъ соответствовалъ моему желанію: если между союзниками сохранится согласіе, то думаю, что мошенника скоро припрутъ къ стѣнѣ. Надѣюсь, что его уже не отправятъ на Эльбу и не сланутъ считать вождей этого разбойника за Баярдовъ, Тюренновъ, Кондэ, съ которыми можно договариваться и слову которыхъ можно

вѣрить. Не подумали о людяхъ и ихъ принципахъ и оказали почеть такимъ лицамъ, которыхъ слѣдовало уничтожить, потому что честными людьми они никогда не могли быть. Повторяю тоже о революціонерахъ, составляющихъ кабинетъ, и никогда не соглашусь, что интересы короля въ хорошихъ рукахъ, когда онъ поручаетъ ихъ Таллейрану, извѣстному только своей глубокой безнравственностью,—человѣку, начавшему вѣроотступничествомъ, измѣной королю и порядку, при которомъ родился.

Кристинѣ.

Москва, 29 Мая.

Передайте, прошу Васъ, вмѣстѣ съ моимъ почтеніемъ, графинѣ Толстой, что дѣти ея вполнѣ здоровы; но они положительно невидимы: я четыре раза заходилъ къ нимъ и не видалъ ихъ. Одинъ разъ мадемуазель Куэно отвезла ихъ въ Узкое, другой разъ они гуляли, третій разъ уже спали въ 9 часовъ, а потомъ были въ гостяхъ. Кто подумалъ бы, что мадемуазель такая подвижная? Впрочемъ, она поступаетъ правильно: погода великолѣпная, и для дѣтей это передвиженіе полезно. Вмѣсто нихъ я видѣлъ калмычку. Эта калмычка одна изъ моихъ пріятельницъ. Она смѣется при каждой встрѣчѣ со мной. Она увѣряетъ, что все у графини въ полномъ порядкѣ. Надѣюсь, что также обстоятъ и съ тою частью семьи, которая уѣхала въ Петербургъ, и что разлука съ зятемъ, какъ она ни тяжела столь скоро послѣ свадьбы, не стала причиной ничьей смерти. Говорю Вамъ это потому, что у насъ на Тверской одна дама—забылъ ея фамилію,—отравилась изъ за измѣны мужа. Она умерла, а передъ смертью сказала духовнику, что вовсе не жалѣетъ о своемъ поступкѣ, разъ мужъ оказался способенъ искать развлеченій подобнаго рода. У несчастной осталось шестеро маленькихъ дѣтей и мужъ въ отчаяніи. Увѣряютъ, что наканунѣ катастрофы жена застала его въ подозрительной близости съ горничной, но говорятъ, что онъ въ первый разъ позволилъ себѣ подобное развлеченіе. Если пойдетъ мода вѣшаться изъ за подобныхъ приключеній, не мало у насъ окажется вдовцовъ.

Надо Вамъ рассказать чудесную новость, занимающую здѣсь всѣхъ. Одна дѣвица заболѣла этой весной весьма странной болѣзнію; она смѣялась, плакала, пѣла, кувыркалась, прыгала черезъ стулья, какъ будто сошла съ ума, но оставалась, между тѣмъ, вполнѣ здоровой. Кончилось все горячкой, перешедшей въ родъ летаргіи. Больная потеряла способность видѣть и глотать. Три дня нельзя было заставить

ее проглотить что-нибудь, и считали, что ей конец близко. Доктора окончательно приговорили ее къ смерти. Одной горничной пришло въ голову потереть ей желудокъ *мятными* каплями; и вдругъ дѣвица не говорившая и лежавшая въ продолженіи трехъ дней, воскликнула: „Ахъ, какъ хорошо! Дай еще!—Чего дать?—Этой мятной воды.—Вы ее не пили.—Нѣтъ пила!“ Хотѣли ей дать проглотить нѣсколько капель, но не было возможности: спазма въ горлѣ мѣшала глотать. Потерли еще желудокъ, и больная снова была въ восхищеніи отъ подкрѣпляющаго лѣкарства, которое она „пьетъ.“ — „Не хотите ли покушать?—Умираю съ голоду“. Подали бульона; та же невозможность проглотить; обмокнули въ бульонъ салфетку и приложили на желудокъ, спрашивая, что она кушаетъ.—„Отличный бульонъ“.—отвѣтила она. На слѣдующій день ей приложили котлету, и больная восхищалась вкусомъ телятины. Такимъ образомъ ее скоро подкрѣпили, прикладывая ей къ желудку все, что ей слѣдовало глотать. Она указываетъ также лѣкарства, которыя надо употреблять такимъ образомъ; глаза ее не открываются. Она видитъ желудкомъ. Однимъ словомъ, это случай полного магнетизма, и все это совершенная правда: это мнѣ рассказывалъ Николай Сергѣевичъ Всеволожскій, начальникъ медицинской коллегіи, а всѣ знаютъ что Всеволожскій никогда не лжетъ. Можно бы пожелать, чтобы подобная манера питаться распространилась, особенно среди бѣдниковъ; одной котлеты было бы достаточно для цѣлой семьи по крайней мѣрѣ на недѣлю; можно было бы одолжать сосѣдямъ, не рискуя отнимать кусокъ изо рта у своей семьи.

Княжна Туркестанова.

С. Петербургъ, 28 мая.

Пріѣздъ графини Толстой и нездоровье Татьяны заставили меня бѣгать отъ одной къ другой; кромѣ того г. Рибопьеръ все боленъ и безконечно тревожитъ меня. Онъ боленъ уже шесть недѣль: сначала была перемежающаяся лихорадка, продолжавшаяся 15 дней. Онъ выѣхалъ, чтобы проститься съ княгиней Boris, и вернувшись, заболѣлъ другой формой лихорадки: у него нѣтъ озноба, но изнурительный жаръ съ потомъ, ослабляющимъ его каждый разъ до такой степени, что послѣ припадка онъ еле шевелитъ языкомъ. Притомъ онъ до крайности мнителенъ: тревожится самъ и пугаетъ всѣхъ; каждый день его навѣщаютъ два врача-англичанина, изъ которыхъ одинъ—Крейтонъ, и обѣщаютъ быстрое выздоровленіе; онъ имъ не вѣритъ ни на волосъ и постоянно повторяетъ, что они сами не знаютъ, что говорятъ. Я ежедневно навѣщаю его утромъ и послѣ обѣда или вечеромъ.

Княжна Туркестанова.

С. Петербургъ, 13 Мая.

Мы вчера обѣдали у Потемкина, и мнѣ пришлось сидѣть рядомъ съ княгиней Мишель. Она старалась изо всѣхъ силъ занимать меня, и начиная съ горячаго до третьей перемѣны я находила ее забавной; но послѣ шпината и спаржи она уже стала утомлять меня, за десертомъ и мороженымъ мнѣ уже сдѣлалось не втерпеть, и голова пошла кругомъ. Итъ, она неприятная собесѣдница, она только забавна по временамъ, но пріятности въ томъ смыслѣ, какъ мы ее понимаемъ, въ ней нѣтъ, увѣрю васъ. Вообще я не люблю теперь блестящаго разговора; я предпочитаю тихую, спокойную бесѣду, разумную, безъ волненій, безъ особенныхъ остротъ и остроумія; единственное, что нравится мнѣ—это остроуміе Вальполя: оно не дѣйствуетъ на мой желудокъ: что же касается всего прочаго—для меня все кончено.

Изъ послѣднихъ извѣстій отъ графини Толстой заключаю, что она пріѣдетъ черезъ недѣлю; ѣду сегодня въ домъ Остермана, чтобы ей приготовили помѣщеніе. Квартира Eudoxie уже готова у ея новыхъ родственниковъ, которые съ нетерпѣніемъ ожидаютъ ее. Я жду ее съ нѣкоторой боязнью, которую не могу скрыть отъ васъ. До смерти боюсь, чтобы она не сказала какой глупости; если мнѣ удастся поймать ее на минуту, я ее отчитаю. Хорошо, что мать пріѣхала съ ней: надѣюсь, она направитъ ея первые шаги; впоследствии я предвижу не мало возни, потому что г-жа Гурьева постоянно повторяетъ: „Милая княжна, вы другъ ея родителей, знаете ее съ дѣтства; остановите ее, если понадобится: окажите мнѣ эту дружескую услугу; мнѣ кажется, лучше будетъ, если совѣтъ ей подадите вы, чѣмъ кто либо изъ семьи: не надо ее возстановлять, озлоблять и т. п. „Однимъ словомъ. повидимому, желаютъ превратить меня въ ея гувернантку. Съ удовольствіемъ возьму на себя эту обязанность, если она станетъ слушаться меня, иначе роль сдѣлается слишкомъ трудной, и въ концѣ концовъ Eudoxie можетъ меня возненавидѣть. Я раздѣляю Ваше мнѣніе о ея мужѣ: это вполне порядочный молодой человѣкъ, одаренный хорошей головой.

Eudoxie родилась въ сорочкѣ въ этомъ отношеніи. Дай Богъ только, чтобы она сумѣла оцѣнить его, какъ онъ того достоинъ. Сестрѣ ея Софѣ можетъ попасться мужъ болѣе элегантнѣй, но лучшій—никогда.

Кристинь.

Москва, 17 Мая.

Мой слуга три часа бѣгаетъ по городу, отыскивая мѣстожителство кривой княгини Трубецкой, у которой должна остановиться княгиня Грузинская. Оказывается, что кривой княгинѣ пришла мысль поселиться около острога, въ ужасной мѣстности, гдѣ никто не бываетъ и никто никого не знаетъ. Я съ нетерпѣніемъ ожидаю возвращенія посланнаго, чтобы получить ваши письма и записочку г-жи де Пуазевиль; но еще пріѣхала-ли старая княгиня?

Толстые и Гурьевы уѣхали вчера вечеромъ при ужасной погодѣ; дождь лилъ шесть часовъ не переставая, а г-жа Толстая едва оправилась отъ довольно серьезной болѣзни, повторяющейся чаще, чѣмъ слѣдовало бы; боюсь, какъ бы путешествіе не повредило ей.

Eudoxie немного всплакнула, прощаясь съ братьями и сестрами. Миѣ кажется, что она любитъ своего мужа; но родители все же еще стоятъ на первомъ планѣ, и по моему это дѣлаетъ честь ея сердцу, потому что, если нѣтъ страсти (которая заглушаетъ все), нельзя любить новое лицо такъ же, какъ тѣхъ, съ кѣмъ провели жизнь.

Это вполне разумный бракъ со стороны мужа, который все рассчиталъ, и не было ни малѣйшаго увлеченія ни съ одной, ни съ другой стороны. Первое время, которое англичане называютъ *медовымъ мѣсяцемъ*, не будетъ такъ пріятно, какъ при бракахъ по склонности, но союзъ можетъ быть тѣмъ счастливѣе въ будущемъ: ни тотъ ни другой не испытаютъ разочарованія, и повязка не спадетъ съ глазъ.

Кривая княгиня сообщаетъ, что княгиню Грузинскую ждутъ на дняхъ.

Княжна Туркестанова.

С. Петербургъ, 17 Мая.

Извѣстіе о выступленіи гвардіи разсѣяло всѣ наши прекрасные планы о лѣтѣ у г-жи Потемкиной: такъ какъ мужъ ея уѣзжаетъ, то она поѣдетъ черезъ двѣ недѣли къ матери въ Симу; но отвезетъ ее мужъ, такъ какъ, состоя адъютантомъ при баронѣ Розенѣ, онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи два мѣсяца, которыми воспользуется, чтобы

отвести Татіану къ родителямъ, пробытъ нѣсколько дней съ нею и отправиться въ Конно.

Въ Петербургѣ суетня, гвардіей запружены всѣ улицы; всѣ дѣлають пригтовленія къ выступленію; скоро городъ опустѣеть. Не могу безъ содроганія подумать о томъ, что придется лѣто прожить во дворцѣ: въ жары тамъ задыхаешься. становится просто невыносимо. И къ тому еще ни малѣйшаго развлеченія; всѣ въ деревнѣ, а чтобы провести иногда вечеръ на Каменномъ Островѣ, надо имѣть экипажъ, котораго у насъ нѣтъ. Конечно, будь я одна, я бы нашла, гдѣ помѣститься, хотя бы у г-жи Литта, но съ сестрой и двумя горничными—это становится затруднительнымъ, невозможнымъ, и Богъ знаетъ, что съ нами будетъ; но, увѣряю Васъ, что мысль объ этомъ мнѣ непріятнѣе, чѣмъ слѣдовало бы; это оттого, что Catherine, хотя и поправляется, все же требуетъ ухода: воздухъ и движеніе ей необходимы. Что она будетъ дѣлать въ городѣ, гдѣ о прогулкѣ и думать нечего? Однимъ словомъ, я въ большомъ затрудненіи, и не знаю какъ изъ него выйду, если небо не поможетъ. Мы получили извѣстіе о смерти княгини Голицыной, матери Θεодора; ея сестры. Литта и Юсупова очень огорчены, особенно послѣдняя; я вижу съ ними каждый день послѣ полученія извѣстія о ихъ потерѣ.

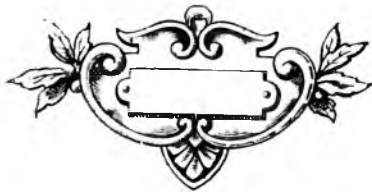
Θеодоръ рассказываетъ о смерти матери, дѣйствительно какъ будто роковой, какъ то неопредѣленно.

Что касается Татіаны, она натворила глупостей, отъ которыхъ чуть не выкинула. Въ тотъ день, когда ожидали Eudoxie она отправилась разыскивать ее, нарядившись и даже безъ манто, чтобы не измятъ новаго капота: погода была въ этотъ день холодная и отвратительная; Eudoxie еще не пріѣхала, и Татіана вернулась съ мучительной болью въ пояницѣ. Мужъ ея запиской просилъ меня пріѣхать къ ней; я застала ее въ постели, обложенной горячими салфетками; бѣдняжка плакала, воображая, что выкидышъ неминуемъ, но къ счастью его предотвратили: однако ей пришлось недѣлю пролежать на спинѣ. Мы съ Catherine поочередно дежурили около нея. Также мы станемъ дежурить и при Eudoxie, которая была въ восторгѣ, заставъ насъ въ день пріѣзда у сверкови. Она была такъ смущена, что едва поднимала глаза. Г-жа Толстая, никогда не думающая о первомъ впечатлѣніи, не дала себѣ труда нѣсколько позаботиться о туалетѣ дочери, такъ что Eudoxie появилась въ гостиной грязная, въ какомъ то старомъ ночномъ чепцѣ, измятой шляпѣ, безъ корсета—однимъ словомъ въ самомъ

ужасномъ видѣ. Но г-жу Толстую, какъ всегда, вывезло счастье. Еudoxie нашли хорошенькой, отецъ мать, сестры—всѣ восхищались ею. Я мысленно благодарила Бога, что Онъ очаровалъ глаза всѣхъ и, конечно, какъ можете догадаться, поддерживала благопріятное впечатлѣніе. Еudoxie осыпали ласками. Послѣ обѣда ей показали ея комнаты, которыми она очень довольна. Я пробыла съ ней до двѣнадцати часовъ ночи. У горничныхъ Еudoxie сломался экипажъ въ Ижорѣ, и онѣ тамъ остались въ ожиданіи починки, такъ что она очутилась безъ бѣлья и не могла лечь спать, такъ какъ не хотѣла, чтобы ее раздѣлъ кто нибудь изъ домашней прислуги. Миѣ пришлось послать за моею *олинной*, которая знакома Еudoxie не меньше ея собственныхъ горничныхъ, и она переодѣла ее на ночь въ мое бѣлье. На слѣдующее утро Еudoxie была хорошо причесана, хорошо одѣта: корсетъ пришелся впору, и ея появленіе въ гостиной произвело еще лучшее впечатлѣніе, чѣмъ наканунѣ. Однимъ словомъ, она нравится всѣмъ и, повторяю, г-жа Толстая счастлива, какъ рѣдкая мать. Надѣюсь, что избранное общество, среди котораго Еudoxie постоянно придется вращаться, сгладитъ нѣкоторую рѣзкость и тривіальность, пріобрѣтенныя въ обществѣ г-жи Смирновой, и что благоразуміе и серьезность Гурьева повліяютъ и на ея умъ. Ея характеръ—совершенно непонятная смѣсь ума и наивности: напримѣръ она говорила миѣ, заливаясь слезами: „Княжна, если мужъ мой отправится на войну и не вернется? Боже какое несчастье! Я люблю его больше папы, больше мамы, больше всѣхъ; нѣтъ я умру съ горя, или уйду въ монастырь, стану служить Богу: да, непременно“. — „Вы съ ума сошли, — отвѣтила я ей, — зачѣмъ воображать себѣ подобное несчастье; молитесь, просите Бога хранить дни вашего мужа и не говорите всѣхъ этихъ лишнихъ вещей“. Пока я ее успокоивала, она продолжала плакать, а потомъ вдругъ вытерла глаза и начала болтать о вышивкахъ и шляпахъ съ такимъ изумительнымъ увлеченіемъ, что я только смотрѣла на нее, не говоря ни слова. Вообще въ ней много странностей. Она призналась миѣ, что вечера свекрови очень скучны, и молодыя дамы, которыхъ она тамъ встрѣчаетъ, для нея слишкомъ умны. Молодая княгиня Долгорукая, жена Базиля, прелестна, также какъ Катинь Гагарина; притомъ же онѣ вращаются въ обществѣ пять или шесть лѣтъ; онѣ пріобрѣли манеры и привлекательность, дѣлающія ихъ обаятельными. Еudoxie, хотя немного моложе ихъ, по своему воспитанію, а особенно, благодаря обществу, въ которомъ вращалась у матери, очень отстала отъ своихъ лѣтъ. Но надѣюсь, все исправится. Когда г-жа Толстая уйдетъ, и мужа ея не будетъ, ей волей-неволей, придется справляться одной. Гурьевъ кажется очень счастливымъ; онъ ухаживаетъ за женой и почтителенъ съ родителями.

Графиня Толстая весь день мечется: дѣлаетъ визиты. ужинаетъ у своей тетки, жены Владиміра. обѣдаетъ то у однихъ, то у другихъ: она вѣчно спѣшитъ, и право не понимаю, какъ ее хватаетъ на такой образъ жизни. Мнѣ кажется, они пробудутъ здѣсь дольше, чѣмъ предполагали. Графъ долженъ написать Императору, чтобы получить приказаніе, куда ему отправиться; я сначала совѣтовала ѣхать въ главную квартиру: но думаю, что онъ сдѣлаетъ лучше, поступивъ, какъ намѣренъ. Государь велѣлъ ему быть въ Петербургъ къ Его пріѣзду, не предвидя новой войны; онъ пріѣхалъ, и не заставъ Его Величества, долженъ, само собой разумѣется, написать Ему, чтобы знать, какъ распорядиться съ собой. Я думаю, что ему слѣдуетъ дождаться отвѣта здѣсь. Мнѣ кажется, что ему хочется служить. Софи Толстая въ восторгѣ, что ее привезли сюда; ея личико доставляетъ ей большой успѣхъ: она была на вечерѣ у г-жи Гурьевой, и ее нашли очень хорошенькой; но по моему совѣту, ее туда больше не повезутъ: она еще слишкомъ молода, чтобы выѣзжать: она будетъ проводить вечера у маленькихъ Строгоновыхъ, что гораздо болѣе подходитъ для нея.

Мы получили изъ Италіи прекрасныя вѣсти: все тамъ идетъ великолѣпно. Въ Германіи вооруженный корпусъ Саксна уже значительно подвинулся впередъ; дивизія Воронцова находится въ Нюрнбергѣ. Что же касается происходящаго въ Парижѣ, совѣтую Вамъ обратиться къ газетамъ.

Съ 1914 года

въ Москвѣ издается новый журналъ

для дѣтей средняго возраста

ПРОТАЛИНКА.

Въ журналѣ участвуютъ: Л. Авилова, П. Асѣвъ, К. Афанасьевъ, В. Ахромовичъ, Е. Булгакова, проф. С. Булгаковъ, В. Вахтеровъ, С. Дурюлинъ, Н. Крашенинниковъ, Н. Мѣшковъ, М. Пришвинъ, С. Розановъ, А. Серафимовичъ, Е. Сергѣева, Н. Телешовъ, И. Шмелевъ и др.

Подписчики журнала получаютъ въ теченіи года:

12 кн. журнала, въ объемѣ 4—5 листовъ больш. формата.

12 кн. приложений, въ объемѣ 3—5 листовъ меньш. формата.

12 худож. репродукцій съ картинъ соврем. и старинныхъ мастеровъ съ папкой для нихъ.

Отд. прилож.—большая повѣсть „Трюгге и его мать“ въ объемѣ 6 печ. листовъ.

Январская книжка вышла и высылается для ознакомленія по требованію.

Содержаніе январской книжки: Веселая ночь. А. Серафимовича.—Архипъ-пасѣчникъ. Е. Сергѣевой.—Питомцы шкута „Эмеральда“. Д. Нюландера.—Рождественскій гостинецъ. Съ англ.—Георгъ Гендель. Очеркъ съ прилож. нотъ.—Стихотворенія Н. Асѣва, Е. Волчанецкой, С. Раевского.—„Хлѣбъ.“ Игра съ пѣніемъ.—„Вороша и лисица“. Веселыя картинки.

Приложеніе къ 1-ому № 1). Исторія одной скрипки. Повѣсть З. Н. 2) Устино колючко. Сказка Н. Крашенинникова. 3) „Поклоненіе пастуховъ“—карт. на мѣл. бум. и папка.

Подписная цѣна—4 руб. въ годъ и 2 руб. $\frac{1}{2}$ года съ дост. и перес.

Безъ дост. въ конторѣ П. Печковской (Москва, Петровскія Линіи) 3 р. 50 к.

Подписка принимается въ конторѣ П. Печковской и во всѣхъ книжн. магазинахъ.

Ред.-издательница Е. С. Чоловская.

Ред. А. П. Печковскій.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

И КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

К. Ф. НЕКРАСОВА.

Москва, Тверская, 29, кв. 46.

Кн. Адамъ Чарторижскій. Мемуары. Пер. А. Дмитриевой. Редакція и вступит. ст. А. А. Кизеветтера. Т. I. Ц. 2 р. 50 к. Т. II. Ц. 2 р.

О цѣнности исторической этихъ мемуаровъ едва ли надо распространяться. Выдающаяся личность кн. Адама Чарторижскаго, его близость къ Александру I уже сами по себѣ придаютъ мемуарамъ «первостепенное значеніе». . . . . сами по себѣ воспоминанія столь интересны и столь цѣнны, что появленіе ихъ на русскомъ языкѣ можно только въ концѣ концовъ привѣтствовать. Кто возьметъ эту книгу, тотъ, навѣрное, ее прочитаетъ.

«Русск. Вѣд.» № 286. 12 дек. 1912 г.

Недавно появился въ печати первый томъ мемуаровъ кн. Адама Чарторижскаго. Значеніе этой книги, какъ историческаго источника, такъ велико, что среди мемуарной литературы Александровской эпохи она сразу выдвигается на одно изъ первыхъ мѣстъ.

«Утро Россіи». 9 октября 1912 г.

Въ рецензируемомъ нами первомъ томѣ описаніе событій Чарторижскимъ доведено до Аустерлицкаго сраженія, и съ тѣмъ большимъ нетерпѣніемъ читатель будетъ ждать появленія второго тома, что мемуары польскаго патриота и по своему серьезному и большей частью безпристрастному тону, и по своему содержанию рѣзко отличаются отъ обычныхъ записокъ современниковъ, въ которыхъ подлинное съ вымышленнымъ, объективное съ субъективнымъ тѣсно переплетаются между собой, затемняя точную картину эпохи и оставляя въ тѣни самое существенное. Отъ всѣхъ этихъ отрицательныхъ качествъ мемуары князя Адама Чарторижскаго избавлены, и только въ нѣсколькихъ случаяхъ его характеристики дѣйствующихъ лицъ эпохи, не то что не вѣрны, но представлены съ легкимъ налетомъ субъективной оцѣнки. Все же это не умаляетъ достоинства ихъ, какъ первокласснаго историческаго источника.

«Рѣчь» № 297. 29 окт. 1912 г.

. . . . . Все это заставляетъ признать за мемуарами князя Чарторижскаго значеніе большого историческаго источника, заключающаго въ себѣ часто единственные по автентичности матеріалы.

Русскій переводъ мемуаровъ вполне хорошъ, языкъ отличается легкостью и даже изяществомъ. Редактированіе и краткая вводная статья біографическаго характера принадлежитъ проф. А. Кизеветтеру.

М. В.

«Прав. Вѣст.» № 236. 28 окт. 1912 г.

Открыта подписка на 1914 г. на журналъ:

Извѣстія Общества Изученія Олонецкой губерніи

— Годъ изданія — ВТОРОЙ. —

Выходитъ 8 разъ, книжками около 3 печатныхъ листовъ каждая.

(По мѣрѣ надобности помѣщаются иллюстраціи и карты).

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

Статьи и доклады по изученію края преимущественно въ отношеніи историческомъ, географическомъ, естественно-научномъ, бытовомъ, культурномъ и экономическомъ, а также по выясненію условій его всесторонняго развитія: научные вопросы, связанные съ изученіемъ края въ указанныхъ отношеніяхъ. Текущая дѣятельность Общества изученія Олонецкой губерніи. Хроника правительственной, общественной и частной инициативы въ дѣлѣ изученія губерніи, развитія ея производительныхъ силъ и условій жизни населенія. Отдѣльныя статьи, замѣтки и сообщенія о жизни края и его изученіи. Обзоръ текущей литературы о краѣ. Указатель литературы по всѣмъ вопросамъ, касающимся края. Справочный отдѣлъ по вопросамъ, связаннымъ съ дѣятельностью Общества. Отвѣты редакціи. Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА. съ доставкой и пересылкой:

	На годъ:	На 1/2 года:	На 1/4 года:	На 1 мѣс.:
для членовъ О-ва:	8 кн.—2 р.	4 кн.—1р.—к.	2 кн.—50 к.	1 кн.—25 к.
для прочихъ под- писчиковъ:	„ —3 р.	„ —1р. 50к.	„ —75 к.	„ —50 к.

Съ пересылкой за границу 4 руб. въ годъ.

Періодич. изданія и объявл. о нихъ охотно принимаются въ обмѣнъ.

Всякаго рода запросы должны снабжаться почтовыми марками или открытками для отвѣта.

Подписка и объявленія въ Петрозаводскѣ принимаются: у г.г. членовъ-учредителей О-ва; въ Губ. Типографіи, къ книжномъ маг. Мазилова, въ Гостиномъ дворѣ.

Гг. иногородніе подписчики и публикаторы благоволятъ обращаться по адресу:

Петрозаводскъ, Правленіе Общества Изученія Олонецкой губ. (По редакціи).

Доставляемая въ редакцію статья должна быть за подписью и съ адресомъ автора. Статьи безъ обозначенія условій, считаются бесплатными и могутъ быть оплачены по усмотрѣнію редакціи.

Пробные №№ высылаются за 5 семикоп. марокъ, которыя при подпискѣ засчитываются въ уплату. За перемѣну адреса просимъ высылать 4 семикоп. марки.

Отв. издатель:
Предсѣд. Правленія О-ва изученія Олонецкой губ.
А. Ѳ. Шидловскій.

Редакторы: } И. И. Благовѣщенскій.
                  } Горн. Инж. Б. Н. Михайловъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 ГОДЪ.

на ежемѣсячный журналъ исторіи и исторіи литературы

„ГОЛОСЪ МИНУВШАГО“

Подъ редакціей С. П. Мельгунова и В. И. Семевского.

(2-й годъ изданія).

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА.

I. Научныя статьи по вопросамъ русской и всеобщей исторіи, исторіи литературы, философіи, искусства и археологій.	IV. Историческая беллетристика.
II. Мемуары, записки, дневники и письма современниковъ.	V. Обзоръ журналовъ русскихъ и иностранныхъ.
III. Различные материалы по исторіи, исторіи литературы и т. д.	VI. Критика и библиографія.
	VII. Новости русской и иностранной науки.
	VIII. Хроника, біографіи, некрологи русскихъ и иностранныхъ дѣятелей.

Журналъ ИЛЛЮСТРИРУЕТСЯ картинками изъ прошлаго и портретами дѣятелей русскихъ и иностранныхъ и выходитъ ежемѣсячно книгами, разбѣромъ въ 20 листовъ, начиная съ января 1914 года.

Въ 1913 году въ «ГОЛОСЪ МИНУВШАГО» приняли фактическое участіе:

Арсеньевъ К. К., Аваліани С. Л., Адарюковъ В. Я., Ашенбреннеръ М. Ю., Батюшковъ Ф. Д., Безобразовъ П. В., Бирюковъ Н. П., Боборыкинъ П. Д., Богучарскій В. Я., Боровой А. А., Бродскій Н. Л., Бѣлоконскій П. П., Василенко Н. П., Васютинскій А. М., Веселовскій Б. Б., Веселовскій Ю. А., Вишницеръ М., Вѣтринскій Ч., Гернетъ М. П., Гершензонъ М. О., Горяиновъ С. М., Готье Ю. В., Грузинскій А. Е., Дживелеговъ А. К., Дьяконовъ М. А., Евгеньевъ В. М., Егоровъ Д. Н., Игнатовичъ П. П., Игнатовъ П. П., Иорданскій П. М., Каллашъ В. В., Карсавинъ Л. П., Карѣевъ Н. П., Кизеветтеръ А. А., Ковалевскій М. М., Коваленскій М. Н., Козловскій Л. С., Колосовъ Е. А., Кони А. Ф., Корфъ С. А., Коршъ Ф. Е., Кузьминскій К. С., Ланно-Даннелевскій А. С., Лазурскій В. Ф., Лернеръ Н. Ф., Лучицкій П. В., Максимовъ А. Н., Мельгуновъ С. П., Мендельсонъ П. М., Мокіевскій П. В., Морозовъ Н. А., Новорусскій М. В., Ольнемъ В. Н., Паителъевъ Л. Ф., Перцевъ В. Н., Петлюра С. В., Пичета В. П., Плехановъ Г. В., Покровскій М. М., Покровский М. Н., Полнеръ Т. П., Полянскій Н. П., Понельницкій А. З., Поповъ П. П., Пругавинъ А. С., Розановъ М. Н., Розенбергъ В. А., Романовъ Н. П., Русановъ Н. С., Рѣзановъ В. П., Рѣпинъ П. Е., Рябининъ П. С., Савинъ А. П., Сакулнъ П. Н., Сватиковъ С. Г., Семевскій В. П., Сидоровъ Н. П., Стекловъ Ю. М., Сыромятниковъ Б. П., Тарасовъ Е. П., Тарле Е. В., Успенскій К. Н., Фингеръ В. Н., Фриче В. М., Хижняковъ В. М., Чайковскій П. В., Чебышевъ А. А., Черткова А. К., Чертковъ В. А., Чубинскій М. П., кн. Шаховской Д. П., Щеголевъ П. Е., Щенкинъ В. П., Щенкинъ Е. П., Шрейдеръ П. П., Яковлевъ А. П. и др.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: съ доставкой и пересылкой въ Россіи: на годъ 8 руб., на $1\frac{1}{2}$ года 4 руб., на одинъ мѣсяць 1 руб., за границу 10 руб.

Для народныхъ учителей и учащихся допускается разсрочка по 2 руб.

Въ отдѣльной продажѣ книга журнала 1 руб.

Перемѣна адреса 20 коп.

ПОДПИСНЫЯ ДЕНЬГИ на 1914 годъ должны направиться въ редакцію журнала (Москва, Гранатный пер., домъ 2, кв. 31, тел. 1-78-28) или въ новую контору журнала (Складъ книгоиздательства „ЗАДРУГА“, Москва, Нижняя Кисловка, д. 1, кв. 4, тел. 1-36-27).

Годъ

изд. 4.

Еженедѣльная православно-народная газета

выходить по ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ и праздникамъ

Годъ

изд. 4.

„ЦЕРКОВНОСТЬ“

стоитъ за вѣру Божию, открываетъ правду христіанскую, борется съ СЕКТАНТСТВОМЪ, безвѣріемъ, маловѣріемъ, пьянствомъ и распутствомъ.

Открыта подписка на 1914 г.

Подписная цѣна: на годъ — 1 р. — к.
на $\frac{1}{2}$ года — „ 50 „
на мѣсяць — „ 10 „   За границу вдвое.

Адресъ Редакціи и Конторы: Москва, Каретный рядъ, Лиховъ пер., Епархіальный Домъ.

Издатель протоіерей *Іоаннъ Восторговъ.*

„Церковность“—единственная въ Россіи **народная** православная **противосектантская** газета. Въ „Церковности“ сотрудничаютъ лучшія миссіонерскія силы. „Церковность“ внимательно слѣдитъ за жизнью русскаго сектантства и обличаетъ его.

Московская Синодальная типографія. 1913.

Память Владимира Андреевича Грингмута нарочито дорога мнѣ, какъ бывшему вскормленнику Императорскаго лица въ память Цесаревича Николая. Будучи директоромъ этого, въ оны дни столь славнаго, учебнаго заведенія, онъ немало потрудился надъ его преуспѣяніемъ и искорененіемъ нѣкоторыхъ недостатковъ.

П. В. (младшій)

Проф. И. М. ПОКРОВСКИЙ.
Русскія епархіи въ XVI—XIX вв., ихъ открытіе, составъ и предѣлы. Опытъ церковно-историческаго, статистическаго и географическаго изслѣдованія. Томъ второй. XVIII-й вѣкъ. Казань, 1913.

Первый томъ этого важнаго и цѣннаго труда вышелъ въ 1897 г. Второй томъ говоритъ о русскіихъ епархіяхъ въ теченіе XVIII в., ихъ границахъ въ разные годы этого вѣка, числѣ находившихся въ нихъ церквей и монастырей, успѣхахъ миссіонерскаго дѣла и т. п. Матеріалы для перваго тома не блистали обиліемъ и ясностью; для втораго тома авторъ располагалъ, между прочимъ, богатствами архива при Свят. Синодѣ, благоустроеннаго и за XVIII в. отчасти описаннаго, и потому говоритъ гораздо обстоятельнѣе и точнѣе, чѣмъ прежде. Сверхъ свѣдѣній объ епархіяхъ въ трудѣ проф. Покровскаго разбросаны разнообразныя данныя по исторіи Россіи XVIII в. вообще. Карта, приложенная къ второму тому, объясняетъ движеніе епархіальнаго раздѣленія Россіи за XVIII в. Авторъ обѣщаетъ издать третій томъ своего труда и къ нему приложить указатели ко всемъ тремъ томамъ.

С.

Свящ. Л. І. КРЫЛОВЪ. Г. Красный Холмъ и его соборы. Къ 200-лѣтнему (1713—1913) юбилею Преображенскаго собора. Историческій очеркъ. Изданіе Тверской Ученой Архивной Комиссіи. Тв. 1913.

Исторія Краснаго Холма не богата событіями, и интересъ книжки о. Крылова сосредоточивается на его соборѣ при трехъ старостахъ—двухъ Бородавкинскихъ и И. И. Камкинѣ. Приложенные документы начинаются съ полов. XVII в., но относятся по большей части къ XIX в.

Александро-Невская Лавра 1713—1913. Съ 277 портретами и снимками. Историческое изслѣдованіе доктора церковной исторіи **С. Г. РУНКЕВИЧА.** Спб. 1913.

Книга г. Р-ча. въ тысячу страницъ слишкомъ, посвящена главнымъ образомъ исторіи Лавры за XVIII в., о послѣдующемъ времени она говоритъ болѣе чѣмъ кратко. Авторъ воспользовался огромнымъ архивнымъ матеріаломъ, но не сумѣлъ придать интереса своему подробному разсказу. Сомнѣваемся, чтобы нашелся читатель имѣющій силу прочесть этотъ разсказъ... Изъ снимковъ наиболѣе цѣльны тѣ, которые изображаютъ разныя части Лавры въ настоящее время.

С.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ

издаваемый Петромъ Бартевымъ (младшимъ).

1914-й годъ.

(годъ изданія 52-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1914 году, за двѣнадцать выпусковъ съ пересылкой и доставкой девять рублей, для чужихъ краевъ двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ въ конторѣ Русскаго Архива на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 21 (на дворѣ) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени.“

Контора открыта ежедневно кромѣ праздниковъ отъ 10 до 4 час. дня.

Книгопродавцамъ контора дѣлаетъ уступку 5%.

За перемѣну адреса тридцать копѣекъ.

Жалоба на неполученіе принимается лишь въ теченіе мѣсяца со дня выхода книжки, при чемъ жалобщики благоволятъ заявлять № своей бандероли, что и при перемѣнѣ адреса.

Въ конторѣ Русскаго Архива продаются 12 выпусковъ журнала за 1913 г., по цѣнѣ. . . . . 12 рублей.
Отдѣльные №№ за 1913 г., по цѣнѣ. . . . . 2 рубля.

Объявленія въ Русскомъ Архивѣ печатаются по цѣнѣ:

Впереди текста, страница	100 р.
$\frac{1}{2}$ стр.	50 р.
$\frac{1}{4}$ стр.	25 р.
Позади текста, страница	80 р.
$\frac{1}{2}$ стр.	40 р.
$\frac{1}{4}$ стр.	20 р.

Лицамъ печатающимъ объявленія многократно контора дѣлаетъ уступку.

Составитель и издатель **Петръ Бартевъ** (младшій).

ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1913.

12

стр.

755. Мои воспоминанія или событія въ моей жизни. Записки **М. Леонтьева**.
Часть III.

779. Бесподанѣйшій докладъ **Н. Х. Бунге**. Сообщено **С. Повидкинымъ**.

781. Записки Сенатора **И. В. Лопухина**.

825. Велѣкія Шейхъ Мансуръ. Статьи **С. Фарфоровскаго**.

832. Изъ перенески Графа **Л. Н. Толстого** съ **П. И. Бартевыми** (О «Войнѣ
и Мирѣ»).

836. Перенеска **Кристина** съ няжной **Турнестановой**.

872. Опечатки.

873. Указатель.

Внутри обложки. О книгахъ: Сборникъ въ честь **Дмитрія Александровича Корсакова**. По поводу сорокалѣтія его учено-литературной дѣятельности; Дѣйствія Нижегородской Ученой Архивной Комиссіи. Томъ XV въ память 300-лѣтія Царствования Дома Романовыхъ; т. XVI, Н. Новгородъ 1913.; Извѣстія Таврической Ученой Архивной Комиссіи, подъ редакціей Предсѣдателя Комиссіи **А. И. Маркевича**. № 50; Симферополь, 1913 годъ.

Открыта подписка на 1914 годъ.

МОСКВА

Синодальная Типографія

1913.

Сборникъ статей въ честь Дмитрія Александровича Корсакова. По поводу сорокалѣтія его ученой и пятидесятилѣтія учено-литературной дѣятельности. Казань, 1913. Ц. 3 р. 90 коп.

Сборникъ заключаетъ въ себѣ 35 статей разныхъ авторовъ, по исторіи, исторіи литературы, искусству, философіи и педагогикѣ, изъ которыхъ отыѣтимъ лишь немногія. Это статьи—Завитневича „Особенности поэтическаго творчества А. С. Хомякова“; Писаревского „Путешествіе Цесаревича Константина Павл. по Германіи въ 1825 г.“; Л. Ильинскаго „Русскій на Западѣ въ 1659 г.“; Харламповича „Аѣиногенъ Крыжановскій; изъ исторіи культурнаго вліянія Зап. Руси на восточную въ XVII в.“; Огородникова „Иванъ III и зарубежные евреи“; С. Шестакова „Византійскій посоль на Русь Мануиль Комнинъ“; Миндалева „Повѣсть о Меркуріи Смоленскомъ и былевой эпосъ“; П. Архангельскаго „Къ вопросу о происхожденіи русской общины“.

Сверхъ того, мы находимъ въ сборникѣ списокъ трудовъ Д. А. Корсакова и его портретъ (фототипія).

А.

Дѣйствія Нижегородской Ученой Архивной Коммиссіи. Сборники. Томъ XV-й въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ; Томъ XVI-й. Н. Новгородъ. 1913.

XV-й томъ сего сборника содержитъ матеріалы по исторіи Нижегородскаго края 7154—1646 гг.—Нижняго Новгорода приходная книга окладнымъ и неокладнымъ денежнымъ доходамъ.—Списокъ съ нижегородскихъ платежницъ 154-го года. Матеріалы изданы подъ редакціей А. Я. Садовскаго.

Въ XVI-мъ томѣ помѣщены любопытные „матеріалы къ исторіи Нижегородской Ярмарки“ Н. И. Драницына. кои заключаютъ въ себѣ: 1) Къ исторіи построенія ярмарочнаго Гостиннаго двора (матеріаломъ послужило дѣло изъ Сенатскаго Архива Департамента М-ва Юстиціи, отд. I, ст. 3, по архиву 1478 и хранящееся въ историческ. Архивѣ Нижег. Ученой Архивной Коммиссіи); 2) Ярмарка наканунѣ своего перваго открытія въ Н. Новгородѣ въ 1817 г.; 3) Ярмарка въ предпослѣдній 1815 годъ у Старога Макарія и вопросъ объ учрежденіи въ ярмаркѣ Коммерческаго суда; 4) Монополія на торговлю обоями въ Нижегородской Макарьевской ярмаркѣ во второй половинѣ XVIII-го столѣтія.

Кромѣ того въ семь же томѣ имѣются: статья М. И. Смирнова, Нижегородскіе казенные кабаки и кружечные дворы XVII-го столѣтія, съ приложеніемъ „Книгъ Нижегородскаго Кружечнаго Двора 166-го году“; Н. И. Драницынъ: Опись дѣлъ Сенатскаго Архива за 1821—1822 г. (продолженіе); сообщенные членомъ Нижегородской Ученой Архивной Коммиссіи И. И. Матюнинимъ списки съ грамотъ отъ Царя Михаила Ѣеодоровича и Царя Алексѣя Михайловича. Грамоты сіи хранятся въ городѣ Арзамасѣ, Нижегородской губ., въ Воскресенскомъ Соборѣ и представляютъ интересъ для изслѣдованія исторіи землевладѣнія въ Арзамасскомъ краѣ въ XVII-мъ вѣкѣ.

Извѣстія Таврической Ученой Архивной Коммиссіи № 50, подъ редакціей Предсѣдателя Коммиссіи А. И. Маргевича; Симферополь, 1913 годъ.

Изъ обширныхъ матеріаловъ по

Мои воспоминанія или событія въ моей жизни

Часть III-я.

Записки М. Леонтьева.

Кто Богъ вѣлій, яко Богъ нашъ?
Ты еси Богъ! творяй чудеса.

Глава IX.

Невѣсты и сватовство 1819-го года и послѣдующихъ годовъ.

Живя довольно открыто, къ чему необыкновенная дороговизна сельскихъ нашихъ продуктовъ давала всѣ средства. ибо я въ Москвѣ продавалъ муку по 1 р. 80 к. и по 2 р. пудъ. крупу по 20 р. и болѣе четверть. овесъ по 8 р. и по 10 р., а макъ по 35-ти р. четверть. Усиливая количество въ продажу хлѣба. я нанималъ много земли и отъ сего получалъ по 2500 р. ежегодно дохода съ своего имѣнія, чего очень и очень было достаточно для одного меня. Сей то, весьма хорошій доходъ, получаемый мною съ 1817-го года и проживалъ я весь, живя безвыѣздно въ своемъ Красномъ. Молодые дамы. какъ то: жена пріятели моего Хрущова и ея сестры, шутя назывались ко мнѣ часто въ гости; я желая повеселить ихъ приглашалъ ихъ къ себѣ на обѣды, а для нихъ—и многихъ другихъ почтенныхъ дамъ нашего уѣзда, и тогда выходило у меня многолюдное собраніе. Сіи пріѣзды породили желаніе въ нѣкоторыхъ дамахъ и мущинахъ женить меня; изъ нихъ первый Писаревъ предлагалъ мнѣ жениться на роднѣ его, дѣвицѣ Огаревой, но какъ оная мнѣ не нравилась, то я рѣшительно и отказался отъ нея; вторую невѣсту предлагала мнѣ, покойная теперь. А. А. Игнатъева: княжну Софью Вадъбольскую. чего и братьямъ сей княжны очень хотѣ-

лось; третью предлагалъ мнѣ Н. С. Григоровъ и сія есть жена моя. Вматриваясь пристально въ княжну Вадьбольскую, я видѣлъ, что ей самой хотѣлось быть за мной, и я начиналъ думать, что она будетъ моей женой, какъ неожиданно для меня Н. С. Григоровъ зимой 1819-го года присылаетъ ко мнѣ звать меня къ себѣ, приписывая въ запискѣ, что у него гости, съ которыми я можетъ захочу покороче познакомиться. Я прѣзжаю и нахожу у него теперешнюю жену мою, которая мнѣ съ перваго взгляда очень понравилась, и я крайне удивился сходству ея лица съ тѣмъ, которое я видѣлъ во снѣ за нѣсколько предъ тѣмъ дней.

Проведя сей вечеръ съ большою пріятностью, я возвратился домой, положивъ въ мысляхъ искать руки ея. но какъ я былъ очень застѣнчивъ, то и молчалъ о семъ. Надежда Ильинична Хруцова, видя невольное, почти, мое сближеніе съ Вадьбольской въ зиму 1820-го года, рѣшилась сама вновь предложить мнѣ Александру Федоровну: я, поблагодаря ее, сказалъ: „но гдѣ я ее увижу?“ Ловкая сія дама, будучи родня женѣ моей, сказала на сіе, что она вскорѣ у нихъ будетъ и тѣмъ вновь возродила во мнѣ мысль жениться на ней. Это было на балу у Морсочникова, гдѣ особенно старались свести меня съ княжной, и Надежда Ильинична взявъ меня за руку сказала: „не забудьте же Александры Федоровны!“ Сіе предложеніе заставило меня нѣсколько отдалиться отъ Вадьбольской. ибо, бывъ пріателемъ Хруцова, мнѣ хотѣлось еще болѣе укрѣпить сей узелъ. женясь на роднѣ его. Такимъ образомъ, рѣшась на бракъ съ теперешней женой, я отдалился отъ Вадьбольской. чему большая пружина была—Хруцова, о которой послѣ говорили, что она отдала меня съ тѣмъ, чтобъ женить на княжнѣ брата своего. Но какъ бы то ни было, а я очень счастливъ, что отдалился отъ Вадьбольской, ибо она, вышедъ послѣ моей жинитьбы за Глѣбовскаго, богатаго человѣка, вскорѣ разошлась съ нимъ. и тѣмъ. если справедливы были слухи о намѣреніи Хруцовой и ея хитрости.— не получила никакого успѣха.

Глава X.

Свиданіе, путешествіе, сговоръ, займы денегъ, свадьба.

Въ Іюнѣ 1821-го года, въ одинъ изъ тѣхъ жаркихъ дней, когда ищешь, но не находишь нигдѣ прохлады, прѣзжаетъ ко мнѣ Н. Е. Хруцовъ; радуясь пріятельскому прѣзяду, но и удивляясь, что онъ въ столь жаркое время рѣшился на выѣздъ, я провелъ весь день съ

нимъ въ разныхъ вовсе постороннихъ разговорахъ, ни мало не подозрѣвая, что сей прїѣздъ его будетъ имѣть большое вліяніе на всю будущую жизнь мою. Собираясь къ отъѣзду. Хрущовъ началъ звать меня на завтрашній день къ дядѣ своему Николаю Сергѣевичу Григорову, въ домѣ котораго онъ всегда жилъ какъ его воспитанникъ и наслѣдникъ; я отговаривался тѣмъ и другимъ, но долженъ былъ согласиться на его убѣжденія и на другой день, 19-го числа. поѣхалъ къ нимъ обѣдать и тутъ встрѣчаю, вовсе для меня неожиданно, теперешнюю жену мою.

Проведя съ нею сей день вмѣстѣ, я былъ очень симъ доволенъ и, возвратясь домой съ мыслями развлеченными, и не могъ соединить ихъ и дать себѣ отчетъ въ оныхъ. 24-го того же Іюня по случаю назначеннаго собранія, ѣхавъ въ Епифанъ я заѣзжалъ опять къ Григорову, гдѣ еще провелъ нѣсколько времени съ Александрой Федоровной, и Хрущовъ, ѣхавшій оттуда до Епифани въ моемъ экипажѣ, дорогою предлагалъ мнѣ вповѣ на ней жениться, на что я и согласился; Хрущовъ совѣтовалъ мнѣ сказать о семъ Григорову, какъ ея двоюродному дядѣ, что я и положилъ при удобномъ случаѣ исполнить. Я долженъ сказать при семъ, что сильнѣйшимъ побужденіемъ къ женитьбѣ моей было слѣдующее обстоятельство: 19-го Іюля, слѣдственно черезъ мѣсяць послѣ перваго свиданія моего съ моей Сашей, я прїѣзжаю къ Григорову съ тѣмъ, чтобы проститься съ Хрущовымъ, ѣхавшимъ тогда въ Москву; говоря о разныхъ предметахъ, жена его попросила итти съ нею въ садъ и тамъ, проведя къ акаціевой бесѣдкѣ, показала вырѣзанные женою моею крестъ и возлѣ онаго ея вензель слѣдующимъ образомъ: у+А.; таковыя благочестивыя чувствованія молодой дѣвушки меня поразили! Я видѣлъ сто разъ, какъ при подобныхъ памятникахъ они вырѣзываютъ любовные стишки, басенки и тому подобный вздоръ,—но мыслей сопряженныхъ съ истинною религіею я нигдѣ писанныхъ ими не видалъ и даже рѣдко, или лучше никогда не слыхалъ говорящихъ ихъ о вѣчныхъ христіанскихъ истиннахъ. Итакъ сіе новое и невиданное мною явленіе чрезвычайно меня тронуло, ибо я, сверхъ души нѣжной и возвышенной, видѣлъ въ семъ изображеніи и то, что она несчастлива, потому что счастливыцы міра сего не любятъ приближаться къ кресту Христову. Мысль имѣть женою столь преданную истинной вѣрѣ дѣвушку и быть ея утѣшителемъ меня воспламенила, и я не смѣлъ почти дышать при видѣ сихъ вѣчныхъ символовъ кротости и благочестія (все это была выдумка Н. И. Хрущовой). Будучи отъ бывшихъ со мною встрѣчъ въ сей жизни подозрительнымъ, я присоединилъ вскорѣ къ симъ восхититель-

нымъ мыслямъ. мысль: не притворство ли это? И не лицемѣріе ли начертало сей священный знакъ? Но одумавъ нашель, что подозрѣніи мои ложны, ибо есть-ли надобность лицемѣрять, когда Александра Федоровна не могла и подумать, чтобы я ею интересовался. потому что и виду на сіе ей мною не подано и еще почему знать ей образъ моихъ мыслей! Одумавши сіе я предался сладостнымъ мыслямъ, что есть еще на землѣ люди преданные искренно и сердечно Спасителю нашему, и что я нашель то, чего ищу—благочестье и кротость; будучи исполненъ сихъ мыслей и волнуемъ то сладостною надеждою, то опечаливаясь моимъ недостойнствомъ, я возвратился изъ сада и вскорѣ уѣхать домой.

20-го числа, то есть на другой день я написалъ письмо къ Хрущовымъ, въ которомъ, изложивъ желаніе мое жениться на Александрѣ Федоровнѣ, просилъ ихъ во время своего къ ней заѣзда отобрать отъ нея по сему предмету ея мысли и получа на сіе удовлетворительный отвѣтъ, рѣшился объяснить мое желаніе и Григорову, какъ близкому ея родственнику, что и исполнилъ 28-го числа. Сіе первое объясненіе было для меня очень трудно; во первыхъ потому, что тутъ дѣло шло о рѣшеніи моей участи, а во вторыхъ и потому, что я былъ очень застѣнчивъ при одной мысли жениться, вѣдренной въ меня моею матерью. Григоровъ принялъ мое предложеніе съ пріятностью, общалъ мнѣ свое ходатайство и увѣрилъ, что въ моемъ намѣреніи препятствія не будетъ; это меня очень порадовало, и я возвратился домой въ пріятномъ расположеніи духа, предавъ все желаніе и судьбу мою во Всемилосердную Волю нашего Искупителя. Наконецъ 8-го Августа я получилъ письмо отъ Хрущовыхъ, которымъ она увѣдомляетъ меня, что Александра Федоровна и всѣ ея родные согласны на мое предложеніе и просятъ меня пріѣхать къ нимъ къ 22 того же Августа. Съ играющей душой прочтя сіе радостное для меня письмо, я въ нетерпѣніи, не ожидая назначеннаго времени 10-го числа пустился въ Дворяниново, взявъ съ собой 600 рублей денегъ весьма кстати мною за нѣсколько дней полученныхъ отъ купившаго у меня, весьма дурного человѣка Степку. При самомъ началѣ сватовства моего является уже особенный Промыселъ Божій, ибо надлежало же въ сіе самое время Хрущовымъ ѣхать въ Москву, черезъ что я получилъ первое и необходимое для успѣха моего намѣренія свидѣніе.

Надо же было продаться и человѣку моему къ сему времени, чѣмъ я огражденъ въ необходимой при такихъ случаяхъ надобности въ деньгахъ; да и самому Григорову, имѣющему ужасный видъ и харак-

терь, надлежало же при моемъ объясненіи принять самую обязательную вѣжливость и тѣмъ окуражить меня; однимъ словомъ, я, при семъ важнѣйшемъ періодѣ жизни моей, подобно ребенку водимъ былъ на помочахъ Нѣжнѣйшимъ всѣхъ Отцемъ, Который надъ всѣми есть! И послѣ сего, падая предъ спмъ благимъ Богомъ изъ вины въ вину, гдѣ я могу искать помилованія и пощады, какъ не въ сей же пучинѣ не-постижимой благодати и милосердія? „Господи не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ!“

Путешествіе мое продолжалось два дня до Соломеннаго Завода, что на большой московской дорогѣ, гдѣ я остановился, чтобы собраться съ мыслями, передѣться и ѣхать въ Дворяниново въ 5 верстахъ оттуда лежащее, гдѣ живутъ Болотовы, а въ домѣ ихъ моя невѣста. Труденъ былъ для меня шагъ явиться среди людей вовсе для меня неизвѣстныхъ и къ самой невѣстѣ, которую я видѣлъ только два раза и то, можно сказать, мимоходомъ, но предавъ себя единожды въ волю и распоряженіе міровъ Правителя, съ искреннею надеждою на Его помощь, я рѣшился пуститься въ путь миѣ предлежащій! Выѣхавъ 12-го Августа изъ Завода такъ, чтобы къ 5 часамъ пополудни пріѣхать въ Дворяниново, я съ половины дороги сбился. Въ сіе же время нашла туча съ сильнымъ дождемъ и громомъ и мочила меня почти до самаго Дворянинова, но побѣждая или гоняся всѣ сія препятствія, я къ означенному времени пріѣхалъ къ цѣли своего, похожаго на Язюново, путешествія и былъ принятъ весьма ласково дѣдушкой Андреемъ Тимофеевичемъ Болотовымъ, встрѣтившимъ меня въ лакейской; посидѣвъ немного съ нимъ, я увидѣлъ, входящаго, небольшого роста, неважной наружности старичка, и это былъ любезный и почтенный Павелъ Андреевичъ другъ и благодѣтель мой! Сей рѣдкій человекъ съ перваго раза привлекъ къ себѣ мое бѣдное дотошъ въ наслажденіяхъ любви сердце и своимъ особеннымъ обращеніемъ столь меня очаровалъ, что и видя его въ первый разъ, черезъ нѣсколько часовъ почиталъ уже своимъ другомъ, своимъ наставникомъ, своимъ благодѣтелемъ, чѣмъ дѣйствительно онъ и сдѣлался, почувствовавъ, какъ самъ послѣ сказывалъ, при первомъ свиданіи со мною, нѣкоторое особенное ко миѣ влеченіе. Вскорѣ пріѣхали и дамы изъ гостей и среди нихъ моя невѣста, къ которой я и подошелъ, хотя я неловко, но довольно сносно: тутъ представленъ я былъ Павломъ Андреевичемъ бабушкѣ, его женѣ Марьѣ Федоровнѣ и его дочери покойной уже Еленѣ Павловнѣ, доброй и любви достойной дѣвушкѣ. Такимъ образомъ бывъ принятъ и обласканъ всѣми, я провелъ первый день весьма пріятно въ кругу сихъ истинно добрыхъ и благочестивыхъ людей, которымъ ни прежде, ни теперь не

вижу еще подобныхъ. Теперь надо сказать нѣсколько словъ о моей наружности; экипажъ мой былъ очень хорошій, состоящій въ прекрасныхъ, крытыхъ дрожкахъ, запряженныхъ четырьмя очень хорошими лошадьми въ наборныхъ хомутахъ, а самъ я нѣсколько приформился на заводѣ и имѣя полный карманъ золота и серебра, былъ съ сей стороны похожъ на жениха.

Я проводилъ въ Дворяниновѣ время очень пріятно, и въ сіе время познакомился и съ старшимъ сыномъ Павла Андреевича, Алексѣемъ, пріѣзжавшимъ къ нему на нѣсколько дней, и видѣлъ здѣсь нѣкоторыхъ ихъ знакомыхъ изъ Москвы пріѣзжавшихъ и принадлежавшихъ къ обществу масоновъ, куда и меня уговаривали присоединиться; всѣ эти лица сошли уже со сцены здѣшняго міра, какъ и многіе изъ сосѣдей, тогда видѣнныхъ мною у дѣдушки. Видя къ себѣ доброе расположеніе всѣхъ меня окружающихъ, я рѣшился наконецъ 18-го Августа поутру сдѣлать Павлу Андреевичу, а потомъ и дѣдушкѣ, мое предложеніе насчетъ Александры Федоровны. Павелъ Андреевичъ принялъ на себя переговорить о семъ съ невѣстой и черезъ нѣсколько времени я былъ помолвенъ; моя невѣста и я очень были рады, когда сблизясь законнымъ образомъ, мы могли ласкаться другъ друга. Я провелъ еще у нихъ нѣсколько дней и былъ представленъ многимъ ихъ сосѣдямъ какъ женихъ внучки хозяевъ: изъ всѣхъ видѣнныхъ мною сосѣдей болѣе всѣхъ интересовала меня добрая квягпня Марья Осиповна Несвицкая, выхвалявшая очень много мой выборъ. Наконецъ побывавъ на глумомъ пиру у сосѣда Лодыженскаго, гдѣ наглый его знакомый богачъ, котораго и фамилію я забылъ уже, желая по злему своему характеру вывести меня на сцену, началъ бранить всѣхъ вообще исправниковъ, зная, что и я служилъ онимъ, но я рѣшился молчать, видя себя въ весьма невыгодномъ положеніи для какой нибудь исторіи; будь это въ другомъ мѣстѣ и при другомъ случаѣ, то сей наглець былъ бы мною проученъ, а теперь я молчалъ берегши себя для тихой моей невѣсты, не знавшей еще всѣхъ свѣтскихъ случаевъ: сей наглець вскорѣ, какъ я слышалъ послѣ, сошелъ съ ума и умеръ бѣдственно.

Въ сладостное и пріятное для меня время, въ которое я носилъ званіе жениха и о которомъ люблю вспоминать, я болѣе и болѣе сблизился съ моею женою и получилъ всѣ знаки ея любви ко мнѣ въ присутствіи всѣхъ родныхъ ея. Наконецъ, получа отъ нея въ знакъ памяти кольцо. 21-го числа я выѣхалъ домой для приготовления къ свадьбѣ и оставилъ новыхъ родныхъ моихъ съ растерзаннымъ сердцемъ. Тоскуя и скучая и только находя утѣшеніе въ пріятномъ воспо-

минаніи пролетѣвшаго времени, въ которое я впервые еще видѣлъ человѣка меня любившаго въ особѣ моей невѣсты, и только съ сего времени считая бытіе мое, я пріѣхалъ домой поутру 23-го и тотчасъ началъ мыслить. гдѣ бы мнѣ достать необходимо нужные мнѣ 1000 рублей денегъ? Покойный братъ мой Алексѣй былъ человѣкъ надменный и скупой и просить у него помощи значило пускать на вѣтеръ слова: съ горестью убѣждаясь въ сей истинѣ всюю прошедшею моею жизнью и всѣмъ его бытіемъ въ семь мірѣ, мнѣ совершенно извѣстнымъ. я остановилъ мысль мою на сосѣдѣ моемъ Албучевѣ, который. когда видѣлъ меня не имѣющимъ нужды, весьма часто предлагалъ мнѣ свои услуги. Зная, что у него всегда есть деньги, послалъ я къ нему письмо, убѣдительно прося его одолжить мнѣ 1000 рублей на заемное письмо и получилъ чистый отказъ. хотя онъ и зналъ. что у меня 45 душъ и на нихъ долгу ни копейки. Зная людей я симъ не огорчился, но у меня стѣснилось сердце при одной мысли. что если я нигдѣ не найду нужныхъ мнѣ денегъ—черезъ то потерю добрую и хорошую мою невѣсту. Я имѣлъ свои деньги, но оныя были въ долгахъ и, считая у себя только 400 рублей. ибо 200 я подарилъ Сашѣ, приходилъ въ отчаяніе, но опомнясь я вновь возложилъ все мое упованіе и все мои надежды на Единого и Всемочнаго Покровителя моего Господа и Искупителя и сія надежда не посрамила меня. Сей случай вновь удостоивилъ меня въ истинѣ: „Призови Мя въ день скорби твоя изму ти и прославиша Мя“ (псаломъ 40-й ст. 15-й): „Не оставлю васъ сиротами, приду къ вамъ.“ (Іоан. гл. XIV ст. 18-й). Такъ Господи! прославлю милосердіе Твое, что Ты не оставилъ сироты всеми брошеннаго! 24-го числа рѣшился ѣхать просить Алексѣя о займѣ денегъ; ѣхавъ дорогой я просилъ Господа благословить мое намѣреніе и приклонить ко мнѣ сердце брата моего. По пріѣздѣ я началъ тѣмъ, что разказалъ о сватовствѣ сестрамъ моимъ, пріѣхавшимъ вмѣстѣ съ нимъ недавно изъ Тамбовской своей деревни и намекнулъ имъ о нуждѣ своей, на что Наталья отрѣзала словомъ „нѣтъ!“ Въ это время возшолъ покойный Алексѣй и я, продолжая разговоръ съ трепетомъ разказалъ ему все и потомъ съ сожалѣніемъ повторилъ: „Я было братецъ пріѣхалъ къ тебѣ просить денегъ, но сестра сказала, что у тебя нѣтъ“,—на сіе онъ сказалъ: „что нѣтъ? много ли тебѣ надо?“ Я въ радости готовъ былъ упасть ему въ ноги, и сказалъ: „1000 рублей“. — „Хорошо“, отвѣчалъ онъ мнѣ и принесъ деньги. Что это была единая милость Божія, подвигшая жестокое его сердце къ чувству милосердія, а не его прирожденная любовь къ человѣчеству, тому доказательствомъ служить то, что онъ, какъ бы раскаяваясь въ семь добрѣ далъ въ 1822 году заемное письмо въ 70000 рублей Натальѣ съ тѣмъ, чтобы мнѣ послѣ него ничего не

осталось, ибо чувствовалъ болѣзнь свою и потомъ, при полученіи денегъ отъ меня взялъ лишнихъ 64 рубля.

Получая такимъ. для меня вовсе неожиданнымъ, образомъ нужныя мнѣ деньги. я былъ въ восхищеніи, ибо теперь могъ положить навѣрное, что наконецъ скучное мое одиночество прекратится, что я буду имѣть вѣрнаго друга въ благочестиво-воспитанной женѣ моей и что наконецъ я стану въ рядъ съ полезными отечеству своему гражданами; меня восхищала мысль, что я буду имѣть дѣтей, воспитаю ихъ, доставлю имъ все лучшее, что только могу и, такимъ образомъ, снйщу людей, которые быть можетъ оросятъ нѣкогда прахъ мой слезами любви и благодарности. Вознеся изъ глубины души моей благоговѣйную благодарность къ благословляющему меня Господу, я черезъ нѣсколько дней, исправясь покупкою лошадей и взявъ у пріятеля моего Хрущова двумѣтную карету для будущей моей свадьбы необходимую, пустился въ путь свой въ Дворяниново, убѣдя покойнаго теперь брата моего Алексѣя пріѣхать ко мнѣ на свадьбу и занять мѣсто отца, что онъ великодушно и исполнилъ.

Проѣзжая Тулу и закуша въ ней великолѣпный, какъ водится для свадебнаго стола десертъ и купивъ обручальныя золотыя кольца и два хорошихъ хомута, недостававшіе у меня къ шести лошадямъ, я не имѣлъ терпѣнія, а не денегъ спить что либо себѣ къ свадьбѣ отъ пламеннаго желанія видѣть скорое окончаніе одного, и, можно сказать, единственнаго желанія моего быть женату, страшась ужаснаго и ведущаго ко многимъ порокамъ холостого состоянія столь мнѣ постылаго. Итакъ, съ большимъ нетерпѣніемъ и считая всякую минуту, я въ послѣднихъ числахъ Августа пріѣхалъ въ Дворяниново вовсе неожиданно для всѣхъ моихъ новыхъ родныхъ и знакомыхъ. Вскорѣ за мной пріѣхалъ и покойный братъ Алексѣй, котораго, какъ дѣдушка, такъ и Павелъ Андреевичъ встрѣтили самымъ обязательнымъ образомъ. Къ сему времени, то есть въ 1-у Сентября съѣхались и родныя жены моей Пестовы, равно и многіе знакомые и свадьбѣ положено было быть 4 го Сентября. Наканунѣ, то есть 3-го числа подписанъ мною и свидѣтелями моими, братомъ моимъ Алексѣемъ, надворнымъ совѣтникомъ Галактіоновымъ и Павломъ Андреевичемъ обыскъ, а послѣ былъ пріѣздъ многихъ сосѣдей. Наконецъ наступило достопамятное и нетерпѣливо мною ожидаемое 4-е число, въ которое и совершонъ бракъ мой въ церкви села Русятина, приходѣ дѣдушки, при стеченіи большого числа дворянъ. По прошествіи уже девяти лѣтъ я благословляю сей священный и незабвенный для меня день, въ который я сдѣлался бла-

женнѣйшимъ изъ людей! Сей день введя меня въ цѣпь рода человѣческаго, уничтожилъ тщетное мое существованіе и слѣдственно есть начало всему добру, всѣмъ радостямъ, всему довольству, всему устройству, которымъ теперь наслаждаемся я и окружающее меня мое семейство! Благословляю Тебя Отецъ щедротъ, яко Совершителя моего и семейства моего счастья! Будь имя Твое благословенно въ родѣ моемъ во вѣки и вѣки!

Церемоніальный кортежъ или поѣздъ нашъ къ церкви, былъ въ 4-хъ каретахъ цугами, а возвращеніе въ домъ дѣдушки было при звукахъ музыки и при встрѣчѣ насъ почтеннѣйшими старцами, у коихъ воспитывалась жена моя, и которую они щедро одарили, давъ ей на приданое 2000 рублей и брильянтовъ на 100 рублей же, ибо болѣе дать и не могли и не были обязаны, награда мать ея имѣніемъ, которое ровно какъ и вещи прожилъ отецъ моей Сашы. На другой день былъ пышный обѣдъ и балъ, на которыхъ было болѣе 45 человѣкъ гостей: послѣ сего дня мы съ женой въ привезенной мною каретѣ дѣлали визиты и пробывъ болѣе недѣли въ Дворянновѣ, къ половинѣ Сентября пріѣхали въ свое Красное, весьма плохо тогда отстроенное, въ домъ имѣвшій только 7 комнатъ, плохо внутри отдѣланныхъ. Привыкнувъ жить въ огромныхъ комнатахъ, сіе нѣсколько смутило жену мою, но къ чести ея сказать надо, что сіе смущеніе было мгновенное. Мы вскорѣ приступили къ украшенію нашихъ пріемныхъ комнатъ, къ чему привезенные моей Сашей картины и гардины очень много послужили, и мы въ исходѣ Сентября и именно въ мой именины дали порядочный обѣдъ для своихъ обоюдныхъ родныхъ. Согласіе, терпѣніе и расчетъ, а наче благословеніе Божіе, по времени дало намъ возможность преобразить не только внутреннее убранство комнатъ, но и наружный видъ нашего дома и сверхъ сего измѣнить неопрятный и дурной видъ мазанокъ и гнилого строенія, на прекрасное каменное, и соломенные крыши—на тесовыя. Справедлива русская пословица: „гдѣ у мужа съ женою ладъ—тамъ и владъ“. Проводя съ доброй женой моей время непримѣтнымъ для насъ образомъ въ семейственныхъ занятіяхъ, выѣздахъ и пріемахъ у себя гостей, мы вначалѣ зимы поѣхали къ почтенному нашему дѣдушкѣ Андрею Тимофеевичу и проведя у сего любви достойнаго и рѣдкаго старца болѣе двухъ недѣль, поѣхали въ Калугу къ родной теткѣ жены моей Аннѣ Ивановнѣ Албычевой: разставаясь съ симъ ангеломъ, а не человѣкомъ, я не могъ не плакать. И теперь благоговѣю предъ симъ идеаломъ добра и истинной философіи 92-лѣтнимъ уже слѣпымъ старцемъ, сердечно сожалѣю, что семейственные наше занятія и хозяйство препятствуютъ мнѣ чаще его видѣть и

слышать поучительныя его бесѣды. Путешестіе наше къ покойной уже геперь Аннѣ Ивановнѣ Албычевой было весьма пріятно, ибо въ сіе время заѣзжали мы къ сестрамъ жены моей по одному отцу, гдѣ я и познакомился съ ними; они жили тогда у дяди своего Карабанова, Смоленской губерніи въ селѣ Восцахъ, которое показывается на всѣхъ картахъ.

Пріемъ учиненный намъ отъ Анны Ивановны былъ достоинъ того ума, которымъ обладала сія любезная дама. Мы у нея прогостили ровно мѣсяць, и я былъ чрезвычайно обязанъ ея ласкою, а Сашу она осыпала своими благодѣянiями, подаря ей 500 рублей сверхъ 2000 р. должныхъ ей отцомъ ея, которые она простила намъ, обязавъ такимъ образомъ насъ и будущее наше потомство, вѣчною къ себѣ благодарностію. Во время нашего у ней пребыванiя она давала нѣсколько обѣдовъ, знакомя насъ съ своими сосѣдями и стараясь доставить намъ всевозможныя удовольствiя; и сей почтенной и пріятной дамы нѣтъ ужъ въ здѣшнемъ мірѣ! Злоба и неблагодарность унаслѣдованной ею себѣ племянницы подлой Корзыковой сократила жизнь ея. Миръ праху моему добрая женщина и нѣжная родственница!

Возвратясь домой уже въ 1822 году съ беременной женой, и привезя съ собой сестру ея Любовь Федоровну, мы всю сію зиму проводили весьма пріятно, заведясь и хорошимъ зимнимъ экипажемъ, купленнымъ нами передъ нашимъ вояжемъ за Калугу и, такимъ образомъ, разѣзжались въ хорошей кибиточкѣ заплаченной нами 450 рублей. Въ маѣ 1822-го года посѣтили насъ многіе родные жены моей, какъ то Пестовы со всѣмъ семействомъ и Кисленскіе со всею семьей своей, которыхъ мы и угощали отлично и для нихъ изумительно, давая имъ прекрасные столы: особенно Кисленскія, московскія жительницы были, видимо, изумлены образомъ нашей жизни, слыша, что я небогатъ и видя во всемъ вкусъ и порядокъ, потому что я и холостой любилъ давать хорошіе столы, имѣя всегда и десертъ прекрасный, живя отлично, весело. Наконецъ я видѣлъ приближающимся то время, въ которое долженъ я былъ впервые получить священное званіе отца. Въ іюлѣ того 1822-го года, свояченица моя отправилась домой, а я съ женой въ началѣ Августа поѣхалъ въ Тулу для родивъ ея, сердечно желая употребить всѣ пособія искусства для первыхъ родовъ ея, не щадя никакихъ издержекъ, а прося Господа силъ благословить меня благополучнымъ разрѣшеніемъ сей любви достойной жены моей.

Послѣ многихъ лѣтъ, я вновь приступаю къ повѣствованію важнѣйшихъ событiй въ моей жизни уже въ Сентябрѣ 1834 года. Итакъ, я принялъ отъ Господа благословеніе рожденіемъ мнѣ сына Павла 18-го

Августа, пополудни въ 9-мъ часу. Едва ли я былъ когда столько счастливъ, какъ въ ту минуту, когда милая жена подарила меня первымъ плодомъ взаимной и счастливой любви нашей: плакалъ и прыгалъ отъ радости,—но первымъ моимъ чувствомъ было при постели жены повергнуться на колѣни и благодарить Отца щедротъ! Съ такими же чувствами я принималъ рожденіе и Оленьки 1823-го года 4 Августа, Миши 1825-го года Февраля 5-го, и Саши 1830-го года января 7-го, бывъ всегда при женѣ моей безъ отдыха во все время мукъ ея. Послѣ рожденія Саши я, какъ бы по предчувствію, что она будетъ послѣднею отраслью моего семейства, велѣлъ служить благодарное Господу Богу молебствіе. въ самыя первыя минуты появленія ея въ міръ сей!

Глава XI.

Намѣреніе къ собранію денегъ для дѣтей, улучшение нашего хозяйства, смерть брата Алексѣя. Строеніе, разведеніе садовъ, заведеніе скота, экипажа. Періодъ отъ 1822-го до 1831-го года.

Рожденіе Паши и беременность жены моей Ольгой. породили во мнѣ мысль о будущемъ воспитаніи дѣтей. Состояніе наше было весьма умѣренное и доходъ нашъ не превышалъ 3000 рублей, слѣдственно, онаго было бы недостаточно къ издержкамъ на наемъ учителей, плату въ пансіоны и на свое содержаніе. Это обстоятельство дало мнѣ мысль положить себѣ правиломъ проживать по 150 руб. въ мѣсяцъ, а достальной доходъ весь прятать, ибо я хотѣлъ воспитывать дѣтей на свое, а не на общественное иждивеніе, полагая что въ этомъ-то и есть обязанность родителей: сверхъ сего собственный опытъ мнѣ указывалъ, что гражданская служба выгоднѣе и покойнѣе военной, послѣ которой, почти всегда, потерявъ здоровье возвращаются восвоея, тогда какъ гражданскій чиновникъ, служа на одномъ мѣстѣ въ лучшемъ обществѣ. не только получаетъ большое жалованье, но прослужа даже 35 лѣтъ. идетъ въ отставку здоровый и съ большимъ пансіономъ. А какъ образованіе въ гражданскую службу гораздо многосложнѣе. а слѣдственно и дороже, то и требуетъ болѣе денегъ. Будучи самъ прегадко воспитанъ, и не хотѣлъ подвергнуть подобной несчастной участи дѣтей моихъ. Богъ и прилежное чтеніе, а равно и знакомство съ людьми учеными, открыли мнѣ потребность въѣка. Итакъ могъ ли я не желать образованія дѣтей моихъ наилучшимъ образомъ. Къ чести жены моей сказать надо, что она въ семъ была со мною согласна, хотя по слабости женской иногда и досадовала на недостатокъ въ деньгахъ, а слѣдовательно и въ гардеробѣ, но я умѣлъ все уладить и шелъ къ своей цѣли постоянно и неутомимо. презирая людскіе толки, зависть родного брата Алексѣя и его желаніе

даже возбудить неудовольствіе въ женѣ моей за сіи сбереженія. Эта твердость характера моего произвела спасительныя слѣдствія такъ, что у насъ къ 1831 году составился капиталъ въ 2000 рублей, который я и отдавалъ въ проценты своимъ сосѣдямъ. Въ то же время мы съ женой, стараясь улучшить свое хозяйство, общими силами достигли того, что домашнее устройство ткачей, плетеніе кружевъ, вышиваніе и прочее, дало намъ хорошія средства къ житію. ибо въ теченіе сихъ 8 лѣтъ были года неурожайные на хлѣбъ и низкія цѣны онаго уменьшали годъ отъ году наши доходы. Вся домашняя экономія была слѣдствіемъ заботъ незабвенной жены моей: впрочемъ не надо полагать, что сія откладка денегъ не давала средства намъ жить порядочно, напротивъ, жена моя была всегда одѣта хорошо, къ намъ ѣзжали гости лучшіе въ нашемъ сосѣдствѣ, и мы купили въ 1828-мъ году прекрасную четверомѣстную карету, стоящую 1550 рублей, а до сего мы имѣли двумѣстную, за которую я заплатилъ 750 рублей. О моемъ гардеробѣ ни слова! Три фрака въ 9 лѣтъ и болѣе ничего. Стыдно отцу семейства думать о ничтожныхъ вещахъ.

Наконецъ въ 1827 году послѣ 14-лѣтней и истощительной болѣзни. вслѣдствіе развратной молодости, а можетъ и проклятія матери. братъ мой Алексѣй умеръ несчастно, никѣмъ неоплаканный. Вотъ примѣръ молодымъ людямъ! Истощеніе соковъ имѣло пагубное вліяніе на его характеръ: грубый, холодный, непріязненный, скупой, сварливый и завистливый. Ахъ, сохранимъ себя отъ пьянства и сладострастія! Когда пишу сіе и другой примѣръ является намъ въ трясушемся, слабомъ и ни къ чему неспособномъ другомъ моемъ братѣ, къ несчастію отцѣ 12 дѣтей! Но святой законъ болѣе долженъ дѣйствовать на васъ любезные мои дѣти, нежели всѣ слова мои: помните Заветъ Спасителя не объѣдаться и не упиваться, дабы не быть постигнутыми бѣдствіями и дабы могли мы стать предъ Сыномъ Человѣческимъ.

По смерти брата Алексѣя открылось, что онъ все свое и чужое имѣніе отдалъ сестрамъ. Я презрѣлъ сіе, но Владиміръ, вступя въ тяжбу съ сестрой, ничего не выигралъ кромѣ того, что осрамилъ себя. Смерть Алексѣя сблизила насъ родныхъ, которыхъ гнусный его характеръ всегда разъединялъ. Теперь, видя, что намъ некому препятствовать, мы съ женой, вымѣнявъ у сосѣдей и присоединя изъ общихъ луговъ землю подъ гумно, начали разводить сады себѣ, которыми къ 1830 году мы и заняли десятины полторы, насадя болѣе 500 яблокъ, въ томъ предположеніи, чтобы современемъ усилить свои доходы: въ сіе же время я началъ строить все надворное строеніе ка-

менное и крыть его дранью, дабы не имѣть впослѣдствіи издержекъ на строеніе, когда надо будетъ посвятить себя одному великому предмету—воспитанію дѣтей; сверхъ сего содоменная крыша по моему расчету много лишала насъ удобренія земель: всѣ снп зданія, прочно и красиво мною построенныя съ 1828-го по лѣто 1832-го года включительно, которыя стоятъ мнѣ болѣе 4000 рублей. Я сказалъ, что по смерти Алексѣя намъ некому было мѣшать въ разведеніи садовъ, а поэтому надо объяснить, что Алексѣй никогда не согласился бы промѣнять намъ клочка своего въ лугу у сада нашего лежавшаго, ибо былъ прежадный и пренегодный сосѣдь, да я лучше бы сталъ камня ворочать, чѣмъ просить о чемъ этого ужаснаго человѣка:—одинъ разъ и то не безъ особеннаго Божьяго укрѣпленія просилъ я у него денегъ передъ моею свадьбою. Въ доказательство того могу сказать, что я не заикался даже просить его о раздѣлѣ 15 десятинъ кустовъ, которыми онъ владѣлъ силою одинъ, и которыя мы по его смерти въ тотъ же годъ раздѣлили и отъ которыхъ я на свою часть получилъ три десятины, а съ ними ежегоднаго дохода по 300 рублей; къ гнусной же чертѣ его характера принадлежитъ то, что онъ всегда говорилъ: на что мы собираемъ деньги, ибо де отъ меня все вамъ достанется, а самъ давно уже сдѣлалъ духовную въ пользу сестеръ. Но забудемъ сего человѣка и порадуемся, что подобныя весьма между нами рѣдки.

Такимъ образомъ съ сего времени, то есть съ 1828-го года, благословеніе Божіе полилось на насъ рѣкою, какъбы въ возмездіе обиды, которую хотѣлъ намъ сдѣлать человѣкъ, ибо въ сіе же время мы начали разводить коровъ, которыя и стали вестись благополучно: симъ мы достигли лучшаго и множайшаго удобренія земель, а слѣдственно и лучшаго урожая хлѣбовъ. къ чему крыша дранью дала намъ обильное средство.

Итакъ теперешнее благостояніе если сравнить съ бывшемъ ровно за 20 лѣтъ или въ 1811-мъ году, то какое представится изумительное разстояніе. Не ясно ли видимъ перстъ Божій, вопреки злоковарству людей, выведшій судьбу мою на стезю спокойствія душевнаго и тѣлеснаго? Такъ Господи, Тебѣ Единому подобаетъ хвала, честь и благодареніе! Мирное счастье, семейственная радость, знатное знакомство, прекраснѣйшее строеніе, большіе и прелестные сады, славныя сажалки, во всемъ изоблііе—явилось тамъ, куда люди бросили человѣка въ бѣшенствѣ своей страсти, дабы погрузить его въ тинѣ болота, и въ плетневыхъ сараяхъ погребсти его тѣло, а можетъ и душу, ибо долго ли довести до отчаянія! Но тамъ, гдѣ ожидалось счастье, водворился плачь, вопль болѣзни, зависти и презрѣнія, вмѣсто довольства и извѣстности!

Отцовскія строенія пали, сады исчезли, прудъ изсохъ и во всемъ явился недостатокъ такъ, что у бѣднаго и презрѣннаго прежде Михайлы богатая и захватившая все въ свои руки Наталья стала занимать по полторы тысячи рублей, и сей прежній бѣднякъ не бралъ даже съ нея процентовъ! Господи, въ Твоей обожаемой славѣ жребій мой! Ты поднявъ меня возставилъ! О, да изсякнетъ сердце мое въ благодарности къ Тебѣ! 12 лѣтъ я наслаждался рѣдкимъ въ мѣрѣ счастьемъ, имѣя супругу кроткую, пришло время и Ты воззвалъ ее! Прости роцотъ слабости и не отринь меня во время старости моей. Удостой исполнить обѣтъ сердца моего, достойно воспитать мнѣ дѣтей моихъ, мнѣ Тобою же данныхъ! Утверди сердце мое на камени заповѣдей Твоихъ и постави мя на путь миренъ! Благослови! Ахъ, благослови дѣтей моихъ, единое мое въ семь мѣрѣ счастье! Удѣли имъ отъ моего благословенія лучшую часть, устрой имъ все на полезное! Пусть они закроютъ глаза мои, пусть я воскликну въ послѣдній день мой: „Благи еси Ты Господи и благо сотворилъ рабу Твоему“!

Глава XII.

Наемъ учительницъ, холера Морбусъ, неожиданный подарокъ. Наслѣдство, продажа лѣса, поѣздка въ Москву, распространеніе нашей усадьбы и сада, отдача Паши въ пансіонъ. Періодъ отъ Марта 1830-го до Февраля 1833-го года.

Вождѣльное время мною съ толкимъ нетерпѣніемъ ожидаемое наконецъ наступило. Пашѣ наступилъ 8-й, Ольгѣ 7-й годъ, и мы наняли для ученія ихъ по французски и нѣмецки, географіи и прочему, воспитывавшуюся въ Екатерининскомъ институтѣ благородную дѣвушку Теплому за 800 рублей ассигнаціями въ годъ и помѣстили ее съ сестрою въ пристроенный для сего къ дому флигель. Можетъ быть я поторопился началомъ ученія по лѣтамъ дѣтей моихъ, но собственное невѣжество страшило меня; виновная безпечность моего отца всегдашнимъ мнѣ служила ужасомъ, и я боялся пропустить время драгоценнѣйшее самой жизни. Ученіе дѣтей шло прекрасно до самаго Октября. Въ сіе время появилась въ Москвѣ холера и ужасъ поразилъ сердца всѣхъ! Всѣ спѣшили соединиться на смерть со своими родными, и прекрасная наша мамзель уѣхала къ своей матери въ Каширу. Потомки не возмогутъ представить себѣ того ужаса, который распространила стоустая молва, подкрѣпляемая и глупѣйшими распоряженіями тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ Закревскаго; онъ вызвалъ все дворянство на службу, какъ бы при нашествіи непріятели, раздѣлилъ всѣ

губерніи на части и оцѣнили всѣ селенія другъ отъ друга. Сіе неслыханное глупое распоряженіе естественнымъ образомъ лишило Москву и всѣ губернскіе и уѣздные города продовольствія, что и заставляло бросить сіи пагубныя предосторожности, имѣвшія слѣдствіемъ бунты. Въ сіе время выпускались столь глупые слухи, что безъ досады нельзя ихъ было слушать; говорили, что будто злонамѣренные люди отравляли пруды и колодцы, отчего и происходитъ болѣзнь; чернь говорила, что господа нарочно выдумали болѣзнь, чтобы живыхъ людей варить въ котлахъ, относя къ сему приготавливаемые на случай появленія болѣзни чаны для ваннъ. Такія и тому подобныя вѣсти въ теченіе 4 мѣсяцевъ утомляли слухъ нашъ, сверхъ сего лѣкари совѣтовали застаться одинъ такимъ, другой такимъ лѣкарствомъ, и мы наполняли ими цѣлые шкафы; нѣкоторые даже бросились въ библію и отыскавъ тамъ слова Иисуса Сирахова касательно азіатской холеры, которая у нихъ была слѣдствіемъ объядѣнія, пустились толковать, что будто Господь послалъ сію болѣзнь въ наказаніе нашего пресыщенія. Но событія опровергли сіи гаданія, ибо умирали сею болѣзнию самоубѣднѣйшіе люди, но однако неоспоримо, что сія ужаснѣйшая эпидимія похищала наиболѣе пьяницъ и любодѣевъ. Наконецъ ужасъ, какъ не могущій продолжаться долго, прошелъ, но мамзель наша не являлась, и мы въ началѣ 1831-го года наняли швейцарку Гизендерферъ за ту же цѣну и тому же учить дѣтей нашихъ. Итакъ ученье пошло опять не только тѣмъ же, но и лучшимъ порядкомъ. Въ исходѣ Іюля того 1831-го года, знакомый намъ старичокъ и двоюродный дядя жены моей Николай Сергѣевичъ Григоровъ, бывавшій у насъ воспріемникомъ дѣтей нашихъ и любившій насъ, получилъ неожиданно ударъ, лишившій его употребленія языка, руки и ноги; получа о семъ извѣстіе, мы поспѣшили къ нему на помощь, и я успѣлъ возвратить его къ жизни, вопреки звѣронравнаго его племянника и наслѣдника Хруцова, желавшаго тотчасъ уморить его. Старикъ сей первымъ своимъ дѣйствіемъ подарилъ намъ 3000 руб. ассигнаціями. Здѣсь я должевъ замѣтить, что сей старичокъ умеръ 9-го мая 1832-го года, а племянникъ и злодѣй его Хруцовъ 15-го или 18-го того же мѣсяца! Здѣсь ясно правосудіе Божіе покарало преступника. Въ томъ же 1831-мъ году 25-го Декабря, ровно черезъ 20 лѣтъ послѣ кончины моей матери и въ самый день оной, умеръ братъ мой Иванъ, жившій возлѣ насъ, гдѣ теперь у насъ садъ у скотнаго двора. Опустимъ завѣсу на жизнь сего человѣка. Кончина его была мучительна. Послѣ него, мы съ братомъ Владиміромъ, пріѣхавшимъ для сего изъ Херсона, гдѣ онъ служилъ въ гарнизонѣ, подѣлили имѣніе; мнѣ досталось по 7 десятинъ земли въ полѣ пахотной господской и 20 душъ въ разныхъ мѣстахъ

и на нихъ долга 2500 рублей ассигнаціями, половину котораго я заплатилъ на другой годъ.

Такъ вовсе неожиданно капиталъ нашъ возросъ въ 12000 и доходъ возвысился такъ, что мы въ 1835 году получили онаго 5600 рублей, сумму доселѣ небывалую. Къ 1832 году, по случаю отпуска мадамы, я ѣздилъ въ Москву, гдѣ и нанялъ, послѣднюю у насъ доселѣ жившую, мерзавку Зекъ за 1200 рублей ассигн., которую въ декабрѣ того же года и выгнали какъ воровку и отравительницу. Въ томъ же году въ маѣ мѣсяцѣ бывъ на выборѣ я ѣздилъ въ Порѣчье село Одоевскаго уѣзда и продалъ тамъ лѣсъ за 2400 рублей и вотъ капиталъ нашъ возросъ и въ 14000 рублей, изъ которыхъ я далъ сосѣду Протопопову 700, родному дядѣ по женѣ Болотову 5000, свояченицѣ моей Зміевой 2000 ассигнаціями. По упомянутому мною раздѣлу, усадьба наша увеличилась, и я вновь распространилъ садъ, посадивъ тамъ 180 яблонь, и такимъ образомъ теперь у насъ въ садахъ болѣе 800 плодовыхъ деревьевъ, тамъ гдѣ не было прежде ни хлыстика.

Мерзость характера и подлость образа мыслей иностранокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ невозможность найти русскаго учителя или учительницу, заставили меня и жену мою рѣшиться отдать Пашу въ пансіонъ Тульскій. Выдержавъ жестокую болѣзнь, называвшуюся гриппъ, котормъ страдала не только вся Россія, но и вся Европа, и которую приписывали летавшимъ метеорамъ или, какъ въ простонародіи называютъ падающимъ звѣздамъ, которыхъ въ исходѣ Ноября помнится упало безчисленное множество, да и воздухъ сею зимою былъ отмѣнно густъ и туманенъ, хотя и бывали жестокіе морозы: все сіе дѣлало чрезвычайное вліяніе на людей, и дорогой на многихъ обозахъ видѣлъ я лежавшихъ болѣныхъ людей, чего прежде никогда не бывало. Вообще 1831-й и 1832-й года были очень тяжелы и много народу померло: лѣкаря и попы набрали себѣ большія деньги.

Итакъ получа естественное, а не отъ искусства лѣкарей, которые пичкали насъ и сами не вѣдали свойства болѣзни, облегченіе, я поѣхалъ съ сыновьями 20-го Декабря въ Тулу гдѣ была уже больная жена моя съ Оленькой, а Сашу оставилъ дома. Этотъ милый ребенокъ въ сіе тяжкое для меня время часто оставался на рукахъ негодной няньки и только особенному покровительству Провидѣнія обязанъ я сохраненіемъ ея. Тамъ въ началѣ Января, отдавъ Пашу въ пансіонъ для ученья языкамъ: латинскому, французскому, нѣмецкому, исторіи, географіи, математикѣ, танцовать и музыкѣ, а равно Закону Божьему и рисова-

вію съ платою по 900 руб. ассигнаціями или по курсу 1026 руб. въ годъ и пробывъ тамъ недѣли три прїѣхалъ къ Сашѣ; потомъ я въ исходѣ Января вновь поѣхалъ въ Тулу и привезъ отчаянную жену мою въ деревню, куда она сама пламенно желала ѣхать. Теперь я приступаю къ описанію самаго горестнаго для меня событія, въ одной только вѣрѣ ища себѣ подкрѣпленія и утѣшенія! Надлежало мнѣ потерять вѣрнаго друга! Боже, укрѣпи меня и утѣшь! 14-го Октября 1834-го года.

Глава XIII.

Волѣзнь и смерть жены моей Александры Федоровны.

Бывши всегда слабаго здоровья, покойная жена моя послѣ разговѣнья на святой недѣлѣ 1832-го года. бывшей тогда въ половинѣ Апрѣля, почувствовала тошноту, съѣвши приготовленный мерзавкой Зекъ, учившей дѣтей нашихъ, пирогъ. но запивши квасомъ она ничего болѣе не чувствовала. Въ Маѣ у ней остановились регулы и начазась сильная жажда такъ, что она выпивала въ день по нѣскольку бутылокъ квасу и воды: призвана была Епифанская весьма искусная акушерка, которая по осмотрѣ объявила, что она беременна и что жажда въ беременности иногда бываетъ; успокоенный симъ увѣреніемъ опытной бабки и поѣхалъ на бывшіе тогда въ Тулѣ выборы и возвратись оттуда послѣ 20-го Мая я нашель ее въ хорошемъ состояніи здоровья. но все съ тою же жаждою. Прекрасное лѣто было проведено нами по обыкновенію радостно, и мы выѣзжали въ гости и принимали у себя, но въ началѣ Октября она вдругъ почувствовала себя дурно; призванъ былъ Богородскій лѣкарь, который, желая точнѣе удостовѣриться въ беременности. призвалъ другую бабку и нашель, что беременности нѣтъ, а что она больна, но по, жестокому ихъ обыкновенію, не сказалъ чѣмъ. Съ сихъ поръ началось лѣченіе, и оба лѣкаря городской и полковой не сдѣлали ей большой пользы. Въ исходѣ Ноября я самъ легъ въ постель отъ посѣтившаго всю Европу гриппа. Въ началѣ Декабря она пожелала ѣхать въ Тулу, и я. едва могшій ходить, собралъ ее. далъ ей 300 р. асс. денегъ и. выпрося у любезнаго сосѣда Протопопова зимнюю карету, отпавилъ ее туда съ Оленькой, чтобы не было ей скучно; при семъ просилъ ее и писать къ сестрамъ, чтобы по прїѣздѣ ея въ Тулу сдѣлать консилиумъ и кто съ онаго возьметъ лѣчить ее, тотъ пусть и лѣчитъ. Но вышло все не такъ. Прїѣхавши въ Тулу покойная взяла прямо доктора Морица, который сначала и помогъ ей, но давши ей рвотное и продолжая давать лѣкарство во время отрывшихся было у ней регуловъ, поставилъ ее на край гроба. Едва таскаясь, я велѣлъ

себя посадить въ кибитку и съ сыновьями около 20-го Декабря поѣхалъ въ Тулу, оставя милую Сашу дома. Тамъ я нашелъ жену свою въ худомъ состояніи и пробылъ съ ней до 10-го Января: злодѣй Морицъ увѣрилъ меня, что онъ ее черезъ двѣ недѣли вылѣчить, и я ему повѣрилъ, оставя еще 200 рублей, я поспѣшилъ домой къ своей малюткѣ. ибо жена моя осталась на рукахъ сестеръ моихъ. Я не зналъ, что Наталья фурія, которая все мнѣ льстила, а сама поступала какъ лютая змѣя. о чемъ кроткая жена моя ни полслова мнѣ не сказала, но о чемъ я узналъ поздно уже отъ своей негодной невѣстки. Во время моего отъѣзда умерла сестра моя Александра, что и понудило жену мою переѣхать къ невѣсткѣ; узнавъ о семъ я поскакалъ на подставныхъ въ Тулу и нашелъ жену свою въ отчаянномъ состояніи, сколько отъ чудовища Морица, столько отъ дѣйствія смерти сестры моей Александры, можно сказать внезапной. еще отъ холодныхъ комнатъ, въ которыя помѣстила ее мерзавка моя невѣстка. Всѣ сіи обстоятельства меня сразили, на перемѣну доктора и лѣченіе въ Тулѣ и наемъ квартиры она не согласилась, а непременно хотѣла ѣхать въ деревню, что я и долженъ былъ исполнить, опасаясь раздражить ее. Моціонъ и покой дома видимо укрѣпили было ея здоровье, но поѣздка на свадьбу къ сестрѣ ея разстроила вновь, однако она ходила и видимо въ ней не было ничего опаснаго, такъ что она гуляла въ Апрѣлѣ при прекрасной погодѣ по саду и сидѣла въ рябиновой бесѣдкѣ, гдѣ я вырѣзалъ ея вензель. Въ исходѣ Апрѣля погода перемѣнилась на дурную и это такъ подѣйствовало на ея слабое здоровье, что она легла въ постель не жалуясь однако ни на что, а только говорила иногда, какъ ей грустна мысль разстаться съ нами; я утѣшалъ ее, и сама она собиралась ѣхать въ Москву проводить Ольгу и такъ была спокойна, что угощала прѣѣхавшую сестру мою и бывшихъ у насъ сосѣдей, но 1-го Мая прекрасная душа ея отлетѣла на лоно Отца всѣхъ; послѣднее ея дѣйствіе было пожать мою руку, обратя на меня полныя слезы глаза свои—я повергся у одра ея!..

Облитую не только моими, но многочисленныхъ, обязанныхъ ей излѣченіемъ и пособіемъ, людей и всѣхъ ея подданныхъ, слезами, мы погребли ее 3-го Мая въ селѣ Богдановѣ, при чемъ сами попы рыдали, а нашъ священникъ Иванъ Дмитріевичъ, говорившій надгробное слово и выхвалявшій кротость и милосердіе покойной, отъ рыданія вѣсколько разъ принужденъ былъ останавливаться. Что я тогда чувствовалъ, не знаю! Тѣло ея положили въ могилу 7-го Мая въ принадлежавшемъ намъ селѣ Порѣчѣ возлѣ церкви съ лѣвой стороны алтаря и надъ нею поставленъ гранитный памятникъ съ надписью, что тамъ покоеся

нѣжнѣйшая жена, чадолюбивая мать и попечительная госпожа. Съ тѣхъ поръ надъ ея останками служиться еженедѣльно обѣдни и панихиды. за что и плачу по 60 руб. въ годъ, а въ первый заплачено 120 руб., ибо служили по двѣ обѣдни въ недѣлю и по двѣ панихиды. Я съ намѣреніемъ велѣлъ служить послѣ обѣдни панихиду надъ могилой, дабы и самый прахъ ея былъ уважаемъ. а какъ пошны наши не такъ богаты и даже бѣдны. то я имѣю въ виду и то, чтобы и самый прахъ ея благодѣтельствовалъ бѣднымъ, какъ она въ жизни всегда спѣшила на помощь къ нимъ. Что пошны за это весьма благодарны, тому служить доказательствомъ ихъ письма ко мнѣ при полученіи денегъ. Достоинно замѣчанія. что у покойной послѣ отпѣванія нашъ попъ цѣловалъ руки и что отъ нея не было ни малѣйшаго запаха до самой могилы въ теченіе семи дней; она была подобна спящей и прекрасна какъ живая; всѣ добродѣтели сіяли въ лицѣ ея, и сосѣди удивлялись красотѣ смертныхъ остатковъ ея: блаженни умирающіе о Господѣ! Ей, глаголетъ духъ, да почиетъ отъ трудовъ своихъ! Изъ золотой парчи, коею она была покрыта, сдѣланы ризы съ бархатными голубыми оплечьями для попа и дьякона и отданы въ церковь Порѣчинскую.

Глава XIV.

Поѣздка въ Москву 1833-го года, хорошій доходъ на 1834-й годъ, умноженіе капитала и запасныхъ денегъ. Взятіе Паши изъ пансіона; причины этаго. Намѣреніе учить сыновей въ Московскихъ учебныхъ заведеніяхъ и жить тамъ для надзора за ними.

Послѣ горестной моей потери, я удвоилъ мои попеченія о дѣтяхъ и не видя средства хорошо образовать Оленьку дома, рѣшился отдать ее въ училище ордена св. Екатерины на своемъ иждивеніи, о чемъ еще въ Мартѣ просилъ Императрицу; по полученіи Ея соизволенія, взявъ обоихъ сыновей съ собой, а Сашу оставя дома, поѣхалъ въ Москву. гдѣ и отдалъ Оленьку въ то училище 11-го Мая. Заведеніе это прекрасное, и состоя подъ покровительствомъ Императрицы, пользуется особыми преимуществами: я плачу туда 700 руб. ассигн., что по курсу стоитъ 798 рублей въ годъ.

Всеобщій голодъ 1833-го года во всей почти имперіи, исключая нашу одну губернію, возвысилъ неимоверныя цѣны на хлѣбъ такъ, что я въ Москвѣ продавалъ муку по 2 р. 70 к. пудъ, пшеницу 27 руб.

четверть. овесъ 11 рублей, а гречу на мѣстѣ по 11 р. и 14 р. четверть. Здѣсь и на мѣстѣ муку я продавалъ весной 2 р. 30 к., а овесъ по 7 руб. четверть. Сія чрезвычайно высокая цѣна хлѣбу въ зиму 1833-го и 1834-го года дала мнѣ необыкновенный доходъ, а именно 7400 рублей.

Пользуясь симъ необыкновеннымъ случаемъ, я отложилъ въ капиталъ 2000 руб. ассигн. и составилъ запасную сумму въ 1240 руб. ассигн. и монетой 55 рублей, а всего въ сей годъ сберегъ я на монету 3748 руб. 60 к. Многие изъ моихъ сосѣдей получили двойной доходъ, но я полуторный, оттого, что имѣлъ небольшой запасъ хлѣба, да пожалѣлъ мужиковъ, послать въ 3-ій обозъ въ Москву. 1833-й годъ будетъ однимъ изъ бѣдственныхъ въ нашей исторіи, ибо поправились 100 человекъ, а раззорились милліоны. Въ исходѣ Іюня я по обыкновенію ѣздилъ въ Тулу и взялъ Пашу на вакацію домой. Въ самый же Петровъ день, когда мы пировали у одного нашего сосѣда, сгорѣла большая и лучшая часть Тулы и съ ружейнымъ заводомъ. Это происшествіе, а болѣе то, что при всемъ моемъ дѣятельномъ убѣжденіи директора училищъ Евграфа Воронова о лучшемъ присмотрѣ за пансіономъ и наблюденіи, чтобы всѣ учителя ходили въ свои часы, я не могъ сего достигнуть, рѣшился оставить у себя Пашу до зимы. Платить почти даромъ 1026 рублей обидно, а видѣть пропадающимъ время и еще опасаться на счетъ нравственности для сына своего прискорбно, и я весьма доволенъ, что Богъ вложилъ въ меня сію спасительную мысль, ибо науки онъ проходитъ съ помощью книгъ подъ моимъ надзоромъ, а нравственными моими съ нимъ бесѣдами онъ запасется на будущее время его общественной жизни.

Полагая по слуху директора училищъ Тульской губерніи Евграфа Воронцова за хорошаго человекъ и желая склонить его, какъ сказано выше, къ ревностному исполненію его священной должности, вниманію къ воспитанію благороднаго юношества, я познакомился съ нимъ и бывалъ у него часто безъ визитовъ и что же я увидѣлъ?—Человѣка лѣниваго, ни къ чему не способнаго, революціонера марающаго всякаго кто выше его, подлѣйшаго скупца и самаго негоднѣйшаго чиновника, презирающаго свою присягу, которою обязался онъ служить ревностно и не дѣлать ничего вреднаго для государя, когда онъ старается составить заговоръ противъ него, наклоня къ сему Бобринскаго, Ботвиньева, Сафонова, Голицына, Артемьева и многихъ другихъ, мною у него видѣнныхъ. Но кажется труды его будутъ тщетны, ибо говоря словами знаменитаго, Дмитріева:

„Большая часть изъ нихъ лейбъ-гвардіи капралъ.
Ассесоръ, офицеръ, какой нибудь подьячій.
Цѣль изъ кунсткамеры антикъ въ пыли ходячій.“

Сей Воронцовъ принадлежитъ къ сектѣ масоновъ, какъ самъ мнѣ о себѣ сказалъ, и, судя по нему, эта секта прикрывается только религіей, а внутри она политическая, какъ и давно я полагалъ это; теперь сія секта есть въ глазахъ моихъ презрѣннѣйшее скопище людей самыхъ негодныхъ и лицемѣровъ. Сама природа произведя сего Воронцова косымъ, положила на немъ какъ на Мирабо печать отверженія. Сіи обстоятельства возродили во мнѣ мысль везти сыновей въ Москву и тамъ искать лучшаго ученія и бдительнѣйшаго надзора за дѣтьми. Мысль, что въ столицѣ вѣрно строже наблюдаютъ за ученіемъ юношества, подтверждается прїѣздомъ туда именно для сего предмета знаменитаго нашего министра просвѣщенія Уварова: полагаю записать дѣтей въ дворянскій институтъ, если тамъ хорошо или въ извѣстный пансіонъ Голушки; въ обоихъ случаяхъ я для сохраненія нравственности дѣтей намѣренъ жить въ Москвѣ и отъѣзжать только на 5 мѣсяцевъ для необходимаго хозяйства въ деревню, изыскивая средства, дабы и въ сіе кратковременное мое отсутствіе они были подъ надзоромъ людей благомыслящихъ.

Заключеніе.

Если пройти мысленно всю цѣпь моей жизни, то какое представится сцѣпленіе событій странныхъ, отвратительныхъ и поучительныхъ.

Изувѣченный младенецъ, тащимый въ глубокую осень на 1000 версть, живъ! А сколько въ это время ненаглядныхъ и береженныхъ дѣтей, къ истинной скорби своихъ нѣжныхъ родителей, исчезло съ лица земли?!

Брошенный, необразованный и даже невѣжественный юноша достигаетъ чина офицера гвардіи, когда достойнѣйшіе—его не могли достигнуть!

Невинный сынъ непощаженный своею матерью, пощажень пулею враговъ!

Изгнанный хитростію ближнихъ, водворяется могущественною десницею, возводящую его постепенно отъ лучшаго въ лучшее и дающею насладиться первѣйшимъ благомъ въ мірѣ: счастливѣйшимъ и благословеннѣйшимъ супружествомъ!

Почитаемый за отребіе, за соръ земной, дѣлается попечительнымъ отцемъ прекрасныхъ дѣтей! И гдѣ враги мои? Мимо идохъ—и се, не бѣ ихъ!

„Алчущаго исполнилъ благъ, а богатящихся отпустилъ ни съ чѣмъ!“ (Луки гл. 1-я ст. 53-й). Такъ, Господи! Не мнѣ, но Тебѣ Единому да будетъ слава и благодареніе за всѣ блага на насъ изліянныя!

1811-го года пустырь болотный, гадкій обратился по манію Божію въ прекрасно устроенный и обработанный уголокъ 1834-го года! 1000 плодовыхъ деревьевъ, великолѣпные кусты розъ и другіе цвѣты красуются и благоухаютъ тамъ, гдѣ 23 года тому назадъ росли репей и крапива; три прекрасныя сажалки съ большимъ количествомъ рыбы явились на мѣстѣ прежнихъ воюющихъ болотъ: хорошій домикъ окруженный прекраснымъ каменнымъ обширнымъ строеніемъ стоятъ на мѣстѣ пустыря и дѣлаютъ видъ городка, а не деревни; вмѣсто подошшаго скота, выгнаннаго среди суровой зимы на чистый слѣгъ чадолюбивой матерью, явилось стадо, которое по милости Божіей столь многочисленно, что въ пять разъ превосходитъ то, которое истребили: отъ сего удобреніе земли доведено до 5 десятинъ ежегодно и будетъ еще умножаться при разведеніи скота въ множайшемъ еще количествѣ, а сіе удобреніе уже теперь значительно увеличивало урожаи хлѣбовъ, а по времени оныя дойдутъ до множайшаго изобилія, тогда какъ у брата моего, нѣкогда щедро надѣленнаго всѣмъ, теперь нѣтъ ничего, а у сестры, при всемъ ея богатствѣ, доходы ея и до половины не равняются съ нашими.

Изобиліе и красота экипажей, все заведеніе фарфора, хрусталя, мѣди и серебра въ довольномъ количествѣ и запасныхъ денегъ близъ 1500 рублей весьма ясно свидѣтельствуютъ наше домашнее устройство, а 16000 рублей капитала обезпечиваютъ состояніе того, кто 23 года тому назадъ не смѣлъ и помыслить о столь огромной суммѣ, каковой ни дѣдъ, ни отецъ мой, будучи богатѣе меня, никогда не имѣли. Скажемъ еще и о ткачахъ, приносящихъ хорошій доходъ, и о прекрасномъ строеніи, гдѣ они помѣщаются, и тогда получимъ вѣрный взглядъ на благосостояніе того, кого нѣкогда люди завистливые и сребролюбивые пожать хотѣли и въ мнимои своей премудрости считали за профана.

Устроивъ все хозяйство свое наилучшимъ образомъ и надѣясь, что доходъ нашъ и въ дешевые года не будетъ менѣе отъ улучшенія полей, продажи при благополучномъ состояніи завода, воловъ и масла и по приходѣ садовъ въ надлежащій возрастъ, что послѣдуетъ черезъ два года, теперь я обращаю всѣ мысли мои и всѣ способы на воспитаніе дѣтей, какъ на никогда негибнувшее достояніе, какъ на важнѣй-

шій предметъ моей обязанности и, однимъ словомъ, какъ на истинное мое симъ служеніе Богу и отечеству. Итакъ, устроая образованіе Оленьки наилучшимъ образомъ и помѣстя ее въ первое учебное заведеніе въ нашемъ государствѣ, я хочу обезпечить также и сыновей моихъ съ сей важнѣйшей для нихъ стороны. Что значить вещественное богатство? Ничто! Не часто ли видимъ, какъ именно оно дѣлаетъ многихъ тунеядцами, лишая въ нихъ отечество полезныхъ гражданъ и сверхъ сего, сіе богатство, дѣлая празднымъ своего обладателя, рождаетъ въ немъ многіе пороки. А революціи? Наше время чревато важными происшествіями, какъ сказала нѣкогда знаменитый Архенгольць. и эта истина не можетъ быть оспариваема. Только одинъ глупецъ не видитъ того, что мы ближе къ грозѣ, чѣмъ къ покою; но положимъ, что все пойдетъ попрежнему: не всегда ли однако мы видимъ, что умъ просвѣщенный науками стоитъ гораздо выше необразованнаго богача? не видимъ ли какъ Гречъ, Булгаринъ, Полевой и Загоскинъ однимъ просвѣщеннымъ умомъ достигли славы и сдѣлали себѣ славныя состоянія. Это ясно, а почему бы мнѣ, видя прекрасныя дарованія въ своихъ сыновьяхъ, не надѣяться видѣть въ нихъ знаменитыхъ ученыхъ, писателей? Счастіе состоитъ въ просвѣщеніи, ибо посредствомъ его человекъ не только достигаетъ званій, въ которыхъ можетъ приносить большую пользу отечеству, но имѣетъ еще и ту неоцѣненную выгоду, что остается среди общества людей образованныхъ; невѣжество во многихъ случаяхъ пагубно.

Итакъ для истиннаго счастья дѣтей моихъ для блага отечества и пользы его, я поставилъ себѣ священною цѣлью образованіе дѣтей моихъ наилучшимъ образомъ, не щадя для сего ни собственныхъ трудовъ, ни издержекъ. И самое состояніе наше указываетъ дѣтямъ моимъ поприще службы, ибо со всѣмъ ожидаемымъ наслѣдствомъ у насъ не будетъ болѣе 200 душъ, съ которыхъ по моему опыту въ самый лучший годъ нельзя получить болѣе 10000 дохода; раздѣлите его на четыре части, что достанется?

„Милая посредственность“! восклицаютъ молодые люди! Нѣтъ, эта философія хороша въ человекѣ 60 лѣтъ, но въ юношѣ лѣнь и болѣе ничего! Пора русскому дворянству вновь занять свое важное мѣсто на службѣ государственной. Пора отбросить поповичей и нѣмцевъ, а къ этому науки необходимы. Воспитаю дѣтей, я потребую отъ нихъ исполненія моего обѣта—доставить въ нихъ отечеству просвѣщенныхъ гражданъ, защитниковъ угнѣсенныхъ, карателей злыхъ и лихоимцевъ: къ этому они будутъ имѣть средства: жалованье по чину, доходъ съ имѣнница. Истинная философія въ умѣ и христіанское самоотверженіе

и вѣра въ сердцѣ проявятъ имъ ихъ святую обязанность лучше, чѣмъ всякія размалеванныя фразы. Итакъ, станемъ добре, станемъ со страхомъ на стражѣ храненія невинныхъ сердець дѣтей моихъ и будемъ внимать, что Господу угодно будетъ повелѣвать мнѣ.

Было время устройства имѣнія, было время на обезпеченіе состоянія сборомъ денегъ, и свидѣтель тому Богъ и моя совѣсть, что я не пропустилъ ни одного честнаго средства къ исполненію своей тогдашней обязанности. Теперь настало время бдѣнія другого и гораздо важнѣйшаго служенія; теперь не имѣнія, не умноженія денегъ, но прочнаго образованія дѣтей подъ моимъ родительскимъ надзоромъ. требуютъ Богъ и отечество.

Я буду жить въ Москвѣ 7 мѣсяцевъ, въ которые буду лично наблюдать дѣтей и болѣе читать, дабы еще умножить мои бѣдныя свѣдѣнія, столь необходимыя при образованіи дѣтей моихъ, а весной буду ѣздить для приготовленія деревенскими занятіями денегъ, нужныхъ для достиженія благословенной моей цѣли. Дождуся ли я или нѣтъ плода моихъ сердечныхъ заботъ и помысленій—видѣть въ любезныхъ дѣтяхъ моихъ добродѣтели людей зрѣлаго возраста, или могила прежде приметъ ничтожныя остатки того, который теперь мыслить и соображаетъ,—о томъ вѣдаетъ Единный міровъ Правитель; мое дѣло трудиться и жить мыслью благородною—оставить добрыхъ гражданъ своему отечеству и вѣрныхъ слугъ Богу и Государю. Жизнь безъ цѣли тяжкое бремя; а жизнь только физическая,—скотская и презрѣнная. Такъ думали всѣ мудрые люди древности и временъ новѣйшихъ, такъ мысля и я. Блаженны будутъ мои дѣти руководствуясь высокою сею мыслию, мыслию которая ведетъ родъ человѣчскій къ совершенству, и которая не терпитъ жалкой посредственности столь гибельной для общества. Блаженъ буду и я въ вѣчности, если память моя благословится дѣяніями дѣтей моихъ. Тамъ, соединясь съ духомъ вѣрнаго друга, передамъ ему все, что я сдѣлалъ и что старался сдѣлать для общихъ намъ дѣтей нашихъ, надъ которыми и ихъ потомствомъ да будетъ мое благословеніе.

1834-го года, Октября 19-го дня, въ сельцѣ Красномъ, Тульской губерніи. Епифанскаго уѣзда.

ВСЕПОДДАННѢЙШІЙ ДОКЛАДЪ Н. Х. БУНГЕ.

Долгомъ считаю испрашивать указанія Вашего Величества относительно проэктированной Графомъ Гейденомъ кодификаціи основныхъ законовъ Финляндіи.

Ваше Величество изволили предполагать созвать у Себя совѣщаніе по полученіи доклада министра Статсъ-Секретаря Финляндіи. Докладъ этотъ полученъ мною отъ Вашего Величества въ началѣ Марта.

Если Ваше Величество не соблаговолите поручить разсмотрѣніе проэкта кодификаціи Главноуправляющему Кодификаціоннымъ Отдѣломъ Государственнаго Совѣта, какъ я о семъ просилъ, то дозвольте мнѣ высказать по этому предмету свое мнѣніе.

Мнѣ кажется, что кодификація основныхъ законовъ Финляндіи не остановитъ, какъ повидимому надѣется графъ Гейденъ, стремленія патриотовъ къ возможному обособленію Княжества.—Напротивъ, одни изъ нихъ будутъ видѣть въ ней нарушеніе данныхъ обѣщаній, а другіе будутъ дѣлать произвольные выводы въ пользу своихъ взглядовъ.

Въ настоящемъ случаѣ, при всемъ уваженіи къ дарованнымъ Финляндіи правамъ, важно, чтобы государственная власть въ своихъ дѣйствіяхъ опиралась не на юридическія, филологическія или иные толкованія историческихъ актовъ, а на существующія практическія потребности, и принимала мѣры, клонящіяся ко благу всего государства. Подобно тому, какъ проведены въ царствованіе Вашего Величества извѣстныя мѣры въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, надо дѣйствовать и въ Финляндіи, принимая конечно во вниманіе различіе между обѣими частями Имперіи. Что было бы достигнуто въ Прибалтійскомъ краѣ, если бы, вмѣсто упомянутыхъ мѣръ, Правительство занялось бы ко-

дификаціею общихъ началъ, заимствованныхъ изъ старинныхъ привилегій, актовъ и пр.?

Главная задача Правительства въ Финляндіи должна состоять въ сближеніи княжества съ остальной Россіею. Для этого необходимо нѣкоторое распространеніе русскаго языка въ Финляндіи, объединеніе ея промышленныхъ и торговыхъ интересовъ съ общерусскими (сюда относится упраздненіе таможенной черты), и наконецъ преобразованія, касающіяся мѣстнаго войска.

Для принятія этихъ мѣръ нѣтъ необходимости въ кодификаціи основныхъ законовъ, достаточно чтобы каждая мѣра была обсуждена надлежащими учрежденіями, какія для сего будутъ указаны при участіи представителей власти въ Финляндіи и вызванныхъ оттуда экспертовъ.

Само собою разумѣется, что при изданіи новыхъ постановленій слѣдуетъ принимать во вниманіе мѣстныя особенности страны и весь строй сложившейся въ ней жизни, такъ какъ желательно, чтобы и въ Финляндіи разумная часть населенія сочувствовала совершаемымъ преобразованіямъ и видѣла въ нихъ не ограниченіе правъ, а залогъ для преуспѣянія своей родины.

Весь приведенный докладъ писанъ собственноручно Н. Х. Бунге и на немъ имѣется его же надпись.

„Высочайше повелѣно созвать совѣщаніе въ концѣ Апрѣля или въ Маѣ, или же въ началѣ осени.

С.-Петербургъ 11 апрѣля 1892 г.“

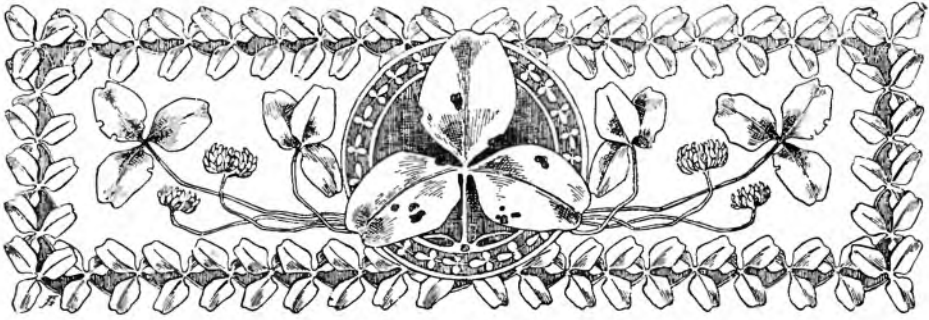
О „Запискахъ И. В. Лопухина“.

Любопытныя „Записки“ Ивана Владиміровича Лопухина, извѣстнаго масона, продиктованныя имъ, какъ онъ самъ указалъ, въ 1810 году, уже не разъ появлялись въ печати. Впервые онѣ были напечатаны въ Читеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей (1860 г., кн. 2. стр. 1—82 и кн. 3. стр. 83—173). Въ томъ же году вышло изданіе ихъ съ предисловіемъ А. И. Герцена (Лондонъ, 1860 г.), но со многими неточностями и ошибками. Затѣмъ, спустя почти четверть вѣка, незабвенный редакторъ Русскаго Архива—Петръ Ивановичъ Бартечевъ далъ въ своемъ журналѣ эти „Записки“ съ интересными примѣчаніями и портретомъ автора (1884 г., кн. 1).

Такимъ образомъ, нынѣшнее изданіе тѣхъ же „Записокъ“ (Русскій Архивъ 1913 г., кн. 11 и 12), предпринятое П. Ю. Бартечевымъ (младшимъ), оказывается четвертымъ по счету и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ исправнымъ, такъ какъ напечатано по тексту подлинной рукописи.

М.

ЗАПИСКИ И. В. ЛОПУХИНА.

Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Сенатора И. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ.

Часть Первая

Человѣкъ яко трава, дше его яко цвѣтъ сельный.

[Псал. 102., ст. 15.]

Книга третія.

Обратимся къ такъ называемой Исторіи Мартинистовъ въ Москвѣ.

Подозрѣнія, шпіонства и всѣ виды притѣсненія обществу нашему до крайней степени возрасли до вступленія въ управленіе оною столицею князя Прозоровскаго, смѣнившаго Петра Дмитріевича Еропкина. который былъ человѣкъ разумный, богобоязливый и самыхъ честныхъ правилъ. а потому и дѣлалъ онъ развѣ только то, что необходимо принужденъ былъ дѣлать. исполняя порученіе.

Портрета князя Прозоровскаго писать я не буду. для того чтобъ не давать какъ нибудъ пищи своему пристрастію, ибо онъ такъ много былъ лично противъ меня, какъ только можно быть противъ своего злодѣя человѣку, не имѣющему даже понятія о томъ, что можно прощать врага своего, а я не только никогда ему зла не желалъ, не дѣлалъ и не могъ дѣлать, да и сердить на него не бывалъ. Его же такого непріязненнаго ко мнѣ расположенія, кромѣ многихъ доказательствъ. видѣлъ я одно самое сильное въ своеручныхъ его письмахъ, кои писалъ онъ тогда въ глубочайшемъ секретѣ, и конечно не воображалъ, чтобъ я могъ когда нибудъ ихъ читать.

Напрасно, однакожь, думаютъ, чтобъ князь сей былъ причиною всего того, что мы наконецъ потерпѣли. Нѣтъ. При описанномъ уже мною расположеніи Государыни, это было дѣйствіе замысловатѣйшихъ и сильнѣйшихъ при дворѣ, нежели онъ, которые дѣйствіе сіе вмѣщали въ планъ упрочиванія и большаго современемъ возвышенія своей фортуны: а князя Прозоровскаго только выставляли и употребляли, — какъ самое надежное, по характеру его, орудіе.

И подлинно онъ вездѣ видѣлъ зло и опасность. Особливо подозрѣвалъ онъ раздачу милостыни: обо мнѣ отзывался, между прочимъ, что я такъ много ее раздаю, что едва ли не дѣлаю фальшивыхъ ассигнацій; и даже, какъ я слышалъ отъ людей весьма вѣроятія достойныхъ, навлекалъ въ томъ на меня сомнѣніе, прилетая, тутъ и типографію, которая нѣкогда была подъ моимъ именемъ, и тогда уже давно не существовала. А что представлялъ онъ меня человѣкомъ небезопаснымъ для общественнаго покоя, то видѣлъ я въ оныхъ его своеручныхъ письмахъ.

Кстати о милостынѣ; странно, что очень многіе противъ не уметвуютъ. Главная тому причина, кажется, желаніе оправдывать свое нехотѣніе подавать ее.

Правительству конечно нужно и должно стараться, чтобъ нищія не шатались по улицамъ и по дорогамъ, однако, — такими средствами устройства, чтобъ во первыхъ не было ихъ, если то можно: и наконецъ, чтобъ ихъ переводя, не сдѣлать вдвое несчастныхъ, то-есть, чтобъ не лишать людей сихъ единственнаго способа къ пропитанію, и притомъ еще съ притѣсненіемъ.

Но частному человѣку имѣющему въ сердцѣ хотя искру любви къ ближнему, какъ отказать ему въ помощи? — Какая можетъ быть въ томъ ошибка? Что поданныхъ нѣсколько копѣекъ онъ прощеть? — А ежели отъ сдѣланнаго посему отказа, иногда человѣкъ долженъ будетъ сутки или больше терпѣть голодь, или покусится на преступленіе или замагаетъ душу свою ропотомъ на судьбу, то каково это должно быть душѣ того, кто откажетъ, ежели въ ней есть чувствительность истиннаго человѣколюбія.

И мнѣ случалось иногда отказывать, и съ нѣкоторою досадою, потому, что просящій милостыни покажется мнѣ пьянымъ; однако признаюсь, я всегда очень радъ бывалъ, когда въ такомъ случаѣ во-

противъ того, кому отказалъ, заслуживалъ ему, и себя какъ бы наказывалъ дачею ему вдвое, говоря въ себѣ въ мысляхъ: что, развѣ ты самъ не приступалъ никогда предѣловъ трезвости, и развѣ бѣдному, и подлинно крайнюю нужду имѣющему, не можетъ случиться лишнее выпить.

Впрочемъ я въ себѣ расположеніе къ милостынѣ, никакъ не считаю добродѣтелью. Это во мнѣ природная склонность, какъ въ иныхъ бываетъ къ разнымъ охотамъ. Дѣлать удовольствіе людямъ всегда была страсть моя: будучи еще ребенкомъ я нарочно проигрывалъ мальчигу, служившему при мнѣ, деньги, какія у меня были, и любовался его о томъ радостію.

Но съ того времени, какъ я почастію узналъ, въ чемъ состоитъ истинная добродѣтель, уже я старался склонность оную обращать на исполненіе закона сей добродѣтели, чувствами дѣланія, для угожденія источнику любви, который повелѣлъ просящему давать. Помощь ближнему, при стараніи дѣлать ее изъ искренняго къ нему состраданія, и для Бога, особливо воспитываетъ духъ въ чистой любви, которая есть магнитъ, привлекающій вездѣсущаго Духа Божія, готовая соединиться съ духомъ человѣческимъ; а въ семъ соединеніи состоитъ все истинное просвѣщеніе и блаженство.

Въ такомъ расположеніи милостыня всегда бываетъ полезна дающему, еслибъ она и не нужна была тому, кому подается; какъ напротивъ благотѣніе, сдѣланное въ прямую пользу того, кому оно сдѣлано, но изъ тщеславія, или самолюбія, нисколько не приноситъ благословенія добродѣтели и не только не удобряетъ сердца его, но еще ожесточаетъ его въ самолюбіи, которое есть корень всѣхъ въ чловѣкѣ пороковъ, и коего владычеству должно совсѣмъ истребиться. дабы Духъ Божій воцарился въ чловѣкѣ.

Но князь Прозоровскій отмѣнный былъ неохотникъ до такой морали, и подаватели милотины казались ему бунтовщиками. Представленія его не усиливали, конечно, нѣсколько уже лѣтъ постоянно существовавшаго противъ насъ расположенія; но естественно. что частыми напоминаніями питали его.

Въ началѣ 1791-го года, князь Безбородко, бывшій тогда Графомъ. подъ видомъ прогулки, пріѣзжалъ въ Москву, съ Николаемъ Петровичемъ Архаровымъ. для того, чтобъ произвести надъ нами слѣдствіе.—

съ указомъ о томъ князю Прозоровскому, какъ Главнокомандующему въ Москвѣ. Врученіе указа сего для исполненія предоставлено было усмотрѣнію на мѣстѣ кн. Безбородкѣ. Однако онъ, подлинно погулявъ нѣсколько недѣль въ Москвѣ, возвратился, ничего не предпринимая и не отдавъ указа князю Прозоровскому, какъ слышалъ я отъ самаго послѣдняго, при сѣтованіи за то на князя Безбородку.

Безбородко ни къ чему не приступилъ, по своей пронципальности, по мягкосердію своему и, можетъ быть, по нѣкоторымъ личнымъ уваженіямъ дворянскимъ. Впрочемъ онъ и по разсужденію своему былъ совершенно противъ всего того, что съ нами дѣлали, и послѣ мнѣ даже говорилъ, почти при первомъ свиданіи знакомства его со мною. (въ 1794-мъ году), еще при жизни Государыни, когда я жилъ въ отставкѣ и подъ нѣкоторымъ присмотромъ, что сіе дѣло не соотвѣтственно Ея славѣ.

Но не могъ онъ или не имѣлъ довольно твердости не исполнить сдѣланнаго ему порученія, какъ ненужнаго, а представилъ причину неудобности исполнить его, и такую, которая на нѣсколько мѣсяцовъ удержала слѣдствіе, но подозрѣніе умножила до крайности. Онъ сказалъ, что я сжегъ бумаги и что чрезъ то скрылися слѣды къ улигѣ и къ основательному изслѣдованію. Съ чего же это онъ взялъ, о томъ я раскажу, какъ о весьма достойномъ примѣчаніи, и съ той стороны, что иногда самыя невинныя поступки, по связи съ обстоятельствами, могутъ имѣть всѣ виды подозрѣнія и неоправдательнаго. Сіе особливо полезно для вниманія судей въ дѣлахъ Уголовныхъ.

Имѣвъ большую дирекцію и большую переписку по обществу нашему, имѣлъ я у себя много и бумагъ такого рода. Собираясь переходить въ новыя комнаты, хотѣлъ я очистить свое бюро, и разобравъ бумаги, нѣсколько лѣтъ копившіяся, дралъ и жегъ самыя неважныя и ненужныя, а нужнѣйшія и важнѣйшія оставлялъ, и теперь могу поклясться, что точно такъ было. Сіе дѣлалось мѣсяца за три до пріѣзда кн. Безбородки, и когда я не ожидалъ никакого слѣдствія, особливо обыска въ домѣ отца моего, съ которымъ я жилъ всегда вмѣстѣ. Шпіонство, окружавшее насъ, донесло. Кн. Прозоровскій принялъ это по своему; а Безбородко узнавъ, обрадовался этому случаю, по своимъ же видамъ и совсѣмъ инымъ.

Я и не подозрѣвалъ того,—и вотъ какъ сперва свѣдалъ: чрезъ нѣсколько времени послѣ отъѣзда кн. Безбородки, разговаривая на-

единѣ съ Графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ-Чесменскимъ о происходящемъ противъ нашего общества, говорилъ я ему, что мнѣ удивительно, какъ Государыня, при отлично-великомъ умѣ своемъ и чрезвычайной проницательности, не можетъ открыть невинность нашего общества и успокоится отъ напрасныхъ на него подозрѣній; что самый обыкновенный, только опытный взоръ полицейскій увидѣть можетъ, что дѣйствія наши явныя, и по нимъ судить можно.

Мы воспитывали, говорилъ я, нѣсколько молодыхъ людей: стоитъ только изслѣдовать образъ мыслей, который мы старались имъ вселить. Мы издали много книгъ—конечно на каждой страницѣ, если не на каждой строкѣ, почти каждой изъ нихъ, найдете вы поученіе, что надобно истреблять въ себѣ самолюбіе, смиряться, все сносить, принимая все отъ руки Божіей, покоряться властямъ, какъ отъ Него постановленнымъ, и тому подобное; что можно не понимая, или не любя такихъ правилъ ихъ оуждать, но несходно съ разсудкомъ,—внушающихъ такія правила, подозрѣвать въ замыслахъ мятежническихъ. Пусть можно ими закрываться затѣйщикамъ, притворно проповѣдуя ихъ иногда словами, обкладывая себя такими книгами,—но такъ усердно и прилежно разсѣвать ихъ чрезъ такое множество книгъ въ народѣ,—было бы точно пригуплять свои орудія и дѣйствовать совершенно противъ себя. Что можно провѣдать о свойствахъ и поведеніи составляющихъ общество.—Увидѣли бы, что они не хуже лучшихъ изъ прочихъ; и что тѣ, которые въ службѣ изъ нихъ, отправляютъ ее не хуже и не съ меньшимъ усердіемъ, нежели другіе. Что можно узнать, нечаянно схватя наши бумаги?—

При семь-то графъ, который меня лично столько же любилъ, сколько былъ противъ общества нашего и правилъ его, а по связямъ, большей близости своей тогдашней къ Двору, многое зналъ и во многомъ открыто участвовалъ и при семь дѣлѣ, сказалъ мнѣ: „Какія же схватить бумаги, когда ты ихъ сжегъ?—Почему жъ, говорю, думать, что ихъ жгутъ?—Да ты первой, отвѣчалъ онъ мнѣ, сжегъ передъ пріѣздомъ сюда Безбородки съ Архиповымъ“.

Я истинно даже и забылъ, что сжегъ бумаги, какъ описывалъ выше—и долго увѣрялъ его, что этаго не бывало. Но онъ рассказывалъ мнѣ даже почти часы и положеніе мѣста. Я вспомнилъ, и рассказалъ ему такъ, какъ подлинно было; и что совсѣмъ напротивъ я жегъ только самое ненужное и напрасно занимавшее у меня ящики, а самое интересное и нужное у меня цѣло, и я могу то доказать. Однако

онъ при всей любви ко мнѣ и отлично хорошемъ обо мнѣ заключеніи, этому не вѣрилъ и умеръ съ тѣмъ.

Вотъ какъ откровенность—коварствомъ, и самое обыкновенное, ничего не значущее дѣйствіе—важнымъ и злымъ казаться могутъ.

Наконецъ въ Апрѣлѣ 1792-го года рѣшилось, много разъ и нѣсколько лѣтъ предприемлемое, поражение нашего общества.

Вдругъ все книжныя лавки въ Москвѣ запечатали, также типографію и книжные магазины Новикова; и дома его наполнили солдатами: а онъ изъ Подмосковной взятъ былъ подъ тайную стражу съ крайними предосторожностями, и съ такими воинскими снарядами, какъ будто на волоскѣ тутъ висѣла цѣлость всей Москвы.

Остро и смѣшно при семь случаѣ сказалъ Графъ Кирилла Григорьевичъ Разумовскій князю Прозоровскому, который ему рассказывалъ о важности ареста Новикова, и о всѣхъ своихъ къ тому распоряженіяхъ. „Вотъ расхвастался,—какъ городъ взялъ: старичонку скорченного гемороидами взялъ подъ караулъ; да одного бы десятекаго или бутошника за нимъ послать, такъ-бы и притащилъ его“.

Новиковъ содержался недѣли три въ Москвѣ, и потомъ отвезенъ окольными дорогами въ Шлиссельбургъ. Его везли на Ярославль и Тихвинъ. Приставу отъ князя Прозоровскаго предписано было съ особливою опасностію проѣзжать Ярославль, потому что въ немъ была нѣкогда Масонская ложа и подъ покровительствомъ бывшаго тамъ генераль-губернатора Алексѣя Петровича Мельгунова, котораго и съ ложею уже нѣсколько лѣтъ на свѣтѣ не было. Я описываю подробности сіи для того, чтобъ представить, какъ дѣйствовали: можно прямо сказать, что съ тѣнью своею сражались.

Въ Петербургъ Новиковъ ни на часъ привезенъ не былъ; а извѣстный Шишковскій ѣздилъ допрашивать его въ Шлиссельбургъ. Мѣсяца три ничего не открывалось о томъ, что тамъ происходило; и вдругъ князь Прозоровскій получилъ секретный имянный Указъ, чтобы князя Николая Никитича Трубецкаго, Ивана Петровича Тургенева, и меня, какъ главныхъ сообщниковъ, допросить по приложеннымъ отъ Государыни пунктамъ, и потомъ объявить намъ ссылку на житье въ дальнихъ отъ Москвы деревняхъ, подъ присмотромъ и безъ выѣзду изъ тѣхъ губерній, въ которыя мы отправлены.

Тургенева не было тогда въ Москвѣ. Послѣ очень скорого окончанія въ одно утро допроса Трубецкому, призвалъ для онаго же Прозоровскій меня къ себѣ. Я очень спокойно принялъ оный призывъ, и поѣхалъ съ присланнымъ за мною его генераль адъютантомъ, который, крайне удивляясь моему спокойствію, простодушно говорилъ мнѣ, что онъ, видя меня, совершенно увѣренъ въ моей невинности. Спокойство мое не заслуживало удивленія, ибо оно подлинно при невинности естественно было: и напрасно многіе думаютъ, что безъ вины страдать тяжело. При чувствахъ совѣсти, вина, конечно, тяжело казни, а невинность въ человѣкѣ немалодушномъ, или торжествуетъ, или спокойна.

Безпокоила меня только мысль о томъ, что происходящее со мною можетъ поразить отца моего, который тогда имѣлъ уже около 90 лѣтъ, и лишенный зрѣнія былъ въ крайней слабости тѣла, кромѣ головы, коей здравость сохранилась въ немъ почти до послѣдняго часа его жизни; а для того и старался я все отъ него скрывать.

Кн. Прозоровскій приступилъ къ допросу моему съ весьма строгими изъясненіями о важности дѣла. Я имѣлъ честь быть главною цѣлію Его Сіятельства. Онъ ожидалъ раскрыть во мнѣ превеликаго злодѣя Государственнаго, и надѣялся, что доведется меня арестовать, что ему и позволено было, еслибы открылось, что нибудь важнѣйшее изъ нашихъ допросовъ и изъ бумагъ, кои велѣно было отъ насъ отобрать. Но какъ уже было предубѣжденіе, что бумаги сожжены, то въ допросныхъ пунктахъ сказано было только, чтобъ мы при семъ представили наши бумаги, подъ страхомъ смертной казни за малѣйшую утайку.

Итакъ ласкаясь, что доведется оказать со мною всевозможныя строгости, кн. Прозоровскій призвалъ къ себѣ въ Петропавловскій подъѣздный дворецъ, гдѣ онъ тогда жилъ и гдѣ все сіе происходило, оберъ-полицмейстера очень скрытно, и посадилъ его одного въ особую комнату, часу въ пятомъ послѣ обѣда, въ которомъ и я къ нему пріѣхалъ. Занимаясь со мною, забылъ князь объ оберъ-полицмейстерѣ, который въ ожиданіи приказа просидѣлъ одинъ до полуночи безъ свѣчь: забыли или не смѣли ихъ внести къ нему; а это дѣлалось уже въ Августѣ: князь, противъ чаянія своего, не нашедъ ему упражненія со мною, отпустилъ его домой съ извиненіемъ, что такъ продержалъ его. Это мнѣ сказывалъ самъ тогдашній оберъ-полицмейстеръ, признаваясь, что не одну сотню бранныхъ словъ, которыхъ непристойно

пересказывать, отпустилъ онъ въ потемкахъ намъ съ княземъ Прозоровскимъ.

Предисловіе князя сего къ допросу было предлинное, гораздо свысока и жестоко. Наскучивъ, сказалъ я ему, что когда онъ имѣеть отъ Государыни указъ и вопросныя мнѣ пункты, то я думаю ему слѣдуетъ только по нимъ исполнять, а отъ себя прибавлять, кажется, излишній трудъ для него будетъ; прошу мнѣ дать пункты, такъ я буду отвѣчать. Очень хорошо, говорилъ онъ, спрашивая меня: самъ ли я буду писать отвѣты, или позвать секретаря,—и весьма уже смягчился. Я бы желалъ самъ писать, если—можно, сказалъ я. Но только не знаю, не много ли будетъ помарокъ.—Тѣмъ лучше, отвѣчалъ мнѣ онъ; ибо мнѣ приказано прислать отвѣты ваши вчернѣ, и точно въ такомъ видѣ, какъ они напишутся,—и подлинно ему такъ предписано было.

Все сіе происходило у насъ съ нимъ наединѣ въ его кабинетѣ. Я сѣлъ за его бюро и началъ писать на лучшей, приготовленной для того бумагѣ, очень по рукѣ очиненными перьями.—Онъ давалъ мнѣ на особыхъ листахъ списанные, пунктъ за пунктомъ, такъ, чтобъ отвѣчая на одинъ, не зналъ я содержанія слѣдующаго.—Всѣхъ пунктовъ было, помнится осмнадцать, а въ отвѣты на нихъ исписалъ я кругомъ двадцать листовъ, безъ одной помарки, въ двухъ мѣстахъ поправилъ только по одному слову, поставя тѣ, которыя мнѣ казались складнѣе; сего конечно, при всемъ самолюбіи нельзя мнѣ приписать моему искусству или уму.

Вопросы сочинены были очень тщательно. Сама Государыня изволила поправлять ихъ и свои вмѣщать слова. Все мѣтилось на подозрѣніе связей съ тою ближайшею къ престолу особою, какъ я упоминалъ выше; прочее жъ было, такъ сказать, подобрано для расширенія завѣсы.

Въ четвергомъ или пятомъ пунктѣ начиналась эта матерія; и князь Прозоровскій отдавая мнѣ его дрожащею правда немножко рукою, такимъ же голосомъ говорилъ: „Посмотрю, что вы на это скажете?“—О, на это отвѣчать всего легче!—сказалъ я; и написалъ отвѣтъ мой такъ справедливо и оправдательно, что послѣ много сіе конечно участвовало въ причинахъ благоволенія ко мнѣ оной высокой особы. Князь Прозоровскій прочиталъ отвѣтъ сей съ чрезвычайною досадою, бросилъ листъ на бюро и, подошедъ ко мнѣ, сказалъ: „Чтожь, развѣ злыхъ-то умысловъ не было у васъ?“—Да какъ же быть-то? Не было—холодно отвѣчалъ я ему, сидя за бюро.

Онъ далъ мнѣ для отвѣта слѣдовавшій затѣмъ пунктъ и пошелъ ходить по комнатѣ, которая была пребольшая, отошедъ отъ меня такъ далеко, что думалъ, я не могу слышать, говорилъ про себя: „Не такъ бы съ ними надобно!—подходя ближе ко мнѣ говорить будто про себя; однако такъ, чтобъ я слышалъ:—теперь Новиковъ-то здѣсь, такъ съ нимъ можно тотчасъ свести“.—Признаюсь, что симъ удалось ему на нѣсколько минутъ смутить меня. Не для того, чтобъ я боялся очной ставки съ Новиковымъ, который конечно также виновенъ, какъ и я. Но представилъ себѣ, что его привезли въ Москву, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ заключенія въ тайной экспедиціи изнуреннаго, обросшаго бородою, можетъ быть окованнаго: прискорбно было ожидать такого тутъ свиданія съ человѣкомъ, котораго я всегда очень любилъ, и съ коимъ такъ долго былъ въ самомъ короткомъ знакомствѣ.

Послѣ сихъ розыскныхъ сперателемъ, К. Прозоровскій, подошедъ къ бюро, за которымъ я писалъ свой отвѣтъ, говоритъ мнѣ: „Новиковъ-то вѣдь во всемъ признался.“—Не сомнѣваюсь отвѣчалъ я ему: я думаю, что Новиковъ такъ же виноватъ; а если въ чемъ виноватъ, то конечно признался, а онъ не дуракъ и боится Бога.

„Однако,—говорилъ мнѣ Кн. Прозоровскій,—съ французами вы имѣли переписку?“—Кто? спросилъ я. „Вы, и именно вы, сирѣчь ты.“ Имѣлъ, я отвѣчалъ. Обрадовался мой князь; и съ веселымъ тономъ продолжалъ: „Это хорошо, что вы чистосердечны; да и дѣло уже извѣстное, скажи пожалуй, о чемъ же и когда вы писывали?“—Неупомнимъ, отвѣчалъ я, всего, о чемъ и когда. Ну, я писывалъ къ нимъ, чтобъ прислать табаку, вина, конфектъ, сукна какого нибудь, игрушекъ въ подарки дѣтямъ.—„Вы шутите,—осердясь говорилъ мнѣ князь:—къ какимъ же французамъ вы списывали это? къ лавочникамъ здѣшнимъ?“—А то къ какимъ же?—„Нѣтъ, вы были въ перепискѣ съ Якобинцами.“—А ваше Сіятельство бывали съ ними въ перепискѣ? „Можетъ ли это быть, чтобъ я съ ними переписывался?“—говорилъ онъ.—Такъ знайте-жъ, сказалъ я ему, сидя и гораздо не учтивясь, что въ чести, въ вѣрности къ Государю и отечеству, я никакъ вамъ не уступлю; и не смѣйте мнѣ дѣлать такихъ вопросовъ.

Князь очень сбивши своего жару, говорилъ мнѣ: „чтожь эдакъ на меня нападаешь? Вѣдь не я,—Государыня объ этомъ тебя спрашиваетъ.“—Гдѣ жъ этотъ вопросъ?—„Вотъ будетъ.“—А я буду отвѣчать.—„Что-жъ отвѣчать будешь, скажи пожалуй?“ Тогда увидите.—„Лучше скажи пожалуй, прежде, такъ можетъ быть мы и посовѣтуемся,“—и очень

прилежно уговаривалъ меня расказать ему напередъ этотъ отвѣтъ.— Скажу вамъ только, отвѣчалъ я, что ежели Государыня меня объ этомъ спрашиваетъ, то я конечно въ отвѣтъ своемъ Бй шутить не буду; и чѣмъ онъ будетъ серьезнѣе, тѣмъ основательнѣе отразится клевета.

Я продолжалъ писать отвѣты и ни въ одномъ пунктѣ не нашедъ такого вопроса, сказалъ князю Прозоровскому, что такой поступокъ съ его стороны слишкомъ много доказываетъ неблагорасположеніе его ко мнѣ, и не принесетъ ему конечно никогда славы; „Да, говорилъ онъ, въ присланныхъ отъ Государыни пунктахъ нѣтъ такого вопроса; но мнѣ поручено спрашивать о чемъ я разсужу, еслибъ того и небыло въ тѣхъ пунктахъ.“—Такъ ваше Сіятельство очень несправедливо разсудить изволили, отвѣчалъ я ему; и еще вамъ скажу, что въ обязанностяхъ вѣрнаго подданнаго и сына отечества не уступлю я ни вамъ, ни кому; а образъ спрашиванія вашего неоспоримо открываетъ личное недоброжелательство.—Замолчалъ, однако, князь мой.

Описываю только главныя черты обращенія со мною кн. Прозоровскаго, всѣ же описывать было бы слишкомъ пространно, и не весьма интересно. Но описываю то что было, и самъ онъ,— конечно признается, еще здравствуя и въ полезнѣйшихъ вѣроятнo страдаемахъ упражняюсь теперь на берегахъ Дуная.*)

Одно еще обстоятельство, отмѣнно характерическое съ его стороны при оныхъ допросахъ расказать надобно.

Въ тѣхъ же годахъ была въ Германіи секта подъ именемъ иллюминатовъ, подлинно вредная и намѣреніями своими противная христіанству и властямъ. Незнающіе смѣшивали съ нею общество наше, которое совершенно противныхъ было правилъ: и у насъ даже сочиненъ былъ планъ, какъ остерегаться отъ всякаго прикосновенія оной секты, и мѣры къ сему прилежно внушены были каждому члену. Планъ сей въ главномъ правленіи общества нашего сочинялъ я.

Во время вопроса Кн. Прозоровскій говорилъ мнѣ, что мы иллюминаты. Я ему отвѣчалъ, что мы не только не они, но мы ихъ не пріятели, и зная всю вредность этой секты, поставили самыя строгія мѣры осторожности отъ нея, чему и планъ, за нѣсколько лѣтъ тому

*) 1-го Января 1809-го года.

назадъ мною сочиненный, привезу я къ нему хотя сейчасъ черной, писанный моею рукой.—„Очень хорошо, сказалъ онъ, завтра привезите.“ Привезъ я завтра.—это было въ другой день моею съ нимъ допросной бесѣды. Прочитавъ бумагу мою, князь мнѣ возвращаетъ ее, говоря, что она ничего не значить.—Она только значить, что мы не иллюминаты, отвѣчалъ я, такъ прошу принять ее въ правосудіе.—„Пусть вы не они, говорилъ мнѣ Прозоровскій, да все тоже.“—Уже какъ скоро это доказываетъ, что мы не иллюминаты, какими насъ считаютъ, то естественно доказываетъ и ложность заключенія объ насъ; слѣдовательно оправдываетъ,—говорилъ я.—но если бъ это мнѣ казалось и оправданіемъ, то я думаю Ваше Сіятельство должны отъ меня принять эту бумагу; ибо я не думаю, чтобъ было намѣреніе только винить насъ.—„Не приму,“ отвѣчалъ онъ мнѣ рѣшительно.

Между тѣмъ, продолжая писать отвѣты, увидѣлъ я, что въ одномъ вопросѣ сказано, чтобъ я при семь представилъ всѣ мои бумаги, подъ опасеніемъ напостройшей казни за скрытіе хотя одной. Тутъ я обрадовался, что Прозоровскій не принялъ отъ меня той бумаги, потому, что онъ съ расположеніемъ своимъ могъ бы ее принявъ особо и утаить; а то я подумалъ про себя, принузу тебя князь принять эту бумагу, и такимъ образомъ, что уже нельзя будетъ тебѣ скрыть ее. Замолчавъ объ ней, спрашивалъ я его, какъ же могу я при семь представить всѣ мои бумаги: ихъ со мною нѣтъ, и такъ ихъ много, что я всѣмъ имъ и реэстра въ скоромъ времени сдѣлать не могу. „Да это не нужно,—говорить онъ мнѣ,—а вы ихъ привезите послѣ, только всѣ и за вашею печатью.“

На другой день по утру привезъ я ихъ къ нему безъ разбора запечатанныя въ нѣсколькихъ большихъ пакетахъ. Когда онъ ихъ принялъ, то я, вынувъ изъ кармана ту негодную ему бумагу, просилъ особо ее принять. „Я уже вамъ сказалъ, что не приму ее.—отвѣчалъ онъ мнѣ—и никакъ отнюдь не приму.“ и оборотясь къ случившемуся тутъ потомуже дѣлу князю Н. Н. Трубецкому говорилъ ему:—„помилуй, уговори его: навязываетъ на меня эту бумагу; къ чему она?“ Трубецкой не поддержалъ меня. Однако я, продолжая мнимое свое для нихъ упрямство, говорилъ князю Прозоровскому: За что такъ особливо неправится эта бумага вашему Сіятельству?—„Она ничего не значить, и я уже сказалъ, что не приму ее“ . отвѣчалъ онъ мнѣ.—Такъ позвольте-жъ сказать, продолжалъ я, вы должны ее принять, какая бъ она ни была. Когда Государыня приказываетъ представить мнѣ всѣ мои бумаги, то я обязанъ всѣ ихъ отдать, а вы обязаны принять.

Одумался князь; и съ нѣкоторою торопостью принимая ту бумагу отъ меня, говорилъ: „Извольте, я ее приму, если то вамъ непременно надобно.“—Когда онъ принялъ, то я просилъ его дозволить мнѣ въ отвѣтахъ моихъ прибавить, что я въ исполненіе требованія отдалъ ему всѣ бумаги. „Зачѣмъ же, говорилъ онъ, Государыня мнѣ и безъ того вѣрить.“—Не сомнѣваюсь, отвѣчалъ я, но признаюсь, что я немножко педантъ и въ приказной службѣ къ формамъ сдѣлалъ привычку; пожалуйста, позвольте. Онъ вынулъ изъ бюро своего тетрадь моихъ отвѣтовъ и я въ ней приписалъ, что отдалъ ему всѣ мои бумаги и въ какой формѣ. О врученіи ему спорной оной, описалъ особо, представилъ обстоятельно ея содержаніе и причину, для чего я вручилъ ему ее особливо.

Отвѣты писалъ я два дня, въ которые отдыху мнѣ было только, что въ первый ѣздилъ ночевать домой, а на другой обѣдалъ у князя Прозоровскаго; но обѣдъ нашъ точно представлялъ трапезу тайной экспедиціи. Кромѣ княгини хозяйки, сидѣли за нимъ только служители сей экспедиціи и хозяйскіе адъютанты, которые во все это время одни и въ домѣ его находились. Ибо онъ тогда не принималъ никого, даже Губернатора. Однако въ кабинетъ никто и изъ нихъ не входилъ, и со лбу на лобъ съ кн. Прозоровскимъ мы бесѣдовали въ немъ по крайнѣй мѣрѣ часовъ двадцать.

Во всѣхъ вопросахъ важнѣйшее было, какъ я описывалъ, о связи съ оною, ближайшею къ престолу особою; и еще поважнѣе два пункта: 1-й, для чего общество наше было въ связи съ Герцогомъ Брауншвейгскимъ, и въ чемъ состояла наша съ нимъ переписка?—2-ой, для чего имѣли мы сношеніе съ берлинскими членами подобнаго общества въ то время, когда мы знали, что между Россійскимъ и Прусскимъ дворами была холодность?

На первое отвѣчалъ я, что, хотя, по вступленіи моемъ въ наше общество, не было уже никакихъ отношеній къ Герцогу Брауншвейгскому, но извѣстно мнѣ, что оныя ни въ чемъ иномъ состояли, какъ въ церемоніальныхъ къ нему отзывахъ по обрядамъ извѣстнаго Массонства, въ коемъ былъ онъ тогда титулярнымъ начальникомъ нѣкоторыхъ ложъ въ Европѣ; а что касается до содержанія переписки съ нимъ, то я объ ней только то помню, что нечего помнить.

На второе: что хотя съ Берлинскими сообщниками никогда въ перепискѣ не было ни одного слова, касающагося до политики, но

когда узнали мы о холодности между дворами. то всякая съ ними переписка пресѣклась, что можетъ быть доказано всякимъ изслѣдованіемъ и подлинными бумагами.

Прочіе вопросы сочинены были, какъ я уже сказалъ, только для разширенія той завѣсы, которая закрывала главный предметъ подозрѣнія, а предметъ сей столько же казался важнымъ, сколько въ основаніи своемъ мечтателенъ былъ.

Спрашивали напимѣръ: гдѣ собирались, для чего скрытно отъ помощи, объ обрядахъ, о числѣ ложъ, о составлявшихъ оныя, и тому подобное.

На все отвѣтствовалъ я со всею искренностію и очень подробно. Нигдѣ по совѣсти не обвинялъ я ни себя ни общество. Вездѣ изъяснялъ пользу цѣли его и управленій. Что жъ касается до скрытности отъ полиціи, то писалъ я, что неможно правосудно почитать бывшія наши собранія отъ нея тайными, когда не только она про нихъ знала, но въ праздничныя собранія и команду давала для порядка, въ разѣзды и проч.

Заключалъ я отвѣты свои обращеніемъ прямо къ лицу Государыни, въ слѣдующихъ словахъ:

„Всѣ бумаги отдалъ; ничего важнѣйшаго даже забвеніемъ не сокрылъ“, и проч.

„Государыня! Я не злодѣй. Мать Отечества! Я одинъ изъ вѣрнѣйшихъ Твоихъ подданныхъ и сыновъ его. Мать моя! Я исполненъ нѣжнѣйшею къ Тебѣ любовію. Никогда мысль одна противъ Тебя не обращалася въ душѣ моей. Никогда не упражнялся я въ томъ, гдѣ бы не только находилъ, но даже подозрѣвалъ хотя одну тѣнь криминальнаго. Свидѣтель сему Царь царей, Господь Богъ мой. Спаситель Надежда, и Утѣшеніе.

Сіе чистосердечное исповѣдываніе мое печатлѣю я слезами. Не слезами страха и ропота. Государыня, ибо я не дерзаю усумниться въ правосудіи Твоемъ; и ежели дѣло сіе не во всѣхъ еще отношеніяхъ изслѣдовано, или буде существуетъ какая либо на меня клевета, то я твердо увѣренъ, что все исчезнетъ отъ единого воззрѣнія Твоей прозорливости на сіе чистосердечное мое исповѣдываніе. Итакъ не сле-

зами страха и ропота печатлѣю его; но слезами чувствительности сердца, во всей полнотѣ ощущающаго невинность свою и любящаго,—смѣю сказать, Добродѣтель.

Твой

Вѣрный по гробъ подданный

И. Лопухинъ.“

Долго помнилъ я все мои отвѣты, такъ что могъ записать ихъ отъ слова до слова, но я столько усталъ отъ упражненія въ оригинальномъ ихъ сочиненіи, что очень много дней послѣ того, приняться за перо, была самая тяжкая для меня работа.

Заключеніе же оное вытекло изъ такого сильнаго во мнѣ впечатлѣнія, что никогда я не могъ его забыть. Писавъ его, я подлинно плакалъ, обливался. можно сказать, слезами—и точно отъ причинъ въ немъ изображенныхъ. Кн. Прозоровскій, любитель и любимецъ жестокосердой Белонны, не короткое кажется имѣя знакомство съ такими слезами, не выдавъ, что я пишу, а видя только, что плачу, обрадовался что я наконецъ струсилъ и началъ меня успокоивать: „Укрѣпитесь чего вы робѣете?“—Нѣтъ, отвѣчалъ я, робость очень далеко отъ меня; и я плачу не отъ нея—„Отъ чего же?“—Увидите изъ того, что я пишу.

Окончивъ, подаль я ему, и когда онъ дочиталъ до словъ: „буде существуетъ какая на меня клевета“,—то, измѣняясь въ лицѣ, говорилъ мнѣ: „Ежели вы тутъ обо мнѣ разумѣли, то напрасно.“—Нѣтъ, ваше Сіятельство,—отвѣчалъ я.—писавши это, я истинно на васъ не мѣтилъ, какъ и то правда, что ожидать, что возьмете вы на это свой счетъ. Сіе точно я думалъ писавши, и останавливался, опасаясь въ размягченныхъ тогда сильно чувствахъ моихъ, оскорбить его.

„Почему жъ ожидали вы того?“ спрашивалъ онъ меня.—Какъ чистосердечно увѣряю,—отвѣчалъ—я, что не цѣлилъ я на васъ, писавши о клеветѣ,—такъ же признаюсь, что считаю васъ большимъ мнѣ неприятеlemъ, и справедливость моего заключенія могу доказать очень основательно.—Тутъ я говорилъ ему о томъ, какіе онъ отъ себя выдумывалъ вопросы, какъ старался меня запутать и проч.

Сія сцена была, послѣдняя нашихъ допросовъ. Былъ при ней и кн. Николай Никитичъ Трубецкой, котораго онъ призывалъ тогда для

объявленія намъ вмѣстѣ указа о ссылкѣ. Послѣ онаго изъясненія со мною. кн. Прозоровскій объявилъ намъ указъ сей, коимъ рѣшилось все общее дѣло, прочитавъ изъ него только то, что касалось до нашего осужденія и показавъ намъ подпись на немъ Государыни; всего же содержанія не читалъ. Мнѣ случилось уже прочесть лѣтъ чрезъ десять послѣ; и признаюсь, что читалъ съ великимъ негодованіемъ, коего во все производство надъ нами суда и по выслушаніи самаго незаслуженнаго мною приговора, и тѣни во мнѣ не было. Можно поистиннѣ сказать, что весь указъ составленъ былъ только изъ словъ, подобранныхъ для разпещренія покровы обвиненія невинности.

Кн. Прозоровскій по происхожденію къ товарищу моему кн. Трубецкому, и потому, что находился онъ тогда при должности въ казначействѣ, о сдачѣ, коей ничего предписано не было при указѣ о ссылкѣ, который шелъ по тайной экспедиціи, далъ ему десять дней время на прожитіе здѣсь для распорядженія своихъ дѣлъ, въ ожиданіи возвращенія курьера, котораго онъ отправляетъ съ нашими отвѣтами, и притомъ спроситься о смѣнѣ кн. Трубецкого. А мнѣ сказалъ: „вы вѣдь не въ службѣ, такъ можете скоро отсюда выѣхать.“—Очень бы скоро могъ и выѣхать,—отвѣчалъ я,—если бы не нужно мнѣ было подумать, какъ объявить отцу, лежащему почти на смертномъ одрѣ; а притомъ мнѣ около сорока лѣтъ. одинадцать жилъ сряду въ Москвѣ. такъ и у меня натурально также должны быть дѣла. которыя бы распорядить надобно.—Кн. Прозоровскій позволилъ и мнѣ пробыть въ Москвѣ 10-ть же дней.

Я бы скорѣе выѣхалъ.—Но писавъ мои отвѣты, и особливо ихъ заключеніе, я точно ожидалъ по какому то непзъяснимому предчувствію что Государыня прочитавъ ихъ перемѣнитъ свои мысли; хотя она рѣшила дѣло, не ожидая отвѣтовъ, которые трудно придумать, для чего и требовались, ибо осужденіе уже было сдѣлано.—Надеждою перемѣны сей ласкался я совсѣмъ не для того, чтобъ не ѣхать въ ссылку, которую принялъ я очень равнодушно: не ставилъ ее себѣ въ безчестье, почитая всегда стыдъ въ винѣ, а не въ наказаніи; и въ инныя минуты даже радовался ею. какъ отдыхомъ и удаленіемъ отъ всѣхъ тѣхъ подысковъ, которые мнѣ въ столько лѣтъ уже наскучили. Но прискорбно мнѣ было разстаться съ отцомъ, привыкшимъ, въ глубокой его старости и болѣзняхъ, къ моей помощи. Я думалъ, что все происшедшее и скрыть можно будетъ отъ него навсегда, ежели ссылка моя отмѣнится.

Для сего-то съ удовольствіемъ питался я мечтою этой отмѣны. и неравнодушно ожидалъ возвращенія курьера, отправленнаго съ на-

шили отвѣтами, располагая, что ежели быть переменѣ рѣшенія, то она послѣдуетъ тотчасъ по прочтеніи отвѣтовъ, или никогда. Кн. Прозоровскій, посылая отвѣты мои и князя Трубецкаго, писалъ, что онъ посылаетъ два отвѣта совѣмъ въ разномъ вкусѣ, (это были точныя его слова, какъ я видѣлъ послѣ въ своеручномъ его письмѣ) что князь Трубецкой сильно раскаивается и заслуживаетъ помилованія. а я все скрываю, и упорно стою въ своихъ мнѣніяхъ и проч. Однимъ словомъ, такъ меня описалъ, что ссылка была бы для меня, подлинно, еще большая милость.

Между тѣмъ нужно было приготовиться къ объявленію отцу моему. Оное приняли на себя по пріязни графы Орловы (Алексѣй и Федоръ); я хотѣлъ, чтобъ объявленіе то сдѣлано было сколько можно позже, ожидая переменны. Графъ Алексѣй Григорьевичъ, говорилъ мнѣ съ сожалѣніемъ, что я помѣшался, думалъ онъ, на этомъ пунктѣ. Можно ли, чтобъ Государыня отмѣнила указъ, ею подписанный и объявленный? Этого не дѣлала она ни одного раза во все свое царствованіе и не сдѣлаетъ, конечно, никогда. Я коротко ее знаю,—говорилъ онъ мнѣ; однако я просилъ его подождать до самаго послѣдняго дня, который уже былъ 11-й по объявленіи указа, и отсылки нашихъ отвѣтовъ.

Курьеръ не возвращался. Кн. Прозоровскій торопилъ меня выѣхать, измуча между тѣмъ агентовъ своего шпіонстволюбія подзорами за мною. По расчету времени, потерявъ уже надежду получить ожидаемое, просилъ я графовъ Орловыхъ объявить отцу моему. Они пріѣхали и объявили ему безъ меня передъ обѣдомъ. Минуты объявленія сего были для меня таковы, что я думаю не мучительнѣе были бы онѣ для меня на эшафотѣ.—При всей безпредѣльной любви ко мнѣ и привязанности отца моего, Богъ помогъ ему, точно чудеснымъ образомъ, терпѣливо принять сей ударъ.

Все къ отъѣзду у меня было уже готово: подорожная взята. ввечеру привели почтовыхъ. съ тѣмъ, чтобъ назавтра до свѣту мнѣ выѣхать. Но часу въ 12-мъ пополудни прислалъ за мною кн. Прозоровскій и объявилъ полученный мнѣ Имянный указъ, въ коемъ было написано, что Государыня изволила читать наши отвѣты. и вслѣдствіе того повелѣваетъ: о князѣ Трубецкомъ исполнить точно. по данному прежде объ насъ указу, должность же его поручить старшему подъ нимъ, а меня оставить въ Москвѣ.

Государыню тронули отвѣты мои до слезъ, какъ я слышалъ отъ Василя Степановича Попова, который читалъ ихъ предъ нею такъ же

въ слезахъ.—Тогда не зналъ онъ меня еще и въ лицо, а гораздо послѣ познакомаясь, рассказывалъ мнѣ это, сказывая при томъ и о многихъ противъ меня отъ нѣкоторыхъ ополченіяхъ и злыхъ и смѣшныхъ, коихъ не хочу я описывать, чтобъ не черниться ѣдкостію. И недавно, при одномъ случаѣ, писалъ онъ ко мнѣ: „помню, какъ я плакалъ, читавши ваши отвѣты предъ разстроганною Императрицею“.

Государыня съ такими чувствами принявъ мои отвѣты, точно перемѣнила обо мнѣ свое заключеніе, и рѣшилась освободить меня отъ ссылки. Но имѣвъ какъ извѣстно особливую твердость поддерживать основательность своихъ повелѣній, и строго сохранять весь видъ порядка, при такой, и подлинно можетъ быть, во все Ея царствованіе однажды случившейся, отмѣнѣ ея указа,—предлогомъ поставила опасность сразить престарѣлаго отца моего, хотя Она знала о его состояніи и подписывая указъ о моей ссылке: и гораздо прежде—въ нѣсколько лѣтъ Ея противъ меня предубѣжденія, я очень ей извѣстенъ былъ, какъ знала Она и то чей я сынъ.

Легко можно себѣ представить, сколько оставленіе меня въ Москвѣ утѣшало отца моего, и меня для него. Онъ конечно-бы и не свѣдалъ ничего о томъ, что со мною происходило. еслибъ курьеръ, который отвозилъ наши отвѣты, сутки двои лишнихъ не былъ удержанъ, по причинѣ пребыванія въ то время Государыни въ Царскомъ селѣ.

Всѣ удивлялись случившейся со мною перемѣнѣ. Гр. Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, можно сказать, пораженъ былъ удивленіемъ и тѣмъ больше,—говорилъ,—что правила Государыни очень ему извѣстны. Не хотѣлъ онъ вѣрить, что я не имѣлъ сильной при дворѣ партіи. И подлинно, у меня была самая сильная—невинность, и одинъ вѣрный ея покровитель.

Итакъ, я остался въ Москвѣ. Кн. Н. Н. Трубецкой и И. П. Тургеневъ отправились на житье въ деревни. Новиковъ заключенъ былъ на 15-тъ лѣтъ въ шлюсельбургскую крѣпость. Студенты Колокольниковъ и Невзоровъ *) оставлены также подъ тайною стражею. Дома

*) Они ѣздили въ чужіе края на моемъ иживеніи обучаться медицинѣ: и когда, кончивъ ученіе и получа докторской градусъ, возвращались въ Россію, то по подозрѣнію на общество наше взяты были въ Ригѣ, а по тайной экспедиціи привезены въ Невскій монастырь: оттуда переведены въ Петропавловскую крѣпость и наконецъ въ секретную больницу, гдѣ Колокольниковъ умеръ, а Невзоровъ, просидѣвъ нѣсколько лѣтъ, освобожденъ императоромъ Павломъ I-мъ съ милостію; нынѣ служить онъ въ Московскомъ уни-

Новикова остались подъ арестомъ, также и магазины съ книгами. Разборъ имъ продолжался нѣсколько лѣтъ. Множество сожжено, и все почти исчезло. Многимъ, участвовавшимъ въ прежде бывшей между нами типографической компаніи, нанесло оное крайніе убытки и мнѣ особливо. Это главная причина долговъ моихъ,—но я не жалѣю потому что намѣреніе къ издержкамъ было самое доброе.

А какъ при арестѣ Новикова запечатаны были въ Москвѣ все русскія книжныя лавки, при разборѣ коихъ нашлись въ продажѣ у нѣкоторыхъ книгопродавцевъ запрещенныя книги, то книгопродавцы сіи преданы были публичному суду.

До конца 1796-го года жилъ я въ Москвѣ очень спокойно, занимаясь попеченіями о престарѣломъ отцѣ моемъ и любимымъ своимъ

верситетѣ надворнымъ совѣтникомъ, и особливо извѣстенъ по изданію преподобнаго журнала, подъ именемъ „*Друга Илюшества*“, который издаетъ онъ единственно отъ ревностнаго усердія къ общему благу, для распространенія доброй нравственности.

Поступокъ сего Мак. Ив. Невзорова съ извѣстнымъ покойнымъ Степаномъ Ивановичемъ Шишковскимъ въ крѣпости, заслуживаетъ того чтобъ его расказать. Невзоровъ былъ боленъ и не могъ отвѣчать, да и нечего было, а Шишковскій думалъ, что онъ упрямится и таитъ нѣчто важное. — „Знаешь ли, гдѣ ты?“ — говоритъ ему Шишковскій.

Н. Не знаю!

Ш. Не знаешь? Ты въ тайной.

Н. Я не знаю, что такое тайная. Пожалуй схвати и въ лѣсъ заведутъ въ какойнибудь станъ, да скажутъ, что это тайная—и допрашивать стануть.

Ш. Государыня приказала тебя бить четвертымъ полѣномъ, коли не будешь отвѣчать.

Н. Не вѣрю, что это приказала Государыня, которая написала наказъ комисіи о сочиненіи уложенія.—

Шишковскій, вышелъ съ досадою и послѣ принесъ записку руки Государыни. коею повелѣвала она Невзорову отвѣчать. Я не знаю—говоритъ Невзоровъ,—руки Ея Величества можетъ быть вы заставили написать жену свою, да кажете мнѣ ея руку вмѣсто Государынной.

Ш. Да знаешь ли кто я.

Н. Я того незнаю.

Ш. Я Шишковской.—

Н. Слыхалъ я про Шишковскаго: а вы ли онъ, не знаю; да впрочемъ мнѣ съ Шишковскимъ никакого и дѣла быть не можетъ. Я принадлежу университету, и по его уставу долженъ отвѣчать не иначе, какъ при депутатѣ университетскомъ, и проч.

Наконецъ принуждены были отвѣсти Невзорова для допросу къ самому первому куратору Ивану Ивановичу Шувалову. Допросъ былъ неважный, потому что нечего было отвѣчать, какъ не о чемъ было и спрашивать.

чтеніемъ, *) знакомствомъ съ малымъ числомъ людей и прогулкою пѣшкомъ, которая всегда очень мнѣ полезна была къ содержанію здоровья, и которая также давно, на смѣхъ сказать, подвержена была толкамъ во вредъ моему поведенію, представленному, какъ я уже выше сказалъ, небездостоинымъ уваженія въ разсужденіи общественнаго покоя.

Нѣкоторые, доброжелательствуя мнѣ (и даже изъ тѣхъ, коимъ тайно порученъ былъ за мною присмотръ), убѣдительно мнѣ совѣтовали оставить привычку мою къ ходьбѣ, какъ навлекающую мнѣ опасность хотя и безвинно. Я имъ смѣясь отвѣчала, что не оставляю и по причинѣ самой основательной. Нѣтъ, никто изъ смертныхъ,—говорилъ я,—не можетъ больше мнѣ сдѣлать вреда, какъ лишить меня жизни, что вѣроятно и не случится, а ежели я раззнакомлюсь съ ходьбою своею и съ воздухомъ, то вѣрно самъ себя тѣмъ скорѣе убью.

Пока былъ въ Москвѣ Главнокомандующимъ кн. Прозоровскій, я все окруженъ былъ подсмотрами, только спасибо, онъ ихъ такъ учреждалъ, чтобъ я не могъ объ нихъ и догадываться; а я не хотѣлъ объ нихъ знать, хотя и очень зналъ. До того даже не беспокоился я симъ, что зная, что въ собственномъ домѣ моемъ есть подкупленные, и виду о томъ не показывалъ. Однажды вздумалось мнѣ, изъ-за любопытства только, поручить моему камердинеру, человѣку очень вѣрному, обстоятельно о томъ развѣдать. Но въ ту же минуту жалѣя, что я ему сказалъ, строго запретилъ ему исполнять мое порученіе и совѣмъ забыть его, не только приказывалъ, но просилъ.

Итакъ жилъ я довольно спокойно, кромѣ того, что вскорѣ послѣ самой описанной мною развязки нашего дѣла, ссылкой въ деревни моихъ товарищей кн. Трубецкого и Тургенева и оставленіемъ меня въ Москвѣ, правительство Московское сдѣлало ко мнѣ безстыдную привязку, по приказанію кн. Прозоровскаго, который тогда, однако, ѣздилъ по губерніи, и возвратясь увѣрялъ меня, что при немъ бы того не случилось, или въ подлое угожденіе ему или въ мнимое, далѣе—не знаю.

---

*) Утрачиваясь я такъ же по охотѣ моей въ литературѣ, въ разныхъ переводахъ и мелкихъ сочиненіяхъ. Нашелъ было на меня духъ поэзіи, и я, совѣмъ не зная ея правилъ, и никогда не писавъ стиховъ, переложилъ шесть псалмовъ, обращая сіе на внутреннюю жизнь обновленія души, которые напечатаны подъ именемъ: „Подражаніе нѣкоторымъ пѣснямъ Давыдовымъ.“ Если бъ нѣчто не отвлекло меня тогда—отъ чего нищической духъ этотъ во мнѣ скрылся—то бы, думаю, переложилъ я всю псалтырь въ нѣсколько дней,—такъ сильно онъ дѣйствовалъ. Послѣ уже не могъ я написать ни одного стиха.

При разборѣ бумагъ Новикова, нашли одинъ реестръ мною подписанный, коимъ требовалъ я по оставшемуся мнѣ кредиту при расчетѣ съ бывшею у насъ типографическою компаніею, на нѣсколько сотъ рублей книгъ, и въ томъ числѣ, на семь съ копѣйками, запрещенныхъ. Сіе случилось слѣдующимъ образомъ.

Былъ въ Орлѣ священникъ Іоаннъ, который и нынѣ еще живъ, мужъ достойный отличнаго уваженія по его примѣрной благодѣтельности. Стараніями христіанской любви своей, завелъ онъ больницу, богадѣльню, призрѣніе несчастнорожденныхъ младенцевъ и училище.

Между прочими къ тому средствами, желалъ онъ моей помощи нѣкоторому въ Москвѣ книгопродавцу. Я бралъ для того книги на свой счетъ, который отдавалъ купцу оному, съ уступкою полтины и шести гривенъ отъ рубля. Сіе дѣлалось нѣсколько лѣтъ, и обыкновенно такъ, что купецъ принесетъ ко мнѣ реестръ надобныхъ ему книгъ, многихъ десятковъ разныхъ званій, а я не читая его подпишу: „отпустить по сему реестру на столько то рублей книгъ на мой счетъ“. Не имѣлъ никакой надобности читать, бывши тутъ не продавцомъ, а покупщикомъ книгъ, совсѣмъ не обязанный знать о запрещенныхъ, о коихъ никогда мнѣ и объявлено не было.

Изъ такихъ-то реестровъ одинъ, упомянутый мною, присланъ былъ съ прочими бумагами, въ наряженное надъ книгопродавцами собраніе суда, которое составлено было изъ уѣзднаго, надворнаго и магистрата. Вдругъ—мнѣ повѣстка, чтобъ я явился въ оное собраніе. Это было въ 1792-мъ году, 14-го Сентября; день былъ прекрасный, и я очень спокойно отправился туда пѣшкомъ.—заботился только, какъ бы успѣть возвратиться домой къ батюшкѣ, который тотъ день пускалъ кровь: при семъ я обыкновенно бывалъ.

Вошедъ въ оное нижнихъ судовъ собраніе, я тотчасъ увидѣлъ, что они сами не рады своей комиссіи, и едва могли выговорить причину моего призыва. Я уже старался облегчить ихъ; и несмотря на то, что у нихъ никакой надлежащей формы поставлено не было, взялъ перо и тутъ же написалъ прямо на бѣло отвѣтъ листахъ на двухъ кругомъ. Началъ уже тѣмъ, что я очень радъ, что мнѣ представляется случай публично оправдать наши дѣла.—И подлинно привязавшись къ этому обстоятельству говорилъ я о невинныхъ, или, лучше сказать, добрыхъ намѣреніяхъ нашихъ въ продажѣ и печатаніи книгъ

и проч. Словомъ о всѣхъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ нашего общества. На причину же требованія меня къ суду, оправдаться слишкомъ легко было. Отдавъ сей отвѣтъ судьямъ, пошелъ я домой и они, какъ слышала я, прочитавъ его говорили: „Чтожь дѣлать?—онъ уже все рѣшилъ самъ.“

Однако въ тотъ же день заготовилъ я письмо къ Государынѣ, съ тѣмъ, что ежели еще отнесутся ко мнѣ по сему дѣлу, то стану жаловаться ей на такое притѣсненіе, описавъ его нагlostь.

На другой или третій день послѣ того кн. Прозоровскій, возвращаясь въ Москву 22-го числа, въ которое праздновали тогда коронацію, зоветъ меня къ обѣденному столу.—Послѣ обѣда изъясняетъ онъ свое сожалѣніе о томъ, что меня безъ него беспокоили.—И что не только произошло это не по его приказанію, да онъ уже и пожурилъ гораздо тѣхъ, которые отъ неразумѣнія такую путаницу, какъ говорилъ онъ, надѣлали. Я отвѣчалъ, что не хочу и знать отъ кого это шло, и что теперь радъ былъ случаю публично написать то, что я писалъ, но ежели еще хотя мало коснуться до меня, то я пошлю къ Государынѣ письмо, которое и покажалъ ему, заготовленное вчернѣ. Онъ убѣдительно просилъ меня это оставить, увѣряя, что уже больше нималого безпокоительства я не потерплю.

Между тѣмъ, дѣло производилось хотя и безъ всякаго ко мнѣ отношенія, и когда по обыкновенному порядку пришло на ревизію Уголовной Палаты, то кн. Прозоровскій настаивалъ, чтобъ непременно обвинить меня. Озлобился на одного искуснаго и хорошаго судью, который ему доказывалъ, что обвинять меня никакъ не должно, потому что я точно не продавалъ, а покупалъ запрещенныя книги, въ чемъ по законамъ виноваты тѣ, кои отпускали ихъ, бывъ обязаны не продавать ихъ; а не тотъ кто требовалъ, и кому никогда оное запрещеніе объявлено не было, и что наконецъ никто съ разсудкомъ не можетъ предположить во мнѣ злаго намѣренія въ дѣлѣ о семи рубляхъ съ копѣйками. Разсердился кн. Прозоровскій, выгналъ судью, однако, послѣ велѣлъ оставить ревизію,—чтобъ покрайнѣй мѣрѣ не оправдать меня.

Вотъ какъ мнѣ случилось быть и предсѣдателемъ Уголовной Палаты и подъ судомъ ея.—Быть подъ судомъ тайной экспедиціи и всѣ дѣла ее имѣть въ рукахъ своихъ, при нечаянной въ жизни моей перемѣнѣ, о томъ опишу я въ слѣдующей книгѣ.

Книга четвертая

6-го Ноября 1796-го года, скончалась Екатерина Великая. Кончина Ея поразила меня, какъ и всѣхъ усердныхъ сыновъ отечества, коего Она была истинная благодѣтельница. Любовь въ славѣ была Ея страсть, которой пріятнѣйшая для Нее пища была слава Россіи.

Величіе ума Ея было источникомъ всѣхъ Ея великихъ и благотворныхъ дѣяній. Изъ него происходила и та неподражаемая кротость, кою столь искусно облегчала Она бремя полезнаго и необходимаго для пространства Россійскихъ предѣловъ скипетра самодержавія; при которой, однако, въ превосходнои степени умѣла Она воздержатъ подданныхъ въ страхѣ къ Ней безъ робости, и въ одобрительной всегда надеждѣ на Нее. Подъ Ея державою, при недреманномъ бдѣніи нужной строгости полицейской, всякій однако мечталъ иногда себя живущимъ въ полной свободѣ и независимости.

Всѣ Ея уставы цѣлю имѣли благоустройство, и на челоуѣколюбіи были основаны. Одна отмѣна пытокъ уже дѣлаетъ имя Ея безсмертнымъ въ бытіяхъ благотворителей челоуѣчеству. Она первая отринула сіи звѣрства, паче лютость тиранствомъ избобрѣтенную, и къ стыду просвѣщенными слывущихъ Государствъ, столь многіе вѣки бесплодно терзавшую въ нихъ челоуѣчество.

Ежели въ тайныхъ Ея судахъ, гнѣвъ иногда наклонялъ вѣсы правосудія *) то сіе дѣйствіе не безгрѣшности, общей и царямъ со всѣми

---

*) Прошу читателя не подуматъ, чтобъ сіе относилось къ описанному въ третьей книгѣ сихъ моихъ записокъ суду, но тайной экспедиціи надо мною и надъ бывшимъ обществомъ нашимъ.—Итъ! свидѣтель тому Сердцевѣдецъ, равно какъ искренность слѣдующаго мнѣнія.

Мы конечно невинны были; но Государыня считала насъ очень виноватыми по вселенному въ нея предубѣжденію, отъ котораго кто же изъ смертныхъ всегда избѣгать можетъ? И какими непроницаемыми иногда стѣнами закрыта отъ царскихъ очей истина—Всевидающему всегда извѣстная! Итакъ разсуждая, что въ понятіи Государыни самовластной были мы преступники важные,—по справедливости должно признатъ, что судъ надъ нами Екатерины былъ весьма милостивый, а продолжавшаяся столько лѣтъ нерѣшимость Ея приступить къ оному, означаетъ обладаніе движеніями гнѣва своего и кротость, удивленія достойныя.

Я слыхалъ отъ самого князя Прозоровскаго, что Государыня нѣсколько разъ говорила ему, для чего не арестуетъ онъ Новикова?—„Тотчасъ, если только приказатъ изволите“, отвѣчалъ всегда князь.—*Итъ надобно прежде найти причину.*—всегда же отзывалась Самодержица, предубѣжденная гнѣвомъ.

смертными, въ высочайшей степени покрывается неизмѣннымъ Ея снисхожденіемъ и умѣренностію въ судопроизводствахъ публичныхъ; и всегда пользовалась Она прелестнѣйшимъ Государей правомъ, укрощать строгость законовъ и миловать.

Однимъ словомъ Екатерина была примѣръ великихъ Государей, царство Ея было самое благотворительное для Россіи, кромѣ нѣкоторыхъ жертвъ славолюбія, особливо въ войнахъ, коихъ навсегда предметомъ была одна истинная польза и безопасность Имперіи и еще кромѣ нѣкоего поущенія роскоши, которое почитала Она даже долженствующимъ содѣйствовать къ блеску процвѣтанія монархическаго. хотя роскошь кажется есть самая опасная зараза для тѣла всякаго народа, неизцѣльно разслабляющая его вообще и всѣ части его составляющія, порабощеніемъ неизбѣжному игу суетной зависмости.

Дня черезъ три послѣ перваго въ Москвѣ извѣстія о кончинѣ Государыни. получилъ я отъ друга своего Сергія Ивановича Плещеева, письмо, которымъ описывалъ онъ мнѣ всѣ обстоятельства оной—и занятія вступившаго на престоль Императора. Письмо это бы. о длинное. Плещеевъ при недосугахъ его, и въ концѣ своею рукою только приписалъ: „Если вы намѣрены принять службу, то сообщите о семъ преданнѣйшему вашему другу Плещееву“.

Предложеніе его неслыханно смутило меня. Мнѣ тогда, и особливо такъ скоро, очень не хотѣлось. Успокаивался я нѣсколько тѣмъ, что зная его безпредѣльную ко мнѣ дружескую привязанность, былъ я увѣренъ, что онъ ни къ чему не приступитъ безъ моего согласія, и первая моя забота была, какъ можно чаще подтверждать ему мою просьбу съ дружескимъ заклятіемъ, чтобъ не только ни словомъ не касаться до вступленія моего въ службу, но и всячески стараться отвратить этотъ жребій, еслибъ случилось ему на меня падать и безъ его напоминанія.—Такъ писалъ я къ Плещееву, не пропуская ни одного

Кто жъ былъ Новиковъ?—Содержатель типографіи, поручикъ отставной, котораго Она считала совершеннымъ злодѣемъ. Такая деликатность замѣтна была и въ Губернаторѣ, досаждаемъ въ своей губерніи на челоѣка подобнаго состоянія. Но напримѣръ въ дѣлѣ по тайной экспедиціи о послѣднемъ заточеніи извѣстнаго Ростовскаго Митрополита Арсенія въ 1767-мъ и въ началѣ 1768-го года, видно до чего и Великая Екатерина могла быть на гнѣвъ подвигнута. Сіе дѣло возникло за слова, тогда уже, какъ Арсеній нѣсколько лѣтъ находился въ ссылкѣ, въ монастырѣ Архангелогородской Епархіи, лишенъ епископскаго и священническаго сана за представленія противъ отбора монастырскихъ вотчинъ.

знакомаго случая; а курьеровъ тогда по нѣсколько изъ Москвы екало всякій день. Я просилъ, чтобъ матерію о службѣ моей оставить по крайнѣй мѣрѣ до личнаго свиданія въ Москвѣ во время Коронаціи.

Между тѣмъ, сообщалъ я Плещееву, который очень близко былъ къ Государю. въ дружеской откровенности, мысли мои о разныхъ предметахъ Государственнаго правленія и о многихъ, столь быстро дѣланныхъ перемѣнахъ новымъ Императоромъ. Писалъ я въ самомъ пламенномъ усердіи къ Нему и отечеству—много, можетъ быть, и полезнаго. Плещеевъ, находя оное таковымъ же, и до пристрастія имѣя ко мнѣ вниманіе, намѣренъ былъ показать Государю мои письма: но по счастью время и обстоятельства не дозволили ему скоро того сдѣлать, а послѣ опыты очень ясно открыли, что это бы безъ пользы и могло навлечь гнѣвъ Государевъ на него и на меня.

Откровеннѣе и сильнѣе еще я собирался писать съ отправлявшимся въ Петербургъ по Государеву повелѣнію тогдашнимъ, Церкви Іоанна Воина въ Москвѣ священникомъ, Матвѣемъ Михайловичемъ Децицкимъ, что нынѣ Черниговскій Архіепископъ Михаилъ. Сей, поистинѣ великій въ званіи своемъ мужъ,—коего сочиненія весьма извѣстныя въ народѣ, исполненномъ безмѣрной къ нему любви и уваженія, между твореніями учителей Россійской церкви, могутъ сравниваться только съ сочиненіями Дмитрія Ростовскаго и Тихона, перваго Епископа Воронежскаго.—былъ особливо привязанъ ко мнѣ съ самаго студенческаго его состоянія—и дружбу его 25 лѣтъ продолжающуюся, почитаю я лестною для себя честію.

Я назначилъ притти ему ко мнѣ проститься и письма взять 25-го Ноября поутру; но наканунѣ поздно ввечеру, между прочими съ почты письмами, получилъ я въ письмѣ Григорья Куселева, бывшаго тогда генераль адъютантомъ. Имянное повелѣніе, ѣхать въ Санктпетербургъ и явиться прямо у Государя. Письмо Куселева дня два пролежало на почтѣ потому что тогда, не имѣя съ Петербургомъ обыкновенной переписки, изъ дому нашего и не ходили на почту въ тѣ дни, когда она изъ столицы сей приходитъ, а ходили за письмами деревенскими изъ Орла, и отъ нѣкоторыхъ пріятелей, жившихъ въ томъ городѣ, съ которыми и Куселева письмо принесли.

Императоръ такъ приказалъ написать ко мнѣ, чтобъ никто о томъ не зналъ. Не знали даже самые ближайшіе друзья мои Сергѣи

Ивановичъ Плещеевъ и кн. Николай Васильевичъ Репнинъ, котораго такъ же въ послѣдніе 12 лѣтъ его жизни имѣлъ я щастіе быть первымъ, смѣю сказать, другомъ. Дружбу сихъ двухъ изъ достойнѣйшихъ между смертными, считало я истиннымъ и отличнымъ въ жизни моей щастіемъ.

Христіанскія добродѣтели, примѣрное благородство души и рѣдкія дарованія ума Плещеева, извѣстны всѣмъ знавшимъ его безпристрастно. Что же касается до князя Репнина, то онъ конечно былъ одинъ изъ тѣхъ великихъ мужей, о которыхъ чувствованія любви къ высочайшей добродѣтели, и почтенія къ истинному геройству, съ восторгомъ удивленія читаютъ въ исторіи, и коихъ величію, не понимающіе возможности его и совершенства добродѣтели, не имѣютъ силы вѣрить. Еслибъ мои правила позволили мнѣ давать волю самолюбію, то не просилъ бы я другой на гробѣ моемъ надписи, кромѣ слѣдующей: *онъ другъ былъ Репнина.*

Черезъ нѣсколько уже дней по отправленіи ко мнѣ указа, Государь сказалъ Плещееву по французски: „Я тебѣ скажу новость: Лопухинъ нашъ И. В. скоро сюда будетъ; я послалъ за нимъ“. Дружеская связь моя съ Плещеевымъ и съ княземъ Репнинымъ давно была извѣстна Государю, у котораго они были въ особенной довѣренности, когда онъ еще былъ наслѣдникомъ престола, и хотя основаніе связи сей было самое чистое, безкорыстное и весьма удаленное отъ всякихъ политическихъ видовъ,—но она то была наиболѣе причиною отмѣннаго на меня устремленія, при происшествіи съ бывшимъ нашимъ обществомъ въ 1792 мѣ году, которое однакожъ тѣмъ чудеснѣе, такъ легко въ разсужденіи меня, кончилось, какъ описано мною въ повѣсти о судѣ семь.

Потомъ Государь приказалъ еще Дмитрію Прокофьевичу Троцинскому, который тогда былъ Статсъ Секретаремъ, отписать ко мнѣ съ курьеромъ, чтобъ я скорѣе пріѣхалъ и прямо бы представился Его Величеству. При чемъ угодно было Государю приказать написать ко мнѣ, „что отъ него самого узнаю о томъ употребленіи, къ коему Онъ меня назначать изволить, и отмѣнномъ Его ко мнѣ благоволеніи по извѣстнымъ моимъ достоинствамъ“.

Черезъ пять дней послѣ полученія перваго указа, отправился я въ Петербургъ. Прискорбно мнѣ было разставаться съ отцомъ моимъ, который тогда уже не вставалъ съ постели, и почти ежечасно требовалъ моей помощи. сдѣлавъ къ ней привычку многихъ лѣтъ. Не только ра-

довался моей, такъ называемой, фортуны, но сначала досадовалъ на меня, подумавъ что я самъ ее проискивалъ. Я успокоилъ его, лаская надеждою скорого возвращенія. Надежда сія подлинно подкрѣплялась чувствомъ, что не рожденъ я ни для какого двора.

4-го Декабря 1796-го года, предсталъ я предъ Павла Перваго. Онъ такъ милостиво меня принялъ и такой имѣлъ даръ приласкать, когда хотѣлъ, что ни съ кѣмъ во всю жизнь не былъ я такъ свободенъ при первомъ свиданіи какъ съ симъ грознымъ Императоромъ. Сергѣй Ивановичъ Плещеевъ, который ввелъ меня въ Его кабинетъ, и одинъ былъ въ немъ, при семъ первомъ моемъ представленіи, удивляясь моею смѣлости, послѣ дружески мнѣ совѣтовалъ обращаться съ Государемъ осторожнѣе, однако я всегда смѣлъ быть передъ Нимъ, и никогда нисколько Его не робѣлъ, даже во время самой холодности ко мнѣ, о которой опишу въ своемъ мѣстѣ.

Въ Государѣ семъ, можно сказать, безпримѣрно соединились всѣ противныя одно другому свойства до возможной крайности; только острота ума, чудная дѣятельность и щедрость безпредѣльная,—являлись въ немъ при всѣхъ случаяхъ неизмѣнно.—Пылкость гнѣва Его никогда, однакожъ, не имѣла послѣдствій невозвратныхъ. Къ строгости побуждался онъ точно стремленіемъ любви, правды и порядка, коего разстройство увеличивалось иногда въ глазахъ Его предубѣжденіемъ; сильное впечатлѣніе въ нравъ Его сдѣлало конечно то, что отъ самаго дѣтства напоенъ Онъ былъ, такъ сказать, причинами къ страхамъ и подозрѣніямъ; и что безмѣрная дѣятельность Его стѣснялась невольнымъ бездѣйствіемъ до тѣхъ немолодыхъ уже лѣтъ, въ которыхъ вступилъ онъ на престолъ.—Я увѣренъ, что при рѣдкомъ Государѣ больше какъ при Павлѣ I-мъ можно было бы сдѣлать добра для Государства, еслибъ окружавшіе Его руководствовались усердіемъ къ отечеству, а не видали собственной корысти.

Первый разговоръ Его со мною былъ о Московскомъ Митрополитѣ Платонѣ, на котораго онъ тогда гнѣвался за то, что Платонъ по Его призыву, не только отмѣнно милостивому, но можно, сказать, дружескому, не послѣшилъ къ Нему пріѣхать,—и представлялъ противъ начатаго Императоромъ жалованья духовнымъ особамъ, знаковъ орденовъ кавалерскихъ.—При семъ Государь спрашивалъ у меня, какъ я думаю объ этомъ жалованьи.—Я Ему отвѣчалъ, что петинной Церкви Христіанской такія почести, самолюбіе питающія, конечно неприличны;—но приемля правленіе церкви нынѣ больше учрежденіемъ

политическимъ, не бесполезно, по мнѣнію моему, употребляться могутъ такія отличія, для награды и поощренія онаго членовъ, коихъ весьма не можно въ прямомъ смыслѣ почитать истинно духовными. „L' habit ne fait pas le moine“ (платье монаховъ не дѣлаетъ), прибавилъ я. „Правда твоя“, сказалъ Государь.

Я старался оправдать Платона, сколько могъ, а Государь сильно обвинялъ его, и съ нѣкоторымъ видомъ неудовольствія даже противъ меня, при всемъ несказанно милостивомъ со мною обращеніи. Однако я смѣло продолжалъ и имѣлъ щастіе много помочь къ умилостивленію Государя; кончилось тѣмъ, что онъ изволилъ мнѣ сказать: „Ну, видно ты прямо любишь Платона, и если такъ, какъ ты говорилъ, то мы съ нимъ помиримся. Пусть онъ сюда прійдетъ“.

Тотъ же день писалъ я все это къ митрополиту, совѣтуя поспѣшить пріѣздомъ. Но онъ прежде еще возвратился съ дороги, получа весьма гнѣвное отъ Императора письмо, отправленное къ нему еще до моего пріѣзда, и по Государеву же повелѣнію съ жестокимъ выговоромъ изъ Синода, указъ о коемъ опредѣленіи члены подписывали въ день воскресный, праздничный, въ алтарѣ придворной Церкви, въ самое время совершенія литургіи. Отъ сего онъ занемогъ, и не смѣлъ уже ѣхать; увѣдомляя меня о томъ, благодарилъ онъ меня точно такими словами, что и батюшка его родной не могъ бы больше для него сдѣлать. Съ моей стороны и по сей часъ не было чувствъ, кромѣ искренней дружбы и почтенія къ сему знаменитому дарованіями своими мужу, и пастырю рѣдкимъ благоразуміемъ украшенному.

Послѣ разговора со мною, Императоръ при первомъ свиданіи съ Новгородскимъ Митрополитомъ Гавріиломъ, сказалъ ему: „Пожалуйте оставьте Платона въ покоѣ и безъ меня не касайтесь до него; мы и такъ пересолили“.

5-го Декабря выносили въ Петропавловскій Соборъ тѣло Императора Петра III-го и преставившейся Императрицы. Въ сей церемоніи шелъ я за Государемъ, который въ тотъ день пожаловалъ меня въ дѣйствительные статскіе совѣтники съ повелѣніемъ находиться при немъ. Такимъ образомъ тогда, какъ при покойной Императрицѣ и прежде, опредѣлялись статьи секретари.

Вечеру того же дня Государь призвавъ меня къ себѣ, приказалъ мнѣ объявить въ Сенатѣ Генераль Прокурору волю Его объ освобожденіи

деніи всѣхъ безъ изъятія заточенныхъ по тайной экспедиціи, кромѣ повредившихся въ умѣ. О сихъ послѣднихъ приказалъ Государь усугубить попеченіе къ возможному излѣченію, для освобожденія также ихъ по выздоровленіи, а между тѣмъ сколько можно ихъ поконить. И вообще приказалъ онъ по сей экспедиціи принять мѣры къ лучшему, и сколько возможно, спокойнѣйшему содержанію арестантовъ.

Я обнималъ колѣна Государя, давашаго сіе повелѣніе—точно, кажется, по одному чувствуванію любви къ человѣчеству.

Конечно всякое возможное облегченіе судьбы подвергнувшихся заключенію подъ стражу тайную, требуется сколько человѣколюбіемъ, столько жъ и самою справедлivityю: ибо тѣсны и строги могутъ быть нѣкоторыя тюрьмы публичныя, для исправленія кратковременнымъ въ нихъ содержаніемъ нѣкотораго рода преступниковъ, для удержанія примѣромъ симъ другихъ отъ преступленій подобнаго рода. Но тѣснымъ и тягостнымъ въ темницахъ содержаніемъ угнетать такихъ людей, которые иногда и по основательнымъ причинамъ осуждены на заключеніе подъ стражу тайную.—было бы единственное презрѣніе человѣчества, или месть, нетерпимая не только правилами христіанства, но и самаго великодушія.

Милость и довѣренность Государева ко мнѣ были неописанныя. Его снисхожденіе даже до того простиралось, что Онъ позволилъ мнѣ быть при Немъ по моей должности, только послѣобѣдніе часы, для того, что по тогдашней моей привычкѣ, очень мнѣ тяжело рано было поутру вставать, и я просилъ отъ утреннихъ прїѣздовъ меня уволить. Часто были такія минуты, въ которыя 10,000 душъ выпросить стоило бы мнѣ одного слова.

Милость такая родила противъ меня зависть, какъ обыкновенно при дворахъ бываетъ. Всего больше неприятымъ для нѣкоторыхъ, меня сдѣлало опредѣленіе Государемъ должности моей въ томъ, чтобъ извѣстны мнѣ были всѣ дѣла по тайной экспедиціи, чтобъ всегда открыты мнѣ былъ входъ ко всѣмъ заключеннымъ по ней во всей Имперіи; и чтобъ я могъ—когда заблагоразсужу, присутствовать при слѣдствіяхъ, въ ней производившихся.

Тогдашній Генераль Прокуроръ, пользуясь родствомъ своимъ и моею дружбою съ княземъ Николаемъ Васильевичемъ Репнинымъ, два раза самымъ убѣдительнымъ образомъ просилъ его уговорить меня

отказаться отъ оной должности.—Князь вмѣстѣ со мною удивлялся такой просьбѣ. Мы думали, что въ подобныхъ случаяхъ, надобно бы ему радоваться товарищамъ. Неужели, говорили мы, свидѣтели при нихъ въ тягость.

Скоро открывшаяся неспособность моего характера держаться при дворѣ, успокоила моихъ завистниковъ. Особливо примѣтили они это изъ слѣдующаго случая.

Государь приказываетъ мнѣ съѣздить къ Трощинскому разсмотрѣть, подтвержденный уже имъ докладъ Сената, о нѣкоторыхъ по дѣлу объ утратѣ въ Государственномъ Банкѣ, начавшемся еще при жизни Императрицы, остановить исполненіе, и найти способъ оправдать, или гораздо облегчить участь одного изъ осужденныхъ, иностранца, котораго имя забылъ. Меня объ немъ просилъ сынъ Александръ Павловичъ, сказалъ Государь, а его разжаловала жена этаго арестанта, которую онъ видѣлъ у мужа ея, посѣщая арестантовъ, по должности Военнаго Губернатора Петербургскаго.

Я поѣхалъ къ Трощинскому, у котораго изъ короткой записки о семь дѣлѣ увидѣлъ, что осужденный оной признанъ равно виноватымъ съ нѣсколькими другими, и къ одинаковому приговоренъ публичному наказанію. Конфирмованный Государемъ докладъ возвращенъ уже былъ въ Сенатъ, а изъ Сената, какъ я и тамъ справился, посланъ уже былъ указъ ко второму Военному Губернатору о исполненіи.

Сообразивъ обстоятельства дѣла, я думалъ, что простить или облегчить казнь всегда прилично милосердію самовластнаго Государя; но изъ осужденныхъ къ равному наказанію, равныхъ преступниковъ, одного исключить или очень меньше наказать предъ другими, было бы нарушить правосудіе съ наглымъ презрѣніемъ къ человѣчеству.

Всего лучше, казалось мнѣ, если нельзя всѣхъ простить, то переимѣнить наказаніе всѣмъ, равно съ онымъ иностранцемъ приговореннымъ, на содержаніе въ смиренномъ домѣ, или въ какихъ другихъ тюрьмахъ, и его освободить прежде, и сіе сдѣлать, чтобъ покрайней мѣрѣ сколько нибудь при томъ въ наружности сохранить порядокъ правосудія.

Съ такими мыслями возвратился я къ Государю; онъ былъ тогда въ кабинетѣ съ наследникомъ Александромъ Павловичемъ и княземъ

Безбородкою. Скоро вышелъ въ Секретарскую нашу комнату, которая была передъ самымъ кабинетомъ и подошелъ ко мнѣ спрашивалъ тихонько, что я сдѣлалъ—Я доложилъ ему о моей справкѣ и мысли свои представилъ. „Какъ-же, сказалъ Государь,—всѣхъ? Они виноваты!“ Да и онъ виноватъ, отвѣчалъ я. Государь подошелъ къ Безбородкѣ, и такъ же говорилъ съ нимъ тихо.—Я остался у своего Секретарскаго стола. Поговоривъ нѣсколько съ Безбородкою, Государь, оборотясь ко мнѣ изволилъ что-то сказать: я подошелъ,—Государь продолжалъ;— „Вотъ и Александръ Андреевичъ говоритъ, что можно его освободить и послать только, какъ хорошаго художника (не помню какого мастерства) на житье въ бывший городъ Воскресенскъ, Московской губерніи, гдѣ онъ и полезенъ будетъ для отдѣлки Монастыря“.—А прочихъ-то докладывалъ я.—съ коими онъ равно виноватъ, куда же?— „Въ ссылку по приговору“, отвѣчалъ Государь.—Воли ваша, сказалъ я, только это несходно будетъ съ правдою и порядкомъ.— „Да онъ же почти и невиноватъ“, выговорилъ при томъ кн. Безбородко.—Какъ же, говорилъ я, невиноватаго Сенатъ осудилъ и Государю казнь подписать дали?—На сіе Государь мнѣ съ гнѣвомъ:— „Полно братецъ, перестань“. Замолчавъ, отошелъ я къ своему столу. Государь поговоря опять тихонько съ Безбородкою подошелъ ко мнѣ, и уже милостиво спрашивалъ: „Ну что жъ думаешь ты сдѣлать?“—Я сдѣлаю то, что Ваше Величество приказать изволите: а думаю, что несравнять наказаніе будетъ несправедливо и несходно съ Вашимъ великодушіемъ.— „Нѣтъ, сказалъ Государь, этакъ нельзя—я прикажу Архарову“.

Послѣ сей-то сцены товарищи мои, какъ мнѣ одинъ изъ нихъ послѣ самому сказывалъ, надежно заключили, что не удержусь я при дворѣ. Однако послѣ же Государь нѣсколько еще не отмѣнилъ милостиваго со мною обращенія.

Но вотъ что не мало замѣчательно, при семъ надобно сказать: въ комнатѣ гдѣ это происходило, были только Императоръ, наследникъ, кн. Безбородко, человекъ два изъ самыхъ ближнихъ при Государѣ и я, да первый Государевъ камердинеръ, стоялъ у дверей. Не больше конечно какъ чрезъ полчаса послѣ оной сцены, я поѣхалъ домой, а завтра, какъ я проснулся, камердинеръ мой говоритъ мнѣ: „что это вы такъ спорите съ Государемъ, какъ вчерась сказываютъ? Вѣдь бѣда будетъ!“ Отъ кого онъ это слышалъ, спрашивалъ я.—Отъ бывшего за мной лакея.—А онъ отъ кого?—Отъ придворнаго.

Обружавшимъ Государя не нравилась также связь моя съ кн. Репнинымъ и Плещеевымъ; и тѣмъ больше, что основанію ея пред-

полагали они правила столько же твердыя, сколько съ образомъ ихъ мыслей несходныя. Ожидали, что связь сія можетъ очень усилиться и распространиться.

Когда Государь, по моему представленію приказалъ послать за стариннымъ же другомъ моимъ Захаромъ Яковлевичемъ Корнѣевымъ, человѣкомъ исполненнымъ честности, и рѣдкихъ въ службѣ способностей, бывшимъ тогда въ Орлѣ вице-губернаторомъ, то заключеніе оное подтвердилось, и на языкѣ чисто при дворахъ употребительномъ, говорили, что я подбираю собѣ партію.—Но у меня, истинно, того никогда и въ мысляхъ не было; во всю бытность мою при дворѣ, одинъ предметъ мой былъ: служить Государю вѣрно, вездѣ гдѣ только мнѣ представится случай соблюдать пользу Государства и человѣчества вообще; и милость Государеву сохранять, доколѣ то будетъ угодно Единому Источнику милости непреложной.

Вотъ что при посылкѣ за Корнѣевымъ случилось примѣчательнаго со стороны мечтательности интрижныхъ заботъ придворныхъ. Въ то время, какъ я еще не думалъ представить объ немъ, уже говорили, что я стараюсь опредѣлить его въ секретари по военной части при Государѣ, и одинъ изъ любимцевъ Его всякій день меня спрашивалъ, послали-ль за Корнѣевымъ, не хотя мнѣ вѣрить, что не послали. Черезъ нѣсколько дней послѣ такихъ вопросовъ, этотъ самый любимецъ, сяди съ мною на канапэ предъ Государевымъ кабинетомъ фамиліарнымъ, и очень будто дружескимъ тономъ, какою онъ уже тогда употреблялъ со мною, просить меня еще въ откровенности сказать ему: послали-ль за Корнѣевымъ?—Я увѣрю что нѣтъ, развѣ безъ меня, что нельзя и глупо было бы мнѣ таить это, что ежели чрезъ меня призваться будетъ Корнѣевъ, то я тотчасъ ему скажу. Только что кончили мы этотъ разговоръ, Государь, не помню зачѣмъ, изволилъ позвать меня къ себѣ въ кабинетъ.—И я тутъ имѣлъ случай доложить о Корнѣевѣ, какъ о человѣкѣ, коего служба при немъ весьма полезна быть можетъ. „Пошли жъ за нимъ,“ сказалъ Государь. Вышедъ изъ кабинета написалъ я къ Генералъ Прокурору письмо, съ объявленіемъ воли Государевой о пріѣздѣ Корнѣева въ Петербургъ, и показалъ оное любопытному пріятелю моему придворному.

Никогда однако не считалъ я за полезное быть Корнѣеву по военной части, отъ которой онъ тогда уже лѣтъ двадцать отсталъ. Но я думалъ всегда, что по всѣмъ частямъ правленія, нужно быть при Государѣ особливымъ секретарямъ или докладчикамъ, кромѣ управляю-

щих частями или министровъ, коихъ доклады о своихъ же производствахъ, по большой части должны быть естественно не иное, какъ ходатайство за то, что только имъ пріятно и надобно.—Такой перевѣсъ весьма бы конечно былъ полезенъ. Особливо по дѣламъ Сената, ко-его большинство голосовъ давно уже сдѣлалось однимъ только отголоскомъ Генераль Прокурора.—„Согласенъ съ предложеніемъ Его Превосходительства, или Сіятельства или Свѣтлости“—только почти слышется и пишется въ общихъ собраніяхъ онаго.

Корняевъ пріѣхалъ въ Петербургъ.—Все уже противъ него настроено было. Одинъ самый ближній при Государѣ комнатный чело-вѣкъ, мнѣ рѣшительно сказалъ, что никакъ его не допуститъ остаться при дворѣ. Государь откладывалъ его представленіе день за день; и Корняевъ первый разъ представленъ былъ Государю вмѣстѣ съ прочими, уже благодарить за опредѣленіе его Губернаторомъ въ Минскѣ, съ чи-номъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, которое опредѣленіе по-слѣдовало по моему старанію чтобъ по крайнѣй мѣрѣ не напрасно онъ мною вызванъ былъ. Продолженіе службы сего достойнаго чело-вѣка доказываетъ сколько онъ полезенъ для нея.

Съ того времени Государь сдѣлался холоденъ ко мнѣ; только пря-мой тому причины я и теперь не знаю, признаюсь, что и не любопытствовалъ много знать ее, зная что я съ своей стороны не подавалъ никакой. Вообще кажется можно вѣрно заключить, что главною при-чиною было затрудненіе, въ которое поставили Государя противъ меня тѣ, коимъ я былъ ненадобенъ, и которые ему больше надобны не-жели я. Особое свойство великодушія потребно Государямъ, чтобъ одолѣвать сіе затрудненіе.

Не только уже Императоръ не дѣлалъ мнѣ никакихъ порученій и не призывалъ меня въ свой кабинетъ, но пересталъ говорить со мною. Чувствуя что ни чѣмъ не заслужилъ я гнѣва Его—былъ я очень спокоенъ. Знатокъ придворнаго дѣла осуждали мое равнодушіе и со-вѣтовали мнѣ хотя притворяться огорченнымъ. Почитая всегда при-творство искусствомъ самымъ презрительнымъ, продолжалъ я свою откровенность, и даже чаще тогда веселъ былъ, какъ бы отъ пред-чувствія того что скоро освобожусь я отъ бремени придворной жизни.

Нѣсколько разъ намѣренъ я былъ объясниться съ Государемъ въ кабинетѣ. Но тотъ, кто обыкновенно докладывалъ о входѣ въ него,

не смѣлъ доложить обо мнѣ, а пріятели, искренно мнѣ доброжелавшіе, и которые больше знали нравъ Государевъ, не совѣтовали мнѣ того дѣлать. Наконецъ уже очень явно стало, что никакъ не можно мнѣ оставаться при Государѣ: и я открыто говорилъ, что сколько бы желалъ я сохранить милость къ себѣ Государеву, столько же порадовался бы увольненію моему отъ двора.

Тотъ же самый ближній комнатный человѣкъ, о которомъ сказала я выше, предлагалъ мнѣ подать отъ меня Государю письмо о моемъ отъ него увольненіи, въ которомъ я могу просить и себѣ многого; что онъ увѣренъ, что Государь при отпускѣ моемъ все сдѣлаетъ въ мое удовольствіе — и за это отвѣчаетъ. Я не соглашался. — „Вы философъ, — говорилъ онъ мнѣ, — а двора, позвольте сказать, не знаете: теперь вамъ случай, я вѣрно знаю. такъ много получить, какъ уже никогда не удастся, ежели упустите его. Лента-ли вамъ надобна — Государь тотчасъ ее надѣнетъ на васъ. чинъ — также получите: если-жъ вамъ надобна тысяча душъ или больше, гдѣ вамъ угодно, то я берусь по подачѣ письма вашего, вынести вамъ на то указъ, и позволяю вамъ сдѣлать со мною, что хотите, ежели того не исполню“.

Нѣтъ, отвѣчалъ я ему, я не соглашаюсь на ваше предложеніе. хотя и увѣренъ въ его успѣхѣ: я не философъ, но правда, что люблю держаться правилъ философскихъ. Двора я подлинно не знаю и никогда я думаю очень знакомъ съ нимъ быть не могу: только въ этомъ случаѣ, мнѣ кажется, придворныя обстоятельства вижу я тонѣе вашего. Я не искалъ быть при Государѣ, Онъ самъ изволилъ призвать меня, и принять съ отличною милостью. Гнѣва Его я не заслужилъ, возвратится милость Его ко мнѣ, — и буду очень радъ. Продолжится гнѣвъ Его — все я не виноватъ буду. Уволить меня отъ себя съ милостью — я буду счастливъ; а съ немилостью, — несправедливость не на моей сторонѣ будетъ. Но когда я самъ буду просить увольненія и награды отъ Него, не заслужа ихъ, то и оправдаю гнѣвъ Его; и тогда то если не удастся мнѣ, потеряю я то, чего уже конечно никогда возвратить не можно во всякомъ смыслѣ.

Въ такомъ расположеніи продолжалъ я всякой день спокойно быть свои часы предъ кабинетомъ Государевымъ и нѣсколько въ нихъ разъ видѣть Его во гнѣвѣ или очень холоднаго ко мнѣ. Между тѣмъ я старался снискивать хорошій случай удалиться отъ двора. Вѣрный другъ мой Сергій Ивановичъ Плещеевъ помогалъ мнѣ въ томъ: хотя и онъ тогда былъ уже не въ прежней милости и довѣренности у Го-

сударя. Однажды воспользуясь очень благосклоннымъ разговоромъ Государя въ Эрмитажѣ, Плещеевъ говоритъ ему обо мнѣ и просить уволить меня, если я Ему не угоденъ, съ милостію. Государь отказалъ, сказавъ, „Полно, дайте время, мы съ нимъ уживемся“. Но вотъ что надобно при семъ рассказать, какъ весьма характеризующее покойнаго Государя.

По званію моему Статсъ Секретаря, былъ при мнѣ коллежскій совѣтникъ Александръ Алексѣевичъ Лѣвницевъ, человѣкъ съ рѣдкими дарованіями ума и сердца. Онъ былъ давно другъ Плещееву и мнѣ, и Государю извѣстенъ былъ. Плещеевъ настаивая о увольненіи меня, выговорилъ Государю. — А когда Лопухина изволите отъ себя уволить, то Лѣвницева прошу пожаловать опредѣлить ко мнѣ. — „Такъ-то, отвѣчалъ Государь съ жаромъ; хорошъ же ты другъ Ивану то Володиміровичу! Его прочь для того, чтобъ Лѣвницева къ себѣ. Такъ знай же, что мы не разстанемся съ нимъ никогда“ — и съ тѣмъ отошелъ отъ Плещеева.

Послѣ этого можно было подумать, что Государь перемѣнитъ свое обращеніе со мною на прежнее; однако оно несколько не перемѣнилось; странный и любопытства достойный случай рѣшилъ наконецъ увольненіе мое отъ Государя.

За нѣсколько мѣсяцевъ передъ кончиною Императрицы Екатерины II-й, заключенъ былъ въ Шлисельбургскую крѣпость нѣкто изъ монаховъ или послушниковъ монастырскихъ, который предсказалъ о Ея кончивъ, и точно въ то время какъ она случилась.

При освобожденіи всѣхъ по тайной экспедиціи, привезенъ былъ и онъ въ Петербургъ. Бумаги его хранились у Новгородскаго Митрополита Гавріила. Въ одинъ вечеръ Государь переговора въ своемъ кабинетѣ съ митрополитомъ, принесшимъ къ нему оныя бумаги, призвавъ къ себѣ Сергія Ивановича Плещеева, и отдавъ ему ихъ, приказалъ показать мнѣ и истребуя мнѣніе мое какъ о сихъ предсказательныхъ бумагахъ, такъ и о томъ что дѣлать съ ихъ сочинителемъ, донести оное ему; только съ тѣмъ, чтобъ Сергій Ивановичъ все это производилъ со мною отъ себя, отнюдь не открывая мнѣ волю о томъ, въ разсужденіи меня, Государеву.

Разсмотрѣвъ оныя бумаги, нашель я въ нихъ смѣсь мрака съ нѣкоторыми отвѣчиваніями просвѣщенія. Соединеніе сіе весьма воз-

можно отъ сіянія непрестанныхъ дѣйствій безчисленныхъ посредствъ на неизмѣрной лѣствицѣ свѣта, и глубокихъ впечатлѣній тьмы. А потому не всякій предсказатель правды, самымъ лучшемъ открываемой, есть всегда святой просвященный. И сколько несправедливо отвергать возможность истинныхъ предсказаній, столько жъ неблагоразумно и вредно уважать всякое предсказаніе, и на немъ основываться. О сочинителѣ бумагъ оныхъ полагалъ я, что какъ онъ уже посвятилъ себя трудническому уединенію монашескому, то всего лучше опредѣлить его въ какой нибудь выгодный монастырь, и къ такому настоятелю, который бы могъ его руководствовать и къ очищенію его понятій, въ коихъ подлинно было много смутнаго.

Мнѣніе мое очень понравилось Государю. При донесеніи Плещеева. Онъ много съ нимъ обо мнѣ разговаривалъ; сказывалъ хорошее свое обо мнѣ заключеніе, хвалилъ мои способности; только не имѣю я, говорилъ, довольно тѣхъ, какія ему надобны въ находящихся при Особѣ Его. Плещеевъ убѣдительно просилъ моего увольненія, какъ того, чего единственно я желаю. Государь согласился меня уволить отъ себя но не иначе, какъ съ награжденіемъ, и для того приказывалъ Плещееву сказать мнѣ, чтобъ я подалъ записку о томъ чего хочу. Плещеевъ зная меня, увѣрялъ что я никакъ то не сдѣлаю, а совершенно предаюся милостивой волѣ. Долго Государь настаивалъ о запискѣ, но наконецъ повѣря Плещееву, что я доволенъ буду сенаторствомъ въ Москвѣ, пожаловалъ меня тайнымъ совѣтникомъ и Сенаторомъ въ Московскіе Департаменты.

Сіе происходило поутру 20-го Генваря 1797-го года; только что я проснулся, явились ко мнѣ фельдъегери съ поздравленіемъ и съ копіею подписаннаго уже обо мнѣ указа, присланнаго отъ моихъ товарищей, которые очень не жалѣли о разлукѣ со мною; однако такъ же непріятно имъ было и такое скорое повышеніе. Это точно такъ было, хотя нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались послѣ уже хорошими мнѣ пріятелями.

Я поѣхалъ во дворецъ благодарить Государя. Онъ тогда былъ въ кабинетѣ. Докладчикъ и отверзатель дверей кабинетныхъ, тотъ же ближній комнатный о которомъ я уже два раза говорилъ, хотя по пословицѣ; „*хоть съ ангелами ликуй*“. Однако желая мнѣ добра, говорилъ мнѣ, что лучше поблагодарить послѣ обѣда. что Государь теперь возвратился, съ вахтпарада, очень не весель а ему хотѣлось бы, чтобъ Государь принялъ меня въ кабинетѣ, и увѣрять, что непременно изво-

лить то сдѣлать, и съ милостью,—только въ лучшей части. Я опять спорилъ съ нимъ, увѣряя напротивъ, что этого не будетъ, и смѣючись говорилъ ему что никакъ я о себѣ лучше знаю придворную карту, нежели онъ, хотя впрочемъ онъ ее гораздо тверже моего знаетъ. Нѣтъ, отвѣчалъ онъ повѣрьте что будетъ такъ, какъ я говорю, я съ вами объ какомъ угодно закладѣ ударюсь: только пріѣзжайте послѣ обѣда.— Пробѣемъ сказалъ я ему.

Пріѣхалъ я послѣ обѣда. Онъ пошелъ въ кабинетъ докладывать Государю. Былъ тамъ необыкновенно долго; ибо обыкновенно онъ только отворяя двери называлъ Государю того, кому есть надобность войти въ кабинетъ; или вошедши въ него, ту жъ минуту отворялъ двери для входу кому надобно, или отказывалъ по волѣ Государевой. Тогда же, побывъ у Государя около четверти часа, вышелъ ко мнѣ дождававшемуся у двери кабинета, и съ улыбкою сперва тихонько мнѣ сказалъ: „вы правы“, а потомъ вслухъ при нѣсколькихъ тутъ бывшихъ: „Государь извиняется, что не можемъ васъ принять въ кабинетѣ: онъ теперь занятъ письмомъ, а тотчасъ сюда выйдетъ.“

Черезъ нѣсколько минутъ Государь вышелъ.—Въ дверяхъ онъ громко кашлянулъ; и когда я ставъ на колѣно, поцѣловалъ у него руку, то онъ поцѣловавъ меня два раза въ щеку, сказалъ: „vous m'avez fait tousser. Я отъ тебя закашлялся.“ Что значили сіи слова, не знаю и по сіе время; и никто изъ очень знавшихъ покойнаго Государя, не могъ никогда мнѣ ихъ растолковать.

Такимъ образомъ кончилось придворное бытіе мое: и въ самое короткое время,—въ часы почти—испыталъ я все соблазны придворной жизни, и такъ называемаго счастья временщиковъ.

Что же сказать о жизни придворной?—Картина ея весьма извѣстна—и всегда та же, только съ нѣкоторою переменною въ тѣняхъ. Корысть—идолъ и душа всѣхъ ея дѣйствій; угодничество и притворство, составляютъ въ ней весь разумъ, а острое словцо—въ толчокъ ближнему *верхъ ея*.

Книга пятая

Возвращеніе мое въ Москву неописанно обрадовало отца моего. Но не долго утѣшался онъ житиемъ моимъ съ нимъ, и покоился продолженіемъ попеченій моихъ объ немъ, лежавши уже на одрѣ смерти. Въ томъ же году лѣтомъ, скончался онъ въ рукахъ моихъ: и

хотя онъ былъ 92-лѣтъ въ крайнемъ разслабленіи, однако смерть его огорчила меня столько, какъ бы и за много лѣтъ предъ тѣмъ случилась.

Въ Москвѣ началъ я присутствовать въ Сенатѣ. Сходно съ желаніемъ моимъ былъ я опредѣленъ въ 5-ый Департаментъ, что нынѣ 6-й уголовный, въ которомъ и тогда производились по большей части тѣ же уголовныя и слѣдственные дѣла, переданныя изъ Петербургскихъ Департаментовъ. При семъ еще какъ о знакѣ благоволенія ко мнѣ Императора надобно сказать, что Онъ, какъ при пожалованіи меня въ сенаторы, узнавалъ отъ Плещеева, гдѣ пріятнѣе для меня будетъ служить сенаторомъ въ Москвѣ или Петербургѣ, такъ и послѣ пожалованія приказалъ Генераль Прокурору спросить меня, въ которомъ изъ Московскихъ Департаментовъ хочу я присутствовать?—Я началъ присутствовать въ Сенатѣ по тѣмъ правиламъ, по которымъ служилъ и въ Уголовной Палатѣ. Большого труда стоило мнѣ успѣвать въ пощадѣ челоуѣчества, по причинѣ того несчастнаго предубѣжденія, коимъ исполнены были мои товарищи, что Государю будто угоденъ судъ самый строгій. Товарищей было у меня много—собраніе сенаторовъ очень тогда умножилось пожалованными вновь, и опредѣленіемъ въ сенаторы всѣхъ отмѣнныхъ въ то время генераль-губернаторовъ и правившихъ ихъ должностей. Въ томъ числѣ были старики, и привыкшіе считать себя знатоками. Не смотря ни на что, я съ ними спорилъ—и доказывалъ, что оскорбительно и думать, чтобъ Государь услаждался жестокостію, что мнѣ очень извѣстно, что Онъ желаетъ только правосудія—и что я увѣренъ, что Ему пріятно будетъ всякое возможное съ законами только соображенное, облегченіе участи судимыхъ.

Долго не соглашались со мною. Но много мнѣ помогло незнаніе сперва товарищей моихъ о томъ, въ какомъ точно отношеніи находился ко мнѣ Государь, при увольненіи меня отъ себя;—многіе, и изъ самыхъ прозирателей въ дворскую политику, думали, что довѣренность Его ко мнѣ, еще продолжается,—что не тайное ли око Его я въ Московскомъ Сенатѣ—и, судя по нраву Государеву, заключили, что я могу скоро къ Нему возвратиться—и въ большую еще милость.—Такое ложное заключеніе послужило однакожъ къ избавленію многихъ несчастныхъ отъ жесточайшаго наказанія. Согласились со мною раза два, три,—а тамъ уже трудно было и несогласится: разное рѣшеніе законами запрещается.

Итакъ во все царствованіе Павла I-го во время присутствія моего въ Сенатѣ, ни одинъ дворянинъ, пятымъ Департаментомъ не былъ приговоренъ къ тѣлесному наказанію. И по всемъ дѣламъ истощалась законная возможность къ облегченію осуждаемыхъ. Все доклады сего Департамента конфирмованы были Императоромъ. Два, или три только, помнится, отмѣнили Онъ убавкою опредѣляемаго наказанія. Изъ сего можно было видѣть, по склонности ли строго былъ Государь сей?

Послѣ кончины Его, нѣкто изъ разумнѣйшихъ сенаторовъ Петербургскихъ, покойникъ уже теперь,—разсказывалъ мнѣ, съ какимъ прискорбіемъ принужденъ онъ былъ назначить кнута и ссылку сыну короткаго знакома своего—да и безвинному почти. Для чего-жъ, спросилъ я?—„Боялись иначе“—отвѣчалъ онъ.—„Что, говорилъ я, такъ—именно было приказано, или Государь особливо интересовался этимъ дѣломъ?—„Нѣтъ, продолжалъ онъ, да мы по всемъ боялись не строго приговаривать, и самыми крутыми приговорами старались угождать Ему.“—Промолчавъ о такой бѣдственной услугѣ, сказалъ я только моему товарищу: мы далекіе отъ двора, Московскіе сенаторы простѣе живемъ; и не отвѣдалъ бы конечно знакомецъ твой кнута, если бъ случилось дѣлу его быть въ 5-мъ Департаментѣ.

Въ Мартѣ пріѣхалъ Государь въ Москву короноваться. Пребываніе Его въ сей столицѣ было мѣсяца 2. Всякую недѣлю имѣлъ я честь обѣдать и ужинать за столомъ Его: ни разу не вычернилъ онъ меня изъ реестра, каковой выключкъ иногда знатнѣйшіе меня подвергались.—Однако не говорилъ со мною ни слова; я былъ при томъ спокоенъ, по правилу моему „чтобъ не заслужить только гнѣва Царскаго.“

Впрочемъ у Государя въ сердцѣ противъ меня конечно ничего не было; а какъ я прежде сказалъ, что сила моихъ недоброхотовъ, которые Ему нужнѣе,—или пріятнѣе меня казались, поставила преграду изъявленіямъ милости Его ко мнѣ.

Тому же, что милость сія всегда продолжалась, въ доказательство разскажу я между прочими одинъ слѣдующій случай.

Когда Государь въ числѣ нѣкоторыхъ Сенаторовъ пожаловалъ и меня кавалеромъ Ордена Св. Анны 1-го класса, то я пославъ, по обычаю давно водившемуся, камердинерамъ триста рублей, сверхъ

того одному старшему тогда при Государѣ камердинеру, молодому человѣку очень любезному, и который въ бытность свою при Государѣ безъинтересно любя меня, очень меня обяыивалъ учтивствомъ своимъ и нѣкоторыми услугами въ каморѣ, послалъ на кафтанъ бѣлаго бархату съ золотыми травами.

Сей молодой человѣкъ, бывшій тогда уже въ большой у Государя милости, въ первый праздникъ, пришелъ къ нему въ кафтанъ сшитомъ изъ моего бархату. Государь былъ очень веселъ. „Ты заставишь и меня К . носить французскіе кафтаны.—Что это за прелестный бархатъ?—Откуда у тебя?“ К . сказалъ.—„Такъ стало И. В. любить тебя? Смотри-же заслуживай любовь его, это тебѣ и у меня аттестать“, изволилъ сказать Государь;—и еще пространнѣе, какъ мнѣ послѣ рассказывалъ самъ К .

Въ началѣ 1800-го года отправлены были Сенаторы для осмотра всѣхъ Губерній, и я съ М. Г. Спиридовымъ посланъ былъ въ Казанскую, Вятскую и Оренбургскую.

Осмотры такіе конечно весьма полезны и хороши для сохраненія порядка и обузданія злоупотребленій, хотя нѣкоторыя изъ сихъ послѣднихъ и важнѣйшія суть такого рода, что рѣдко могутъ быть избличены для наказанія судомъ; а необходимо иногда исправлять ихъ, и сколько можно отвращать ихъ средствами, хотя гораздо меньше строгими, нежели бы по суду, основываясь единственно на довѣренности къ ревизорамъ.—Почему и выборъ ревизоровъ долженъ быть весьма остороженъ.

Сіе особливо въ разсужденіи взятокъ, сей неизлѣчимой отравы суда. Чѣмъ большій вздоимецъ, тѣмъ труднѣе избличить его.

Кажется справедливо сказать должно, что едва ли не тщетны почти всѣ старанія о искорененіи взятокъ. Надобно сдѣлать прежде, если можно, чтобъ въ людяхъ лакометва не было—чтобъ они нужды и прихотей не имѣли, чтобъ наконецъ боялись Бога, какъ Свидѣтеля всего, или бы страстно любили правду,—что безъ любви къ Небесному ея Источнику невозможно или весьма ненадежно.

Касательно сей матеріи, помѣщу я здѣсь нѣчто изъ писаннаго мною къ царствующему нынѣ Государю Императору.

Выписка изъ донесенія моего въ 1803-мъ году по нѣкоторому случаю изъ Крыма.

Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше конечно простите мнѣ, что я отъ безпредѣльнаго усердія къ Священной,—и простите еще сыновне искренней свободности моей,—къ Любезнѣйшей для меня Особѣ Вашей и къ драгоцѣнному для меня отечеству, коего благо долженъ быть и есть первый предметъ Вашихъ желаній и попеченій, осмѣливаюсь и не о томъ, что настоящее до меня касается, приводить мои свидѣтельства и мнѣнія.

Итакъ при семъ скажу, что опредѣленіе хорошихъ начальниковъ есть лучшее средство къ благоустройству правленія и самое вѣрное врачеваніе корыстолюбія и лихоимства, столь много издавна заразившихъ службу во всѣхъ земляхъ переходимую большею частію отъ людей слабыхъ, разнымъ порокамъ подверженныхъ. Лучшее средство истребить взятки есть такъ дѣлать, чтобъ или совсѣмъ не за что, или сколько можно меньше было за что давать взятки. Когда главные начальники будутъ хорошо разумѣть и сами отправлять дѣла своей должности, тогда нижнимъ чинамъ нельзя будетъ, или крайне трудно и рѣдко возможно, и то въ самыхъ неважныхъ случаяхъ, вредить пользѣ службы, еслибъ и хотѣли. Таковымъ средствомъ гораздо удобнѣе искоренить, или по крайнѣй мѣрѣ сколь можно умѣрить, пагубное дѣйствіе лихоимства, нежели самымъ строгимъ за оное наказаніемъ, для коего способы къ изобличенію весьма трудны и, какъ давно извѣстно изъ опытовъ, тѣмъ труднѣе, чѣмъ важнѣе преступленія и лица.

Немалымъ способомъ къ обнаруженію зла сего послужить бы могла и отмѣна того закона, который равному подвергаетъ наказанію и пріемлющаго взятки и дающаго. Осмѣлюсь сказать, что послѣдняго довольно бы оставить сужденію только внутреннему, строгости тончайшей нравственности, самой высокой добродѣтели, коея правила заставляютъ безъ изыятія жертвовать собственностію во всемъ общей пользѣ и чести истинной, и которой столько же неестественно быть между милліонами людей общюю, какъ и быть каждаго обязанностію, подъ взысканіе земскихъ законовъ подходящую. Объ отмѣнѣ онаго закона, по всегдашнему усердію моему, при одномъ случаѣ перваго осмотра Губерній дерзалъ я представлять еще въ Божѣ опочившему Государю Императору родителю Вашему, и тѣмъ свободнѣе нынѣ пространно представляю Вашему Императорскому Величеству мое мнѣніе, что слышалъ я, что неутомимому попеченію Вашему, Государь, о законодательномъ утвержденіи основанія порядка и правды, благоугодно было повелѣть во всѣхъ отношеніяхъ разсмотрѣть оную важную въ кругѣ Государ-

ственныхъ узаконеній статью. Правительствующему Сенату, коего и я имѣю честь быть сочленомъ, имѣвшимъ счастье въ нѣсколькихъ случаяхъ доказать по крайней мѣрѣ желаніе быть достойнымъ онаго званія.

Осмотръ нашъ очень былъ угоденъ Государю: всѣ наши представленія были уважены и всѣ рекомендованные нами чиновники пережалованы; а мы съ товарищемъ получили командорственные кресты Ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, въ числѣ обозрѣвшихъ Губерніи Сенаторовъ, кои за отличныя при томъ труды, всѣ награждены были онымъ знакомъ милости.

Я старался осматривать не только формы, но и существо производства дѣлъ. Последнее очень трудно, всѣхъ дѣлъ пересмотрѣть не можно— и какъ же попасть именно, на тѣ, которые не хорошо произведены, особливо съ умысломъ: такія и таятся особливо. Удача часто мнѣ въ томъ помогала, напримѣръ: въ одной Палатѣ Уголовной, приказываю я предсѣдателю подать мнѣ одно изъ обревизованныхъ уже и рѣшенныхъ дѣлъ. Какое, спрашивалъ онъ.—Какое попадется, говорилъ я, только прикажите подать скорѣе. Чтожъ? Предсѣдатель принесъ дѣло и такъ безпорядочно произведенное и незаконно рѣшенное, что и на выборъ бы нельзя было выставить худшаго; при всей осторожности отъ строгостей излишнихъ, надобно было, однакожъ, двухъ членовъ за это дѣло выгнать изъ службы.

Главные черты осмотра нашего, любопытные охотники до службы могутъ видѣть въ напечатанной тетради подъ названіемъ: выписка наставленій и приказаній данныхъ Г. Г. Сенаторами при осмотрѣ Вятской Губерніи въ Мартъ 1800-го года. Сія книжка удостоилась одобренія многихъ знатоковъ; и нѣкоторые изъ разумныхъ и почтенныхъ ревизоровъ, при порученіяхъ имъ осмотра Губерній, очень желали имѣть ее отъ меня, и потомъ говорили мнѣ искренно, что никогда въ подобныхъ случаяхъ безъ нее не поѣдутъ.

Напечаталъ я ее съ печатныхъ уже порознь въ вятской типографіи предписаній оныхъ въ самое время дачи ихъ, для скорѣйшей разсылки въ разныя присутственныя мѣста и уѣзды. Напечаталъ въ особую книжку для того больше, чтобъ показать публикѣ, какъ напрасно многіе въ ней винили меня за послѣдовавшее тогда отрѣшеніе всѣхъ чиновниковъ Вятской Губерніи, кромѣ Губернатора. Въ выпискѣ же той, по коей одной тогда и Сенатъ судилъ о семь отрѣшеніи, есть на-

ставленія, замѣчанія, исправленія; но ничего нѣтъ такого почему бы можно было отрѣшить безъ суда.

Правда, что отрѣшеніе сіе сдѣлалось вслѣдствіе нашего донесенія Государю объ осмотрѣ Вятской Губерніи, о которой при ономъ случаѣ писалъ я Его Величеству, что она „золотое дно, изъ котораго ненасытная алчность давно привыкла черпать всякими неправдами“. Конечно—вслѣдствіе нашего донесенія, писаннаго совершенно справедливо, но совсѣмъ не такъ, чтобъ можно было отъ него ожидать такихъ строгихъ послѣдствій. Сіе вотъ какъ происходило.

Осмотрѣвъ Вятскую Губернію, сѣѣшили мы по причинѣ наставшей уже тогда распутицы въ Казань. При отъѣздѣ изъ Вятки послали мы въ Сенатъ короткій рапортъ, приложивъ для усмотрѣнія образа осмотра нашего оную напечатанную нынѣ выписку, и притомъ сказавъ, что подробнѣе донесемъ изъ Казани, сообразивъ нѣкоторыя статьи имѣющія связь въ ея Губерніи съ Вятскою. Сіе больше касалось до лѣсовъ, о коихъ мнѣніе наше тогда особое уваженіе заслужило.

Въ то же время, донесъ Государю объ отъѣздѣ нашемъ въ Казань и о подробнѣйшемъ изъ нее донесеніи по сдѣланіи вышесказаннаго соображенія писали мы, что „осмотрѣвъ Вятскую Губернію, возможное поданной намъ власти, на мѣстѣ исправили, къ лучшему впредь устройству въ чемъ нужно. Предписали наставленія по жалобамъ, доносамъ, и подозрѣніямъ на нѣкоторыхъ чиновниковъ, велѣли мы судить, что важнѣйшія злоупотребленія примѣчаются особливо по волостнымъ правленіямъ, и для того мы на часть сію особенное обратили вниманіе и оныя возможныя установили средства къ пресѣченію оныхъ злоупотребленій и наказанію ихъ судомъ, что наконецъ, обыкновенъ говорить предъ Августѣйшимъ Престоломъ Его Величества правду, не можемъ мы сказать, чтобъ какое нибудь присутственное мѣсто, или чиновникъ въ Губерніи Вятской, заслуживали представленными быть въ особенное благоволеніе Государево.—А что принадлежитъ до гражданскаго губернатора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Тютчева, то сей въ честности состарѣвшійся чиновникъ (ему было лѣтъ 80 по крайнѣй мѣрѣ), истощаетъ послѣднія свои силы къ наилучшему исполненію своей честности; и голосъ всей Губерніи свидѣтельствуетъ о его правдолюбіи и добродушіи.“

Вотъ вся сила нашего донесенія. Сочиняя его, не могъ я и вообразить того, что послѣдовало. Государь прочитавъ сіе донесеніе, тот-

часть далъ два указа: однимъ приказалъ Губернатора за старостію уволить отъ дѣлъ, съ полнымъ въ пенсіонъ жалованіемъ за усердную службу; а прочихъ всѣхъ безъ изъятія чиновниковъ Вятской Губерніи отрѣшить и предать суду.

Возопили на меня за Вятскихъ—и на меня именно, какъ писали ко мнѣ тогда же съ пріятельскими упреками нѣкоторые, имѣвшіе въ то время большое вліяніе въ дѣла при Государѣ и въ Сенатѣ.

Скоро однакожь, и на тѣхъ же почти дняхъ,—успѣли ближніе при Государѣ исходатайствовать снисхожденіе милости Его, и дозволеніе прежде исполненія указа объ отрѣшеніи, разсмотрѣть въ сенатѣ наши бумаги, и сдѣлавъ постановленіе о томъ, какимъ образомъ исполнять его, поднести докладъ. Сдѣлали сіе весьма похвально,—только недо-дѣлали.

Сенатъ разсмотрѣвъ помянутую нашу выписку, которая тогда одна еще объ осмотрѣ Вятскомъ и была получена отъ насъ, и по содержанію коей никого отрѣшить по справедливости не слѣдовало, положилъ однако отрѣшить всѣхъ присутствующихъ Губернскаго Правленія и Палатъ, кромѣ Казенной, которую защитилъ Государственный казначей присутствуя при семъ положеніи въ Сенатѣ. Въ числѣ определенныхъ къ отрѣшенію были и такіе, кои только что вступили въ должность и не могли быть ни въ чемъ виноваты: о прочихъ же чиновникахъ положилъ Сенатъ разсмотрѣть на мѣстѣ, кому отъ Государя указано будетъ, и о семъ поднести ему докладъ конфирмовать: а разсмотрѣніе препоручить намъ же.

Сіе то отправляя къ намъ для исполненія, писали мнѣ тѣ пріятельскіе упреки, что будто я причиною, что столько людей пострадали. Удивлялся я такому неосновательному заключенію. Отвѣчая откровенно, писалъ я свое удивленіе, говоря при томъ,—что донесеніе наше. (которое подлинно я сочинялъ) написано со всею справедливостію—но съ сохраненіемъ при ней и всей возможной умѣренности; что если однакожь неожиданно и было оно поводомъ тому, что произошло въ первомъ движеніи гнѣва Государева.—то послѣ когда дѣло уже было въ ихъ рукахъ, и Государь соизволилъ на ограниченіе своего Указа.—очень могли бы они, вмѣсто такого, безъ всякихъ справокъ и безъ разбора определеннаго ими отрѣшенія, представить о разсмотрѣніи на мѣстѣ о всѣхъ чиновникахъ, подобно тому, какъ о большемъ числѣ они положили и проч.

На одного же меня все сѣтованіе обращалось потому, что извѣстно было, что мой товарищъ, хотя человѣкъ разумный, долговременною въ службѣ опытностію отличный, въ судныхъ и вотчинныхъ дѣлахъ превосходное знаніе имѣющій,—мало однако входилъ въ производство осмотра нашего, и по какой то безпредѣльной ко мнѣ довѣренности ни въ чемъ не противорѣчилъ мнѣ, и все то подписывалъ, что я напишу.

Но сіе самое послѣ, по обороту ли внушеніями подстрекнутаго самолюбія, или по какому другому неизвѣстному мнѣ отношенію, совершенно лишило меня пріязни сего почтеннаго товарища, съ которымъ во все время вояжа нашего по Губерніямъ, около 8 мѣсяцевъ продолжавшагося, жили мы неразлучно въ однихъ экипажахъ и въ однихъ квартирахъ, и даже косо другъ на друга не поглядѣли.

Кромѣ онаго происшествія съ Вяткою, ничего особливаго, заслуживающаго описанія при осмотрѣ нашемъ Губерній, не нахожу я.

Надобно только рассказать еще Анекдотъ въ той-же Вяткѣ лично со мною случившійся, и смѣшной и достойной вниманія по отношенію къ нравамъ народнымъ.

Въ Городѣ Вяткѣ, который, тогда по крайней мѣрѣ, похожъ былъ болѣе на богатое село, нежели на Губернскій городъ,—обычай у поселянскихъ дѣвокъ торговать калачами, пряниками и всякою мелочью. Онѣ сидятъ все рядомъ въ лубочныхъ своихъ лавочкахъ, которыя тамъ называются балаганами и ихъ нѣсколько десятковъ, можетъ быть и подъ сотню. Въ пѣшихъ своихъ прогулкахъ часто я покупалъ у нихъ калачи или булки, давая имъ всегда по нѣсколькѣ лишнихъ копѣекъ. Однажды, покупая у одной изъ нихъ, дѣвки лѣтъ 18-ти, не красавицы, однако лица пріятнаго, и примѣтивъ изъ разговора съ нею, что отмѣнно не глупа, подарилъ я ей на разсторжку пяти-рублевую бумажку. Дѣвка очень обрадовалась: 5-ть рублей калачницѣ капиталъ.

На другой день поутру сказываютъ мнѣ, что пришелъ мужикъ, имѣющій нужду говорить со мною. Я его къ себѣ позвалъ—мужикъ въ слезахъ мнѣ въ ноги: „Пожалуй батюшка, спаси дочь мою: ты погубилъ ее—она хочетъ удавиться или въ Вятку (рѣку) броситься. Вчерась ты пожаловалъ ей 5-ть рублей, такъ все дѣвки товарки ее, цѣлый день ей житія не давали: ты была у Сенатора, да и только; за

чтожь-бы ему пожаловать 5 рублей. Дочь моя воетъ, въ удавку лѣзеть; не можемъ уговорить ее мать отъ нея не отходить.

Смѣшно правда мнѣ было подозрѣніе меня въ такомъ молодечествѣ; однако тревога мужика съ его семействомъ была для меня еще чувствительнѣе. — Неужели ты этому вѣришь, — говорилъ я ему — да еслибъ дочь твоя была у меня. такъ и бы ей 5 рублей или больше далъ у себя. а не въ балаганахъ при всѣхъ. — „Родимой, — говоритъ мнѣ мужикъ, — да кто этому повѣритъ! Мы знаемъ что неправда — да проклятыя то завистницы ее съ ума сводятъ, а она дѣвчонка молодая, глупая. — Помилуй батюшка!“ кричитъ мой мужикъ. валяясь въ ногахъ.

Даю ему деньги — не беретъ, давалъ ему ужъ столько. что по состоянію его дочери могло бы составить изрядную часть ей приданого — мужикъ все не беретъ, а только кричитъ: „Помилуй. спаси дочь мою, не быть ей живой; она удавится, не вѣкъ сидѣть надъ ней, а хотъ и сидѣть, тагъ все она сойdetъ съ ума отъ печали.“

— Что жъ мнѣ дѣлать, — говорю я ему, — не жениться жъ, я подарилъ ей отъ доброй души — а ужъ это несчастье. что съ нею случилось. Дай мнѣ подумать. авось какъ нибудь поправимъ; приди ко мнѣ завтра — и на силу уговорить я его отойти отъ меня до завтра.

Между тѣмъ, видя такое безпритворное огорченіе, и находя себя хотя невинного однако причиною сему, былъ я очень неравнодушенъ. Думалъ и не зналъ чѣмъ то поправить. Денегъ не пожалѣлъ бы я и много; да цѣломудренной калачницѣ съ отцомъ ея ничего было ненадобно. — Вдругъ пришла мнѣ мысль, которой исполненіе все дѣло исправило.

Послалъ я въ казенную Палату нѣсколько сотъ рублей размѣнять на пяти рублевья, и пошедь прогуливаться, всякой дѣвкѣ торговкѣ подарилъ по пятирублевой бумажкѣ на расторжку же. Отецъ отчаянной калачницы, пришелъ ко мнѣ на другой день не съ тѣмъ уже, чтобъ толковать какъ уладить наши хлопоты, а благодарить меня, что успокоилъ я дочь его. „Богъ тебя надоумилъ, родимой мой, — говорилъ онъ мнѣ, однако съ слезами радости, — теперъ ужъ ее не дразнятъ, всѣ дѣвки вссели, и съ нею ватажуются, и никто ужъ на нее ничего не думаетъ; а всякъ говоритъ что ты это жалуешь только изъ милости.“

Признаться что и мнѣ весело стало. Хотѣлъ я однако отдать мужику то, что прежде давалъ я ему на приданое дочери его. такой

честной дѣвушкѣ. Но онъ никакъ не согласился принять, кланяясь и говоря очень искреннимъ голосомъ: „Помилуй, батюшка, уволь: вѣдь опять тоже баять (говорить) стануть“.

Въ концѣ Августа 1800-го года возвратился я, обозрѣвъ Губерніи въ Москву, и безвыѣздно изъ нея, присутствовалъ въ Сенатѣ до самой кончины Императора Павла I-го.

Въ Сентябрѣ того же года случилась отставка многимъ Сенаторамъ, сверхъ всякаго ихъ чаянія; и осталось насъ тогда по департаментамъ очень не побольшому числу.

Въ то же время прибылъ къ намъ товарищъ (покойникъ уже теперь) человѣкъ почтенный, остроумный и много служившій, который обходился со мною давно пріятельски и съ особливымъ вниманіемъ—но по дѣламъ, его самолюбіе что-то имѣло противъ меня очень настроенное. Онъ все говорилъ, какъ мнѣ сказывали, что надобно мнѣ ошибиться перья. Я, на его языкѣ сказать, никогда не любя опускаться и не привыкши ни для кого поджиматься—велъ себя съ нимъ такъ же, какъ я съ прежними своими товарищами. Онъ всегда спорилъ со мною и часто для того, чтобъ безъ продолженія рѣшить дѣло по справедливости, надобно мнѣ было идти противъ него; тогда уже онъ всякій разъ ее защищалъ.

Однажды, интересуясь дѣломъ своего знакомаго, говоритъ онъ оберъ Секретарю, чтобъ доложить его безъ меня, почему-то считая, что я буду противъ, и подлинно я былъ противъ, потому что онъ желалъ несправедливаго. Дѣло было тяжёбое, тогда еще нѣсколько дѣлъ сего рода оставалось въ томъ Департаментѣ. Оберъ-Секретарь, человѣкъ честный и шутиливый, сказывая мнѣ о приказаніи моего товарища, говоритъ съ улыбкою: „Не лучше ли доложить безъ его Высокопр-ва?“—Нѣтъ, отвѣчалъ я, доложите, только пожалуйста въ такой день, когда и онъ и я будемъ въ присутствіи.

Докладываютъ дѣло. Я тотчасъ вооружился противъ справедливой стороны и взялъ ту, которую хотѣлось защищать оному моему почтенному товарищу. Споръ у насъ сдѣлался прежаркій. Онъ выставилъ всѣ резоны въ пользу той стороны, которую я про себя держалъ. Наконецъ, я будто уставши спорить, и убѣдясь его резонами, которые тутъ подлинно сильны были—согласился съ нимъ: ну, говорю, мастеру и книги въ руки. Онъ всталъ, поѣхалъ съ торжествомъ и

на другой день подписалъ резолюцію отнять деревню или землю, теперь не помню. у своего знакомаго, котораго онъ совершенно обнадежилъ своею защитою.

Сей послѣдній. чрезъ нѣсколько дней узнавъ это, прїѣзжаетъ къ Сенатору, покровителю своему, и плачется о своей потерѣ—не можетъ это быть. говоритъ ему мой товарищъ, и увѣряетъ его, что дѣло точно рѣшено въ его пользу, не помня рѣшенія, а только помня, что я былъ противъ, и что онъ надо мною взялъ верхъ. Прїѣхавши въ Сенатъ. спрашиваетъ у секретарей, какъ рѣшено это дѣло?—Докладываютъ ему какъ оно рѣшено. Возможно ли, говоритъ онъ, чтобъ я согласился рѣшить? Да вы де изволили и резолюцію давать и журналъ уже подписать: вотъ и опредѣленіе къ подписанію подано. Посмотрѣлъ журналъ, покраснѣлъ, осердился—и подписалъ опредѣленіе.

Жалѣю и, можетъ быть невозвратно, что при одномъ особливомъ случаѣ, не догадался я употребить добронамѣренной моей хитрости противъ того же товарища. Отъ этой недогадки моей, можетъ быть, невинные сосланы на каторгу, или подъ торговою казнію жизнь свою окончили. Вотъ о чемъ говорю я. Докладываютъ уголовное дѣло, по которому люди нижняго состоянія приговорены были Палатою къ тѣлесному наказанію вмѣсто смертной казни и къ ссылкѣ на каторгу. не только безъ собственнаго признанія, безъ довольныхъ доказательствъ. но даже существо дѣла подходило нѣкоторымъ образомъ подъ милостивый манифестъ. Мы слушаемъ его, сидя за сенаторскимъ столомъ, двое только съ тѣмъ товарищемъ, а прочіе, бывшіе тутъ товарищи слушаютъ, стоя и ходя по комнатахъ. Онъ меня спрашиваетъ, какъ я думаю объ этомъ дѣлѣ?—Его можно, говорю я, съ нѣкоторой стороны уничтожить и по милостивому манифесту,—а всего справедливѣе и съ точными словами закона сходиѣ кажется мнѣ предать суду Божію по недостатку доказательствъ.—Не лучше ли, говоритъ онъ, по манифесту? Или какъ вы послѣднее полагаете?—И то очень хорошо. Сказавъ это, онъ всталъ и пошелъ разговаривать съ товарищами.

Скоро дочитали дѣло, которое было короткое и очень ясное. Я сказалъ секретарю своему резолюцію и взялъ за другія бумаги. Секретарь пошелъ отбирать мнѣнія отъ прочихъ г.г. сенаторовъ, и къ первому подошелъ моихъ перьевъ ошибателю. Ну, остригъ онъ, правда бѣдныхъ судимыхъ. Онъ спросилъ тихонько секретаря, что сказалъ И. В.?—Предать суду Божію, отвѣчалъ Секретарь.—А я утверждаю рѣшеніе Палаты. сказалъ Его Высокопр. и продолжалъ рассказывать

товарищамъ что-то о вѣстяхъ Петербургскихъ, или о вчерашнемъ клубѣ, съ радостною насмѣшкою, которая была ему свойственна, и которая по крайней мѣрѣ тогда некстати была для осужденныхъ Палатою.

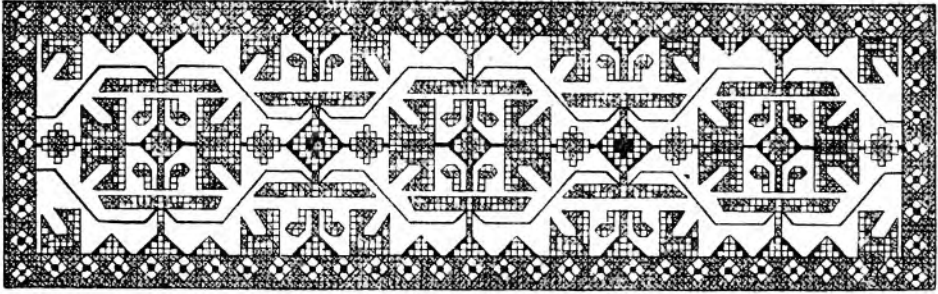
Пошло дѣло на голоса. Нашлись такіе, которые и къ нему пристали. Вошло въ общее собраніе Московскихъ Департаментовъ, въ нихъ такъ же согласно не рѣшилось: тогда, въ подобныхъ случаяхъ, изъ общаго собранія Московскихъ переходили дѣла въ общее же С. П. Департаментовъ. Чѣмъ оно тамъ кончилось, я не знаю; а можетъ быть утвердили рѣшеніе Палаты. Нерѣдко случалось мнѣ видѣть вдругъ наитіе духа безъщадной строгости на иныхъ Г. Г. Сенаторовъ, особливо, когда око юстиціи. всегда здраво зрящее въ плоти прокурорской. не ясно разглядитъ мелкое человѣчество въ людяхъ породы незнатной, или скудныхъ благодати земли.

Но ежели и годъ лишній напрасно люди въ тюрьмахъ и кандалахъ просидѣли,—только потому, что Его Высокопр. рѣшился ошибать мнѣ перья? Случай сей описалъ я больше для того, чтобъ показать какъ и самыя суетныя пристрастія въ тѣхъ даже, кои почитаются между лучшими, хладнокровно играютъ жребіемъ жизни человѣческой. Судить такъ, не все ли равно. что рѣзать людей!

И ежели положить на вѣсы, съ одной стороны, воспитаніе такого судящаго, просвѣщеніе, состояніе его въ обществѣ и проч. а съ другой—состояніе какого-нибудь крестьянскаго сына, въ грубомъ невѣжествѣ выросшаго, развращеннаго пьянствомъ,—который заворовавшись укрывается въ лѣсахъ и рѣжетъ людей для того, чтобъ чрезъ нихъ не быть пойманнымъ и сосланнымъ въ каторгу, или повѣшеннымъ—то нетрудно отгадать, которое перетянетъ.

Конецъ 1-й части.

ВЕЛИКІЙ ШЕЙХЪ МАНСУРЪ.

(изъ исторіи кавказскихъ волненій).

Вѣковая борьба, которую вели съ русскими горцы Восточн. Кавказа съ внѣшней стороны носила характеръ чисто религіозный. Фанатизмъ горцевъ, слишнимъ рельефно выступавшій въ этой борьбѣ, совершенно заслонилъ настоящіе мотивы ея и давалъ поводъ думать до сихъ поръ, что горцами руководили не любовь къ свободѣ, не желаніе отстоять свою независимость, а вліяніе фанатиковъ муллъ, прикрывавшихъ свои личныя цѣли знаменемъ религіи. Между тѣмъ болѣе основательное изученіе событій, относящихся къ эпохѣ Кавказ. волненій, ясно показываетъ, что настоящимъ двигателемъ горцевъ въ этой борьбѣ была любовь къ свободѣ, переходившая въ отчаяніе при появленіи враговъ въ ихъ краяхъ. Рядомъ съ этимъ шла и горячая проповѣдь муллъ, призывавшихъ правовѣрныхъ во имя ислама поднять оружіе и угрожавшихъ за неслуханіе гнѣвомъ Аллаха. Прошлое кавказскихъ горцевъ наполнено непрерывными войнами другъ съ другомъ и между отдѣльными племенами.

Слабыя народности уступали первенство болѣе сильному племени и приучились сносить иго завоевателей. Независимыя, народности Кавказа, въ силу ихъ превосходства надъ другими, знали что значить „*vae victis*“. Любовь къ свободѣ, купленной дорогою цѣною вполне была объяснима.

Борьба между народностями изъ-за родовыхъ несогласій окончилась, всѣ народности соединяются для борьбы съ Россіей. Этимъ любопытнымъ психологическомъ моментомъ пользуются имамы. Потребность въ объединеніи—создаетъ ихъ. Они впервые на Кавказѣ провозглашаютъ

идею національности и поднимають зеленое знамя священнаго пророка какъ символъ объединенія *асъхъ* горцевъ, доселѣ враждебныхъ другъ другу.

Стоя по умственному развитію цѣлой головой выше народа и въ то же время живя его жизнью, эти единственные представители умственной жизни горцевъ, первые поняли причину слабости правовѣрныхъ и всю угрожающую имъ опасность. Хотя любовь къ свободѣ была присуща всѣмъ этимъ народностямъ, но идеи свободы было слишкомъ недостаточно чтобы во имя ея сплотить эти враждебныя другъ другу народности и заставить забыть ихъ вѣковую вражду. При крайнемъ ихъ примитивизмѣ, при той разобщенности, которая была вслѣдствіе ихъ географическаго положенія и, наконецъ, при отсутствіи общаго языка и одного идеала, они не могли сплотиться. въ одно цѣлое. Такой порядокъ вещей указалъ мулламъ, что единственнымъ связующимъ звеномъ можетъ быть религія.

У чеченцевъ есть поговорка, что „если народъ рѣшился возстать, то палка замѣняетъ ему имама“. Истиной этой воспользовались Шейхъ Мансуръ, Кази Мулла, Гамзатъ Бекъ, Шамиль и др. Исходя изъ этого, нельзя этимъ имамамъ придавать того преувеличеннаго значенія, какъ это дѣлають теперь. Нельзя все дѣло борьбы горцевъ за независимость приписывать дѣятельности имамовъ. Въ исторіи волненій имамамъ принадлежала лишь внѣшняя сторона борьбы, изысканіе средствъ для нея. Тѣ имамы, которые отказывались отъ этого, погибали.

Всю исторію борьбы горцевъ Вост. Кавк. можно раздѣлить на три періода, съ характернымъ отпечаткомъ въ каждомъ изъ нихъ.

Первый періодъ охватываетъ эпоху съ половины XVIII в. второй до 40-хъ гг. XIX в., а третій до 60-хъ гг.

Въ первомъ періодѣ самымъ характернымъ лицомъ является Шейхъ Мансуръ.

Театромъ военныхъ дѣйствій служитъ Чечня и отчасти Кабарда: во второмъ періодѣ Кази Мулла—въ Дагестанѣ и Чечнѣ. Въ третьемъ періодѣ дѣйствуютъ Гамзатъ Бекъ и Шамиль въ этихъ же краяхъ. О послѣднемъ періодѣ много извѣстно русской исторіографіи, тогда какъ первые два періода мало изучены и свѣдѣнія о нихъ невѣрны.

Въ 1785 г. въ Алдинскимъ аулѣ, на р. Сунжѣ верстахъ въ 7 отъ нынѣшняго Грознаго, появился имамъ Шейхъ Мансуръ. Въ этомъ же году противъ него былъ посланъ 3000-й отрядъ подъ начальствомъ полковн. Піерріа. Послѣдній, мало зная условія войны, забрался, въ лѣсныя дебри, оставивъ открытымъ свой тылъ. Поэтому онъ былъ совершенно разбитъ горцами, причемъ самъ былъ убитъ. Только незначительной горсти отряда удалось спастись, съ большимъ трудомъ отбивъ набѣгъ враговъ.

О числѣ потерь неизвѣстно до сихъ поръ, хотя народное преданіе, сохранившееся и слышанное нами, говоритъ что „изъ кольевъ, которыми былъ огороженъ аулъ и на которыхъ были выставлены головы убитыхъ, осталось безъ того ужаснаго украшенія только два: вся Сунжа была покрыта фуражками солдатъ“. Это, понятно, звучитъ сильнымъ преувеличеніемъ пылкой фантазіи горцевъ. Побѣда это для горцевъ имѣла слѣдующія послѣдствія. Во 1-хъ, она породило въ чеченцахъ самоувѣренность: они стали считать себя непобѣдимыми. Во 2-хъ, эта побѣда дала имъ славу и значеніе среди другихъ народовъ и первенство въ борьбѣ съ русскими. Въ 3-хъ, возрасло значеніе Шейхъ Мансура. Послѣ Алдинскаго сраженія шесть лѣтъ продолжалась дѣятельность Шейхъ Мансура, причемъ онъ терпѣлъ и неудачи. Въ 1791 г. онъ потерпѣлъ пораженіе и охотно принялъ предложеніе турецкаго правительства возмутить противъ Россіи Черкесовъ. Съ этой цѣлью онъ дѣйствовалъ въ Кабардѣ. При взятіи Анашы онъ былъ плѣненъ и отправленъ умирать на Соловецкіе острова.

Во время расцвѣта своей дѣятельности Шейхъ пользовался такимъ влияніемъ среди Чечни, что доселѣ о немъ сохранилось много разсказовъ.

Въ концѣ XVII в. чеченцы выселяются съ горъ на плоскость, оставленную русскими. Съ этого же времени среди нихъ распространяется исламъ. Чеченцы тогда вели пастушеское хозяйство и были мало воинственными. Поселившись на Сунжѣ, они начинаютъ беспокоить частыми набѣгами русскія владѣнія; особенно отъ нихъ терпятъ калмыки и ногайцы.

При такомъ измѣненіи характера они не имѣли хорошихъ вождей, и организаторовъ.

Шейхъ Мансуръ былъ такимъ хорошимъ военнымъ организаторомъ.

Въ этомъ—ключъ къ пониманію значенія его дѣятельности среди чеченцевъ.

С. Фарфоровскій.

**Изъ переписки Графа Л. Н. Толстого съ П. И. Бартевыми
(о „Войнѣ и Мирѣ“).**

(31 Марта 1867).

Уважаемый Петръ Ивановичъ!

Посылаю Вамъ письмо Павла къ моему дѣду Николаю Сергѣевичу Волконскому, которое давно у меня валяется. Пожалуй оно для Васъ будетъ имѣть какой нибудь интересъ.

Статью для Архива я непремѣнно напишу, но не теперь. Теперь я ничего не могу дѣлать кромѣ окончанія моего романа. Но за намѣреніе мое, или просто за то что Вы любезный человекъ сдѣлайте мнѣ одолженіе. Напишите мнѣ, ежели это не составитъ для Васъ большого труда, матеріалы для исторіи Павла Имп. (sic!) Не стѣсняйтесь тѣмъ что Вы не всю знаете. Я ничего не знаю, кромѣ того что есть въ Архивѣ. Но то что есть въ Архивѣ привело меня въ восторгъ. Я нашелъ своего историческаго героя. И ежели бы Богъ далъ жизни, досуга и силъ, я бы попробовалъ написать его исторію.

Желаю Вамъ всего лучшаго.

Сотрудникъ Вашъ. Гр. Л. Толстой.

31 Марта.

Письмо Павла не посылаю потому что на немъ печать очень толста, а на дняхъ пришло съ людьми кѣдутъ въ Москву.

(30 Іюня 1867)

Посылаю Вамъ первую половину части—листовъ девять печатныхъ, считая съ тѣмъ что я отдалъ.

Ожидаю съ нетерпѣніемъ корректуръ и удивляюсь почему до сихъ поръ мнѣ ихъ еще не присылали. Также обѣщанныя бандероли съ

адресами Рису не принесъ мнѣ, ни Берсу котораго я просилъ переслать мнѣ ихъ ни прислать мнѣ ихъ.

Вторую половину первой части печатное я отошлю завтра. Работа моя идетъ успѣшно и я увѣренъ, что со своей стороны не задержу печатанія и не буду платить штрафа, только бы пересылка шла правильно.—Посылаю теперь рукопись на Ваше имя, такъ какъ не имѣю адреса Риса. Получите отъ него расписку и погоните его печатаніемъ и присылкой мнѣ адресовъ и корректуръ.—

Объ Англичанкѣ для Васъ жду отвѣта на посланное въ Англію письмо. Какъ получу извѣщу Васъ.

Л. Толстой.

30 Іюня.

(получ. Авг. 9. 1867).

Я очень много сдалъ рукописи и корректуры, такъ что дѣло никакъ не за мной, а за ними. Пожалуйста погоняйте ихъ. Во многихъ мѣстахъ я ставлю черточки—безъ № Главы, пожалуйста оставляйте ихъ и корректорамъ въ типографіи велите на нихъ обратить вниманіе.

Такъ какъ по новому распредѣленію 1-й томъ—въ особенности первая часть его будетъ очень велика, то въ этой части постарайтесь какъ можно болѣе сжимать и избѣгать *абзацовъ* и напротивъ какъ можно болѣе ихъ дѣлать во второй части и вообще во всемъ 2-мъ томѣ, который будетъ малъ.

Изъ первой (напечатанной) части я велѣлъ присылать къ себѣ корректуры всего, исключая тѣхъ листовъ которые я означаю черточкой.

Л. Толстой.

(10 Августа 1867).

Петръ Ивановичъ!

Я корректуры возвращаю теперь очень скоро, и потому желаю и прошу, чтобы мнѣ присылали все корректуры 1-й части. Я много сокращаю въ 1-й части отчего выигрываетъ сочиненіе во всѣхъ отношеніяхъ.

Отпечатанные листы—одинъ экземпляръ прошу отсылать по городской почтѣ Княжнѣ Еленѣ Сергеевнѣ Горчаковой, на Пятницкой въ 3-й Гимназіи (женской).

Л. Толстой.

10 Августа.

(9 октября 1867).

Какъ ни несоразмѣрны I и II томы надо ихъ оставить такъ какъ они есть. То что прислано мнѣ было изъ 3-го отправляю и удивляюсь что не получаю дальше. Пожалуйста подгоняйте ихъ. Надѣюсь что теперь за мной дѣло не станетъ.

Какъ ни тяжело мнѣ было все это время, я не пересталъ дѣлать свое дѣло и кажется не задержалъ.

Изъ Москвы я уѣхалъ по письму жены извѣщавшей о болѣзни дочери. Едва эта оправилась какъ заболѣла жена и выкинула и довольно опасно. Я пятый день сижу надъ ней.

Вы семьянинъ и все это понимаете и вѣрно сочувствуете.—

Объ обѣщанномъ отрывкѣ повторяю то же—пришлю ежели могу раньше, но навѣрное тогда когда дойду до него, что будетъ очень скоро.

Гр. Л. Толстой.

9 октября.

(1 Ноября 1867 года).

Посылаю корректуры. Рукопись третьяго тома готова наконецъ. Я говорю наконецъ потому что конецъ 3-го тома было самое трудное мѣсто и узелъ всего романа. Кромѣ того я на дняхъ только поднимаюсь послѣ грудного воспаленія и теперь еще боленъ. Я рукопись посылаю завтра съ Дьяковымъ. Я для отсылки ждалъ его. Четвертый томъ въ началѣ Ноября доставлю вамъ. 4-й томъ не можетъ задержать.

Я думаю продавать 3 тома съ подпиской на печатающійся 4-й. Какъ вы думаете?

Въ послѣднихъ корректурахъ, которыя я вамъ прислалъ въ томъ мѣстѣ гдѣ Н. Ростовъ пріѣзжаетъ изъ арміи, сказано что на предпослѣдней Станціи онъ избилъ ямщика а на послѣдней далъ 3 р. на водку. Это вымарайте.

Л. Толстой.

1 Ноября.

Не могу безъ предисловія, но мнѣ кажется я такъ надоѣлъ вамъ что такъ и хочется подпустить и милый и любезный и дорогой Петръ Иванны(чъ).

Вчера я послалъ конецъ III-го тома и писалъ вамъ. Но нынче вспомнилъ необходимую поправку, которую и прошу васъ сдѣлать. Въ томъ мѣстѣ гдѣ Наташа у гр. Безуховой, въ диванной встрѣчается съ Анатодемъ сказано: *Онъ напбался къ ней какъ будто хотѣлъ ее поцѣловать* и потомъ нѣсколько точекъ и потомъ было написано: *Элень вышла откуда-то и съ Наташей вмѣстѣ вернулась въ залу* и это я вымаралъ. А это самое послѣ многоточія надо оставить. О чемъ я и прошу васъ.

Другое. Въ IV томѣ послѣ описанія поѣздки Балашева къ Наполеону и до прїѣзда кн. Андрея въ армію, есть сцена кн. Андрея въ деревнѣ и описаніе его состоянія. Это мѣсто не велѣтъ набирать и возвратить мнѣ, потому что по (?) немъ будетъ очень много помарокъ.

Я очень доволенъ выборомъ обѣда Багратіона.

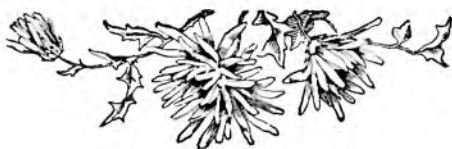
Откуда явилась статейка въ Инвалидѣ?

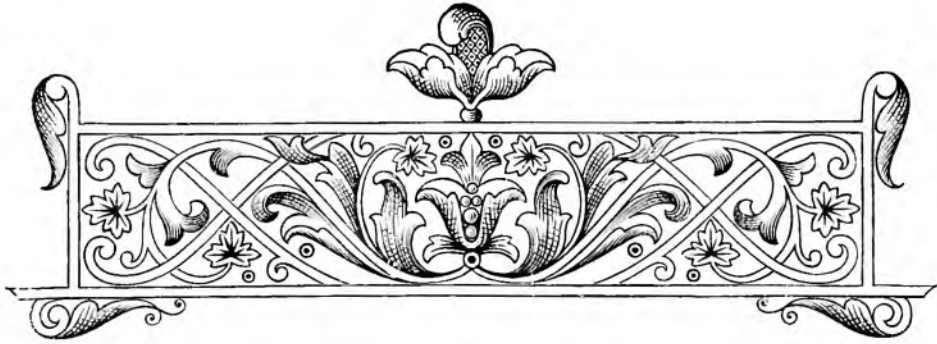
Насчетъ цѣны согласны л(1) вы.

27 Ноября.

Левъ Толстой.

Посылаю еще рукопись 4-го тома.

Разказы изъ архива

„ПРОДЕРЗОСТНЫЙ МИТРОПОЛИТЪ“

Въ половинѣ XVIII столѣтія кафедрѣ Ростовскую занималъ Митрополитъ Арсеній. о столкновеніи котораго съ св. Синодомъ въ синодальномъ архивѣ сохранилось два дѣла, одно въ числѣ общихъ дѣлъ, другое въ отдѣленіи секретномъ. Оба дѣла имѣють непосредственную связь, и второе является результатомъ перваго.

Ярославская провинціальная канцелярія, на основаніи указа Сената отъ 23 Юля 1742 года о приѣмѣ въ монастыри, для исправленія „поврежденныхъ въ умѣ колодниковъ“, отправила вѣдшего Ивана Крылова въ Спасоярославскій монастырь, состоявшій въ вѣдѣніи ростовской митрополіи.

Можно представить—какую обузу доставляло монастырямъ содержаніе въ своихъ обителяхъ „колодниковъ, поврежденныхъ умомъ“. Что бы избавить Спасоярославскій монастырь отъ колодника Крылова, Митрополитъ Арсеній воспретилъ настоятелю монастыря принять этого колодника въ обитель, и отъ своего имени послалъ въ провинціальную канцелярію, приславшую въ Спасоярославскій монастырь колодника Крылова, очень выразительную и основательную „промеморію“, въ которой писалъ, что „монастыри устроены и снабжены награжденіемъ для богоугоднаго пребыванія честныхъ, безпорочныхъ и неподозрительныхъ лицъ, вѣчнаго спасенія желающихъ, и суть потому мѣста святыхъ и освященныхъ на всегданнюю службу Богу, а не для содержанія сумасбродовъ, воровъ и смертныхъ убійцъ—колодниковъ, для которыхъ довольно есть устроенныхъ по ихъ заслугамъ

остроговъ, тюремъ и арестантскихъ избъ, для содержанія и храненія ихъ въ свѣтской командѣ“.

Дѣйствія и „промеморію“ Митрополита Арсенія тайная канцелярія обжаловала въ Сенатъ, а Сенатъ Синоду, который послалъ указы: Митрополиту Ростовскому о приѣмѣ Крылова въ одинъ изъ монастырей Ростовской епархіи, по его усмотрѣнію, и о содержаніи его тамъ до совершеннаго въ умѣ исправленія, и остальнымъ преосвященнымъ— о принятіи въ монастыри сумасбродовъ, по предписаніямъ тайной канцеляріи, которой, видимо, такъ напугался святѣйшій Синодъ. Нестоль робкимъ и раболѣпнымъ оказался преосвященный Митрополитъ Арсеній, который въ отвѣтъ на указъ св. Синода прислалъ очень обширное и интересное донесеніе. приложивъ копіи къ нему съ объясненія колодника Крылова, что онъ находится въ совершенномъ здравіи—и съ донесенія Ярославской провинціальной канцеляріи о томъ, что Крыловъ содержался въ ней по дѣлу объ убійствѣ имъ своей жены, совершенномъ имъ, по его словамъ, въ состояніи „безпамятной болѣзни“, которая съ нимъ бываетъ, по свидѣтельству знавшихъ его лицъ, по суткамъ и болѣе каждый мѣсяць, и что другіе колодники бѣгають отъ Крылова, „опасаясь всякаго дурна“ отъ его бѣснованій, и, по этой причинѣ, колодникъ Крыловъ вторично непринятъ въ монастырь, и, по распоряженію митрополита Арсенія, (колодникъ Крыловъ) вновь возвращенъ былъ въ провинціальную канцелярію, какъ „находившійся въ совершенномъ умѣ“. Довося объ этомъ своемъ распоряженіи св. Синоду, преосвященный Арсеній писалъ, между прочимъ, „хотя бы и не былъ помянутый Крыловъ смертоубійца, но самый прямой сумасбродъ и въ умѣ поврежденъ, то однако не принадлежало его мнѣ принимать и въ монастырь опредѣлять, не токмо по указу блаженныя и вѣчностойныя памяти Государя Императора Петра великаго, состоявшемуся въ 723 году въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, но и по приведеннымъ мнѣ отъ вашего святѣйшества именнымъ указамъ, состоявшимся блаженныя и вѣчностойныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны въ 1735 и Екатерины Алексѣевны въ 1725 годѣхъ Сентября 6 чиселъ, понеже сила помянутыхъ указовъ отъ вашего святительства точно тако прописана, по силѣ де Именныхъ указовъ повелѣно было посылаемыхъ изъ тайной канцеляріи престарѣлыхъ и въ умѣ поврежденныхъ колодниковъ для исправленія принимать въ монастыри по прежнему, а онъ, Крыловъ, по усмотрѣнію нашему, не престарѣлый, но еще имѣетъ лѣтъ себѣ отъ рожденія менѣе сорока. По вѣдѣнію же Святѣйшаго Правительствующаго Синода и по опредѣленіи Правительствующаго Сената въ пополненіе

прежняго опредѣленія велѣно такихъ колодниковъ, кои изъ тайной канцеляріи въ посылку въ монастыри будутъ опредѣлены, оныхъ въ который именно монастырь послать, требовать опредѣленія Святѣйшаго Синода. А воеводская Ярославская канцелярія, безъ вѣдома и опредѣленія вашего святѣйшества, по единому тайной канцеляріи опредѣленію онаго сумасброда Крылова прислала прямо въ Спасо-ярославскій монастырь для содержанія и при своей промеморіи. Что же нынѣшнее опредѣленіе вашего святѣйшества гласитъ: ежели гдѣ въ епархіяхъ по секретнымъ тайной канцеляріи дѣламъ впредь случатся быть въ сумасбродствѣ жъ, и опредѣленіями той тайной канцеляріи назначатся для содержанія въ монастыри жъ, и таковыхъ въ монастыри, въ которые преосвященные архіереи по своему усмотрѣнію позволятъ, впредь до указа принимать же и содержать ихъ такъ, какъ отъ оной тайной канцеляріи будетъ опредѣлено не отмѣнно. таковаго вашего святѣйшества опредѣленія впредь мнѣ исполнять сумнительно и очень опасно, понеже не безызвѣстно вашему святѣйшеству, что по указу блаженнаго и вѣчно достойнаго памяти Императора Петра Великаго 1723 года въ Сентябрѣ мѣсяцѣ состоявшемуся, сумасбродовъ, въ монастыри посылать отрѣшено; а по указу жъ нынѣ благополучно царствующія Всепресвѣтлѣйшія и Самодержавнѣйшія Великія благочестія защитницы Государыни Императрицы Елизаветы Петровны, состоявшемуся въ 1741 году Декабря 13 дня и въ народъ публикованному, повелѣно всѣмъ Ея Императорскаго Величества дражайшаго родителя указы и регламенты наискрѣпчайше содержать и по нимъ неотмѣнно поступать во всемъ и во всѣхъ правительствахъ Государства Россійскаго, яко коллегіяхъ—духовной и въ прочихъ мѣстахъ, какаго бѣ онаго званія гдѣ ни были, а хотя при концѣ помянутаго своего Монаршаго указа нынѣ благополучно государствующая Всемилостивѣйшая Государыня наша какъ дражайшія родительницы своя, такъ и по ней престоломъ россійскимъ владѣющихъ,—указовъ не отрѣшаетъ, однако не въ такой силѣ повелѣваетъ исполнять; въ какой дражайшаго родителя своего блаженнаго и вѣчно достойнаго памяти Государя Императора Петра Великаго, но съ разборомъ и прилежнымъ разсмотрѣніемъ, сирѣчь и по написанномъ тамо, изъемя тѣ, которые состояніемъ сего настоящаго времени несходны и пользѣ государственной противны. Приведенные же отъ вашего святѣйшества о сумасбродствахъ указы, состоявшіеся въ 1727 Марта 15 и въ 1735 годѣхъ Сентября 6 числа, по моему мнѣнію, нынѣшнимъ временемъ сходства отнюдь не имѣють, понеже помянутый именной указъ Государя Императора Петра Великаго о сумасбродахъ и помянутое твердое исполненіе Его Императорскаго Величества указовъ нынѣ благополучно государствующія Все-

милостивѣйшія Государыни нашей повелѣніе совсѣмъ опровергаеть. Каковымъ же образомъ къ пользѣ Государственной, какъ вашего святѣйшества нынѣшнее о сумасбродахъ опредѣленіе, тако и показанные указы въ помянутыхъ 1727 и 1735 годѣхъ состоявшіеся могутъ быти благопотребны, отнюдь я скудоуміемъ моимъ не могу разсудить и извѣститься. и прошу въ томъ покорно отъ вашего святѣйшества наставленія; а по моему миѣнію, благочестиваго нашего государства Всероссійскаго цервѣйшая къ пользѣ потребность—благочестіе, ежели же въ монастыри и обители святыя сумасбродовъ или паче воровъ, убійцъ подъ видомъ сумасбродовъ, какъ то нынѣшній Крыловъ, отъ свѣтской команды присылаемыхъ принимать, каково будетъ созиданіе нашему благочестію“.

Возражая святѣйшему синоду по поводу его распоряженія о принятіи колодника Крылова въ монастырь, сопоставивъ всѣ Высочайшіе по этому предмету указы и повелѣнія, Митрополитъ Арсеній называетъ распоряженіе св. синода „не осмотрительнымъ“ и „продерзостнымъ.“ „По моему скудоумію, нынѣшнее вашего святѣйшества о сумасбродахъ опредѣленіе зѣло не осмотрительное и продерзостное, ежели безъ лицемѣрія. правымъ и простодушнымъ сердцемъ сказать!“ писалъ смѣло Митрополитъ Арсеній св. Синоду!

Дѣло о „сумасбродахъ“ настолько обострилось, приняло характеръ чрезвычайной важности и доложено было Государынѣ Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, при чемъ прогнѣванный св. Синодъ „во гнѣвѣ враждовалъ“ противъ Митрополита Арсенія и въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ характеризовалъ Арсенія такъ: „весьма не собрався съ совѣстію, что, якобы онъ, митрополитъ. опасается Монаршаго гнѣва и чтобъ ему не быть преступникомъ и нарушителемъ указовъ, написалъ, ибо другаго такого, какъ онъ, архіерей, преступника и нарушителя Высоко Монаршнихъ указовъ, не точію изъ подобно чинныхъ ему, но и изъ нижнихъ (чего и нынѣ и впредь никогда не дай Боже) духовныхъ властей Синодъ не обрѣтаетъ“.

На этотъ плачевный Синодскій докладъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе „объявить Митрополиту Арсенію жестокій выговоръ, за его продерзостное и уразительное донесеніе“.

Объявленіе „жестокаго выговора“ Митрополиту Арсенію составляетъ вторую часть дѣла о скудоумныхъ колодникахъ и находится въ числѣ секретныхъ дѣлъ Синодальнаго архива.

„Жестокій выговоръ“ митрополиту—по Высочайшему повелѣнію и самъ по себѣ интересенъ процедурою его объявленія, которую и приводимъ по секретному дѣлу о Митрополитѣ Ростовскомъ Арсеніи.

Съ парочнымъ курьеромъ изъ св. Синода посланъ былъ указъ въ Московскую синодальную контору о томъ, что Митрополиту Ростовскому Арсенію предписано особымъ указомъ „наскоро прибыть“ въ Московскую синодальную контору, и „когда въ тое контору позванъ будетъ. и для того сообщенное при семъ оной же конторѣ, въ особомъ пакетѣ запечатанное. о нѣкомъ важномъ дѣлѣ вѣдѣніе въ той конторѣ до пріѣзду его, Ростовскаго архіерея, въ Москву и по то время, какъ онъ по вызову въ оной конторѣ явится, содержать, конечно. не распечатывая. А по пріѣздѣ онаго, призвавъ въ тое синодальную контору первѣе нѣсколько человекъ архимандритовъ и Большаго Успенскаго собора соборянъ. а потомъ и его, архіерея, и не давая ему стула. какъ при засѣдающихъ въ той конторѣ, такъ и при прочихъ упомянутыхъ духовныхъ лицахъ оный отъ коемъ важномъ дѣлѣ пакетъ распечатать и при томъ учинить, какъ въ имѣющимся въ томъ пакетѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода вѣдѣніи показано во всемъ непремѣнно того жъ часа,—и Московской Святѣйшаго Правительствующаго Синода конторѣ о томъ вѣдать и чинить по Ея Императорскаго Величества указу. Августа 19 дня 1743 года.

Во исполненіе этаго указа, 3-го сентября 1743-го года. въ субботу. въ Московскую контору св. синода. въ 10 часу, прибыли: Синодальный членъ преосвященный Іосифъ Архіепископъ Московскій и Владимірскій и съ нимъ 22 духовныхъ лица бѣлаго и чернаго духовенства, даже протодіаконы и діаконы.

„А пополудни—въ первомъ часу, преосвященный Арсеній митрополитъ Ростовскій и Ярославскій въ контору Св. Пр. Синода вступилъ“. при чемъ пакетъ былъ распечатанъ. и въ этомъ роковомъ пакетѣ содержался выговоръ владыкѣ Арсенію. который и былъ ему объявленъ при такой торжественной обстановкѣ.

Не трудно понять, какое чувство переживалъ Митрополитъ Арсеній, безспорно. по уму, пониманію дѣла и образованію, стоявшій выше всѣхъ духовныхъ лицъ и его судившихъ и объявлявшихъ ему „жестокій выговоръ“.

Составъ Св. Синода за это время состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: Амвросія Архіепископа Новгородскаго, Стефана Епископа Псковскаго,

Варлаама Архимандрита Чудовскаго, Платона Архимандрита Рождественскаго, Теофилакта—Архимандрита Игнатьевскаго и протопопа Благовѣщенскаго собора Петра Григорьева.

Съ этимъ составомъ синода митрополиту Арсенію, волею судьбы, и суждено было вести борьбу изъ за колодника Крылова и получить „жестокій выговоръ“ и наименованіе „продерзостнаго“.

Н. И. Соловьевъ.

КРИСТИНЪ

1815-й годъ

Москва 3 іюня, 1815 г.

Меня очень интересуетъ здоровье г. Рибоьера, потому что вы назвали его своимъ другомъ, чего онъ достоинъ по своему уму и сердцу. Кромѣ того, вѣдь Швейцарія ему не вполне чужая, я знаю одну его тетушку (мадамъ де Ровереа), очень милую особу, и хотя эти точки соприкосновенія связаны съ очень отдаленными воспомина-ніями, все же это нѣкоторое сближеніе.

Вы меня удивляете и огорчаете тѣмъ, что сообщаете о Eudoxie. Знаете, что меня больше всего печаливаетъ въ вашемъ разсказѣ? Это ея слезы, когда она говоритъ съ вами о мужѣ. Это ни на что не похоже и я совершенно отказываюсь понимать ее. Я скажу вамъ кое-что, прошу васъ на вѣки сохранить въ своей памяти.

Съ первыхъ дней, какъ Eudoxie сдѣлалась невѣстой, она сообщила всѣмъ безъ разбора, а особенно же мадемуазель Апраксиной, что терпѣть не можетъ своего жениха и что ее выдать замужъ противъ воли; но она повинется, такъ какъ ея родители увѣряютъ, что эта партія для нея выгодная и вполне подходящая. Когда женихъ подходилъ къ ней, она обращалась къ сосѣдкѣ, говоря: „Ахъ чудовище, онъ поцѣлуетъ у меня руку; я его ненавижу“ и т. п.

Слухи объ этомъ ходили по городу, но Eudoxie находила во мнѣ самаго усерднаго защитника. Во первыхъ, я не вѣрилъ и половинѣ того, что мнѣ говорили, а во вторыхъ—приписывалъ все ея невоспитанности, и слишкомъ большой наивности, отъ которой никогда не

пыталась ее отлучить. Я лично не видалъ ничего подобнаго и тѣмъ. кто передавалъ мнѣ это, приводилъ нѣсколько очень разумныхъ словъ. слышанныхъ отъ нея. Затѣмъ я убѣждалъ себя, что разъ выйдя замужъ, она измѣнитъ тонъ и способъ выраженія; что пойметъ цѣну вещей, необходимость благоразумія, и что совѣты мужа помогутъ ей пріобрѣсти болѣе достоинства въ манерахъ, необходимаго *замужней женщины*. Черезъ нѣсколько дней я узналъ, что она болтала нелѣпѣйшимъ образомъ о событіяхъ свадьбы и дѣлалась общимъ посмѣшищемъ. Это глубоко опечалило меня. и мнѣ хотѣлось, чтобы она уѣхала поскорѣе изъ Москвы. чтобы иная среда заставила ее измѣнить языкъ и манеры. Но мое удивленіе было такъ же велико, какъ огорченіе, когда я узналъ, что въ десять минутъ разговора за завтракомъ дорогой, она нашла возможность сказать княжнамъ Голицынымъ, дочерямъ княгини Борисъ, что ее выдали противъ воли, что ее объявили невѣстой, когда она вернулась съ бала, гдѣ видѣла прелестнаго молодого человѣка, въ котораго *влюбилась*; что она ненавидѣла мужа; что нѣтъ ничего скучнѣе какъ путешествія съ нимъ и для избѣженія скучнаго *tête à tête* она спитъ всю дорогу. Когда я узналъ, что сестра ея Софія прибавляетъ ко всему этому вовсе неприличныя подробности, я началъ серьезно опасаться, чтобы молодая женщина не погубила себя безвозвратно въ Петербургѣ какойнибудь смѣшной выходкой, и старался сообщить все это вамъ. чтобы дать вамъ возможность предупредить всѣ неудобства и опасность. Когда я писалъ послѣднее письмо, я не былъ достаточно спокоенъ. Теперь она заливается слезами, рассказывая вамъ о своей привязанности къ мужу, котораго любить больше отца съ матерью.

Меня все это еще болѣе огорчаетъ потому, что я вижу симптомы самой опасной непослѣдовательности. Все что я вамъ говорю, милая княжна, не болтовня, и хотя мнѣ не слѣдовало бы вмѣшиваться въ вещи, меня не касающіяся, однако я слишкомъ привязанъ къ графинѣ и особенно къ графу Толстому, чтобы не желать искренне для нихъ избавленія отъ всякихъ огорченій, какія они могли бы имѣть съ этой стороны. Мною руководитъ желаніе предупредить васъ, чтобы вы могли быть полезны этой молодой женщинѣ; но, умоляю васъ, не показывайте виду, что я васъ предупредилъ. Вы умны, сдержаны и благоразумны, поступайте, какъ вамъ подсказываютъ эти качества, и пусть на вашу долю достанется вся честь за добро, которое вамъ придется сдѣлать; еслибъ вы хотѣли, чтобы доля этой части пришлась на меня, то получился бы эффектъ совершенно противоположный: *такова уже моя участь*; я могу избѣгнуть ее, только держась совершенно въ сторонѣ.

Но сообщайте мнѣ о успѣхахъ Eudoxie и воспользуйтесь лѣтомъ, чтобы предупредить ее противъ болтовни, которая можетъ такъ повредить ей будущей зимою, если она не научится сдерживаться. Ну, довольно; я точно педагогъ или старый холостякъ, проповѣдующій молодежи; я вовсе не желаю принимать на себя подобной роли: сейчасъ сдѣлаешься скучнымъ и обратишь слушателей въ бѣгство.

Мы съ крайнимъ нетерпѣніемъ ждемъ послѣднихъ новостей о войнѣ и возобновленіи военныхъ дѣйствій. Я увѣренъ, что все пойдетъ хорошо, но желаю чтобъ это случилось скорѣе, и чтобы Государь могъ наконецъ вернуться въ свое государство. Пребываніе Монарха въ его столицѣ такъ необходимо на мой взглядъ, что я не могу примириться съ дальнѣйшимъ отсутствіемъ нашего Императора. Между тѣмъ несомнѣнно, что Его присутствіе въ арміи необходимо въ продолженіи войны, и это заставляетъ меня вдвойнѣ желать заключенія окончательнаго и прочнаго мира, который вернулъ бы къ намъ нашего Государя и позволилъ бы Ему обратить свою отеческую заботливость на внутреннія дѣла, всѣ отрасли которыхъ, болѣе или менѣе, требуютъ *хозяйскаго глаза*.

Княжна Туркестанова.

С-Петербургъ, 4 іюня 1815 г.

Вы спрашиваете у меня подробностей о Eudoxie; я уже сообщила вамъ большую часть ихъ; она вполнѣ счастлива, и ея новыя родственники чрезвычайно внимательны къ ней: особенно г-жа Гурьева очень довольна ея послушаніемъ: Eudoxie ее слушается, какъ никогда не слушалась графини. Многое надо исправить, но нѣтъ ничего дурного; это просто признаки запрещеннаго воспитанія, но нѣтъ ничего порочнаго, и даже внушающаго безпокойство. У Eudoxie доброе сердце, и ея обожаніе мужа будетъ могущественнымъ средствомъ, которое поможетъ ей отвыкнуть отъ тысячи мелочей, на которыя ей указываютъ какъ на причины, способныя ослабить его нѣжность къ ней. Она работаетъ надъ собой, чтобы нравиться ему. Свекровь сдержитъ ее, будьте увѣрены. Она уже поселилась на Каменномъ Островѣ; деревня, извѣстная свобода, которой она пользуется, хорошенькое, чистенькое, красиво убранное помѣщеніе, вообще новое мѣсто—все это смягчило выраженіе ея горя: она уже не плачетъ такъ часто, но каждый день аккуратно пишетъ мужу.

Софи Толстая буквально на седьмомъ небѣ: она все бѣгаетъ; графиня Строгонова страшно привязалась къ ней: ее возятъ на дачу, въ

театръ. на прогулки; у нея оттого кружится голова, и когда я вспоминаю, что послѣ всего этого ее ждетъ Троицкое, мнѣ становится жаль ее.

Алексѣй скоро ѣдетъ въ Москву съ Жилле. Что же касается графа Толстого, то онъ будетъ ждать приказаній отъ Государя также въ Москвѣ.

Онъ писалъ, прося ихъ, и скоро мы узнаемъ, какое ему дадутъ назначеніе.

Я думаю, что онъ поступилъ умнѣе написавъ, чѣмъ бросившись самъ въ штабъ-квартиру. Остерманъ отправился туда, но не могъ удержаться. и говоритъ, будто при отъѣздѣ изъ Вѣны сказалъ, что уѣзжаетъ, чтобы никогда не вернуться, и что онъ намѣренъ подставить грудь подъ пулю. Подобныя слова заставляютъ сомнѣваться въ его полномъ выздоровленіи.

Я обѣдала вчера у моего любезнаго лорда Вальполя вмѣстѣ съ персидскимъ посломъ, котораго сначала нашла ужаснымъ и который потомъ мнѣ понравился. Передъ тѣмъ какъ сѣсть за столъ, онъ находился въ другой комнатѣ, гдѣ не было женщинъ; но послѣ обѣда перешелъ въ гостинную съ нами; вѣроятно во время обѣда онъ успѣлъ привыкнуть къ нашимъ лицамъ. Онъ сказалъ хорошенькій комплиментъ Лизѣ Куракиной, которая упомянула въ разговорѣ съ нимъ о 500 женахъ его повелителя, и возмущалась этимъ. Нашъ любезный Персъ отвѣтилъ ей: „Если бы среди нихъ была одна, похожая на васъ, я увѣренъ, что онъ отослалъ бы остальныхъ 499“. Шатобрианъ не могъ бы сказать лучше. Мнѣ не нравится его вчерашній костюмъ; на немъ не было доломана; онъ былъ въ кафтанѣ изъ штофной матеріи розоваго цвѣта, перетянутомъ въ талии и съ узкими рукавами; но его темнѣе былъ великолѣпнѣе: онъ весь изъ огромнаго жемчуга съ подвѣсками изъ изумрудовъ. Великолѣпно и, вѣроятно, очень дорого. Но на головѣ у него высокая, остроконечная черная баранья шапка, которая вовсе не идетъ къ нему. Шевалье Оуслей и его жена были тоже въ числѣ гостей: персъ очень много разговаривалъ съ Оуслеемъ, который, въ свою очередь не скупится на комплименты, онъ увѣряетъ, что персъ очень уменъ и чрезвычайно ученъ. Очень рада за него; не научившись его языку (бывшему, однако, языкомъ моихъ предковъ), я не могла убѣдиться въ этомъ. Если Государь замедлитъ возвращеніемъ, обѣдняга здѣсь успѣетъ сильно соскучиться. Вальполь сообщилъ

намъ извѣстія изъ Италіи; тамъ все кончено; Неапольское королевство капитулировало, король Фердинандъ Сицилійскій долженъ непременно вернуться. Что касается Мюрата, никто не знаетъ, гдѣ онъ; мнѣ кажется, что для него самое лучшее—вернуться во Францію. Этотъ господинъ нѣсколько поторопился: ему не слѣдовало ссориться съ тестемъ. Извѣстно, что движеніе на Югѣ и въ Вандеѣ продолжается; въ Парижѣ постоянно различныя общества являются подъ окна Тюилери; ораторствуютъ, требуютъ, чтобъ показался Бонапартъ. И ему приходится появляться, слушать, отвѣчать; якобинцы поднимаютъ голову; вооруженныя силы Наполеона не превышаютъ 200 тысячъ человѣкъ. Ожидаютъ начала враждебныхъ дѣйствій: наша гвардія выстукаетъ. Къ 15 Мая уже здѣсь никого не останется.

КРИСТИНЬ.

Москва, 10 іюня 1815 г.

Конечно освобожденіе Италіи очень важный пунктъ, но я жду съ нетерпѣніемъ возобновленія враждебныхъ дѣйствій на Рейнѣ. Безъ сомнѣнія, первое столкновеніе уже произошло, и мы скоро узнаемъ, какъ повернуть дѣла. Надѣюсь, что въ случаѣ прибытія курьера, вы меня извѣстите о подробностяхъ и не подумаете, что такъ какъ *всѣ пишутъ*, то я долженъ уже знать все. *Всп*—это существо созданное въ этомъ случаѣ для потворства *всеобщей* лѣни.

Я въ восторгѣ отъ любви Eudoxie къ мужу; вѣроятно она почувствовала эту любовь видя, что домъ свекра будетъ получше дома въ Леонтьевскомъ переулкѣ, такъ какъ здѣсь она выказывала совершенно инныя чувства, также какъ дорогой. о чемъ я уже писалъ вамъ. Лишь бы это настроеніе удержалось; прошлое легкомысліе скоро забудется. Иногда я воображаю себѣ, что вы принимаете меня за публику и говорите мнѣ то, что должно быть сказано, а не то, что есть.

Въ этомъ случаѣ я поддерживаю васъ: стану утверждать, что Eudoxie безъ ума отъ своего Александра, и не спасую передъ тѣмъ, кто мнѣ смѣется въ глаза. Лишь бы она опять не измѣнилась, и я не остался въ дуракахъ. Прошу васъ слѣдите за ней неослабно и зорко.

Вы мнѣ ничего не пишете о здоровьи г. Рибоьера: это заставляетъ меня предполагать, что ему лучше, и я васъ поздравляю съ этимъ еще больше, чѣмъ съ выздоровленіемъ княжны Екатерины. Не

посылайте ее путешествовать, ежели не хотите, чтобы она впала въ прежнюю меланхолію; постарайтесь устроить ее въ Петербургъ, гдѣ развлеченія разнообразіе, чѣмъ здѣсь, и пусть она забудетъ Германію, разъ она не вѣмка.

Если тотъ сумашедшій непременно хочетъ подставить лобъ подъ пулю, пусть его себѣ, у каждаго есть свои странности, и какъ ни нѣжна къ нему жена, вы увидите, что она утѣшится скорѣе, чѣмъ думаютъ. Я знаю подобныхъ лицъ, у которыхъ все основано на безпокойствѣ и ревности: тутъ больше эгоизма, тщеславія и самолюбія, чѣмъ настоящей нѣжности. Что съ г. Сень-При?

Въ вашихъ онъ еще сторонахъ или уѣхалъ въ Подолію? Я получилъ изъ Каменца отъ этого повѣсть Николая, еще письмо болѣе сумашедшее, чѣмъ первое. Моимъ первымъ движеніемъ, когда я узналъ почеркъ и печать, было не распечатывать письма, но ночью мнѣ пришла глупая мысль, что онъ послѣ двухъ мѣсяцевъ можетъ возобновить переписку только чтобы сознаться въ своихъ ошибкахъ.

И я такъ поддался этой мысли, что на слѣдующее утро распечаталъ письмо и убѣдился, что въ такихъ случаяхъ первое движеніе самое вѣрное, и что есть личности, отъ которыхъ нечего ждать исправленія. Онъ безвозвратно погибъ. Я ему не стану отвѣчать; онъ не заслуживаетъ ничего, кромѣ глубочайшаго молчанія и презрѣнія.

Я еще не имѣю извѣстій отъ путешественника съ тѣхъ поръ, какъ онъ переѣхалъ границу; онъ, вѣроятно въ Вѣнѣ уже съ недѣлю, и теперь переписка съ нимъ будетъ медленна и затруднительна. Не понимаю, зачѣмъ люди, которыхъ любишь, уѣзжаютъ изъ страны, гдѣ хорошо живется! Мнѣ кажется что съ годами я становлюсь все менѣ космополитомъ; мнѣ хотѣлось бы имѣть всѣхъ моихъ друзей и знакомыхъ вокругъ себя.

Курица, собирающая въ ясный солнечный день всѣхъ своихъ цыплятъ подъ крылья, кажется мнѣ олицетвореніемъ полного благополучія, она любитъ, любима, все, къ чему она привязана—окружаетъ ее: кружокъ небольшой, но тѣсный и пріятный.

Княжна Туркестанова.

Каменный Островъ, 10 іюня 1815.

Мы на дачѣ съ третьяго дня и совершенно устроились въ самомъ прелестномъ помѣщеніи Каменнаго Острова; но теперь дача волеетъ

масляной краской до невозможности; общають прогнать этотъ запахъ какимъ то обмываніемъ изъ уксуса. У насъ съ сестрой три очень хорошенькія компаты. Наши окна выходятъ на Неву; мы живемъ на одной линіи съ г-жей Гурьевой, напротивъ княгини Долгорукой. Нижній этажъ, гдѣ помѣщается Татіана, очарователенъ: только недостають цвѣтовъ; Потемкинъ общаеть, что они будутъ, но, можетъ быть, и не исполнить общанія.

Знаете ли—мнѣ иногда приходитъ въ голову, что онъ современемъ можетъ сдѣлаться слишкомъ экономнымъ, чтобы не сказать—скупымъ. Я замѣчаю нѣкоторые очень тревожные признаки въ этомъ отношеніи; хочу какъ нибудь поговорить съ мадамъ де Нуазевиль; увидимъ, раздѣляетъ ли она мое мнѣніе. Да, безъ сомнѣнія, княгиня Борисъ возвращается къ намъ, и я увѣрена, что она въ восторгѣ; не смотря на ея привязанность къ Симѣ, которую она высказываетъ на словахъ, не думаю, чтобы она могла выдержать тамъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Она слишкомъ праздна, чтобы любить пребываніе въ деревнѣ и рѣшительно ни чѣмъ не занимается; въ земледѣліи и садоводствѣ не понимаетъ ничего, также какъ въ фабрикахъ, устроенныхъ въ ея имѣніяхъ; однимъ словомъ, ей ни до чего нѣтъ дѣла; ей необходимо пребываніе въ столицѣ, освѣщенная гостиная, лордъ Вальполь съ своими оригинальностями, г. де Най и десятокъ ежедневныхъ посѣтителей. Увѣрю васъ, что она совершенно забываетъ о Симѣ, какъ о своихъ тринадцати тысячахъ крестьянъ, а также объ участіи, которое они, по ея словамъ, внушаютъ ей. Впрочемъ, эта нелюбовь къ деревенской жизни не приноситъ вреда никому, и если бы отъ того не страдалъ кошелекъ милой княгини, я бы ее держала здѣсь въ плѣну. У нея домъ очень пріятный, гдѣ я чувствую себя какъ у себя, но увѣренность, что ея петербургскій образъ жизни ее разоряетъ, часто заставляеть меня желать, чтобы она поселилась гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Я писала ей, чтобы она пріѣзжала налегкѣ, только съ Софи, но не знаю, будетъ ли выслушанъ мой совѣтъ; меня не удивить, если она пріѣдетъ со свитой въ пять или шесть экипажей.

Теперь когда г-жа Толстая узнала, что такое домъ Гурьевыхъ, она можетъ уѣхать съ спокойнымъ сердцемъ. Eudoxie попала какъ въ обѣтованную землю: ее обожаютъ; особенно свекоръ окружаетъ ее дѣйствительно трогательнымъ вниманіемъ, всѣ ея желанія предупреждаются, всѣ на перерывъ стараются доставлять ей удовольствіе, и

увѣряю васъ, замужство пошло ей на пользу; оно развило въ ней такое деликатное и глубокое чувство, что я не могу надивиться. Недавно, когда она получила письмо отъ мужа, у нея вырвалось нѣсколько милыхъ словъ, показывающихъ самое утонченное чувство.

Любовь придаетъ ума дѣвицамъ, надо сознаться въ этомъ, потому что вѣдь не отъ m-ле Куэно она могла слышать все, что говорила мнѣ въ тотъ день.

Сестра ея, Софи, имѣетъ большой успѣхъ. Но, знаете, что я объ этомъ думаю? Она будетъ особой очень самостоятельной. увидите: у нея характеръ и на четверть не такъ хорошъ, какъ у сестры, та выказываетъ благодарность, когда ей дѣлаютъ замѣчаніе и не только не избѣгаетъ совѣтовъ, но напротивъ, проситъ ихъ: пріѣхавши сюда Eudoxie умоляла меня не терять ее изъ виду, журить ее, когда къ тому представится причина, и не оставлять ее. Согласитесь, что это доказываетъ прекрасное сердце. И, повторяю вамъ, я ее очень полюбила. Что касается Алексиса, то по моему онъ глупъ, и разсуждаетъ вкривь и вкосъ, а отецъ съ матерью слушаютъ, не проронивъ ни слова, и это меня изумляетъ.

КРИСТИНЬ.

Москва 21 іюня 1815 г.

Вы пугаете меня, говоря о склонности, которую подозреваете въ Потемкинѣ; впрочемъ у него есть, отъ кого ее унаслѣдовать, но онъ слишкомъ еще молодъ, чтобы отдаться склонности, скорѣе составляющей принадлежность зрѣлаго возраста и старости. Будетъ большимъ несчастьемъ, если онъ поддастся этой страсти, до послѣдней степени изсушающей сердце и умаляющей умъ. Женѣ, можетъ быть, удастся его исправить, если она примется за это ловко и во время. Вотъ она не видала ничего подобнаго при своемъ воспитаніи; это двѣ крайности. Я вполне раздѣляю ваше мнѣніе, что княгиня Борисъ не любитъ Симу, тѣмъ болѣе, что она теперь тамъ какъ на угольяхъ, потому что князь Николай сообщаетъ ей, что скоро пріѣдетъ и по дорогѣ образумитъ меня. Г-жа де Нуазевиль лишилась сна, а я смѣюсь надъ ней. Сынъ, сообщающій матери о подобномъ намѣреніи, не имѣетъ большой склонности выполнить его—вы это поймете. Несчастный молодой человѣкъ!

Все, что я слышу отъ васъ о Eudoxie очень меня радуетъ, но, повторяю вамъ, мнѣ кажется, вы относитесь ко мнѣ отчасти какъ къ

публикѣ, которой говорятъ, что должно было бы быть. а не то, что есть. Какъ это она такъ внезапно воспылала подобной любовью, между тѣмъ какъ дорогой заявляла, что терпѣть не можетъ того, кого теперь обожаетъ? Объясните мнѣ эту загадку.

Должно быть свекоръ завоевалъ ся сердце для мужа. Что касается Софи, то вы правы, она кажется довольно рѣшительной для своихъ лѣтъ. Вообще всѣ дѣти плохо воспитаны, или, лучше сказать, вовсе не воспитаны. Алексѣй говорить отцу и матери въ лицо вещи, за которыя я бы ему далъ пощечину, если бы онъ былъ мой сынъ.

Никакихъ политическихъ новостей! Питаемся письмомъ г-жи Балашовой, сообщающей, что Брюхеръ разбилъ французовъ, но это ничѣмъ не подтверждается. Поѣхалъ въ англійскій клубъ прежде, чѣмъ запечаталъ письмо; хотѣлъ узнать, не получено ли какихъ нибудь извѣстій съ сегодняшней почтой. Въ клубъ—ни души и ни одной новой газеты, такъ что я остаюсь въ невѣденіи. Публика похожа на партеръ въ театрѣ. Она теряетъ терпѣніе, когда занавѣсъ слишкомъ долго не поднимается. Что касается меня, то мнѣ кажется, что актеры этой великой трагедіи хорошо знаютъ, что дѣлають, и мы должны ждать результата спокойно, въ надеждѣ, что небольшая ошибка 1814 г. покажетъ, какой дорогой идти въ 1815.

Если бы оставили моду конституцій, мои надежды были бы еще сильнѣе, но есть конституціонная секта, одна обладающая секретомъ цѣли, къ которой стремится; она сильно хлопочетъ, какъ думаю, чтобы замаскировать ошибку, сдѣланную 15 мѣсяцевъ тому назадъ и чтобы постараться вовлечь въ ту же ошибку подъ новой формой.

30 лѣтъ тому назадъ жилось хорошо; почему не вернуться къ этому *хорошему*? Но къ нему не вернуться, также какъ регентство Маріи Медичи не вернулось къ Сюлли для спасенія финансовъ, приведенныхъ этимъ великимъ человѣкомъ въ такое блестящее состояніе. Они погибли при интриганахъ, какъ бы старавшихся возстановить ихъ и употреблявшихъ для того всѣ средства, кромѣ единственнаго, которое было нужно. Сюлли 34 года служилъ Генриху IV; онъ видѣлъ, какъ все рушилось кругомъ него, и никто не обратился къ нему за совѣтомъ. И здѣсь можетъ быть то же самое.

Княжна Туркестанова.

Каменный Островъ 17 іюня 1815.

Какъ вы меня удивляете рассказами о всѣхъ глупостяхъ Eudoxie! Если бы это рассказалъ мнѣ кто другой, я бы не повѣрила; но вы—

другое дѣло. Я положительно не понимаю откровенничанья съ дѣвцами Апраксинами; что же касается разговора дорогой съ дочерьми княгини Борисъ, то у меня рождается, подозрѣніе, не вымыселъ ли это: особенно Александрина способна на это, чтобы выставить двоюродную сестру въ смѣшномъ свѣтѣ. Я не поклонница мадемуазель Александрины, и если Eudoxie болтаетъ по глупости, то та часто болтаетъ кокетничая, а иногда и злословя. Если Eudoxie увѣряла, что ее выдали замужъ противъ воли, и выражала свое неудовольствіе мужемъ, то не понимаю, какимъ образомъ она полюбила его сейчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ. Я присутствовала при ея вступленіи въ домъ и сообщала вамъ о произведенномъ ею изумительномъ впечатлѣніи. Послѣ обѣда я пошла съ ней въ ея комнату. и она сказала, что счастливѣе ея нѣтъ никого на свѣтѣ, что выборъ ея родителей вполнѣ соотвѣтствовалъ желанію ея сердца, а пріемъ отца и матери довершилъ ея радость. Впродолженіи недѣли, которую мужъ провелъ здѣсь съ ней, я видѣла, что она относилась къ нему очень хорошо; она ласкала его, обнимала, цѣловала ему руки въ моемъ присутствіи; наканунѣ разлуки. она десять разъ повторила мнѣ, что со времени ея замужества всѣ ея бывшія привязанности отошли на второй планъ, и въ ней живетъ одно только чувство, вполнѣ покоряющее ее любви къ Александру. Оно выразалось такъ деликатно и чувствительно, что, вернувшись домой. я съ удивленіемъ сказала Catrine: „Откуда это у Eudoxie взялась такая утонченная чувствительность? Давно ли она стала такой благо-разумной?“ Со времени отъѣзда Гурьева, она еще больше занята имъ: она то и дѣло пишетъ ему и получаетъ отъ него цѣлые томы въ отвѣтъ, которые поглощаетъ и никому не показываетъ: она носитъ письма на сердцѣ.

Какъ только она получаетъ письмо. она кладетъ его на мѣсто предыдущаго.

Вы изъ этого видите, что это такъ же романтично, какъ если бы она всю свою жизнь провела за чтеніемъ „Календаря вѣрности“. Какъ согласить все это съ признаніями, сдѣланными Александриной? Повторяю вамъ: я не знаю; Eudoxie иногда случается сказать наивность, но до сихъ поръ она еще не сдѣлала ни одной неловкости. Находятъ, что она очень мила, и на дняхъ въ Павловскѣ. гдѣ ее представили Императрицѣ-матери, она держала себя прекрасно. какъ мнѣ говорила княгиня Долгорукая, видѣвшая ее тамъ въ первый разъ. Всѣ изящныя молодыя женщины, бывающія у Гурьевыхъ, за нее и такъ опредѣленно. что я, какъ говорить г-жа де Севинье, „сложила

лапки“, такъ какъ мнѣ ничего другого не остается дѣлать. Вотъ вамъ истина безъ прикрасъ.

Когда г-жа Толстая уѣдетъ, постараемся исправить всѣ дурныя привычки, пріобрѣтенныя ею вѣдствіе дурного воспитанія; въ ней выработается стиль, и дѣло пойдетъ прекрасно, тѣмъ болѣе, что новыя родители полюбили ее. Она очень жалѣетъ объ отъѣздѣ сестры, и третьяго дня онѣ вдоволь наплакались вдвоемъ. Свекровь встревожилась было этими слезами, но я была совершенно спокойна, увѣренная, что отсутствіе Софи не будетъ стоить многихъ слезъ.

Г-жѣ Толстой хочется поскорѣе уѣхать; насколько я могла замѣтить, гостинная Гурьевыхъ не въ ея духѣ. Вы можете быть засмѣтесъ, когда я вамъ скажу, что она заржавѣла въ Москвѣ. Ну, что же, смѣйтесь сколько вамъ угодно, но это—фактъ. Да, она заржавѣла, и общество Наталіи Абрамовны, графини Шереметевой и толстой Смирновой не приминуло оказать своего обычнаго вліянія. Хотя она всегда любила послушать рассказы, однако и сама говорила хорошо; теперь совсѣмъ другое: теперь лишь бы ей рассказывали, а личность рассказчика для нея довольно безразлична; всякій встрѣчный хорошъ, если у него большой запасъ новостей.

Очень любезно съ вашей стороны интересоваться Рибопьеромъ: да, конечно, онъ мой другъ, и сталъ бы вашимъ, если бы вы были знакомы съ нимъ. Желаю, чтобы мнѣ суждено было нѣкогда сблизить двѣ души, созданныя для того, чтобы сочувствовать другъ другу во многихъ отношеніяхъ. Онъ опять боленъ уже нѣсколько дней; я провела у него вчерашній день, а сегодня еще не имѣю извѣстія отъ него. Я видѣла у него четырехъ швейцарскихъ горцевъ изъ кантона Глоруса, прибывшихъ недавно въ Россію съ намѣреніемъ дѣлать сыръ. Рибопьеръ взялъ двухъ для своего смоленскаго имѣнія: двумъ другимъ я посоветовала обратиться къ вамъ въ Москвѣ: господинъ, рекомендующій ихъ, хорошій знакомый Файо и можетъ вамъ быстро уладить это дѣло.

Вы еще занимаетесь сыромъ? Гларускіе швейцарцы—по ихъ словамъ—приготавлиють превосходные. Сыръ напомнилъ мнѣ князя Невшательскаго; какъ вы находите его смерть? Броситься изъ четвертаго этажа! Морозъ по кожѣ подираетъ; просто не оцѣнитесь. Я думала, что это сказка; но всѣ газеты это подтверждаютъ. Думаю, что скоро получимъ очень интересныя новости.

КРИСТИНЬ.

Москва, 24 іюня 1815 г.

Ахъ, Боже мой, дорогая княжна, я лучше чѣмъ кто-либо понимаю, что въ Москвѣ ржавѣють, даже не пребывая въ обществѣ Наталіи Абрамовны, двоюродной сестры Шереметевой и шутихи-Смирновой. Все способствуетъ тому, безъ исключенія, и проведи Теодоръ въ такой обстановкѣ три года, онъ отвыкъ бы отъ своихъ свѣтскихъ манеръ. Миѣ кажется, этимъ все сказано. Я вчера подумалъ о васъ, проводя вечеръ у Долгорукаго, прозваннаго *балкономъ*. Были именины его жены, и онъ участвовалъ въ спектаклѣ. Онъ былъ бы пріятный человѣкъ, если бы не жилъ здѣсь сто лѣтъ; у него есть сценическій талантъ. Но на допотопныя фигуры, составляющія его общество, стоило взглянуть, и много бы далъ, чтобы имѣть возможность наблюдать ихъ съ вами. До спектакля всѣ дамы были въ одной комнатѣ, а кавалеры— въ другой. Дамы были разряжены, и такъ какъ я не знаю фамиліи ни одной изъ нихъ, то осмѣливаюсь думать, что, ихъ туалеты происхожденія кавказскаго, симбирскаго, или, въ крайнемъ случаѣ,— воронежскаго.

Туники, порделю, медичи—все доведенное до крайности, вездѣ бѹерфы, оборки, такъ что миѣ, ничего не понимающему въ этомъ, становилось совѣстно за нихъ, и я подумалъ, что имъ очень нужна бы была ваша *длинная* м-ль де Моденъ, чтобы научить ихъ, какъ одѣваться. Миѣ вспомнился при томъ одинъ туалетъ, сдѣланный изъ бѣлаго платка, который я однажды въ воскресенье видѣлъ на васъ. Какъ къ вамъ шла эта шаль при прелестной прическѣ!

Когда я думаю объ этомъ и вспоминаю вашъ разговоръ, ваши простыя и изящныя манеры, не могу увѣрить себя, что вы соотечественница дамъ, бывшихъ на вчерашнемъ вечерѣ.

Играли „*Une heure de mariage*“, довольно хорошенькую пѣску, когда она хорошо сыграна; затѣмъ слѣдовала „Комета“—русская пѣса, переведенная съ нѣмецкаго. Признаюсь вамъ, что я послѣ французской пѣсы тихонько выбрался изъ залы и поѣхалъ ужинать къ Виржини, что бы утѣшить ее въ томъ, что здоровье не позволило ей присутствовать на этомъ вечерѣ. Она пьетъ кумысъ, который приноситъ ей нѣкоторое облегченіе, и я надѣюсь, что она поправится.

Повторяю вамъ, не знаю, что и думать о Eudoxie: откровенности съ дѣвицами Апраксиными, повторявшіяся не разъ—фактъ, и это меня заставляетъ отчасти вѣрить въ болтовню дорогой. потому что тутъ слово въ слово повторяется то-же.

Но какъ бы то ни было, принятый ею теперь образъ дѣйствія—правильный: и остается только похвалить ее, поддержать и посягаться, чтобы все уже такъ и осталось.

Охотно вѣрю, что мамаша чувствуетъ себя не ловко въ гостинной г-жи Гурьевой.

Она будетъ себя чувствовать свободно только тамъ, гдѣ она первая, т. е. у себя дома, въ своемъ креслѣ, окруженная.... не найду подходящаго слова—хочется сказать: кумушками или подлипалами. Впрочемъ, первое выраженіе мнѣ кажется болѣе подходящимъ.

Какъ меня удивило, когда я прочелъ фамилію Файо въ вашемъ письмѣ. Какими судьбами вы знаете этого Файо? Я, его соотечественникъ, едва рѣшаюсь признаться, что онъ мнѣ извѣстенъ. Я его знаю, и знаю такъ хорошо, что даже не ожидая вашего письма, просилъ его прислать мнѣ двухъ швейцарцевъ, о которыхъ онъ говорилъ мнѣ раньше васъ. Г-жа де Брольи беретъ одного изъ нихъ, а г-жа Корсакова другого. Я же, хотя и швейцарецъ, держу у себя лифляндца для молочнаго хозяйства, и такъ какъ доволенъ имъ, то не стану мѣнять; я благодаря ему, получаю двѣ тысячи рублей за сыры; онъ ихъ дѣлаетъ и продаетъ за свой счетъ и ничѣмъ не умаляетъ прочіе расходы съ имѣнія. Желаю, чтобы ему это дѣло было такъ же выгодно, какъ мнѣ, такъ какъ покупка стада и стоимость построекъ скотнаго двора обошлись всего въ шесть тысячъ рублей. Стадо даетъ удобреніе моимъ полямъ, у меня родится прекрасный овесъ и картофель, а въ будущемъ году у меня будетъ также ячмень. Я сдѣлался сельскимъ хозяиномъ, даже не выдавъ своего имѣнія: однако жду перваго жаркаго дня, чтобы проѣхать туда: но мы буквально замерзаемъ въ Ивановъ день, хотя правда, что ванны, принимаемыя мною и приносящія мнѣ столько пользы, дѣлаютъ меня такимъ зябкимъ. что я не могу выходить по вечерамъ иначе, какъ въ ватной шинели.

Единственное извѣстіе, полученное здѣсь—это подробности о комедіи на майскомъ парадѣ. гдѣ комедіантъ Наполеонъ и его братья комедіанты парадировали въ римскихъ пурпуровыхъ туникахъ.

Увидите, что прежде чѣмъ выгонять этихъ разбойниковъ, ихъ единственной заботой будетъ грабить Францію. Увидите, что всѣ сокровища и произведенія искусства, не взятыя назадъ великодушными монархами-побѣдителями, перекочуютъ въ Америку. Они не станутъ терять времени, чтобы набить себѣ кошельки: и эти молодцы американцы, любящіе золото даже превыше свободы, примутъ развѣнчанныхъ крезовъ со всѣмъ радушіемъ и предупредительностью, но съ которыми привыкли относиться къ богатству. Но Бонапарте будутъ умирать со скуки въ Филадельфіи, а между тѣмъ они попадутъ туда, если ихъ не перебьютъ. такъ какъ они вторично не попадутся въ плѣнъ—на это не похоже.

Я получилъ отъ Ла-Мэзонфортъ. заболѣвшаго въ Лондонѣ, очень интересное письмо: онъ провелъ въ Тюильери послѣдніе двѣ недѣли царствованія Людовика XVIII и видѣлъ какъ постепенно распадалась на куски—по его выраженію—эта чудная монархія. „Никогда еще измѣна не проникала такъ повсюду. Предательство достигло совершенства, и до послѣдней минуты эти чудовища проливали слезы; держа въ карманѣ договоръ съ тираномъ, они цѣловали руку королю, пожимали намъ руки, вынимали шпагу и клялись еще громче на ней“. Далѣе онъ говоритъ: „Европа не исправилась: я не вижу ничего хорошаго; будутъ выигрывать битвы и станутъ дѣлать одни глупости: мы стоимъ между побѣдой и либеральными идеями, погубившими насъ. Король вернется въ Парижъ, но сомнѣваюсь, чтобы онъ могъ управлять народомъ, такъ низко павшимъ.

Слѣдовало было бы, чтобы среди его находилось сто тысячъ русскихъ и имъ управляла дубинка Петра Великаго: этотъ низкій народъ презираетъ все, что не заставляетъ его дрожать; подумайте же, какое дѣйствіе имѣетъ сострадательное отношеніе потомка Генриха Четвертаго. Въ Лондонѣ, какъ въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ всѣ питаютъ самыя блестящія надежды: побѣда сама собой разумѣется; но затѣмъ я не предвижу ни мира, ни спокойствія.

Княжна Туркестанова.

Каменный Островъ, 21 іюня 1815.

Здоровье сестры переноситъ прекрасно сырость и холодъ, которые стоятъ у насъ. Она весела и разговорчива: еще сегодня вечеромъ собирается обѣдать у нашей двоюродной сестры, княгини Салтыковой.

Я, конечно, не противлюсь, чтобы не возбуждать ее опасений относительно здоровья; напротивъ, я уговариваю ее выѣзжать, чтобы доказать ей, что она выздоровѣла, и сама начинаю надѣяться на это; думаю, что она проживетъ осень и зиму, не стремясь въ Германию, о которой почти не говорить съ тѣхъ поръ, какъ чувствуетъ себя хорошо. Не знаю, какъ благодарить Бога. Вы правы, говоря, что Провидѣніе, особенно заботится обо мнѣ.

Я это вполне чувствую, и все мое существо проникнуто этимъ сознаниемъ. Еслибъ вы знали все подробности моей жизни, вы могли бы повторить это еще съ большей справедливостью. Если я когда либо получу возможность говорить о *себѣ*, какъ о постороннемъ лицѣ; если, рассказывая о многихъ обстоятельствахъ, близко касающихся меня, и въ состояніи буду внести въ рассказъ хладнокровіе, котораго мнѣ еще не хватаетъ, я вамъ наглядно покажу, какъ Провидѣніе особенно занялось мною.

Увѣряю васъ, что сообщая о Eudoxie, я вовсе не говорю, какъ съ посторонними; я рассказываю вамъ обо всемъ, что вижу, и вовсе не съ намѣреніемъ, чтобы вы передавали кому бы то ни было. Со времени ея пріѣзда въ Петербургъ она высказывала къ мужу самыя нѣжныя чувства. Зачѣмъ ей понадобилось болтать все эти глупости Александриинъ? Положительно не понимаю. Можетъ быть она считала постыднымъ признаться въ томъ, что любить мужа, не бывъ предварительно героиней романа. Можетъ быть она вообразила, что будетъ казаться интереснѣе своей кузинѣ, рассказывая ей все глупости, прішедшія ей въ голову—балъ, гдѣ она встрѣтила молодого человѣка, свое отвращеніе къ Гурьеву и т. д. Все это мнѣ кажется плодомъ фантазій; а дѣйствительнаго нѣтъ ничего. Возможно, что встрѣтъ она здѣсь кого-нибудь, съ кѣмъ могла бы говорить такимъ же тономъ, она это сдѣлала бы, что могло бы имѣть большія неудобства.

Но такъ какъ у свекрови она не видитъ ничего романтическаго, а ея золовкѣ Нессельродѣ и намъ, всемъ прочимъ подобныя мысли и въ голову не могутъ притти, то Eudoxie волей неволей придется образумиться, и это войдетъ у нея въ привычку. Кроме того все молодыя женщины, которыхъ она встрѣчаетъ у г-жи Гурьевой,—все пользующіяся наибольшимъ успѣхомъ въ обществѣ,—любятъ своихъ мужей или, по крайней мѣрѣ, показываютъ видъ, что любятъ. Ей, стало быть, даже неловко было бы выдѣляться. И повторяю вамъ, если она въ самомъ дѣлѣ не любитъ своего мужа, то полюбитъ его, потому что такъ дѣлается у другихъ; но мнѣ кажется, что она дѣйствительно къ нему привязана.

Г-жа Толстая говоритъ, что скучаетъ здѣсь и съ нетерпѣніемъ ждетъ отъѣзда. Преклоняюсь передъ мужествомъ, съ которымъ она обрекаетъ себя на московское общество. Я не способна была бы на это не изъ самолюбія—я не считаю себя пріятнѣе всѣхъ этихъ дамъ.—но просто нахожу, что мы не подходимъ другъ къ другу и только утомляли бы другъ друга. Ихъ неумолкаемая болтовня казалась бы мнѣ сплетнями, а мою лѣнь говорить онѣ могли бы счесть за холодность и высокомеріе. Что касается г-жи Толстой, то ей лишь бы рассказывали—ей больше ничего не надо.

У меня довольно большая переписка, а съ нѣкотораго времени она еще увеличилась перепиской съ барономъ Шеппингомъ, живущимъ въ Курляндіи. Я часто встрѣчала его въ обществѣ и всегда съ удовольствіемъ, онъ чувствовалъ дружбу ко мнѣ и любилъ одну изъ моихъ знакомыхъ. Эта любовь, встрѣтившая нѣкоторыя препятствія, побудила его вступить во владѣніе его майоратомъ, поселиться въ имѣніи и заняться управленіемъ своихъ земель.

Уѣзжая онъ очень просилъ меня писать ему, и въ минуту умиленія я ему дала обѣщаніе, рабой котораго сдѣлалась въ нѣкоторомъ родѣ.

Княжна Туркестанова.

Каменный Островъ, 24 іюня 1815.

Г. Савельевъ, двоюродный братъ Гурьева, выѣхалъ сегодня ночью въ Москву и везетъ газету, полученную нами съ курьеромъ изъ Кенигберга. Если вы были у графа Толстого, вы тамъ все узнали, и мое письмо не имѣетъ значенія, но, все равно, я вамъ обѣщала держать васъ въ курсѣ событій, и было бы несправедливо обойти молчаніемъ первое удачное дѣло.

Бонапарте разбитъ герцогомъ Веллингтономъ и Блюхеромъ: письмо послѣдняго сообщаетъ объ этомъ генералу Калькрейту въ Берлинъ. Онъ говоритъ, что Наполеонъ былъ атакованъ на дорогѣ въ Брюссель, въ мѣстности называемой Бель Алліансъ. Онъ намѣревался отрѣзать англійскую армію отъ арміи Блюхера; но это ему не удалось: арміи уже сошлись, когда началась битва; атака Бонапарте была быстро отбита, центръ его прорванъ, правое крыло подъ начальствомъ Вандамма совершенно уничтожено, а лѣвое сильно пострадало. Бонапарте бѣжитъ къ Авену, а англичане его преслѣдуютъ. Блюхеръ сообщаетъ только это, оставляя подробности до другого времени; но онъ прибав-

ляетъ, что побѣда несомнѣнна. Курьеръ, приведшій намъ эту газету, рассказываетъ о 192 пушкахъ, массѣ боевыхъ запасовъ и провіанта, отбитыхъ у непріятеля; онъ говоритъ, что видѣлъ письма изъ Берлина, сообщающія эти подробности. Мы узнаемъ все черезъ нѣсколько дней. Мой маленькій лордъ Вальполь сіяетъ, что англичано такъ хорошо начали. Всѣ радуются первымъ извѣстіямъ, предвѣщающимъ хорошее. Военный министръ послалъ эту газету Государынѣ, теперь надо ждать подтвержденія извѣстій черезъ Императорскаго курьера.

Дурная погода смѣнилась вчера хорошей. Мы до безумія обрадовались солнцу; только что открывъ глаза, мы поспѣшили кто-куда; въ семь часовъ утра я была уже въ церкви, откуда пришла пѣшкомъ, потому что уже просохло. Потомъ я приглашала Татіану покататься въ ландо; мы побывали у мадамъ де Литта, живущей на Англійской фермѣ близъ строгоновскаго сада; потомъ у г-жи Свѣчиной, пріѣхавшей на нѣсколько дней къ сестрѣ Гагариной; затѣмъ вернулись, перодѣлись и обѣдали у г-жи Литта. Вечеромъ я была у всеошной, продолжавшейся дольше двухъ часовъ и вернувшись застала г. де Ноая и Бориса Куракина за чаемъ у круглаго стола. Мы поболтали, и я рано легла спать, потому что устала. Завтра вечеромъ ѣду въ городъ, навѣщать Рибоьера, а потомъ исповѣдаюсь. Переночую во дворцѣ, чтобъ причаститься въ субботу въ придворной церкви, и вернусь сюда днемъ.

Сестра также въ восторгѣ отъ Каменнаго Острова; она посѣщаетъ сосѣдей, то г-жу Гурьеву, то Катишь Салтыкову. Сегодня вечеромъ она отправляется къ княгинѣ Долгорукой, гдѣ играютъ шарады. Среди исполнителей—мосье Бордо, голландскій министръ, человѣкъ очень любезный и хорошаго круга; онъ обѣщался доставить еще двухъ исполнителей, такъ что каждый четвергъ можно будетъ устраивать спектакли, и это развлеченіе дастъ занятіе многимъ членамъ здѣшняго общества. Не могу скрыть отъ васъ, что все это устроивается у Долгорукой съ цѣлью привлечь богатую наслѣдницу Шаховскую, которую она давно намѣтила для своего сына Николая. Была бы очень рада, если бы ей удалось устроить это дѣло: сынъ славный молодой человѣкъ, но, говорятъ, онъ не нравится наслѣдницѣ, у которой, какъ вы можете себя представить, нѣтъ недостатка въ поклонникахъ.

КРИСТИНЪ.

Москва, 1 іюля 1815 г.

Вотъ, стало быть, пруссаки и англичане одержали побѣду даже безъ помощи австрійцевъ и безъ болѣе важной поддержки русскихъ!

Чего это не объщаетъ въ будущемъ! Умоляю васъ держать меня въ курсѣ дѣла; вспомните, что прикованный къ креслу и лишенный газетъ Англійскаго клуба, я имѣю только одинъ ресурсъ—„Conservateur“, а такъ какъ „Conservateur“, прибываетъ съ тяжелой почтой, то онъ проводитъ 10 дней въ пути; можете судить, какъ свѣжи извѣстiя! Очень радъ, что Каменный Островъ оживляется и становится прiятнымъ, благодаря спектаклямъ; отъ всего сердца желаю, чтобы душа всего этого достигла своей цѣли. Плохой будетъ въ такомъ случаѣ тестъ у Николая Долгорукаго; я былъ хорошо знакомъ съ нимъ, когда онъ былъ женатъ, и особенно, когда овдовѣлъ. Боже мой, что это былъ за странный человѣкъ, чтобы не сказать больше! Я ужасно страдаю; моя подагра вотъ уже сутки страшно сердится. Я не смыкаю глазъ, а что есть на свѣтѣ можетъ быть изнурительнѣе недостатка сна. Я не сержусь, не выхожу изъ терпѣнiя, хорошо зная, что это не повело бы ни къ чему; но живо чувствую, какое ужасное страданiе физическая боль. Голова у меня въ туманѣ отъ бессонницы, и я почти не въ состоянiи читать что-нибудь серьезное. Я взялъ Мольера; это самое подходящее чтенiе для меня: Соци вызываетъ мой смѣхъ такъ же какъ „Ученныя женщины“, но Мизантропъ слишкомъ силенъ для меня; посудите по этому, въ какомъ состоянiи моя голова. Нарышкинъ ѣдетъ сегодня въ имѣнiе; онъ сообщилъ мнѣ, что графъ Толстой посѣтитъ меня до отъѣзда въ Троицкое, чему я буду очень радъ. Алексѣй чуть не утонулъ по своей глупости. Онъ купался съ однимъ изъ маленькихъ Бахметьевыхъ и г. Прадель; послѣднiй умолялъ Алексѣя не уходить далеко, не умѣя плавать; но Алексѣй не обращалъ вниманiя на его слова и со смѣхомъ шелъ все дальше; онъ попалъ въ омутъ и исчезъ; маленькiй Бахметьевъ бросился къ нему на помощь и тоже исчезъ; Прадель хотѣлъ ихъ спасти; молодые люди схватились за его ноги и увлекли также и его. Къ счастью молодой крѣпкiй слуга бросился какъ былъ, въ платьѣ, и подплывъ къ нимъ, спасъ всѣхъ троихъ. Маленькiй Бахметьевъ былъ уже безъ памяти, а Алексѣй очень боленъ: изъ него вылилось много воды.

Гдѣ король въ то время, какъ бьются при Гентѣ? Стало быть графъ Артуа и герцогъ Беррійскiй не состоятъ ни при какой армiи! Мнѣ это страшно прискорбно. Неужели эти сыновья Генриха IV забыли доблестныя дни при Кутра, Аркѣ, Иврѣ, Омалѣ и Фонтэнѣ Франсезъ? Если ихъ нѣтъ, желаю имъ, получить подагру, она имъ будетъ такъ же прiятна, какъ мнѣ. Французы будутъ любить ихъ, если они покажутъ на полѣ битвы: это случай прiобрѣсти репутацию и славу.

Видите, какъ я пишу; нога такъ болитъ, что я не могу управлять рукою по желанію.

Графъ Толстой только-что былъ у меня. Онъ пріѣхалъ, чтобы подтвердить хорошую вѣсть, а съ другой стороны графъ Пашинъ пріѣхалъ на нѣсколько дней изъ деревни въ городъ и остановился у меня. Ужъ ради этого я желалъ бы не болѣть подагрой; я плохой собесѣдникъ, когда страдаю.

Княжна Туркестанова.

Каменный Островъ, 1 іюля 1815 г.

Все кончено во Франціи; Бонапартъ снова отказался отъ престола, и такъ какъ на этотъ разъ это поступокъ добровольный, то надо думать, что конецъ этой сказочной исторіи не далекъ. Послѣ ужасной битвы 18-го онъ вернулся въ Парижъ, гдѣ тотчасъ собралъ пэровъ и, можетъ быть въ первый разъ въ жизни, счелъ нужнымъ сказать имъ правду, признавшись въ потеряхъ, понесенныхъ какъ людьми, такъ и орудіями. Онъ свалилъ всю вину на корпусныхъ генераловъ, говоря, что его плохо поддерживали, что они тормозили всё его намѣренія, и что даже въ солдатахъ онъ не узналъ побѣдителей Маренго и Аустерлица. Онъ прибавилъ, что эти обстоятельства заставляютъ его сложить корону, и что онъ предлагаетъ имъ вмѣсто себя Римскаго короля подъ регентствомъ Маріи-Луизы, Евгенія Богарне и герцога Орлеанскаго. Это предложеніе не было принято: потребовали временнаго правительства. Тогда онъ назвалъ Карно, Фуше и Камбасереса; послѣдняго отвергли единогласно; онъ предложилъ Коленкура: но и его не пожелали, и засѣданіе было закрыто. Вслѣдствіе отреченія генералъ Моранъ отправился въ главную штабъ-квартиру къ Гнейзенау, чтобы просить перемирія и сообщить о происшедшемъ. Прусскій генералъ потребовалъ сдачи всѣхъ крѣпостей и выдачи Бонапарта; онъ поспѣшилъ сообщить Блюмеру, но прибавивъ, что онъ не дипломатъ, приказалъ своимъ войскамъ итти впередъ, такъ что когда онъ послалъ свой офиціальнй рапортъ, его аванпосты были всего въ десяти лье отъ Парижа. Французская армія, стоявшая на Рейнѣ, отступила, чтобы не сражаться. такъ что теперь все, вѣроятно, кончено. Мы узнали эти подробности третьяго дня вечеромъ изъ Гамбургской газеты отъ 30, привезенной англійскимъ пакетботомъ лорду Вальполю. Послѣдній, не смотря на ужасную погоду и проливной дождь, пріѣхалъ въ полночь на дачу г-жи Гурьевой, чтобы сообщить намъ извѣстія. Можете себѣ представить, какъ его приняли и какой переполохъ произошелъ въ гостиной.

Г-жа Гурьева взволновалась до крайности; бостонъ былъ оставленъ, всѣ столпились около круглаго стола; мой граннасианецъ смѣшался; маленькаго лорда окружили, стѣснили, засыпали, вопросами такъ, что прежде чѣмъ отвѣтить, ему пришлось успокаивать то одного, то другого изъ насъ. Наконецъ онъ сообщилъ намъ, что я вамъ передаю. Я, по общей просьбѣ, написала нѣсколько летучекъ для сосѣдей, изъ которыхъ нѣкоторые уже спали. Ихъ разбудили. Все это насъ очень забавило. Мы обязаны всѣмъ этимъ герцогу Веллингтону,—это несомнѣнно. Онъ велъ себя какъ герой; и онъ безусловно герой нашего вѣка, достойный славы.

Вчера курьеръ, прибывшій изъ Берлина, привезъ подтвержденіе всѣхъ этихъ извѣстій и извѣстія о арестѣ Наполеона маршалами Удино и Макдональдомъ, *именемъ короля*. Сынъ Удино былъ отправленъ къ Людовику XVIII, чтобы испросить для отца и Макдональда разрѣшеніе сопровождать его въ Парижъ; пока же они стали во главѣ правительства. Этимъ объясняется поведеніе Макдональда, оставшагося во Франціи, чтобы работать для короля, а также слова послѣдняго, сказавшаго про маршала: „онъ послужить мнѣ лучше всего тамъ, гдѣ находится, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ“. Не находите ли вы, что личность герцога Орлеанскаго нѣкоторымъ образомъ скомпрометтирована этимъ предложеніемъ Бонапарта поставить его на свое мѣсто? Меня это огорчаетъ, потому что онъ единственный французскій принцъ, которымъ я интересуюсь, другіе мнѣ ровно ничего не внушаютъ; они всѣ какой-то кисель; ни слѣда энергіи—ни дать ни взять моего де Брианъ или шевалье де ла Кудрэ; эти принцы только и годны, чтобы разлѣзжать въ каретахъ, а ужъ куда имъ стоять во главѣ арміи. Я на ихъ мѣстѣ умерла бы со стыда, видя, что въ этомъ дѣлѣ все сдѣлано иностранцами. Герцогъ Брауншвейгскій убитъ, принцъ Оранскій раненъ, герцогъ Веймарскій, принцъ Налау-Велльбургъ и столько другихъ, подвергли свою жизнь опасности ради этого дѣла, между тѣмъ какъ они, чья это обязанность, довольствуются ролью зрителей. Нѣтъ, мой другъ, это настоящія куклы, ради которыхъ я не сломала бы булавки. Король по своей полнотѣ не могъ ѣздить верхомъ, но принцы могли и должны были это сдѣлать. Что станетъ съ Бонапарте? Это вопросъ, который я предлагаю каждому. Будутъ ли его судить? Повѣсятъ ли его? Оставятъ ли въ живыхъ? Интересно бы узнать, какъ о немъ будетъ отзываться исторія? Несомнѣнно судьба этого человѣка необычайная. Немного терпѣнія, и мы узнаемъ.

Я вамъ не писала въ прошедшій вторникъ, потому что была занята. Я пріѣхала въ городъ, чтобы видѣть нѣкую г-жу Каменскую, которая должна мнѣ и не платить.

Мнѣ страшно не хотѣлось отправиться къ ней, но дѣлать было нечего. На возвратномъ пути я заѣхала къ Рибопьеру, а затѣмъ вернулась на дачу. Такимъ образомъ у меня не оказалось ни минуты свободной для васъ. Я была рада побыть во дворцѣ совсѣмъ одна, обстоятельство, которое меня привело сюда такого рода, что мнѣ хотѣлось одиночества.

Я оставалась у себя пятницу и все утро въ субботу; погода испортилась такъ, что и гулять не хотѣлось. Кромѣ того это денежное дѣло, желаніе увидать Рибопьера—все побудило меня четыре дня остаться въ городѣ. Я начинаю терять всякую надежду на то, что погода поправится; то и дѣло льетъ дождь; сегодня выдался сѣренькій, довольно пріятный денекъ. У насъ четвергъ, слѣдовательно вечеръ у Долгорукой; сестра намѣревается отправиться туда; про себя не знаю, что буду дѣлать; говорятъ, прошедшій разъ шарада очень удалась. Сегодня спектакля не будетъ, но чай у Николая съ роговой музыкой оркестра Дмитрія Нарышкина. Вотъ чѣмъ развлекаются. Въ нашемъ сосѣдствѣ скоро поселится флорентійскій посланникъ, нанявшій дачу рядомъ. Срокъ найма его городского дома окончился: и онъ, повидимому, не знаетъ, куда дѣваться. Мнѣ кажется, что онъ все еще имѣетъ виды на особнякъ, который занималъ Коленкуръ, но еще вопросъ, отдадутъ ли ему его, *Altri tempi!* Пока же онъ будетъ нашимъ сосѣдомъ и мы будемъ видать частенько. Между нами—этотъ Нульсъ полное ничтожество; онъ не стоитъ и мизинца моего маленькаго лорда Вальполя, очень милаго, увѣряю васъ. Не знаю, продолжаетъ ли походъ гвардія; очень возможно, что и вернуть, и тогда Потемкинъ не уѣдетъ, и княгиня Борисъ останется въ Симѣ, что будетъ очень полезно для ея финансовъ.

Кристинъ.

Москва, 8 іюля 1815.

Для изученія человѣческаго сердца долженъ вамъ сообщить, что вернувшись, Софи Толстая держится совершенно такого же тона, какъ до отъезда и дорогой. Она продолжаетъ увѣрять своихъ двоюродныхъ сестеръ Апраксиныхъ, что Eudoxie его не выносить. И если хотите слышать отъ меня правду, то она кое что знаетъ. Какъ это васъ не посвятили въ секретъ? Конечно, ее можно только похвалить, что она по мѣрѣ возможности скрываетъ это несчастье, но что Софи разыгрываетъ комедію, показывая противоположное чувство—это какъ-то слишкомъ сильно для ея возраста.

Надѣюсь, что Государь въ Парижѣ съ войскомъ, по крайней мѣрѣ въ 56 тысячъ человѣкъ, чтобы занять нѣкоторыя укрѣпленія, и нѣсколько пограничныхъ провинцій, однимъ словомъ, чтобы имѣть какойнибудь залогъ будущаго спокойствія со стороны этой безпокойной націи. Я буду очень радъ, что Людовикъ XVIII снова вступить на престолъ, но онъ слишкомъ доказалъ, что конституціонный король во Франціи только игрушка партій, оспаривающихъ другъ у друга власть. Чтобы царствовать во Франціи, надо держать въ своихъ рукахъ всѣ нити, заставляющія двигаться машину, и держать ихъ твердо. Я сомнѣваюсь, чтобъ его допустили быть инымъ, чѣмъ конституціоннымъ монархомъ, и это заставляеть меня думать, что ему понадобится помощь союзныхъ государей противъ Якобинцевъ; да и имъ необходимо будетъ обезпечить себя ради собственнаго спокойствія, чтобы эти самые Якобинцы не имѣли возможности снова натворить безразсудствъ, подобныхъ тѣмъ, которыя въ нѣсколько дней стоили 80 тысячъ человѣкъ. Это все становится и слишкомъ дорого и безчеловѣчно.

Я дописывалъ эти слова, когда мнѣ принесли ваше письмо № 27 отъ 1 Юля. Тысячу разъ благодарю васъ, дорогая княжна. Стало быть онъ арестованъ, и, надѣюсь, для него все кончено: не упустятъ же его вторично. Благословляю Бога за конецъ столь быстрый и счастливый. Полученная вчера съ курьеромъ вѣсть о его перевозкѣ въ Магдебургъ можетъ быть справедлива, въ этомъ нѣтъ ничего противорѣчащаго тому, что вы мнѣ сообщаете. Я вполне раздѣляю ваше мнѣніе относительно принцевъ: позорно, что все это произошло безъ ихъ участія. Не думаю, чтобъ послѣднія событія доставили этой династіи возможность спокойно править. Что касается герцога Орлеанскаго, то на его долю выпадаетъ оригинальная задача въ теченіи 25 лѣтъ принимать участіе во всѣхъ революціяхъ. Онъ подавалъ голосъ противъ Людовика XVI; онъ сражался подъ начальствомъ Дюмурье. Не думаю, чтобы можно было очиститься послѣ подобныхъ выступленій. На немъ всегда останется слѣдъ краснаго колпака, который онъ носить. Онъ примирился съ королемъ? Но когда? Когда соумышленники угнали его изъ Франціи, когда ему негдѣ было приклонить головы и когда понадобилось войти въ милость къ главѣ династіи и приобщиться къ благодѣяніямъ, оказываемымъ Англіей его семьѣ. Безъ сомнѣнія Веллингтонъ герой нашего вѣка, но надо отвѣсти мѣстечко и Блюхеру— онъ того заслужилъ. Боже мой, какъ интересно знать, что будетъ! Лишь бы не было ошибокъ; онъ такъ давно въ порядкѣ вещей. Кажется, нашъ вѣкъ богаче полководцами, чѣмъ государственными людьми, а именно теперь въ нихъ большая нужда. Если бы могли

отказаться отъ либеральныхъ идей и отъ маніи конституцій, я бы еще могъ надѣяться... Но если, не выйдутъ изъ этого заколдованнаго круга, всего можно бояться. Вашъ любимецъ лордъ поднялъ бы крикъ, если бы прочелъ, что тутъ написано; но тѣмъ не менѣе остается правдой, что конституція, поддерживаемая въ Англіи при тысячахъ злоупотребленій, не годится для другой страны. Франція прекрасно существовала четырнадцать вѣковъ съ своимъ старымъ правительствомъ. и силою вещей ей или придется вернуться къ нему, или драться, пока ее не раздѣлятъ, чтобы научить, какъ управлять собой. Въ сущности это такая презрѣнная и отвратительная нація, что отъ нея нечего ожидать ни къ какой войнѣ. Я смѣялся, когда слышалъ людей, полагававшихъ, что эта война превратится въ національную, какъ въ Испаніи или Россіи; это народъ, лишенный энергіи и огрубѣвшій отъ эгоизма, всецѣло охватившаго его.

Г-жа Толстая рассказала вамъ сказку, говоря, что передала деньги Софи; она ее все кормила *завтраками* и уѣхала, не сдѣлавъ ничего. Деньги ея слабая струна: она заказала портретъ, дочери Софи и не могла заплатить за него, такъ что художникъ, уѣзжая изъ Москвы, увезъ портретъ съ собой. Я заговорилъ объ этомъ потому, что вы меня спросили, и прошу васъ забыть впредь объ этихъ пустякахъ.

Собираясь ѣхать въ Троицкое, графъ Толстой получилъ собственноручное письмо отъ Государя, заключающее слова: „Иду васъ съ нетерпѣніемъ въ главной квартирѣ“. Онъ ко мнѣ прислалъ Сашу, чтобы рассказать все это, прося меня немедленно пріѣхать къ нему. Къ несчастью это невозможно: нога слишкомъ болитъ; но я написалъ ему, что хорошій знакъ, когда могущество призываетъ на помощь немощи. Замѣьте, что это письмо написано послѣ битвы, и что въ графѣ, вѣроятно, больше нуждаются, какъ въ совѣтникѣ, чѣмъ какъ въ военноподполковникѣ. Я очень радъ этому. Графъ прервалъ мое письмо; онъ прочелъ мнѣ письмо Государя, и разрѣшилъ мнѣ сообщить вамъ, но просить не распространять дальше о милостивыхъ словахъ, чтобы не дать пищи завистникамъ. Онъ ѣдетъ завтра, но сегодня вечеромъ еще заглянетъ ко мнѣ, и съ будущей почтой я сообщу вамъ, что думаю объ этомъ призывѣ, сдѣланномъ, повидимому, не безъ намѣренія.

Княжна Туркестанова.

Каменный Островъ, 7 іюля 1815 г.

Послѣ моего послѣдняго письма прошелъ слухъ, что Бонапарте разстрѣляны въ Венсенѣ; нѣсколько торговыхъ домовъ получили это

извѣстіе изъ Берлина. Левъ Нарышкинъ, прибывшій изъ Лейпцига, говоритъ, что слышалъ тамъ тоже. Этого было достаточно, чтобы взволновать весь городъ. Не прошло шести часовъ, какъ весь Петербургъ говорилъ объ этомъ; лордъ Вальполь, авторитетъ въ моихъ глазахъ, пріѣхалъ съ этой вѣстью къ г-жѣ Гурьевой; я сообщала г-жѣ Литта, барону Строгонову и, однимъ словомъ, всѣ довольны и ждали подробностей, но до сихъ нѣтъ никакого подтвержденія. Напротивъ, вотъ недѣля, что нѣтъ курьера отъ Государя, и ничего, что могло бы пролить нѣкоторый свѣтъ. И такъ какъ нѣтъ недостатка въ людяхъ волнующихъ умы, то плохія вѣсти скоро замѣнили хорошія. Кто говоритъ, что Бонапарте бѣжалъ, другіе доходятъ до того, что сообщаютъ, будто Блюхеръ разбитъ подъ Парижемъ; однимъ словомъ такъ какъ во что бы то ни стало хочется говорить, то болтаютъ всякій вздоръ. Де Ноай получилъ письма съ французской границы какъ разъ въ то время какъ говорили о корсиканскомъ разстрѣлѣ; онъ прочелъ мнѣ нѣсколько отрывковъ. Ему сообщали, что маршалъ Макдональдъ сталъ во главѣ правительства объявивъ себя намѣстникомъ короля; что въ силу власти, которой онъ располагаетъ, онъ велѣлъ ожидать Наполеона и нѣсколькихъ членовъ обѣихъ палатъ, среди которыхъ называютъ Карно, Фута, Коленкура и Рено дю С. Жанъ д' Анжели: иные, якобы, заключены въ Венсеннъ, другіе въ Бисетръ, гдѣ они находятся подъ строгимъ надзоромъ. Такъ какъ письмо г. де Ноая было отъ 27-го Іюня, то мы разчитали, что извѣстіе о разстрѣлѣ можетъ быть, вѣрно, такъ какъ это казалось въ естественномъ ходѣ событій. Но послѣдующее молчаніе заставляеть меня усумниться въ вѣрности всѣхъ этихъ мѣръ строгости. Мезонфоръ справедливо говоритъ, что королю трудно будетъ управлять этой шайкой разбойниковъ: еслибы возможно было очистить землю отъ нихъ, было бы очень хорошо, но не думаю, чтобы это было возможно, если небесный огонь не сожжетъ эту страну, какъ нѣкогда сжегъ Содомъ и Гоморру. Я считаю Францію погибшей для всего, что есть *добро*. Деморализація проникла тамъ во всѣ слои общества. Не понимаю, какимъ образомъ Мезонфоръ при его умѣ (онъ не Блака) могъ вѣрить въ нѣкоторую прочность положенія вещей. Онъ видѣлъ нападеніе монархіи, и паденіе партій, свергнутой другою. Мнѣ начинаетъ думаться, что счастье очутиться въ Парижѣ и быть чѣмъ нибудь всѣхъ ослѣпило, и вашъ другъ видѣлъ не больше другихъ. Желаю отъ всего сердца, чтобы король возвратился, потому что того требуетъ порядокъ, которому я придаю такъ много значенія; что же касается его лично и членовъ его семьи, то—да простить меня Господь!—они не внушаютъ мнѣ никакого участія.

Знаети ли, дорогой Кристинь, что я стала какъ г-жа де Нуазевиль; выходки Николая Голицына пугаютъ меня до смерти. Увѣрю васъ, что я считаю его способнымъ на все. Мнѣ было бы очень неприятно узнать, что онъ отправляется въ Москву; онъ въ состояніи сдѣлать вамъ ужасную сцену, что вовсе было бы неприятно. Этого бѣсноватаго слѣдовало бы посадить въ сумашедшій домъ или въ монастырь, какъ молодого Разумовскаго. Жаль мнѣ его бѣдной матери; она такъ ослѣплена имъ, что ничто не въ состояніи разубѣдить ее. Она считаетъ его за святого, а по моему это своего рода Жакъ Клеманъ, или способный стать имъ.

Eudoxie сообщила мнѣ о прибытіи ея родителей, и я вижу здѣсь г-жу Толстую со всѣмъ ея скучнымъ обществомъ; если есть возможность ручаться за то, что сдѣлаетъ или чего не сдѣлаетъ, то, увѣрю васъ, меня не скоро увидятъ у нея; у меня морозъ пробѣгаетъ по кожѣ при воспоминаніи о моемъ послѣднемъ пребываніи въ Москвѣ. Зачѣмъ вы тамъ такъ крѣпко прижались? Зачѣмъ Виржини, ваше имѣніе, ваши сыры не въ Петербургѣ или его окрестностяхъ?

Какъ бы это хорошо для меня! Конечно, я знаю Файо и знаю его черезъ васъ; развѣ вы не говорили о немъ во время его заключенія въ Макари? Кромѣ того, я не имѣю о немъ никакого понятія; мнѣ недавно назвалъ его фамилію знакомый, доставляющій сыроваровъ. Я не знала, что у васъ есть лифляндецъ, и вотъ почему думала снабдить васъ этими уроженцами Гларуге. Г. Рибопьеръ отправилъ двухъ въ свое Смоленское имѣніе; они тамъ прекрасно устроятся. Кстати о Лифляндіи: она напомнила мнѣ моего курляндскаго корреспондента; я, кажется, уже называла вамъ его—это баронъ Шеппингъ, молодой человекъ 32 лѣтъ, мой давнишній знакомый, котораго я часто встрѣчала у Рибопьера и у Гурьевыхъ, гдѣ онъ бывалъ почти ежедневно. Я вамъ писала, что его заставила уѣхать изъ Петербурга любовь, встрѣтившая препятствія. Конечно, это интересно, и я вамъ призналась, что мнѣ грустно было разстаться съ нимъ, и въ минуту умиленія я обѣщала ему писать, но только не часто, не нанося ущерба московскому корреспонденту. Если бы вы познакомились съ барономъ Шеппингомъ, вы бы полюбили его, я въ томъ увѣрена, потому что онъ уменъ, пріятель и добрый малый.

Я давно знаю этого князя Долгорукаго, прозваннаго „балкономъ“ за его огромную губу.

Что это ему вздумалось разыгрывать комедіанта въ 40 лѣтъ. У него было столько несчастій въ жизни, что я на его мѣстѣ сидѣла

бы тихонько въ своемъ углу и не вздумала бы забавлять всѣхъ этихъ маниаковъ, наподняющихъ его гостиную. Вижу, что онъ одинъ изъ людей, старѣющихъ только лицомъ.

КРИСТИНЪ.

Москва, 15 июля 1815 г.

Вы уже знаете объ отъѣздѣ графа Толстого, вызваннаго экстренно письмомъ государя изъ Спирь 16 (28 Юня), слѣдовательно, черезъ десять дней послѣ большой побѣды. Я заключаю изъ этого, что его вызвали не для того, чтобы воевать, но, вѣроятно, во Франціи на нѣсколько лѣтъ останется русскій корпусъ, и графъ будетъ одновременно и посломъ и командующимъ этого корпуса, что служить въ отношеніи къ нему проявленіемъ большой милости, и вмѣстѣ съ тѣмъ и ему очень пріятно. Онъ часто навѣщалъ меня и заѣхалъ даже въ послѣднюю минуту, за что я ему очень благодаренъ. И жена его была у меня въ воскресенье, чтобы проститься передъ отъѣздомъ въ Троицкое. Я смотрю на этотъ визитъ какъ на нѣчто необычайное, такъ какъ она рисковала встрѣтить Виржини, и это поставило бы меня въ затруднительное положеніе. Во всякомъ случаѣ я благодаренъ ей за эту любезность, которою обязанъ своей подагрѣ. Это письмо пойдетъ съ медленной оказіей, а подателя, его г. Лентци я особенно поручаю вашему вниманію. Ему можно со спокойной совѣстью оказать услугу, такъ какъ онъ самъ чрезвычайно обязательный и услужливый человекъ. Онъ уже не разъ доказалъ это. Судьба его странная. Онъ состоялъ при Государѣ, когда онъ былъ великимъ княземъ; государь и обѣ Императрицы ему открыто покровительствовали: и графъ Румянцевъ назначилъ его по особой рекомендаціи Государя 14 лѣтъ тому назадъ начальникомъ таможенъ. Въ то время какъ онъ занималъ эту должность, онъ былъ всѣми любимъ и уважаемъ: княгиня Борисъ съ семьей прогостила у него цѣлую недѣлю въ Волочинскѣ, гдѣ его домъ былъ по истинѣ храмомъ гостепріимства. Графъ Марковъ не разъ отзывался о немъ съ величайшей похвалой, а я лично и тѣмъ болѣе. Когда г. Гурьевъ вступилъ въ министерство, все сдѣланное его предшественникомъ, было измѣнено, и онъ всюду помѣстилъ своихъ ставленниковъ: Лентци очутился на улицѣ съ многочисленной семьей и, надо сказать къ его чести, оказался бѣднякомъ. Онъ поѣхалъ въ Петербургъ и въ отсутствіе Государя, просилъ покровительства Государыни матери. Она приказала запросить министра, почему Лентци лишень мѣста, и министръ, чтобы вынудиться, довольно необдуманно заявилъ, что онъ былъ запутанъ въ темныя дѣла, и на томъ все кончилось.

Ленци, который уменъ и тактиченъ, понялъ, что, поднявъ крикъ, онъ уподобится глиняному котлу, борющемся противъ чугунаго. Онъ занялся собираніемъ фактовъ, самымъ неопровержимымъ образомъ доказывающихъ честность его управленія. Вооружившись этими доказательствами онъ вернулся въ Петербургъ въ прошедшемъ году и просилъ приѣма у министра, чтобы убѣдить его въ своей невинности. Г. Гурьевъ уже былъ хорошо освѣдомленъ, но сказанное имъ Императрицѣ стѣсняло его: онъ не зналъ, какъ выпутаться, и чтобы избѣжать затрудненій упорно отказывался принять Ленци. Графъ Марковъ, напрасно употреблялъ все усилія и признался Ленци, что ошибка сдѣланная министромъ, вредитъ ему, Ленци, больше всякихъ винъ, если бы онъ за нимъ были. Однако Марковъ добился рода возмездія, и министръ назначилъ Ленци вице-губернаторомъ, но, продолжая отказывать ему въ приѣмѣ. Гурьевъ предоставилъ ему мѣсто тарнопольскаго вице-губернатора. Вы знаете, что это округъ Галиціи, уступленный Австріей Россіи по миру 1819 г.; но можетъ быть вамъ неизвѣстно, что Государь отправился въ Австрію мѣсяць тому назадъ, и что такимъ образомъ Ленци снова выдвинулся впередъ, даже еще не получивъ мѣста. Онъ пріѣхалъ на мѣсяць въ Москву за деньгами, которыя ему должны, и я пріютилъ его: онъ просилъ меня дать ему рекомендацію къ вамъ, моя добрая, милая княжна, и я это сдѣлалъ съ условіемъ, что онъ никогда не сдѣлается назойливымъ (въ этомъ ручательство—его тактъ). Онъ отвезетъ вамъ мое письмо на Каменный Островъ, и только представится, а когда посѣтитъ васъ во дворцѣ, то попроситъ у васъ разрѣшенія рассказать вамъ о своемъ дѣлѣ и посоветоваться съ вами, такъ какъ стараясь добиться приѣма у Гурьева, онъ тѣмъ не менѣе сознаетъ, что можетъ быть такое стеченіе обстоятельствъ, при которыхъ лучше подождать. Онъ человекъ надежный и осторожный, слѣдовательно съ нимъ можно повидаться, а кромѣ того онъ будетъ говорить съ вами на такомъ чистомъ тосканскомъ нарѣчій какъ въ Сиеннѣ.

Князь Борисъ проѣхалъ, не сказавъ ни съ кѣмъ ни слова. Я очень радъ этому, потому что г-жа де Нуазевиль предупредила меня, что не хочетъ никого слушать. Его любезнѣйшій сынъ не появляется: увидимъ, что онъ станетъ дѣлать, говоря по правдѣ, я увѣренъ, что онъ не покажется мнѣ, и это самое лучшее, что онъ можетъ сдѣлать. Весь скандалъ, конечно, обрушился бы на него, и можетъ быть, у него хватаетъ здраваго смысла сознавать это. Впрочемъ, будьте спокойны, не произойдетъ ничего непріятнаго ни въ какомъ случаѣ, и я съумѣю образумить его, не выходя изъ границъ. Когда маменькѣ

сообщаютъ о подобномъ намѣреніи, очевидно не собираются провести его въ исполненіе.

Княжна Туркестанова.

Каменный Островъ, 12 іюля, 1815 г.

Иностранныя газеты, прибывшія вчера, сообщаютъ, что капитуляція Парижа подписана Даву, и во время переговоровъ трехцвѣтный флагъ развѣвался надъ Тюилери. О королѣ ни слуху ни духу; правда, также ничего не говорятъ о Бонапартѣ, по словамъ предыдущихъ газетъ проживающемъ въ Мальмезонѣ. Все это довольно странно и туманно. Г. де Ноай освѣдомленъ не больше газетъ, но очень доволенъ капитуляціей Парижа, куда онъ боялся вторженія вооруженной силой. Такъ какъ его жена и дѣти тамъ, то его опасенія весьма естественны. Вчера все разъяснилось. Прибыль курьеръ отъ Государя изъ главвой квартиры въ Нанси, выѣхавшій 23 Іюня стараго стilia. Капитуляція Парижа подписана Даву, оставшимся военнымъ министромъ и стоявшимъ во главѣ вооруженной силы. Капитуляція чисто военная, и еще нѣтъ и рѣчи о какомъ либо измѣненіи во внутреннемъ управленіи. Еще не говорятъ о Наполеонѣ, и неизвѣстно, гдѣ онъ находится. Король послалъ г. де Блака, прибывшаго въ Лондонъ; говорятъ также, что Таллейранъ добровольно отрекся отъ своихъ обязанностей. Это послѣднее извѣстіе есть также въ газетахъ. Повторяю вамъ его, чтобы сидя въ своемъ креслѣ, вы имѣли возможность размышлять о всѣхъ этихъ событіяхъ. Вы очень добры, что читаете правоученія сыновьямъ Генриха IV: мнѣ кажется, что дни при Иври и Кутра живѣе въ вашей и моей памяти, чѣмъ въ ихъ воспоминаніяхъ. Они, должно быть, думаютъ, что то были сказочныя времена. Король пытается извинить ихъ бездѣйствіе, мотивируя его; но не скоро имъ придется примириться съ общественнымъ мнѣніемъ. Какой герой молодой принцъ Оранскій! Будь я принцессой Уэльской, я бы непременно отправилась къ нему, чтобы онъ женился на мнѣ и сидѣлъ по полугоду въ Голландіи. Спектакль у княгини Долгорукой былъ очень милъ; ея дочь играетъ чудесно: она красива, граціозна, очаровательна: дикція у нея прекрасная; единственный недостатокъ—что она немного вдается въ драматическій тонъ. Если вы знаете любовника, автора и слугу, вы найдете, что любя Оранжа, Люсианда едва осмѣливается признаться въ такомъ странномъ чувствѣ. Она его очень отличаетъ, но онъ продолжаетъ оставаться въ ея глазахъ слугой. Мнѣ кажется, что эта роль требуетъ больше достоинства чѣмъ нѣжности, а княгиня Салтыкова проявляетъ послѣдней больше, чѣмъ слѣдуетъ. Впрочемъ, ансамбль былъ очень хорошъ: Николай Долгорукій прекрасно исполнилъ роль

влюбленнаго; еще лучше игралъ въ поговорицы. Невѣства, молодая княгиня Долгорукая, сестра Гагарина, пикантная Мизетта, а мосье Бордо, игравшій Мондора въ комедіи и отца въ поговорицы, настоящій актеръ. Видно, что онъ часто игралъ, потому что держитъ себя на сценѣ вполне свободно. Сцена не имѣетъ кулисъ, ихъ замѣняли ширмы съ массой цвѣтовъ: лампы за цвѣтами и у рампы давали прелестный свѣтъ. Намъ собралось человѣкъ шестьдесятъ въ небольшой комнатѣ, гдѣ было довольно жарко, но все сидѣли прекрасно. Послѣ спектакля танцовали, и я уѣхала до ужина, чтобы не сидѣть поздно ночью. Г-жа Нессельроде пишетъ изъ Вѣны, что она видѣлась тамъ съ г. Марковымъ. Онъ вполне здоровъ, очень веселъ и любезенъ; говоря о его настроеніи, она подчеркиваетъ слова: *я вполне довольна имъ, онъ ни озлобленъ, ни мраченъ, хорошъ, вполне хорошъ*. Тѣмъ лучше, мнѣ грустно было бы слышать иное. Думаю что онъ проведетъ зиму въ Италіи. Гдѣ вы ее проведете, и гдѣ я? Гдѣ Богу будетъ угодно, милый Крестинъ и увидимся мы съ вами также, когда Ему будетъ угодно.

Вотъ маленькое прибавленіе 19 Іюля, изъ котораго вы узнаете положительныя новости, полученныя черезъ г. Блума. Дралась передъ сдачей Парижа, и даже сильно. 1 и 3 были кровавыя дѣла въ Версалѣ, Сенъ Клу, Мальмезонѣ; послѣднія мѣстечки сильно пострадали. Высоты Бельвилля и Монмартра были заняты Груни, но искуснымъ маневромъ Цитера позиціи были взяты, и тогда заговорили о капитуляціи. Даву, командовавшій всей арміей, послалъ 3 депеши. 3-го условія были выработаны и 4 подписаны Даву. Французскія войска отступаютъ за Дуару, но съ воинскими почестями и со всеми боевыми запасами. Перемиріе касается только этой арміи, въ него не включены находящаяся на Югѣ Франціи, и здѣсь непріязненныя дѣйствія будутъ продолжаться, хотя союзники и вступятъ въ Парижъ. Бонапарте думалъ было принять титулъ генерала арміи Груни, имѣвшій нѣкоторыя преимущества, но ему было отказано. Говорятъ, что онъ уѣхалъ изъ Мальмезона съ двѣнадцатью хорошо нагруженными повозками и направился на Шартръ. Его сопровождаютъ Савари, Бертракъ и Лабедейеръ. Пока шли битвы 1 и 2 Іюля король находился въ Санли. Онъ долженъ былъ вернуться въ Парижъ 8. Союзныхъ государей также ожидаютъ; увѣряютъ, что они не желаютъ вмѣшиваться въ дѣла правительства, предоставляютъ все на волю Людовика XVIII. Увидимъ, что онъ станетъ дѣлать! Отставка Таллейрана—не правда: отставка Блака подтверждается. Герцогиня Ангулемская снова въ Бордо. Принцы слѣдуютъ за королемъ. Не права ли я была, говоря, что имъ бы только

разъѣзжать въ придворныхъ каретахъ. Фуше объявилъ себя роялистомъ и сталъ во главѣ партіи. Муниципальная жандармерія и національная гвардія—единственныя войска, остающіяся въ Парижѣ, подъ начальствомъ Удино. Все, что говорили о Макдональдѣ—неправда; одна изъ палатъ предлагала его въ генералиссимусы, но предложеніе было отвергнуто. Вотъ что я вамъ скажу въ заключеніе: изъ Гавра вышелъ американскій фрегатъ, за которымъ гнались два англійскихъ, но не могли настичь изъ за тумана. Что было на этомъ фрегатѣ? Не знаю. А какъ вы думаете?

Важнѣйшія опечатки.

<i>Стр.</i>	<i>строка</i>		<i>Напечатано</i>	<i>должно быть</i>
»	159	» 11	снизу оданцовыя	единцовыя
»	—	» 3	снизу одна	она
»	161	» 9	сверху Шигъ-Амеву	Шигъ-Алееву
»	166	» 12	снизу позже. . . .	. . . . .
»	345	» 6	снизу оставшіяся	остававшіяся
»	347	» 20	сверху Марилиса	Марселиса
»	349	» 10	сверху Марилисомъ	Марселисомъ
»	—	» 19	снизу Стемѣковскій	Стемиковскій
»	350	» 19	сверху къ себѣ	къ семьѣ
»	351	» 1	снизу Марѳу Ильинишцу	Марью Ильинишцу
»	352	» 1	сверху остроить	отстроить
»	354	» 14	снизу Анеисы	Анеисы
»	358	» 12	сверху мы уже упоминали о немъ	и стоятъ
»	358	» 7	снизу осѣченіе	членоотсѣченіе
»	—	» 4	снизу впервые	впервые
»	364	» 13	снизу Украиной	Украины
»	489	» 3	сверху не проженное	не прошенное
»	490	» 9	снизу малолѣтнею	малолѣтнюю
»	497	» 17	сверху Преднегинація	Предестинація
»	695	» 4	снизу 1817 годъ	1826 годъ
»	702	» 1	снизу наслѣдница	воспитательница

УКАЗАТЕЛЬ

личныхъ именъ въ „Русскомъ Архивъ“ 1913 года.

- Абадіо I, 741.
Абаза I, 95.
Аббасъ шахъ I, 158.
Абель корнетъ I, 261.
Абентротъ ген. I, 336.
Аврамовъ полковн. II, 274.
Аврамовъ поруч. II, 275.
Ададуrowъ полковн. I, 264.
Адашевъ II, 170.
Адлербергъ гр. I, 345; II, 175, 176, 179, 180.
Адлеркрейцъ ген.-II, 551.
Айвазовскій И. К. I, 347.
Аксановъ И. С. I, 93—111, 102, 281—191, 400; II, 48.
Акуловъ лейт. II, 277.
Алчева А. И. II, 763, 764.
Александра Павловна Великая Княжна I, 116, 120.
Александра Петровна Великая Княгиня II, 183.
Александра Ѳедоровна Императрица I, 353, II, 445, 695—717.
Александръ I, I, I, 226, 361, 733; 6, 118, 122—125, 129, 130, 135, 262, 265, 272—274, 298, 299, 303, 314, 316, 317, 323, 332, 334, 375, 376, 496—500, 508, 513, 716—718, 795; II, 707, 300, 303, 304, 308—311, 318—335, 428, 459, 481, 507—564, 809.
Александръ II, I, 344, 348, 349; II, 358.
Александръ III, I, 8, 47, 52, 90, 329, 336.
Александръ Александровичъ Цесаревичъ. I, 399.
Алексѣевъ А. С. I, 11, 13, 18, 20.
Алексѣевъ Г. II, гофмарш. I, 399.
Алексѣевъ К. I, 250.
Алексѣевъ проф. I, 15, 30—34.
Алексѣй Александровичъ Великій Князь I, 96; II, 160, 351.
Алексѣй Михайловичъ Царь I, 171, 194, 196, 201, 455, 457—460, 590, 623, 646, 660, 662; II, 158, 345—361, 370, 489, 490, 495, 498.
Алексѣй Петровичъ Царевичъ I, 460, 356, 493—500.
Алехинъ А. И. I, 190.
Алехинъ I, 107.
Али Ага II, 214.
Алмасовъ Аитесь мурза I, 160, 161.
Алмазовъ С. Е. II, 399.
Алферовъ И. I, 253, 254.
Альбрехтъ II, I, 630.
Амбразанцевъ I, 493.
Амвросій Архiep. Новгородскій II, 840.
Анастасія Царица. I, 169, 176; II, 171, 172, 352.
Ангальтъ принцъ II, 534.
Ангелина иннок. I, 735.
Андерсъ II, 430.
Андреевская г-жа I, 506.
Андреевскій К. II, 213.
Андрѣевичъ подпоруч. II, 272.
Андрѣевъ подпоруч. II, 278.
Андронникова княгиня II, 222.
Андронниковъ—князь II, 209, 222.
Аненковъ поруч. II, 276.

- д' Анинскій герц. I, 419.
 Анничовъ Н. М. I, 37.
 Анна Иоанновна Императрица. I, 6, 568; II, 837.
 Анна Михайловна Царевна II, 165, 345, 350, 352, 353, 354.
 Анна Теодоровна Великая Княгиня I, 305.
 Анненкова А. И. I, 510.
 Анненковъ И. И. подп. I, 558.
 Анненковъ I, 511.
 Антиповъ А. I, 252.
 Антонинъ архимандритъ 614, I, 587, 605, 610.
 Анучинъ Д. Г. ген.-лейт. II, 21, 22.
 Анучинъ I, 39, 40.
 Апостоль Д. полк. II, 488, 485.
 Апраксина М. М. II, 359, 496.
 Апраксина г-жа I, 208, 228, 418, 422, 549, 551, 552, 845; II, 109, 281, 290, 842.
 Апраксинъ И. А. графъ II, 305, 265, 297.
 Апраксинъ С. О. ген. фельдм. II, 569, 574, 576.
 Апраксинъ I, 324, 496; II, 741.
 Апраксины II, 851, 854, 862.
 Апрѣлевъ П. С. I, 314, 318.
 Араччеевъ графъ. I, 718, 486. I, 258, 259, 719; II, 7—16, 562, 294, 296, 310, 311, 314, 317, 487, 510.
 Арапетовъ I, 493.
 Арбенева А. Н. II, 618.
 Арбузовъ В. II, 567.
 Арбузовъ лейт. II, 272.
 Аргамановъ ад. II, 320—322.
 Аргутинскій II, 185.
 Аристовъ О. О. I. 279—291, 378—410, 666—706; II, 143, 447, 448.
 Арсеній Мит. Ростовскій II, 803, 836—841.
 Арсеньева А. Д. I, 707, 715.
 Арсеньева Е. I, 707.
 Арсеньева Д. И. I, 708, 710.
 Арсеньева I, 418, 422, 536, 537.
 Арсеньевъ А. В. I, 715.
 Арсеньевъ А. Д. I, 715.
 Арсеньевъ В. В. I, 707, 708, 719.
 Арсеньевъ В. Д. I, 715.
 Арсеньевъ В. Е. I, 707, 708, 710.
 Арсеньевъ В. С. I, 700.
 Арсеньевъ Д. В. I, 707, 708, 714.
 Арсеньевъ Е. Я. I, 710.
 Арсеньевъ П. И. I, 716, 717.
 Артемьевъ II, 774.
 Артуа графъ I, 119, 123, 127, 138, 146; II, 859.
 Архарова В. И. I, 776.
 Архаровъ Н. П. II, 783.
 Архаровъ ген. I, 268.
 Архаровъ I, 318, 319.
 Архиповъ И. П. I, 37, 776, 785.
 Астафьевъ А. Н. I, 715.
 Астафьевъ Н. А. I, 715.
 Астонъ графъ I, 649.
 Астрянинъ I, 82.
 Аткинсонъ подпоруч. II, 218.
 Афросимовъ I, 262.
 Ахамашуковъ-Черкасскій В. П. кн. I, 638, 639.
 Ахлестышекъ II, 614.
 Ахтырка II, 260.
 Ашеръ А. В. I, 345, 346.
 Ашеръ Е. А. I, 345, 346.
 Ашеръ С. А. I, 346.
 Афанасьевъ I, 364.
 *
 Багаевъ кап. II, 268.
 Баговуть ген. II, 189.
 Багратіонъ П. И. кн. II, 114; II, 509, 516 525, 526, 563, 564, 835,
 Багряцовъ I, 82.
 Баженовъ П. И. I, 315.
 Базиловичъ I, 385.
 Базинъ I, 309, 489; II, 220.
 Байновъ II, 115, 117, 118, 270, 280, 287, 288, 411.

- Байронъ Г. I. 545.
 Бакунина г-жа I, 337.
 Бакунины I, 356.
 Балабинъ флиг-ад. I, 487.
 Балашева II, 850.
 Балашовъ II, 835.
 Балжихаевъ I, 115.
 Балкъ I, 231.
 Бантышъ-Каменскій I, 509.
 Банчуковскій I, 313.
 Барановичъ Л. II. 390.
 Барановскій Л. II, 375.
 Барановъ А. А. I, 740, 749, 750, 740,
 741, 752, 753.
 Барасъ I, 269, 273.
 Баратынскій I, 323.
 Барвинскій А. I, 292.
 Бареръ (Барреръ) I; 586, 588, 589.
 600, 604—608, 615, 616, 809, 810,
 812, 815, 816.
 Барклай-де-Толли мин. I, 113, 114,
 363, 367, 373; II, 528, 564.
 Барсовъ I, 100.
 Барсуковъ А. I, 147, 629, 657, 658,
 662—664.
 Бартенева П. И. I, 5—7; II, 832—
 835.
 Баршевъ О. II. I, 572.
 Баршевъ С. I, 572.
 Барщовъ г.-м. II, 581.
 Барышевскій подпоруч. I, 114.
 Барышевъ И. I, 246.
 Барятинскій А. В. кн. II, 446.
 Барятинскій А. И. кн. II, 413, 414,
 415, 416.
 Барятинскій И. кн. II, 145—155.
 Барятинскій кн. I, 372, 418; II, 113, 186,
 188, 193, 206, 208, 272, 430.
 Басаргинъ поруч. II, 275.
 Басовъ I, 750.
 Бассано герц. II, 125.
 Баташевъ Р. I, 477.
 Батенковъ подполк. II. 275.
 Баторій С. II, 227.
 Батуринъ I, 487.
 Батюшковъ П. Н. I, 185, 186.
 Баумгартъ О. А. I, 182.
 Бахметьевъ Г. М. 581.
 Бахметевъ подполков. I, 264.
 Бахметьевъ II, 859.
 Бахтаровъ-Ростовскій В. И. кн. I, 174.
 Бачмановъ ротм. I, 261.
 Башиевъ А. Ф. I, 322.
 Башинскій губ. сек. I. 486.
 Баюкъ полк. II, 260.
 Баюшковъ И. Р. I, 581.
 Бебутовъ кн. II, 204—226, 406, 408—
 416, 186, 189—197, 201—203.
 Безбородко кн. I, 270, 272, 307, 316,
 464; II, 783—785, 810.
 Безбрызговъ М. I, 474.
 Безобразовъ прив.-доцент. I, 53, 55, 58.
 Безобразовъ корн. I. 261.
 Безсоновъ М. Ф. I, 511.
 Безсоновъ П. А. I, 461.
 Безсоновы I, 511.
 Безухова гр. II, 835.
 Бейнигсенъ (Беннигсенъ) бар. II, 311,
 320, 324, 327, I, 718.
 Беклешовъ ген. I, 297, 324.
 Бекловичъ кн. А. I, 555, 556, 557,
 558, 560—562, 563, 564, 565, 566,
 568, 569.
 Бенигсенъ ген. 212, 370, 373, 496;
 II, 511, 514, 515, 516, 525, 526.
 Бенкендорфъ II, 122, 283.
 Беннетъ кап. I, 740.
 Бентонъ врачъ II, 339.
 Берви I. 736.
 Бергъ II, 181.
 Бердяевъ I, 51.
 Берингъ кап. I, 750.
 Беркгеймъ бар. I, 333, 339.
 Бернадоттъ I, 217, 363, 367, 368.
 де Берри герц. I, 429.
 Берстель подполк. II, 274.
 Бертранъ ген. I, 414; II, 294.
 Бестужевъ А. шт. кап. II, 272.

- Бестужевъ М. шт. кап. II, 272.
 Бестужевъ Н. II, 272.
 Бестужевъ П. мячм. II, 275.
 Бестужевъ I, 737.
 Бестужевъ-Рюминъ подпоруч. II, 271.
 Бестужевы-Рюмины I, 231.
 Бечасновъ II, 272.
 Безръ М. В. II, 145.
 Біанки ген. II, 745.
 Бибиковъ И. И. II, 421, 614.
 Биконсфильдъ I, 104, 105.
 Билинская Э. Л. I, 313.
 Бильфингеръ II, 501.
 Бисмаркъ I, 104, 117.
 Блаватская В. II, I, 498.
 Бланжіевскій полк. II, 267—269.
 Бланкеннагель маіоръ II, 584.
 де-Блакъ II, 869.
 Бломъ I, 214, 216.
 Блоръ архит. I, 331.
 Блохинъ А. И. II, 569—577.
 Блюмеръ Э. В. II, 408.
 Блюмеръ II, 860.
 Блюмъ II, 870.
 Блюхеръ I, 145, 209, 361, 363, 267, 368—373; II, 289, 857, 863.
 Бобринская С. кн. I, 131, 134.
 Бобринскій гр. I, 131, 444, 453, 774.
 Бобрицевъ-Пушкинъ поруч. II, 275.
 Бобровъ А. А. проф. I, 10, 54, 55.
 Богдановичъ I, 81.
 Богдановъ А. II, I, 19.
 Богданъ О. гетм. II, 42.
 Боголѣпова Е. А. I, 11, 60.
 Боголѣпова М. I, 22.
 Боголѣповъ Н. II, проф. I, 8—86.
 Богунъ II, 236.
 Богушевичъ I, 97.
 Богушевскій I, 94.
 Бодѣ М. А. бар-са I, 330.
 Бодиско вице-адм. II, 563.
 Бодиско лейт. II, 276.
 Бодиско мячм. II, 277.
 Болдыринъ I, 153.
 Бологовской I, 263.
 Болтинъ II, 156.
 Болтовъ А. Т. I, 711; II, 759, 770.
 Бонопартъ I, 123, 138, 144, 146, 210, 214, 218, 220, 224, 229, 272, 413—415, 489, 518, 523, 536, 542—544; II, 285, 288—294, 332, 514, 561, 741, 742, 746, 857, 860, 861, 864, 869.
 Бордо II, 858.
 Бордоло ген. I, 382.
 Боре I, 600.
 Борисикиевичъ И. II, 135.
 Борисовъ С. I, 248.
 Борисовъ подпоруч. II, 271.
 Борисъ Годуновъ I, 151, 170, 171; II, 343.
 Борисъ кн.-ня I, 145, 522, 548, 846, 851, 854; II, 118, 119, 282, 742, 748, 843, 848, 849, 851, 867, 868.
 Борисъ княж. II, 115, 287.
 Борисъ кн. I, 413, 543; II, 287, 862.
 Боровонъ II, I, 254, 257.
 Беровскій II, II, 159.
 Бородинъ II, I, 560.
 Борщовъ г.-м. I, 263, 264.
 Ворятинская М. В. кн. I, 337.
 Ботвиньевъ II, 774.
 Боткинъ С. II, I, 344.
 Боткинъ врачъ II, 175.
 Бохинъ А. I, 246, 247, 248.
 Бравины I, 511.
 Бравскій II, 218.
 Бражниковъ И. Г. капит. I, 252.
 Бралевскій ген. II, 225.
 Браммеръ II, 203.
 Браневскій Н. II, II, 223.
 Браневскій II, 192, 213, 410, 429.
 Браницкая гр. I, 355.
 Браницкій гр. I, 227, 413, 526.
 Бревернъ Л. С. I, 314.
 Бревернъ I, 493.
 Бреннъ архит. I, 315.

- де Бріанъ г-нъ I, 544.
 Бригенъ II, 203, 276.
 Бриммеръ ген. II, 189, 191, 213,
 218, 220.
 Бринкъ Ѳ. I, 266—276.
 Бровчинскій К. II, 518.
 Брольи герц. I, 513, 543.
 де-Брольи г-жа I, 855; II, 111.
 Брольи гр. I, 129, 130.
 де-Брольи II, 854.
 Броммеръ II, 198.
 Броневскій ген.-губ. I, 267, 276.
 Бронскій И. I, 265, 294, 326, 513,
 761; II, 16.
 Брылла I, 278.
 Брюловъ I, 361, 362.
 Брюсъ Я. В. гр. I, 231, 253, II,
 655—658, 663, 664, 667.
 Бугаевъ Н. В. I, 13.
 Бугровъ И, I, 91, 92.
 Будбергъ бар. I, 116—135.
 Будбергъ ген. I, 121.
 Будилевичъ А. С. проф. I, 399, 689.
 Будилевичъ Е. А. I, 290.
 Будовець В. I, 635.
 Бузулуковъ-Нарчовъ мурза I, 161.
 Буколтовъ I, 652.
 Буксгевденъ гр. II, 532, 515, 516,
 533, 550, 559.
 Буксгевденъ поруч. I, 263.
 Булатовъ ген. II, 542—544, 552, 562.
 Булатовъ майоръ II, 532, 535, 537—
 541.
 Булгаковъ I, 418.
 Булгари Н. гр. II, 276.
 Булгаринъ II, 777.
 Булыгинскій А. И. проф. I, 10.
 Булыгинъ I, 487; II, 13.
 Бунге мшист. I, 182, II, 779, 780.
 Бунинъ Л. I, 460.
 Буржуа I, 127.
 Бурлій II, 260.
 Бусе Ф. I, 211.
 Бутримъ полк. II, 260.
 Бутурлинъ гр. I, 211, 519.
 Бутурлины I, 511.
 Быковский археп. I, 59.
 Быстрицкій Н. II, 387, 392.
 Бычковъ I, 94, 97.
 Бьерклюдъ А. В. II, 84.
 Бьерклюдъ I, 781.
 Бѣгичевъ С. Н. II, 47.
 Бѣлозеровъ В. I, 374, 475.
 Бѣлоусовъ I, 274.
 Бѣлявскій ген. II, 188.
 Бѣляевъ К. С. I, 106.
 Бѣляевъ II, 275.
 Бюловъ I, 363, 366.
 *
 Вадковскій полк. II, 320.
 Вадковскій II, 273,
 Вадъбольская С. княж. II, 755.
 Ваксель А. И. I, 509; II, 15, 16.
 Ваксель А. С. I, 486, 493; II, 7—9.
 Ваксель Е. С. I, 299, 508.
 Ваксель Н. С. II, 8.
 Ваксель С. С. I, 509, 511.
 Валерга Патріархъ Латинскій I, 592.
 Валуа Генрихъ король II, 37.
 Валуева I, 217.
 Валуевъ гр. I, 172.
 Вальмоденъ I, 363.
 фонъ-Валь I, 57.
 Вальполь гр. II, 281.
 Вальполь лордъ I, 853, 855, II, 845,
 858, 860, 862, 848, 865.
 Варгинъ II, 442.
 Варлаамъ архим. Чудовскій II, 841.
 Василевскій I, 608.
 Василий I, II, 168.
 Василий III, II, 159, 161, 495.
 Василий Іоанновичъ в. кн. 178.
 Васильевъ Е. I, 244, 249.
 Васильевъ К. I, 239, 242, 245, 249.
 Васильевъ С. I, 246, 252.
 Васильевъ Т. I, 623, 624.
 Васильевъ бар. I, 322.

- Васильковскій** подп. I, 319.
Васильчикова г-жа I, 533.
Васильчиковъ ген. I, 209, 262.
Васильчиковъ I, 434.
Васмундъ ген. II, 213.
Веберъ В. I, 89, 90.
Ведняпинъ подпоруч. II, 273.
фонъ деръ-Вейденъ полк. I, 569.
Велингтонъ I, 214; II, 289, 293, 741, 857, 861, 863.
Вельмонтъ I, 464.
Вельяминовъ И. А. полк. II, 318, 335.
Венгерской I, 261.
Веняминовъ архіеп. I, 500.
Вердеревскій полк. I, 560.
Верзилинъ I, 159.
Вернадскій I, 43.
Вернегъ I, 124, 128.
Вигель I, 119, 120, 330, 466.
Виже-Лебрень г-жа I, 464.
Визингъ А. А. I, 346.
фонъ-Визинъ Г.-М. II, 274.
фонъ-Визинъ I, 52.
Викторовъ I, 460.
Викторъ-Эммануэль II, 431, 438.
Виліе лейб.-мед. II, 512.
Вилленъ С. I, 660.
Вильдерметъ II, 703.
Вильямсъ полк. II, 199, 201, 202, 217.
Виніусъ А. Д. I, 643.
Виноградовъ проф. I, 32, 35.
Виноградовъ I, 12, 16, 22, 23, 30, 45.
Винценгероде ген. II, 511.
Виржини II, 110, 111, 121, 844, 851, 853, 866, 867.
Витгенштейнъ I, 145, 209, 360—374.
Виттъ гр. I, 337, 338.
Вихляевъ П. А. I, 471.
Вишневецкій Д. кн. II, 27, 30, 32—34.
Вишневскій лейт. II, 277.
Вишневскій прап. I, 263.
Владиміровъ проф. I, 19, 25, 28, 45, 46.
Владиславъ IV II, 253—254.
Власова А. Е. I, 238, 239.
Власова Е. 241.
Власовъ А. I, 239—242.
Власовъ С. I, 239.
Власовъ ад. II, 316, 320.
Власовъ II, 614.
Власъевъ I, 712
Водновскій полк. II, 318.
де-Водрейль I, 846.
Воейкова II, 707.
Воейковъ I, 93—98, 103—110, 185, 187, 190, 191, 196.
Войтковскій В. М. I, 286.
Войтовичъ II, 236.
Войцеховичъ А. А. I, 299.
Войцеховичъ В. О. I, 299, 311, 313, 499.
Войцеховичъ П. А. I, 299.
Волкова г-жа I, 551.
Волковъ кап. II, 320.
Волковъ полковн. II, 567, 570, 576.
Волковъ II, 193.
Волконскій кн. Н. С. II, 832.
Волконскій П. М. кн. II, 306, 415.
Волконскій С. кн. II, 272.
Волконскій кн. I, 112; II, 323, 329, 334, 527, 710, 741.
Волынская бояр. I, 456.
Волынскій А. П. I, 463, 560, 562.
Волынскій М. I, 448.
Вольдемаръ кн-ня II, 742.
Вольтеръ I, 431, 438; II, 335.
Вольфъ П. П. II, 193, 201, 274.
Вонлярлярскій П. М. 313.
Ворожбытъ сотникъ. II, 260.
Воронинъ И. I, 560.
Воронковъ Г. И. II, 315.
Воронковъ кап. II, 325.
Вороновъ Е. II, 774.
Воронцовъ М. С. гр. I, 331, 335, 336, 355, 356.

- Воронцовъ гр. I, 126, 227, 316, 331; II, 481, 524.
 Воронцовъ кн. I, 340, 355; II, 195.
 Воронцовъ I, 94, 109, 110, 181; II, 186, 775.
 Воротынскій И. А. кн. I, 451.
 Воротынскій И. М. кн. I, 154.
 Воротынскій I, 230.
 Врабель М. А. I, 292.
 Врангель бар. II, 629, 633, 644, 646.
 Враницкій полк. II, 273.
 Вранкенъ А. II, 196, 416, 418, 422, 424, 427, 432, 434, 440, 446.
 Врашевскій ген. II, 218.
 Вреде бар. II, 524.
 Всеволожскій Н. С. II, 748.
 Всеволожская Е. II, 158.
 Всеволожскій В. А. I, 467.
 Всеволожскій М. В. I, 467.
 Вуичъ полк. II, 562, 563.
 Выгодковскій II, 274.
 Вырынаевскій А. свящ. II, 107.
 Высоцкій П. Г. I, 769; II, 265, 578, 737.
 Вышеславцевъ ротм. I, 261.
 Вышеславцовъ полк. II, 554.
 Вышковъ А. II, 585.
 Вѣлинкинъ Н. М. I, 712.
 Вяземскій А. А. кн. II, 592.
 Вяземскій П. А. кн. I, 205, 206, 465.
 Вяземскій I, 94, 97, 191, 261; II, 736.
 Вязмитиновъ С. К. ген. II, 585, 595, 596.
 Вязмитиновъ ген. отъ инф. I, 265.
 Вязьмитиновъ II, 740, 741.
 *
 Габриелли П. 289.
 Габуновъ есаулъ I, 115.
 Гавриилъ Мит. Новгородскій II, 807, 814.
 Гавриловъ Н. I, 572.
 Гаганецъ I, I, 279, 405.
 Гагарина А. П. I, 307; II, 305.
 Гагарина В., кн. I, 211.
 Гагарина В. О. княж. I, 465.
 Гагарина Е. II, 752.
 Гагарина кн. I, 436.
 Гагарина княж. II, 312, 213.
 Гагарина П., 858.
 Гагаринъ А. И. кн. II, 213.
 Гагаринъ кн. I, 419; II, 651.
 Гагаринъ I, 853.
 Гагемейстеръ Л. А. кап.—лейт. I, 736, 742, 748, 749.
 Гадень Д. док. II, 360.
 Гакельшмитъ I, 527, 528.
 Галактионовъ II, 762.
 Галаховъ подп. I, 261.
 Галле I, 361.
 Гамбаровъ Ю. С. проф. I, 9, 11, 13, 41, 60.
 Гамильтонъ гр. I, 649.
 Гамовъ корн. I, 261.
 Гандыринъ И. I, 482, 483.
 Ганзенъ ген. II, 219.
 Ганна В. В. I, 379.
 Гапфельдъ кн-ня I, 376.
 Гарденбергъ мнн. I, 717.
 Гарднеръ II, 203.
 Гарелинъ И. I, 483.
 Гарибальди II, 445.
 Гарнеръ II, 448.
 Гарновскій Х. А. I, 264.
 Гарунъ есаулъ II, 260.
 Гасъ корнетъ I, 261.
 Гедеонъ (Балабанъ) еп. Львовскій II, 230.
 Гейденъ гр. II, 779.
 Гейдеровскій полк. II, 260.
 Гейкингъ I, 486.
 Генрихъ IV, 10, I, 132, 444; II, 850, 859, 869.
 Георгиевскій I, 191.
 Георгій Александровичъ В. Кн. I, 57.
 Герберій М. протоіер., I, 289.
 Герберовы I, 276.

- Герберъ Д. I. 276, 278.
 Герке П, 641.
 Гермогенъ еп. Полоцкій I, 172, 173;
 II, 230, 231.
 Гернстенцвейгъ г-нъ II, 417, 420.
 Геровская А. А. I, 688.
 Геровскій Ю. М. I, 407, 688.
 Гессе I, 318.
 Гибонъ I, 322.
 Гильфердингъ А. I, 629.
 Гирей кн. I, 160.
 Глинна М. И. I, 174.
 Глинна каш. I, 311.
 Глинская Е. В. II, 159, 161, 170.
 Глотовъ I, 750.
 Глуховецъ Я. II, 386.
 Глѣбовскій II, 756.
 Глѣбовъ П. Н. I, 713.
 Глѣбовъ II, 278.
 Глядновъ Я. I, 157.
 Глянскій II, 260.
 Гнѣвушевъ Е. II, 570.
 Говоровъ Г. А, II, 457.
 Гогенцоллернъ К. пр. I, 349.
 Годунова И. О. II, 162.
 Годунова К. II, 165.
 Годуновъ Б. Ц. II, 173.
 Годуновъ Г. В. II, 692.
 Годуновъ Д. Н. II, 161.
 Годуновы I, 174.
 Голенищевы-Кутузовы I, 511.
 Голиковъ I, 753.
 Голицына А. С. кн. I, 329, 333—339.
 Голицына В. кн. I, 120.
 Голицына В. В. кн. I, 756.
 Голицына Л. княж. I, 415, 538.
 Голицына Л. В. кн. I, 470.
 Голицына Т. I, 530.
 Голицына Т. В. кн. I, 468.
 Голицына кн. I, 552; II, 751.
 Голицына княж. I, 756; II, 843.
 Голицынъ А. В. кн. I, 178, 179; II,
 391, 403.
 Голицынъ А. И. кн. I, 328, 329.
 Голицынъ Б. А. кн. II, 367, 372.
 Голицынъ В. кн. II, 266—269, 275.
 Голицынъ В. В. кн. I, 172; II, 354,
 358, 359, 362, 364—372, 376—
 406.
 Голицынъ Д. М. кн. I, 623; II, 264.
 Голицынъ К. А. II, 590.
 Голицынъ Н. I, 844; II, 866.
 Голицынъ П. А. кн. I, 511.
 Голицынъ С. кн. I, 120.
 Голицынъ О. кн. I, 436, 514.
 Голицынъ I, 227, 246, 263, 413, 532,
 538, 554, 555, 759, 847, 848; II,
 113, 115, 265, 280, 373—375, 383,
 648, 774.
 Голицыны I, 208, 218.
 Головачевъ П. Т. лейт. II, 467, 478.
 Головачевъ I, 80.
 Головацкій И. О. I, 283.
 Головацкій Я. О. I, 279, 280, 292.
 Головина М. В. II, 493.
 Головина г-жа II; 113.
 Головинъ И. И. I, 712.
 Головинъ П. I, 160—162.
 Головинъ П. П. воев. I, 158, 159, 166,
 167.
 Головинъ О. Н. лейт. I, 712.
 Головищевъ М. I, 248—250.
 Головкинъ I, 231.
 Гололобова А. Я. II, 54.
 Гололобова Л. II, 55, 56, 58.
 Гололобовъ А. В. II, 55.
 Гололобовъ В. В. II, 55.
 Гололобовы II, 54.
 Голохвастова О. I, 105.
 Головастановъ П. Д. I, 93—110, 181—
 204.
 фонъ-Голстейнъ (Голштинская) пр-сса I,
 270.
 Голтяева-Кошкина М. О. I, 452.
 Голубевъ П. 607.
 Голуховскій гр. I, 380.
 Гольдбахъ II, 501, 502.
 Гольцевъ В. А. I, 25.

- Гомичковъ Н. Ю. свящ. I. 399.
 Гонть архит. I. 331.
 Горайно I, 81.
 Горбатовъ пор. I. 261.
 Горбачевскій подпоруч. II. 271.
 Гордонъ гр. I. 649.
 Горихвостовъ Д. II. II, 335.
 Горленко Е. I. 313.
 Горленко М. I. I. 313.
 Горнеръ И. И. II, 467.
 Горскій А. В. I. 762—768.
 Горскій II, 277.
 Горчакова Е. С. княж. II, 833.
 Горчакова кн-ня I, 551.
 Горчаковъ А. кн. I. 260; II. 303.
 Горчаковъ кн. I, 369, 538, 544, 585, 586; II. 216.
 Горячкинъ I. 79.
 Грабаръ О. А. I, 408.
 Грандиссонъ I, 545, 546.
 Грачовъ Е. I, 483.
 Грачовъ И. I, 482, 483.
 Гревсъ г.-м. II, 731.
 Грейгъ А. С. I, 727.
 Грековичъ А. II, 249.
 Грековъ Н. II, 46—51.
 Грелль Л. I, 661.
 Гречишка Г. I, 257.
 Гречъ II, 777.
 Грибоѣдовъ А. С. II, 47.
 Григоровичъ Д. В. I. 781.
 Григоровъ Н. С. II, 756, 757, 769.
 Григоровъ II, 758.
 Григорьева Е. I. 91, 92.
 Григорьевъ Н. сек. II, 591, 593, 595;
 Григоровъ Н. В. II, 340.
 Григорьевъ Я. I, 242.
 Григоровъ подпоруч. II, 539.
 Григорьевъ II, 303.
 Гриммъ проф. I, 349.
 Грицько гетм., II, 251.
 Грозный И. В. Ц. I, 230.
 Громницкій поруч. II, 272.
 Гротъ П. Я. I, 10.
 Гротъ проф. I, 18.
 Гротъ I, 21, 23, 183.
 Грувель I. 216.
 Грузиновъ Е. О. I, 261.
 Грузинская кн. II, 750.
 Грузинскій кн. I. 518.
 Груши ген. II, 740.
 Губастовъ I, 610.
 Губинъ-Левковичъ II, 195.
 Гувіонъ-Сень-Сиръ I, 367.
 Гудовичъ I, 319.
 Гулакъ М. II, 262.
 Гулевичъ-Воютинскій С. II, 254.
 Гумбольтъ I. 747.
 Гуня Л. II, 257.
 Гуріель кн. II, 416.
 Гурно Г. В. ген. ад. I, 580, 581.
 Гурно Г.-М. II, 323.
 Гурьева г-жа I, 146, 218, 220, 279, 281, 287, 419, 431, 436, 438, 514, 519, 522, 524, 530, 544, 546, 846; II, 742—746, 749, 752, 753, 844, 848, 854, 856, 860, 861, 865.
 Гурьевъ А. II, 121, 281.
 Гурьевъ I, 433, 438, 439, 530, 844; II, 122, 280, 283, 287, 288, 752, 851, 856—858, 867, 868.
 Гурьевы I, 522, 524; II, 288, 866.
 Гусаковъ I, 60.
 Гуссъ I, 120, 139—142.
 Густавъ III, II, 307.
 Густавъ IV, 116, 120; II, 308, 548, 560—565.
 Гутчинсонъ ген. II, 523.
 Гюго В. II, 47.
 *
 Даву II, 289, 869, 870.
 Давыдова г-жа I, 469.
 Давыдовъ В. Л. полк. II, 272.
 Давыдовъ Н. I, 459.
 Давыдовъ П. Я. I, 469.
 Давыдовъ мичм. II, 479.
 Давыдовъ I, 261; 558; II. 117.

- Дампьеръ Г. гр. I, 634.
 Даневскій В. П. I, 11, 17.
 Даневскій проф. I, 25.
 Данилевскій I, 94, 97.
 Даниловъ К. I, 443.
 Даниловъ М. В. I, 464.
 Даниловъ I, 571.
 Дашкова Д. И. кн. I, 457.
 Дашковичъ О. II, 26, 27, 30—32.
 Дашковъ бояр. I, 457.
 Дебальмень гр. II, 524.
 Деблянскій маіоръ I, 113.
 Деброссъ I, 526.
 Девлетъ-Гирей-ханъ I, 151.
 Дедешинъ А. I, 477.
 фонъ-Дезинъ II, 303.
 Деларомани ген. II, 525.
 Делаторъ Ю. II, 161.
 Делиль академ. I, 526; II, 502.
 Дельвигъ I, 205.
 Деляновъ гр. I, 40, 44, 50, 54, 181, 187, 188, 191.
 Деменковъ П. С. II, 146—155.
 Демидова М. Н. I, 812.
 Демидова г-жа I, 543.
 Демидовъ П. I, 253, 256.
 Демидовъ I, 257, 261, 263.
 Деминъ И. I, 91.
 Демушкинъ I, 564.
 Денисовъ II, 303.
 Депрерадовичъ Л. И. II, 335, 336.
 Депрерадовичъ ген. II, 315, 316, 318, 320.
 фонъ-Дервиць II, 303.
 Державинъ Г. II, 586.
 Державинъ II, 303.
 Деронъ пор. I, 263.
 Дерфельденъ ген. отъ кав. I, 262.
 Деръ подп. I, 261.
 Десницкій М. М. II, 804.
 Дехтеревъ подполков. I, 268.
 Джафаръ-ага маіоръ II, 217.
 Діана гр-ня I, 144.
 Дивовъ А. I, 848.
 Дивовъ г-нъ I, 417; II, 275.
 Діомидій капит. I, 115.
 Діонисій архим. I, 172.
 Діонисій (Збируйскій) еп. Холмскій II, 230.
 Дмитріевичъ I, 107.
 Дмитріевъ А. I, 252, 254.
 Дмитріевъ И. I, 252, 254, 775.
 Дмитрій Самозванецъ I, 178.
 Дмитрій царев. I, 152, 155, 171; II, 343, 355, 360, 489.
 Добровъ С. В. I, 41.
 Добровъ I, 58, 81, 82.
 Доброхотовъ I, 299.
 Добрянскіе I, 377.
 Добрянскій-Сачуровъ А. И. I, 290, 377—411, 665—706.
 Довнаръ-Запольскій М. В. проф. I, 449.
 Докторовъ II, 620.
 Долгоноговъ А. I, 482.
 Долгорукая Н. Б. кн. I, 46.
 Долгорукая кн. I, 211, 519, 530; II, 752, 851, 858, 869, 870.
 Долгорукій Н. I, 533; II, 859, 869.
 Долгорукій Ю. А. кн. I, 646.
 Долгорукій кн. I, 318, 319; II, 853, 866.
 Долгорукова М. II, 345.
 Долгорукова кн. I, 339; II, 848.
 Долгоруковъ А. Г. II, 503.
 Долгоруковъ А. С. кн. II, 486.
 Долгоруковъ И. кн. I, 758.
 Долгоруковъ Ю. В. кн. I, 466.
 Долгоруковъ кн. I, 260; II, 524.
 Долгоруковы II, 501—503.
 Домашевъ I, 736.
 Домогацкій В. Н. капит. I, 252, 254—257.
 Донауровъ М. П. I, 502.
 Дондуковъ-Корсаковъ I, 509.
 Дорнеръ I, 270.
 Дорогулинъ I, 809, 810.
 Дорошенко М, гетм. II, 251.
 Дорошенко П. гетм. II, 251.

Дохтуровъ ген. II, 527.
 Древинскій Л. II, 254.
 Древинскій II, 245.
 Дриневищъ I, 82.
 Друе г-нъ I, 415.
 Дубельтъ полк. I, 505.
 Дубенскій Д. Ф. I, 800.
 Дудыкевичъ В. О. I, 706.
 Дунаевскій II, 260.
 Дундуковъ-Корсаковъ кн. I, 400.
 Дунинъ ген. I, 297, 324.
 Дункеръ подполк. II, 535.
 Дурново полк. I, 246.
 Духновичъ А. В. I, 276—292.
 Духновичъ В. Д. I, 276.
 Духновичъ М. И. I, 276.
 Духовскій М. В. I, 11, 12.
 Духовскій I, 38, 39, 41.
 Дьяконовъ II, 834.
 Дѣдицкій Б. А. I, 283, 288.
 Дюбуръ г-нъ I, 420.
 Дюгуръ I, 266.
 Дюльбуръ г-нъ I, 419.
 Дюмурье II, 863.
 Дюпати А. II, 596, 597.
 Дюро-де-ла-Малль, I, 526.
 Дюшезнуа г-жа I, 423.

*

Евдонія Алексѣевна Царев. II, 489, 494, 495, 500.
 Евдонія Лукьяновна Ц-ца I, 177, 662; II, 170, 171.
 Евдонія Федоровна Ц. II, 495, 497.
 Еверсъ г-жа I, 211, 216, 221, 418.
 Егоровъ ротм. I, 261.
 Екатерина I, I, 460.
 Екатерина II, I, 6, 116, 119, 120, 149, 267, 297, 299, 307, 314, 316, 321, 348, 361, 461, 500, 562, 799; II, 305, 311, 318, 328, 329, 335, 371, 480, 487, 489, 495, 497, 500, 501, 503, 532, 534, 588, 591, 596, 597, 721—737, 802, 803, 814, 837.

II, 55

Екатерина В. Княж. I, 538.
 Екатерина Михайловна В. Кн. II, 425.
 Екатерина Павловна В. Кн. I, 511.
 Елагинъ Н. А. II, 145.
 Елена иннок. II, 494.
 Елена Павловна В. Кн. I, 338, 339, 716; II, 177, 180.
 Елеонскій Н. А. I, 31.
 Елизавета Алексѣевна Им-ца I, 500; 776; II, 319, 332.
 Елизавета Петровна Им-ца I, 6, 237, 466; II, 486, 487, 531, 721, 838, 839.
 Елизавета Им-ца I, 368, 369, 516, 710; II, 282, 488, 497.
 Елизавета Михайловна В. Княж. II, 434.
 Елисеѣвъ Е. Ч, 495.
 Емельяновъ I, 252.
 Ераклій еп. Воинскій II, 230.
 Ергольскій Г. Л. I, 243, 248—252.
 Ергольскій I, 244—248.
 Ермоловъ ген. I, 337.
 Ермоловы I, 511.
 Еропкинь Н. Д. II, 781.
 Еропкинь II, 331.
 Ефремъ еп. I, 450
 Ефремъ Казанскій мит. I, 175, 201.

*

Ждановъ С. I, 253.
 Ждановъ сек. II, 338.
 Желябовъ I, 200.
 Жераръ г-жа I, 329, 331, 543.
 Жеребцовъ Н. А. II, 433.
 Живаго С. Н. I, 11.
 Жигимонтъ III, I, 178.
 Жизневскій кан. I, 263.
 Жицкій П. гетм. II, 246.
 Жокмаръ г-жа I, 337, 344.
 Жолневскій гетм. II, 236, 238, 244.
 Жоме I, 268, 269.
 Жуковскій I, 206; 695—716.

«Русскій Архивъ» 1913 г.

- Заборовскій І, 664; ІІ, 541.
 Забѣлинъ И. Е. І, 444; ІІ, 157.
 Забѣлинъ І, 149, 450, 456, 460.
 Завадовскій ІІ, 182.
 Завалишинъ лейт. ІІ, 274.
 Загаринъ П. І, 235.
 Загнубида хорунж. ІІ, 260.
 Загорецкій поруч. ІІ, 275.
 Загоскинъ І, 102, 106; ІІ, 771.
 Загреба ІІ, 260.
 Загурскій М. іером. ІІ, 263—265.
 Заика І, 94, 97.
 Заикинъ подпоруч. ІІ, 275.
 Зайковскій І, 576.
 Заклинскій А. свящ. ІІ, 135.
 Закревскій мин. ІІ, 768.
 Замоиская Г. княж. ІІ, 262.
 Запалый полк. ІІ, 260.
 Заруцкій А. ІІ, 375, 389, 390.
 Заруцкій И. І, 154—168.
 Заславскій А. кн. ІІ, 248, 250.
 Засоевъ В. І, 478.
 Заточникъ Д. І, 445, 447.
 Захаровъ А. А. ІІ, 458.
 Захаровъ маіоръ ІІ, 553, 554.
 Захарьевъ-Юрьевъ ІІ, 170.
 Захарьина-Кошкина У. О. ІІ, 168.
 Захарьинъ Р. Ю. бояр. І, 169.
 Звегинцевъ І, 261.
 Звенигородскій Г. В. кн. ІІ, 681.
 Звѣревъ Н. А. І, 11—25, 34—37, 43, 49, 51—54.
 Звягина А. В. І, 780; ІІ, 82.
 Звягины І, 781.
 Зиновьева М. П. І, 360.
 Зиновьевъ И. І, 246, 248.
 Зичій Ф. гр. І, 381.
 Злобина Н. П. ІІ, 98.
 Злобинъ П. Л. ІІ, 98.
 Злобины ІІ, 99.
 Зміева ІІ, 770.
 Зографъ І, 41.
 Золотухинъ кар. ІІ, 553, 549, 555.
 Зонтагъ А. П. ІІ, 618—620.
 Зотовъ І, 259.
 Зотовы І, 258.
 Зубовъ В. гр. ІІ, 311, 312, 320, 326.
 Зубовъ Н. гр. І, 270, 272, 317; ІІ, 311, 312, 320, 326.
 Зубовъ П. кн. І, 259, 260, 267, 268, 270, 271, 318, 509; ІІ, 309—312, 320, 323, 326.
 Зубовы І, 271, 322—324.
 Зубрицкій Д. И. І, 404.
 Зуевъ А. І, 90.
 Зюдерманландскій герц. ІІ, 307.
 Зюминъ Н. І, 660.
 *
 Ибнъ-Фодланъ І, 443.
 Ивановъ Г. І, 256.
 Ивановъ Е. І, 240.
 Ивановъ И. прив. доц. І, 55, 56.
 Ивановъ О. І, 254.
 Ивановъ Т. 252.
 Ивановъ шт.-кап. ІІ, 553.
 Ивановъ І, 80, 594, 598; ІІ, 273, 303.
 Ивашевъ ІІ, 274.
 Ивашкевичъ С. Д. І, 717.
 Ивашкинъ Д. ІІ, 315, 323.
 Игнатъева гр. І, 107.
 Игнатъевъ А. А. ІІ, 755.
 Игнатъевъ П. П. І, 582—622, 811, 816.
 Игнатъевъ ген. І, 809; ІІ, 614, 615.
 Игнатъевъ гр. І, 97—109, 181—191; ІІ, 22—24.
 Игнатъевъ І, 93—97, 110, 193.
 Ижевскій А. свящ. ІІ, 107.
 Измайловъ ІІ, 614.
 Изяславъ В. Кн. І, 444.
 Иконниковъ А. ІІ, 173, 371, 503.
 Иконниковъ В. С. ІІ, 500, 503.
 Ильинскій шт.-ротм. І, 261.
 Индреніусъ Б. Э. ІІ, 409.
 Индреніусъ ІІ, 184—189, 206, 208, 218.

Иннокентій (Борковскій) еп. Черниговскій и Остерскій II, 230.
Иннокентій (Туптало) еп. Подольскій II, 230.
Ипатій (Поцѣй) еп. Владиміро-Волынскій II, 230.
Иренивъ ротм. I, 261.
Ирина Михайловна Ц-ца I. 457, 629, 643, 656, 658—660; II, 157, 164, 345—352, 490.
Исаакій (Борисковичъ) еп. II, 250, 251.
Исаевъ проф. I, 468.
Исакова А. В. I, 781.
Исаковичъ I. 378.
Исаковъ В. В. II, 84.
Исаковъ В. С. II, 81.
Исаковъ П. В. II, 83.
Исаковы II, 84, 88.
Истоминъ I, 56, 57.
Иштерекъ кн. I, 155, 165.

*

Іановъ архим. I, 596.
Іоанимъ патр. II, 353, 364.
Іоаннъ (Гоголь) еп. Пинскій и Туровскій II, 250.
Іоаннъ (Сѣверскій) еп. Леогайскій II, 230.
Іоаннъ Царь. I, 150, 169; II, 33, 162, 165, 247, 352—367, 369, 374—405, 486, 490—498.
Іовъ (Борецкій) мит. II, 250, 251.
Іосафатъ (Кунцевичъ) еп. II, 249.
Іосифъ, архіеп. Московскій II, 840.
Іосифъ-Вельяминъ (Рутскій) мит. II, 249.
Іосифъ мит. I, 678.

*

Кавелинъ К. II, 145.
Кавуръ I, 117; II, 430, 431.
Кадураль Ж. I, 123, 128, 132.
Казановская В. I. 164.

Казариновъ капит. II, 303.
Казанова I, 313.
Казначеевъ А. И. губ. I, 347.
Казначеевъ губ. 330.
Кайсаровъ проф. I, 6.
Калакутскій I, 263.
Каллерманъ Г. I, 659.
Калмыковъ I, 425.
де-Калоннъ I, 118, 119.
Калькрейтъ ген. II, 520, 857.
Калькрейтъ гр. II, 514.
Камаровская Е. Е. гр. I, 713.
Камаровскій Е. Ф. I, 713, 714, 716.
Камаровскій гр. I, 9, 13, 15—17.
Камбасересъ I, 541.
Камбиль Г. Д. II, 168.
Камбулатовъ К. мурза I, 167.
Камбулатовъ Ш. мурза I, 167.
Каменская II, 861.
Каменскій Н. гр. II, 519, 520, 522, 523, 525, 554—558, 561—563.
Камперле ад. I, 266.
Камчадалъ Н. II, 455.
де-Канези г-жа I, 523.
Канеровъ I, 25.
Канкльчева М. княж. I, 150.
Канкльчевъ Д. Т. кн. I, 150.
Канкльчевъ И. Б. кн. I, 150.
Канкльчевъ К. А. кн. I, 150.
Канкльчевъ К. К. мурза I, 150.
Канкльчевъ М. А. кн. I, 150.
Канкльчевъ О. кн. I, 150.
Канкльчевъ Т. А. кн. I, 150, 151.
Канкринъ В. гр. II, 178.
Канкринъ гр. II, 175.
Канкринъ мн. II, 178;
Канунниковъ А. I, 248.
Канырева Т. Ф. II, 352.
Каплеръ Г. I, 635.
Капнисть П. А. гр. I, 11.
Капнисть гр. I, 12, 15—17, 22, 27, 35, 37, 43, 50—57, 61.
Каподистрія I. 851.

- Капустинъ I, 57.
 Капцевичъ П. М. I, 314.
 Капцевичъ I; 296, 318.
 Карабулатовъ кн. I, 160, 161.
 Караджичъ В. С. II, 138.
 Карадини прапор. II, 200.
 Караклинъ II, 215.
 Каракулинъ полк. I, 261, 462.
 Карамзинъ I, 205, 448; II, 168.
 Караулова А. I, 499.
 Карауловъ И. Е. I, 498.
 Карелинъ худож. I, 313.
 Каригофъ ген. II, 200.
 Карлъ II I, 440.
 Карлъ VI, I, 6.
 Карлъ X I, 119.
 Карлъ XIII, II, 565.
 Карондѣевъ А. О. II, 380.
 Карповъ А. губ. II, 584.
 Карцова Е. С. I, 812.
 Карцовъ А. П. I, 582—622, 809—816.
 Карцовъ С. Н. I, 812.
 Карцовъ контръ-адм. I, 729.
 Кастельреа лордъ I, 141.
 Кастри I, 227.
 Каткова I, 105.
 Катковъ М. П. I, 182—189, 400.
 Катковъ I, 101, 102, 105, 191, 200—203.
 Катыревъ-Ростовскій И. М. кн. I, 458.
 Наховскій поруч. II, 272.
 Каченовскій полковн. II, 486.
 Качковскій М. А. II, 132, 133.
 Кашкаревъ С. II, 587, 588.
 Кашкаровъ В. I, 359.
 Кашкаровъ В. М. I, 631—664, 753.
 Кашковъ II, 208.
 Кашцевъ подполк. II, 643.
 Кёлеръ ген. I, 544.
 Келлеръ гр. I, 346, 362, 370—373.
 Кеппенъ П. И. I, 346, 347.
 Кеппенъ академ. I, 328, 346.
 Кеппенъ I, 347.
 Кибальчичъ I, 852.
 Кизимъ Я. П. 238.
 Кизимъ полк. II, 260.
 Кикинъ I, 366.
 Кирилль старецъ I, 201.
 Кирилль (Терлецкій) еп. II, 230.
 Кирилль патр. I, 589, 599, 601, 605, 610.
 Кирѣевская А. П. II, 618—620.
 Кирѣевскій В. II, 620.
 Кирѣевъ II, 272.
 Киселевскій И. Г. I, 321.
 Кисленскіе II, 764.
 Кишинскій ген. II, 189, 210.
 Классень Е. А. I, 352.
 Классень I, 350, 351.
 Клейнмихель II, 408.
 Клейнъ докт. I, 528.
 Клейсть А. А. 6-са II, 174.
 Клейсть Е. 6-са II, 226, 446.
 Клейсть I, 212; 361, 362; II, 703.
 Клигспорнъ марш. II, 539.
 Клигспорнъ гр. II, 556, 558, 561, 562.
 Ключевскій В. О. I, 8, 9, 343, 344, 468.
 Ключевскій I, 13, 26, 52.
 Кобелевъ П. П. I, 248.
 Кобыла А. И. II, 168.
 Ковалевскій г.л. II, 206.
 Ковальскій В. П., 135.
 Ковальскій В. Д. I, 107.
 Кожевниковъ А. Я. проф. I, 9.
 Кожевниковъ I, 23, 612, 616; II, 277.
 Кожинъ А. поруч. I, 556, 557, 558, 560.
 Кожинъ Н. поруч. II, 316.
 Кожинъ поруч. I, 558; II, 320.
 Козадавлевъ I, 497.
 Козельскій I, 230.
 Козловскій П. Т. полк. II, 524.
 Козловскій ген. II, 195.
 Козьминъ В. I, 239, 240, 242.
 Кокошкинъ О. О. I; 467, 775.

- Колеминъ И. О. I, 795.
 Колеминъ П. П. I, 798.
 Коленкуръ гр. I, 273, 414, 541, 544,
 548; II, 742, 860, 862.
 Колимина А. О. I, 778.
 Колларъ Я. I, 700.
 Колларъ П, 138.
 Коллинсъ I, 532.
 Кологривовъ А. С. I, 495.
 Кологривовъ ген. II, 318.
 Кологривовъ ген.-лейт. II, 330.
 Кологривовъ г.-м. I, 260, 262.
 Кологривовъ I, 261.
 Колоколовъ Г. Е. I, 11.
 Колокольниковъ II, 797.
 Колокольцевъ I, 464.
 Колтовская А. II, 172.
 Колычевъ И. О. I, 178.
 Комаровскій Е. Ф. гр. I, 712.
 Комаровскій каш. I, 263.
 Комбъ м-ль I, 845.
 Коначевичъ-Сагайдачный П. II, 240—
 247, 251.
 Кондаковъ Н. II. I; 446.
 Конде принцъ II, 300.
 Конецпольскій гетм. II, 251, 253, 256.
 Кони А. О. I, 579.
 Кони О. А. II, 46—51.
 Конисскій истор. II, 39.
 Коноваловъ I, 43.
 Коновницынъ П. П. ген. I, 501.
 Коновницынъ гр. II, 277.
 Константиридесъ I, 605.
 Константинъ Константиновичъ В. Кн.
 I, 52.
 Константинъ Николаевичъ В. Кн. I, 328,
 353—355; II, 57, 425.
 Константинъ Павловичъ В. Кн. I, 262,
 309, 317, 500; II, 307, 351.
 Константинъ В. Кн. I, 264, 432, 436,
 II, 326, 331.
 Корженевскій П. 138.
 Корзыкова II, 764.
 Корневъ Д. I, 716.
 Корибутъ-Вешневецкій I. кн. II, 261.
 Корниловичъ шт.-кап. II, 275.
 Корниловъ И. П. I, 399.
 Корниловъ докт. I, 41.
 Корнѣевъ З. Я. II, 811.
 Корнѣевъ губ. II, 531.
 Коротковъ И. I, 253.
 Корсакова М. И. II, 114.
 Корсакова I, 420; II, 854.
 Корсаковъ А. И. I, 501, 509; II, 8,
 11.
 Корсаковъ С. I, 23, 24.
 Корсаковъ ген. II, 508.
 Корсаковъ полк. II, 218.
 Корсаковъ I, 509.
 Корсаковы I, 511.
 Косинскій О. 228.
 Косинскій II, 232, 235.
 Косой В. Ю. Кн. I, 452.
 Костомаровъ П. II. I, 176.
 Костомаровъ I, 460.
 Кохановскій С. П. II, 263—265.
 Коцебу А. II, 309, 315.
 Коцебу I, 370.
 Кочетова г-жа I, 846.
 Коченевъ В. I, 105.
 Коченевъ-Любимовъ I, 185.
 Кочневъ I, 200.
 Кочубей В. гетм. II, 401.
 Кочубей гр. II, 581, 582.
 Кочубей I, 370.
 Кочубинскій Л. I, 629.
 Кочубинскій I, 632, 633; 634.
 Кошелевъ Д. И. II, 449, 467, 469.
 Кошелевъ г.-м. II, 459, 460, 479.
 Кошелевъ поруч. II, 470.
 Кошеньщиковъ Ф. И. II, 467.
 Кошинскій шт.-кап. II, 634.
 Кошка О. Р. II, 168.
 Кошкинъ З. И. бояр. I, 452.
 Кошкины б-ре I, 169.
 Кралицкій А. I, 290, 291.
 Красильниковъ I, 740.
 Красниковъ II, 184.

- Краснокутскій М. Н. II, 433.
 Краснокутскій II, 273.
 Крейтонъ I, 850, 853.
 Кривцовъ подпоруч. II, 276.
 Кримъ бар. I, 269, 270.
 Криницкій М. свящ. I, 380;
 Кристинъ Ф. I, 116—146, 207—229,
 412—440 513—551, 844—856; II,
 103—122, 279—295, 738—753,
 842—871.
 Кривковъ М. О. I, 458.
 Кронштеть гр. II, 535, 562.
 Кругловъ И. I, 474.
 Крузенштернъ И. Ф. адм. I, 752; II,
 467.
 Крузенштернъ I, 726.
 Крузъ А. И. I, 729,
 Крупскій, маіоръ II, 455.
 Крыжановскій В. I, 876, 734, II, 25.
 Крыловъ О. II, I, 572.
 Крюденеръ б-сса I, 328, 329, 332—
 334, 345, 420.
 Крюковъ кап. II, 510.
 Крюковъ поруч. II, 273, 274.
 Кудиновъ Н. С. I, 467.
 ла-Нудрэ II, 861.
 Кудрявцевъ I, 80.
 Кузнецовъ II. пор. I, 265.
 Кузнецовъ II, 470.
 Кузьминъ I, 45, 72.
 Куколевскій О. М. II, 221.
 Куколевскій ген. II, 221.
 Куколевскій г.-м. II, 212.
 Кулачковскій Д. М. I, 407.
 Кулешевъ ген. лейт. I, 264.
 Кулешевъ I, 253.
 Куличкинъ I, 721.
 Кумыцкій кн. I, 160.
 Купріяновъ полков. I, 264.
 Куракина Л. I, 214, 853; II, 118, 119,
 845.
 Куракина кн. I, 143, 207, 219, 416,
 530.
 Куракинъ А. ен. I, 846.
 Куракинъ А. Б. кн. I, 272, 315, 321,
 486.
 Куракинъ Б. II, 858.
 Куракинъ I, 145, 214, 318, 853; II,
 330, 331.
 Куракины II, 118.
 Курочкинъ I, 55, 81.
 Кустодіевъ К. протоіерей I, 290.
 Кутайсовъ И. II. I, 322, 485, 486,
 II, 14.
 Кутайсовъ гр. I, 270, 271, 324.
 Кутайсовъ гр. I, 294, 316, 417, 484,
 486, 493; II, 303, 305, 313.
 Кутайсовы гр. I, 271.
 Кутлубицкая А. Н. I, 299.
 Кртлубицкая Ю. Н. I, 299.
 Кутлубицкій А. Н. I, 313.
 Кутлубицкій I. I, 295, 301, 322.
 Кутлубицкій I. Г. I, 311, 313.
 Кутлубицкій I. П. I, 314.
 Кутлубицкій Н. I, 313.
 Кутлубицкій Н. Н. I, 299, 312.
 Кутлубицкій Н. О. г.-ад. I, 258—265,
 294—326, 484—513, 754—761; II,
 7—16.
 Кутлубицкій П. Н. I, 299, 498.
 Кутлубицкій ген.-лейт. II, 309, 310.
 Кутузовъ ген. II, 508, 509.
 Кутузовъ губ. I, 272, 273.
 Кутузовъ кап. I, 263, 264.
 Кутузовъ I, 225, 847; II. 329, 510,
 511, 515, 525, 528.
 Кутыркинъ И. II, 583.
 Куша I, 80.
 Кушелевъ-Безбородно гр. I, 334.
 Кушелевъ I, II, 804.
 Кушелевъ ген.-лейт. I, 263.
 Кушка Д. гетм. II, 242.
 Кушъ I, 84.
 Куэно I, 527, II, 747, 849,
 Кюхельбенеръ лейт. II, 273, 277.

- Лабзинъ А. Ф. II, 676.
 Лабоденскій А. Е. I, 243, 248—252.
 Лабоденскій I, 244—248.
 Лаваль г-жа I, 429.
 Лавровскій II, 138.
 Лагарпъ ген. I, 124, 125, 415—418, 425, 432.
 Лаговскій I, 814.
 Лагорио кап. II, 189.
 Лазаревичъ подпоруч. I, 263.
 Лазаревъ К. I, 246.
 Лазаревъ М. II, I, 736, 737, 740.
 Лазаревъ I, 738.
 Лалаевъ II, 211.
 Ламалинъ II, 455.
 Ламбертъ гр-ня II, 412.
 Ламбертъ ад. II, 178.
 Ламбертъ гр-ья. II, 192.
 Ламоттъ гр-ня I, 330.
 Лампорисвери II, 178.
 Ламуссели гр. I, 544.
 Ланддорфъ док. II, 470.
 Ланжеронъ I, 543.
 Ланская г-жа II, 119.
 Ланской, I, 262, 263.
 Лаппа подпоруч. II, 278.
 Лаптовъ г.-м. II, 521.
 Ларионовъ Ф. сек.-маіоръ I, 257.
 Ларистонъ I, 374.
 Ларошжакеленъ I, 132.
 Латуръ-Мобуръ I, 374.
 Лафонъ I, 589.
 Лачиновъ II, 119.
 Лебедевъ I, 558.
 Левашева I, 129.
 Левдикъ П. Ф. I, 671.
 Левеширнъ лейт. II, 447.
 Левицкій В. I, 292.
 Легонинъ В. А. I, 13, 14.
 Легонинъ I, 15, 17, 19, 20.
 Лелонгъ А. К. II, 52—103, 778—808.
 Леманъ I, 125.
 Лентцъ II, 867, 868.
 Леонтій (Пельяцкій) еп. Пинскій II, 230.
 Леонтьева Н. II, 598—605.
 Леонтьевъ А. II, 598—617.
 Леонтьевъ В. II, 610.
 Леонтьевъ И. II, 610.
 Леонтьевъ М. II, 297, 298, 301, 504, 598, 755—778.
 Леонтьевъ П. II, 610, 613.
 Леонтьевъ Н. В. II, 319.
 Леонтьевъ П. М. II, 297.
 Леонтьевъ кап. II, 553, 555.
 Лермонтовъ Е. II, 375.
 Лермонтовъ I, 468.
 Лесли гр. I, 649.
 Лестокъ ген. II, 514, 517.
 Лефевръ марш. II, 525.
 Лефортъ II, 502.
 Лешковъ О. II, I, 572.
 Ливень П. А. кн. I, 38.
 Ливень К. А. гр. II, 307.
 Ливень Ш. К. кн-ня II, 301.
 Ливень гр. I, 258, 259; II, 176.
 Лимпфенъ ген. II, 511.
 Лисаневичъ ротм. I, 261.
 Лисовскій I, 628; II, 274.
 Литвиновичъ С. I, 279.
 Лита гр-ня I, 422, 516, 533, 534; II, 113, 285, 289, 745, 746, 751, 858, 865.
 Лихачевъ П. II, I, 443.
 Лихачевъ Ѳ. Ѳ. I, 646, 650, 654; II, 329.
 Лихтенштейнъ кн. I, 635.
 Лобановъ А. кн. I, 117.
 Лобановъ I, 607.
 Лобановъ-Ростовскій I, 96, 300, 302.
 Лобачевъ II, 539, 540, 543.
 Лобода полк. II, 232, 235, 237, 238.
 Ловчиковъ И. Б. II, 398.
 Лодыженскій II, 760.
 Лодз бар. I, 345, 346.
 Ломоносовъ М. I, 293, 446, 461; II, 302.

- Лонгиновъ I, 324.
 Лонэ док. II, 739.
 Лопатинъ К. I, 41.
 Лопатинъ I, 23, 24, 38.
 Лопухина А. I, 302.
 Лопухина А. Н. I, 485, 509.
 Лопухина Е. II, 366, 498, 499.
 Лопухинъ А. А. II, 582, 583.
 Лопухинъ И. В. II, 647—678, 781—828.
 Лопухинъ П. П. кн. I, 300—302, 307.
 Лолухинъ кн. I, 297, 302, 303, 305.
 Лопухинъ I, 254.
 Лопухины I, 230, 302, 485.
 Лореръ майоръ II, 273.
 Лористонъ I, 372; II, 205, 211, 215.
 Лорисъ-Мелиновъ I, 183; II, 205, 212, 216.
 Лузановъ подполк. II, 218.
 Лукарисъ К. II, 241.
 Лукинъ М. подполк. II, 274.
 Лукичъ В. I, 292.
 Лунина I, 543.
 Луцевинъ О. I, 257.
 Лызловъ А. И. II, 402, 403.
 Лыковъ Н. А. I, 247.
 Львова А. В. кн. I, 469.
 Львова княж. I, 465.
 Львовъ А. кн. I, 640.
 Львовъ А. Л. I, 320.
 Львовъ С. священ. II, 105, 107.
 Львовъ губ. I, 322.
 Лѣнивцевъ А. А. II, 814.
 Любимовъ П. А. I, 37.
 Любимовъ I, 105, 200.
 Люблинскій II, 272.
 Любомірскій Ю. кн. II, 135, 137.
 Людовикъ IX, I, 443.
 Людовикъ XVI, I, 118, 119, 133, 415, 511, 849; II, 863.
 Людовикъ XVII, 440; II, 294.
 Людовикъ XVIII, I, 119, 133, 146, 220, 226, 269, 270, 274, 413, 415, 416, 420, 429, 523, 541, 716; I 294, 300, 742, 855, 861, 863.
 Люсьенъ II, 745.
 Лянцкоронскій гетм. II, 27, 30.
 Ляпинъ Т. I, 91.
 Ляпуновъ П. воєв. I, 154, 172, 628.
 *
 Мазепа И. гетм. II, 372—375, 385—406.
 Мазепа О. II, 238.
 Мазовецкій К. кн. I, 824.
 Майдель г.-м. II, 206.
 Майновъ Л. II, 357.
 Майковъ П. М. I, 296.
 Макарій патр. II, 490.
 Макаровъ вице-адм. I, 727.
 Макаровъ кап.-лейт. I, 737.
 Макдональдъ марш. II, 865.
 Маккаръ аб. II, 284, 288.
 Маккиавелли I, 771.
 Маккъ ген. II, 509.
 Маклаковъ А. П. I, 23, 24.
 Максимовичъ С. И. I, 322.
 Максимовичъ I, 311.
 Маленькій М. А. I, 292.
 Малинскій Д. II, 254.
 Малишъ ад. II, 135.
 Малышниковъ А. I, 91.
 Малютинъ П. О. I, 495.
 Малютинъ полк. I, 263, 264.
 Мамонтова г-жа I, 469.
 Мамонтовъ I, 58.
 Манахтинъ полк. II, 511.
 Мансурадзе II, 410.
 Мансуровъ Я. I, 236, 240, 242.
 Мансфельдъ гр. I, 634, 635.
 Мантейфель I, 373.
 Манштейнъ ад. II, 501, 502.
 Маргарита инон. II, 492, 493, 494, 495.
 Маргарита царев. II, 497.
 Мардфельдъ послан. I, 237.
 Маре I, 414.

- Марились П. П.** 347.
Марина М. П. 488.
Маринъ поруч. П. 322.
Марія Александровна Им. I. 344, 348, 350.
Марія Алексѣевна Царѣв. П. 354, 489, 492—496.
Марія-Антуанета Им. I. 119, 330.
Марія Ильинишна іџ. П. 370, 490.
Марія Николаевна В. Кн. П. 440.
Марія Ѳедоровна Им. I. 116, 130, 131, 272—274, 299, 317, 349, 396, 398, 500; 502, 757, 758, 776; П, 308.
Мармонъ I. 372.
Марселинъ I. 652, 655, 659, 660.
Мартосъ И. П. худ. I. 175.
Марказовъ П. 211.
Маркевичъ Н. П. 26, 35, 40, 231, 249, 257, 261.
Маркловскій бар. П. 524, 527.
Маркова Е. О. I. 803.
Маркова I. 851.
Марковичъ А. М. П. 485.
Марковичъ I. 322.
Марковъ гр. I. 120—122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 414.
Марковъ гр. I. 417, 419, 424, 426, 428, 430, 433; 434, 437—440, П, 117, 279, 285, 286, 741, 742—744, 746, 867, 868.
Марковъ I. 210, 228, 423, 852; П, 115, 121, 282, 284, 870.
Марѳа инокиня I. 171, 173, 174, 178, 456; П, 164, 351, 352—354, 489—491.
Маслова Е. О. I. 782; П, 78.
Маслова I. 808.
Масловъ А. М. губ. П. 721, 730, 732, 733, 734.
Матвѣвъ бояр. I. 456.
Матвѣвъ П. 359, 360, 371.
Мауреръ Г. Я. I. 334.
Мауреръ Е. Я. I. 332—334.
Мауреръ I. 332, 333, 358.
Мауссъ архитект. I. 611, 612, 622, 809.
Мауссъ I. 815, 816.
Маховъ С. С. I. 248.
Машинъ лейт. П. 479.
Медвѣдевъ С. П. 363, 364, 367.
Медичи М. П. 850.
Мезенцовъ I. 18.
Мезецкій I. 230.
ла-Мезонфоръ I. 544.
ла-Мезонфоръ I. 541, 542, 544, 546; П, 865.
Мейеръ I. 339.
Мейльанъ П. 111.
Мелендорфъ фельдм. П. 514.
Мелессино П. И. I. 295, 315.
Мелиссино ген. I. 259.
Мелетій мит. I. 585.
Мельгуновъ А. П. ген.-губ. П. 786.
Мельгуновъ И. И. П. 64.
Мельгуновы П. 57, 64, 80.
Мельниковъ П. 108.
фонъ-Менгденъ А. I. 659.
Мензбиръ М. А. проф. I. 31.
де-Ментенонъ г-жа I. 141.
Меньшиковъ А. Д. кн. I. 461.
Меньшиковъ кн. П. 531.
Меньшиковъ поруч. П. 541.
Меньшиковъ П. 500—502.
Меньщиковъ П. 191.
Меркуловъ I. 263.
де-Местръ гр. I. 531, 532, 548; П, 118, 280.
Метемъ Г. И. I. 719.
Мещерская А. Б. кн. I. 339.
Мещерская кн. П. 5.
Мещовскій I. 230.
Мигай подп. I. 319.
Миклашевская А. П. I. 313, 321.
Миклашевскій П. I. 314.
Миллеръ В. I. 19.
Миллеръ академ. I. 553, 555, 561, 564, 565.

- Миллеръ ген. II, 511.
 Миллеръ I, 45; II, 210.
 Миловановъ И. подполков. I, 265.
 Милоглядовы II, 56, 80.
 Милорадовичъ кап. I, 262, 264.
 Милославская Д. II, I, 456.
 Милославская М. И. II, 161, 355.
 Милославскіе I, 230; II, 360, 490.
 Милославскій И. Б. I, 456.
 Мильгаузенъ I, 572.
 Милюковъ А. II, I, 776.
 Милюковъ П. Н. I, 10, 12.
 Милюковъ прив.-доц. I, 46, 53, 55.
 Милюковъ I, 14, 43, 58, 59.
 Милютинъ I, 105.
 Минаевъ I, 45, 83.
 Мининъ К. I, 175, 625—628.
 Минихъ II, 501.
 Минкина П. II, 16.
 Мирабо II, 775.
 Мирбо I, 375.
 Мировичъ II, 260.
 Мироновъ II, 523.
 Митропольскій I, 10, 21—23, 35—38, 41, 43.
 Митрофанія игум. I, 511.
 Митрофанъ іером. I, 653.
 Митьковъ полк. II, 274.
 Михаилъ архіеп. Черниговск. и Нѣжинскій I, 759; II, 804.
 Михаилъ (Копыстенскій) еп. Черемшльскій II, 230.
 Михаилъ (Рогоза) мнт. II, 231.
 Михаилъ Павловичъ В. Кн. I, 498: 758, II, 177—180.
 Михаилъ Ѳедоровичъ Царь 147—149, 541, 156, 159, 160, 163, 166, 167, 169, 171, 173, 174, 194, 196, 201, 230, 456, 640, 642, 645—647, 654,—656, 658, 662, 663; II, 173, 251, 345, 346, 352, 483.
 Михаилъ Царь I, 175—177, 625—628.
 Михайловъ А. I, 242.
 Михайловъ II, 322, 323.
 Михельсонъ ген. I, 297, 324.
 Мишель кн-ня I, 211, 522, 523, 538; II, 119, 749.
 Мишель пр-сса I, 220.
 Мищенко полк. II, 187.
 Мнишекъ М. I, 154, 155, 157—159, 161, 163, 164, 166.
 Могилянскій II, 260.
 де-Модень II, 853.
 Модерахъ К. Ф. I, 501.
 де-Модрейль I, 376.
 Мозавскій ген. II, 314.
 Мозгалевскій подпоруч. II, 273.
 Мозганъ подпоруч. II, 273.
 ла-Мозонфоръ I, 535.
 Моклеръ корн. I, 261.
 Молевъ I, 752.
 Молчановъ ген. II, 614.
 Молчановъ I, 263.
 Мольеръ I, 223, 775, II, 859.
 Монастырскій А. И. I, 571.
 Монигетти архит. I, 348.
 Монморъ гр. I, 261.
 Монсъ А. I, 230.
 Мончаловскій О. А. II, 141, 143.
 Моранъ ген. II, 860.
 Мордвинова I, 511.
 Мордвиновъ Д. М. кап. II, 315.
 Мордвиновъ Н. С. гр. I, 337, 497, 749, 754, 755.
 Мордвиновъ кап. II, 320, 323.
 Моринъ поруч. II, 315.
 Мориць док. II, 771.
 Моркова I, 535.
 Морковъ гр. I, 514, 515, 519, 521, 522, 525, 527—529, 533, 536, 539—541, 547.
 Морнозовъ полк. II, 195.
 Моро Ѳ. I, 128.
 Моро I, 217, 736.
 Морозова З. Г. I, 469.
 Морозовъ А. I, 240.
 Морозовъ Б. II, 658.
 Морошкинъ О. II, I, 572.

Морсочниковъ II, 756.
 Мортъе ген. II, 509.
 Мосальскій I, 230.
 Мошинскій серж. I, 321.
 Мстиславскій О. И, бодр. I, 173, 175.
 Муловской кап. I, 726.
 Муравьевъ-Амурскій гр. II, 430.
 Муравьевъ-Апостоль М. подполк. II, 271.
 Муравьевъ А. полк. II, 272, 273, 276.
 Муравьевъ М. I, 757.
 Муравьевъ Н. кап. II, 271.
 Муравьевъ Н. Н. II, 205, 223, 406.
 Муравьевъ ген. I, 335.
 Муравьевъ полк. I, 260.
 Муравьевъ I, 191; II, 193, 199.
 Мурать султ. I, 151.
 Муринъ Г. II, 143.
 Муромцевъ I, 426, 519, 523, 528.
 Мусинъ-Пушкинъ гр. I, 316; II, 264, 265, 277.
 Мутье марк. I, 809.
 Мутье I, 600—602, 604, 605, 607, 611, 614.
 Мухановъ полк. I, 261.
 Мухановъ шт.-кап. II, 274.
 Мюрать I, 415; II, 289, 509, 745, 846.
 Мягкій I, 275.
 Мясново В. Д. II, 396.
 Мясоѣдовъ I, 191.
 Мятилева г-жа I, 543, 546—548.

*

Набоковъ I, 191.
 Наводчиновъ I, 750.
 Надеждинъ II, II, 569.
 Назаровъ ген. II, 207.
 Назаимовъ шт. кап. II, 278.
 Накрачевъ-Нораганъ В. I, 158.
 Наливайко Д. II, 234, 247.
 Наливайко П. II, 234.
 Наливайко гетм. II, 240, 247.
 Наливайко П, 235—237.

Нальшиниковъ А. I, 92.
 Налѣвкинъ I, 82.
 Напетти г-жа II, 195.
 Наполеонъ I, 6, 117, 138, 141, 144, 209, 214, 217, 335, 361, 362, 364, 368—372, 404, 412, 415, 498, 544, 586, 599, 606, 607, 796; II, 102, 123, 125, 280, 290, 425, 428, 430, 431, 436—739, 445, 508—517, 526, 527, 560, 565, 610, 835, 846, 854, 857, 869.
 Нарышкина А. И. I, 719.
 Нарышкина А. П. I, 469.
 Нарышкина Л. П., 119.
 Нарышкина М. I. I, 321.
 Нарышкина П. П., 158.
 Нарышкина I, 331.
 Нарышкинъ А. А. I, 717, 719.
 Нарышкинъ А. Л. I, 495; II, 308, 309.
 Нарышкинъ В. I, 425.
 Нарышкинъ В. С. ген.-майоръ I, 719.
 Нарышкинъ Д. II, 862.
 Нарышкинъ И. В. I, 717.
 Нарышкинъ Л. II, 492, 865.
 Нарышкинъ Л. А. I, 315, 321.
 Нарышкинъ П. А. I, 712.
 Нарышкинъ С. М. ген. II, 574.
 Нарышкинъ полк. II, 276.
 Нарышкинъ I, 484, 518, 718; II, 313, 314, 331, 707, 859.
 Нарышкины I, 230, 231; II, 359, 360, 366, 371, 490.
 Наталья Алексѣевна Царев. II, 493, 494, 496—503.
 Наталья Кириловна Ц. II, 351—360, 366, 371, 490.
 Наталья Петровна Царев. I, 460.
 Наумовичъ И. Р. свящ. I, 669, 670; II, 126—143.
 Наумовъ II, 9.
 Нахимовъ I, 737.
 Неверовская М. И. II, 178.
 Неверовскіе II, 174.

- Неверовскій А. А. II. 174—226, 406—446.
- Невзоровъ М. И. II. 797, 798.
- Недругайло полк. II. 260.
- Ней марш. II, 289, 525.
- Нейдгартъ А. А. I. 110.
- Нейдгартъ I, 182.
- Нейпергъ ген. I, 365.
- Неккеръ I. 118.
- Неклюдова М. Н. I, 465.
- Некрасовъ I. 12—22, 40, 50, 56, 59.
- Нелединскій Ю. А. I, 186.
- Нелидова II, 193.
- Нелидовъ майоръ I. 318, 319.
- Нельсонъ лордъ I. 729, 733.
- Немоевскій С. I. 179.
- Немчиновъ И. I, 463.
- Неплюевъ Л. Р. II, 380, 383, 384, 400, 401.
- Неплюевъ I, 323; II. 373.
- Несвицкая М. О. кн. II. 760.
- Нессельроде г-жа I, 146.
- Нессельроде I, 522; II, 856, 870.
- Нечаевъ I. 184, 200.
- Нечай есаулъ II, 37.
- Нивелеръ I, 417.
- Никитинъ Е. I, 239, 242.
- Никитинъ II, 516.
- Николаевъ Р. лек. II, 385.
- Николаевъ I, 482; II, 303.
- Николай еп. I. 406.
- Николай Александровичъ Цесар. I, 462.
- Николай Михайловичъ В. Кн. I, 295.
- Николай Николаевичъ В. Кн. II. 440.
- Николай Павловичъ Им. I, 7, 59, 262, 267, 299, 275, 309, 324, 335, 336, 353, 495, 498; II, 57, 57, 102.
- Николь аб. I, 542.
- Никонъ патр. I, 459; II, 489, 490.
- Никулинъ М. II, 570—576.
- Ниродъ гр. II, 203, 212, 223.
- де-Ноаль г-нъ I, 544, 548, 853; II, 858, 865, 869.
- Новиковъ П. Н. II, 663.
- Новиковъ I, 96, 591, II, 786, 789, 798, 800, 802.
- Новицкій I. полк. II, 394, 405.
- Новосильцева II, 742.
- Новосильцевъ Л. воев. I, 151.
- Новосильцевъ В. Г. I, 736; II, 512.
- Норова А. В. I, 756.
- Норовъ А. С. I. 811, 812.
- Норовъ полк. II, 274.
- де-Нуазевиль г-жа I, 139, 142, 144—146, 207, 210—219, 226, 227, 413, 418, 419, 422, 433, 438, 517, 524, 529, 535, 539, 541, 543—546, 846, 847—854; II, 110, 118, 279, 283—285, 288, 742, 743, 849, 866, 868.
- Нульесь II, 862.
- *
- Обергъ I. 137, 139, 216, 526; II. 739.
- Оболенская А. кн. I, 454.
- Оболенскій Е. кн. II, 271.
- Оболенскій О. Т. кн. I. 645.
- Оболенскій I. 230.
- Оболонскіе I. 311.
- Обольяниновъ Н. X. I, 495.
- Обольяниновъ II, 303.
- Обресковы I, 511.
- Обуховъ подполк. II, 532, 562.
- Огарева II, 755.
- Огневъ проф. I. 36—41.
- Одинцовъ I, 728.
- Одоевская Е. О. кн. I. 147.
- Одоевскій И. П. кн. I. 163, 165, 166.
- Одоевскій Н. И. кн. I. 147.
- Одоевскій кн. I. 230; II, 273.
- Озерецковскій проф. II, 335.
- Окуловичъ II, 260.
- Олешницкій М. I, 178.
- Олсуфьевъ I, 96, 182, 261, 264.
- Ольшевскій ген. II. 213.
- Омаръ I, 608.
- Омеръ-Папа II, 409.
- Орбельянъ Г. Д. II. 206.
- Орбельянъ кн. II, 185—189.

- Ордынъ-Нащокинъ П. 358.
 Оржицкій шт.-ротм. П. 277.
 Орнидосоновъ Г. I, 115.
 Орлицкій I. 80.
 Орлова А. гр. П, 6.
 Орловскій П. I, 81.
 Орловскій I. 84.
 Орловъ А. гр. I, 855.
 Орловъ А. Г. гр. П, 796, 797.
 Орловъ Ф. гр. П, 796.
 Орловъ майоръ П, 224.
 Орловъ П, 179.
 Орловъ-Чесменскій гр. П, 331, 785.
 Осиповичъ К. П. 410.
 Осиповъ проф. I. 81, 85.
 Османъ П. султ. П, 244.
 Остерманъ г-жа. I. 214, 423, 533—536, 539.
 Остерманъ И. П. 585.
 Сстерманъ гр. I. 138, 143, 146, 208, 216, 225, 316, 363, 366, 367, 528, 530, 532; П, 501, 502, 845.
 Острицкій С. гетм. П. 257, 258, 260.
 Островскій М. Н. мин. I. 182, 184, 186, 187, 188.
 Островскій I. 98, 109—111, 181, 182, 191.
 Остраглазовъ док. I, 769.
 Острожскіе кн. П. 248.
 Острожскій А. П. 248.
 Острожскій К. кн. П. 27, 37, 241.
 Острожскій А. К. кн. П. 247.
 Острожскій К. К. П. 234, 247, 248.
 Острожскій Я. П. 248.
 Остроумовъ А. А. I. 9, 10.
 Остроумовъ I. 12, 13, 36—39.
 Остъ-Готландскій герц. П. 307.
 Ошандо-де-ла-Бандъ гр. I. 328, 329.
- *
- Павалишинъ А. I. 466.
 Павелъ Им. I, 6, 121, 258, 265, 269, 270, 294—325, 474, 785, 487, 493—500; 509—513, 723, 725, 727, 729, 732, 734, 757, 759, 795, 796, 799; П. 7, 14, 297—326, 764, 797, 806, 818, 826, 832.
 Павленной поруч. П. 539.
 Павловичъ А. И. I, 291, 405.
 Павловъ А. П. проф. I. 23.
 Павловъ А. С. I. 12, 31, 44.
 Павлюкъ гетм. П, 255, 256, 257.
 Пазухинъ подпоруч. П. 449.
 Панье I. 375; П, 123.
 фонъ-дербъ-Паленъ П. А. бар. I, 485; П, 307, 313, 320.
 Паленъ I, 261, 272, 294, 307, 485, 486, 494, 495; П, 311, 321, 322, 326, 327.
 Палеологъ С. П, 161, 166.
 Палицынъ А. келарь I, 172, 174.
 Палицынъ I. 322.
 Пальмина Н. И. П, 9, 12.
 Пальфи I, 227.
 Панаевъ П. 49.
 Панафидинъ В. И. I, 736.
 Панина А. А. I, 465.
 Панина гр. П, 743.
 Панинъ П. П, 590.
 Панинъ гр. П, 320, 324, 327, 860.
 Пановъ Е. М. I. 247.
 Пантовъ I, 576.
 Паншинъ В. I, 246.
 Панютина Л. И. I, 498.
 Панютина Н. И. I, 313.
 Пасбиргъ О. I, 660.
 Паскевичъ кн. I. 381; П, 441.
 Пассекъ г.-м. П, 532.
 Патрикѣевъ И. И. I. 642, 648.
 Пашковъ В. А. об.-гофм. I, 511.
 Донъ-Педро Им. I. 349.
 Пемкюевъ I, 115.
 Перебийнось К. полк. П, 44.
 Перевощиновъ Д. I, 572.
 Переяславскій Я. О. В. I. 446.
 Перхуровъ В. Ф. полк. П, 379.

- Пестель полк. II, 271.
 Пестовъ подпоруч. II, 272.
 Пестовы II, 762, 764.
 Петковичъ I, 603.
 Петровскій С. А. I, 18.
 Петровскій I, 81.
 Петровъ II, I, 256.
 Петровъ Я. I, 239, 241, 242.
 Петръ I, 5, 6, 147, 153, 231, 278, 315, 318, 460, 461, 553—556, 568, 569, 768, 789; II, 264, 305, 317, 329, 350, 352—361, 366—371, 374, 379, 383, 387, 389, 391, 396, 398, 399, 402—405, 480, 485, 486, 490—500, 529, 559, 838, 855,
 Петръ II, 171, I, II, 496; 500, 501, 503.
 Петръ III, I, 321; II, 807.
 Пeutлинъ А. А. ген. II, 582, 585.
 Пeutлинъ поруч. II, 595.
 Пій II, I, 630.
 Пій VII, I, 128.
 Писаревъ ген. II, 614.
 Писаревъ II, 755.
 Питиримъ архим. II, 265.
 Пишегрю I, 123, 128, 132.
 Пізтри ин. II, 439.
 Платоновъ С. О. проф. I, 152, 625.
 Платоновъ I, 371.
 Платонъ, архим. II, 841.
 Платонъ мит. Московскій II, 333, 663, 667, 806, 807.
 Плева I, 94, 97.
 Пленковичъ И. I, 442.
 Плехановъ поруч. II, 534.
 Плещеевъ С. И. II, 803—817.
 Плещеевъ ген. I, 318.
 Плещеевъ I, 486.
 Площанскій В. М. II, 143.
 Плъхановъ маіор. I, 113.
 Плюшаръ I, 143, 226.
 Побѣдоносцевъ К. II, I, 399.
 Побѣдоносцевъ I, 98, 109—111, 181, 182, 184, 187, 188, 191.
 Повало-Швейковскій П. О. I, 736.
 Повало-Швейковскій полк. II, 272.
 Погодинъ М. II, II, 139.
 Погожевъ Д. С. I, 166, 167.
 Поджіо подполк. II, 272.
 Поджіо шт. кап. II, 274.
 Подобай есаулъ II, 260.
 Пожарскій Д. кн. I, 163, 625—627.
 Пожарскій Д. М. кн. I, 172, 175.
 Пожарскій кн. I, 165, 175.
 Полжиць Г. I, 635.
 Полевой II, 777.
 Поливановъ И. II, I, 467.
 Поливановъ полк. II, 275.
 Полиньякъ I, 119, 144, 542.
 Половцевъ I, 96.
 Полоцкій С. II, 354, 356, 357, 363, 371, 490.
 Полочаниновы I, 511.
 Полторацкій К. поруч. II, 315.
 Полторацкій поруч. II, 320; 323, 325.
 Полуботко Л. полк. II, 374, 386, 396, 397.
 Поль I, 844, 851, 856.
 Полънова Е. Д. I, 469.
 Полянъ А. I, 256.
 Понятовскій гр. I, 337, 372.
 Попко И. Д. I, 553, 562, 567.
 Поповичъ В. I, 278, 283, 290.
 Поповъ В. С. II, 796.
 Поповъ Н. А. I, 292.
 Поспѣловъ проф. I, 54.
 Постниковъ О. I, 664.
 Постыличъ есаулъ II, 260.
 Потаповъ I, 94.
 Потемкина Т. Б. гр. I, 340.
 Потемкина Т. II, 119.
 Потемкина II, 750.
 Потемкинъ кн. I, 509, 521.
 Потемкинъ I, 428, 530, 543, 545, 549, 550, 799; II, 118, 749, 862.
 Потоцкій П. I, 489.

- Потоцкій гетм. II, 256, 257, 258.
 Потоцкій гр. I, 337, 348, 349.
 Потоцкій II, 238.
 Потурай II, 260.
 Похвисневъ II, 101.
 Поццо-ди-Борго I, 438, 521, 523, 544.
 Поцѣлуевъ II, I, 474.
 Прадель г-нъ I, 539, 540; II, 859.
 Прбышевскій ген. II, 511.
 Пржевальскій В. В. I, 22.
 Прибыловъ I, 750, 752.
 Прованскій гр. I, 119.
 Прозерневичъ корнетъ, 261.
 Прозрителевъ Г. II, I, 112.
 Прозоровскій кн. II, 781—802.
 Прокудина М. А. I, 756.
 Протасова гр. I, 425, 534.
 Протасовъ I, 539.
 Протопоповъ I, 25; II, 614, 770.
 Прохоркинъ В. I, 92.
 Проѣстевъ С. М. I, 642, 648.
 Пугачевъ I, 224.
 де-Пуле I, 768.
 Путятина II, 12.
 Путятинъ А. А. кн. II, 589.
 Пушкина Е. I, 543, 548.
 Пушкина Н. А. II, 111, 112.
 Пушкина г-жа I, 551.
 Пушкинъ А. С. I, 205, 206.
 Пушкинъ II, 138, 441.
 Пущинъ кап. II, 276.
 Пыпина А. II, 490.
 Пяткинъ В. Г. г.-м. II, 367, 368.
 Пятнинъ ген. II, 269.
 *
 Радецкій II, 185, 198, 206.
 Раевскій .I. I, 644, 653.
 Раевскій г.-л. II, 547, 548, 550, 552—554, 556.
 Разумовскій А. гр. I, 851.
 Разумовскій А. К. гр. I, 476.
 Разумовскій К. Г. гр. I, 316; II, 786.
 Разумовскій гр. I, 128; II, 676.
 Разумовскій I, 845; II, 866.
 Райгъ Д. II, 382, 383.
 Раковскій И. И. I, 283, 286.
 Раменскій А. И. I, 762.
 Рапатель I, 210, 217.
 Растиньякъ I, 210.
 Растопчинъ Ф. В. гр. II, 585.
 Растопчинъ I, 308, 318, 324.
 Растрелли гр. II, 487.
 Ратмановъ кап. I, 738.
 Ратцовъ М. I, 159.
 Ратчъ ген. I, 311, 317.
 Реадъ II, 188.
 Ребель I, 269.
 Ребиндеръ полк. II, 267, 268.
 Ревеліоти есн. I, 348.
 Резановъ Н. П. камерг. II, 459, 460, 479, 481.
 Рейгъ полк. II, 373, 383.
 Рейнъ-Гартъ I, 268.
 Рейсъ кн. I, 270.
 Рейтергольмъ бар. I, 120.
 Рембовъ ген. II, 521, 522.
 Рентель I, 558.
 Ренье I, 372.
 Репнинъ Н. В. кн. II, 805, 808, 810.
 Реуттъ ген. II, 224.
 Рибопьеръ I, 846, 853; II, 110, 283, 748, 842, 846, 852, 858, 862, 866.
 Ридигеръ ген. I, 381.
 Ридигеръ гр. I, 381.
 Рихтеръ О. О. архит. I, 170, 174.
 Ришелье герц. I, 542—544.
 Ровинскій I, 93, 100, 107, 182, 183.
 Рошинскій Е. гетм. II, 27—31.
 Розенбергъ ген. I, 297.
 Розенбенгъ I, 324.
 Розень Д. Г. I, 511.
 Розень бар. II, 278, 750.
 Ролланъ II, 216.
 Романовичъ II, II, 388.
 Романовскій I, 576; II, 206, 213, 215, 219, 410—413.

- Романова А. П., 167, 168.
 Романова У. О. П., 160.
 Ромазовъ И. I, 91, 92.
 Романовъ М. Р. I, 99, 100.
 Романовъ М. О. бояр. I, 173, 175.
 Романовъ П. бояр. I, 169, 176.
 Романовъ О. Н. бояр. I, 172.
 Романовъ лек II, 374.
 Романовы Ц. I, 169—177, II, 156—173, 345—371, 489—503.
 Ромодановскій О. Ю. П, 368, 492, 493.
 Ронвюаръ I, 142.
 Рославцева А. П. I, 314.
 Россіевъ П. I, 777.
 Ростовцевъ Я. И. П, 429.
 Ростовцевъ П. 620.
 Ростовъ Н. П, 834.
 Ростовъ П. 268.
 Ростопчина г-жа I, 847, 849; П, 113.
 Ростопчинъ гр. I, 540, 544, 546; П, 13, 15.
 Ротмановъ лейт. П, 478.
 Ротъ I, 368, 370.
 Ртищевъ г.-л. I, 112, 113.
 Ртищевъ П; 358.
 Ртищевы I, 230.
 де-Рубрукъ В. I, 443, 445.
 Рубрукъ I, 453.
 Рудневъ А. В. П, 67.
 Рудневы П, 54.
 Ружинскій I, 628.
 Румянцевъ-Задунайскій П. А. гр. I, 296, 297, 301, 310, 313, 315, 316, 319; П, 486, 487.
 Румянцевъ фельдм. I, 296, 297.
 Румянцевъ гр. I, 300, 313, 314, 323; П, 867.
 Румянцевъ I, 317, 320; П, 510.
 Руничъ Д. П, I, 316.
 Руничъ П, 115, 117.
 Рыжовъ I, 554.
 Рытѣевъ подпоруч. П, 271.
 Рындичъ полк. П, 260.
 Рѣзановъ Д. И. I, 501.
 Рѣпинъ шт. кап. П, 273.
 Рѣпнинъ кн. I, 263, 264.
 Рюрикъ Ростиславичъ В. Кн. I, 450.
 *
 Сабининъ Б. I, 174.
 Саблуковъ П. А. I, 306, 307.
 Саблуковъ I, 309, 319.
 Сабо Л. С. I, 252.
 Сабовъ Е. I, 292.
 Сабурова С. П, 159.
 Савалтовичъ гетм. П, 261.
 Саварй I, 414, 541.
 Савеловъ Л. М. П, 680.
 Савельевъ П, 867.
 Савинъ М. I, 248.
 Савинъ воев. I, 251.
 Сазоновъ Т. I, 245, 249.
 Саненъ ген. I, 218; П, 526.
 Сансень Кобурской пр. I, 263.
 Салтыкова П. О. П, 496.
 Салтыкова К. П, 858.
 Салтыкова гр. I, 436.
 Салтыкова кн. П, 855, 869.
 Салтыковъ А. кн. П, 285.
 Салтыковъ А. Н. I, 715.
 Салтыковъ М. П, майоръ I, 253.
 Салтыковъ П. И. гр. I, 323, 324.
 Салтыковъ П. И. кн. П, 308.
 Салтыковъ П. С. I, 460; П, 264.
 Салтыковъ гев.-фельдм. I, 325.
 Салтыковъ гр. I, 297, 316; П, 331.
 Салтыковъ кн. I, 506.
 Салтыковъ I, 254.
 Салтыковы кн. I, 511, 548.
 Самановъ кн. I, 564, 566, 567.
 Самарина В. О. I, 470.
 Самаринъ Д. О. I, 99—103, 106, 182, 190.
 Самойлова С. гр. I, 131.
 Самойловичъ гетм. П, 364, 365, 372, 384, 485.

- Самойловъ А. Н. гр. II, 308, 595, 596.
 Самойловъ М. I, 715.
 Самойловъ гр. 326, 341, 593.
 Самоквасовъ Д. Я. I, 15.
 де-Сангленъ Я. И. 302, 303, 305, 306, 307.
 Сапѣга Л. кн. II, 135.
 Сапѣга I, 628.
 Сарачевъ маіоръ II, 15.
 Сафоновъ II, 774.
 Свистуновъ I, 846, 853; II, 276, 745.
 Свѣнцицкій И. С. I, 290, 291.
 Свѣтчина г-жа I, 418—420, 427.
 Свѣчина г-жа II, 110, 858.
 Свѣчинъ II, 222, 223, 224, 226.
 Свѣчины I, 511.
 Северинъ г.-м. I, 486.
 де-Севинье г-жа I, 420; II, 851.
 Селеховъ Д. А. I, 713.
 Селиванова Л. II, I, 778.
 Селивановъ А. В. I, 467, II, 84.
 Селивановъ В. В. I, 782; II, 82, 96.
 Селивановъ В. II, I, 781; II, 80, 96.
 Селивановъ К. II, 568, 569, 576.
 Селивановъ Л. Ю. I, 789.
 Селивановъ Н. II, I, 778, 783; II, 58.
 Селивановъ Н. Н. II, 90.
 Силивановы II, 80, 90, 96, 97, 100, 102.
 Селимъ султ. I, 151.
 Селяниновъ кап.-пор. I, 263.
 Семеновъ А. I, 246.
 Сень-При гр-ня I, 527, 528, 534, 537, 539, 541, 852.
 Сень-При гр. I, 533, 536, 544, 547, 852, II, 120, 742, 847.
 Сень-При Э. I, 543.
 Сепешгазіѣ В. I, 277.
 Сербинъ кап. II, 553.
 Сергій Александровичъ В. Кн. I, 9, 52, 56.
 Сергій схим. I, 735.
 Сергѣевичъ I, 105.
 Сердюковъ В. I, 349.
 Серебряновъ I, 87.
 Серра-Наприоли герц. , 516.
 Сибирскій А. В. кн. II, 554, 558.
 Сиверсъ К. Е. I, 322.
 Сиверсъ гр. II, 513, 516.
 Сигизмундъ I II, 27, 28, 32, 227.
 Сигизмундъ II II, 34, 36, 37.
 Сигизмундъ III II, 227, 228, 235, 253, 254.
 Сикетель г.-м. II, 419.
 Сикорская А. Э. II, 84.
 Сильвестръ (Яворскій) еп. Переяславскій II, 157, 170—172.
 Симеонъ (Пашинскій) протоіер. Новгородскій II, 230.
 Ситманъ полк. II, 315, 320.
 Сицкій кн. I, 661.
 Скавронскіе гр. I, 511.
 Скобелевъ полк. I, 93, 95, 98; II, 194.
 Скопинъ М. кн. I, 172.
 Скопинъ-Шуйскій II, 165.
 Скоропадскій И. гетм. II, 485.
 Скрыпицынъ В. В. II, 433.
 Складери I, 143.
 Слизовъ А. Г. кап.-лейт. II, 532.
 Слюнинъ I, 51.
 Смагинъ В. I, 165, 166.
 Смагинъ II. бояр. I, 160.
 Смирнова II, 752, 852, 853.
 Смирновъ И. I, 243.
 Смирновъ С. Т. I, 247.
 Собакина М. II, 158, 172.
 Собанская гр. I, 337, 338.
 Собезъ г-нъ I, 342.
 Собанинъ I, 60.
 Соболевскій А. I, 627, 628.
 Соболевъ И. I, 256.
 Созанскій И. I, 292.
 Соймоновъ Т. С. I, 564, 567, 570.
 Соймоновъ I, 553.
 Сокольскій II, 260.
 Соковнинъ П. А. I, 558.

- Соковины I, 230.
 Соколовъ Е. II, 223.
 Соколовъ II, 213, 222, 224, 226.
 Солововъ И. С. I, 778.
 Солововъ К. И. 778.
 Соловьевъ С. М. I, 155, 172, 175, 177, 400.
 Соловьевъ Н. И. II, 841.
 Соловьевъ I, 82, II, 171, 349.
 Соловцовы I, 511.
 Соломорецкая И. II, 254.
 Солонина К. полк. II, 395.
 Солтыновъ А. кн. II, 109.
 де-ла-Сомалия II, 289.
 Сорохтины I, 511.
 Соснинъ кап. II, 539, 541.
 Софья Алексѣевна Царев. I, 278, 457; II, 352—374, 383—391, 396, 402—405, 489—493, 497.
 Софоновъ полк. I, 263.
 Соханскій I, 576.
 Спафарьевъ I, 737.
 Сперанскій I, 274; II, 17, 20.
 Спиридовъ майоръ II, 271.
 Спиридоновъ М. Г. II, 819.
 Сталь г-жа I, 118, 125, 532, 536.
 Станиславъ-Августъ Кор. II, 300.
 Станкевичъ I, 299.
 Стародубскій полк. II, 380.
 Стемпковскій II, 349.
 Степановъ И. I, 248.
 Степановъ К. II, I, 457.
 Степановъ С. I, 250.
 Степнянъ I, 18.
 Стерниковъ З. I, 90.
 Стефанъ еп. Нековскій II, 840.
 Столыпина М. В. I, 356.
 Столыпинъ I, 468.
 Столѣтовъ I, 37—41.
 Стофэ I, 132.
 Страховъ I, 100, 182.
 Стремоуховъ П. Н. I, 600, 603, 604, 608, 612, 809, 813—835.
 Стрижевскій А. Л. II, 183.
 Стрижевскій Е. Л. II, 183.
 Строганова гр. I, 213, 216, 219, 223, 225, 228, 418, 423, 428, 436, 541, 542; II, 109, 110, 121, 281.
 Строгановъ А. С. гр. II, 308.
 Строгановъ бар. I, 524, 530, 548; II, 865.
 Строгановъ гр. I, 109, 175, 209, 213, 228; II, 331.
 Строгановы гр. II, 121, 753.
 Строилова А. И. II, 82.
 Стромиловъ Н. С. II, 491, 494.
 Струве П. Б. I, 468.
 де-Струве I, 270.
 Стрѣшнева Е. Л. боярышня I, 640, II, 160, 345.
 Стрѣшневъ В. И. I, 645.
 Стрѣшневъ I, 659.
 Студинскій I, 292.
 Стуковъ I, 83.
 Суворинъ I, 182, 183, 185.
 Суворовъ I, 113, 260, 305; II, 302, 312, 326, 329, 510.
 Суворовъ-Рымникскій II, 329.
 Судерманскій герц. I, 120.
 Сукинъ В. Б. I, 178.
 Сульть I, 214.
 Сульфъ II, 288.
 Сумарокова А. В. I, 238.
 Сумароковъ И. В. I, 238, 239, 241, 242.
 Сумароковъ I, 240.
 Сумбатовъ И. Г. 321.
 Супыга есауль II, 260.
 Сусанина А. I, 174.
 Сусанинъ И. I, 174.
 Сусловъ ген. II, 207.
 Суплофъ поруч. II, 273.
 Сутыга II, 236.
 Сухтеленъ гр. I, 356.
 Сучевскій полк. II, 260.
 Сученковъ I, 616.
 Сырейщикова П. А. I, 790.
 Сѣченъ И. М. проф. I, 10.

Съченновъ I, 30, 32, 37.

Сю Е. I, 722.

Сю г-жа I, 207.

Сюрмэнъ III, I, 120.

*

Таганцевъ I. 11.

Талебъ I, 608.

Талейранъ I, 126, 226, 376, 412, 432, 440, 586; II, 869, 870.

Тальцинъ ген.-лейт. II, 320.

Талыренъ II, 221.

Тальма I, 423.

Тарасовъ И. Т. проф. I, 11.

Тарасовъ I, 22.

Тарбѣевъ В. Н. II, 383.

Тарновичъ еп. I, 278.

Тарсонъ кап.-лейт. II, 275.

Тарусскій I, 230.

Татищевъ I, 293, 454; II, 156, 614.

Татьяна Михайловна Царев. II, 345, 350, 352—354, 490—493.

Телейневъ В. Р. I, 178, 180.

Телѣбиковъ Л. II, 253—257.

Темный В. В. кн. I, 454.

Темрюкова М. II, 172.

Телятевскіе кн. II, 679—692.

Тепловъ ген.-губ. I, 271.

Терлецкій В. I, 292.

Терлецкій В. док. 288.

Терновскій II, I, 572.

Терци г-да I, 538.

Тизенгаузенъ полк. II, 273.

Тильманъ I, 371.

Тимирязевъ I, 58.

Тимирязевъ I, 13, 36.

Тимофеевъ Е. I, 246, 248.

Тимофеевъ О. I, 245, 249, 252.

Тиньновъ И. кап. II, 567.

Тись К. I, 409.

Титовъ I, 208, 211, 212, 214—217, 223, 224, 228, 413, 425, 426, 518, 523, 551, 552, 855, 856; II, 294, 295.

Титушкинъ I, 340.

Тихомировъ А. I, 41.

Тихомировъ А. А. I, 30.

Тихонравовъ I, 28.

Тихонъ пресвищ. (Якубовскій) II, 727, 728, 735.

Тишковскій В. I, 322.

Ткачева О. С. I, 790.

Ткачевъ Г. А. I, 560, 562, 564, 567, 571.

Товтъ II. еп. I, 405.

Толстая Е. I, 521.

Толстая М. А. гр. I, 854.

Толстая С. II, 753, 844, 862.

Толстая гр. I, 124, 138, 214, 215, 228, 369, 424, 425, 433, 438, 439, 528, 534, 536, 539, 540, 646, 547, 844, 850—852, 855; II, 111, 112, 121, 283, 744, 747—753, 848, 852, 857, 864.

Толстой А. I, 531.

Толстой И. И. I, 105.

Толстой Э. Н. гр. I, 698, 699, 701, 703; II, 832—835.

Толстой П. гр. I, 719; II, 119.

Толстой П. А. I, 450.

Толстой гр. I, 107, 189, 190, 191, 208, 211, 212, 219, 228, 421, 425, 430, 433, 518, 521, 523, 527—529, 849, 852, 854; II, 121, 122, 278, 283, 295, 460, 843, 845, 859, 860, 864, 867.

Томавовъ И. I, 474.

Тоннеръ Ф. I, 348.

Тончи г-жа I, 543.

Торбеева Н. В. II, 340.

Тормасова г-жа I, 850.

Тормасовъ ген. I, 538, 544.

Торонскій I, 291.

Трасыло Т. полк. II, 251, 253.

Траханіотовъ Д. И. I, 663.

де-Траць г-жа I, 218, 221—223, 228.

Трегубовъ ген. II, 204, 207, 222.

Треповъ I, 190, 191.

Трескинъ губ. I, 274.

- Третьяковъ П. дьякъ I, 168.
Троокуровъ И. Б. II, 368, 369.
Трофимовъ К. I, 239, 242.
Трощинскій Д. II, II, 805, 809.
Трубецкая Д. А. кн. II, 301.
Трубецкая Л. I, 521, 530; II, 119.
Трубецкая Н. Б. кн. I, 360.
Трубецкая С. I, 530.
Трубецкая кн. II, 750.
Трубецкой Д. кн. I, 625, 626.
Трубецкой Д. Т. кн. I, 175.
Трубецкой Н. Н. кн. II, 786, 887, 791, 794, 795, 796, 797, 799.
Трубецкой кн. I, 22, 129, 428, 518; II, 271.
Трубчаниновъ II, 336.
Трусовъ В. I, 643.
Тряпицынъ кап. II, 554.
Туганъ-Барановскій проф. I, 468.
Тумановъ I, 322.
Тургеневъ А. I, 206.
Тургеневъ И. II, II, 675, 786, 797, 799.
Тургеневъ Н. II, 278.
Тургеневъ С. I, 206.
Туринъ II, 438.
Туркестанова княж. I, 116—146, 207—228, 414—437, 514—552; 845—857; II, 109—122, 281—292, 738—753, 842—871.
Туркестанова княж. I, 845—857; II, 281—292.
Турнь И. гр. I, 633, 634.
Турчаниновъ А. А. II, 575.
Турчаниновъ полк. II, 551.
ла-Туръ I, 218, 220.
Тутолмина II, 287, 288, 742, 743.
Тутолминъ Н. Н. I, 713.
Тучковъ ген.-лейт. II, 535, 536, 538.
Тучковъ I, 420; II, 262, 542, 547—549.
Тучковы I, 511.
Тѣнинъ О. И. I, 248.
Тѣнь I, 105.
Тютчевъ кап. II, 272.
Тютчевъ II, 822.
- Убриль г-нъ I, 126; II, 512.
Уварова П. П. С. гр. I, 476.
Уваровъ С. II, 110.
Уваровъ ген.-ад. II, 306, 320.
Уваровъ ген.-лейт. II, 331.
Уваровъ мин. II, 775.
Уваровы гр. I, 476.
Угримовъ I, 103.
Ульрихъ I, 222.
Умовъ Н. А. I, 14, 23, 24.
Ундольскій В. М. I, 279.
Уньовскій С. Я. I, 735, 737, 741, 749.
Устиновъ И. II, 519.
Ушаковъ I, 664; II, 554—556.
- *
- де-Фаврасъ марк. I, 119.
Фавръ г-нъ I, 531.
де-Фавръ марк. I, 138.
Фаге II, 470, 471.
Фадѣевъ I, 109.
Файо II, 854.
Фаленбергъ подполк. II, 273.
Фарфаровскій С. I, 115, 180, 376, 774; II, 125, 720, 831.
Фельд анъ I, 334.
Фердинандъ II, I, 631, 633, 634.
Фердинандъ III, I, 663.
Фердинандъ XII, I, 429.
Ферстеръ ген.-лейт. II, 337.
де-ла-Фертъ марк. I, 511.
де-Ферци маркизь I, 226, 227.
Фетисовъ II, 222.
Филаретъ игум. I, 713.
Филаретъ мит. Московскій I, 211, 765.
Филаретъ патр. I, 177.
Филаретъ старецъ I, 171.
Филиберъ I, 182.
Филимоновъ I, 214, 216.
Филиппова З. II, II, 434.
Философовъ И. I, 625—628.
Флоровъ полк. II, 551.
Фокъ подпоруч. II, 278.
Форгачъ гр. I, 384.

Фотій архим. II, 5, 6.
 Фотій патріархъ II, 233.
 Фохтъ шт. кап. II, 276.
 Франкъ Е. Л. I, 339.
 Франць Іосифъ I, 286, 287, 380, 382.
 Фредерици Г. К. II, 467, 469, 470, 471.
 Фридманъ ген. I, 368.
 Фридрихъ I, I, 636.
 Фридрихъ II, I, 635; 510, 514, 515.
 Фридрихъ III, I, 318, 630, II, 514.
 Фримонъ ген. II, 745.
 Фроловъ С. I, 243—248.
 Фроловъ подпоруч. II, 273.
 Фронхенбергъ К. маіоръ I, 557, 565, 566.
 Фурманъ кап. II, 273.
 Фурсманъ I, 576.
 Фуртовъ К. I, 463.

*

Хадзько О. И. II, 225.
 Халчинскій прист. I, 113.
 Ханенно А. I, 310.
 Ханенно А. И. I, 298, 302, 495, 499, 508.
 Ханенно В. А. I, 298.
 Ханенно I, 299, 305, 318, 484, 485; II, 14.
 Ханьковъ I, 726.
 Харкевичъ есаулъ II, 260.
 Хворостининъ И. Д. кн. I, 157, 159.
 Хвостовъ лейт. II, 479.
 Хвостовъ I, 60.
 Хитрово С. А. I, 715.
 Хитрово I, 230.
 Хлопова М. II, 158.
 Хлѣбниковъ К. Т. I, 749, 750.
 Хмельницкій Б. I; 817—843; II, 26—45, 227—262.
 Хмѣльницкій I, 311; II, 262.
 Хованская А. А. княж. I, 716.
 Хованская А. И. княж. I, 458.
 Хованская П. А. бояр. I, 457, 458.

Хованскіе кн. I, 458.
 Хованскій В. А. кн. I, 466.
 Хованскій И. А. кн. II, 361, 362.
 Хованскій П. И. кн. I, 458; II, 376.
 Ховенъ I, 486.
 Ходневичъ А. II, 248.
 Ходневичъ II, 246
 Ходзько II, 413.
 Хортелу док. II, 417.
 Хотетовская И. Л. княж. I, 712.
 Хохловъ А. I, 236.
 Хохловъ В. I, 153, 162—166.
 Хохловъ И. I, 157.
 Храцатицкій поло. II, 207.
 Хребтовъ А. I, 553, 567.
 Христіанъ IV, I, 656, 660; II, 349.
 Хруцова Н. И. II, 756.
 Хруцовъ Н. Е. II, 614, 756.
 Хруцовъ II, 755, 757, 858, 762, 769.
 Хюсъ г-жа I, 522; II, 118, 120, 279, 287.

*

Цвѣтаевъ Д. I, 629, 641, 657, 660, 662, 664.
 Цвѣтаевъ И. В. I, 19.
 Цвѣтковъ И. Е. I, 18,
 Цвѣтковъ I, 19.
 Цебриковъ II, 273.
 Циммерманъ II, 175, 181, 184, 185.
 Цурикова Е. Д. I, 712, 713.
 Цуриновъ Е. Л. 713, 714.
 Цурнановичъ И. Ю. I, 706.
 Цызыревъ I, 576.

*

Чавчавадзе кн-ня. II, 206.
 Чавчавадзе кн. II, 217.
 Чавчавадзе полк. II, 208.
 Чаплыгина А. П. II, 100.
 Чаплыгинъ II, 101, 524.
 Чарнецкій II, 262.
 Чарторижскій кн. II, 119.
 Чичеринъ II, 320.

- Чебышевъ А. П. 236.
 Чебышевъ С. I, 234, 235, 236.
 Чебышевъ I, 236.
 Челобаевъ кн. I, 261.
 Чезезовъ I, 263.
 Черевинъ I, 188.
 Чериновъ П. М. проф. I, 9, 11.
 Чериновъ I, 11.
 Черкасовъ И. А. бар. I, 477.
 Черкасовъ бар. II, 276.
 Черкасская В. А. княж. I, 147.
 Черкасская И. Б. княж. I, 147, 149.
 Черкасская М. Н. II, 173.
 Черкасскіе I, 278.
 Черкасскій А. А. кн. I, 715.
 Черкасскій А. М. кн. I, 147, 461, 462, 466.
 Черкасскій И. Б. кн. I, 147, 175.
 Черкасскій кн. I, 237.
 Черкудиновъ ротм. I, 261.
 Чернышевскій Г. И. свящ. II, 107.
 Чернышевскій I, II, 107.
 Чернышевскій Н. Г. II, 107.
 Чернышевъ А. И. гр. II, 268.
 Чернышевъ-Кругликовъ И. И. гр. I, 459.
 Чернышевъ З. Г. гр. II, 651, 652, 655.
 Чернышевъ I, 227, 316, 372, 726; II, 278, 367, 368.
 Чернышевы I, 231.
 Чертковъ Н. I, 92.
 Чертковъ I, 188; II, 224.
 Чертовиковъ А. I, 474, 475.
 Чертыгинъ С. А. I, 248.
 Чесменскій гр. II, 331.
 Четвертинскіе кн. II, 254.
 Чигиринъ II, 236.
 Чижовъ лейт. II, 278.
 Чихачевъ директ. I, 607.
 Чичаговъ Н. В. I, 727, 729, 730, 733.
 Чичаговъ контр-адм. I, 734.
 Чичаговъ I, 360.
 Чичеринъ В. I, 814, 815.
 Чичеринъ II, 311.
 Чичерина I, 230.
 Чулкова А. И. II, 81.
 Чулновъ В. И. II, 82, 85.
 Чулновъ I, 156; II, 13, 83, 86.
 Чумановъ кор. I, 261.
 Чупровъ А. И. I, 10.
 Чупровъ проф. I, 31.
 Чупровъ I, 13, 41.
 Чурай есаулъ II, 260.
 Чуриловъ поруч. II, 555.
 *
 Шабанъ I, 227.
 Шадурскій Н. П. I, 843; II, 45, 262.
 Шакловитый О. Л. II, 362.
 Шакловитый II, 354, 365—367, 498.
 Шаликова кн. II, 210.
 Шаликовъ В. Н. I, 98.
 Шамиль I, 770—774; II, 206, 221, 626, 642, 644.
 Шамшевъ I, 263.
 Шаратовъ I, 98, 107.
 Шаретто I, 132.
 Шарлота кронпр. И, 497, 500.
 Шарнгарнье адм. I, 341.
 Шарнгорстъ ген. I, 361.
 Шарыгинъ кап. II, 639, 640.
 Шателино I, 132.
 Шатиловъ I. Н. I, 99.
 Шатиловъ I, 93.
 Шатобрианъ I, 226.
 Шахировъ поруч. II, 274.
 Шаховская кн. I, 107; II, 858.
 Шаховской Л. I, 182, 188.
 Шаховской Ф. кн. II, 274.
 Шаховской кн. I, 105, 323.
 Шахъ есаулъ II, 43.
 Шашкевичъ Г. I, 279.
 Шевичъ ген. I, 373.
 Шевченко I, 292; II, 138.
 Шелгуновъ I, 84.
 Шелиховъ Г. И. I, 750—753.
 Шенбери Э. I, 379.
 Шепелевъ Д. А. ген. I, 238, 239, 241, 242.

- Шепелевы I, 231.
 Шеппингъ бар. II, 857, 866.
 Шептуновъ Казы-Мурза I, 160, 161, 167.
 Шереметева А. С. I, 464, 465.
 Шереметева В. А. гр. I, 461.
 Шереметева М. В. бояр. I, 658.
 Шереметева У. И. II, 489.
 Шереметева гр. I, 852; II, 852, 853.
 Шереметевъ А. В. I, 462, 465.
 Шереметевъ В. В. I, 461.
 Шереметевъ В. II. бояр. I, 149, 658.
 Шереметевъ Н. В. I, 479, 481.
 Шереметевъ Н. И. бояр. I, 663.
 Шереметевъ Н. II. гр. I, 463, 474.
 Шереметевъ П. В. гр. I, 147, 148, 462, 473, 479.
 Шереметевъ П. В. бояр. I, 663; II, 380.
 Шереметевъ П. С. гр. I, 443—471, 473—483.
 Шереметевъ С. гр. I, 149, 343, 344, 465, 624.
 Шереметевъ Ю. II. I, бояр. 147,—149, 174, 623, 624, 652, 658, 663; II, 348.
 Шереметевъ I, 149, 473—475, 479, 483; II, 308, 331, 379.
 Шереметевы бояр. I, 658.
 Шереметевы гр. I, 476.
 Шестунова (Шестова) Ф. И. I, 170.
 Шетнева Е. Н. I, 307.
 Шеферъ док. I, 739, 740.
 Шеховичъ С. Г. I, 283.
 Шеховцевъ ад. II, 559.
 Шидловскій в.-губ. I, 271.
 Шидловскій I, 261.
 Шильдеръ Н. К. I, 302, 485.
 Шильдеръ I, 316.
 Шимковъ подпоруч. II, 273.
 Шимонъ I, 444.
 Шишкова II, 13.
 Шишковскій С. И. II, 798.
 Шлезвигъ-Голштинскій В. гр. II, 346.
 Шликъ И. ген. I, 630, 631, 635.
 Шликъ I.—А. I, 632—636.
 Шликъ К. I, 630.
 Шликъ М. гр. I, 638, 639, 651, 657, 664.
 Шликъ Ю. I, 632.
 Шликъ Я.—А. I, 633.
 Шликъ Матиасъ—Сигизмундъ гр. I, 719—664.
 Шликъ ген. I, 380.
 Шликъ гр. I, 379.
 Шликъ гр-фы I, 632.
 Шлюттёръ бар-сса II, 175.
 Шляковскій Л. А. кн. I, 643, 653, 655, 657, 661.
 Шляпкинь И. А. II, 498, 499.
 Шнейдеръ В. II. I, 466.
 Шнейдеръ ген. II, 614, 615.
 Шольцъ шт.-кап. II, 627, 628.
 Штедингъ бар. II, 307.
 Штейнвернъ бар. II, 616.
 Штейнгель бар. I, 720, 734; II, 275.
 Штейгеръ I, 607.
 Штиглиць бар. I, 470.
 Штофъ шт.-лек. II, 320.
 Штрандманъ Г. Г. ген. II, 593, 594.
 Шуазель г-жа II, 281.
 Шуазель гр. I, 356.
 Шуваловъ В. I, 109.
 Шуваловъ И. И. I, 293; 798.
 Шуваловъ гр. I, 190, 318, 414, 416, 544, 754; II, 564.
 Шуваловы I, 231.
 Шуйскій В. И. Царь I, 153, 154, 163, 171, 172.
 Шуйскіе кн. II, 679.
 Шулеловъ II, 282.
 Шульманъ II, 516.
 Шумахеръ II, 502.
 Шутаревъ X. I, 91, 92.
 *
 Щелналовы II, 679.
 Щепинъ-Ростовскій кн. II, 272.

- Щербатовъ ген. II, 520.
 Щербатовъ кн. I, 505.
 Щербатовъ II, 156.
 Щербатовы I, 530.
 Щербачевъ Ю. Н. I, 629, 640, 641, 655.
- *
- Эверсъ г-жа 137, 139, 514, 540, 850; II, 739.
 Экартсгаузенъ г-нъ II, 675, 676.
 Эмме ген. II, 310, 314.
 д'Энтрегъ I, 124.
 Эпингеръ I; 610—612, 614, 615, 622, 809, 810, 814—816.
 Эрисманъ I, 12, 13, 16, 19, 23, 32.
 Эссенъ ген. II, 515, 516.
 Зтенгеймъ I, 128.
 Эшлиманъ А. К. I, 358.
 Эшлиманъ Е. К. I, 350.
 Эшлиманъ К. И. I, 327, 328, 348, 358.
 Эшлиманъ К. К. I, 227—359.
 Эшлиманъ М. К. I, 358.
 Эшлиманъ Э. К. I, 358.
- *
- Юдинъ II. I, 92, 168, 571; II, 108, 269, 582.
 Юзефовичъ г-нъ I, 584.
 Юнгъ-Шиллингъ I, 351.
 Юрьева А. Р. Ц. I, 455.
 Юсупова кн. I, 416, 423, 429, 521, 524, 530, 846, II, 110, 118, 746, 751.
 Юсуповъ Н. Б. кн. I, 467.
 Юсуповъ кн. I, 435, 464, 530, 544; II, 308, 331.
 Юсуповы кн. I, 623.
 Юшвиль кн. II, 320, 324.
 Юшневскій ген. II, 272.
- Яблоновскій С. II, 386.
 Яблочковъ I, 358.
 Языновъ II, 48.
 Яковлевъ С. В. I, 250.
 Яковлевъ I, 321, 322, 571.
 Якубовичъ кап. II, 273.
 Якушнинъ кап. II; 274.
 Янгальчевъ С. мурза I, 150—168.
 Янжуль И. И. I, 18, 19, 26, 45, 46, 72, 85.
 Янновичъ г.-м. I, 6; 548—552.
 Яновскій С. И. I, 735—737, 742, 749.
 Янтальцовъ полк. II, 274.
 Ярмолинская И. II, 254.
 Ясинскій I, 317.
 Яхимовичъ бар. I, 288.
 Яхимовичъ Г. мит. I, 380; II, 129.
 Яцемирскій I, 81.
 Ячменевъ М. II, 590.
- *
- Ведоровъ И. I, 459; II, 447—482.
 Ведотовъ О. I, 254.
 Феодоритъ Рязанскій архіен. I, 174.
 Федоръ Алексѣевичъ Царь II, 353—263, 376, 496.
 Феодоръ Ивановичъ Царь I, 170, 176.
 Феодоръ Царь I, 150, 153, 170, 171, 194, 196; II, 490.
 Феодосій архіен. I, 156.
 Феодосій еп. II, 578.
 Феодосія Алексѣевна царев. II; 489, 493—496.
 Феоктистовъ I, 191.
 Феоктистъ еп. Галицкій II, 230.
 Теофанъ (Прокоповичъ) еп. II, 163—265.
 Теофилактъ архим. Игнатьевскій II, 841.
 Томинъ И. I, 664.

Вышла изъ печати новая книга:

Владиміръ Андреевичъ Грингмутъ.

Очеркъ его жизни и дѣятельности.

Съ многочисленными рисунками въ текстѣ, двумя фансимиле, ПОРТРЕТОМЪ-ГРАВЮРОЙ и видомъ памятника (въ двухъ краскахъ) на отдѣльныхъ листахъ.

Цѣна 1 руб., роскошное изданіе на мѣловой бумагѣ 2 рубля.

Складъ изданія: Москва, Зубовскій бульваръ, д. 29, кв. 15, у Е. П. Матасовой.

Здѣсь же мож- **СОБРАНІЕ СТАТЕЙ В. А. ГРИНГМУТА** въ 4-хъ томахъ
но получать за 4 рубля.

Москва. Синодальная типографія. 1913 г.

ХVII-й годъ
изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 ГОДЪ НА

ХVII-й годъ
изданія.

ИЗВѢСТІЯ ПО ЛИТЕРАТУРѢ

НАУКАМЪ и БИБЛІОГРАФІИ

ВѢСТНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ

НЕОБХОДИМЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ИНТЕЛЛИГЕНТНЫХЪ ЧИТАТЕЛЕЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ Т-ВОМЪ М. О. ВОЛЬФЪ.

КАЖДЫЙ НУМЕРЪ ЗАКЛЮЧАЕТЪ ВЪ СЕБѢ:

1. Иллюстр. статьи по вопросамъ литературы, науки и библиографіи.	8. Хроника литературнаго міра въ Россіи.
2. Литературныя воспоминанія и біографіи, съ портретами, автографами и пр.	9. Русскія книжныя новости.
3. Критическіе очерки о новыхъ книгахъ и новыхъ течен. въ литерат. въ Россіи и за границею.	10. Вѣсти изъ Франціи, Германіи, Англіи и др. странъ.
4. Историко-литературныя изслѣдованія.	11. Россика (свѣдѣнія о переводахъ по иностран. яз.)
5. Статьи по техникумъ чтенія.	12. Новости по библиот. дѣлу и библиогр.
6. Обзоръ текущей литературы русской и иностранной.	13. Отзывы и рецензіи о новыхъ книгахъ.
7. Иллюстраціи: снимки съ выдающихся книгъ, портреты, виды, библиотечные знаки, каррикатуры и пр. и пр.	14. Справки, касающіяся книгъ.
	15. Ежемесячные каталоги новыхъ книгъ русскихъ, франц., нѣм., англ.
	16. Библиографическія извѣстія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: Систематическіе каталоги по разнымъ отраслямъ знаній, общимъ и спеціальнымъ, иллюстрированные проспекты новыхъ книгъ, анкеты по вопросамъ, касающимся чтенія литературы и пр.

1 Р. Годовая подп. цѣна „Извѣстій по ЛитературѢ“ и „Вѣстника Литературы“, съ дост. и перес. 1 Р. Съ перес. за границу—1 р. 50 к. (=4 франка).

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. ВОЛЬФЪ: въ С.-Петербургѣ: 1) Гост. дв., 18 и 2) Невскій пр., 13; въ Москвѣ: 1) Кузнецкій Мостъ, 12, д. Дямгаровыхъ и 2) Моховая ул., 22, д. Чижова и Нурындиной (противъ университета).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 ГОДЪ

ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО.

ДВА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЕ иллюстрированные журнала для дѣтен и юношества, основанные С. М. МАКАРОВОЙ и издаваемые подъ редакціей П. М. ОЛЬХИНА.

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-го НОЯБРЯ 1913 г.
ПЕРВЫЕ №№ ВЫСЫЛАЮТСЯ НЕМЕДЛЕННО.

Гг. годовые подписчики журнала «З. Сл.» для дѣтей

МЛАДШАГО ВОЗРАСТА

(отъ 5 до 9 лѣтъ) получать

52 №№ и 48 премій,

въ числѣ которыхъ:

БОЛЬШАЯ СТѢННАЯ КАРТИНА „ЦАРЕВИЧЪ УЧИТСЯ“, исполненная по оригиналу худ. К. Лебедева хромолитографіей въ краскахъ.

12 ЗАНИМАТЕЛЬНЫХЪ ИГРЪ, работы, рукодѣлій и т. п. для вырѣзыванія и склеиванія, въ видѣ раскрашенныхъ и черныхъ листовъ, а именно:

КЛОУНЪ БИЛЬБОКЕ. КАРУСЕЛЬ. ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ. ПОЛКА ДЛЯ ЦВѢТОВЪ. КУКОЛКИНЪ ЗОНТИКЪ. ТОЧИЛКА ДЛЯ КАРАНДАШЕЙ. ВЕРТЯЩИЙСЯ ПАЯЦЪ. ВОЗДУШНАЯ ДОРОГА. МАЛЕНЬКИЙ КОЛОДЕЦЪ. БУМАЖНАЯ КРѢПОСТЬ. ВСЯ КУХНЯ. НАША ДЕРЕВНЯ.

6 ТАБЛИЦЪ „ТЕАТРЪ ЗВѢРЕЙ ДЛЯ ЗАБАВЫ ДѢТЕЙ“, въ краскахъ, съ текстомъ В. Мазуркевича.

6 ВЫП. „БОЛЬШОЙ КОРОЛЬ“. Повесть-сказка Л. А. Чарской, съ иллюстр. И. Гурьева.

4 ВЫП. „МАЛЕНЬКІЙ СЧЕТЧИКЪ“, съ многими рис., составили Н. Анненскій и И. Гурвичъ.

8 ВЫП. „НОВЫЙ МУРЗИЛКА“. Приключенія дѣтен. человечковъ (Новая серія), съ рис. П. Кожа.

6 ВЫП. „МОЙ КИНЕМАТОГРАФЪ“, 100 картинокъ видовъ, сценъ и пр., съ краткимъ объяснительнымъ текстомъ.

4 КАРТИНКИ ДЛЯ РАСКРАШИВАНІЯ, для маленькихъ дѣтен съ образцами.

12 ВЫП. „МАЛЕНЬКІЙ ВСЕМІРНЫЙ ИСТОРИКЪ“. Составилъ С. Ф. Литвинцевъ, съ мног. рис.

КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТРЪ СКАЗОКЪ, пьеска съ декораціями, фигурами и пр. для вырѣзыванія и склеиванія.

6 ТЕТРАДЕЙ „ЗАЙМИСЬ ДРУЖОКЪ“. Запятія для дѣтен младшаго возраста.

6 КНИЖЕКЪ „ВЕСЕЛЫЙ МІРОКЪ“. Рисунки Бенжамена Рабье, тексты В. Мазуркевича.

АЛЬБОМЪ УЗОРОВЪ, для выкалыванія и вышиванія.

ШКОЛА НАЧИНАЮЩАГО РИСОВАЛЬЩИКА.

ПОДВИВЖНОЙ КАЛЕНДАРІКЪ СЪ БУМ. ЛЕНТАМИ.

и мног. друг.

Кромѣ того, при каждомъ изданіи будутъ высылаться «ДѢТСКІЯ МОДЫ»

и «ЗАДУШЕВНОЕ ВОСПИТАНІЕ».

Подписная цѣна каждаго изданія «Задушевнаго Слова», со всѣми объявленными преміями и приложеніями, съ доставкой и пересылкой, — за годъ **ШЕСТЬ руб.**

Допускается разсрочка на 3 срока: 1) при подпискѣ, 2) къ 1 февраля и 3) къ 1 мая — по **2 р.**

Съ требованіями, съ обозначеніями изданія (возраста), обращаться: въ конторы «ЗАДУШЕВНАГО СЛОВА», при книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ—С.—ПЕТЕРБУРГЪ:

1) Гостин. Дв., 18, или 2) Невскій, 13.

ЗА ГОДЪ—6 рублей, РАЗСРОЧКА—по 2 рубля.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 ГОДЪ
ЗАДУШЕВНОЕ СЛОВО.

ДВА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЕ иллюстрированные журнала для дѣтей и юношества, основанные С. М. МАКАРОВОЙ и издаваемые подъ редакціей П. М. ОЛЬХИНА.

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-го НОЯБРЯ 1913 г.
ПЕРВЫЕ №№ ВЫСЫЛАЮТСЯ НЕМЕДЛЕННО.

Гг. годовые подписчики журнала „З. Сл.“ для дѣтей

СТАРШАГО ВОЗРАСТА

(отъ 9 до 14 лѣтъ) получать

52 №№ и 48 ПРЕМИЙ,

въ числѣ которыхъ:

- 12 ТАБЛИЦЪ „ГРИБНОЕ ЦАРСТВО“ хромолитогр. альбомъ, съ объяснительн. текстомъ.
- 12 ВЫП. „ПИСЕМСКІЙ ДЛЯ ДѢТЕЙ“: Собрание избр. соч. знам. писат. подъ ред. Н. Лернера, съ илл. (Новая серія).
- 2 ВЫП. „АЛЬБОМЪ СОВИРАТЕЛЯ РѢДКИХЪ МАРОКЪ“, съ объяснительн. текстомъ.
- 8 ВЫП. „ВЕЛИКІЕ МІРА“: Галерея историческихъ лицъ, въ повѣствовательныхъ очеркахъ М. А. Лятскаго. Съ портретами, снимками съ картинъ и пр. (Новая серія).
- 12 ТАБЛИЦЪ въ краскахъ „ЧТО НАДО ЗНАТЬ КАЖДОМУ“: Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ, съ текстомъ проф. Бернарда Мейора.
- 6 ВЫП. „КНИГА НОВЫХЪ РАЗСКАЗОВЪ“, Л. А. Чарской, съ иллюстр.

12 №№ „ЗАДУШЕВНОЕ ЭХО“. Листокъ кружка корреспондентовъ и корреспондентокъ „Задущ. Слова“.

4 КНИЖКИ „БИБЛИОТЕКИ СПОРТА“, игры для юношества, а именно: ФУТБОЛЪ. КАТАНЬЕ НА КОНЬКАХЪ. СКАУТИНГЪ. ДОМИНО.

8 ВЫП. „ИСТОРИЯ КНИГИ ВЪ РОССИИ“, со врем. Петра Великаго, сост. С. Ф. Либровичъ, съ мног. илл.

10 ВЫП. „ЗНАМЕНИТЫЕ РУССКІЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ“. Биограф. очерки и рассказы Виктора Русакова, съ портр.

3 ВЫП. „АЛЬБОМЪ ЛЕГКИХЪ РУКОДѢЛІЙ“, съ объяснительнымъ текстомъ.

10 НОВЫХЪ ИГРЪ И РАБОТЪ, для вырѣзыванія, склеиванія и пр. для мальчиковъ и дѣвочекъ старш. возр.

4 КНИЖКИ „БИБЛИОТЕКИ ПОЛЕЗНЫХЪ ЗНАНІЙ“, для юношества, съ илл., а именно: КИНЕМАТОГРАФЪ. ТЕРРАРИУМЪ. ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ. ГЕРБАРИУМЪ.

10 ВЫП. „ТРЕТЬЯ КНИГА ЧУДЕСЪ“. Натаніэля Готорна съ илл. Гранвилля и др. худ.

СПУТНИКЪ ШКОЛЫ. Календарь и записная книжка для учащихся на 1914-15 уч. годъ въ изищи. колена. перепл. и мног. друг.

Кромѣ того, при каждомъ изданіи будутъ высылаться «ДѢТСКІЯ МОДЫ» и «ЗАДУШЕВНОЕ ВОСПИТАНІЕ».

Подписная цѣна каждаго изданія «Задущевнаго слова», со всѣми объявленными преміями и приложеніями, съ доставкой и пересылкой, — за годъ **ШЕСТЬ руб.**

Допускается разсрочка на 3 срока: 1) при подпискѣ 2) къ 1 февраля и 3) къ 1 мая — по 2 р.

Съ требованіями, съ обозначеніями изданія (возраста), обращаться: въ конторы «ЗАДУШЕВНАГО СЛОВА», при книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ—С.—ПЕТЕРБУРГЪ:

1) Гостин. Дв., 18, или 2) Невскій, 13.

ЗА ГОДЪ—6 рублей, РАЗСРОЧКА—по 2 рубля.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА НОВЫЙ (7-ОЙ) ГОДЪ ИЗДАНІЯ

сентябрь 1913—сентябрь 1914 г.

Е Ж Е М Ъ С Я Ч Н А Г О Ж У Р Н А Л А

„СВОБОДНОЕ ВОСПИТАНІЕ“.

(Органъ реформы школьнаго и семейнаго воспитанія и образованія.)

Подъ редакціей *И. ГОРБУНОВА-ПОСАДОВА.*

„Свободное Воспитаніе“ имѣетъ своею цѣлью разработку вопросовъ о такомъ воспитаніи и образованіи, которое основано на самодѣятельности, на удовлетвореніи свободныхъ запросовъ дѣтей и юношества и на производительномъ трудѣ, какъ необходимой основѣ жизни.

Въ связи съ основной задачей журнала стоятъ слѣдующія задачи: 1) разработка вопроса о реформѣ личной, семейной и общественной жизни въ смыслѣ измененія самыхъ условій воспитанія и 2) содѣйствіе защитѣ дѣтей отъ жестокости и эксплуатаціи.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Статьи по вопросамъ умственнаго, нравственнаго, физическаго, школьнаго и семейнаго воспитанія, образованія и самообразованія.—2) Статьи о семейной, школьной и общественной жизни съ точки зрѣнія интересовъ воспитанія и образованія.—3) Статьи о материнствѣ и воспитаніи ребенка въ первые годы жизни.—4) Статьи и очерки по вопросамъ защиты дѣтей отъ жестокости и эксплуатаціи.—5) Статьи о свободнообразовательныхъ начинаніяхъ.—6) Статьи и очерки по ручному труду (земледѣльческому и т. д.). 7) Очерки и статьи по природовѣдѣнію, устройству экскурсій и т. д.—8) Очерки по вопросамъ гигиѣны дѣтства и юношества. 9) «Изъ книги и жизни». Обзоръ журналовъ, книгъ и газетъ по вопросамъ воспитанія и образованія.—10) Переписка между родителями, воспитателями, учителями и вообще всѣми интересующимися вопросами реформы воспитанія и образованія.—11) Вопросы и отвѣты редакціи и читателей.—12) Библиографія.—Многія статьи иллюстрируются рис., изображающими передовыя школы, дѣтскія работы и т. д. и т. д.

СОТРУДНИКИ ЖУРНАЛА:

Въ журналѣ принимаютъ участіе: *И. А. Беневскій, Ю. П. Ватеръ, дръ А. С. Буткевичъ, К. П. Веплицъ, Ю. А. Веселовскій, Е. Е. Горбунова И. Горбуновъ-Посадовъ, А. А. Громбахъ, П. П. Гусевъ, А. Г. Дугре, дръ А. Дернова-Ярмоленко, С. П. Дурьминъ, А. У. Зеленко, А. С. Зоновъ, дръ Н. А. Кабановъ, О. В. Лайбанова, В. С. Киричко, А. Китаевъ, М. М. Ключковскій, А. И. Коншинъ, Н. Крунская, М. и С. Левинины, П. П. Никашидзе, Н. Оеттли, А. П. Печковскій, О. В. Полетаева, Е. П. Поповъ, А. Б. Петрищевъ, В. В. Петровъ, дръ В. В. Рагмановъ, Н. А. Рубакинъ, профес. И. Е. Рѣпинъ, П. М. Соловьевъ, Е. К. Соломинъ, Т. А. Сухомина, Е. Я. Фортунатова, дръ А. Фортунатовъ, Г. А. Фортунатовъ, Г. Г. Черкезовъ, С. Т. Шацкий, Л. К. Шлегель, дръ А. Шкаравъ и мн. др.*

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЧИТАЕТСЯ съ 1-го СЕНТЯБРЯ. ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На 1 годъ съ доставкой и пересылкой 3 руб., на полгода 1 р. 50 к. Для сельскихъ учениковъ съ доставкой и пересылкой на годъ — 2 руб., на полгода 1 руб. Подписка принимается—въ Москвѣ: въ конторѣ редакціи «Свободнаго воспитанія» (Дѣвичье поле, Трубешкой пер., д. 8).

Предыдущіе годы можно выписывать за 3 руб. каждый годъ съ пересылкой. Отдѣльные №№ 25 коп. безъ пересылки.

Издатель *А. Н. Коншинъ.*

Редакторъ *И. Горбуновъ-Посадовъ.*

Московская Синодальная типографія. 1913.

исторіи Крыма, помѣщенныхъ въ № 50 „Извѣстій“, чрезвычайно любопытны замѣтки проф. П. П. Веселовскаго о „Благословительной халифской грамотѣ 1779 года“, переводъ коей былъ помѣщенъ въ № 49 „Извѣстій“; въ замѣткѣ сей проф. Веселовскій поясняетъ кажущуюся странность султанской Инвеституры, явившейся слѣдствіемъ болѣзненнаго опасенія Россіи задѣть религиозное чувство инородцевъ; такимъ образомъ устраняется недоумѣніе, могущее быть у изслѣдователей исторіи Крыма по вопросу о Калифатѣ султана, виѣшие дѣйствительно несоотвѣтствовавшемъ условіямъ Кучукъ—Гайнарджійскаго мирнаго договора.

Примѣчательны документы сообщенные Л. М. Савеловымъ о наградахъ князю В. В. Голицыну и его сподвижникамъ за походъ въ Крымъ.

Большого вниманія заслуживаетъ статья Л. П. Колли „Хаджи Гпрей ханъ и его политика (по генуэзскимъ источникамъ)“. Взглядъ на политическія

сношенія Кафы съ татарами въ XV вѣкѣ“, заключающая въ себѣ рефератъ профессора Падуанскаго Университета Камилло Манфрони о походѣ и пораженіи Ломеллино въ 1434 году, источниками котораго служатъ изданныя генуэзскимъ историкомъ Коджіола (Coggiola) подлинныя записки Падуанскаго лѣтописца Андрея Гатари о походѣ Ломеллино въ Крымъ.

Кромѣ того въ сборникѣ помѣщены статьи А. А. Сергѣева „Посольство Амбросія Лодыженскаго и подьячаго Петра Данилова въ Крымъ въ 1613 году“ (къ 300-лѣтнему юбилею Царствованія Дома Романовыхъ); П. В. Маслова „Избраніе на Царство Михаила Ѳеодоровича Романова“, „Шѣнь о Крымскихъ событіяхъ“ Пр.-доц. Самойловича; „Крымско-Татарскія грамоты“ Проф. С. Д. Смирнова, и другія.

Къ сборнику приложены протоколы засѣданій и отчетъ Таврической Ученой Архивной Коммиссіи за 1912 годъ.

Отъ Редакціи.

По независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ собраніе статей и примѣчаній почившаго составителя Русскаго Архива Петра Ивановича Бартенева не можетъ быть напечатано полностью; взамѣнъ сего подписчикамъ будетъ разослана его книга «Пушкинъ въ Южной Россіи».

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

издаваемый Петромъ Бартевымъ (младшимъ).

1914-й годъ.

(годъ изданія 52-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1914 году, за двѣнадцать выпусковъ съ пересылкой и доставкой девять рублей, для чужихъ краевъ двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ въ конторѣ Русскаго Архива на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 21 (на дворѣ) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени.“

Контора открыта ежедневно кромѣ праздниковъ отъ 10 до 4 час. дня.

Книгопродавцамъ контора дѣлаетъ уступку 5%.

За перемѣну адреса тридцать копѣекъ.

Жалоба на неполученіе принимается лишь въ теченіе мѣсяца со дня выхода книжки, при чемъ жалобщики благоволятъ заявлять № своей бандероли, что и при перемѣнѣ адреса.

Въ конторѣ Русскаго Архива продаются 12 выпусковъ журнала за 1913 г., по цѣнѣ . . . . . 12 рублей.

Отдѣльные №№ за 1913 г., по цѣнѣ . . . . . 2 рубля.

Объявленія въ Русскомъ Архивѣ печатаются по цѣнѣ:

Впереди текста, страница	100 р.
$\frac{1}{2}$ стр.	50 р.
$\frac{1}{4}$ стр.	25 р.
Позади текста, страница	80 р.
$\frac{1}{2}$ стр.	40 р.
$\frac{1}{4}$ стр.	20 р.

Лицамъ печатающимъ объявленія многократно контора дѣлаетъ уступку.

Составитель и издатель Петръ Бартевъ (младшій).